This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ X. ІЮЛЬ. 1891 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

	СТРАН.
I. Кладъ. Романъ. (*Оконч.*). **Н. Ѳ. Бажина.**	3
II. Женскіе силуэты. Стихотворенія **В. Л. Величко**	55
III. Очерки средневѣковой жизни. (*Оконч.*) **П. В. Безобразова.**.	58
IV. Предъ Венерой Милосской. Стихотвореніе **гр. П. Д. Бутурлина.**	69
V. Моавъ. Разсказъ **Авреліена Шолля**	70
VI. Мицкевичъ, какъ первый профессоръ славянскихъ литературъ. **Н. Арепьева**	79
VII. На шахтахъ. Романъ **Е. С—видова**	85
VIII. Изъ старыхъ пѣсенъ. Стихотвореніе **О. И. Чюминой** . . .	150
IX. Долой оружіе! Романъ-хроника, **Берты фонъ-Зуттнеръ** . .	151
X. По Сѣверному Кавказу. (Изъ путевыхъ замѣтокъ). **М. Слобожанина.** (*Оконч.*)	264
XI. Изъ дневника. Стихотвореніе **А. В. Круглова**	290
XII Безпокойная дѣвушка. Разсказъ автора: «**Моли Баунъ**». Переводъ съ англійскаго	291

(См. на оборотѣ).

MF78

№ 7 «Наблюдателя» вышелъ 1-го іюля 1891 года.

Современное обозрѣніе.

СТРАН.

XIII. **Наши внутреннія дѣла.** 1

Новый законъ о маргаринѣ. — Его общій смыслъ и отдѣльныя постановленія.—Разборъ новыхъ правилъ о надзорѣ за маргариновымъ производствомъ.—Маргариновые контролеры.—Уловки маргаринщиковъ.—Мѣры къ ихъ обузданію.—Кустари и ихъ недоброжелатели.—Размышленія „современнаго россіянина“. — Эфирность его выводовъ.—Данныя о дѣятельности общества и правительства по развитію и поощренію кустарнаго производства.—На чемъ мы примиряемся съ авторомъ „Современной Россіи“?—Новый порядокъ примирительнаго производства.—Ожидаемыя послѣдствія.—Новыя правила относительно предупрежденія пожарныхъ несчастій и реорганизаціи страховаго дѣла.

XIV. **Политическая хроника** 13

Маленькія причины, ведущія къ важнымъ послѣдствіямъ.—Наслѣдникъ престола въ игорномъ домѣ.—Шулеръ, обвиняемый судомъ и оправдываемый общественнымъ мнѣніемъ. — Прекращеніе осаднаго положенія въ Ирландіи.—Шаткость положенія консервативнаго министерства. — Манипурскій раджа. — Какъ продали мелинитъ?—Процессъ Тюрпена. — Проэктъ пенсіонной кассы для французскихъ рабочихъ.—Деруледъ, оскорбляющій большинство, и палата, не довѣряющая министру. — Нѣмецкій законъ о пенсіяхъ и соціалисты.—Крахъ панамской компаніи.—Лесепсъ подъ судомъ.—Турецкіе разбойники.—Аудіенція самозваннаго князя у австрійскаго императора.—Чешская выставка. — Чешскій и русскій гимнъ. — Новый университетъ въ Швейцаріи. — Нѣмецкіе капиталисты, производящіе крушенія на желѣзныхъ дорогахъ.

XV. **Новыя книги:** 1) **Итальянское искусство** въ эпоху возрожденія. *А. фонъ-Фрикенъ*. Часть первая. Москва, 1891. 2) *Валеріанъ Свѣтловъ*. **Новеллы.** Спб. 1891; и 3) **По внушенію библіи.** Сборникъ библейскихъ стихотвореній. Составилъ *М. А. Соколовъ*. Тула. 1890 26

XVI. Новое оружіе противъ еврейскаго обмана. **А. П.** 32

XVII. Фонографъ. (Фельетонъ «**Наблюдателя**»). Стихотворенія: **Стараго Капрала** и **Спортсмена**. 48

XVIII. Объявленія.

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

№ 7. ІЮЛЬ.

ПРОВЕРЕНО
Книгохранилищ
1935 г.

116.680
1942

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Редакція и главная контора помѣщаются на углу Стремянной и Владимірской ул., № д. 1—6, кв. 14.

1891.

ТИПОГРАФІЯ С. ДОБРОДѢЕВА, КОВЕНСКІЙ ПЕР., СОБСТВ. ДОМЪ, № 14.

STACKS
STANFORD UNIVERSITY
AP50
N33
v.10
no.7
891

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЛИТЕРАТ.-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

ВЪ 1891 ГОДУ (ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ).

Журналъ издается подъ прежней редакціей, при участіи прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, **безъ предварительной цензуры.**

Въ журналѣ, за время его изданія, принимали участіе: Я. В. Абрамовъ, проф. И. Е. Андреевскій, Н. Ѳ. Бажинъ, П. В. Безобразовъ, В. И. Бибиковъ, П. Д. Боборыкинъ, графъ П. Д. Бутурлинъ, П. В. Быковъ, А. А. Быковъ, В. В., И. Ф. Василевскій (Буква), П. И. Вейнбергъ, В. Л. Величко, проф. В. П. Даневскій, Н. П. Дружининъ, Ю. Г. Зависѣцкій, проф. А. И. Загоровскій, П. В. Засодимскій, В. Р. Зотовъ, проф. А. А. Исаевъ, П. Ѳ. Каптеревъ, А. В. Кругловъ, В. А. Крыловъ, проф. Ѳ. И. Леонтовичъ, П. Лѣтневъ, С. В. Максимовъ, В. Л. Марковъ, Г. А. Мачтетъ, Н. Мизантроповъ, Н. Минскій, Д. Л. Мордовцевъ, П. О. Морозовъ, К. В. Назарьева, Вас. И. Немировичъ-Данченко, М. В. Неручевъ, Ф. Д. Нефедовъ, Л. И. Пальминъ, Л. К. Поповъ, Я. П. Полонскій, Ѳ. Э. Ромеръ, Г. П. Сазоновъ, В. Свѣтловъ, проф. В. И. Сергѣевичъ, Д. Сибирякъ, А. И. Скребицкій, В. К. Случевскій. А. В. Старчевскій, Д. И. Стахѣевъ, Н. Северинъ, Н. Сѣверовъ, Л. Н. Трефолевъ, проф. А. С. Трачевскій, Н. Флеровскій, К. М. Фофановъ, В. В. Чуйко, О. Н. Чюмина, А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ), І. І. Ясинскій и др.

«Наблюдатель» выходитъ ежемѣсячно, *1-го числа*, книгами отъ 25-ти до 30-ти печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	За годъ:		За полгода:
Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	6 р.
Съ доставкою въ Спб. . . .	13 р.	Съ доставкою въ Спб. .	6 р. 50 к.
Съ пер. въ др. мѣста имперіи	14 р.	Съ пер. въ др. мѣста Россіи	7 р.
Съ пересылкою за границу. .	17 р.	Съ пересылкою за границу	9 р.

Иногородные годовые подписчики „Наблюдателя“, желающіе получить **второе дополненное изданіе** монографій редактора: **„Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія“**, высылаютъ **16 р.** Городскіе и заграничные приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 2 рубля.

Уступка книгопродавцамъ—50 к. съ годоваго экземпляра.

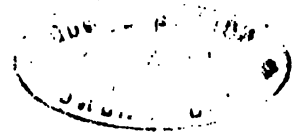
Разсрочка платы *допускается исключительно при подпискѣ черезъ Главную Контору*, причемъ вносится:

	при подпискѣ.	къ 1 мая.	къ 1 сент.
Безъ доставки. . . .	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою	6 р.	4 р.	3 р.
Съ пересылкою . . .	6 р.	5 р.	3 р.
Съ перес. за границу .	8 р.	5 р.	4 р.

Библіотеки и кабинеты для чтенія (а также и книжные магазины, при которыхъ они состоятъ) *пользуются разсрочкою платы подъ тѣмъ лишь условіемъ, если выписываютъ не менѣе 15-ти годовыхъ экземпляровъ.*

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (уголъ Стремянной и Владимірской ул., д. 1—6). Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія на почту только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала

Редакторъ-издатель А. П. ПЯТКОВСКІЙ.



КЛАДЪ.

Романъ.

IV.

Еще нѣсколько разъ Павелъ Андреевичъ заходилъ провѣдать Яшу и все таки не могъ застать его дома. „Нѣтъ Яши. Ушелъ Яша“, говорилъ его отецъ, и Павелъ Андреевичъ видѣлъ, что старикъ съ каждымъ днемъ становится спокойнѣе и спокойнѣе, очевидно начиная уже привыкать къ тому, что его сынъ не живетъ дома, а съ утра до ночи гдѣ-то бродитъ.

— Однако вы видите его или ужь совсѣмъ и не видите?

— Изрѣдка вижу. Я ему намекнулъ какъ-то, что съ его стороны несовсѣмъ хорошо возвращаться домой ночью и поднимать прислугу, которой довольно работы и днемъ. Съ тѣхъ поръ онъ возвращается акуратно въ то время, когда мы ложимся спать. Раза два я пробовалъ было заговорить съ нимъ... Да что!.. Все равно, не добьешься ничего. „Напрасно обо мнѣ безпокоитесь, папа. Я—ничего... Я теперь здоровъ. Я только хожу много. Вѣдь докторъ говорилъ, что мнѣ слѣдуетъ быть какъ можно больше на воздухѣ“... Вотъ и все. Да, по правдѣ сказать, пусть бы онъ бродилъ сколько угодно, если ему это нравится. Цвѣтъ лица у него сдѣлался лучше. Боюсь только, чтобы онъ, по своей разсѣянности, не попалъ какъ нибудь подъ лошадей или не свалился въ воду.

— Да, разумѣется же, не въ томъ дѣло, что онъ много ходитъ,—съ досадой сказалъ Павелъ Андреевичъ.—А отчего онъ бѣжитъ изъ дому? Отчего бѣжитъ ото всѣхъ? О чемъ онъ

думаетъ постоянно одинъ и одинъ?.. Не въ его ногахъ, а въ душѣ дѣло...

— Что же мнѣ-то съ этимъ дѣлать?—отвѣчалъ старикъ, разводя руками и досадуя, зачѣмъ человѣкъ безъ толку пристаетъ къ нему и напрасно бередитъ больное мѣсто, начавшее было подживать.

Но одинъ разъ онъ вышелъ на встрѣчу къ пришедшему Павлу Андреевичу опять совсѣмъ разстроенный и точно придавленный горемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ Яши!.. Плохую, братецъ, задачу задалъ мнѣ насчетъ его докторъ,—заговорилъ старикъ дрожащимъ голосомъ.—Выслушалъ онъ вчера все то, что я поразсказалъ ему о Яшѣ, и знаешь, что сказалъ мнѣ? „Я, говоритъ, не психіатръ, легко могу ошибаться. Но насколько я понимаю Яшу и его болѣзнь, боюсь,—не начинается ли у него меланхолія“... Вотъ, голубчикъ, какую чашу привелось мнѣ еще выпить! Помѣшательство, мрачное помѣшательство. Не живъ человѣкъ и не мертвъ... Есть сынъ и нѣтъ сына. Есть помѣшанный, которому ни до отца, ни до кого... нѣтъ дѣла,— прерывающимся голосомъ проговорилъ старикъ и вдругъ заплакалъ, всхлипывая, сморкаясь и какъ-то странно покачиваясь туловищемъ, точно женщина, укачивающая ребенка у своей груди.

У Павла Андреевича сжалось сердце. Ему стало невыразимо жаль Яшу, жаль и этого сѣдаго плачущаго старика съ мокрыми отъ слезъ морщинистыми щеками, но жалость къ дядѣ сейчасъ же прошла въ немъ и смѣнилась почти враждебнымъ чувствомъ. „Пройдетъ!“ съ горечью думалъ онъ. „Валентина Константиновна утѣшитъ!.. Понемногу привыкнетъ онъ даже къ помѣшательству сына, а потомъ, для успокоенія Валентины Константиновны, которая, конечно, будетъ очень бояться Яши, быть можетъ, свезетъ его въ сумашедшій домъ. Запретъ тамъ, чтобы онъ никого не могъ безпокоить. Отлично будетъ; никакихъ непріятныхъ задачъ тогда не останется“.

Отъ времени до времени Павелъ Андреевичъ бывалъ у Муравлева, но рѣдко и ненадолго. Онъ чувствовалъ, что хотя отношенія ихъ оставались по виду прежними, дружескими, но на самомъ дѣлѣ и онъ теперь смотритъ на Муравъ-

лева другими глазами, и Муравлевъ къ нему относится далеко не по прежнему. Тяжело поддерживать такія отношенія, скучно говорить о разныхъ пустякахъ, которые мало интересуютъ ихъ обоихъ, и молчать именно о томъ, что̀ одно только и важно для нихъ въ данное время. И къ чему молчать? приходило ему иногда въ голову. Но что же говорить? тотчасъ отвѣчалъ онъ самому себѣ. Охлажденіе, происшедшее между ними, произошло единственно изъ-за того, что онъ хоть и не прямо, но все таки достаточно опредѣленно далъ понять Муравлеву, что человѣку, у котораго въ недавнемъ прошломъ—преступленіе, а въ будущемъ, быть можетъ, и позоръ, не слѣдуетъ связывать свою судьбу съ судьбой такой дѣвушки, какъ Лиза. Муравлевъ понялъ и слишкомъ хорошо помнитъ это. Онъ, Павелъ Андреевичъ, съ своей стороны, не можетъ ни взять обратно свои слова, ни прибавить къ нимъ что нибудь новое, болѣе убѣдительное, — такъ къ чему же повторять то, что̀ уже было однажды сказано, выслушано и повело только къ тому, что испортило ихъ добрыя отношенія? Да и вообще, къ чему говорить объ этомъ теперь, когда еще ничего не рѣшено, не извѣстно, и Лиза, при всей своей благодарности и при всѣхъ своихъ дружескихъ чувствахъ къ Муравлеву, можетъ быть, и не помышляетъ выходить за него замужъ? Очевидно, что она, отчасти, слишкомъ мало знаетъ его,—если съ такою явною неувѣренностью спрашиваетъ другихъ людей: „онъ вѣдь, въ сущности, очень добрый человѣкъ?“—а отчасти смотритъ на него, какъ на человѣка изъ какого-то другаго, чуждаго міра.

Пробовалъ Павелъ Андреевичъ убивать время по прежнему у Обоянскаго, за картами, но оказалось, что и карты не могли разсѣять его. Ему вездѣ было тяжело и скучно. Онъ нигдѣ не могъ отдѣлаться отъ чего-то угнетавшаго его... онъ самъ не зналъ, отъ чего именно: не то отъ смутной и неопредѣленной тоски обо всемъ,—о Яшѣ, о самомъ себѣ, о своемъ одиночествѣ, о всей своей испорченной жизни,—не то отъ предчувствія или ожиданія чего-то... онъ самъ не могъ рѣшить: *чего*—того ли, что не сегодня-завтра откроется его преступленіе, или того, что скоро ему придется стать прямо во враждебныя отношенія къ Муравлеву, или, наконецъ, отъ какого нибудь еще новаго несчастія. Если несовсѣмъ хорошо

и спокойно, то все же сравнительно спокойнѣе и легче Павелъ Андреевичъ чувствовалъ себя у одной только Лизы. Онъ видѣлъ, что въ ней съ перваго же ихъ свиданія установилось доброе чувство къ нему, какъ къ старому другу, какъ къ человѣку, неожиданно явившемуся къ ней изъ того дорогаго ей прошлаго, которое она считала похороненнымъ все цѣликомъ. Лиза интересовалась даже мелочами его жизни. Она угадывала, что на его душѣ есть что-то очень печальное, постоянно угнетающее его,—какое нибудь горе, какъ ей думалось,—и видимо жалѣла его, задумываясь надъ вопросомъ: какое это у него горе, никому невѣдомое? Она умѣла его оживить, заставить разговориться, умѣла устроить какъ-то такъ, что ему вдругъ начинало казаться, будто его жизнь еще несовсѣмъ испорчена, будто ему можетъ открыться еще довольно сносное будущее. Правда, черезъ какой нибудь часъ, возвратившись къ себѣ домой, онъ съ горечью думалъ: ну, какое у него можетъ быть порядочное будущее? Съ чего ему снятся наяву такіе несообразные сны?.. Однако, эти сны наяву становились для него все дороже и дороже. Видѣться съ Лизой—становилось для него потребностью. День, два послѣ свиданія съ нею онъ переживалъ еще довольно терпѣливо, говоря самому себѣ, что не можетъ же онъ таскаться къ ней и надоѣдать ей такъ часто. Но потомъ, обыкновенно съ третьяго дня, его начинало будто тянуть къ ней. Не разъ бывало такъ, что онъ шелъ въ Кружную улицу, доходилъ почти до самаго дома, въ которомъ жила Лиза, и потомъ медленными, нерѣшительными шагами возвращался обратно домой, внушая себѣ, что ему, „вору,“, не слѣдовало бы вовсе показываться къ ней, но если ужь онъ не въ силахъ отказать себѣ въ этомъ, то долженъ, по крайней мѣрѣ, бывать у нея какъ можно рѣже.

Придя однажды къ Лизѣ, Павелъ Андреевичъ неожиданно встрѣтился у нея съ Муравлевымъ, и оба они въ одно и то же время подумали съ непріятнымъ чувствомъ, что нужно же имъ было прійти сюда непремѣнно сегодня. Какая досада! Теперь при третьемъ, постороннемъ, человѣкѣ, по всей вѣроятности, будетъ одна только скука, а если и не скука, то ужь во всякомъ случаѣ не будетъ того задушевнаго разговора, который возможенъ только тогда, когда люди говорятъ съ глазу на глазъ. Слѣдовательно, вечеръ можно считать потеряннымъ.

Вскорѣ послѣ Павла Андреевича пришла и Ольга Ѳедоровна. Сначала на нее не обратили было никакого вниманія и продолжали разговаривать. Но потомъ всѣмъ бросилось въ глаза, что она, какъ вошла изъ прихожей въ комнату, такъ сейчасъ же опустилась на стулъ, точно у нея подкосились ноги, и неподвижно сидѣла, закрывъ лицо руками.

— Ольга Ѳедоровна!.. Что съ вами?—съ тревогой спросила Лиза.

Ольга Ѳедоровна со вздохомъ отняла руки отъ своего поблѣднѣвшаго лица, на которомъ даже губы казались бѣлыми.

— Да не со мной... Ничего нѣтъ со мной... Охъ, Господи! Какія дѣла дѣлаются на свѣтѣ!.. И что только за люди нынче пошли,—дрожащимъ голосомъ, отрывисто говорила она, растерянно озираясь по сторонамъ и видимо все еще не приходя въ себя.—У Настасьи Аѳанасьевны... Всего только третьяго дня были у нея... въ карты играли, въ дурачки... что смѣху было... А сегодня у нея, знаешь, что случилось? Сейчасъ Ивана Петровича привезли мертваго. Богъ ему прости,—застрѣлился. Пишетъ, что растратилъ деньги.

Лиза сидѣла, замѣтно поблѣднѣвшая, съ нѣсколько сдвинутыми, будто отъ боли, бровями и не сказала ни слова. Павелъ Андреевичъ и Муравлевъ, послѣ небольшаго молчанія, спросили Ольгу Ѳедоровну: кто такой этотъ Иванъ Петровичъ? Молодой человѣкъ?.. Она, все еще смотрѣвшая блуждающими глазами и говорившая подавленнымъ, сдержаннымъ голосомъ,—точно этотъ застрѣлившійся человѣкъ былъ у нея передъ глазами,—разсказала, въ отрывистыхъ выраженіяхъ, кое-что о немъ и его семьѣ. Это старые, старые знакомые. Вонъ тамъ, черезъ два дома отъ нихъ... Мать, сынъ и двѣ дочери... Отецъ умеръ уже лѣтъ шесть. Мать—не старая еще женщина, лѣтъ пятидесяти, но болѣзненная... Одна дочь—учительницей въ подгородномъ селѣ... Другая служила на телеграфѣ, но весной, отъ простуды, оглохла на одно ухо и теперь лѣчится. Сынъ былъ самый старшій изъ дѣтей,—лѣтъ, должно быть, двадцать восемь ему было. Служилъ по земству... Былъ веселый, добрый, ласковый человѣкъ; всѣ его любили и никому бы въ голову не могло прійти, что онъ пойдетъ на такое страшное дѣло,—родной свой домъ польетъ своею кровью. Вѣдь одинъ онъ былъ у матери и у сестеръ!

Вѣдь любили онѣ его выше мѣры!.. Вѣдь самъ онъ зналъ, что онѣ готовы душу отдать за него, и самъ любилъ ихъ... Ради нихъ онъ и жениться не хотѣлъ никогда.

— Видно, однако, любилъ не такъ сильно, какъ намъ казалось,—съ горечью проговорила Лиза.—И характера у него не было. Не застрѣлился бы, еслибы было побольше характера и любви.

— Вѣрнѣе, не было чего-то другаго,—практической выдержки, что ли,—не умѣю это опредѣлить. Будь эта выдержка, не растратилъ бы онъ чужихъ денегъ. А что касается до характера, то развѣ мало его нужно, чтобы лишить себя жизни? Нѣтъ, характеръ у него былъ,—вскользь замѣтилъ Муравлевъ.

Павелъ Андреевичъ тоже подумалъ, что у этого застрѣлившагося бѣдняги несомнѣнно былъ характеръ. Однако онъ молчалъ, зная или—вѣрнѣе—чувствуя, что Лиза говоритъ и думаетъ теперь не столько объ этомъ Иванѣ Петровичѣ, сколько о своемъ старшемъ братѣ, который кончилъ жизнь при такихъ же точно условіяхъ: растратилъ деньги, застрѣлился и оставилъ любимыхъ и любящихъ мать и сестру. Что̀ тутъ возражать, когда каждое слово ея выстрадано, передумано въ теченіе многихъ лѣтъ да навѣрное и теперь еще мучительно бередитъ старую рану на сердцѣ.

— Ахъ, эти деньги... что эти деньги! Не въ деньгахъ дѣло!—отвѣчала она тихо, какъ будто съ досадой.—Конечно, это очень, очень нехорошо растратить чужія деньги... Никому не дѣлаетъ чести. Но вѣдь это же иногда бываетъ просто несчастіемъ, тяжелымъ стеченіемъ обстоятельствъ. Ну, увлекся человѣкъ чѣмъ нибудь... ну, запутался въ долгахъ у ростовщиковъ... ну, проигрался въ карты. Это вѣдь не богъ знаетъ что такое... не постоянное и обдуманное воровство изо дня въ день. Это можетъ случиться съ самымъ порядочнымъ человѣкомъ.

— Но разъ оно случилось,—разъ онъ растратилъ чужія деньги и не находитъ никакой возможности возвратить ихъ,—что̀ же ему остается больше дѣлать?

— Надо застрѣлиться?—спросила она все тѣмъ же тономъ и досады, и сердечной боли, и какъ будто какого-то пренебреженія.

Муравлевъ пожалъ плечами.

— По крайней мѣрѣ, не переживетъ своего позора... Люди скажутъ, что самъ онъ наказалъ себя выше мѣры, и—простятъ,—сказалъ онъ.

— И все?.. Люди тамъ что-то такое скажутъ и что-то простятъ... Да что они простятъ? То, что онъ взялъ чужія деньги? Ну, а то, что онъ,—какъ сказала Ольга Ѳедоровна,—облилъ кровью свой родной домъ... можетъ быть, убилъ мать, принесъ незабываемое во всю жизнь горе сестрамъ?.. Это люди забудутъ или, пожалуй, тоже простятъ?.. Рубли, деньги, сотни или тысячи растраченныхъ денегъ,—это они знаютъ и понимаютъ, а другаго ровно ничего не видятъ. Что человѣкъ заплатилъ своею жизнью за растраченныя деньги,—это люди понимаютъ, а что онъ сдѣлалъ неизмѣримо бо̀льшее преступленіе, лишивъ себя жизни,—это гдѣ же имъ понять?

— Да, конечно... Но что же дѣлать? Близкимъ людямъ этого человѣка точно также было бы тяжело, еслибы онъ остался жить. Съ такимъ клеймомъ—какая жизнь для человѣка, въ особенности, если онъ—и съ самолюбіемъ, и съ сердцемъ!—очень мягко возразилъ Муравлевъ, тоже, наконецъ, почувствовавшій и припомнившій, что рѣчь идетъ о вопросѣ, слишкомъ больно затрогивающемъ сердце Лизаветы Павловны.

— Да нѣтъ же, нѣтъ, совсѣмъ не точно также! Какъ вы не хотите этого понять?—отвѣчала Лиза, но не только не повысила голоса, а еще больше понизила его, почти до полушопота.—Если у человѣка, дѣйствительно, есть и самолюбіе, и сердце, а—главное—характеръ, никогда онъ такъ не поступитъ. Если съ нимъ случится такое несчастіе,—онъ пойдетъ и прямо скажетъ всѣмъ: я растратилъ, я укралъ; я знаю, что очень виноватъ... Что̀ ему тамъ назначатъ,—каторгу, ссылку,—онъ все приметъ, какъ должное, ничего не побоится и никуда не побѣжитъ отъ этого вашего „клейма“. Онъ будетъ помнить, что у него семья,—мать, сестры... Будетъ помнить, что у него впереди еще цѣлая жизнь,—достаточно времени, чтобы искупить вредъ, который онъ сдѣлалъ, и стереть это ваше „клеймо“, и заслужить себѣ общее уваженіе отъ всѣхъ людей, съ которыми ему приведется жить. И онъ это сдѣлаетъ, онъ все искупитъ... И люди, которые

знали и любили этого человѣка до его несчастія, полюбятъ его еще больше послѣ этого несчастія. Сначала, разумѣется, будетъ тяжело и горько, но потомъ все пройдетъ, залѣчится, будетъ еще лучше, чѣмъ было прежде. А теперь—подите, воскресите мертваго, подите, потрудитесь залѣчить горе, которое онъ оставилъ въ семьѣ,—сказала она, протягивая дрожавшую отъ волненія руку туда, гдѣ лежалъ теперь ея застрѣлившійся знакомый.

Съ минуту всѣ молчали. По морщинистому лицу Ольги Ѳедоровны, задумавшейся и объ этомъ сегодняшнемъ покойникѣ, и о покойномъ братѣ Лизы, и о многихъ другихъ, также печально погибшихъ людяхъ, медленно ползла слезинка. Муравлевъ сидѣлъ нахмуренный, сгорбившійся, постарѣвшій,—точно эта дѣвушка обвиняла не кого нибудь другаго, а именно его, и онъ не могъ произнести ни одного слова въ свое оправданіе. Павелъ Андреевичъ былъ еще блѣднѣе Лизы и глаза его блестѣли лихорадочнымъ свѣтомъ. Кажется, еслибы не цѣпи, которыми онъ былъ скованъ,—еслибы не Муравлевъ, не Щипачевъ,—онъ сегодня же, сейчасъ же сознался бы во всемъ... „Вотъ та прямая дорога, которую онъ тщетно разыскивалъ передъ тѣмъ какъ рѣшился на подкопъ,—вотъ она!“—думалъ онъ, въ безплодномъ порывѣ отчаянія стискивая и ломая подъ столомъ свои пальцы.

— А много вы, Лизавета Павловна, знаете такихъ людей?—спросилъ, наконецъ, Муравлевъ.

— Есть... Слышала,—равнодушно отвѣчала Лиза, не обратившая вниманія на иронію его вопроса и думавшая не столько объ этотъ спорѣ, сколько о тѣхъ трехъ несчастныхъ женщинахъ, что̀ убивались тамъ надъ трупомъ дорогаго имъ человѣка.—Да, вотъ, не очень давно сообщено въ нашей газетѣ, что въ полицію пришелъ какой-то плотникъ и заявилъ, что мѣсяца три назадъ, на масляной, онъ убилъ товарища. Поссорился въ нетрезвомъ видѣ, подрался и убилъ, хоть вовсе не хотѣлъ убивать. Никто его и не думалъ подозрѣвать, даже объ убійствѣ никто не зналъ,—всѣ думали, что человѣкъ просто утонулъ въ рѣкѣ,—а вотъ онъ пришелъ и повинился во всемъ, и по своей волѣ пошелъ и на судъ, и въ тюрьму, и въ ссылку... Этотъ съумѣетъ искупить свой грѣхъ“.

— Э, батюшка!—сказала, въ свою очередь, Ольга Ѳедоровна, вставая и собираясь опять идти къ семьѣ покойнаго.— Вонъ, въ церковкѣ каменныя плиты стерты колѣнками и лбами. Не объ одномъ только богатствѣ молятъ люди Бога, и о прощеніи своихъ грѣховъ молятъ тоже!

— Конечно, можетъ быть,—проговорилъ Муравлевъ, задумчиво и машинально смотря ей вслѣдъ, когда она уходила изъ комнаты.—Бываютъ и кающіеся люди, добровольно предающіе себя „въ руки правосудія“. Только очень, очень рѣдко... Всѣ вѣдь знаютъ, а если и не знаютъ прямо, то чувствуютъ, что это людское правосудіе затопчетъ ихъ. Затопчетъ, Лизавета Павловна! Всѣ, начиная отъ послѣдняго солдата при полиціи и кончая высокообразованнымъ прокуроромъ-обвинителемъ, сочтутъ до нѣкоторой степени своею обязанностью наступить ему своимъ грязнымъ сапогомъ на горло... А тамъ тюрьма... вѣдь вы знаете, что такое тюрьма... А тамъ перспектива заработывать себѣ черствый кусокъ хлѣба у добрыхъ людей, которые при всякомъ удобномъ случаѣ не преминутъ напомнить этому кающемуся человѣку, что—„молъ, ты, воръ! Ты въ тюрьмѣ доканчивалъ свое образованіе!“ Нѣтъ, Лизавета Павловна, лучше ужь застрѣлиться... По крайней мѣрѣ, не будутъ топтать ногами.

Лиза, грустно и все съ досадливо сдвинутыми бровями смотрѣвшая въ сторону, медленно повернула къ нему голову.

— А мать? А сестры? Вы опять забыли?.. Мать и сестры пусть тамъ справляются, какъ знаютъ, только бы его не безпокоили люди своими грязными сапогами?!—съ упрекомъ и горечью сказала она.—Но вѣдь я же именно съ того и начала, что, если этотъ несчастный не нашелъ ничего лучшаго, какъ застрѣлиться, то, значитъ, у него не было ни настоящей любви къ своимъ близкимъ, ни характера. Именно такъ оно выходитъ и по вашимъ словамъ. Выходитъ, что, главное, онъ испугался. Испугался не за мать и сестеръ, а за себя... испугался суда, тюрьмы, черстваго хлѣба и людскихъ грубостей. Въ полиціи и на судѣ обойдутся съ нимъ недостаточно вѣжливо. Въ тюрьмѣ—скверный воздухъ, сыро, холодно, грубая обстановка, грубые и жестокіе люди. А потомъ, человѣку, побывавшему въ тюрьмѣ, разумѣется, не предоставятъ какого нибудь виднаго и хорошо оплачиваемаго мѣста,—

дадутъ маленькое... съ черствымъ хлѣбомъ, съ мѣщанской обстановкой... Ахъ, Григорій Александровичъ! Знаете ли вы, какъ часто я задумывалась надо всѣмъ этимъ и, знаете ли, до чего наконецъ додумалась? Неужели чуть не всѣ мы, такъ называемые „образованные“ люди—до такой степени жалкіе люди, что для насъ нѣтъ ничего страшнѣе бѣдности и дороже такъ называемой „приличной“ и безбѣдной жизни въ приличной обстановкѣ? Неужели мы ради нея готовы продать себя, закабалить въ какую нибудь непріятную и нелюбимую работу, поддерживать постоянныя сношенія съ ненавистными людьми, украсть, пойти на какое нибудь другое преступленіе, пойти на что угодно? Неужели даже самую нашу жизнь, и ту мы, не задумываясь, разобьемъ сейчасъ же, какъ только увидимъ, что впереди у насъ „черствый кусокъ“ хлѣба, а не приличный обѣдъ въ приличной сервировкѣ?.. Ни характера, ни настоящей любви къ близкимъ людямъ, ни любви къ какому нибудь дѣлу? Точно пустые орѣхи! Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, не защищайте этого моего несчастнаго знакомаго. Его нельзя защищать...

— Конечно, его мать больше жаль,—согласился Павелъ Андреевичъ и всталъ, думая, что лучше будетъ уйти, такъ какъ Лиза, по всей вѣроятности, хотѣла бы навѣстить своихъ несчастныхъ знакомыхъ и, во всякомъ случаѣ, не въ такомъ она теперь настроеніи, чтобы занимать гостей.

Муравлевъ тоже всталъ.

— А вы все при своемъ?—спросила его Лиза.

— Что же спорить?—отвѣчалъ онъ, пожавъ плечами и проводя обшлагомъ рукава по шляпѣ.—Сильные, разумѣется, лучше слабыхъ. Но нужно же хоть немного пожалѣть и слабыхъ. Не они, я думаю, виноваты, что судьба не дала имъ сильнаго характера и не сдѣлала героями. А умирать и имъ тяжело. Повѣрьте! Герои рѣдки, а простыми слабыми смертными кишитъ міръ.

— Потомъ и ихъ пожалѣютъ, когда хоть немного забудется зло, которое они сдѣлали,—сказала Лиза, видимо тронутая и смягченная этими его словами.

Павелъ Андреевичъ и Муравлевъ вышли вмѣстѣ и пошли посерединѣ пыльной улицы, чтобы не идти по неудобнымъ невяннымъ мосткамъ, прерывавшимся передъ каждыми во-

ротами. Оба долго молчали, были задумчивы и видимо взволнованы.

— Съ каждымъ разомъ, какъ увидишься съ нею, чувствуешь себя все ниже, мельче, хуже по сравненію. Точно смотришь на нее изъ какой-то темной щели,—проговорилъ, наконецъ, Павелъ Андреевичъ.

— И, не смотря на это, съ каждымъ разомъ чувствуешь все сильнѣе, что смотрѣлъ бы на нее всегда и пошелъ бы за нею всюду!—вдругъ перебилъ его Муравлевъ и взглянулъ ему прямо въ глаза блестящими мрачными глазами.

Пасмурное лицо Павла Андреевича сдѣлалось еще пасмурнѣе. Онъ молчалъ нѣсколько времени, потомъ сказалъ довольно сурово и сухо:

— Однако, если дѣло становится такъ серьезно, надо же принять какія нибудь мѣры... порвать... Возьми отпускъ или прямо брось это свое мѣсто. Уѣзжай въ Петербургъ, за границу.

— Куда угодно... только за нею, если она вздумаетъ уѣхать,—съ мрачною ироніей отвѣчалъ Муравлевъ.

— Но неужели же ты, даже послѣ этого сегодняшняго разговора, не видишь, что между вами ничего не можетъ быть общаго и не должно быть?

— Я ничего не вижу! Не могу видѣть и, прибавлю еще для большей убѣдительности,—не хочу видѣть!

— Хочешь ли, не хочешь ли, ты долженъ видѣть. Долженъ!—настойчиво повторилъ Павелъ Андреевичъ.

— Прощай! — вдругъ сказалъ Муравлевъ и, взглянувъ бѣглымъ, лихорадочно блестѣвшимъ взглядомъ на удивленнаго этою неожиданностью товарища, сухо кивнулъ ему головой и свернулъ въ первую попавшуюся незнакомую улицу.

Павелъ Андреевичъ на нѣсколько секундъ растерянно остановился и смотрѣлъ ему вслѣдъ, будто ожидая, что Муравлевъ сейчасъ же воротится, но потомъ отвернулся и медленно пошелъ дальше, взволнованный, разстроенный, почти взбѣшенный. Оба они не хотѣли ссориться и всѣми силами старались удержаться въ дружескихъ отношеніяхъ, но вражда какъ-то сама собою втѣснялась между ними и совершенно помимо воли заставляла ихъ говорить рѣзче, смотрѣть другъ на друга холоднѣе и непріязненнѣе, чѣмъ они намѣревались.

„А! ты не хочешь ни говорить, ни слушать объ этомъ! Однако, голубчикъ, я все таки найду случай повторить тебѣ, что ты долженъ отказаться отъ нея!“—гнѣвно думалъ онъ и вдругъ вздрогнулъ, почувствовавъ, что кто-то остановился передъ нимъ, немного сбоку, и что-то говоритъ ему.

— Здравствуйте, Павелъ Андреевичъ!

Передъ нимъ стояла Ольга, любовница Муравлева. Высокая, полная, стройная, съ нѣсколько грустнымъ выраженіемъ въ глазахъ, замѣтно похудѣвшая съ того времени, какъ Павелъ Андреевичъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ, она показалась ему теперь еще красивѣе и симпатичнѣе, чѣмъ прежде, хотя онъ всегда чувствовалъ къ ней расположеніе, какъ къ доброй и простой бабѣ. Ненавидѣвшая корсеты, она была, однако же, въ корсетѣ,—потому что Муравлевъ не любилъ видѣть ее безъ него,—въ соломенной шляпѣ съ широкими полями, въ простенькомъ, но прекрасно сшитомъ шерстяномъ платьѣ, въ сѣрыхъ перчаткахъ, и вообще одѣта именно такъ, какъ ей слѣдовало одѣваться, по мнѣнію ея бывшаго любовника. Павелъ Андреевичъ замѣтилъ всѣ эти мелочи съ перваго взгляда, и онѣ почти растрогали его.

— Похудѣли, похудѣли, Ольга Васильевна, — дружески сказалъ онъ. — Но какъ вы попали въ эту Кружную улицу? И пѣшкомъ... Неужели вы стали дѣлать теперь такія дальнія прогулки?

— Нѣтъ, гдѣ ужь мнѣ: лѣнива я на такія прогулки,— отвѣчала она своимъ груднымъ, мягкимъ голосомъ, такъ нравившимся Павлу Андреевичу.—Теперь я здѣсь живу. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Григорій Александровичъ разошелся со мной... Давно ужь что-то...

— То есть, это только вамъ кажется, что давно.

— Да нѣтъ, и въ самомъ дѣлѣ что-то давно... Мѣсяца два, должно быть... Право, ужь не знаю, говорить ли за это спасибо Григорію Александровичу, жаловаться ли на него, только онъ не сталъ скрываться отъ меня и тянуть время. Какъ что было, такъ все и сказалъ. Пріѣхалъ какъ-то задумчивый такой, сѣлъ къ столу, посмотрѣлъ на меня пристально и говоритъ: „Ну, милая, не думалъ я, чтобы въ мои годы вышла со мной такая исторія, однако вышла. Влюбился я. Правъ былъ Павелъ Андреевичъ, когда предсказы-

валъ, что если я до этого времени ни въ кого не влюблялся, то худо мнѣ будетъ потомъ: влюблюсь безъ ума, какъ мальчишка. Такъ и вышло"... Ну, у меня, разумѣется, слезы градомъ... и говорить ничего не могу. А онъ ходитъ, ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ, погладитъ меня по головѣ, скажетъ: „Что же мнѣ дѣлать, глупая? Вылѣчи, если можешь. Спасибо скажу"... и опять примется ходить. „Женитесь?"— спрашиваю его.—Женюсь, если пойдетъ. „Богатая она?"— Бѣднѣе тебя...—Признаться сказать, я нарочно и переѣхала сюда, чтобы поближе разузнать и разспросить, кто это такая околдовала его,—откровенно прибавила она, украдкой вытирая подъ широкими полями шляпы навернувшіяся слезы.

— И что же?—спросилъ Павелъ Андреевичъ.

— Да что?.. Правду надо сказать: ни отъ кого и ничего дурнаго я о ней не слышала, хоть всѣ ее здѣсь знаютъ, — съ подавленнымъ вздохомъ и безнадежнымъ взглядомъ отвѣчала она.—Все одно хорошее говорятъ... Ну, что же дѣлать? Да если разсудить по справедливости, такъ, пожалуй, Григорію Александровичу такая жена и нужна. Что я была ему? Придетъ, бывало, невеселый и озабоченный, а я не придумаю, съ какой стороны и подойти къ нему. Ничего я не знаю: ни людей, съ которыми ему приходится жить, ни дѣлъ его, ни порядковъ, какіе у васъ тамъ заведены. „Ничего, ты, говоритъ, не понимаешь"... И правда, что ничего не понимаю.

— Какъ же, однако, думаете вы устроиться? — спросилъ Павелъ Андреевичъ.

— Сама еще не знаю хорошенько; все не могу прійти въ себя... Да это что!.. Вотъ недавно приглашали меня поступить продавщицей въ магазинъ, можетъ быть, и поступлю потомъ. Да это все пустое. Хоть я избаловалась и облѣнилась за послѣдніе годы, а все жъ прокормить себя съумѣю: не семья у меня на плечахъ. Одна голова не бѣдна, а и бѣдна, такъ одна!

— Знаете, что я вамъ скажу, Ольга Васильевна? — сказалъ на прощанье Павелъ Андреевичъ. — Вы—такая милая женщина, что, вѣроятно, въ самомъ недолгомъ времени найдутся люди, которые безъ ума влюбятся въ васъ и будутъ вамъ предлагать и сердце, и руку. Выдете себѣ замужъ и

отлично будете жить да поживать. Отъ души желаю вамъ этого.

— Ну, тамъ что будетъ... Когда-то еще кто надумается жениться на мнѣ; а вотъ вы мнѣ скажите лучше: скоро ли женится Григорій Александровичъ?—спросила она, понизивъ голосъ и придержавъ въ своей рукѣ руку собравшагося идти дальше Павла Андреевича.

Улыбавшееся и оживленное лицо его опять омрачилось. Онъ задумался, потомъ посмотрѣлъ многозначительнымъ взглядомъ въ глаза Ольги Васильевны и тихо проговорилъ:

— Не знаю, скоро ли... Да, можетъ быть, онъ и совсѣмъ на ней не женится...

Приподнявъ еще разъ шляпу, онъ пошелъ было дальше по улицѣ, но сейчасъ же обернулся на ходу къ Ольгѣ Васильевнѣ, точно окаменѣвшей въ радостномъ недоумѣніи, и также многозначительно повторилъ:

— Очень можетъ быть, что это не состоится!

Но почти тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ, какъ онъ сказалъ это, ему сдѣлалось уже досадно, что у него вырвались эти слова. Къ чему было говорить это? Не слѣдовало въ Ольгѣ, очевидно начинавшей уже нѣсколько успокоиваться и примиряться съ своею судьбою, пробуждать надежды, которыя, можетъ быть, и не осуществятся. Не слѣдовало,—хотя бы и въ самой неопредѣленной формѣ,—намекать постороннему человѣку на то, о чемъ Муравлевъ не можетъ не только говорить, но даже слышать и думать равнодушно. Положимъ, Ольга несовсѣмъ посторонній человѣкъ для Муравлева, и Муравлевъ самъ сказалъ ей, что еще не знаетъ, пойдетъ ли за него Лиза, но все таки Павлу Андреевичу не слѣдовало говорить съ такимъ подчеркиваніемъ, что эта женитьба, очень можетъ быть, не состоится. Не слѣдовало отчасти и потому, что теперь Ольга будетъ строить всевозможныя догадки объ отношеніяхъ между Лизой и Муравлевымъ и примется съ новымъ интересомъ слѣдить за ними.

Недовольный собой, чувствуя себя виноватымъ передъ своимъ товарищемъ, Павелъ Андреевичъ думалъ о немъ уже далеко не такъ непріязненно, какъ съ полчаса назадъ. Сами собою, одни за другими припоминались ему слова, въ которыхъ Муравлевъ сообщилъ Ольгѣ, что полюбилъ другую жен-

щину. „Никогда не думалъ, что въ мои годы случится такая исторія... Влюбился, какъ мальчикъ, безъ ума... Что же мнѣ дѣлать съ этимъ? Вылѣчи, если можешь; скажу: спасибо“... И, по мѣрѣ того какъ онъ вспоминалъ эти слова и всѣ подробности объясненія Муравлева съ Ольгой, въ немъ все сильнѣе пробуждались прежнія добрыя чувства къ старому товарищу. Что, въ самомъ дѣлѣ, дѣлать ему съ своимъ сердцемъ? Вѣдь это даже не любовь, а страсть, которая не хочетъ знать никакихъ доводовъ разсудка и такъ называемыхъ совѣтовъ благоразумія. Вѣдь онъ и самъ сказалъ, что влюбился „безъ ума“... Что же отъ него требовать?

Но скоро мысли его перешли къ Лизѣ, и, по мѣрѣ того какъ ея образъ становился въ его воображеніи рядомъ съ образомъ Муравлева, добрыя чувства Павла Андреевича къ товарищу точно таяли въ его душѣ и опять замѣнялись непріязнью и гнѣвомъ.

V.

На другой день, подъ вечеръ, Павелъ Андреевичъ, возившійся въ саду, вдругъ увидѣлъ, что съ террасы идетъ къ нему Муравлевъ. Павелъ Андреевичъ пошелъ къ нему навстрѣчу.

— Прямо изъ банка?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, изъ дому. Пообѣдалъ дома, потомъ поѣхалъ къ тебѣ,—отвѣчалъ Муравлевъ и, взглянувъ на свои часы, продолжалъ:—Уже пять часовъ. Впрочемъ и то нужно сказать, что я торопился, хотя и самъ не знаю зачѣмъ: ушелъ изъ банка раньше обыкновеннаго, пообѣдалъ наскоро... По правдѣ говоря, у меня не выходилъ изъ головы нашъ вчерашній коротенькій разговоръ, и мнѣ было очень непріятно, что я вчера убѣжалъ отъ тебя, ничего не отвѣтивъ на твои слова и, кажется, даже не простившись съ тобой. Пожалуйста, не сердись на меня. Въ послѣднее время, я вообще нахожусь несовсѣмъ въ нормальныхъ чувствахъ, а вчера... ты самъ долженъ былъ понять, что я не могъ чувствовать себя очень хорошо и спокойно послѣ всего того, чего наслушался отъ Лизаветы Павловны. Вѣдь, въ сущности, она меня хлестала, какъ

бичемъ, по лицу. Положимъ, въ этомъ было своего рода наслажденіе, и я готовъ былъ цѣловать этотъ хлыстъ... однако же, нельзя требовать, чтобы я послѣ этой операціи сохранилъ все свое благоразуміе.

— Я понимаю... Тѣмъ болѣе, что она хлестала не одног тебя... Нѣтъ, я не сержусь на тебя за это,—сдержанно проговорилъ Павелъ Андреевичъ.

— Но ты сердишься на меня за что-то другое. Именно... Недоразумѣнія возникли между нами не со вчерашняго дня и вовсе не оттого, что я ушелъ, не простившись съ тобой. Я думалъ объ этомъ вчера и сегодня, и пришелъ наконецъ къ тому заключенію, что,—вмѣсто того чтобы избѣгать объясненій и молча сердиться другъ на друга,—не лучше ли будетъ, если мы выскажемъ откровенно все, что́ думаемъ? Не договоримся ли мы до чего нибудь и не выяснимъ ли самимъ себѣ тотъ вопросъ, который насъ разъединяетъ?.. Хотя, по правдѣ сказать, для меня онъ такъ ясенъ, что двухъ взглядовъ на него не можетъ и быть.

— И для меня тоже другаго взгляда не можетъ быть,— сказалъ Павелъ Андреевичъ.

Наступило молчаніе. Опять въ нихъ поднялось непріязненное чувство другъ къ другу, начавшее какъ будто разсѣиваться въ виду предстоящаго откровеннаго объясненія и тотчасъ же возникшее снова, какъ только было произнесено первое лишнее и необдуманное слово, дававшее понять, что изъ этого объясненія ничего не можетъ выйти. Оба они въ одно и то же время думали, что если каждый изъ нихъ держится такъ упрямо за свое мнѣніе, то къ чему же даромъ терять слова и пробовать переубѣдить человѣка, который не хочетъ быть переубѣжденнымъ.

— Впрочемъ, такъ оно и должно быть,—медленно проговорилъ наконецъ Муравлевъ.—Было бы странно, еслибы мы начали отказываться отъ своего мнѣнія, прежде чѣмъ познакомились съ мнѣніемъ другаго... Насколько я могъ понять изъ твоихъ отрывочныхъ словъ или, вѣрнѣе, намековъ, твое мнѣніе заключается въ томъ, что между мной и Лизаветой Павловной не должно быть ничего болѣе тѣснаго, чѣмъ обыкновенное знакомство. Я не долженъ и думать о женитьбѣ на ней.

— Да, не долженъ.

— „Да, не долженъ“,—точно „да, виновенъ“, какъ говорятъ присяжные на судѣ,—съ блѣдною усмѣшкою сказалъ Муравлевъ.—И не долженъ я думать объ этомъ потому, что въ моемъ недалекомъ прошломъ былъ такой фактъ, послѣ котораго, по твоему мнѣнію, мнѣ не слѣдовало бы не только входить въ болѣе близкія отношенія съ порядочными людьми, но даже,—какъ ты выразился однажды,—просто знакомиться съ ними. Не такъ ли?

— Да. Но не тебѣ одному. И мнѣ тоже.

— Положимъ, что и тебѣ тоже. Все равно. Мнѣ отъ этого не легче... Теперь я предложу тебѣ вопросъ такого рода: еслибы я познакомился съ Лизаветой Павловной за годъ, за два до этого несчастнаго факта, и думалъ бы на ней жениться въ то время,—ты, по всей вѣроятности, не могъ бы тогда возставать противъ моего намѣренія?

— Конечно. Что же я могъ бы тогда говорить противъ этого?

— Слѣдовательно, все дѣло заключается въ одномъ только *этомъ* несчастномъ фактѣ, который былъ, прошелъ и скоро будетъ забытъ всѣми. И вотъ, чего я рѣшительно не могу понять: какое вліяніе этотъ единственный и совершенно случайный фактъ можетъ имѣть на мои отношенія къ Лизаветѣ Павловнѣ? Что онъ некрасивъ самъ по себѣ, объ этомъ нечего, разумѣется, и говорить. Но я повторяю тебѣ еще и еще разъ: неужели онъ измѣнилъ меня до такой степени, что изъ сравнительно порядочнаго человѣка я вдругъ превратился въ такого отъявленнаго негодяя, которому нѣтъ мѣста подлѣ порядочныхъ людей. Развѣ я сдѣлался съ того времени атаманомъ грабителей и воровъ? До послѣдней степени измошенничался, изолгался и постоянно дѣлаю всевозможныя мерзости? Вѣдь ничего подобнаго нѣтъ. Мнѣ кажется даже, что послѣ того несчастнаго факта я сдѣлался много лучше, чѣмъ былъ прежде, потому что теперь во мнѣ меньше самомнѣнія, гордости, пренебреженія къ моимъ ближнимъ. Вообще я сдѣлался снисходительнѣе и добрѣе, но на этомъ я, пожалуй, не буду настаивать. Буду настаивать только на томъ, что если я прежде былъ не особенно дурнымъ человѣкомъ, то такимъ же точно остался и теперь. Слѣдовательно, если прежде для

меня было позволительно сойтись съ нравящейся мнѣ дѣвушкой, то ровно столько же позволительно это и теперь.

Говоря очень тихо, они ходили взадъ и впередъ по длинной и довольно широкой аллеѣ, обсаженной яблонями. Павелъ Андреевичъ, уже нѣсколько разъ вглядывавшійся съ недоумѣніемъ въ Муравлева, наконецъ остановился и пристально посмотрѣлъ или, вѣрнѣе, осмотрѣлъ его. Что онъ? шутитъ? вздумалъ дурачить его? Или, какъ страусъ, прячетъ свою голову и воображаетъ, что если онъ ничего не видитъ, то и другіе тоже?

— Что ты осматриваешь меня такъ сурово?—спросилъ Муравлевъ съ легкой, чуть замѣтной усмѣшкой.

— А, ты, кажется, шутишь. Я такъ и думалъ, что ты шутишь,—угрюмо проговорилъ Павелъ Андреевичъ.

— Нисколько. Я говорю совершенно серьезно. Но долженъ же ты согласиться, что какъ-то странно перечислять серьезнымъ тономъ собственныя свои добродѣтели.

— Не было никакой надобности перечислять ихъ. Кажется, я не отецъ и не опекунъ Лизы, чтобы взвѣшивать твои добродѣтели.

— Однако, если ты почти что запрещаешь мнѣ добиваться ея руки, то... выходитъ что-то въ родѣ опекуна.

Все больше и больше раздражавшійся нѣсколько насмѣшливымъ тономъ Муравлева, его усмѣшкой, взглядомъ, Павелъ Андреевичъ холодно посмотрѣлъ на него и сказалъ еще холоднѣе:

— Лиза—совершеннолѣтняя. Она сама съумѣетъ оцѣнить тебя по достоинству... разумѣется, если отъ нея не будетъ ничего утаено. И самое лучшее,—вмѣсто того чтобы описывать мнѣ свои добродѣтели,—поди и разскажи ей все, не исключая, конечно, и того, что ты называешь „несчастнымъ фактомъ“. Поди...

— Зачѣмъ я буду говорить ей объ этомъ?—спросилъ Муравлевъ, переставъ улыбаться.

— Какъ зачѣмъ? Да затѣмъ, чтобы она не была введена въ заблужденіе, чтобы она заранѣе знала, что такое ты сдѣлалъ и что можетъ ожидать ее и тебя впослѣдствіи. Иначе, если, черезъ нѣсколько лѣтъ или мѣсяцевъ послѣ вашей свадьбы, откроется все, что ты называешь „несчастнымъ фак-

томъ", то вѣдь это будетъ для твоей жены смертельнымъ ударомъ.

— Какъ же онъ можетъ открыться?—тихо проговорилъ Муравлевъ.

— Ты, кажется, опять таки шутишь?—спросилъ Павелъ Андреевичъ.

— Нѣтъ, я говорю совершенно серьезно. Я не могу себѣ представить, какимъ образомъ эта исторія можетъ обнаружиться.

— Слѣдовательно, ты никогда не думалъ объ этомъ серьезно?

— Думалъ много, часто,—и рѣшительно отказываюсь допустить, чтобы эта исторія могла обнаружиться.

— Отказываешься допустить! Но ты знаешь ли, что̀ нужно для того, чтобы она обнаружилась?—почти вскричалъ Павелъ Андреевичъ, опять остановившись и смотря сверкающими глазами на Муравлева.

— Я думаю, многое... Почти чудо. Какой нибудь необычайный, изъ ряда вонъ выходящій, случай.

— Только подозрѣніе!.. Совершенно достаточно одного только подозрѣнія, чтобы тотчасъ же открылось все, все!...

— Какимъ образомъ?

— Сейчасъ я тебѣ объясню, какимъ,—отвѣчалъ Павелъ Андреевичъ и, закуривъ папиросу, продолжалъ тихимъ, неровнымъ отъ волненія голосомъ:—Какъ только явится подозрѣніе, тотчасъ же будетъ найдено начало нити, не такой, о какой говорилъ твой отецъ, а настоящей, по которой не особенно трудно добраться до самого клубка. Прежде всего, разумѣется, примутся разузнавать,—гдѣ я былъ въ продолженіе всего того времени, когда велся подкопъ, и, такъ сказать, наканунѣ его. Узнаютъ или не узнаютъ, что я былъ въ N., у Щипачева, это трудно предугадать, да это и не важно. Но что я былъ въ Москвѣ,—это знаютъ многіе, и, по всей вѣроятности, съ Москвы и начнутся розыски. Разыщутъ гостинницу, въ которой я останавливался. Это не трудно сдѣлать. Какъ скоро она будетъ разыскана, тотчасъ же откроется, что я почти все время былъ вмѣстѣ со Щипачевымъ и ни съ кѣмъ другимъ не видѣлся. Дальше, какъ тебѣ извѣстно, послѣ подкопа остались и были забраны полиціей разные инструменты,—заступы, топоры, пилы и нѣ-

которыя другія вещи. Людямъ, которые поведутъ это дѣло, придется обойти извѣстное число лавокъ въ Москвѣ и доискаться, какого приблизительно числа были куплены эти вещи. По всей вѣроятности, и это будетъ открыто безъ большаго труда. Тогда останется только показать прикащикамъ этихъ лавокъ меня со Щипачевымъ или наши карточки,—и добрая, самая важная половина дѣла будетъ сдѣлана. Съ совершенно спокойною совѣстью могутъ насъ взять и посадить подъ замокъ.

Закуривъ на ходу початую папиросу, онъ пристально взглянулъ на своего товарища. Муравлевъ шелъ, повѣсивъ голову и опустивъ внизъ глаза, однако же совершенно спокойный, скорѣе, пожалуй, со скучающимъ, чѣмъ съ озабоченнымъ видомъ.

— Дальше... насъ, по всей вѣроятности, спросятъ прежде всего: гдѣ были мы въ теченіе тѣхъ нѣсколькихъ дней, когда производился подкопъ? Конечно, на самомъ дѣлѣ, я не доживу ни до тюрьмы, ни до этого вопроса. Но, — еслибы мнѣ, по какой нибудь несчастной случайности, не удалось покончить съ собой вò-время, — чтò могъ бы я отвѣтить на этотъ вопросъ? Чтò могъ бы отвѣтить на него Щипачевъ? Одно развѣ то, что мы, ради удовольствія, катались взадъ и впередъ по желѣзнымъ дорогамъ, нигдѣ не останавливаясь?.. Въ довершеніе всего, когда Щипачева представятъ тѣмъ людямъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло во время подкопа,— вѣдь они же немедленно признаютъ его. Скажутъ только, что прежде у него была борода, которой теперь нѣтъ, да былъ другой костюмъ. Вотъ и все. Все будетъ раскрыто, все, до послѣдней детали!..

Муравлевъ помолчалъ нѣсколько времени и потомъ спросилъ:

— Теперь ты все высказалъ?

— Можно было бы сказать еще кое-что, но, мнѣ кажется, достаточно и этого. Или ты находишь, что этого слишкомъ мало?..

Муравлевъ пожалъ плечами.

— Перспектива непріятная... безспорно,—сказалъ онъ.— Не стану отрицать, что все это правдоподобно и возможно, хотя врядъ ли можетъ сдѣлаться такъ легко, какъ дѣлается

въ твоемъ описаніи. Но я все таки никакъ не могу понять одного: какое отношеніе можетъ имѣть все это ко мнѣ?..

Павелъ Андреевичъ съ недоумѣніемъ и вопросительно взглянулъ на него.

— Новаго ты не сказалъ мнѣ ничего. Обо всемъ этомъ я думалъ уже не одинъ разъ, все это я принималъ въ разсчетъ, взвѣшивалъ... Но вѣдь все это скользитъ мимо меня, ничуть не задѣвая. Я въ Москвѣ не былъ, лопатъ не покупалъ, во время подкопа находился не въ безвѣстномъ отсутствіи, а сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, у всѣхъ на виду...

Павелъ Андреевичъ до такой степени не ожидалъ отъ Муравлева ничего подобнаго этой,—какъ ему казалось,—жалкой увертки, что нѣсколько времени не могъ прійти въ себя отъ изумленія и сказать хоть что нибудь. Онъ сѣлъ на скамейку къ большому некрашеному столу, стоявшему посреди аллеи, и, слегка усмѣхаясь, смотрѣлъ на Муравлева не то съ досадой, не то съ сожалѣніемъ. Муравлевъ прислонился спиной къ молодому деревцу и тихо покачивался вмѣстѣ съ нимъ, упорно не поднимая опущенныхъ въ землю глазъ, нахмуренный, нѣсколько блѣдный.

— Слѣдовательно, ты считаешь себя совсѣмъ въ сторонѣ и въ безопасности?—съ той же усмѣшкой спросилъ Павелъ Андреевичъ.

— Вполнѣ.

— Слѣдовательно, не смотря на нашу долголѣтнюю дружбу, ты ничего не зналъ о моихъ намѣреніяхъ? Если передъ самымъ моимъ отъѣздомъ въ Москву и передъ подкопомъ мы видѣлись не только днемъ, но даже ночью, и постоянно о чемъ-то совѣщались тайкомъ отъ всѣхъ, въ поляхъ, за городомъ,—то это ровно ничего не значитъ? Если, наконецъ, въ кассу банка были собраны необычайно большія деньги какъ разъ къ тому самому времени, когда подкопъ былъ подведенъ подъ самую кладовую,—то это одна только случайность?..

— Конечно.

— И ты воображаешь, что кто нибудь повѣритъ тебѣ?

— Повѣрятъ или не повѣрятъ,—это очень мало интересуетъ меня. Я знаю только то, что, волей-неволей, принуждены будутъ оставить меня въ покоѣ,—и этого для меня совершенно достаточно. Что же касается подозрѣній, то пусть

хоть весь городъ до послѣдняго человѣка подозрѣваетъ меня,—мнѣ все равно.

Павелъ Андреевичъ всталъ, подумалъ и пожалъ плечами.

— Ахъ, Григорій Александровичъ, Григорій Александровичъ!—сказалъ онъ со вздохомъ.—Я могъ бы сказать еще многое, но не стоитъ ничего говорить, потому что ты не хочешь ничего слушать. Къ чему же напрасный трудъ? Если я скажу тебѣ, напримѣръ, что Щипачевъ далеко не такой человѣкъ, на котораго можно полагаться всегда, потому что онъ легко можетъ выдать и погубить насъ спьяна, въ припадкѣ бѣлой горячки или спившись черезъ нѣсколько лѣтъ до скотства... Ты, разумѣется, отвѣтишь мнѣ, что никогда этого не можетъ быть.

— Конечно, это маловѣроятное предположеніе, — глухо отвѣчалъ Муравлевъ.

— Я такъ и зналъ, что ты скажешь что нибудь въ этомъ родѣ. А, между тѣмъ, вѣдь ты совсѣмъ не знаешь этого человѣка, слѣдовательно, не можешь даже приблизительно судить о томъ, на что онъ способенъ и на что не способенъ. Ясное дѣло, что ты ничего не хочешь слушать. Не слѣдовало бы больше и говорить, но я не могу устоять противъ искушенія поставить еще одну послѣднюю карту. Когда я тебѣ объяснилъ, какимъ образомъ можетъ быть раскрыта исторія подкопа, ты согласился, что все это правдоподобно и возможно. Дальше ты не отрицалъ, что, если эта исторія раскроется, противъ тебя неминуемо должны будутъ возникнуть очень сильныя подозрѣнія. А разъ они возникнутъ,—что же придется пережить и перечувствовать за это время Лизѣ, если она будетъ тогда твоей женой? Или, ты думаешь, она не почувствуетъ правды, не съумѣетъ прочитать ее на твоемъ лицѣ, въ твоихъ глазахъ, въ твоемъ голосѣ?.. Милый мой! Нужно же подумать и о ней. Вѣдь она уже пережила однажды въ жизни подобную печальную исторію, когда любимый ею братъ растратилъ чужія деньги и застрѣлился. Нужно же и пожалѣть ее, прежде чѣмъ ставить ея жизнь на такую страшную карту. Вѣдь ты говоришь, что любишь ее...

На блѣдномъ и пасмурномъ лицѣ Муравлева, принимавшемъ все болѣе страдальческое выраженіе, промелькнула насмѣшливая улыбка.

— Кажется, ты любишь ее не меньше, чѣмъ я, — сказалъ онъ.

— А, не говори, пожалуйста, глупостей! — проговорилъ Павелъ Андреевичъ, нахмуривъ брови и съ досадой махнувъ рукой. — Дѣло слишкомъ серьезное... Говоря откровенно, когда ты пришелъ сегодня ко мнѣ, я встрѣтилъ тебя съ очень нехорошими чувствами. Но потомъ, когда мы стали говорить и ни въ чемъ не могли согласиться другъ съ другомъ, мнѣ вдругъ пришло въ голову и почувствовалось — знаешь что? То, что вѣдь теперь рѣшается вопросъ: возстановятся ли опять наши прежнія дружескія отношенія, или мы съ нынѣшняго дня разстанемся врагами... И, признаюсь, мнѣ стало очень жалко нашу дружбу...

— Жаль и мнѣ,—съ тяжелымъ вздохомъ сказалъ Муравлевъ.—Ты говоришь, что я не хочу тебя слушать. Но зачѣмъ же я пріѣхалъ къ тебѣ сегодня, какъ не затѣмъ, чтобы выслушать все, что ты можешь сказать мнѣ. И я выслушалъ. И нашелъ, что ты не сказалъ мнѣ ровно ничего новаго, то есть такого, чего бы я не зналъ и не передумалъ самъ... Ты объяснялъ мнѣ, какимъ образомъ можетъ раскрыться исторія подкопа, если возникнетъ откуда нибудь подозрѣніе противъ тебя или Щипачева. Я согласился съ тобой, что, по всей вѣроятности, все такъ и будетъ, если возникнетъ подозрѣніе. Но дѣло-то въ томъ, что я рѣшительно отказываюсь допустить, чтобы оно могло возникнуть. Откуда оно возьмется? Сама по себѣ, вся эта исторія почти уже забыта. Ты—такой человѣкъ и такъ живешь, что подозрѣвать тебя не взбредетъ въ голову даже сумашедшему. Щипачевъ, съ тѣхъ поръ какъ получилъ наслѣдство, тоже сталъ внѣ всякихъ подозрѣній. Меня подозрѣвать и невозможно, и безполезно, потому что я былъ совсѣмъ въ сторонѣ отъ этого дѣла... Откуда же могутъ взяться какія нибудь подозрѣнія? Правда, ты говорилъ еще, что Щипачевъ можетъ насъ выдать спѣяна, въ припадкѣ бѣлой горячки или оскотинившись впослѣдствіи отъ пьяной жизни. Но, во-первыхъ, ты же самъ говорилъ прежде, при другихъ обстоятельствахъ, что Щипачевъ можетъ сдѣлать что угодно, только ужь никакъ не выдать или продать товарища. А, во-вторыхъ, кто же станетъ придавать какое нибудь значеніе безсмысленнымъ словамъ пьянаго или

бреду горячечнаго больнаго? Нѣтъ, нѣтъ, Павелъ Андреевичъ, все это совершенно невѣроятное дѣло. Изъ-за такихъ фантастическихъ предположеній я не могу ломать свою жизнь.

— Но находишь возможнымъ рискнуть чужою,—съ горечью возразилъ Павелъ Андреевичъ.—Вѣдь что ты ни говори, ты не можешь же не видѣть, что этотъ рискъ есть. Я чувствую и вижу по твоему лицу, что ты это понимаешь... И говорю тебѣ въ послѣдній разъ, какъ другъ: ты не долженъ и не имѣешь права рисковать этою чужою жизнью.

Опять на лицѣ Муравлева отразилось что-то въ родѣ страданія и душевной борьбы, и тотчасъ же опять онъ улыбнулся насмѣшливой улыбкой.

— Право, мнѣ кажется, что въ тебѣ говорятъ теперь не столько дружескія и товарищескія чувства, сколько совсѣмъ иныя,—сказалъ онъ.

Павелъ Андреевичъ молча отошелъ отъ него. Онъ опять сѣлъ къ столу, положилъ передъ собою портсигаръ, спички и, не говоря ни слова, принялся курить. Муравлевъ одинъ дошелъ до конца аллеи, потомъ тѣмъ же медленнымъ шагомъ пошелъ обратно и, когда поровнялся со столомъ, — остановился.

— Теперь ты все сказалъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ... я не сказалъ еще послѣдняго слова, — рѣзко отвѣчалъ Павелъ Андреевичъ, взглянувъ на него холодно блестѣвшими глазами.

— Такъ скажи и его.

— Сегодня я не скажу его.

— Отчего?

— Именно оттого, что дружеское чувство къ тебѣ все еще сильнѣе во мнѣ, чѣмъ какое нибудь иное. Говорю тебѣ, что мнѣ жаль нашу дружбу... мнѣ не хотѣлось бы, чтобы изъ друзей мы сдѣлались врагами. Я все еще не теряю надежды:— можетъ быть, ты и самъ почувствуешь, что нельзя такъ страшно рисковать чужою жизнью.

— Въ такомъ случаѣ, если ты не хочешь говорить, я уйду,—сказалъ Муравлевъ и, подождавъ нѣсколько времени, прибавилъ полувопросительно:—Прощай?!.

— Прощай.

VI.

„Послѣднее слово!“ съ досадой и раздраженіемъ думалъ Муравлевъ, уходя отъ Павла Андреевича.—Какое еще осталось у него послѣднее слово, послѣ котораго они должны сдѣлаться врагами? Врагами!.. Но какъ же не понимаетъ онъ, или не хочетъ понять, что прежняя дружба, которую такъ жалко разстраивать, на самомъ дѣлѣ уже давно разстроена имъ самимъ и смѣнилась, по его же винѣ и доброй волѣ, почти что не скрываемою враждебностью. По крайней мѣрѣ, для него, Муравлева, Паведъ Андреевичъ уже давно врагъ, самый злой врагъ, который упрямо сталъ у него на дорогѣ и портитъ ему кровь, портитъ жизнь не только своими словами, „послѣдними“ и не послѣдними, но даже самымъ своимъ существованіемъ.

Въ первое время своего сближенія съ Лизой, Муравлевъ часто задумывался надъ вопросомъ:—имѣетъ ли онъ право связывать ея судьбу съ своей сомнительной судьбой. Смѣетъ ли онъ дѣлать это?.. Тогда въ его душѣ происходило что-то странное. Передъ всѣми другими людьми совѣсть его была совершенно спокойна, потому что онъ по прежнему былъ убѣжденъ, что „только выбилъ зубъ волку“ и, слѣдовательно, не сдѣлалъ ничего дурнаго. Еслибы когда нибудь открылось его „преступленіе“, онъ нашелъ бы что сказать всѣмъ этимъ людямъ въ свое оправданіе. Но онъ не могъ безъ ужаса подумать о томъ, что, быть можетъ, наступитъ моментъ, когда объ этомъ преступленіи узнаетъ Лиза. Какими глазами посмотритъ она тогда на него? Что скажетъ онъ ей? Все то, что онъ могъ бы спокойно и до нѣкоторой степени даже весело сказать другимъ людямъ, собравшимся судить его, все это не годится, мелко, пошло, ничтожно для нея, потому что ея жизнь—не та жизнь, которою живутъ другіе люди, и ея идеалы—не базарные идеалы толпы... Для Лизы,—и для нея только одной,—у него точно появилась какая-то другая, новая совѣсть, которой до этого времени въ немъ не было. Онъ чувствовалъ, что какъ скоро его преступленіе сдѣлается извѣстно Лизѣ, уже ставшей его женой, никакія объясненія

съ его стороны будутъ немыслимы: — ему останется только умереть и, умирая, знать, что онъ разбилъ также и ея жизнь...

Однако же, по мѣрѣ того какъ ему становилось все труднѣе и труднѣе отказаться отъ Лизы, онъ успѣлъ наконецъ успокоить себя и убѣдить, что совершенно невѣроятное дѣло, чтобы когда нибудь могло открыться его участіе въ подкопѣ. Вся эта исторія и теперь уже заброшена и почти позабыта, а еще черезъ нѣсколько времени забудется совсѣмъ. Кому придетъ фантазія снова заняться неблагодарнымъ трудомъ разыскиванія невѣдомыхъ преступниковъ, не оставившихъ за собой почти никакихъ слѣдовъ? Какой совершенно невѣроятный случай можетъ выдать этихъ преступниковъ? Невозможное дѣло. Но если даже допустить, что это невозможное дѣло все таки совершится и люди, производившіе подкопъ, будутъ найдены, то вѣдь и въ этомъ случаѣ онъ, Муравлевъ останется совсѣмъ въ сторонѣ, потому что противъ него не можетъ быть ровно никакихъ уликъ, ни прямыхъ, ни косвенныхъ. Указать на его невидимое участіе въ подкопѣ могутъ только Павелъ Андреевичъ и Щипачевъ. Но нечего и говорить о томъ, что они его никогда не выдадутъ. Павелъ Андреевичъ молча застрѣлится тотчасъ же, какъ только онъ замѣтитъ, что на него пало подозрѣніе. А Щипачевъ?.. какая ему выгода выдавать товарища и присоединять къ преступленію безполезную подлость?.. Нѣтъ, объ этомъ нечего и думать... И вотъ, когда, послѣ долгихъ размышленій, Муравлеву удалось убѣдить себя, что онъ можетъ быть совершенно спокоенъ за свое будущее, явился Павелъ Андреевичъ и опять нарушилъ это спокойствіе. „Ты не долженъ“... „Ты не имѣешь права“... „Ты самъ видишь, что есть рискъ“... „Ты не долженъ бравировать чужою жизнью“... Муравлевъ, еслибы захотѣлъ, самъ бы не смогъ опредѣлить, почему эти слова Павла Андреевича до такой степени подавляли, раздражали, выводили его изъ себя. Развѣ онъ не говорилъ себѣ прежде того же самаго и не доказалъ, что риска нѣтъ никакого? Развѣ онъ не видитъ совершенно ясно, что Павелъ Андреевичъ настаиваетъ на этомъ единственно потому, что самъ неравнодушенъ къ Лизѣ и, разумѣется, не можетъ примириться съ мыслью, что она будетъ женою другаго?.. И од-

нако же, при всемъ томъ, слова Павла Андреевича, его взглядъ, его видъ, а потомъ даже одно воспоминаніе о немъ и его словахъ производили на Муравлева самое тяжелое, подавляющее впечатлѣніе. Ему было больно услышать эти слова или вспомнить о нихъ, они мучили его, они постоянно пробуждали въ немъ смутное и неопредѣленное сознаніе, что Павелъ Андреевичъ, пожалуй, правъ, что участіе всѣхъ ихъ въ подкопѣ, пожалуй, *можетъ* открыться вслѣдствіе какой нибудь случайности. Но такъ какъ Муравлевъ не хотѣлъ этого знать,—потому что теперь онъ уже не могъ отказаться отъ Лизы,—то мрачное, горькое и злое чувство, наполнявшее за послѣднее время его душу, все цѣликомъ превращалось въ злобу на человѣка, который отравлялъ ему каждый день жизни. А въ будущемъ онъ обѣщаетъ что-то еще худшее,—какое-то новое „послѣднее“ слово, послѣ котораго между ними, какъ видно, уже не можетъ быть примиренія. Что еще за страшное послѣднее слово? думалъ Муравлевъ и насмѣшливо улыбался, но на сердцѣ у него становилось все тяжелѣе и тяжелѣе. Ему почему-то казалось, что Павелъ Андреевичъ придетъ съ своимъ „послѣднимъ словомъ“ завтра же, но прошли и два, и три, и четыре дня, а онъ не приходилъ. Потомъ они опять встрѣтились у Лизы. Павелъ Андреевичъ, пришедшій нѣсколько раньше Муравлева, пробылъ при немъ не больше двадцати минутъ и ушелъ, не сказавъ съ нимъ и пяти словъ. Лиза, уже давно замѣчавшая, что отношенія между Муравлевымъ и Павломъ Андреевичемъ становятся, очевидно, холоднѣе и непріязненнѣе, на этотъ разъ не смогла удержаться и заговорила объ этомъ съ Муравлевымъ.

— Какой онъ невеселый за послѣднее время,—сказала она.—Вы давно видѣлись съ нимъ?

— Давно. Должно быть, уже съ недѣлю назадъ.

— Съ того времени, какъ встрѣтились тогда у меня?

— Нѣтъ. Я былъ у него, кажется, на другой день послѣ этого.

— По какому нибудь дѣлу? На четверть часа?

— Нѣтъ. Почему вы думаете, что на четверть часа? Я пробылъ у него почти весь вечеръ.

Лиза посмотрѣла въ его глаза, становившіеся все болѣе

мрачными, и потомъ несмѣло, даже какъ будто робко проговорила:

— Григорій Александровичъ!.. Вѣдь за послѣднее время между вами есть что-то... совсѣмъ не дружеское... Правда это, или я ошибаюсь?

— Правда... Есть кое-что. Какъ видно, даже двадцатилѣтняя давность дружбы не можетъ предохранить людей отъ того, чтобы между ними не пробѣгали иногда черныя кошки,— по возможности спокойно отвѣчалъ Муравлевъ и, отстранившись отъ солнечныхъ лучей, заглянувшихъ въ окно, заговорилъ о томъ, что его глаза, которые совсѣмъ было пришли въ порядокъ мѣсяца два назадъ, теперь опять начали пошаливать и безпокоить его.—Боюсь, не кончилось бы дѣло тѣмъ, что я когда нибудь ослѣпну, — сказалъ онъ и, разумѣется, далъ этими зловѣщими словами совсѣмъ другое направленіе разговору.

Прошло еще дня три. Павелъ Андреевичъ все таки не показывался, и его таинственное „послѣднее слово“ съ каждымъ днемъ мучительнѣе тяготило Муравлева, можетъ быть, именно потому, что онъ никакъ не могъ или, вѣрнѣе, не рѣшался понять, въ чемъ могло заключаться это страшное слово, преслѣдовавшее его, какъ кошмаръ. Наконецъ, на четвертый день, Муравлеву, еще мѣсяца два назадъ хлопотавшему о мѣстѣ для Павла Андреевича, сказали, что на-дняхъ должно освободиться довольно подходящее мѣсто. Сначала Муравлевъ намѣревался было увѣдомить объ этомъ Павла Андреевича короткой запиской, но потомъ рѣшился лучше повидаться съ нимъ лично. Часу въ седьмомъ вечера онъ поѣхалъ къ нему и опять засталъ его въ той же большой аллеѣ, у стола, за газетой и стаканомъ чаю.

— А, это ты,—сказалъ Павелъ Андреевичъ.

Онъ посмотрѣлъ на него пристальнымъ взглядомъ и потомъ принялся молча складывать газету.

— Я пришелъ сказать тебѣ, что открывается подходящее мѣсто. Если ты хочешь занять его, то нужно будетъ повидаться вотъ съ этимъ господиномъ, — сказалъ Муравлевъ, доставая изъ бумажника карточку и кладя на столъ.

Павелъ Андреевичъ, не взглянувъ на нее, отодвинулъ отъ себя.

— Благодарю. Чрезвычайно жалко: я совсѣмъ забылъ сказать тебѣ, чтобы ты не хлопоталъ о мѣстѣ для меня. Я не могу взять этого мѣста.

И безъ того блѣдное лицо Муравлева поблѣднѣло еще больше.

— Оттого, что это мѣсто достается тебѣ черезъ меня?— спросилъ онъ.

— Да. Я не могу теперь принимать одолженій отъ тебя. Мнѣ это больше чѣмъ непріятно... это невозможно, — съ сухимъ спокойствіемъ отвѣчалъ Павелъ Андреевичъ.

Муравлевъ молча взялъ карточку и положилъ ее обратно въ бумажникъ, потомъ застегнулъ верхнюю пуговицу сюртука и протянулъ руку за шляпой.

— Извини,—сказалъ Павелъ Андреевичъ.—Я задержу тебя еще на нѣсколько минутъ, чтобы сказать тебѣ кое-что...

— Стоитъ ли? — глухо проговорилъ Муравлевъ. — И ты теперь въ такомъ состояніи, и я такъ настроенъ, что... врядъ ли возможны какіе нибудь разговоры...

— Извини. *Такъ* настроены другъ противъ друга мы будемъ, можетъ быть, всегда. А, между тѣмъ, мнѣ нужно тебѣ сказать... Я *долженъ* это сказать.

Муравлевъ только пожалъ плечами.

— Я все время думалъ о томъ, о чемъ мы говорили въ послѣдній разъ, и, кажется, понялъ тебя, — продолжалъ Павелъ Андреевичъ, не сводя съ него глазъ. — Невозможное дѣло, чтобы ты совсѣмъ не допускалъ и не сознавалъ, что намъ, быть можетъ, еще придется расплачиваться за прошлое. Хоть изрѣдка да сознаешь это... Но дѣло въ томъ, что ты уже не можешь теперь отказаться отъ Лизы. Поздно! Я все это понялъ. Твое положеніе дѣйствительно ужасное... Однако, неужели тебѣ никогда не приходило въ голову, что у тебя все таки остается изъ него прямой выходъ? Вѣдь тебѣ стоитъ только пойти къ Лизѣ и откровенно разсказать ей *все*...

Муравлевъ тихо разсмѣялся и посмотрѣлъ ему въ глаза тѣмъ насмѣшливымъ взглядомъ, какимъ обыкновенно смотрятъ люди, когда хотятъ сказать, что ихъ напрасно принимаютъ за такихъ дураковъ.

— Благодарю за добрый совѣтъ, — насмѣшливо сказалъ онъ.—Такъ въ этомъ и заключается твое послѣднее слово?

Но Павелъ Андреевичъ не обратилъ вниманія на этотъ вопросъ и смотрѣлъ на Муравлева съ такою же насмѣшливою и полною обиднаго сожалѣнія улыбкою.

— Нѣтъ? Не можешь? — спросилъ онъ. — Признаюсь, я былъ лучшаго мнѣнія о тебѣ. Я, на твоемъ мѣстѣ, именно такъ бы и сдѣлалъ. Пошелъ бы къ ней хоть сейчасъ и разсказалъ бы все, какъ было: что я сдѣлалъ, что пережилъ и перечувствовалъ, прежде чѣмъ рѣшился на это, и чего мнѣ стоило потомъ это сдѣланное. Все, какъ было... И посуди ты самъ, отчего бы этого не сдѣлать. Отдать ей въ руки всего себя, всю свою жизнь... доказать ей, что, не смотря ни на что, ты остался все таки настолько порядочнымъ человѣкомъ, что не хочешь обманывать ее. Да вѣдь если она любитъ тебя теперь, то послѣ этого полюбитъ еще больше... Какъ ты не понимаешь этого? Или ты думаешь, что она чего нибудь побоится? Ничего въ мірѣ она не побоится. Ты не знаешь ея, если такъ думаешь... Или ты боишься, что она прежде всего потребуетъ, чтобы ты пошелъ къ слѣдователю и разсказалъ ему все, что знаешь? Не потребуетъ она этого, потому что ты не можешь выдать себя, не выдавая другихъ, а выдать другихъ ты не имѣешь права. Это она поймётъ. Она потребуетъ только, чтобы ты возвратилъ деньги, какія взялъ,—вотъ и все... А тамъ, что будетъ дальше, — она съ радостью согласится все перенести вмѣстѣ съ тобой.

Съ раскраснѣвшимися отъ волненія щеками, съ блестящими глазами, онъ порывисто всталъ и началъ ходить взадъ и впередъ. Да, еслибы онъ былъ на мѣстѣ Муравлева и зналъ, что Лиза хоть немного любитъ его, онъ сейчасъ же, сейчасъ же пошелъ бы къ ней, чтобы отдать въ ея руки свою печальную тайну. Согласится она раздѣлить съ нимъ его судьбу,—онъ сталъ бы другимъ человѣкомъ, не согласится,—онъ застрѣлился бы. Все равно, все равно. Что такъ жить? Что теперь за жизнь?.. Его увлеченіе своими мыслями, чувствами и словами было настолько сильно, что на одну минуту оно передалось даже и Муравлеву, но только на одну минуту. Тотчасъ же онъ всѣмъ своимъ существомъ возсталъ противъ этого „покаянія“. Его самолюбіе не хотѣло допустить даже мысли о возможности сознаться передъ любимой женщиной, что онъ воръ. Въ немъ заговорило опасеніе, что

Лиза не настолько любитъ на самомъ дѣлѣ, чтобы не отшатнуться отъ него послѣ такого признанія. Нѣтъ, нѣтъ, это невозможное дѣло! Пойти къ Лизѣ и во всемъ сознаться— это все равно, что прямо отказаться отъ нея. Разумѣется, это доставитъ Павлу Андреевичу очень большое удовольствіе!

Разсмѣявшись нервнымъ смѣхомъ, онъ досталъ часы и посмотрѣлъ на нихъ.

— Двѣнадцать минутъ восьмаго. Если ты сказалъ все, то я могу уйти. Мнѣ нужно быть сегодня въ другомъ мѣстѣ,— сказалъ онъ.

Павелъ Андреевичъ стоялъ передъ нимъ и смотрѣлъ на него съ искреннимъ удивленіемъ и сожалѣніемъ.

— Да неужели же ты такъ-таки и не понимаешь того, что̀ я старался объяснить тебѣ? Или не можешь и этого сдѣлать?.. Ахъ, Григорій Александровичъ, Григорій Александровичъ! Я былъ о тебѣ гораздо лучшаго мнѣнія.

— Слѣдовательно, въ этомъ и заключалось твое послѣднее слово?—нетерпѣливо спросилъ Муравлевъ, опять взявъ шляпу и собираясь уходить.

Павелъ Андреевичъ вздохнулъ.

— Нѣтъ, это было только предисловіе,—сказалъ онъ уже сухимъ и какъ будто нѣсколько угрожающимъ тономъ.—А послѣднее мое слово заключается вотъ въ чемъ... Слушай... Ты долженъ отказаться отъ Лизы. Если ты не можешь этого сдѣлать, тогда ты долженъ разсказать ей все, ничего не утаивая. Если же ты и этого нѐ можешь или не хочешь сдѣлать, ну, тогда... дѣлать нечего... я самъ разскажу ей все.

Казалось, что земля вдругъ начала уходить изъ подъ ногъ Муравлева, и онъ не могъ понять: ни того, что̀ случилось, ни того, что̀ ему остается дѣлать. Прежде, разъ или два, ему приходило мелькомъ въ голову, что въ сущности вѣдь онъ находится вполнѣ во власти этого полусумашедшаго человѣка, но никогда онъ даже не останавливался на мысли о возможности того, чтобы Павелъ Андреевичъ, для котораго вѣрность товариществу была первою заповѣдью, рѣшился на что нибудь подобное.

— А!—проговорилъ онъ, наконецъ, смотря на него полными ненависти глазами.—А!.. Такъ вотъ что!..

— Да. Тогда мнѣ останется только самому разсказать ей

все,—повторилъ Павелъ Андреевичъ и, закуривъ папиросу, прислонился къ дереву, очень блѣдный и печальный, но довольно спокойный, какъ человѣкъ, ко всему приготовившійся.

— Да, да,—продолжалъ Муравлевъ, съ насмѣшливымъ видомъ кивнувъ головой въ отвѣтъ на свои мысли.—Я давно видѣлъ, что ты самъ влюбился въ нее... Конечно, ты долженъ былъ возненавидѣть меня... ты ревнуешь, завидуешь, злишься. Однако, я все таки думаю, что, даже при всемъ томъ, ты... ты... не пойдешь на это.

— Ты только теперь начинаешь думать объ этомъ,—отвѣчалъ Павелъ Андреевичъ.—А я постоянно думалъ все время... Сколько?.. дней семь, десять... Иногда ляжешь спать и не спишь, а лежишь; куришь и думаешь до утра. И сколько я ни думалъ, выходитъ все одно: или ты откажешься отъ нея, или она должна узнать все. Не отъ тебя, такъ отъ меня.

Ходившій или, вѣрнѣе, топтавшійся взадъ и впередъ по аллеѣ, Муравлевъ поднялъ опущенную голову и крикнулъ ему внѣ себя:

— Да вѣдь ты не смѣешь!.. Вѣдь между нами существуетъ, такъ сказать, невысказанное условіе. Никто изъ насъ не смѣетъ выдать другаго. Вѣдь это же неслыханная подлость, подлость!..

Павелъ Андреевичъ, которому показалось, что стукнула калитка въ садъ, посмотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ она находилась, и отвѣчалъ, еще болѣе понизивъ голосъ:

— Ахъ, не то!.. Не придирайся, пожалуйста, къ словамъ... Я собираюсь идти не къ слѣдователю... Разумѣется, объ этомъ не слѣдовало бы говорить никому. Не слѣдовало бы говорить и ей,—я знаю. Ты говоришь, что это подлость. Хорошо, пусть будетъ такъ. Но, еслибы я сталъ смотрѣть, какъ на моихъ глазахъ собираются обмануть женщину, и не предупредилъ ея объ этомъ,—это несомнѣнно была бы горшая подлость. Я не хочу дѣлать ея... Я не могу и не долженъ молчать.

Муравлевъ взглядывалъ на него совсѣмъ дикими глазами. Онъ слышалъ слова—и, кажется, всѣ слова,—но ничего не понималъ. Какую такую женщину собираются обмануть и кто ее хочетъ обмануть? Ахъ, да, это онъ говоритъ про Лизу и

про него... Не можетъ смолчать! Разумѣется, не можетъ смолчать, когда видитъ въ немъ болѣе счастливаго соперника... завидуетъ, ревнуетъ, злится... Гадина!

— Не можешь смолчать, потому что ты подлецъ!—крикнулъ онъ опять.—Слышишь? Только потому и не можешь смолчать, что ты подлецъ!

Павелъ Андреевичъ дѣлался все блѣднѣе и блѣднѣе, но не терялъ самообладанія. Во-первыхъ, онъ предвидѣлъ, что ему придется выслушать немало оскорбительнаго отъ своего вчерашняго друга, а, во-вторыхъ, чувствовалъ, что вся сила на его сторонѣ,—и это давало ему возможность не только оставаться сравнительно спокойнымъ, но даже смотрѣть съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ на бѣшенство Муравлева.

— Хорошо,—сказалъ онъ сквозь стиснутые зубы.

— Если тебѣ этого мало, то я прибавлю еще, что такихъ, какъ ты, бьютъ! — продолжалъ Муравлевъ и, схвативъ со стола стаканъ, изо всей силы бросилъ его въ Павла Андреевича. Онъ хотѣлъ попасть ему въ лицо, но промахнулся, и стаканъ, ударившись въ толстую вѣтвь дерева, у котораго стоялъ Павелъ Андреевичъ, со звономъ разлетѣлся въ дребезги.

— Хорошо,—опять повторилъ Павелъ Андреевичъ, стряхнувъ съ плеча осколки стекла.—Теперь намъ только и остается, что вцѣпиться другъ другу въ волосы. Однако, слушай, что я тебѣ скажу. Я такъ и зналъ, что ты постараешься вывести меня изъ терпѣнія. Ты разсчитываешь, можетъ быть, на дуэль?.. Не знаю, можетъ быть, потомъ я не откажусь стрѣляться съ тобой... но только не прежде, какъ кто нибудь изъ насъ разскажетъ Лизѣ то, что она должна знать. Нѣтъ, не прежде... Не разсчитывай на это.

Муравлевъ опять заметался въ лихорадочномъ возбужденіи взадъ и впередъ по аллеѣ. Когда онъ назвалъ Павла Андреевича подлецомъ, у него дѣйствительно мелькнула мысль, что самое лучшее было бы довести дѣло до дуэли и убить эту низкую гадину. Застрѣлить—вотъ и все. Нужно только вывести его изъ себя,—дать ему пощечину, что ли, бросить въ лицо стаканомъ... И тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ, какъ онъ бросилъ стаканомъ, оказывается, что если дуэль и состоится, то не иначе, какъ тогда, когда уже все будетъ открыто... Онъ совсѣмъ потерялъ голову. Что же, приходится избить,

убить его? „Теперь намъ только и остается, что вцѣпиться другъ другу въ волосы", припомнились ему насмѣшливыя слова Павла Андреевича и удержали его.

— Слушай еще вотъ что,—сказалъ Павелъ Андреевичъ, не сводившій съ него глазъ и увидѣвшій, что онъ застегиваетъ верхнюю пуговицу пальто и отыскиваетъ взглядомъ шляпу, свалившуюся подъ столъ. — Я дамъ тебѣ нѣсколько дней сроку на обсужденіе... Ну, три дня... Ну, даже недѣлю. Сегодня у насъ суббота,—слѣдовательно, до субботы... Если въ этотъ день, къ шести часамъ, ты не сдѣлаешь того, что̀ долженъ сдѣлать, ну, тогда, — извини, — я сдѣлаю то, что̀ долженъ дѣлать.

Муравлевъ поднялъ съ земли свою шляпу и, не взглянувъ на него, не сказавъ больше ни слова, пошелъ изъ сада. Онъ шелъ, какъ пьяный, ничего не видя, совсѣмъ забывъ, что теперь ему не было никакой надобности идти черезъ террасу и квартиру Павла Андреевича, когда была прямая дорога черезъ калитку во дворъ. Проходя черезъ комнаты, онъ вдругъ почувствовалъ что-то мокрое, липкое на пальцахъ одной руки и увидѣлъ, что она была изодрана до крови, гдѣ нибудь о дерево или гвоздь на террасѣ. Машинально обернувъ пальцы платкомъ, онъ пошелъ дальше, на крыльцо, во дворъ, и на немъ почти натолкнулся на Ольгу Ѳедоровну, разговаривавшую о чемъ-то съ хозяйкой дама. Обѣ онѣ посторонились отъ него и недоумѣвающими глазами смотрѣли на его блѣдное лицо, запачканную шляпу и обернутую окровавленнымъ платкомъ руку. А онъ, по привычкѣ видѣть вмѣстѣ съ Ольгой Ѳедоровной и Лизу, оглянулся по сторонамъ блуждающими глазами, отыскивая ее; потомъ приподнялъ шляпу, пробормоталъ что-то и торопливо прошелъ дальше.

VII.

Муравлевъ уже ушелъ изъ сада, а Павелъ Андреевичъ все еще стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, недоумѣвающій, разстроенный, съ красными пятнами на щекахъ. Онъ обдумалъ и предвидѣлъ все, за исключеніемъ только того, что, когда окончится вся эта тягостная сцена, ему будетъ до такой сте-

пени тяжело, больно, совѣстно, точно онъ и въ самомъ дѣлѣ шелъ на непростительную подлость. Да, можетъ быть, оно такъ и есть? Можетъ быть, онъ, въ самомъ дѣлѣ, не долженъ и не „смѣетъ“ выдавать своего товарища? Можетъ быть, дѣйствительно, онъ собирается сдѣлать это вовсе не изъ рыцарскаго чувства справедливости и отвращенія къ обману, а потому, что самъ „неравнодушенъ къ Лизѣ и завидуетъ, ревнуетъ, злится“, какъ говорилъ сейчасъ Муравлевъ? И это можетъ быть...

Но что же дѣлать въ такомъ случаѣ? Отказаться ото всего? Написать Муравлеву, что пусть онъ поступаетъ, какъ будто бы его, Павла Андреевича, вовсе не было на свѣтѣ, а затѣмъ отойти въ сторону, даже опять уѣхать куда нибудь, чтобы ужь ровно ничѣмъ не мѣшать благополучію своего товарища. Вмѣстѣ крали деньги изъ банка, вмѣстѣ обманутъ и эту дѣвушку. А когда она, выдя за Муравлева замужъ, узнаетъ впослѣдствіи, что вышла замужъ за вора, то сказать ей съ соболѣзнованіемъ: „Да, я зналъ и предвидѣлъ это, но что же мнѣ было дѣлать? Не могъ же я предупредить васъ и выдать товарища, съ которымъ мы вмѣстѣ крали эти деньги?“

Печально повѣсивъ голову, онъ пошелъ изъ сада въ комнаты. Въ нихъ было уже почти совсѣмъ темно. Точно еще больше подавленный этой темнотой, онъ подошелъ сначала къ окну, у котораго было сравнительно все таки свѣтлѣе, потомъ набросилъ на плечи пальто, взялъ шляпу и пошелъ на улицу. Ольга Ѳедоровна и хозяйка дома все еще продолжали разговаривать, стоя у растворенной калитки. Павелъ Андреевичъ подошелъ къ нимъ поздороваться и спросилъ объ ихъ житьѣ-бытьѣ, а потомъ и о Лизѣ.

— Лиза уѣхала сегодня въ гости. Въ деревню, верстъ за тридцать,—сказала Ольга Ѳедоровна.

— Надолго?

— Да какъ погостится. Дня на два, на три, должно быть,—отвѣчала она и, пристальнѣе всмотрѣвшись въ него, спросила: — Что это сегодня вы тоже будто разстроены чѣмъ-то?

— Почему вы сказали: „тоже“? Развѣ сегодня и еще

кто нибудь разстроенъ?—спросилъ онъ, думая, что не случилось ли какой нибудь непріятности съ Лизой.

— Да вотъ сейчасъ прошелъ отъ васъ Григорій Александровичъ. Обѣимъ намъ сразу бросилось въ глаза, что человѣкъ совсѣмъ не въ себѣ.

— А! Григорій Александровичъ!.. Погорячились, немного повздорили съ нимъ, вотъ и все. Помните, вы какъ-то говорили, что у васъ съ Лизаветой Павловной выходятъ иногда непріятности, когда она кого нибудь хвалитъ, а вы не хвалите... Нѣчто въ родѣ этого—и у насъ съ Григоріемъ Александровичемъ. Онъ говоритъ, что слѣдуетъ поступить такъ, а я говорю, что нѣтъ, не такъ. Вотъ и все,—отвѣчалъ онъ по возможности равнодушно и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ, что его глаза и опять разгорѣвшіяся красныя пятна на щекахъ говорятъ совсѣмъ другое, и достаточно проницательная и знающая людей Ольга Ѳедоровна нисколько ему не вѣритъ.

Откланявшись съ ними, онъ пошелъ, куда глаза глядятъ, по улицѣ, волнуемый и угнетаемый поперемѣнно то приливомъ ненависти къ Муравлеву, такъ жестоко и грубо оскорбившему его, то воспоминаніями объ ихъ старинной тѣсной дружбѣ, то ревностью, то грустными мыслями о томъ, что вѣдь, все равно, Лиза не для него, и никогда онъ, воръ, не позволитъ себѣ даже намекнуть, что любитъ ее. Онъ—не Муравлевъ; обманывать любимую женщину не можетъ... Одинъ разъ, вспомнивъ о стаканѣ, брошенномъ въ него Муравлевымъ, онъ даже остановился, вдругъ охваченный страшною злобою и думая: да не лучше ли всего будетъ, въ самомъ дѣлѣ, если онъ вызоветъ Муравлева на дуэль, и пусть сама судьба, убивъ того или другаго изъ нихъ, разрѣшитъ вопросы, которые являются для него неразрѣшимыми? Но прежде чѣмъ успѣлъ закурить папиросу, онъ уже отвѣчалъ самому себѣ, что это будетъ только глупо. Если быть убитымъ придется ему,—ну, тогда, пожалуй, всякіе вопросы и сомнѣнія будутъ для него дѣйствительно покончены. Но, если онъ убьетъ Муравлева,—что тогда? Только и будетъ, что та тяжесть, которая лежитъ у него на душѣ теперь, замѣнится другою, еще болѣе мучительною. Еще разъ Павелъ Андреевичъ принялся передумывать все то, о чемъ постоянно думалъ въ теченіе послѣднихъ дней, и опять выходило, что онъ

долженъ былъ поступить и говорить именно такъ, какъ поступалъ и говорилъ. Какъ же иначе? И однако жъ, на сердцѣ у него становилось не только не легче отъ этого сознанія своей правоты, а какъ будто еще тяжелѣе. А что хуже всего, такъ это то, что ему какъ будто и не было никакой возможности примириться съ своею совѣстью. Еслибы онъ сію же минуту твердо рѣшился не вмѣшиваться больше въ отношенія Муравлева къ Лизѣ и навсегда уѣхать отсюда куда нибудь за тысячи верстъ,—развѣ совѣсть не принялась бы тотчасъ же грызть его уже за то, что онъ не предупредилъ Лизу о той безднѣ горя и стыда, къ которой она подошла такъ близко? Разумѣется, его совѣсть не нашла бы себѣ успокоенія и тогда. И, слѣдовательно, ему ничѣмъ не успокоить ея?

Свернувъ съ кирпичнаго тротуара въ садикъ на Соборной площади, Павелъ Андреевичъ вдругъ увидѣлъ при свѣтѣ фонаря, что въ нѣсколькихъ шагахъ впереди него идетъ, кажется, Яша. Дѣйствительно, это былъ Яша. Заложивъ руки за спину, нѣсколько сгорбившись, онъ прошелъ еще нѣсколько шаговъ и потомъ свернулъ въ свою любимую бесѣдку, въ которой ему иногда, особенно въ дождливые дни, случалось просиживать по нѣскольку часовъ сряду. Сейчасъ, проходя мимо фонаря, онъ посмотрѣлъ на часы: шелъ всего десятый часъ,—слѣдовательно, идти домой было еще рано. Пожалуй, у нихъ сидятъ какіе нибудь Василіи Васильевичи, которыхъ говоръ и смѣхъ непріятно раздражаютъ его нервы даже черезъ затворенныя и запертыя двери. А если и нѣтъ гостей, то, по всей вѣроятности, отецъ, отъ нечего дѣла ть вздумаетъ поговорить съ нимъ и опять начнетъ разспрашивать, что̀ съ нимъ дѣлается... Ахъ, да ничего съ нимъ не дѣлается! Ну, отчего люди не хотятъ оставить его въ покоѣ даже и теперь, когда онъ, кажется, ужь ровно никому не мѣшаетъ и всѣ должны были бы видѣть, что ничего особеннаго съ нимъ не дѣлается?!.

На самомъ же дѣлѣ, въ его больной душѣ произошелъ за время послѣдней болѣзни цѣлый переворотъ. Когда, на другой день послѣ короткаго свиданія съ двоюроднымъ братомъ, Яша спросилъ о немъ и услышалъ, что Павелъ Андреевичъ сейчасъ же опять уѣхалъ въ Москву, ему стало невыносимо

больно и обидно. Ну, зачѣмъ уѣхалъ, когда самъ же говорилъ вчера, что у него нѣтъ никакихъ дѣлъ? Зачѣмъ, зачѣмъ уѣхалъ? Какъ же не видѣть того, что онъ, Яша, страдаетъ не только отъ своей болѣзни, но, можетъ быть, еще больше страдаетъ отъ того, что чувствуетъ себя совсѣмъ одинокимъ и всѣми брошеннымъ въ своемъ родномъ домѣ, который все больше наполняется непріятными ему и нелюбимыми людьми? Значитъ, и Павлу Андреевичу нѣтъ дѣла до того, какъ живетъ и что чувствуетъ онъ, Яша? И чѣмъ больше думалъ объ этомъ Яша, тѣмъ глубже заползало въ его душу горькое убѣжденіе, что онъ совсѣмъ лишній человѣкъ и у себя въ домѣ, и на всемъ свѣтѣ. Даже мало того, что лишній. У нихъ есть много лишней мебели, которая стоитъ себѣ на чердакѣ или въ каретникѣ, никого не стѣсняя и никому не доставляя никакихъ хлопотъ. Пусть бы и онъ былъ чѣмъ нибудь въ родѣ этой мебели; но вѣдь онъ наводитъ на всѣхъ тоску, когда боленъ; надоѣдаетъ всѣмъ своими глупыми разспросами и разговорами, когда здоровъ; наконецъ, стѣсняетъ всѣхъ уже однимъ только своимъ существованіемъ. Стѣсняетъ Валентину Константиновну, которая не можетъ его переносить, а между тѣмъ принуждена дѣлать видъ, что любитъ его и заботится о немъ... Стѣсняетъ отца, который все таки нѣсколько любитъ его, хоть по старой привычкѣ, и иногда хотѣлъ бы сдѣлать ему что нибудь пріятное, а между тѣмъ долженъ дѣлать только то, что̀ нравится Валентинѣ Константиновнѣ и по большей части не нравится ему, Яшѣ. Навѣрное страшно стѣсняетъ и Павла Андреевича, когда забѣгаетъ къ нему чуть не каждый день и по цѣлымъ часамъ болтаетъ съ нимъ о такихъ пустякахъ, которые братъ терпѣливо выслушиваетъ только потому, что онъ очень деликатный человѣкъ и никогда не позволитъ себѣ грубо обойтись съ какимъ-то убогенькимъ дурачкомъ... „Если Богъ не хочетъ послать мнѣ смерти, то пусть, по крайней мѣрѣ, вразумитъ, наставитъ, какъ нести это бремя жизни!“ не то думалъ, не то молился Яша, и горькія слезы одна за другой катились изъ его глазъ, глубоко ввалившихся за время болѣзни. Если онъ умретъ, — это будетъ самое лучшее и для него, и для всѣхъ; но если выздоровѣетъ и на этотъ разъ, тогда онъ постарается устроить свою жизнь совсѣмъ, совсѣмъ

иначе. Ахъ, еслибы ему поправиться настолько, чтобы можно было поступить куда нибудь на службу, хоть на самое маленькое жалованье! Зачѣмъ ему много денегъ? Тогда бы онъ нанялъ себѣ самую крошечную комнатку у какой нибудь бѣдной старухи или у вдовы съ маленькими дѣтьми, которая была бы рада найти скромнаго нетребовательнаго нахлѣбника, и сталъ бы жить особнякомъ ото всѣхъ, не только никому ничего не стоя и никого не стѣсняя, а еще чувствуя, что есть хоть одна живая душа на свѣтѣ, видящая въ немъ все таки нѣкоторую поддержку своему существованію... Докторъ говоритъ, что ему нужно быть какъ можно больше на воздухѣ и въ движеніи. Это тоже хорошо. Удастся или не удастся ему поправить воздухомъ и движеніемъ свое здоровье, но, по крайней мѣрѣ, онъ теперь нашелъ, что ему дѣлать. Онъ по цѣлымъ днямъ не будетъ дома, чтобы не стѣснять никого изъ своихъ домашнихъ; онъ не будетъ вовсе заходить ни къ Павлу Андреевичу и ни къ кому изъ немногихъ другихъ знакомыхъ, чтобы не надоѣдать и имъ.

Онъ такъ и сталъ жить, когда выздоровѣлъ. Сидя на скамейкѣ въ саду и глядя на играющихъ дѣтей, бродя по людными улицамъ, стоя на набережныхъ у пристаней, гдѣ люди кишили какъ въ муравейникѣ,—онъ всюду чувствовалъ себя никому не мѣшающимъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и совершенно одинокимъ. Съ каждымъ днемъ это одиночество дѣлалось для него тяжелѣе, а людская жизнь представлялась все въ болѣе мрачномъ свѣтѣ. Сколько вездѣ злобы, сколько жестокости и звѣрства! Здѣсь человѣкъ сорокъ всякаго народа собралось вокругъ несчастной лошаденки, которая не можетъ вывезти съ моста въ гору тяжело нагруженный возъ, и, вмѣсто того чтобы помочь, ее же ругаютъ, колютъ острыми палками сзади, хлещутъ кнутами подъ брюхо и громко хохочутъ, когда она начнетъ трясти головой и метаться отъ боли. Тамъ толпа торговокъ поймала на мѣстѣ преступленія блѣднаго молодаго воришку, стащившаго какіе-то заплатанные сапоги, и съ неистовымъ визгомъ дергаетъ его за волосы, плюетъ въ глаза, а со всѣхъ сторонъ сбѣгаются все новые и новые люди и со стиснутыми зубами, съ перекосившимися отъ злобы глазами, тоже накидываются на несчастнаго. Вѣдь они убьютъ его!.. Тамъ заплаканная и печальная женщина старается увести

куда-то страшно пьянаго мастероваго со щекою, запачканной грязью и кровью, а онъ ругается на всю улицу самыми мерзкими словами, старается попасть растопыренными пальцами въ глаза этой женщинѣ и, наконецъ, ухвативъ ее за воротъ, съ хохотомъ разрываетъ ей платье и рубашку отъ горла до самаго пояса. Здѣсь дѣти, мальчишки, сцѣпились въ отчаянной дракѣ и, какъ два звѣря, катаются по землѣ, молча, съ искаженными лицами, кусая другъ друга до крови. И сколько этой крови вездѣ! Вонъ полицейскій тихо везетъ на извощикѣ какого-то блѣднаго чернорабочаго малаго съ мотающеюся изъ стороны въ сторону головою, и въ толпѣ, слѣдующей за пролеткой, говорятъ, что товарищъ этого малаго всадилъ ему ножъ въ бокъ по самую рукоятку. Вонъ, около москательныхъ лавокъ, раздается неистовый визгъ собаки и хохотъ людей,—навѣрное опять эти звѣри-прикащики или переломили спину несчастному животному, или отрубили хвостъ. Вонъ изъ растворенной калитки какого-то дома выкатывается кубаремъ бѣлый пѣтухъ, которому только что отсѣкли голову, и, кружась въ предсмертныхъ конвульсіяхъ, обрызгиваетъ себя и проходящихъ своею кровью. А проклятія?!. Матери проклинаютъ своихъ больныхъ и неугомонно-плачущихъ дѣтей. Жены проклинаютъ своихъ пьяныхъ мужей и свою жизнь. Обсчитанные рабочіе клянутъ своихъ хозяевъ. Мужики и извощики проклинаютъ своихъ выбившихся изъ силъ кормилицъ-лошадей. „Проклятые“, „треклятые“, „распроклятые“, „да будьте вы прокляты!“ Со всѣхъ сторонъ несутся проклятія. Сердце болитъ отъ нихъ!.. И, дѣйствительно, всѣ эти проклятія, вся эта кровь, всѣ эти жестокости съ каждымъ днемъ сильнѣе растравляли и безъ того уже больные нервы Яши. На него все чаще и чаще находило по временамъ что-то въ родѣ столбняка. Онъ забивался здѣсь въ самый дальній уголъ бесѣдки, чтобы ничего не видѣть, ничего не слышать, и по цѣлымъ часамъ сидѣлъ совершенно неподвижно, будто затаивъ дыханіе и спрятавшись отъ этой ужасной жизни, которая, того гляди, ворвется даже сюда и опять примется мучить его.

Точно также и теперь, когда почти вслѣдъ за нимъ вошелъ въ бесѣдку Павелъ Андреевичъ, Яша, не узнавшій его въ темнотѣ, въ испугѣ точно замеръ въ своемъ углу. Павелъ

Андреевичъ, закуривъ папиросу, сѣлъ рядомъ съ нимъ и нѣсколько времени молчалъ.

— Давно я не видалъ тебя, Яша, — сказалъ онъ наконецъ.

Яша молчалъ.

— Какая тоска, ахъ, какая тоска!—со вздохомъ продолжалъ его двоюродный братъ.—И некуда дѣваться отъ нея. Сейчасъ я проходилъ мимо вашего дома; хотѣлъ было зайти хоть къ вамъ, да потомъ подумалъ: къ кому я тамъ пойду? Теперь и тамъ для меня пусто. Съ тѣхъ поръ какъ начались у насъ нелады съ твоимъ отцемъ, у меня только и оставалось людей: ты да Муравлевъ. А теперь и ты отъ меня ушелъ, и съ Муравлевымъ у меня... кончено.

— Какъ кончено? Съ Муравлевымъ кончено? Ты съ Муравлевымъ поссорился?—въ недоумѣніи спросилъ Яша, думая, что онъ ослышался или что нибудь не такъ понялъ.

— Тебѣ очень странно это? Да, кончено, поссорился...

— Сегодня? Недавно?

— Нѣтъ, это началось между нами уже порядочно давно. Однако, наша дружба все еще держалась съ грѣхомъ пополамъ, какъ на худенькой ниточкѣ. Сегодня и эта послѣдняя ниточка оборвалась...

— Недоразумѣніе какое нибудь... Разъяснится еще...

— Нѣтъ, милый, никогда ничего не разъяснится, потому что и недоразумѣній никакихъ нѣтъ. Все ясно... Или, можетъ быть, и несовсѣмъ ясно, да все равно... Все равно, порядочныя отношенія уже никогда не могутъ между нами возстановиться. Съ этимъ-то ужь покончено...

Значитъ, и онъ тоже совсѣмъ одинъ, и ему тоже некуда дѣваться отъ тоски!—думалъ Яша, и доброе, больное сердце его все наполнилось глубокою жалостью къ очевидно несчастному двоюродному брату, котораго онъ никогда не переставалъ любить больше всѣхъ на свѣтѣ, не смотря на то, что за послѣднее время всѣми силами старался заглушить въ себѣ эту любовь.

— Какая досада!—продолжалъ послѣ небольшаго молчанія Павелъ Андреевичъ.—Очень хотѣлось бы мнѣ разсказать тебѣ всю эту исторію, чтобы отвести душу и чтобы ты сказалъ мнѣ,—правъ я или не правъ. Да ничего я не могу

сказать... связанъ... потому что тутъ замѣшалась тайна, и не моя, а чужая. Давно ужь она лежитъ на мнѣ, точно камень... Помнишь, передъ моимъ отъѣздомъ въ Москву, ты находилъ, что у меня страшные глаза? Вотъ когда она начиналась... И потомъ, когда я уѣхалъ въ Москву, и пропалъ въ ней, и опять пріѣзжалъ сюда на нѣсколько часовъ...

— Это все она? — быстро спросилъ Яша и даже весь встрепенулся отъ неожиданности. Значитъ, онъ совсѣмъ напрасно обвинялъ брата въ томъ, что тотъ нисколько не думалъ о немъ и бросилъ его страшно больнаго, почти умирающаго. Просто, ему нельзя было не ѣхать. Недаромъ онъ былъ въ то время такой страшный и озабоченный.

— Все она... Не знаю, какъ бы пояснить тебѣ все это хоть какимъ нибудь примѣромъ... Ну, представь себѣ, что Муравлевъ женатъ, что ли, но уже давно разошелся съ своею женою и рѣшительно никто, кромѣ двухъ-трехъ человѣкъ, даже не подозрѣваетъ, что онъ женатъ. И вотъ, нужно же было случиться такому несчастію, что онъ безъ ума полюбилъ другую дѣвушку, — милую, добрую, умную дѣвушку, какія рѣдко встрѣчаются на свѣтѣ... Онъ полюбилъ ее, я говорю, безъ ума и думаетъ на ней жениться. И она согласна идти за него... А я все это вижу, знаю: знаю несчастную тайну Муравлева, знаю, что она легко можетъ открыться и разбить жизнь и сердце этой дѣвушки...

Онъ вдругъ съ досадой бросилъ на полъ папиросу, всталъ со скамьи и почти съ отчаяніемъ тихо воскликнулъ:

— Да нѣтъ, все это не то! На самомъ дѣлѣ несравненно хуже!

— Еще хуже?—спросилъ Яша, тоже вставъ съ мѣста.

— Въ десять, во сто разъ хуже!

Какъ-то машинально они вышли изъ бесѣдки и, задумавшись, не говоря ни слова, тихо шли по темной и совершенно безлюдной аллеѣ, обставленной рѣдкими фонарями.

— И ты говорилъ ему, что онъ не долженъ на ней жениться?—спросилъ, наконецъ, Яша.

— Да, я говорилъ ему, что онъ долженъ или отказаться отъ нея, или откровенно разсказать ей все.

— Конечно, такъ. А что же онъ?

— А онъ не можетъ... Тогда я ему сказалъ, что если онъ

черезъ недѣлю не рѣшится ни на то, ни на другое, въ такомъ случаѣ я самъ разскажу ей все. И вотъ между нами вышла страшная ссора. А теперь, когда мы уже поссорились навсегда, я брожу, какъ дуракъ, и не знаю, что̀ мнѣ дѣлать дальше. Выдать тайну товарища и испортить ему жизнь,—ужасно скверное дѣло. Промолчать и предоставить эту бѣдную дѣвушку на волю судьбы,—вся моя совѣсть возстаетъ противъ этого.

— Но, можетъ быть, эта тайна никогда не откроется,—нерѣшительно проговорилъ Яша.

— Можетъ быть, никогда не откроется, а, пожалуй, откроется на другой же день послѣ ихъ свадьбы.

— И это будетъ для нея очень тяжело?

— Въ томъ-то и дѣло, милый, что это будетъ ужасно,—повторилъ Павелъ Андреевичъ съ такимъ выраженіемъ, что у нервнаго Яши пробѣжала дрожь по тѣлу.

Опять они замолчали на нѣсколько минутъ и медленными шагами, задумчиво повѣсивъ головы, подвигались дальше между черными деревьями.

— Да что объ этомъ говорить! — сказалъ наконецъ Павелъ Андреевичъ, махнувъ рукой.—Сколько ни говори и ни думай,—все равно ничего не придумаешь. Я радъ уже и тому, что высказалъ тебѣ хоть маленькую частицу того, что̀ лежитъ у меня на душѣ. Все таки какъ будто легче и спокойнѣе, когда и другой человѣкъ находитъ, что ты не сдѣлалъ ничего особенно дурнаго... Ну, куда ты теперь? Домой? Или пойдешь еще бродить?

Яша въ нерѣшимости помялся на мѣстѣ.

— Лучше всего, я пошелъ бы къ тебѣ. А?.. И остался бы у тебя ночевать... А?—несмѣло проговорилъ онъ.

— Конечно, это будетъ лучше всего, по крайней мѣрѣ, для меня,—отвѣчалъ Павелъ Андреевичъ.—Только все таки зайди домой и скажи тамъ, что будешь ночевать у меня. Пусть не безпокоится старикъ.

Какъ заблудившаяся собачонка, долго плутавшая по улицамъ и наконецъ нашедшая таки своего хозяина, Яша, кажется, боялся теперь даже на одну минуту разстаться съ своимъ двоюроднымъ братомъ. Онъ сбѣгалъ домой и бѣгомъ же воротился. Потомъ взялъ Павла Андреевича по старому

подъ руку и, безпрестанно спотыкаясь въ темнотѣ, принялся ему разсказывать, что̀ думалъ во время своей послѣдней болѣзни, какую жизнь для себя придумалъ и что̀ перечувствовалъ за эти недѣли, въ теченіе которыхъ постоянно былъ среди людей, на улицахъ, и постоянно одинъ.

— Ты сошелъ бы съ ума. Тѣмъ дѣло и кончилось бы,— сказалъ Павелъ Андреевичъ, задумчиво и внимательно слушавшій его.

— Совсѣмъ спятилъ бы,—согласился Яша. — Для этого немного и нужно.

На слѣдующее утро, когда они сидѣли за чаемъ, Павелъ Андреевичъ вдругъ сказалъ:

— Вотъ наступилъ и другой день изъ семи.

— Знаешь что?—тотчасъ же отвѣчалъ Яша.—Я объ этомъ долго думалъ ночью. Ничего не будетъ. Тебѣ ничего не придется дѣлать. Муравлевъ или откажется отъ этой дѣвушки, или самъ ей все разскажетъ. Никогда онъ не допуститъ, чтобы она узнала объ этомъ отъ тебя.

— Кто знаетъ,—задумчиво возразилъ Павелъ Андреевичъ. — Можетъ быть, онъ въ эту самую минуту говоритъ себѣ, что никогда у меня не повернется языкъ, чтобы выдать товарища. Можетъ быть, онъ знаетъ меня лучше, чѣмъ я себя.

Вечеромъ, часу въ шестомъ, когда Яша ушелъ побродить передъ чаемъ, вдругъ явился Щипачевъ въ какомъ-то совершенно особенномъ, широкомъ и длинномъ плащѣ почти до полу, въ поярковой шляпѣ съ широчайшими полями и съ зонтомъ въ рукѣ. Павелъ Андреевичъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на него, а онъ стоялъ на порогѣ и весело кланялся, плавно помахивая своей шляпой.

— Это еще что такое? Зачѣмъ тебя принесло сюда?—довольно сурово спросилъ, наконецъ, Павелъ Андреевичъ.

— Судьба, голубчикъ,—отвѣчалъ Щипачевъ, троекратно цѣлуя его.—Судьбина моя принесла. Ѣду въ С. А пароходъ останавливается тутъ у васъ на цѣлыхъ два часа: сначала поѣдетъ наливаться нефтью, потомъ еще куда-то,—въ трактиръ, что ли. Какъ же, думаю, буду я тутъ сидѣть въ двухъ шагахъ отъ товарища и не повидаюсь съ нимъ? Совсѣмъ это не по товарищески, а скорѣе по свински. И знаешь что?

Надѣлъ бы ты на себя пальтишко, да взялъ бы шляпу, да поѣхали бы мы съ тобой вмѣстѣ на пароходъ. Посидѣли бы, выпили бы чего нибудь, потолковали бы о томъ, о семъ, а то и прокатился бы ты со мной станцію—другую. Ну-ка, собирайся съ Богомъ, не теряя золотаго времени.

Павелъ Андреевичъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ на него и поѣхалъ съ нимъ, оставивъ Яшѣ записку, что ѣдетъ посидѣть на пароходѣ съ проѣзжающимъ товарищемъ. Щипачевъ болталъ безъ умолку и, очевидно, былъ веселѣе и беззаботнѣе, чѣмъ когда либо. Денегъ у него хотя и порядочно убыло, но все таки оставалась еще цѣлая прорва. Совѣсть его была настолько спокойна, что онъ, пожалуй, подкопался бы и еще подъ какой нибудь банкъ, такъ просто, для компаніи какому нибудь горемычному товарищу. Чего жалѣть эти жидовскія храмины?.. Перспектива, что, можетъ быть, ему еще придется когда нибудь поплатиться за добытый имъ „кладъ“,— тоже не особенно устрашала его. Ну, что же, придется—такъ придется, дѣлать нечего. За выпитую бутылочку какого нибудь поганенькаго пива, и за ту приходится расплачиваться; слѣдовательно, ежели представятъ счетъ за цѣлый „кладъ“ въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, такъ тутъ ужь и разговаривать нечего. Куда поведутъ, туда онъ и пойдетъ, тѣмъ болѣе, что плакать по немъ будетъ некому; въ преждевременную могилу онъ никого не повергнетъ, стыдомъ и горемъ никому не удружитъ... Попросятъ заплатить, такъ самъ и расплатится собственною шкурою,—вотъ и все.

— А знаешь ли, какая фантазія залѣзла мнѣ въ голову, когда я увидѣлъ отсюда вашъ городъ?—посмѣиваясь, говорилъ онъ полушопотомъ, устроившись съ Павломъ Андреевичемъ у столика на пароходномъ балконѣ. — Никогда ты этого не угадаешь... До смерти захотѣлось мнѣ показаться въ тѣхъ мѣстахъ, которыя я посѣщалъ во время моего пребыванія здѣсь. Въ лавкахъ, напримѣръ... Особенно мнѣ хотѣлось бы понавѣдаться къ одному табачнику, у котораго я постоянно бралъ папиросы. Ты представь себѣ молодаго еще малаго, вершковъ двѣнадцати ростомъ, здоровеннаго, прямаго, какъ столбъ, и съ большущими рачьими глазами. Нужно тебѣ сказать, что онъ не только самъ почти ничего не говорилъ, но чрезвычайно удивлялся, когда и другіе находили что нибудь

сказать ему. И когда онъ начиналъ этому удивляться, рачьи его глаза все больше и больше лѣзли наружу... Ну, ты представь себѣ только, что я появляюсь во всемъ своемъ величіи въ его лавчонку, спрашиваю папиросъ на двадцать пять копѣекъ и завожу какую нибудь рѣчь, хоть о погодѣ, что ли, а онъ вдругъ начинаетъ соображать, что ему мой голосъ какъ-то особенно знакомъ... Что сдѣлалось бы тогда съ его глазами? Вѣдь до чертиковъ интересное и завлекательное положеніе! А?..

Павелъ Андреевичъ, облокотившись обѣими руками на столъ, съ усмѣшкой слушалъ Щипачева и потомъ спросилъ:

— Отвѣть ты мнѣ, пожалуйста, на одинъ вопросъ. Какъ по твоему: есть ли что нибудь хуже того, чтобы выдать товарища, или ничего нѣтъ?

Щипачевъ съ недоумѣніемъ покосился на него.

— Да вѣдь я же шучу, — сказалъ онъ, какъ будто нѣсколько обидѣвшись.—Конечно же, нѣтъ ничего хуже, какъ подвести или выдать товарища. Изъ всѣхъ смертныхъ грѣховъ—самый смертный. Какъ и жить на свѣтѣ, если нельзя положиться даже на товарища? Невозможно и жить... Понятное дѣло, что я только пошутилъ.

— Ахъ, да я совсѣмъ не къ тому!—съ досадой сказалъ Павелъ Андреевичъ и махнулъ рукой, видя, что отъ Щипачева не добиться ничего путнаго.

— Ну, не къ тому, такъ не къ тому. Тѣмъ лучше. А впрочемъ, къ чему же, если не къ тому? Или такъ, изъ философіи и физіологіи?—спросилъ Щипачевъ, вдругъ сообразивъ, что, вѣроятно, была же у Павла Андреевича какая нибудь причина задать такой уголовный вопросъ.

— Именно изъ философіи, — отвѣчалъ Павелъ Андреевичъ.—А теперь я предложу тебѣ еще другой такой же вопросъ, весьма интересующій меня. Какъ ты думаешь: можетъ когда нибудь открыться *та* исторія или нѣтъ никакихъ шансовъ на это?..

Щипачевъ задумался и принялся закладывать пальцами складки у себя на лбу.

— Кто его знаетъ, голубчикъ. Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, ничего не знаемъ. Къ гадалкѣ развѣ сходить,—отвѣчалъ онъ и, понизивъ еще больше голосъ, продолжалъ:—

Кстати, я тебѣ скажу, какая со мной вышла съ мѣсяцъ назадъ... не то чтобы исторія, а такъ... нѣкоторая мимическая сцена. Понадобилось мнѣ съѣздить въ Тверь... Пріѣхалъ въ вокзалъ, взялъ билетъ и стою себѣ, курю. Только вдругъ, чувствую, что какая-то рожа,—мѣщанинъ не мѣщанинъ, чортъ его знаетъ, кто такой, — уставился на меня и смотритъ, глазъ не сводитъ. Что, думаю, за дьяволятина такая? И рожа его черномазая какъ будто знакома мнѣ. Положимъ, мало ли всякаго народа и меня видѣло, и у меня передъ глазами проходило. Да нѣтъ, не то. Еслибы онъ видѣлъ меня гдѣ нибудь въ театрѣ, въ трактирѣ, на скачкахъ, — не такъ бы онъ смотрѣлъ на меня. Чувствую, что не то у него въ глазахъ... совсѣмъ другое. Ахъ, чортъ тебя разнеси, думаю! И языкъ - то мнѣ хочется показать ему во всю длину, и маленькія этакія мурашки шевелятся между лопатками... Ну, сходилъ къ буфету, выпилъ двѣ рюмки водки и воротился на прежнее мѣсто. Онъ все глядитъ на меня, а я сталъ глядѣть на барышень. Потомъ стали садиться въ вагоны,—онъ пошелъ въ третій классъ, а я во второй,—тѣмъ и покончилась эта мимика.

— Какъ будто что-то было близко?—проговорилъ нѣсколько дрожащимъ голосомъ Павелъ Андреевичъ.

— Какъ будто было близко, только проѣхало мимо,—подтвердилъ Щипачевъ и спросилъ нетерпѣливо:—Да зачѣмъ ты все спрашиваешь такія вещи? Есть развѣ что нибудь? такъ скажи прямо.

— Покуда ровно ничего нѣтъ. Просто спрашиваю потому, что... можетъ быть, я собираюсь жениться.

Щипачевъ посторонился отъ него, потомъ отодвинулся вмѣстѣ со стуломъ отъ стола, потомъ всталъ и принялся ходить взадъ и впередъ, укоризненно качая не только головой, но и всѣмъ туловищемъ.

— Ахъ, Павелъ Андреевичъ, Павелъ Андреевичъ!—заговорилъ онъ, сейчасъ же садясь опять на прежнее мѣсто.—Ежели ты не шутишь теперь, такъ постарайся какъ нибудь все это дѣло оборотить въ шутку. Ну, какая тутъ женитьба! И вообще-то это несообразное дѣло по нынѣшнимъ временамъ, а для насъ съ тобой и подавно. Говядина, и та стоитъ нынче до пятнадцати копѣекъ фунтъ, такъ во что же тебѣ обойдется

жена? А, главное, разсуди вотъ что: ежели твоя невѣста обыкновеннаго магазиннаго или механическаго производства, такъ,—самъ ты понимаешь,—зачѣмъ же себѣ навязывать на шею такую механику? А ежели она изъ такихъ, которыя могутъ и привязываться къ человѣку, и горе чувствовать, такъ въ какое же положеніе ты поставишь себя вмѣстѣ съ ней? А?.. Вотъ ежели бы,—когда я разсказывалъ тебѣ эту самую мимическую сцену,—у тебя бы сидѣли дома жена и дѣти... А?.. Съ какими бы чувствами ты слушалъ эту мимическую сцену?.

— Однимъ словомъ, не слѣдуетъ?

— Конечно же. Со всѣхъ концовъ видно, что не годится.

— Ну, пожалуй, мнѣ больше ничего и не нужно,— сказалъ Павелъ Андреевичъ, очень жалѣя, что Муравлевъ не могъ слышать ни о „мимической сценѣ“ въ вокзалѣ, ни о „завлекательной фантазіи“ Щипачева показаться тѣмъ людямъ, которые видѣли его здѣсь въ образѣ слуги какого-то таинственнаго отсутствующаго господина. Тогда, быть можетъ, Муравлевъ понялъ бы, что они не могутъ быть спокойны даже за одинъ завтрашній день.

— Вотъ и третій день изъ семи,—сказалъ Павелъ Андреевичъ на слѣдующее утро Яшѣ, когда тотъ пришелъ къ нему пить чай.

— И ты все таки ни на что не рѣшился?

— Вчера вечеромъ какъ будто рѣшился, а теперь опять не знаю... Не могу...

На слѣдующій день, во вторникъ утромъ, выдя вмѣстѣ съ Яшей изъ дому, Павелъ Андреевичъ встрѣтилъ невдалекѣ отъ своей квартиры Лизу, которая съ перваго же взгляда показалась ему и невеселой, и какъ будто очень разстроенной.

— А я вѣдь шла къ вамъ,—сказала она, взглянувъ ему прямо въ глаза своими невеселыми глазами.

Яша, не останавливаясь, прошелъ дальше и скоро скрылся изъ виду. Павелъ Андреевичъ хотѣлъ непремѣнно воротиться домой, говоря Лизѣ, что вышелъ безъ всякой цѣли и никакого дѣла у него нѣтъ, но Лиза остановила его.

— Нѣтъ, лучше пойдемте тихонько дальше и будемъ говорить здѣсь,—сказала она.—Да я не знаю даже, можетъ быть, и говорить вовсе не о чемъ. Это такая туманная исторія, что,

право, я не знаю, какъ и приступить къ ней. Лучше всего, буду говорить откровенно все, какъ было. Видите ли, я пріѣхала домой вчера вечеромъ. Слѣдомъ за мною пріѣхалъ и Григорій Александровичъ. Онъ пробылъ у насъ очень не долго, — думалъ, что я устала съ дороги, — но былъ такой странный, такой непонятный, что я не умѣю вамъ и передать. Точно онъ съ минуты на минуту ожидалъ чего-то ужаснаго... Потомъ, когда онъ уѣхалъ, меня напугала Ольга Ѳедоровна. Она мнѣ сказала, что въ субботу вечеромъ у васъ съ Григоріемъ Александровичемъ вышло что-то очень серьезное, такъ что Григорій Александровичъ ушелъ отъ васъ совсѣмъ внѣ себя. Къ тому же, я и сама замѣчала, что отношенія между вами дѣлаются за послѣднее время все хуже, да хуже... Вѣдь это же правда?

— Это правда, — тихо отвѣчалъ Павелъ Андреевичъ, не поднимая глазъ.

— А въ субботу, дѣйствительно, вышла ссора?

— И то правда.

— Серьезная? Или это какое нибудь недоразумѣніе, которое можно еще разъяснить... можно все исправить?

— Нѣтъ, этого нельзя поправить. Никогда,—сказалъ онъ безъ всякаго гнѣва или раздраженія, но какъ такую истину, къ которой не можетъ быть сдѣлано никакихъ оговорокъ.

Лиза печально посмотрѣла на него. Слѣдовательно, все правда. Правда, по всей вѣроятности, и то, что у Муравлева рука была въ крови и обмотана платкомъ, а шляпа выпачкана грязью. Можно предполагать, что кто нибудь изъ нихъ ударилъ другаго, а вѣдь, по ихъ понятіямъ, это такое оскорбленіе, которое непремѣнно должно повести за собою дуэль. Боже мой, да вѣдь это что-то ужасное, звѣрское!

— Ахъ, Павелъ Андреевичъ! — съ тоской сказала она.— Я шла къ вамъ, сама не знаю зачѣмъ... хотѣла только спросить: не можете ли вы мнѣ объяснить, что такое сдѣлалось съ Григоріемъ Александровичемъ? Меня точно вело къ вамъ какое-то предчувствіе... А теперь оказывается что-то еще худшее, чѣмъ я могла себѣ представить. Можетъ быть, вы будете даже стрѣляться... онъ васъ вызвалъ или вы его вызвали...

— Нѣтъ, не думаю, чтобы мы стали драться. Развѣ, если

случится еще что нибудь новое, особенное. Врядъ ли,—отвѣчалъ Павелъ Андреевичъ.

— Слѣдовательно, можетъ быть, и будете! — воскликнула Лиза, волнуясь все больше и больше. — Да вѣдь это что-то ужасное, Павелъ Андреевичъ! Столько лѣтъ вы были такъ дружны другъ съ другомъ и пришли къ этому... Да неужели же вы ничего не скажете мнѣ, чтобы я хоть сколько нибудь поняла: изъ-за чего же люди могутъ ссориться навсегда и убивать другъ друга? Вѣдь я теряю голову... А между тѣмъ, поймите, вѣдь я успѣла привыкнуть къ вамъ, какъ къ старому другу. Вы ко мнѣ пришли точно отъ брата, съ которымъ были такъ дружны...

Павелъ Андреевичъ молчалъ. Они тихо шли по тротуару, мимо бѣлой кирпичной ограды какого-то сада, изъ-за которой свѣшивались надъ ихъ головами вѣтви высокихъ березъ. Дошли до переулка и машинально повернули обратно, а Павелъ Андреевичъ все молчалъ. Что ему было говорить? Если-бы онъ и рѣшился разсказать всю правду, то все равно не имѣлъ права разсказывать ее теперь. Что же было говорить? Лиза тоже, казалось, не замѣчала, какъ долго онъ не отвѣчаетъ ей, и терялась въ догадкахъ: что такое могло произойти между ними. Лучшіе друзья ссорятся иногда изъ-за женщинъ, но она знала теперь, что Муравлевъ, прежде чѣмъ познакомился съ нею, уже давно жилъ съ Ольгой, простой, полуграмотной женщиной, которая раньше была на содержаньѣ у другаго. Не изъ-за этой же несчастной они поссорились. Но что же можетъ быть другое?

— Вѣдь не можетъ же между вами быть какихъ нибудь гадкихъ счетовъ! Вы не такіе оба. Что жъ такое произошло, о чемъ нельзя было бы сказать? Вѣдь ничего такого не можетъ быть!—въ волненіи говорила она или, вѣрнѣе, разсуждала вслухъ.

Онъ взглянулъ на нее съ горькой усмѣшкой, точно хотѣлъ сказать, что напрасно она такъ думаетъ, но не сказалъ этого.

— Лизавета Павловна,—сказалъ онъ,—вы предложили мнѣ уже нѣсколько вопросовъ, и я отвѣчалъ на нихъ откровенно. Позвольте теперь и мнѣ, вмѣсто отвѣта, предложить вамъ одинъ вопросъ: вы выходите замужъ за Муравлева?

Лиза остановилась и смотрѣла на него съ величайшимъ изумленіемъ.

— Вы сказали: вмѣсто отвѣта... Значитъ... значитъ... это у васъ изъ-за меня... Или... что такое?—совсѣмъ растерянно и заикаясь проговорила она, смотря на него во всѣ глаза.

Павелъ Андреевичъ опять не отвѣчалъ и, слѣдовательно, надо было думать, что ссора дѣйствительно вышла изъ-за нея. На щекахъ ея выступилъ яркій румянецъ и сейчасъ же пропалъ. Она опустила голову, опустила руки и стояла точно виноватая, хотя опять таки не могла понять, какъ эти два человѣка могли поссориться изъ-за нея. Что это такое?

— Слѣдовательно, изъ-за меня... Нѣтъ, я не пойду за него,—задумчиво сказала она какъ будто усталымъ голосомъ и, тихо вздохнувъ, продолжала: — Прежде, когда онъ спросилъ меня объ этомъ, я ему сказала, что, можетъ быть, пойду за него, только не теперь. Въ то время меня очень безпокоило здоровье брата. Къ тому же, мнѣ казалось, что я еще не достаточно знаю Григорія Александровича... А потомъ... Сперва я узнала о его давнихъ отношеніяхъ къ Ольгѣ Васильевнѣ и, признаюсь, мнѣ стало ее ужасно жалко. Послѣ этого, меня стала все больше тревожить мысль о томъ, что вѣдь мы съ нимъ—будто люди совсѣмъ разныхъ міровъ. Вѣдь я передъ нимъ—точно какая-то домашняя утка, которая привыкла возиться въ своей маленькой лужѣ. А теперь—еще эта исторія... Нѣтъ, все дѣло въ томъ, что еслибы я любила его, то не посмотрѣла бы ни на что и не стала бы ни о чемъ раздумывать. А если мнѣ одного жаль, другое тревожитъ меня, третье заставляетъ задумываться, — значитъ, я не настолько люблю, чтобы сдѣлаться его женой... Вотъ мой отвѣтъ на вашъ вопросъ. Не можете ли вы хоть теперь объяснить: почему спросили меня объ этомъ?

Павелъ Андреевичъ, у котораго точно камень свалился съ плечъ, тяжело вздохнулъ и посмотрѣлъ ей, наконецъ, прямо въ глаза.

— Простите, Лизавета Павловна,—сказалъ онъ.—Я не могу ничего сказать вамъ... Не имѣю права, потому что это не моя тайна.

Когда Лиза отказалась выйти за Муравлева замужъ, онъ былъ до того потрясенъ этимъ, его охватила такая злоба на Павла Андреевича,—котораго онъ заподозрилъ въ предательствѣ,—что съ нимъ сдѣлался нервный ударъ. Выздоровленіе шло медленно. Однако, мѣсяца черезъ три, онъ былъ уже въ состояніи перебраться на новую, маленькую квартиру, которая была нанята на имя Ольги, тоже поселившейся въ ней. Съ папочкой онъ отказался жить.

— Я хочу, чтобы къ тому времени, когда мнѣ придется ослѣпнуть, у меня былъ хоть черствый ломоть хлѣба,—рѣзко сказалъ онъ отцу.

А еще черезъ мѣсяцъ, Муравлевъ, худой, желтый, съ воспаленными глазами, занялъ въ первый разъ свое новое мѣсто, оставшееся за нимъ до его выздоровленія.

— Что дѣлать! У меня нѣтъ капитала, на который бы я могъ жить, ничѣмъ не занимаясь, кромѣ заботы о своемъ здоровьѣ,—едва не скрежеща зубами отъ затаенной злобы, отвѣчалъ онъ тѣмъ изъ своихъ сослуживцевъ, которые говорили ему, что онъ еще несовсѣмъ поправился.

Павелъ Андреевичъ нашелъ себѣ скромное мѣсто въ транспортной конторѣ. По временамъ, на него нападаетъ страшная тоска. Иногда, тайкомъ ото всѣхъ, ему случается даже напиваться пьянымъ съ этой тоски. Но все таки онъ счастливѣе Муравлева. У Павла Андреевича есть Яша, который почти совсѣмъ переселился къ нему и ходитъ домой только въ гости. У Павла Андреевича есть Лиза, все больше и больше привязывающаяся къ нему; тогда какъ у Муравлева нѣтъ ровно никого и ничего, потому что на Ольгу онъ смотритъ просто, какъ на домашнее животное,—правда, доброе, преданное и послушное, но все таки животное.

Н. Бажинъ.

КОНЕЦЪ.

ЖЕНСКІЕ СИЛУЭТЫ.

I.

«Casta e pura».

Пытливый носъ, ехидный ротъ,
Глаза безцвѣтны, бѣлы брови...
Должно быть, въ жилахъ, вмѣсто крови,
Иное что нибудь течетъ...

Вся изможденная, сухая,
Тщедушна, плохо сложена...
Вамъ скажутъ всѣ: «Что̀ за жена!
Какая мать!.. Она—святая!»...

Да, вышивать пріятно ей
Ермолку къ мужнему халату;
Она укутываетъ въ вату
Своихъ заморышей-дѣтей;

Ведетъ съ начальствомъ мужа дружбу,
Имѣетъ преданныхъ врачей
И проливаетъ слезъ ручей,
Постомъ внимая въ церкви службу...

Она кротка, чиста душой...
Но странно: ей всегда пріятно
Съ негодованьемъ видѣть пятна
На репутаціи чужой!

И безъ занятія такого
Ей скучно, цѣли нѣтъ ей жить!
Подругъ *заставитъ* согрѣшить
Она тогда почти готова!..

Потомъ... примѣрная жена
Съ восторгомъ волю дастъ злословью!..
А вотъ сама, небось, вѣрна!..
Иль добродѣтельна она
По одному лишь малокровью?!.

II.

«Княгиня Марья Алексѣвна».

Княгиню Z. почти весь городъ знаетъ;
У ней свой домъ, изящный домъ «au Quai»;
Она гостямъ руки не пожимаетъ,
А *допускаетъ* лишь иныхъ къ рукѣ—
И головою изрѣдка мотаетъ,
Какъ будто конь на строгомъ мундштукѣ;
Въ ней все: манеры, платье и прическа, —
Все—«haute école» кичливости и лоска!..

Межъ тѣмъ, порой виднѣется... испугъ
Въ глазахъ ея: въ разгарѣ лжи блестящей,
То просыпается больной, щемящій,
Мучительный вопросъ:—«А что, какъ вдругъ
Сочтетъ меня grande-dame не настоящей
Le trrrès-grand-monde,—нашъ избраннѣйшій кругъ?!»...
Какая смѣсь: холопство и гордыня!
Не человѣкъ, не женщина,—княгиня!..

III.

«Звѣзда Востока».

Взоръ очей ея восточныхъ жгучъ
И румяны чувственныя губы;
Зубы—просто жемчугъ, а не зубы;
Станъ ея и гибокъ, и могучъ;

Ноздри нервны и слегка раздуты;
Дышетъ грудь, вздымаясь, какъ волна...
Эта дама вѣрно создана,
Чтобъ любить и... рвать стѣсненій путы?!..

Нѣтъ!.. Она,—совсѣмъ наоборотъ,—
Про любовь не станетъ даже слушать!
— Полежать бы, пожирнѣй покушать,
Да соснуть, конфетку взявши въ ротъ!..

Василій Величко.

ОЧЕРКИ СРЕДНЕВѢКОВОЙ ЖИЗНИ.

V.

Игры и увеселенія. — Шахматы, кости, карты.—Танцы.—Звѣриные бои.— Жонглёры и акробаты.

Одною изъ самыхъ любимыхъ игръ, распространенныхъ въ Англіи, Франціи, Германіи, Италіи, были шахматы. Это считалось аристократическимъ занятіемъ, и хорошо играть въ шахматы было большимъ преимуществомъ, которымъ можно было хвастаться. Въ средневѣковыхъ романахъ постоянно разсказывается, какъ король и рыцари играютъ въ шахматы, и самая эта игра нерѣдко имѣетъ большое значеніе въ развитіи дѣйствія. Несомнѣнно, что въ XII и XIII вѣкахъ шахматы имѣли самое широкое распространеніе. Одинъ писатель XII вѣка разсказываетъ слѣдующій интересный анекдотъ. Эленъ, король британскій, по наущенію жены, схватилъ возставшаго противъ него князя Ремелина и подвергъ лишенію зрѣнія и другимъ членовредительнымъ истязаніямъ. Сынъ Ремелина, Виганъ, которому удалось избѣгнуть подобной же участи, началъ войну съ Эленомъ и велъ ее побѣдоносно; онъ согласился заключить миръ только послѣ вмѣшательства короля французскаго и лишь послѣ того какъ король британскій выдалъ за него свою дочь. Въ странѣ водворился миръ, но молодая жена смотрѣла на Вигана съ презрѣніемъ, какъ на сына изувѣченнаго феодала своего отца. Однажды она играла въ шахматы съ мужемъ, но къ концу игры Вигана отозвали по важному дѣлу, и онъ попросилъ одного рыцаря замѣстить его. Она выиграла и, когда сдѣлала послѣдній ходъ, сказала: «не вамъ, а сыну изувѣченнаго я говорю: «матъ». Виганъ входилъ въ это время въ комнату и услышалъ насмѣшку. Онъ отправился въ резиденцію своего тестя, вѣроломно схватилъ его и нанесъ ему тѣ же увѣчья, которыя были на-

несены Ремелину. Возвратившись домой, онъ началъ новую партію съ женой и выигралъ ее; тогда онъ бросилъ на шахматную доску глаза и другіе члены, отрѣзанные у ея отца, и закричалъ: «я говорю: «матъ» дочери изувѣченнаго». За это оскорбленіе жена убила Вигана.

Понятно, что въ тѣ дикія времена нерѣдко выходили ссоры за игры, кончавшіяся очень серьезно. Королевскій сынъ Іоаннъ игралъ однажды съ рыцаремъ Фулькомъ. Игра кончалась тѣмъ, что принцъ схватилъ шахматную доску и ударилъ ею рыцаря по головѣ, а тотъ въ свою очередь ударилъ его ногой въ животъ такъ сильно, что принцъ упалъ безъ чувствъ. Въ одной пѣснѣ такъ разсказана причина войны между Карломъ Великимъ и Ожье. Сынъ императора, Карлъ, игралъ въ шахматы съ Балдуиномъ, незаконнымъ сыномъ Ожье. Они разставили фигуры. Карлъ первый двинулъ пѣшку, Балдуинъ двинулъ слона назадъ. Королевскій сынъ хотѣлъ серьезно преслѣдовать его и двинулъ коня противъ его другаго слона. Одинъ двигалъ впередъ, другой двигалъ назадъ, пока Балдуинъ, наконецъ, не сказалъ матъ своему противнику. Молодой принцъ такъ разсердился, что не только сталъ ругать Балдуина непристойными словами, но схватилъ доску и ударилъ его такъ сильно, что разсѣкъ голову. Вслѣдствіе этого возгорѣлась война между отцами Карла и Балдуина.

Въ шахматы играли не только изъ любви къ искусству, но также на деньги, что̀ видно изъ слѣдующаго разсказа. Сынъ одной французской герцогини, какъ найденышъ, неизвѣстно кому принадлежащій, былъ приведенъ ко двору венгерскаго короля и здѣсь ему стала завидовать знать. Четыре сына короля соглашаются убить его; они составляютъ планъ пригласить его въ отдаленную комнату играть въ шахматы, начать съ нимъ ссору и затѣмъ зарѣзать. «Гуго, — говорятъ они, — не хочешь ли ты поиграть съ нами въ шахматы? Ты можешь выиграть сотню франковъ и въ то же время ты научишь насъ, потому что, конечно, лучше насъ играешь въ шахматы». Гуго зналъ, что за игрой часто выходятъ непріятности, а потому онъ принялъ приглашеніе только тогда, когда братья обѣщали избѣгать всякаго повода къ ссорѣ. Тогда они увели его въ отдаленную комнату и сѣли за шахматы. Онъ началъ играть съ сыномъ герцога Гранье, и каждый положилъ сто франковъ. Гуго скоро побѣдилъ ихъ всѣхъ и сдѣлалъ всѣмъ имъ матъ; онъ предложилъ имъ даже научить ихъ играть получше, предлагая не ставить денегъ. Но они вытащили ножи и стали оскорблять Гуго. Послѣдній убилъ кулакомъ одного изъ нихъ и,

такъ какъ онъ былъ безъ оружія, схватилъ шахматную доску, в сто щита, и этой доской покончилъ съ остальными тремя.

Неизвѣстно, когда впервые появились шахматы въ Евро древнѣйшее свидѣтельство относится къ XI вѣку [1]). Это—пис епископа Даміана къ папѣ Александру II (1061—1073). Дамі разсказываетъ, какъ онъ путешествовалъ съ однимъ флорентійск епископомъ. «Вечеромъ,—говоритъ онъ,—мы остановились въ гост ницѣ, я прошелъ въ комнату одного священника, тогда какъ е скопъ флорентійскій помѣстился съ другими путешественника Утромъ служанка сообщила мнѣ, что помянутый епископъ игр въ шахматы; это сообщеніе поразило меня въ самое сердце послалъ за нимъ и сталъ строго выговаривать ему. «Развѣ досто твоего сана,—сказалъ я, — проводить вечеръ въ суетной игрѣ шахматы, осквернять руки и языкъ, который долженъ быть пос никомъ между людьми и Богомъ? развѣ ты не знаешь, что, церковнымъ канонамъ, епископъ, играющій въ кости, долженъ б низложенъ». Привязавшись къ названію, онъ отвѣчаетъ, что к и шахматы не одно и то же, что каноны запрещаютъ только и въ кости и тѣмъ самымъ разрѣшаютъ шахматы. «Шахматы,—о тилъ я, —дѣйствительно не упоминаются въ канонѣ, но общій минъ кости заключаетъ въ себѣ обѣ игры. Если кости запрещ а шахматы не упомянуты отдѣльно, изъ этого слѣдуетъ, что игры разумѣются подъ костями, и обѣ запрещены».

Весьма вѣроятно, что шахматы—восточное изобрѣтеніе и византійцы научились имъ у арабовъ, а итальянцы у грек По крайней мѣрѣ, названія нѣкоторыхъ фигуръ указываютъ арабское происхожденіе. Мусульмане не могли допустить сутствія женщины на шахматной доскѣ, а потому старшая фи послѣ короля была у нихъ ферзь (ферзь—по арабски— визирь совѣтникъ), переименованный въ Европѣ въ королеву. Одна гура называлась пиль или филь, что́ значитъ слонъ; на за ее звали сначала алфинь (ал—арабскій членъ), а потомъ пере новали въ епископы. Первоначально шахматныя фигуры дѣла очень большихъ размѣровъ и представляли настоящія скульп ныя произведенія, изображавшія королей, рыцарей въ пол вооруженіи, коней и т. п. Доски дѣлались часто изъ очень д гаго матеріала, напримѣръ: изъ серебра, горнаго хрусталя, оп

---

[1]) Выше я упоминалъ о шахматахъ во время Карла Великаг такъ какъ это заимствовано изъ фантастическаго разсказа XII вѣк бытовыя подробности должны быть относимы ко времени составленія сказа, а никакъ не ко времени Карла Великаго.

леннаго въ серебрѣ; фигуры приготовлялись изъ сафировъ и топазовъ. Шашки были также извѣстны въ средніе вѣка, но въ нихъ играли гораздо меньше, чѣмъ въ кости. Такъ какъ игра въ кости исключительно азартная, то играли на деньги и проигрывались въ пухъ и прахъ. Этой игрой занимались преимущественно въ тавернахъ и иной разъ приходилось снимать платье, которое тутъ же закладывалось трактирщику. На одной средневѣковой рукописи нарисованы двое мужчинъ, играющихъ въ кости, причемъ одинъ игрокъ сидитъ уже совершенно голый. Поэтому церковь и правительство возставали противъ игры въ кости. Королевскій указъ 1256 г. запрещаетъ игру въ кости во всей Франціи и грозитъ игрокамъ строжайшимъ наказаніемъ. Правительственныя распоряженія не могли, конечно, искоренить любви къ азарту и чрезъ сто лѣтъ принимаютъ мѣры только противъ тѣхъ, кто играетъ фальшивыми костями. Шулерство возникло, кажется, вмѣстѣ съ самой игрой; въ одномъ византійскомъ памфлетѣ XI в. священникъ обвиняется въ томъ, что плутуетъ въ кости. Азартная игра часто доводила до полнаго разоренія; это случалось даже съ поэтами, средневѣковыми трубадурами. Трубадуръ Рютебефъ восклицаетъ въ своей сатирической поэмѣ: кости отняли у меня все мое платье, кости убиваютъ меня, кости преслѣдуютъ меня. Проигравшіеся игроки позволяли себѣ крѣпкія выраженія, проклятія и богохульство. Король Филиппъ-Августъ,—разсказываетъ его историкъ,—съ такимъ ужасомъ относился къ богохульству, постоянно изрекаемому игроками, что, какъ только рыцарь или кто другой, возбужденный игрою, позволялъ себѣ въ присутствіи короля богохульное выраженіе, его тотчасъ же бросали въ рѣку. При Людовикѣ XII ограничивались тѣмъ, что за богохульство жгли языкъ раскаленнымъ желѣзомъ. Игра въ кости была довольно разнообразна; насчитываютъ до десяти разныхъ манеръ; была игра англійская, принятая преимущественно въ Англіи, и ломбардская, которую предпочитали въ Италіи. Обыкновенно играли тремя костями, но иногда шестью. Современная англійская игра триктракъ (backgammon), основанная на костяхъ и извѣстная также въ другихъ странахъ, есть усовершенствованіе средневѣковой игры.

Карты, которыя считаются арабскимъ изобрѣтеніемъ, все тѣснили мало по малу шахматы и особенно кости. Европа познакомилась съ ними не раньше XIV вѣка. Итальянскій писатель XV вѣка Кавелуццо разсказываетъ, что въ 1379 г. была принесена въ городъ Витербо игра въ карты, пришедшая изъ страны сарацинской. На одной французской рукописи, написанной, по всей вѣроятности, въ XIV вѣкѣ, нарисовано королевское семейство,

играющее въ карты. Но самое достовѣрное свидѣтельство относится къ 1393 г. Отъ этого года сохранился счетъ Карла Пупара, казначея французскаго короля Карла VI, въ которомъ написано: дано 56 су живописцу Гренгоннеру за три колоды картъ, расписанныхъ разными красками и изукрашенныхъ фигурами, картъ, доставленныхъ королю для его развлеченія. Изъ этого видно, что къ концу XIV вѣка въ Европѣ умѣли уже приготовлять карты, но это было еще искусствомъ, которымъ занимались художники. Впрочемъ, можетъ быть, только для короля готовились изящныя колоды и въ обращеніи находились уже болѣе простыя. На это указываетъ полицейское распоряженіе 1397 г. (въ Парижѣ), запрещающее рабочимъ играть въ будни въ кости и карты. На лангрскомъ соборѣ 1404 г. издано постановленіе, воспрещающее духовнымъ лицамъ играть въ карты. Къ этому времени карты такъ распространились въ Германіи, что продажа ихъ составляла отдѣльную и видную отрасль торговли. Въ Англіи картежная игра привилась позднѣе, но она несомнѣнно процвѣтала въ срединѣ XV вѣка. Въ царствованіе Эдуарда IV (въ 1463 г.) парламентскимъ актомъ былъ запрещенъ ввозъ картъ изъ Германіи. Такою мѣрою хотѣли, конечно, оказать покровительство англійскому производству и изъ этого видно, что приготовленіе картъ представляло обширную отрасль, которой стоило покровительствовать. Карты представляли одно изъ самыхъ любимыхъ развлеченій во время рождества. Леди Пастонъ пишетъ своему мужу отъ 24 декабря 1483 г. «знайте, что я послала вашего старшаго сына Джона къ леди Морлэ, чтобы узнать, какія игры приняты у нихъ въ домѣ во время рождества. Она отвѣтила, что они не занимаются ни ряженьемъ, ни музыкой или пѣніемъ, а только играми за столомъ, шахматами и картами». Во Франціи, какъ и въ другихъ странахъ, играли исключительно въ азартныя игры: ландскнехтъ, маріажъ, trente et un и другія: искусство тутъ не играло никакой роли. Если оно примѣнялось, то исключительно въ приготовленіи крапленыхъ картъ.

Шахматы, кости, карты называли играми застольными и отличали ихъ отъ игръ, которыми занимались на свѣжемъ воздухѣ. Игры, въ которыхъ можно было выказать силу и ловкость, были очень приняты въ буржуазіи и въ деревняхъ. Развлеченія эти существуютъ до сихъ поръ, но теперь ими занимаются исключительно школьники. Въ средніе вѣка, взрослые играли въ жмурки, пятнашки, бѣга, въ борьбу, въ мячъ. Знатная молодежь усердно занималась гимнастикой и всякими физическими упражненіями, укрѣпляя тѣло. Любимымъ занятіемъ была особаго рода игра въ

ки, такъ называемое jeu de paume, и бильярдная игра. Но то,
называлось бильярдомъ въ средніе вѣка, походило скорѣе на
ременный крокетъ, чѣмъ на бильярдъ. Игра заключалась въ
ъ, что на ровномъ мѣстѣ катали деревянные шары молотками.
XIV вѣкѣ это развлеченіе было очень популярно и въ бильярдъ
али на крупныя суммы; извѣстно, что въ 1396 г. одинъ мар-
къ выигралъ 600 франковъ, что̀ составляетъ 28 тысячъ со-
менныхъ франковъ. Были и другія подобныя игры: кегли, la
le, когда огромный шаръ изъ сѣна, покрытый кожей, двѣ пар-
играющихъ отбивали другъ у друга.

Еще одно удовольствіе, замѣнившее въ наше время почти всѣ
ы, кромѣ винта, завѣщано намъ средними вѣками, это—танцы.
Римѣ, какъ извѣстно, считалось неприличнымъ танцовать и по-
очные люди развлекались, только глядя, какъ танцуютъ профес-
иональные танцовщики и танцовщицы, отнюдь не принимая уча-
я въ этомъ позорномъ упражненіи. Католическая церковь раз-
яла мнѣніе римской аристократіи и запрещала пляску, какъ
ятіе опасное для общественной нравственности, но она не на-
ила поддержки въ свѣтской власти. О первоначальныхъ танцахъ
знаемъ очень мало, но извѣстно, что у франковъ существо-
а военная пляска и отголосокъ этой пляски встрѣчаемъ въ ры-
скомъ быту. Когда выбирали новаго рыцаря, всѣ рыцари въ
номъ вооруженіи производили въ тактъ плавныя тѣлодвиженія
ъ звуки военной музыки, а народъ плясалъ вокругъ нихъ. Го-
ятъ, что это—начало балета. Средніе вѣка—это эпоха танцевъ
преимуществу, особенно во Франціи. Постоянно устраивались
здники съ танцами и, читая старинныхъ поэтовъ и романистовъ,
кно подумать, что французамъ больше нечего было дѣлать,
къ только танцовать во всякое время дня и ночи. Одинъ пи-
ель слѣдующимъ образомъ объясняетъ пользу, происходя-
ю отъ танцевъ: «Танцы устраиваютъ, чтобы узнать, здо-
ы ли и ловки ли влюбленные; по окончаніи танцовъ, имъ поз-
ено поцѣловать дамъ, за которыми они ухаживаютъ, для того
бы они могли почувствовать и обонять другъ друга и узнать,
ятное ли у нихъ дыханіе; такимъ образомъ танцы совершенно
бходимы для общества». Какъ только собиралось достаточно
ода, до обѣда или послѣ него, сейчасъ же начинали танцовать
дить хороводы; мужчины и женщины брали другъ друга за
и и двигались въ тактъ направо и налѣво. Авторъ одной
вансальской поэмы говоритъ объ этомъ аллегорически: «Моло-
ъ и Радость открывали балъ съ своей кузиной»: Прыткостью.—
бадуры называютъ много танцовъ, не описывая ихъ, какъ вс

щи имъ хорошо знакомыя, а потому намъ многое остается неяснымъ. Тутъ упоминается, напр., одинъ танецъ, всего больше похожій на нашъ деревенскій хороводъ: всѣ участвующіе брались за руки и составляли кругъ; затѣмъ каждый пѣлъ по куплету и всѣ хоромъ повторяли припѣвъ. Упоминаются еще: брабантское па, во время котораго становились на колѣни передъ своей дамой, и танецъ съ четками, по окончаніи котораго цѣловали даму. Мужчины танцовали въ обыкновенномъ платьѣ, но дамы имѣли—повидимому—особые бальные костюмы; по крайней мѣрѣ, въ одномъ романѣ говорится, что, когда кончили обѣдать и стали убирать столы, дамы пошли переодѣваться. Встрѣчается еще танецъ съ факелами: танцующій бралъ въ руки длинную свѣчу и старался танцовать такъ быстро и ловко, чтобы сосѣди не успѣли загасить ее. Современные танцоры, конечно, узнаютъ въ этомъ танцѣ одну изъ фигуръ мазурки, устраиваемыхъ нашими дирижерами.

Танцы стали разнообразнѣе, но и менѣе невинны, когда завелись маскарады. Къ маскарадамъ французскій дворъ особенно пристрастился со времени Карла VI (съ XIV вѣка); но первоначально замаскировываться считалось возможнымъ только во время карнавала и въ тѣ дни, когда все было дозволено, напр., на свадьбахъ. Одинъ изъ такихъ маскарадовъ отмѣченъ исторіей по трагическому происшествію, случившемуся на немъ. 29 января 1393 г. было большое празднество въ одномъ изъ парижскихъ дворцовъ по случаю свадьбы королевской фрейлины. Одинъ нормандскій дворянинъ придумалъ представить пляску дикихъ, чтобы позабавить присутствующихъ дамъ. Онъ подговорилъ короля и четырехъ придворныхъ, которые сшили себѣ полотняное платье, покрытое паклей съ головы до ногъ. Въ такомъ костюмѣ явились они на балъ, причемъ четверо придворныхъ были привязаны другъ къ другу цѣпью. Они кричали самымъ дикимъ образомъ и производили невозможныя тѣлодвиженія. Никто не зналъ, что это за отвратительныя маски, и для того чтобы открыть секретъ, герцогъ орлеанскій подошелъ къ нимъ съ факеломъ и такъ неосторожно, что пакля воспламенилась. Около часа они горѣли, какъ факелы,—разсказываетъ хроникеръ. Король спасся, только благодаря тому, что его узнала тетка и покрыла своимъ длиннымъ треномъ.

Во Франціи танцовали всего лучше, съ наибольшею граціею и элегантностью. Французы заимствовали танцы у другихъ народовъ, нѣмцевъ и итальянцевъ, но облагораживали ихъ и дѣлали красивѣе. Танцы дѣлились на двѣ категоріи: правильные и неправильные. Первые отличались спокойствіемъ и плавностью, не допускали скачковъ и рѣзкихъ тѣлодвиженій; во вторыхъ, напротивъ,

лались всякіе прыжки и принимались рискованныя позы. На-
ящимъ французскимъ танцомъ была la gaillarde, танцовавшаяся
дъ звуки гобоя и тамбурина. Кавалеръ и дама кланялись другъ
ругу, затѣмъ они подходили другъ къ другу, отступали назадъ,
нялись мѣстами, пока не прекращалась музыка. Тогда кавалеръ
лонялся своей дамѣ, бралъ ее за руку и отводилъ на то мѣсто,
дѣ она стояла раньше.

Укажу, въ заключеніе, на нѣкоторыя зрѣлища, замѣнявшія въ
средніе вѣка театръ. Унаслѣдованные отъ Рима звѣриные бои про-
должались до новаго времени во всей Европѣ и въ видѣ обломка
старины существуютъ до сихъ поръ въ Испаніи. Король Пипинъ
остановился однажды въ Ферріерскомъ аббатствѣ и тутъ для уве-
селенія устроили бой льва съ быкомъ. Этотъ быкъ былъ громад-
наго роста и обладалъ необыкновенной силой, тѣмъ не менѣе левъ,
бросившись на него, опрокинулъ его. Пипинъ, прозванный Корот-
кимъ, обратился къ своей свитѣ, часто смѣявшейся надъ его ма-
ленькимъ ростомъ: «заставьте льва выпустить быка,—сказалъ онъ,—
или убейте его». Никто не рѣшился на такое опасное предпріятіе
и нѣкоторые громко замѣтили, что только сумашедшій можетъ
помѣриться силами со львомъ. Тогда Пипинъ бросается на арену
съ обнаженнымъ мечемъ и двумя ударами разсѣкаетъ голову льва
и голову быка. «Какъ вамъ это покажется,—сказалъ онъ удивлен-
ной свитѣ,—развѣ я недостоинъ быть вашимъ господиномъ? Храб-
рость не зависитъ отъ роста». Король французскій Филиппъ Ва-
луа купилъ въ 1333 г. сарай, гдѣ онъ устроилъ звѣринецъ для
своихъ львовъ; туда же посадили медвѣдей, леопардовъ и другихъ
дикихъ звѣрей. Въ присутствіи короля и его двора устраивали
травлю этихъ звѣрей съ быками и собаками. Послѣ одного изъ та-
кихъ кровавыхъ зрѣлищъ, Карлъ IX хотѣлъ отправиться одинъ на
арену и сразиться со львомъ, разорвавшимъ на куски его люби-
мыхъ собакъ; стоило большаго труда отговорить короля отъ ис-
полненія этого безумнаго плана. Постепенно охота на дикаго звѣря,
кабана, волка, медвѣдя замѣнила звѣриные бои и народъ былъ
лишенъ любимаго зрѣлища.

Крестьяне, не принимавшіе участія въ грандіозныхъ охотахъ,
довольствовались тѣмъ, что натравляли собакъ на старую лошадь
или никуда негоднаго осла. Во время деревенскихъ праздниковъ,
боролись и устраивали еще особую драку слѣпцовъ. Два человѣка
съ завязанными глазами вооружались дубиной, одной рукой дер-
жались за веревку, привязанную къ колу, и бѣжали другъ за дру-
гомъ все по тому же кругу; они старались попасть въ гуся или
свинью, убѣгавшихъ при видѣ поднятой палки, а такъ какъ

разстояніе между бѣгавшими было незначительно,—они сыпали удары другъ на друга, къ великой радости зрителей. Это сраженіе слѣпыхъ необыкновенно забавляло средневѣковую публику и даже короли приходили смотрѣть на интересное зрѣлище. 31 августа 1425 г. всѣ парижане стояли у своихъ оконъ и смотрѣли, какъ шли четверо слѣпыхъ, вооруженныхъ всякимъ оружіемъ на подобіе рыцарей, собирающихся на турниръ; передъ ними шли два человѣка: одинъ игралъ на гобоѣ, другой несъ знамя, на которомъ была нарисована свинья. Слѣпые должны были на слѣдующій день напасть на поросенка, который долженъ былъ достаться тому, кто убьетъ его. Громадная толпа собралась смотрѣть на этотъ бой. Слѣпые напали другъ на друга съ такой яростью, что непремѣнно перерѣзали бы другъ друга, еслибы ихъ не растащили и не уговорили подѣлить поросенка между собой.

Народъ въ средніе вѣка отличался своимъ ненасытнымъ любопытствомъ; онъ сбѣгался издалека, какъ только какое нибудь публичное зрѣлище могло доставить ему минуту развлеченія; онъ готовъ былъ подвергаться всякимъ лишеніямъ, лишь бы только посмотрѣть на что нибудь необыкновенное; онъ весь отдавался зрѣлищу и находилъ тутъ утѣшеніе въ величайшихъ бѣдствіяхъ; по всякому ничтожному поводу онъ смѣялся безконечнымъ смѣхомъ, представлявшимъ одну изъ его естественныхъ способностей. Во время всякихъ публичныхъ церемоній, толпа переполняла всѣ улицы, пресѣкала путь процессіи, такъ что въ Парижѣ въ такихъ случаяхъ ставили сержантовъ, вооруженныхъ палками, которые силою отгоняли народъ. Во время крестныхъ ходовъ, храмовыхъ праздниковъ, праздниковъ ремесленныхъ корпорацій, собиралась большая и шумная толпа со всѣхъ ближайшихъ городовъ и селеній. Короли французскіе имѣли обыкновеніе разъ или два раза въ годъ собирать своихъ вассаловъ и держать съ ними совѣтъ. На эти собранія созывался и народъ, и ему раздавали даромъ хлѣбъ, мясо и вино. Въ подобныхъ торжественныхъ случаяхъ, во время придворныхъ празднествъ, смотровъ войскъ, показывали свое искусство жонглёры и акробаты. Во время народныхъ праздниковъ, короли жонглёровъ (антрепренеры) устраивали разнообразныя зрѣлища и получали за это деньги отъ двора. Жонглёры играли на рыляхъ и разныхъ другихъ инструментахъ, и подъ этотъ акомпанементъ пѣли сказки. Кромѣ того, они показывали разные гимнастическіе фокусы: перепрыгивали однимъ прыжкомъ черезъ нѣсколько круговъ, удаленныхъ другъ отъ друга; жонглировали ножами, мѣдными шарами, тарелками; ходили на рукахъ, держались долго въ вертикальномъ положеніи, оперевшись головой о землю.

чались даже женщины, занимавшіяся такими акробатиче-
: упражненіями и называвшіяся жонглерессами. Жонглёры
дили дресированныхъ медвѣдей и обезьянъ, которые плясали
ались по командѣ. Въ одной рукописи есть рисунокъ, пред-
нющій пиръ; вокругъ стола представлены обезьяны верхомъ
шадяхъ, медвѣдь, представляющійся мертвымъ, коза, играю-
на арфѣ, собаки, пляшущія на заднихъ лапахъ. Такимъ обра-
жонглёры были поэтами, музыкантами, фокусниками, акро-
ми, укротителями звѣрей.

о XIII вѣка профессія жонглеровъ была очень выгодна; безъ
не обходилось ни одно народное или семейное празднество.
эмимы и акробатическія штуки, которыя они показывали,
есовали меньше, чѣмъ длинныя поэмы въ стихахъ, которыя
роизносили речитативомъ подъ акомпанементъ струнныхъ
ументовъ. Двери замковъ были всегда открыты жонглёрамъ
цари сажали ихъ съ собою за столъ. Они уходили оттуда съ
подарковъ, съ лошадьми, драгоцѣнными каменьями, тканями,
ми и, что всего важнѣе, большимъ количествомъ денегъ. Но
они потеряли уваженіе общества, и жонглёровъ стали счи-
презрѣнными людьми. Они вели распутную жизнь, и это отра-
ь на ихъ языкѣ и представленіяхъ. Они пѣли непристойныя
, давали крайне циничныя пантомимы. Народъ смѣялся гру-
сальностямъ жонглёровъ, но знать получила къ нимъ отвра-
и ихъ не пускали уже въ дамское общество ни въ рыцар-
, ни въ буржуазномъ кругу. Вмѣстѣ съ тѣмъ изсякли и источ-
доходовъ, и жонглёры обратились въ полуголодныхъ странствую-
актеровъ, питающихся крохами, подаваемыми имъ народомъ.
ъ конца XIV вѣка корпорація жонглеровъ раздѣлилась на
атегоріи: собственно жонглёровъ и фигляровъ. Первые про-
ли пѣть романсы, серьезные или шуточные стихи, разыгры-
на улицахъ маленькія комедіи. Фигляры исключительно за-
ись фокусами, гимнастикой, показывали дресированныхъ
й. Эти акробаты доходили иногда до большаго искусства.
ь писатель описываетъ слѣдующимъ образомъ представленіе,
е въ Миланѣ: герцогъ миланскій протянулъ изъ своего дворца
ъ на высотѣ 150 футовъ надъ землей; акробатъ влѣзъ на
канатъ и пошелъ по немъ совершенно прямо, потомъ по-
задомъ наперед, танцовалъ на канатѣ подъ звуки тамбу-
затѣмъ, ухватившись за канатъ ногами, повисъ внизъ голо-
онъ продѣлывалъ еще разныя штуки, такъ что дамы закры-
глаза, боясь, какъ бы онъ не убился. На похоронахъ герцога
нскаго, по разсказу одного хроникера, дано было слѣдующее

ОЧЕРКИ СРЕДНЕВѢКОВОЙ ЖИЗНИ.

V.

Игры и увеселенія. — Шахматы, кости, карты.—Танцы.—Звѣриные бои.— Жонглёры и акробаты.

Одною изъ самыхъ любимыхъ игръ, распространенныхъ въ Англіи, Франціи, Германіи, Италіи, были шахматы. Это считалось аристократическимъ занятіемъ, и хорошо играть въ шахматы было большимъ преимуществомъ, которымъ можно было хвастаться. Въ средневѣковыхъ романахъ постоянно разсказывается, какъ король и рыцари играютъ въ шахматы, и самая эта игра нерѣдко имѣетъ большое значеніе въ развитіи дѣйствія. Несомнѣнно, что въ XII и XIII вѣкахъ шахматы имѣли самое широкое распространеніе. Одинъ писатель XII вѣка разсказываетъ слѣдующій интересный анекдотъ. Эленъ, король британскій, по наущенію жены, схватилъ возставшаго противъ него князя Ремелина и подвергъ лишенію зрѣнія и другимъ членовредительнымъ истязаніямъ. Сынъ Ремелина, Виганъ, которому удалось избѣгнуть подобной же участи, началъ войну съ Эленомъ и велъ ее побѣдоносно; онъ согласился заключить миръ только послѣ вмѣшательства короля французскаго и лишь послѣ того какъ король британскій выдалъ за него свою дочь. Въ странѣ водворился миръ, но молодая жена смотрѣла на Вигана съ презрѣніемъ, какъ на сына изувѣченнаго феодала своего отца. Однажды она играла въ шахматы съ мужемъ, но къ концу игры Вигана отозвали по важному дѣлу, и онъ попросилъ одного рыцаря замѣстить его. Она выиграла и, когда сдѣлала послѣдній ходъ, сказала: «не вамъ, а сыну изувѣченнаго я говорю: «матъ». Виганъ входилъ въ это время въ комнату и услышалъ насмѣшку. Онъ отправился въ резиденцію своего тестя, вѣроломно схватилъ его и нанесъ ему тѣ же увѣчья, которыя были на-

несены Ремелину. Возвратившись домой, онъ началъ новую партію съ женой и выигралъ ее; тогда онъ бросилъ на шахматную доску глаза и другіе члены, отрѣзанные у ея отца, и закричалъ: «я говорю: «матъ» дочери изувѣченнаго». За это оскорбленіе жена убила Вигана.

Понятно, что въ тѣ дикія времена нерѣдко выходили ссоры за игры, кончавшіяся очень серьезно. Королевскій сынъ Іоаннъ игралъ однажды съ рыцаремъ Фулькомъ. Игра кончалась тѣмъ, что принцъ схватилъ шахматную доску и ударилъ ею рыцаря по головѣ, а тотъ въ свою очередь ударилъ его ногой въ животъ такъ сильно, что принцъ упалъ безъ чувствъ. Въ одной пѣснѣ такъ разсказана причина войны между Карломъ Великимъ и Ожье. Сынъ императора, Карлъ, игралъ въ шахматы съ Балдуиномъ, незаконнымъ сыномъ Ожье. Они разставили фигуры. Карлъ первый двинулъ пѣшку, Балдуинъ двинулъ слона назадъ. Королевскій сынъ хотѣлъ серьезно преслѣдовать его и двинулъ коня противъ его другаго слона. Одинъ двигалъ впередъ, другой двигалъ назадъ, пока Балдуинъ, наконецъ, не сказалъ матъ своему противнику. Молодой принцъ такъ разсердился, что не только сталъ ругать Балдуина непристойными словами, но схватилъ доску и ударилъ его такъ сильно, что разсѣкъ голову. Вслѣдствіе этого возгорѣлась война между отцами Карла и Балдуина.

Въ шахматы играли не только изъ любви къ искусству, но также на деньги, что̀ видно изъ слѣдующаго разсказа. Сынъ одной французской герцогини, какъ найденышъ, неизвѣстно кому принадлежащій, былъ приведенъ ко двору венгерскаго короля и здѣсь ему стала завидовать знать. Четыре сына короля соглашаются убить его; они составляютъ планъ пригласить его въ отдаленную комнату играть въ шахматы, начать съ нимъ ссору и затѣмъ зарѣзать. «Гуго, — говорятъ они, — не хочешь ли ты поиграть съ нами въ шахматы? Ты можешь выиграть сотню франковъ и въ то же время ты научишь насъ, потому что, конечно, лучше насъ играешь въ шахматы». Гуго зналъ, что за игрой часто выходятъ непріятности, а потому онъ принялъ приглашеніе только тогда, когда братья обѣщали избѣгать всякаго повода къ ссорѣ. Тогда они увели его въ отдаленную комнату и сѣли за шахматы. Онъ началъ играть съ сыномъ герцога Гранье, и каждый положилъ сто франковъ. Гуго скоро побѣдилъ ихъ всѣхъ и сдѣлалъ всѣмъ имъ матъ; онъ предложилъ имъ даже научить ихъ играть получше, предлагая не ставить денегъ. Но они вытащили ножи и стали оскорблять Гуго. Послѣдній убилъ кулакомъ одного изъ нихъ и,

такъ какъ онъ былъ безъ оружія, схватилъ шахматную доску, вмѣсто щита, и этой доской покончилъ съ остальными тремя.

Неизвѣстно, когда впервые появились шахматы въ Европѣ; древнѣйшее свидѣтельство относится къ XI вѣку [1]). Это—письмо епископа Даміана къ папѣ Александру II (1061—1073). Даміанъ разсказываетъ, какъ онъ путешествовалъ съ однимъ флорентійскимъ епископомъ. «Вечеромъ,—говоритъ онъ,—мы остановились въ гостинницѣ, я прошелъ въ комнату одного священника, тогда какъ епископъ флорентійскій помѣстился съ другими путешественниками. Утромъ служанка сообщила мнѣ, что помянутый епископъ игралъ въ шахматы; это сообщеніе поразило меня въ самое сердце. Я послалъ за нимъ и сталъ строго выговаривать ему. «Развѣ достойно твоего сана,—сказалъ я, — проводить вечеръ въ суетной игрѣ въ шахматы, осквернять руки и языкъ, который долженъ быть посредникомъ между людьми и Богомъ? развѣ ты не знаешь, что, по церковнымъ канонамъ, епископъ, играющій въ кости, долженъ быть низложенъ». Привязавшись къ названію, онъ отвѣчаетъ, что кости и шахматы не одно и то же, что каноны запрещаютъ только игру въ кости и тѣмъ самымъ разрѣшаютъ шахматы. «Шахматы,—отвѣтилъ я, —дѣйствительно не упоминаются въ канонѣ, но общій терминъ кости заключаетъ въ себѣ обѣ игры. Если кости запрещены, а шахматы не упомянуты отдѣльно, изъ этого слѣдуетъ, что обѣ игры разумѣются подъ костями, и обѣ запрещены».

Весьма вѣроятно, что шахматы—восточное изобрѣтеніе и что византійцы научились имъ у арабовъ, а итальянцы у грековъ. По крайней мѣрѣ, названія нѣкоторыхъ фигуръ указываютъ на арабское происхожденіе. Мусульмане не могли допустить присутствія женщины на шахматной доскѣ, а потому старшая фигура послѣ короля была у нихъ ферзь (ферзь—по арабски— визирь или совѣтникъ), переименованный въ Европѣ въ королеву. Одна фигура называлась пиль или филь, что̀ значитъ слонъ; на западѣ ее звали сначала алфинь (ал—арабскій членъ), а потомъ переименовали въ епископы. Первоначально шахматныя фигуры дѣлались очень большихъ размѣровъ и представляли настоящія скульптурныя произведенія, изображавшія королей, рыцарей въ полномъ вооруженіи, коней и т. п. Доски дѣлались часто изъ очень дорогаго матеріала, напримѣръ: изъ серебра, горнаго хрусталя, оправ-

[1]) Выше я упоминалъ о шахматахъ во время Карла Великаго, но такъ какъ это заимствовано изъ фантастическаго разсказа XII вѣка, то бытовыя подробности должны быть относимы ко времени составленія разсказа, а никакъ не ко времени Карла Великаго.

лѣннаго въ серебрѣ; фигуры приготовлялись изъ сафировъ и топазовъ. Шашки были также извѣстны въ средніе вѣка, но въ нихъ играли гораздо меньше, чѣмъ въ кости. Такъ какъ игра въ кости исключительно азартная, то играли на деньги и проигрывались въ пухъ и прахъ. Этой игрой занимались преимущественно въ тавернахъ и иной разъ приходилось снимать платье, которое тутъ же закладывалось трактирщику. На одной средневѣковой рукописи нарисованы двое мужчинъ, играющихъ въ кости, причемъ одинъ игрокъ сидитъ уже совершенно голый. Поэтому церковь и правительство возставали противъ игры въ кости. Королевскій указъ 1256 г. запрещаетъ игру въ кости во всей Франціи и грозитъ игрокамъ строжайшимъ наказаніемъ. Правительственныя распоряженія не могли, конечно, искоренить любви къ азарту и чрезъ сто лѣтъ принимаютъ мѣры только противъ тѣхъ, кто играетъ фальшивыми костями. Шулерство возникло, кажется, вмѣстѣ съ самой игрой; въ одномъ византійскомъ памфлетѣ XI в. священникъ обвиняется въ томъ, что плутуетъ въ кости. Азартная игра часто доводила до полнаго разоренія; это случалось даже съ поэтами, средневѣковыми трубадурами. Трубадуръ Рютебефъ восклицаетъ въ своей сатирической поэмѣ: кости отняли у меня все мое платье, кости убиваютъ меня, кости преслѣдуютъ меня. Проигравшіеся игроки позволяли себѣ крѣпкія выраженія, проклятія и богохульство. Король Филиппъ-Августъ,—разсказываетъ его историкъ,—съ такимъ ужасомъ относился къ богохульству, постоянно изрекаемому игроками, что, какъ только рыцарь или кто другой, возбужденный игрою, позволялъ себѣ въ присутствіи короля богохульное выраженіе, его тотчасъ же бросали въ рѣку. При Людовикѣ XII ограничивались тѣмъ, что за богохульство жгли языкъ раскаленнымъ желѣзомъ. Игра въ кости была довольно разнообразна; насчитываютъ до десяти разныхъ манеръ; была игра англійская, принятая преимущественно въ Англіи, и ломбардская, которую предпочитали въ Италіи. Обыкновенно играли тремя костями, но иногда шестью. Современная англійская игра триктракъ (backgammon), основанная на костяхъ и извѣстная также въ другихъ странахъ, есть усовершенствованіе средневѣковой игры.

Карты, которыя считаются арабскимъ изобрѣтеніемъ, все тѣснили мало по малу шахматы и особенно кости. Европа познакомилась съ ними не раньше XIV вѣка. Итальянскій писатель XV вѣка Кавелуццо разсказываетъ, что въ 1379 г. была принесена въ городъ Витербо игра въ карты, пришедшая изъ страны сарацинской. На одной французской рукописи, написанной, по всей вѣроятности, въ XIV вѣкѣ, нарисовано королевское семейство,

играющее въ карты. Но самое достовѣрное свидѣтельство относится къ 1393 г. Отъ этого года сохранился счетъ Карла Пупара, казначея французскаго короля Карла VI, въ которомъ написано: дано 56 су живописцу Гренгоннеру за три колоды картъ, расписанныхъ разными красками и изукрашенныхъ фигурами, картъ, доставленныхъ королю для его развлеченія. Изъ этого видно, что къ концу XIV вѣка въ Европѣ умѣли уже приготовлять карты, но это было еще искусствомъ, которымъ занимались художники. Впрочемъ, можетъ быть, только для короля готовились изящныя колоды и въ обращеніи находились уже болѣе простыя. На это указываетъ полицейское распоряженіе 1397 г. (въ Парижѣ), запрещающее рабочимъ играть въ будни въ кости и карты. На лангрскомъ соборѣ 1404 г. издано постановленіе, воспрещающее духовнымъ лицамъ играть въ карты. Къ этому времени карты такъ распространились въ Германіи, что продажа ихъ составляла отдѣльную и видную отрасль торговли. Въ Англіи картежная игра привилась позднѣе, но она несомнѣнно процвѣтала въ срединѣ XV вѣка. Въ царствованіе Эдуарда IV (въ 1463 г.) парламентскимъ актомъ былъ запрещенъ ввозъ картъ изъ Германіи. Такою мѣрою хотѣли, конечно, оказать покровительство англійскому производству и изъ этого видно, что приготовленіе картъ представляло обширную отрасль, которой стоило покровительствовать. Карты представляли одно изъ самыхъ любимыхъ развлеченій во время рождества. Леди Пастонъ пишетъ своему мужу отъ 24 декабря 1483 г. «знайте, что я послала вашего старшаго сына Джона къ леди Морлэ, чтобы узнать, какія игры приняты у нихъ въ домѣ во время рождества. Она отвѣтила, что они не занимаются ни ряженьемъ, ни музыкой или пѣніемъ, а только играми за столомъ, шахматами и картами». Во Франціи, какъ и въ другихъ странахъ, играли исключительно въ азартныя игры: ландскнехтъ, маріажъ, trente et un и другія; искусство тутъ не играло никакой роли. Если оно примѣнялось, то исключительно въ приготовленіи крапленыхъ картъ.

Шахматы, кости, карты называли играми застольными и отличали ихъ отъ игръ, которыми занимались на свѣжемъ воздухѣ. Игры, въ которыхъ можно было выказать силу и ловкость, были очень приняты въ буржуазіи и въ деревняхъ. Развлеченія эти существуютъ до сихъ поръ, но теперь ими занимаются исключительно школьники. Въ средніе вѣка, взрослые играли въ жмурки, пятнашки, бѣга, въ борьбу, въ мячъ. Знатная молодежь усердно занималась гимнастикой и всякими физическими упражненіями, укрѣплявшими тѣло. Любимымъ занятіемъ была особаго рода игра въ

мячи, такъ называемое jeu de paume, и бильярдная игра. Но то, что̀ называлось бильярдомъ въ средніе вѣка, походило скорѣе на современный крокетъ, чѣмъ на бильярдъ. Игра заключалась въ томъ, что на ровномъ мѣстѣ катали деревянные шары молотками. Въ XIV вѣкѣ это развлеченіе было очень популярно и въ бильярдъ играли на крупныя суммы; извѣстно, что въ 1396 г. одинъ маршалъ выигралъ 600 франковъ, что̀ составляетъ 28 тысячъ современныхъ франковъ. Были и другія подобныя игры: кегли, la soule, когда огромный шаръ изъ сѣна, покрытый кожей, двѣ партіи играющихъ отбивали другъ у друга.

Еще одно удовольствіе, замѣнившее въ наше время почти всѣ игры, кромѣ винта, завѣщано намъ средними вѣками, это—танцы. Въ Римѣ, какъ извѣстно, считалось неприличнымъ танцовать и порядочные люди развлекались, только глядя, какъ танцуютъ профессіональные танцовщики и танцовщицы, отнюдь не принимая участія въ этомъ позорномъ упражненіи. Католическая церковь раздѣляла мнѣніе римской аристократіи и запрещала пляску, какъ занятіе опасное для общественной нравственности, но она не находила поддержки въ свѣтской власти. О первоначальныхъ танцахъ мы знаемъ очень мало, но извѣстно, что у франковъ существовала военная пляска и отголосокъ этой пляски встрѣчаемъ въ рыцарскомъ быту. Когда выбирали новаго рыцаря, всѣ рыцари въ полномъ вооруженіи производили въ тактъ плавныя тѣлодвиженія подъ звуки военной музыки, а народъ плясалъ вокругъ нихъ. Говорятъ, что это—начало балета. Средніе вѣка—это эпоха танцевъ по преимуществу, особенно во Франціи. Постоянно устраивались праздники съ танцами и, читая старинныхъ поэтовъ и романистовъ, можно подумать, что французамъ больше нечего было дѣлать, какъ только танцовать во всякое время дня и ночи. Одинъ писатель слѣдующимъ образомъ объясняетъ пользу, происходящую отъ танцевъ: «Танцы устраиваютъ, чтобы узнать, здоровы ли и ловки ли влюбленные; по окончаніи танцовъ, имъ позволено поцѣловать дамъ, за которыми они ухаживаютъ, для того чтобы они могли почувствовать и обонять другъ друга и узнать, пріятное ли у нихъ дыханіе; такимъ образомъ танцы совершенно необходимы для общества». Какъ только собиралось достаточно народа, до обѣда или послѣ него, сейчасъ же начинали танцовать водить хороводы; мужчины и женщины брали другъ друга за руки и двигались въ тактъ направо и налѣво. Авторъ одной провансальской поэмы говоритъ объ этомъ аллегорически: «Молодость и Радость открывали балъ съ своей кузиной»: Прыткостью.— Трубадуры называютъ много танцовъ, не описывая ихъ, какъ ве-

щи имъ хорошо знакомыя, а потому намъ многое остается неяснымъ. Тутъ упоминается, напр., одинъ танецъ, всего больше похожій на нашъ деревенскій хороводъ: всѣ участвующіе брались за руки и составляли кругъ; затѣмъ каждый пѣлъ по куплету и всѣ хоромъ повторяли припѣвъ. Упоминаются еще: брабантское па, во время котораго становились на колѣни передъ своей дамой, и танецъ съ четками, по окончаніи котораго цѣловали даму. Мужчины танцовали въ обыкновенномъ платьѣ, но дамы имѣли—повидимому—особые бальные костюмы; по крайней мѣрѣ, въ одномъ романѣ говорится, что, когда кончили обѣдать и стали убирать столы, дамы пошли переодѣваться. Встрѣчается еще танецъ съ факелами: танцующій бралъ въ руки длинную свѣчу и старался танцовать такъ быстро и ловко, чтобы сосѣди не успѣли загасить ее. Современные танцоры, конечно, узнаютъ въ этомъ танцѣ одну изъ фигуръ мазурки, устраиваемыхъ нашими дирижерами.

Танцы стали разнообразнѣе, но и менѣе невинны, когда завелись маскарады. Къ маскарадамъ французскій дворъ особенно пристрастился со времени Карла VI (съ XIV вѣка); но первоначально замаскировываться считалось возможнымъ только во время карнавала и въ тѣ дни, когда все было дозволено, напр., на свадьбахъ. Одинъ изъ такихъ маскарадовъ отмѣченъ исторіей по трагическому происшествію, случившемуся на немъ. 29 января 1393 г. было большое празднество въ одномъ изъ парижскихъ дворцовъ по случаю свадьбы королевской фрейлины. Одинъ нормандскій дворянинъ придумалъ представить пляску дикихъ, чтобы позабавить присутствующихъ дамъ. Онъ подговорилъ короля и четырехъ придворныхъ, которые сшили себѣ полотняное платье, покрытое паклей съ головы до ногъ. Въ такомъ костюмѣ явились они на балъ, причемъ четверо придворныхъ были привязаны другъ къ другу цѣпью. Они кричали самымъ дикимъ образомъ и производили невозможныя тѣлодвиженія. Никто не зналъ, что это за отвратительныя маски, и для того чтобы открыть секретъ, герцогъ орлеанскій подошелъ къ нимъ съ факеломъ и такъ неосторожно, что пакля воспламенилась. Около часа они горѣли, какъ факелы,—разсказываетъ хроникеръ. Король спасся, только благодаря тому, что его узнала тетка и покрыла своимъ длиннымъ треномъ.

Во Франціи танцовали всего лучше, съ наибольшею граціею и элегантностью. Французы заимствовали танцы у другихъ народовъ, нѣмцевъ и итальянцевъ, но облагораживали ихъ и дѣлали красивѣе. Танцы дѣлились на двѣ категоріи: правильные и неправильные. Первые отличались спокойствіемъ и плавностью, не допускали скачковъ и рѣзкихъ тѣлодвиженій; во вторыхъ, напротивъ,

дѣлались всякіе прыжки и принимались рискованныя позы. Настоящимъ французскимъ танцомъ была la gaillarde, танцовавшаяся подъ звуки гобоя и тамбурина. Кавалеръ и дама кланялись другъ другу, затѣмъ они подходили другъ къ другу, отступали назадъ, мѣнялись мѣстами, пока не прекращалась музыка. Тогда кавалеръ кланялся своей дамѣ, бралъ ее за руку и отводилъ на то мѣсто, гдѣ она стояла раньше.

Укажу, въ заключеніе, на нѣкоторыя зрѣлища, замѣнявшія въ средніе вѣка театръ. Унаслѣдованные отъ Рима звѣриные бои продолжались до новаго времени во всей Европѣ и въ видѣ обломка старины существуютъ до сихъ поръ въ Испаніи. Король Пипинъ остановился однажды въ Ферріерскомъ аббатствѣ и тутъ для увеселенія устроили бой льва съ быкомъ. Этотъ быкъ былъ громаднаго роста и обладалъ необыкновенной силой, тѣмъ не менѣе левъ, бросившись на него, опрокинулъ его. Пипинъ, прозванный Коротким, обратился къ своей свитѣ, часто смѣявшейся надъ его маленькимъ ростомъ: «заставьте льва выпустить быка,—сказалъ онъ,—или убейте его». Никто не рѣшился на такое опасное предпріятіе и нѣкоторые громко замѣтили, что только сумашедшій можетъ помѣриться силами со львомъ. Тогда Пипинъ бросается на арену съ обнаженнымъ мечемъ и двумя ударами разсѣкаетъ голову льва и голову быка. «Какъ вамъ это покажется,—сказалъ онъ удивленной свитѣ,—развѣ я недостоинъ быть вашимъ господиномъ? Храбрость не зависитъ отъ роста». Король французскій Филиппъ Валуа купилъ въ 1333 г. сарай, гдѣ онъ устроилъ звѣринецъ для своихъ львовъ; туда же посадили медвѣдей, леопардовъ и другихъ дикихъ звѣрей. Въ присутствіи короля и его двора устраивали травлю этихъ звѣрей съ быками и собаками. Послѣ одного изъ такихъ кровавыхъ зрѣлищъ, Карлъ IX хотѣлъ отправиться одинъ на арену и сразиться со львомъ, разорвавшимъ на куски его любимыхъ собакъ; стоило большаго труда отговорить короля отъ исполненія этого безумнаго плана. Постепенно охота на дикаго звѣря, кабана, волка, медвѣдя замѣнила звѣриные бои и народъ былъ лишенъ любимаго зрѣлища.

Крестьяне, не принимавшіе участія въ грандіозныхъ охотахъ, довольствовались тѣмъ, что натравляли собакъ на старую лошадь или никуда негоднаго осла. Во время деревенскихъ праздниковъ, боролись и устраивали еще особую драку слѣпцовъ. Два человѣка съ завязанными глазами вооружались дубиной, одной рукой держались за веревку, привязанную къ колу, и бѣжали другъ за другом все по тому же кругу; они старались попасть въ гуся или свинью, убѣгавшихъ при видѣ поднятой палки, а такъ какъ

разстояніе между бѣгавшими было незначительно,—они сыпали удары другъ на друга, къ великой радости зрителей. Это сраженіе слѣпыхъ необыкновенно забавляло средневѣковую публику и даже короли приходили смотрѣть на интересное зрѣлище. 31 августа 1425 г. всѣ парижане стояли у своихъ оконъ и смотрѣли, какъ шли четверо слѣпыхъ, вооруженныхъ всякимъ оружіемъ на подобіе рыцарей, собирающихся на турниръ; передъ ними шли два человѣка: одинъ игралъ на гобоѣ, другой несъ знамя, на которомъ была нарисована свинья. Слѣпые должны были на слѣдующій день напасть на поросенка, который долженъ былъ достаться тому, кто убьетъ его. Громадная толпа собралась смотрѣть на этотъ бой. Слѣпые напали другъ на друга съ такой яростью, что непремѣнно перерѣзали бы другъ друга, еслибы ихъ не растащили и не уговорили подѣлить поросенка между собой.

Народъ въ средніе вѣка отличался своимъ ненасытнымъ любопытствомъ; онъ сбѣгался издалека, какъ только какое нибудь публичное зрѣлище могло доставить ему минуту развлеченія; онъ готовъ былъ подвергаться всякимъ лишеніямъ, лишь бы только посмотрѣть на что нибудь необыкновенное; онъ весь отдавался зрѣлищу и находилъ тутъ утѣшеніе въ величайшихъ бѣдствіяхъ; по всякому ничтожному поводу онъ смѣялся безконечнымъ смѣхомъ, представлявшимъ одну изъ его естественныхъ способностей. Во время всякихъ публичныхъ церемоній, толпа переполняла всѣ улицы, пресѣкала путь процессіи, такъ что въ Парижѣ въ такихъ случаяхъ ставили сержантовъ, вооруженныхъ палками, которые силою отгоняли народъ. Во время крестныхъ ходовъ, храмовыхъ праздниковъ, праздниковъ ремесленныхъ корпорацій, собиралась большая и шумная толпа со всѣхъ ближайшихъ городовъ и селеній. Короли французскіе имѣли обыкновеніе разъ или два раза въ годъ собирать своихъ вассаловъ и держать съ ними совѣтъ. На эти собранія созывался и народъ, и ему раздавали даромъ хлѣбъ, мясо и вино. Въ подобныхъ торжественныхъ случаяхъ, во время придворныхъ празднествъ, смотровъ войскъ, показывали свое искусство жонглёры и акробаты. Во время народныхъ праздниковъ, короли жонглёровъ (антрепренеры) устраивали разнообразныя зрѣлища и получали за это деньги отъ двора. Жонглёры играли на рыляхъ и разныхъ другихъ инструментахъ, и подъ этотъ акомпанементъ пѣли сказки. Кромѣ того, они показывали разные гимнастическіе фокусы: перепрыгивали однимъ прыжкомъ черезъ нѣсколько круговъ, удаленныхъ другъ отъ друга; жонглировали ножами, мѣдными шарами, тарелками; ходили на рукахъ, держались долго въ вертикальномъ положеніи, опершись головой о землю.

Встрѣчались даже женщины, занимавшіяся такими акробатическими упражненіями и называвшіяся жонглерессами. Жонглёры приводили дресированныхъ медвѣдей и обезьянъ, которые плясали и дрались по командѣ. Въ одной рукописи есть рисунокъ, представляющій пиръ; вокругъ стола представлены обезьяны верхомъ на лошадяхъ, медвѣдь, представляющійся мертвымъ, коза, играющая на арфѣ, собаки, пляшущія на заднихъ лапахъ. Такимъ образомъ, жонглёры были поэтами, музыкантами, фокусниками, акробатами, укротителями звѣрей.

До XIII вѣка профессія жонглеровъ была очень выгодна; безъ нихъ не обходилось ни одно народное или семейное празднество. Пантомимы и акробатическія штуки, которыя они показывали, интересовали меньше, чѣмъ длинныя поэмы въ стихахъ, которыя они произносили речитативомъ подъ акомпанементъ струнныхъ инструментовъ. Двери замковъ были всегда открыты жонглёрамъ и рыцари сажали ихъ съ собою за столъ. Они уходили оттуда съ кучею подарковъ, съ лошадьми, драгоцѣнными каменьями, тканями, мѣхами и, что всего важнѣе, большимъ количествомъ денегъ. Но скоро они потеряли уваженіе общества, и жонглёровъ стали считать презрѣнными людьми. Они вели распутную жизнь, и это отразилось на ихъ языкѣ и представленіяхъ. Они пѣли непристойныя пѣсни, давали крайне циничныя пантомимы. Народъ смѣялся грубымъ сальностямъ жонглёровъ, но знать получила къ нимъ отвращеніе и ихъ не пускали уже въ дамское общество ни въ рыцарскомъ, ни въ буржуазномъ кругу. Вмѣстѣ съ тѣмъ изсякли и источники доходовъ, и жонглёры обратились въ полуголодныхъ странствующихъ актеровъ, питающихся крохами, подаваемыми имъ народомъ.

Съ конца XIV вѣка корпорація жонглеровъ раздѣлилась на двѣ категоріи: собственно жонглёровъ и фигляровъ. Первые продолжали пѣть романсы, серьезные или шуточные стихи, разыгрывали на улицахъ маленькія комедіи. Фигляры исключительно занимались фокусами, гимнастикой, показывали дресированныхъ звѣрей. Эти акробаты доходили иногда до большаго искусства. Одинъ писатель описываетъ слѣдующимъ образомъ представленіе, данное въ Миланѣ: герцогъ миланскій протянулъ изъ своего дворца канатъ на высотѣ 150 футовъ надъ землей; акробатъ влѣзъ на этотъ канатъ и пошелъ по немъ совершенно прямо, потомъ пошелъ задомъ напередъ, танцовалъ на канатѣ подъ звуки тамбурина; затѣмъ, ухватившись за канатъ ногами, повисъ внизъ головою; онъ продѣлывалъ еще разныя штуки, такъ что дамы закрывали глаза, боясь, какъ бы онъ не убился. На похоронахъ герцога бурбонскаго, по разсказу одного хроникера, дано было слѣдующее

представленіе: одинъ молодой акробатъ протянулъ канатъ между самой высокой башней Маконскаго замка и колокольней одного монастыря, на страшной высотѣ; два вечера сряду онъ ходилъ по канату отъ башни до колокольни, въ присутствіи короля и 30 тысячъ народу; онъ продѣлывалъ разныя штуки, висѣлъ, ухватившись за канатъ ногами, а потомъ зубами.

Вотъ любимыя зрѣлища средневѣковой публики, не потерявшія интереса и въ нѣкоторой части современнаго общества.

П. Безобразовъ.

ПРЕДЪ ВЕНЕРОЙ МИЛОССКОЙ.

(въ лувркомъ музеѣ).

Отъ этихъ людныхъ залъ къ старинной мастерской,
Назадъ, во тьму временъ, летитъ воображенье...
Художникъ тамъ стоитъ, въ надменномъ упоеньѣ
Рѣзецъ свой уронивъ,—о, диво!—предъ тобой.
Не нуженъ болѣ онъ:—заключено рукой
Въ оковы стройныхъ формъ безплотное видѣнье,
И въ сердцѣ,—гдѣ, какъ вихрь, носилось вдохновенье,—
Привольно ширится восторженный покой.
Но, глядя на тебя, тотъ геній величавый,
Чье имя злобный рокъ жестоко скрылъ отъ славы,
О, все ли счастіе свое онъ сознавалъ?—
Шептало ли ему пророческое чувство,
Что навсегда тобой онъ побѣдилъ искусство,
Тобой, о, красоты безгрѣшный идеалъ?!...

Гр. П. Бутурлинъ.

МОАВЪ.

Разсказъ.

Авреліена Шолля.

Въ глубинѣ сыраго двора, заваленнаго разнымъ хламомъ, между которымъ шмыгали сотнями крысы и кишили жуки, возвышалось облупившееся отъ времени жилище Захаріи Лопеса, одного изъ самыхъ богатыхъ торговцевъ подержанными вещами въ еврейскомъ кварталѣ Бордо. Дворъ окружала широкая крытая галерея, гдѣ были тѣсно наставлены мебель, хрусталь, бронза и развѣшаны ковры. Этотъ живописный безпорядокъ представлялъ красивую, по своему, и эффектную картину. Въ главномъ корпусѣ зданія было одиннадцать неравномѣрныхъ оконъ, съ грубой живописью на стеклахъ между свинцовымъ переплетомъ. Стѣны пересѣкались по всѣмъ направленіямъ толстыми балками, выступавшими на нихъ, точно вздутыя черныя артеріи.

Былъ вечеръ пятнадцатаго октября 1660 г., и Захарія Лопесъ принималъ у себя гостей. Еслибъ мы всмотрѣлись въ окна залы нижняго этажа,—какъ всматриваются въ рембрантовскіе офорты, — то увидали бы тамъ четверыхъ мужчинъ, скорѣе лежавшихъ, чѣмъ сидѣвшихъ въ креслахъ съ парчевой обивкой и золотой бахромой. Первый изъ нихъ, Гедеонъ Леви, былъ крѣпокъ, какъ желѣзо, весь изъ мускуловъ, но это желѣзо замѣтно заржавѣло, а сильные мускулы одеревенѣли. Соломонъ Леймаръ и-Пересъ и-Байсъ, второй гость, отличался тучностью. Онъ какъ будто состоялъ изъ громадныхъ шишекъ, насаженныхъ одна на другую. Небо точно выдуло его, какъ выдуваютъ графинъ на стеклянномъ заводѣ или

мыльный пузырь. Его маленькіе глазки заплыли жиромъ и исчезали въ глубокой орбитѣ подъ бровями. Красный пылающій носъ, казалось, какъ бы проросъ перьями, точно кожа плохо ощипанной курицы. Но этотъ смотрѣлъ добродушно и проводилъ больше времени за столомъ, чѣмъ за дѣлами.

Исаакъ Хименесъ д'Аррога, третій посѣтитель, сидѣлъ, гордо скрестивъ свои ноги, тонкія, какъ у цапли, и терявшіяся въ широчайшихъ сапогахъ. Его совиный носъ, обросшій длинными рыжими волосами, былъ тонокъ, какъ лезвее ножа. Хименесъ, такъ сказать, существовалъ только въ профиль и даже поворачивался бокомъ, когда хотѣлъ, чтобъ его видѣли. Четвертый изъ этой компаніи былъ никто иной, какъ самъ хозяинъ, Захарія Лопесъ, высокій старикъ съ глазами безъ вѣкъ, весь желтый, дряблый, съ сѣдой бородой, обрамлявшей угрюмое лицо. Всѣ четверо ожидали седьмаго часа, когда въ домѣ Захаріи подавался ужинъ.

Безмолвныя служанки вскорѣ накрыли на столъ и лампы о трехъ свѣтильняхъ, подвѣшанныя къ расписнымъ карнизамъ плафона, ярко засіяли, освѣщая роскошное угощенье. Трое мальчиковъ-алжирцевъ разставили тамъ и сямъ нѣсколько вазъ съ букетами жасминовъ и сирени. Въ каждомъ углу залы горѣлъ жирандоль на подставкѣ изъ золоченаго дерева.

— Эй, Борухъ, Іосія! — крикнулъ хозяинъ. — Ступайте, заложите засовомъ дубовыя ворота, а ты, Меджа, доложи своей госпожѣ, моей дочери Деворѣ, что кушанья дымятся на золотыхъ блюдахъ.

Минуту спустя, вошла Девора. Пока приглашенные разсыпались передъ ней въ привѣтствіяхъ, она съ улыбкой подставила свой прекрасный лобъ, бѣлый, какъ слоновая кость, старику Лопесу, который и напечатлѣлъ на немъ теплый поцѣлуй своими волосатыми губами. Песъ Леаръ, любимецъ Деворы, радостно подбѣжалъ къ ней и принялся лизать руки у дѣвушки, а потомъ удалился въ уголъ и легъ на персидскомъ коврѣ. Дочь старьевщика была адски хороша собою,—до того хороша, что не имѣла себѣ равныхъ. Она была вся точно изваяна изъ слоновой кости, эта лучезарная утренняя звѣзда, эта дѣвственная Клеопатра! Ея смѣлый профиль представлялъ удивительную гармонію правильныхъ линій; темнозолотистые матовые волосы разсыпались по плечамъ роскошнымъ каскадомъ, а глаза ослѣпи-

тельнаго зеленаго оттѣнка отливали краснымъ цвѣтомъ, какъ двуличневыя матеріи. Всѣ трое гостей уставились на дѣвушку плотоядными взглядами, потому что каждый изъ нихъ былъ безумно въ нее влюбленъ. Гедеонъ Леви пересталъ ѣсть; Хименесъ д'Аррога то скрещивалъ, то выпрямлялъ свои гибкія ноги, а Соломонъ Леймаръ и-Пересъ и-Байсъ ухитрился, наконецъ, выкатить глаза изъ подъ жирныхъ вѣкъ и робко поводилъ ими вокругъ.

Въ домѣ Лопеса крылась какая-то необычайная тайна, наводившая на странныя догадки. Девору до сихъ поръ сватали одни старики. Шестидесятилѣтніе при встрѣчѣ съ нею молодѣли, молодымъ же людямъ она внушала, напротивъ, инстинктивное отвращеніе. Они избѣгали красавицы, какъ ядовитой гадины. Послѣ ужина, Захарія Лопесъ отослалъ свою дочь въ ея комнаты и обратился къ своимъ приглашеннымъ:

— Теперь, дорогіе гости, настало время объясниться намъ между собою откровенно. Вы всѣ трое просили у меня руки моей дочери Деворы, и вотъ я отвѣчаю вамъ, Гедеонъ Леви, богатѣйшій брильянтщикъ Дамаска; вамъ, Соломонъ Леймаръ, владѣлецъ торговыхъ складовъ въ Триполи, Мадридѣ, Гарлемѣ и Лондонѣ; вамъ, Хименесъ д'Аррога, имѣющій коммерческія сношенія со всѣми націями въ мірѣ: я не могу назвать ни одного изъ васъ своимъ зятемъ, такъ какъ Девора съ колыбели обѣщана своему двоюродному брату Наѳану, сыну нашего возлюбленнаго Авраама Берейры!

Каждый изъ троихъ крезовъ поочередно кивалъ головою, когда произносилось его имя, но едва старьевщикъ отвѣтилъ имъ рѣшительнымъ отказомъ, всѣ трое поблѣднѣли. Гедеонъ Леви всталъ. Отброшенные назадъ черные волосы, сверкающіе гнѣвомъ глаза и сжатыя ноздри придавали ему свирѣпый видъ.

— Я отлично зналъ заранѣе, что̀ вы намъ отвѣтите,—сказалъ онъ хозяину дома.—Столько другихъ жениховъ слышали то же самое раньше насъ и потому намъ нечего удивляться. Вашъ долгъ—я первый стою на томъ—сдержать слово, данное Наѳану. Согласитесь однако, что онъ какъ будто забылъ свои обязательства, принятыя за него родителями. Если онъ въ самомъ дѣлѣ—женихъ вашей дочери, то пусть явится сюда и потребуетъ своихъ правъ.

— Ему необходимо пробыть еще нѣкоторое время въ Константинополѣ.

— Наѳанъ Берейра вернулся.

— Откуда это вамъ извѣстно?

Но прежде, чѣмъ Гедеонъ Леви успѣлъ отвѣтить, послышался громкій стукъ въ ворота и песъ Леаръ съ лаемъ вскочилъ на ноги.

— Что это значитъ?—вскричалъ Захарія. — Я не стану отворять всякому проходимцу, безпокоющему добрыхъ людей по ночамъ! Каждый разъ, когда къ намъ стучатся, мнѣ кажется, что у порога стоитъ неминуемая бѣда.

— Дьяволъ всегда забирается въ сумку путешественниковъ,—подхватилъ Хименесъ д'Аррога. — У нихъ медъ на языкѣ и кинжалъ за пазухой. А ужь если собака зарычала, это совсѣмъ не къ добру. Надо остерегаться незнакомцевъ.

— Нашъ достойный другъ совершенно правъ,—прошепталъ Соломонъ Леймаръ.—Что нужно чужимъ подъ нашей кровлей?

— Я хочу дожить остатокъ дней въ какомъ нибудь уголку Азіи, вдали отъ городскаго шума,—продолжалъ Захарія—и, вмѣсто скамейки у своихъ дверей, велю вырыть передъ ними западню.

— Благодарю, что хоть предупредили о томъ заранѣе!—замѣтилъ Гедеонъ.—Однако, нельзя же заставлять ночнаго гостя такъ долго дожидаться у воротъ. Это никто иной, какъ Наѳанъ Берейра. Онъ увѣдомилъ меня о своемъ предстоящемъ возвращеніи.

Захарія страшно поблѣднѣлъ въ свою очередь.

— Наѳанъ!—воскликнулъ онъ,—это невозможно! Эй, Борухъ, возьми фонарь да поди узнай: кто тамъ ломится въ ворота и что ему нужно?

А съ улицы, между тѣмъ, то и дѣло доносились оглушительные удары молотка чеканной мѣди въ желѣзную оковку воротъ. Вскорѣ въ залу съ низкимъ потолкомъ вошелъ Наѳанъ Берейра. Онъ приблизился съ непокрытой головой къ Захаріи Лопесу и сталъ передъ нимъ на одно колѣно, послѣ чего поздоровался съ гостями.

— Тотъ, у кого нѣтъ своего гнѣзда,—воскликнулъ онъ,—будетъ вѣчнымъ скитальцемъ на землѣ и не найдетъ мѣста,

гдѣ бы отдохнули его усталыя ноги и ожилъ сокрушенный духъ. Я пришелъ за моей прекрасной невѣстой, чтобы ввести ее въ домъ матери моей и въ комнату той, которая меня зачала.

— Захарія Лопесъ не измѣняетъ своему слову,—отвѣчалъ хозяинъ,—да будетъ такъ, какъ ты желаешь.

За Деворой снова послали служанокъ. Наѳанъ пошелъ ей на встрѣчу, чтобъ поцѣловать руку дѣвушки, и когда его губы касались ея бѣлаго тѣла, онъ почувствовалъ дрожь во всѣхъ членахъ, но постарался подавить охватившее его неопредѣленное чувство ужаса. Женихъ приписалъ это волненію любви. Молодые люди разстались лѣтъ десять назадъ, однако между ними скоро востановилась прежняя короткость. Когда же хозяинъ нашелъ, что вечерняя бесѣда затянулась довольно долго, гости разошлись по своимъ комнатамъ.

Оставшись одинъ, Захарія Лопесъ порывисто вскочилъ; его глаза блуждали; онъ принялся бѣгать по комнатѣ, рыча, какъ звѣрь.

— У меня украли дочь! Но вѣдь она моя; я не хочу, чтобъ ее отнимали... Я заставлю нарушить брачное условіе. Синедріонъ будетъ на моей сторонѣ! О, проклятіе, проклятіе на мою голову!

Жалко было смотрѣть, какъ этотъ высокій, худой старикъ рвалъ на себѣ волосы цѣлыми прядями, какъ извивался въ корчахъ, катаясь по полу, точно эпилептикъ.

Между тѣмъ Наѳанъ раздумывалъ въ своей спальнѣ о сдѣланномъ ему пріемѣ. Онъ имѣлъ полное право ожидать больше почета и радушія. Но потомъ юношѣ вспомнилась чарующая прелесть Деворы, ея ласковыя улыбки,—и его мрачныя думы разсѣялись. Онъ осмотрѣлся вокругъ. Его комната выходила во дворъ и какъ разъ противъ него были окошки прелестной Деворы. Рядомъ съ нимъ, на столѣ, покрытомъ бергамской ковровой скатертью, лежала библія, крупное изданіе in-folio въ переплетѣ, съ разводами, тисненіемъ и дорогими застежками.

Наѳанъ раскрылъ ее и машинально перечитывалъ отрывки изъ пятикнижія моисеева: „Исхода“ и „Бытія“:

„... Они поразили слѣпотою всѣхъ, стоявшихъ за дверями, отъ мала до велика... А потомъ сказали Лоту: „Есть ли

у тебя здѣсь близкіе?.. Выведи изъ города всѣхъ, принадлежащихъ къ дому твоему. Ибо мы разрушимъ мѣсто сіе, потому что беззаконія сего народа все громче и громче вопіютъ ко Господу". ... Лотъ, будучи въ Сигорѣ, сталъ бояться гибели, если онъ тамъ поселится, и отправился на гору съ обѣими своими дочерьми, вошелъ въ пещеру и сталъ жить тамъ съ ними... Тогда старшая сказала меньшой: „Нашъ отецъ старъ и не осталось ни одного человѣка, который могъ бы взять насъ въ жены, какъ это водится во всѣхъ странахъ. Дадимъ же вина отцу нашему и напоимъ его..."

Тутъ Берейра увидалъ движущійся огонекъ на галереѣ и продолговатыя косыя окна напротивъ освѣтились минуту спустя. Наѳану показалось, будто бы онъ различаетъ за ними сухую длинную фигуру Захаріи Лопеса; потомъ все опять погрузилось во мракъ. На другой день Гедеонъ отвелъ въ сторону Наѳана Берейру.

— Да проститъ мнѣ Богъ, что я напомнилъ тебѣ твои клятвы! — сказалъ онъ. — Послушайся меня: не женись на Деворѣ!

— Девора прекраснѣе всѣхъ женщинъ въ мірѣ, — отвѣчалъ тотъ.—Я женюсь на ней, потому что люблю ее.

— Образумься, Наѳанъ: она изъ тѣхъ дѣвушекъ, которыхъ Господь отмѣтилъ печатью отверженія. У такихъ отверженныхъ нѣтъ юности; имъ не суждено наслаждаться святыми радостями любви. Агарь и Абизагъ были изъ ихъ числа. Подобно тебѣ, я полюбилъ Девору, а теперь не могу видѣть ея безъ содроганія. На этомъ домѣ тяготѣетъ проклятіе.

— Девора — моя невѣста; я женюсь на ней: это мой долгъ.

— Такъ прощай же и пусть несчастіе поразитъ тебя и дѣтей твоихъ до третьяго колѣна!

Вечеромъ, Наѳанъ бесѣдовалъ наединѣ съ Деворой. Онъ прижалъ ее къ груди, взялъ за обѣ руки и сказалъ:

— Не понимаю, почему тоска гложетъ мнѣ душу! Какая преграда стоитъ между тобою и моей любовью? Неужели твое сердце изо льда, что я не могу вывести тебя изъ оцѣпененія, въ которое ты какъ будто погружена? Твои губы пылаютъ, глаза горятъ, а я не могу дать себѣ отчета: любовь ли это, или горячка въ твоей крови.

— Я люблю тебя, Наѳанъ, люблю тебя, потому что ты молодъ и прекрасенъ,—отвѣчала красавица.

Она охватила полными бѣлыми руками шею возлюбленнаго, но въ эту минуту сафьянная портьера, позолоченая и тисненая, точно книжный переплетъ, откинулась—пять костлявыхъ, кривыхъ и морщинистыхъ пальцевъ судорожно впились въ ея складки — и Захарія Лопесъ, появившись на порогѣ, бросилъ на дочь свирѣпый взглядъ дикой кошки. Девора оттолкнула жениха и залилась слезами.

Приготовленія къ свадьбѣ были скоро окончены. Родные и знакомые Лопеса и Берейры собрались на пиръ. Послѣ роскошнаго угощенія, составили брачный контрактъ. Союзъ молодыхъ людей былъ освященъ въ синагогѣ и часть ночи прошла въ увеселеніяхъ. Принесли корзины и тазы, наполненные конфектами и фруктами, сваренными въ сахарѣ. Наѳанъ поднесъ Деворѣ шкатулку, полную топазовъ, изумрудовъ и всевозможныхъ драгоцѣнныхъ камней. Потомъ гости разошлись одинъ за другимъ.

Соломонъ Леймаръ почтительно поцѣловалъ руку новобрачной и удалился съ тяжелымъ вздохомъ. Хименесъ д'Аррога увезъ въ Азію свой скелетъ, не дававшій тѣни. Гедеонъ Леви покинулъ домъ Лопеса еще въ день обрученья, сказавъ Захаріи, вмѣсто всякаго прощанья, слова Іеговы: *„истреблю съ лица земли человѣка, созданнаго мною, истреблю все, отъ человѣка до скота, ибо раскаиваюсь, что сотворилъ ихъ!..“*

Смолкли звуки музыкальныхъ инструментовъ на брачномъ пиру.

Двери дома затворились за ушедшими гостями. Потомъ, одинъ за другимъ, потухли огни. Жилище богача погрузилось въ сонъ и мракъ; только одинъ Захарія Лопесъ метался въ потемкахъ, какъ помѣшанный, и твердилъ въ безумной ярости:

— Она обѣщала мнѣ, что не будетъ его любить!.. Она его не полюбитъ!

И онъ напрягалъ слухъ въ ночной тиши. Порой ему слышались вздохи и лобзанья; тогда на губахъ старика выступала пѣна отъ безсильнаго бѣшенства. Лопесъ уговорилъ зятя поселиться у него въ домѣ, потому что ему не хотѣлось

такъ скоро разставаться съ дочерью. Между тѣмъ, Наѳану никогда не удавалось побыть наединѣ съ женою: Захарія поглядывалъ за нимъ ежеминутно и ревниво слѣдилъ за новобрачными. Однажды, когда Берейра принялся упрекать въ холодности свою жену въ присутствіи ея отца, Лопесъ презрительно замѣтилъ, что онъ не стоитъ любви его дочери. Въ семьѣ начались частыя ссоры, кончавшіяся не всегда благополучно, но вотъ Девора сдѣлалась матерью, и старикъ Захарія какъ будто смягчился.

По его просьбѣ, ребенка нарекли Моавомъ, какъ сына Лота, и Захарія не отходилъ отъ его колыбели. Когда Наѳанъ хотѣлъ взять сына на руки и поцѣловать, Лопесъ грубо вырывалъ у него младенца.

— Оставь ребенка, — говорилъ онъ, — ты причиняешь ему боль.

Наконецъ, Наѳану Берейрѣ надоѣло переносить вѣчныя придирки и оскорбленія тестя; онъ собрался уѣзжать къ себѣ на родину и, когда все было готово, сказалъ Захаріи:

— Я покидаю твой домъ. Навьюченные мулы ждутъ у воротъ. Обними въ послѣдній разъ свою дочь.

— Увези Девору, возьми все отсюда, но ребенка я оставляю у себя,—отвѣчалъ тесть.

— Ребенокъ долженъ слѣдовать за своимъ отцомъ.

— Запрещаю тебѣ его трогать!—крикнулъ Захарія, охвативъ колыбель дрожащими костлявыми руками.

Наѳанъ Берейра насильно вынулъ мальчика изъ кроватки.

— Оставь его! — крикнулъ опять старикъ, вырывая ребенка у зятя.

Моавъ жалобно заплакалъ.

— Оставь же, говорятъ тебѣ!—заревѣлъ Захарія съ пѣной у рта.—Онъ не твой... Ты ему не отецъ!..

Тутъ юноша въ одну минуту понялъ все. Ему вспомнилась тѣнь, крадшаяся ночью по галереѣ въ день его пріѣзда; вспомнились нѣкоторыя неосторожныя слова Деворы и Захаріи и, наконецъ, роковое предсказаніе Гедеона Леви... Волосы поднялись у него дыбомъ; зубы страшно стучали.

Наѳанъ бросился на Захарію. Его сведенные судорогой пальцы охватили шею старика и сжали ее, точно желѣзными тисками. Лопесъ пошатнулся и рухнулъ бездыханнымъ тру-

помъ на каменный помостъ. Девора съ растрепанными волосами кинулась на колѣни передъ колыбелью. Мужъ со всей силы толкнулъ ее въ грудь ногою, такъ что у нея хлынула горломъ кровь, потомъ схватилъ ребенка за ноги и размозжилъ ему черепъ о стѣну.

Песъ Леаръ принялся лизать дымящійся трупъ. Наѳанъ, пожираемый внутреннимъ огнемъ, бросился бѣжать по улицамъ, а чернь, швыряя въ него каменьями, погналась за нимъ слѣдомъ.

— Ату, еретика! — ревѣла остервенившаяся толпа.— Смерть жиду!

Мицкевичъ, какъ первый профессоръ славянскихъ литературъ.

Прошлымъ лѣтомъ, какъ извѣстно, состоялось торжественное перенесеніе праха поэта Мицкевича изъ Парижа въ Краковъ. Событіе это почти совпало съ пятидесятилѣтіемъ учрежденія каѳедры славянскихъ языковъ и литературъ въ Парижѣ, въ Collège de France, и дало поводъ Луи Лежэ, занимающему эту каѳедру съ 1885 года, обнародовать интересную исторію ея учрежденія каѳедры въ 1840 году и очеркъ дѣятельности Мицкевича въ качествѣ перваго ея профессора. Разсказъ г. Лежэ заключаетъ любопытныя подробности, до сихъ поръ мало или вовсе неизвѣстныя, и, отличаясь полнымъ безпристрастіемъ въ оцѣнкѣ событій и характеристикѣ лицъ, заслуживаетъ поэтому вниманія читателей.

Каѳедра славянскихъ языковъ и литературъ въ Collège de France, въ Парижѣ, обязана своей иниціативой зятю В. Гюго, извѣстному публицисту Полю Фушэ. Ближайшимъ мотивомъ для учрежденія этой каѳедры было желаніе создать центръ для польскихъ эмигрантовъ, хотя бы только литературный, и желаніе устроить лично для Мицкевича болѣе видное положеніе, чѣмъ то, какое онъ занималъ въ качествѣ преподавателя латинской литературы въ Лозаннѣ. «Польша,—писалъ Фушэ Мицкевичу,—прежде политическаго своего возстановленія, должна возродиться литературно въ Парижѣ». При содѣйствіи Адама Чарторижскаго, тогдашняго главы польскихъ эмигрантовъ, Фушэ удалось добиться содѣйствія французскаго министра иностранныхъ дѣлъ Кузена, не смотря на личное нерасположеніе его къ Мицкевичу за несочувственный отзывъ о немъ послѣдняго въ «Livre de pèlerins polonais». Въ своемъ письмѣ къ Мицкевичу, въ апрѣлѣ 1840 года, Кузенъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ свой взглядъ на учреждаемую каѳедру и предстоящую задачу поэта: «Ваше присутствіе въ Парижѣ будетъ уже само по себѣ событіемъ достаточно серьезнаго политическаго значенія. Но я имѣю въ виду исключительно интересы науки и ли-

тературы... Я обращаюсь къ вамъ, какъ къ честному человѣку. Поляки образуютъ въ Парижѣ элементъ населенія, которое вызываетъ справедливыя симпатіи нашей великодушной молодежи. Эти симпатіи естественно принадлежатъ и вамъ, и я искреннѣйше желаю, чтобы характеръ вашего преподаванія оправдалъ высокія чувства по отношенію къ вамъ и сообщилъ бы новой каѳедрѣ принадлежащій ей чисто литературный характеръ. Я надѣюсь, что вы меня понимаете и что вы примете благосклонно мои опасенія: онѣ продиктованы мнѣ моими обязанностями». Друзья Мицкевича, однако, были менѣе скромны. Вотъ, напр., что̀ писалъ по тому же поводу Мицкевичу П. Фушэ: «Каѳедра, на которую вы приглашаетесь, имѣетъ политическое значеніе: желаютъ создать центръ, хотя бы и литературный, для польскихъ эмигрантовъ».

При такихъ обстоятельствахъ, Мицкевичъ принялъ сдѣланное ему предложеніе; оставалось испросить согласія палаты депутатовъ, за что взялся министръ иностранныхъ дѣлъ Кузенъ. Согласіе это было добыто не безъ протестовъ, такъ какъ нѣкоторые изъ членовъ парламента, принадлежавшихъ къ мѣстному ученому міру, утверждали, что у славянъ нѣтъ вовсе литературы. Тѣмъ не менѣе, Кузену удалось провести проэктъ, и необходимый кредитъ для каѳедры былъ открытъ. Учрежденіе каѳедры славянскихъ языковъ и литературъ произвело большую сенсацію въ тогдашней Европѣ, особенно же въ Пруссіи и въ нашемъ отечествѣ, гдѣ именно около этого времени былъ возбужденъ вопросъ объ учрежденіи подобной же каѳедры при одномъ изъ столичныхъ университетовъ. Что же касается до ученаго славянскаго міра, то онъ, въ лицѣ Ганки, Шафарика и др. свѣтилъ, встрѣтилъ это открытіе единодушнымъ одобреніемъ.

Первая лекція Мицкевича состоялась 22 декабря 1840 года. Онъ мало былъ подготовленъ къ своимъ новымъ обязанностямъ, въ чемъ и сознавался чистосердечно. «Лишенный пособія историческихъ документовъ,—говорилъ онъ,—я долженъ былъ начать при помощи единственнаго бывшаго у меня средства,—моей памяти. Я дѣлился съ моими слушателями тѣмъ, что̀ перечувствовалъ и наблюдалъ во время моего пребыванія въ разныхъ славянскихъ земляхъ, что̀ извлекъ изъ моихъ прежнихъ занятій ихъ исторіей и литературой, и тѣмъ, въ особенности, что̀ было воспринято мною изъ духовной сокровищницы этихъ народовъ». Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что, не смотря на двухлѣтнюю преподавательскую дѣятельность въ Лозаннѣ, Мицкевичъ плохо владѣлъ французскимъ языкомъ. Зато, въ отношеніи направленія своихъ лекцій, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ своей дѣя-

тельности, поэтъ вполнѣ оправдалъ ожиданія Кузена. Онъ оказывалъ одинаковое вниманіе всѣмъ славянскимъ народностямъ и старался сохранить полное безпристрастіе въ оцѣнкѣ ихъ политической и просвѣтительной дѣятельности. Не смотря, однако, на искреннее желаніе, подсказанное любовью къ Россіи, Мицкевичу трудно было долго сохранять свободу сужденій и безпристрастіе, что́ станетъ особенно понятнымъ, если принять во вниманіе вліянія, которымъ онъ подвергался, среду, въ которой жилъ, и полученное имъ воспитаніе. Какъ убѣжденный католикъ, онъ не понималъ гуситскаго движенія, этой наиболѣе характерной особенности въ моральной и умственной жизни чеховъ; какъ польскій патріотъ, онъ не могъ видѣть безъ страданій раздробленія оттоманской имперіи; по политическимъ видамъ своихъ соотечественниковъ, онъ долженъ былъ оставаться равнодушнымъ къ усиліямъ балканскихъ славянъ въ достиженіи политической свободы. Наконецъ, Мицкевичъ видѣлъ, что Франція вообще мало интересуется судьбами славянскихъ народностей, въ чемъ онъ признаётся въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Домейко. Особенно же сильно стѣсняли Мицкевича окружавшіе его польскіе эмигранты. «Мои соотечественники,—писалъ онъ,—являются ко мнѣ на лекціи, но зачѣмъ? Чтобы узнать, къ какой партіи я принадлежу: аристократъ я или демократъ, и они приходятъ въ бѣшенство отъ того, что я не касаюсь политики».

Мицкевичъ сопротивлялся, насколько могъ, этимъ давленіямъ, и его лекціи въ первые два года свидѣтельствуютъ о чрезвычайномъ напряженіи его воли въ этомъ отношеніи. Сынъ поэта, Владиславъ Мицкевичъ, собралъ въ книгѣ, посвященной памяти отца, интересныя свидѣтельства о томъ впечатлѣніи, какое производили лекціи на аудиторію. Великій поэтъ нимало не отвѣчалъ нашему представленію о профессорѣ. Это былъ вдохновенный пророкъ, пиѳія, вѣщавшая съ треножника. Съ раннихъ лѣтъ, характерною особенностью его являлась склонность къ мистицизму, ненасытная потребность въ чудесномъ. Въ своихъ лекціяхъ, стенографированныхъ, просмотрѣнныхъ авторомъ и опубликованныхъ, онъ только отчасти касается исторіи и литературы славянскихъ народностей; бо́льшую же часть посвящаетъ отступленіямъ въ область политики, философіи и религіи, или мечтаніямъ, мало понятнымъ для насъ въ настоящее время. Все это, однако, станетъ яснымъ, если представить себѣ тогдашнее душевное состояніе поэта, такъ сказать, его психо-патологію. Онъ былъ глубоко опечаленъ бѣдствіями своей родины и искалъ утѣшенія въ мистической литературѣ, въ трудахъ св. Мартина, Баядера и др., или въ апокрифахъ Діони-

сія Ареопагита. Нѣкоторыя изъ его поэтическихъ вдохновеній тогдашней эпохи граничатъ съ галлюцинаціями. Это, однако, не были болѣзненные припадки. Ему, какъ ревностному христіанину, подобно его соотечественникамъ, казалось, что Богъ поступилъ несправедливо, покинувъ Польшу, и что эту несправедливость онъ со временемъ долженъ загладить. Одно небо имѣло власть разрѣшить Польшѣ подняться изъ упадка, и онъ былъ убѣжденъ, что это случится непремѣнно при сверхъестественномъ вмѣшательствѣ, при содѣйствіи особаго мессіи.

Годы 1843 и 1844 были особенно тяжелы для Мицкевича по исключительнымъ домашнимъ обстоятельствамъ: его жена сильно заболѣла и должна была поступить на излѣченіе въ больницу. Въ это время, галлюцинаціи поэта достигаютъ своего крайняго напряженія. Въ своихъ грезахъ, онъ борется съ небесными духами и не можетъ ихъ одолѣть; онъ бесѣдуетъ съ Наполеономъ и Христомъ. Въ такомъ состояніи онъ встрѣчается съ религіознымъ галлюцинаторомъ, нѣкіимъ паномъ Товіанскимъ. Мицкевичъ признаетъ его посланникомъ небесъ и становится послушнымъ орудіемъ въ рукахъ этой странной личности. Подъ вліяніемъ Товіанскаго, онъ началъ проповѣдовать мессіанство, какую-то странную религію, гдѣ боготвореніе Наполеона является предметомъ цѣлаго культа, а Товіанскій играетъ роль пророка. Подъ вліяніемъ этого человѣка, Мицкевичъ вовсе перестаетъ самостоятельно думать; подъ видомъ изученія славянскихъ литературъ, онъ мало по малу начинаетъ поучать изъ Декарта, Спинозы, Канта, Фихте, Гегеля, Гердера, Шлегеля, Шеллинга, Сенъ-Симона, Фурье и св. Мартина. Онъ возвѣщаетъ, что явится «Слово» для созданія новой эпохи и что славянская раса должна быть разсматриваема, какъ будущая армія этого «Слова». При такихъ обстоятельствахъ, конечно, не могло быть серьезной рѣчи о славянскихъ литературахъ, и, дѣйствительно, Мицкевичъ только изрѣдка цитируетъ славянскихъ поэтовъ-мистиковъ.

Между тѣмъ, вліяніе Товіанскаго достигаетъ своего апогея, и лекціи Мицкевича получаютъ все болѣе и болѣе апокалипсическій характеръ, причемъ предметомъ лекцій и боготворенія является Наполеонъ. Одна изъ лекцій 1842 года носитъ заглавіе: «le Maître». Этотъ «Maître»—Наполеонъ, человѣкъ, порожденный католицизмомъ, «самый совершенный человѣкъ прошлой эпохи, который *наиболѣе полно воплотилъ въ своемъ лицѣ эту эпоху* (?) превзошелъ ее своимъ геніемъ, человѣкъ всего міра. Вся славянская раса была избрана первой для признанія новаго откровенія».

Съ этого времени, лекціи Мицкевича обращаются въ собесѣдо-

ванія и осложняются актами культа и поклоненія; многіе изъ его слушателей во время лекціи плачутъ. Наконецъ, профессоръ объявляетъ, что онъ не готовитъ своихъ лекцій и надѣется единственно на помощь духа, который ему диктуетъ ихъ. Онъ возвѣщаетъ, что появится человѣкъ «о трехъ лицахъ и о трехъ головахъ», который одинъ только можетъ продолжить дѣло наполеоновскаго воплощенія. Онъ раздаетъ аудиторіи литографію и снабжаетъ ее слѣдующимъ описаніемъ: она представляетъ Наполеона, покрытаго вуалью, съ глазами, поднятыми къ небу, и роняющаго слезы на карту Европы. «Это онъ,—говоритъ Мицкевичъ,—создалъ эту карту; его участь начертана на ней. Это онъ создалъ настоящій строй Европы. Кто страдаетъ отъ современнаго порядка въ ней,—только тотъ и можетъ понять душевную скорбь человѣка судьбы» [1]). Эта литографія представляетъ одну любопытную подробность, отмѣченную Здеховскимъ въ его книгѣ о мессіанизмѣ и славянофилахъ: въ ней черты Наполеона напоминаютъ Товіанскаго. Такимъ образомъ, этотъ теософъ, при посредствѣ Мицкевича, въ образѣ императора распространялъ свое собственное изображеніе.

Само собою разумѣется, что такія странныя лекціи, сопровождаемыя не менѣе странными сценами, неизбѣжно должны были обратить вниманіе французскаго парламента и правительства, и Мицкевичъ былъ уволенъ въ отставку, съ сохраненіемъ двухъ третей содержанія. Такъ закончилась дѣятельность его, какъ перваго профессора славянскихъ языковъ и литературъ.

Въ заключеніе, скажемъ нѣсколько словъ относительно дальнѣйшей исторіи этой каѳедры. Преемникомъ Мицкевича былъ назначенъ Кипріанъ Робертъ, личность прежде мало извѣстная, но заслуживающая вниманія. Это былъ очень талантливый молодой человѣкъ, обладавшій притомъ рѣдкою энергіей. Пѣшкомъ, съ величайшими затрудненіями, онъ обошелъ многія славянскія земли, и плодомъ этихъ путешествій былъ рядъ весьма интересныхъ этюдовъ въ «Revue des Deux Mondes» о болгарахъ, албанцахъ, герцеговинцахъ, сербахъ и боснякахъ. К. Роберту недоставало генія и ореола Мицкевича, и потому его лекціи посѣщались значительно менѣе, чѣмъ лекціи его знаменитаго предшественника, хотя нѣкоторыя изъ нихъ были превосходны, если судить по книгѣ о турецкихъ славянахъ, изданной имъ въ 1844 году. Между прочимъ, этотъ славистъ доказывалъ необходимость самостоятельности бал-

[1]) Эта литографія, теперь чрезвычайно рѣдкая, воспроизведена въ недавно изданномъ во Львовѣ „Альбомѣ“ Мицкевича (Album pamiatkowe Ad. Mickiewicza).

канскихъ славянъ, видя въ ней лучшее препятствіе къ достиженію видовъ Россіи на Константинополь. К. Робертъ былъ врагомъ Россіи, которую онъ, однако, ни разу не посѣтилъ и зналъ очень плохо, что̀ и доказалъ въ своей книгѣ: «Le Monde Slave, son passé, son état présent et son avenir», вышедшей въ Парижѣ въ 1852 году. Этотъ безспорно даровитый человѣкъ кончилъ свою дѣятельность и жизнь очень странно. Однажды, никого не предупредивъ, онъ неожиданно исчезъ, уѣхавъ, какъ полагаютъ, въ Америку, гдѣ и умеръ въ неизвѣстности.

Преемникомъ К. Роберта былъ Александръ Ходзько, по происхожденію полякъ, какъ и Мицкевичъ, родившійся также въ Литвѣ. Онъ получилъ образованіе въ Вильнѣ и Петербургѣ, долго былъ русскимъ консуломъ въ Персіи и заявилъ себя значительными трудами по языкамъ, литературѣ и исторіи мусульманскаго востока. Начало дѣятельности Ходзько совпало съ эпохой крымской войны. Въ своихъ лекціяхъ онъ былъ вполнѣ оригиналенъ и мало напоминалъ предшественниковъ: онъ заключился въ области языка и ограничился живымъ и образнымъ толкованіемъ, обладая громадной эрудиціей въ области русской, польской, чешской и сербской литературы. Въ одной изъ своихъ лекцій, Ходзько слѣдующимъ образомъ резюмируетъ общій характеръ преподаванія какъ своего, такъ и предшественниковъ: «Мицкевичъ—говоритъ онъ—преимущественно имѣлъ дѣло съ литературою, К. Робертъ — съ этнографіей, я же—съ филологіей славянъ. Нашъ преемникъ долженъ будетъ одинаково заниматься всѣми этими тремя отраслями».

Ходзько оставилъ каѳедру въ концѣ 1884 года и съ того времени ее занимаетъ Луи Лежэ, трудъ котораго и послужилъ намъ матеріаломъ для настоящаго очерка [1]).

Н. Арепьевъ.

---

[1]) Г. Луи Лежэ былъ нѣкоторое время сотрудникомъ нашего журнала и печаталъ свои парижскія корреспонденціи подъ именемъ *Луи Левиса*.
Ред.

НА ШАХТАХЪ.

Романъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

VIII.

Аранчѣевъ пріѣхалъ къ Золотиловымъ на другой день послѣ возвращенія ихъ въ Благодатное.

Константинъ Дмитріевичъ за это время мало измѣнился. Онъ только немного пополнѣлъ и сдѣлался какъ-то еще представительнѣе. Манеры его отличались тѣмъ же спокойствіемъ и самоувѣренностью, какъ и прежде, только съ нѣкоторымъ новымъ оттѣнкомъ. Прежде эта спокойная самоувѣренность свѣтскаго человѣка служила не болѣе, какъ рельефнымъ выраженіемъ прирожденнаго достоинства гордаго аристократа, а теперь во всѣхъ манерахъ и пріемахъ Аранчѣева сказывалось еще что-то другое. Въ его спокойныхъ, неторопливыхъ движеніяхъ, въ его плавной, размѣренной рѣчи ясно проглядывало теперь глубокое пониманіе дѣловой стороны жизни, авторитетная непогрѣшимость практическаго дѣльца. Александръ Владиміровичъ и Валентина Дмитріевна встрѣтили Константина Дмитріевича съ теплымъ радушіемъ, какъ самаго близкаго, дорогаго родственника. Аранчѣевъ отвѣчалъ въ такомъ же тонѣ, крѣпко цѣловалъ сестру и зятя, и выражалъ искреннюю сердечную радость по поводу ихъ возвращенія въ родные края. Послѣ обмѣна первыхъ привѣтствій и дружескихъ объятій, завязался самый непринужденный разговоръ,—преимущественно между сестрой и братомъ,—о разныхъ мѣстныхъ новостяхъ и о впечатлѣніяхъ заграничнаго путешествія Золотиловыхъ. Но подобный разговоръ тянуться долго

не могъ. Александръ Владиміровичъ ни на секунду не могъ отдѣлаться отъ несносной мысли о завѣтномъ лѣсѣ, и былъ не въ состояніи откладывать въ долгій ящикъ разрѣшеніе этого мучительнаго вопроса. Воспользовавшись первой случайной паузой въ разговорѣ, онъ безъ всякихъ прелюдій прямо спросилъ Аранчѣева:

— Скажите, пожалуйста, Константинъ Дмитріевичъ, правда, что «завѣтный» лѣсъ вырубленъ по вашему приказанію?

— Да.

— Зачѣмъ же вы велѣли его вырубить?

— Затѣмъ, что это было нужно.

— Но какое же право имѣли вы рубить мой лѣсъ?—вспылилъ Золотиловъ.

— Ну, что́ касается права,—съ тонкой улыбкой замѣтилъ Аранчѣевъ,—позвольте мнѣ, милѣйшій мой Александръ Владиміровичъ, думать, что на этотъ разъ я не хуже васъ знаю, на что имѣю право и на что нѣтъ.

— Ничего не понимаю!.. Какимъ образомъ вы оказались вправѣ рубить мой лѣсъ?

— А вотъ видите ли, милѣйшій Александръ Владиміровичъ... Впрочемъ, вопросъ о правахъ—это такая сухая, скучная матерія, что заставлять сестру присутствовать при подобномъ диспутѣ будетъ положительнымъ преступленіемъ, тѣмъ болѣе, что Валентина не отдохнула еще какъ слѣдуетъ послѣ дороги. Въ виду этого, намъ будетъ гораздо удобнѣе удалиться съ вами въ кабинетъ и тамъ изобразить изъ себя настоящихъ дѣловыхъ людей... Что́ вы морщитесь? Вы, я вижу, все такой же врагъ дѣловыхъ разговоровъ. Что дѣлать, милѣйшій Александръ Владиміровичъ, что дѣлать! Такое дѣловое время пришло: волей-неволей приходится и дѣлами заниматься...

Александръ Владиміровичъ крайне неохотно поднялся съ мѣста и пошелъ съ Константиномъ Дмитріевичемъ въ кабинетъ. Здѣсь первымъ заговорилъ Аранчѣевъ.

— Итакъ, объявляю засѣданіе открытымъ!—началъ онъ въ шутливомъ тонѣ. — Господинъ хозяинъ, благоволите предлагать вопросы вашему арендатору!.. Однако, шутки въ сторону. Я замѣчаю, Александръ Владиміровичъ, что кто-то поспѣшилъ уже познакомить васъ съ разными глупыми сплетнями, и я очень радъ, что пріѣхалъ какъ разъ во-время, чтобы уничтожить всѣ эти сплетни въ самомъ зародышѣ. Надѣюсь, и вы не будете въ претензіи, если я постараюсь безотлагательно привести дѣло въ надлежащую ясность.

— Все это дѣло, — замѣтилъ Золотиловъ, — вы можете разъяснить сразу, въ двухъ словахъ: скажите только, для чего вырубили вы мой лѣсъ?

— Лѣсъ я вырубилъ потому, что мнѣ нужны были деньги,— медленно и съ разстановкой проговорилъ Константинъ Дмитріевичъ,—то есть, не мнѣ собственно, а для хозяйскихъ цѣлей вашего же имѣнія. И вырубилъ я потому, что нашъ арендный договоръ давалъ мнѣ на это полное право.

— Какъ такъ?

— Я сейчасъ объясню это... Но, прежде всего, считаю необходимымъ предупредить васъ, что если вы желаете получить полное разъясненіе интересующаго васъ вопроса,—вамъ не мѣшаетъ запастись извѣстной долей терпѣнія, такъ какъ мое изложеніе всѣхъ подробностей дѣла будетъ очень обстоятельно и подробно... Теперь я начинаю.

Сдѣлавъ это вступленіе, Константинъ Дмитріевичъ остановился, подумалъ, откашлялся и приступилъ къ чтенію своей лекціи о юридическомъ правѣ на вырубку лѣса со всѣми пріемами профессора, начинающаго изложеніе научнаго трактата передъ многочисленной аудиторіей молодыхъ слушателей.

— Александръ Владиміровичъ! Если вы потрудитесь внимательнѣе прочитать нашъ арендный контрактъ, вы благоволите усмотрѣть, что онъ во многомъ отличается отъ всѣхъ другихъ подобныхъ договоровъ. Это—контрактъ, такъ сказать, дружескій, родственный, основанный на полномъ взаимномъ довѣріи. Первая характеристическая черта этого контракта, существенно отличающая его отъ другихъ арендныхъ договоровъ, состоитъ въ томъ, что я, вашъ арендаторъ, являюсь не арендаторомъ только,— въ общепринятомъ значеніи этого слова,—а скорѣе вашимъ управляющимъ, вашимъ довѣреннымъ, вашимъ какъ бы замѣстителемъ. Однимъ словомъ, я являюсь въ имѣніи такимъ же полноправнымъ хозяиномъ, какъ и вы сами.

Аранчѣевъ остановился и перевелъ духъ. Онъ говорилъ не спѣша, замѣтно стараясь отдѣлывать и закруглять каждую фразу, каждый періодъ своей рѣчи. Золотиловъ старался слушать какъ можно внимательнѣе, и съ напряженіемъ слѣдилъ за послѣдовательнымъ развитіемъ мыслей искуснаго оратора. Константинъ Дмитріевичъ продолжалъ:

— Какъ полноправный распорядитель имѣнія и уполномоченный представитель его собственника, я обязанъ заботиться не только объ извлеченіи текущихъ доходовъ изъ ввѣреннаго мнѣ имѣнія, но и объ обезпеченіи дальнѣйшей судьбы его, о подго-

товленіи къ наиболѣе производительной дѣятельности какъ въ въ ближайшемъ, такъ и въ отдаленномъ будущемъ. Я обязанъ вполнѣ выяснить всѣ производительныя силы, которыя сокрыты въ почвѣ и подъ почвой нашего имѣнія, и которыя несомнѣнно должны дать въ будущемъ блистательные результаты. Для осуществленія этихъ цѣлей я обязанъ изыскивать денежныя средства,—въ какихъ бы размѣрахъ они ни потребовались. Если наличныя средства нашей кассы оказываются недостаточными, я имѣю полное право, я даже обязанъ—продать часть хозяйственнаго инвентаря, уменьшить наличность рогатаго скота, уничтожить конскій заводъ, овцеводство, продать, наконецъ, лѣсъ. А потому, милѣйшій хозяинъ, не совѣтую вамъ приходить въ изумленіе, если при обозрѣніи вашего хозяйства вы встрѣтите въ нѣкоторыхъ статьяхъ его довольно замѣтные пробѣлы и недочеты. Эти пробѣлы легли въ основу другихъ, болѣе производительныхъ счетовъ.

— Въ пользу какого же счета, позвольте спросить, пошелъ завѣтный лѣсъ?—угрюмо спросилъ Александръ Владиміровичъ.

— Главнымъ образомъ,—продолжалъ тѣмъ же тономъ Константинъ Дмитріевичъ,—въ пользу счета минеральныхъ богатствъ Благодатнаго. Вы помните, конечно, что, при заключеніи нашего арендnаго договора, полное выясненіе будущей цѣнности сокровищъ, сокрытыхъ въ вашей землѣ, было одною изъ главныхъ цѣлей проэктированныхъ нами хозяйственныхъ мѣропріятій. Въ силу этого обстоятельства, я обязанъ былъ съ особенною энергіей развивать мою дѣятельность въ этомъ именно направленіи. И я съ спокойной совѣстью могу сказать, что въ этомъ отношеніи мною сдѣлано рѣшительно все, что только было возможно. Произведена была самая точная съемка и нивеллировка всей поверхности вашихъ владѣній; приглашались извѣстные спеціалисты для изслѣдованія минеральныхъ залежей и напластованій; дѣлались всѣ необходимыя изысканія почвы; производились глубочайшіе развѣдочные шурфы... При этомъ приходилось встрѣчать препятствія почти неодолимыя, побѣждать трудности почти невозможныя. Все это требовало страшныхъ, колоссальныхъ затратъ. А годъ былъ черезчуръ тяжелый... Ресурсы мои истощились... Я долженъ былъ продать завѣтный лѣсъ.

— Нашли ли вы, по крайней мѣрѣ, уголь?—не безъ иронiи спросилъ Золотиловъ.

— Мы нашли несомнѣнные признаки его присутствія,—нисколько не смущаясь, отвѣчалъ Аранчѣевъ.—Кромѣ того, мы положительно увѣрились въ возможности открытія здѣсь, въ

Благодатномъ, желѣзной руды. Подобное обстоятельство, само собою разумѣется, обязывало насъ еще болѣе усилить нашу энергію и не останавливаться ни передъ какими затратами.

— Однимъ словомъ, чего хочешь, того и просишь. Только все въ будущемъ... А пока я вижу только одно, что мой завѣтный лѣсъ пошелъ на растопку несуществующаго угля... Недурно!..

— Вы все шутите, Александръ Владиміровичъ,—строго замѣтилъ Аранчѣевъ,—а я говорю какъ нельзя болѣе серьезно и, полагаю, не мѣшало бы и вамъ посерьезнѣе прислушиваться къ тому, что я говорю.

— Я не шучу, Константинъ Дмитріевичъ, нѣтъ. Я слушаю васъ очень внимательно, и хотя плохо понимаю ваши слова, но какъ-то инстинктивно чувствую, что вы говорите что-то очень серьезное. По крайней мѣрѣ, первый пунктъ вашъ—черезчуръ даже серьезенъ... Посмотримъ, что скажетъ второй?

— Извольте. Я продолжаю... Вторая, не менѣе интересная отличительная черта нашего аренднаго договора состоитъ въ томъ, что въ немъ съ замѣчательной ясностью и послѣдовательностью проведена система равномѣрности и равноправности для обѣихъ участвующихъ сторонъ. Строго говоря, это даже не формальный договоръ, имѣющій въ виду только обезпеченіе извѣстныхъ юридическахъ обязательствъ; это, скорѣе, выраженіе вполнѣ родственныхъ,—можно сказать, братскихъ отношеній. По смыслу нашего контракта, никто изъ насъ не долженъ и не можетъ пользоваться хорошими результатами нашего общаго дѣла—въ ущербъ интересамъ другаго. Хорошо одной сторонѣ—хорошо и другой, худо мнѣ—худо и вамъ. Если хозяйственныя дѣла идутъ благопріятно для меня, какъ для арендатора, и аренда даетъ мнѣ весьма значительный доходъ,—я обязанъ подѣлиться моими барышами съ вами, какъ собственникомъ имѣнія; кромѣ уплаты извѣстной денежной ренты, я долженъ нѣкоторую часть моихъ прибылей вложить, въ какомъ либо видѣ, въ наше имѣніе,—въ видѣ, напримѣръ, увеличенія хозяйственнаго инвентаря, улучшенныхъ породъ скота, усовершенствованныхъ орудій производства... Такова же и оборотная сторона медали. Если судьба систематически преслѣдуетъ арендатора въ его хозяйственныхъ предпріятіяхъ, такъ что получаемый имъ доходъ не покрываетъ арендной платы за имѣніе, тогда... тогда собственникъ имѣнія не можетъ возложить всецѣло на одного арендатора этотъ ненормальный,—можно сказать, противоестественный—убытокъ. Такіе прискорбные случаи могутъ, конечно, являться только въ видѣ самыхъ рѣдкихъ исключеній; но... они возможны и предусмотрѣны въ

нашемъ контрактѣ. Разъ они есть, я имѣю безспорное право пр
гласить васъ принять участіе въ моемъ тяжеломъ положеніи,
въ видѣ ли вознагражденія моихъ убытковъ изъ другихъ стат
хозяйства, въ видѣ ли пониженія условленной ренты, или, нак
нецъ, въ видѣ полной отмѣны арендной платы, являющейся у
ничѣмъ другимъ, какъ вопіющей аномаліей.

— Ну, а какъ идутъ,—извините за нескромный вопросъ,—
наши съ вами арендныя дѣла?—спросилъ Золотиловъ.

Аранчѣевъ всталъ, медленно прошелся раза два по комнат
и опять сѣлъ. Онъ, очевидно, обдумывалъ свой отвѣтъ... Когда
онъ началъ опять говорить, тонъ его голоса былъ торжественно-
грустный.

— Къ величайшему сожалѣнію, Александръ Владиміровичъ,
я долженъ сознаться, что арендныя дѣла наши идутъ далеко не
блистательно. Не въ добрую минуту подписанъ былъ нашъ кон-
трактъ!.. Не говоря уже о томъ, что первые два года моей
аренды никакъ нельзя причислить къ урожайнымъ, судьба была
страшно несправедлива—можно сказать, безмѣрно жестока—по
отношенію ко мнѣ во все время моей арендаторской дѣятельно-
сти. Кромѣ разныхъ мелкихъ неудачъ, въ практикѣ моей встрѣ-
тилось нѣсколько выдающихся крупныхъ несчастій, которыя
причинили мнѣ страшные убытки. Первымъ трагическимъ собы-
тіемъ былъ тотъ пожаръ, о которомъ я вамъ писалъ,—пожаръ,
во время котораго сгорѣлъ буквально весь, свезенный для мо-
лоть бы, хлѣбъ. Второе, обрушившееся на меня, бѣдствіе явилось
въ видѣ страшнаго падежа овецъ,—падежа, который окончательно вычеркнулъ изъ моего бюджета одну изъ самыхъ капитальныхъ доходныхъ статей. Причиной третьей катастрофы была желѣзная дорога, которая, по неимѣнію вагоновъ, чуть не два мѣсяца продержала мою пшеницу на открытой платформѣ... хлѣбъ попалъ подъ дожди, проросъ и пропалъ. Всѣ эти трагическіе эпизоды моей арендаторской эпопеи, со всѣми ихъ подробностями и результатами, вы можете прослѣдить по моимъ конторскимъ книгамъ и по приложеннымъ къ нимъ оправдательнымъ документамъ. Я нарочно завелъ всѣ эти формальности, и вообще старался придерживаться во всей этой исторіи самой педантической акуратности,—съ главной и единственной цѣлью: предотвратить и уничтожить всякую возможность малѣйшихъ недоразумѣній между нами. Цѣль моя, въ этомъ случаѣ, смѣю думать, достигнута; я могу завѣрить васъ, что каждая записанная мною цифра есть ничто иное, какъ точное воспроизведеніе дѣйствительности; могу поручиться, что каждый изъ моихъ письменныхъ

документовъ имѣетъ несомнѣнное значеніе безспорнаго юридическаго акта.

Константинъ Дмитріевичъ замолчалъ, какъ будто что-то соображая. Послѣ довольно продолжительной паузы, онъ продолжалъ:

— Сейчасъ, здѣсь, я не имѣю возможности припомнить точную цифру нашихъ денежныхъ разсчетовъ съ вами. Могу сказать только одно, что мнѣ, во всякомъ случаѣ, придется еще получить съ васъ обратно нѣкоторую, хотя и небольшую часть, моего послѣдняго арендnаго взноса.

— Какъ?!—съ неподдѣльнымъ изумленіемъ воскликнулъ Золотиловъ.—Вы думаете, что можете получить съ меня обратно деньги, которыя я давнымъ-давно прожилъ?.. Но это... это невозможно!

— Невозможнаго тутъ ничего нѣтъ, — печально произнесъ Аранчѣевъ.—Случай этотъ предусмотрѣнъ въ контрактѣ, и излишне-полученныя деньги должны быть, во всякомъ случаѣ, возвращены...

Хозяинъ молчалъ и глядѣлъ на своего арендатора широко раскрытыми глазами.

— Впрочемъ, къ чему я такъ разболтался! — весело заговорилъ Константинъ Дмитріевичъ.—Я только понапрасну нагоняю на васъ хандру... Вѣдь у насъ еще два года аренды впереди! Удвоимъ нашу энергію, наляжемъ хорошенько на производительность всѣхъ нашихъ хозяйственныхъ ресурсовъ, натянемъ струны до послѣднихъ предѣловъ, продадимъ еще лѣсокъ, другой,— и мы навѣрное восторжествуемъ!.. Однако, я совсѣмъ заговорился съ вами, а у меня дѣлъ выше головы... Милости просимъ ко мнѣ, во всякое время, когда вздумается! Тамъ, у меня въ конторѣ,—да-съ, у меня теперь есть даже контора!—вы обстоятельно и документально познакомитесь съ положеніемъ дѣла, и тогда уже мы подведемъ съ вами всѣ окончательные итоги. Затѣмъ, пока прощайте! Зайду поцѣловать сестренку, да и ко дворамъ...

Александръ Владиміровичъ былъ въ какомъ-то оцѣпененіи. Онъ машинально провожалъ Аранчѣева, сначала къ женѣ, потомъ въ переднюю, на крыльцо, жалъ ему руку, прощался съ нимъ... Арендаторъ уѣхалъ. Тройка сытыхъ, кругленькихъ вятокъ бойкой рысью побѣжала по дорогѣ въ гору и скоро скрылась за горизонтомъ. А хозяинъ все еще стоялъ на крыльцѣ, и какимъ-то растерянnымъ взглядомъ всматривался въ ту точку, гдѣ скрылся экипажъ его арендатора-благодѣтеля. Вернув-

шись съ крыльца, Золотиловъ прошелъ къ Валентинѣ Дмитріевнѣ, остановился передъ ней въ недоумѣвающей позѣ, широко развелъ руками и сказалъ:

— Ну, жена, или я, или братъ твой, но кто нибудь изъ насъ двоихъ несомнѣнно сошелъ съ ума! Жаль только, не знаю навѣрное, кто именно?

IX.

Смутно было на душѣ Золотилова. Велерѣчіе «арендатора» произвело на него подавляющее впечатлѣніе и водворило въ душѣ его туманный хаосъ самыхъ безтолковыхъ ощущеній. Мелькали слова: «родственный контрактъ»... «равноправность сторонъ»... Ну, что же, прекрасно! такъ и должно быть!.. Но зачѣмъ же все таки вырубленъ лѣсъ, этотъ хорошенькій завѣтный лѣсъ, который такъ привѣтливо встрѣчалъ всегда хозяина при самомъ въѣздѣ въ его владѣнія? Для блистательной перспективы? для будущаго угля? Тутъ что-то не такъ, тутъ есть какая-то неправильность, непослѣдовательность...

Ну, наконецъ, пускай такъ: пускай вырубленъ лѣсъ!.. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, необходимость заставила: случились разныя неудачи, неурожаи, падежи. Но къ чему же эти разсужденія о какихъ-то неоконченныхъ разсчетахъ, о возвращеніи давно прожитыхъ денегъ?.. Зачѣмъ такія неумѣстныя шутки? Зачѣмъ, наконецъ, такая поспѣшность, точно какое-то заблаговременное предупрежденіе или предсказаніе?.. И къ чему это приглашеніе на осмотръ какихъ-то счетовъ и книгъ, какъ будто и безъ того не извѣстно, что все въ этомъ дѣлѣ «правильно», ясно, да иначе не можетъ и быть!.. Все это совсѣмъ лишнее. При ихъ родственныхъ, дружескихъ отношеніяхъ, они всякій вопросъ могутъ порѣшить въ двухъ словахъ...

Проскользнула разъ и такая мысль, что во всемъ этомъ глупомъ сумбурѣ есть что-то неладное, какая-то несовсѣмъ благовидная реальная подкладка... Но Золотиловъ съ негодованіемъ отвергъ эту мысль, и даже разсердился на себя за ея появленіе... Онъ былъ настолько далекъ отъ предположенія о возможности какихъ либо серьезныхъ недоразумѣній между нимъ и его арендаторомъ, что даже ни разу не вздумалъ достать изъ письменнаго стола самый контрактъ и посмотрѣть, нѣтъ ли тамъ чего либо похожаго на краснорѣчивыя разсужденія Аранчѣева. Какой вздоръ! Что такое контрактъ для людей, въ полномъ смыслѣ, порядочныхъ?

Какое значеніе можетъ имѣть письменный договоръ для членовъ того общества, гдѣ слово гарантируетъ лучше всякаго векселя уплату стотысячнаго карточнаго проигрыша? Во всякомъ контрактѣ, конечно, написано то, что и должно быть въ немъ написано. А если какой нибудь услужливый писака у нотаріуса и постарался украсить хранящійся въ письменномъ столѣ договоръ излишними замысловатыми крючками, то развѣ Константинъ Дмитріевичъ Аранчѣевъ можетъ пожелать когда нибудь воспользоваться этими крючками?!. Какая гадкая, глупая, позорная мысль!

Но какъ бы то ни было, а безсознательно - непріятное, томительно-безпокойное ощущеніе ни на минуту не покидало Александра Владиміровича. Онъ не столько возмущался содержаніемъ своего разговора съ Аранчѣевымъ, сколько тѣмъ, что разговоръ этотъ нарушалъ его спокойное, ровное настроеніе, вызывалъ въ душѣ какое-то непониманіе, недоумѣніе,—состояніе, которое было безпредѣльно-антипатично открытой натурѣ добродушнаго барина.

Золотиловъ выходилъ изъ дома — осматривать свое хозяйство. На каждомъ шагу встрѣчали его разочарованія, непріятности, огорченія. Вездѣ и во всемъ рѣзко бросались въ глаза тѣ ощутительные хозяйственные недочеты, о которыхъ такъ вразумительно предупреждалъ хозяина Аранчѣевъ. Рысистый заводъ оказался въ полномъ упадкѣ; не было здѣсь знаменитыхъ призовыхъ «Атласовъ» и «Горностаевъ», которые не такъ еще давно составляли законную гордость золотиловскаго завода. Въ сараяхъ и амбарахъ замѣчалось полное запустѣніе; вмѣсто богатѣйшаго хозяйственнаго инвентаря, вмѣсто роскошныхъ косилокъ и молотилокъ, которыми такъ славилось когда-то Благодатное, здѣсь были только жалкіе остатки какого-то негоднаго хлама... На выгонѣ, въ полѣ, гдѣ прежде такъ внушительно красовались громадныя массы великолѣпнаго рогатаго скота, теперь уныло бродило одно небольшое мизерное стадо... На необозримыхъ степяхъ Благодатнаго, гдѣ прежде паслись чуть не сотни тысячъ головъ дорогихъ мериносовъ, теперь только изрѣдка попадались маленькія кучки захудалыхъ представителей этой породы. Завѣтный лѣсъ былъ вырубленъ; встрѣчались и другія порубки, хотя и не такія большія, не такія сплошныя... Посѣвы производились громадные, но земля эксплуатировалась самымъ нераціональнымъ, хищническимъ образомъ; а отдѣльный хуторъ, съ пятьюстами десятинъ прекраснѣйшаго чернозема, былъ переданъ въ аренду уже въ третьи руки, и арендная плата за все будущее время получена была сполна... Вездѣ пробѣлы и недочеты! Вездѣ пора-

жающій упадокъ хозяйства! Какая-то разрушительная стихійная сила, подобно страшной грозовой тучѣ, сплошной полосой прошла надъ всѣми владѣніями помѣщика, переживавшаго съ своимъ арендаторомъ небывалый и невиданный сельско-хозяйственный кризисъ...

Золотиловъ осматривался кругомъ и внимательно приглядывался къ окружающимъ людямъ; онъ пытался прочитать какое либо разъясненіе своихъ мучительныхъ недоумѣній на лицахъ прислуги, конюховъ, рабочихъ... Лица все были новыя, чужія, недоброжелательныя. Прежняго управляющаго давно не было и въ поминѣ; не было и никого изъ служащихъ прежняго состава. Представителями высшей администраціи являлись теперь какой-то новый прикащикъ и незнакомый староста. И тотъ, и другой явно игнорировали владѣльца имѣнія, и давали ясно понять, что здѣсь царитъ теперь другая авторитетная власть, — незримая, неосязаемая, но несомнѣнно присутствующая, всезнающая, всѣмъ управляющая... Появлялось иногда въ усадьбѣ еще одно новое лицо, — худой, тщедушный жидъ Зеймовичъ, хозяинъ новаго кабака на деревнѣ. Этотъ жидъ держалъ себя очень смиренно и, встрѣчаясь съ Золотиловымъ, старался незамѣтно проскользнуть мимо него; но какъ-то чувствовалось, что этотъ тщедушный кабачикъ далеко не непричастенъ всѣмъ таинственнымъ вѣяніямъ, царившимъ въ окружающей атмосферѣ; что онъ находится въ ближайшихъ отношеніяхъ и съ незримой высшей властью, и съ ея наличными слугами и приспѣшниками...

А самъ Аранчѣевъ не пріѣзжалъ и не давалъ о себѣ никакихъ извѣстій... Золотиловъ выходилъ изъ усадьбы и медленно шелъ изъ конца въ конецъ по деревнѣ Мужики снимали шапки, почтительно кланялись своему барину, но смотрѣли на него какъ-то иронически, какъ будто даже съ сожалѣніемъ. Баринъ пытался вступать въ разговоры; мужики отвѣчали вяло, неохотно, неопредѣленно... Въ ближайшее воскресенье, Золотиловъ надумался поставить мужикамъ приличное угощеніе,— тогда пьяные языки развязались. Сначала мужики долго галдѣли на тему, что они завсегда своего барина почитаютъ, завсегда его жалѣютъ, и кончили тѣмъ, что всей громадой принесли барину повальную жалобу на арендатора, который будто бы, въ стачкѣ съ жидомъ-кабачикомъ, такъ опуталъ крестьянъ разными условіями и неустойками, что имъ остается только ложиться да помирать... Баринъ выслушалъ мужиковъ очень внимательно, высказалъ горячее участіе, обѣщалъ все разъяснить и устроить. Мужики кланялись, называли барина благодѣтелемъ; но дѣлали все это какъ

дто только изъ приличія: они, очевидно, не вѣрили барину-
агодѣтелю и не надѣялись на его помощь... А Аранчѣевъ все
) пріѣзжалъ...

Появился разъ въ Благодатномъ, пріѣхавшій съ визитомъ къ
олотиловымъ, Чарышевъ. Кругленькій человѣчекъ, изображавшій
эперь своей особой главнаго руководителя грандіознаго каменно-
гольнаго предпріятія, долго и много разсказывалъ о своихъ коми-
ческихъ похожденіяхъ въ Москвѣ, въ поискахъ денежнаго мѣшка,
увствующаго потребность освободиться отъ неумѣренной пол-
оты... Онъ разсказывалъ, какъ эти поиски увѣнчались, въ концѣ
онцовъ, блистательнымъ результатомъ, и самый что ни-на-есть
ервѣющій» московскій мѣшокъ не устоялъ передъ соблазнитель-
ой перспективой превращенія денегъ въ уголь и угля въ деньги...
нъ разсказывалъ о выработанномъ имъ грандіозномъ проэктѣ
ебывалой, невиданной шахты и о не менѣе грандіозномъ осу-
ествленіи этого проэкта. Онъ повѣствовалъ, какими усовершен-
твованными пріемами производится откачиваніе воды на его
удникѣ и очень мило подшутилъ надъ собственной персоной,
описывая себѣ честь геніальнаго открытія новаго химическаго
акона превращенія золота въ воду... но, вслѣдъ за тѣмъ, очень
рьезно прибавилъ, что изобиліе воды есть признакъ изобилія
ля, который всю воду обязательно превратитъ со временемъ
ять въ золото. Хозяинъ добросовѣстно слушалъ болтовню гостя
старался быть внимательнымъ собесѣдникомъ. Но скоро терпѣніе
о истощилось: онъ находился всецѣло подъ властью собствен-
ой назойливой мысли, собственнаго гнетущаго недоумѣнія, — и
олженъ былъ высказать эту мысль, подѣлиться этимъ недоумѣ-
іемъ съ каждымъ, хотя бы даже и случайнымъ собесѣдникомъ.
оспользовавшись первымъ удобнымъ моментомъ, онъ перевелъ
азговоръ на свою арендную тему. Началъ онъ какъ будто изда-
лека: разсуждалъ о трудностяхъ вести хозяйство въ настоящее
ремя и о громадной стоимости изслѣдованія подземныхъ мине-
альныхъ богатствъ; разсказывалъ о разныхъ неудачахъ, систе-
атически преслѣдовавшихъ его арендатора и такъ тяжело отзы-
авшихся на его собственномъ положеніи; жаловался на возму-
ительную несправедливость судьбы, поставившей его въ такія
оловкія отношенія къ ближайшему родственнику, имѣвшему не-
частіе сдѣлаться его арендаторомъ... Говорилъ онъ долго и до-
ольно безтолково, но въ концѣ концовъ высказалъ все, что
отѣлъ, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ рѣшающаго заключенія авто-
итетнаго знатока практической стороны жизни. Сергѣй Сергѣ-
ичъ выслушалъ все до конца, усердно поддакивалъ и подмиги-

валъ, иногда даже вздыхалъ, но вообще отнесся ко всей этой траги-комедіи безъ всякихъ признаковъ изумленія или негодованія,—съ поразительнымъ легкомысліемъ. Въ заключеніе всего, онъ добродушнѣйшимъ образомъ расхохотался и какъ-то снисходительно-ласково потрепалъ Золотилова по плечу.

— Эхъ-ма, добрѣйшій вы мой Александръ Владиміровичъ!—покровительственнымъ тономъ сказалъ онъ. — Вы жалуетесь на судьбу? Да развѣ судьба бываетъ въ чемъ нибудь виновата? Во всемъ и всегда виновато время, одно только время, и больше ничего. Время пришло теперь новое, и все должно быть у насъ новое. Вы помните, конечно, заповѣди, которымъ насъ учили когда-то въ старину? Эти заповѣди были тогда какъ разъ кстати, по тогдашнему времени. А теперь, изволите ли видѣть, время другое,—стало быть, и заповѣди у насъ другія, новыя; самая же главная заповѣдь теперь одиннадцатая, которая гласитъ: «не зѣвай»! А русская пословица продолжаетъ: «кто не зѣваетъ, тотъ и щи хлебаетъ».

Съ этимъ Чарышевъ и уѣхалъ... Но всѣ эти указанія на какія-то новыя времена и на новыя заповѣди,—указанія, подкрѣпленныя даже перековерканной русской пословицей,—нисколько не содѣйствовали къ успокоенію и облегченію Золотилова. Онъ стоялъ передъ женой въ жалкой, растерянной позѣ, съ самымъ глупымъ выраженіемъ недоумѣнія на лицѣ.

— Валентина!—упавшимъ голосомъ взывалъ онъ къ супругѣ,—да скажи ты мнѣ наконецъ, ради самого Бога, что̀ такое *все это* значитъ?

— Не знаю, другъ мой,—задумчиво отвѣчала супруга,—но только мнѣ кажется... ты все это очень преувеличиваешь.

— О, еслибы это было такъ. Какъ бы это было прекрасно! Но нѣтъ... Когда я начинаю припоминать нѣкоторыя выраженія Константина Дмитріевича...

Александръ Владиміровичъ не могъ продолжать далѣе. Онъ только махнулъ рукой и тяжело опустился на первый попавшійся стулъ.

— Очень сожалѣю, что не присутствовала при вашемъ разговорѣ,—спокойнымъ, внушительнымъ тономъ произнесла Валентина Дмитріевна.—Тогда я лучше понимала бы, въ чемъ собственно состоитъ это, какъ ты выражаешься, «недоразумѣніе». А все, что̀ я слышала до сихъ поръ отъ тебя, только сбиваетъ меня съ толку. Ты все разсказываешь о разныхъ юридическихъ отношеніяхъ, о какихъ-то тамъ обвинительныхъ или оправдатель-

ныхъ документахъ, въ которыхъ я рѣшительно ничего не понимаю.

— Столько же, сколько и я.

— Вотъ это-то, другъ мой, и жаль, что мы съ тобой не понимаемъ, а только все разсуждаемъ. Такъ мы никогда не придемъ къ результату.

— Но что же дѣлать, если такъ сложились обстоятельства?

— Обстоятельства сами по себѣ, а мы... мы ни въ какомъ случаѣ не имѣемъ права складывать руки. Давай, поговоримъ толкомъ!

— Какой тутъ, матушка, толкъ, когда у меня голова идетъ кругомъ!

— Александръ, нельзя же быть такимъ малодушнымъ...

— Ну, изволь, изволь: давай говорить толкомъ!

Александръ Владиміровичъ покорно опустилъ голову и приготовился слушать.

— Прежде всего,—начала Валентина Дмитріевна,—постарайся хорошенько припомнить, что̀ именно поразило тебя болѣе всего въ словахъ брата?

— О, очень многое.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ... Константинъ Дмитріевичъ говорилъ, что долженъ получить обратно часть послѣдней арендной уплаты...

— Ну, это, конечно, шутка. Константинъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа и пустился въ остроты. Далѣе?..

— Онъ говорилъ, что потерпѣлъ большіе убытки отъ пожара, отъ падежа и богъ знаетъ отъ чего...

— Все это легко могло быть, и остается только пожалѣть брата, если ему такъ не посчастливилось.

— Онъ говорилъ, что контрактъ даетъ ему право рубить наши лѣса.

— Что касается этого вопроса, мнѣ кажется, разрѣшить его слишкомъ даже легко: стоитъ только справиться въ контрактѣ...

— Э, другъ мой, да что̀ же я могу найти въ этомъ глупомъ контрактѣ, если я ни слова не понимаю въ юридической тарабарщинѣ?.. Да и причемъ тутъ контрактъ? Дѣло въ людяхъ, а не въ контрактахъ... Контракты нужны только для кулаковъ и кабачиковъ.

— Въ этомъ ты, конечно, правъ: слово Аранчѣева дороже всякаго контракта. Въ такомъ случаѣ... я не понимаю, почему бы тебѣ не поѣхать къ брату и не объясниться съ нимъ?..

— Помилуй, Валентина, съ какими же глазами я поѣду? Вѣдь

это будетъ похоже на то, какъ будто я и въ самомъ дѣлѣ думаю ревизовать разныя его книги... точно я въ самомъ дѣлѣ имѣю какія нибудь подозрѣнія! И это послѣ того, какъ онъ былъ съ нами такъ родственно, по-братски откровененъ!.. Нѣтъ, это невозможно. Вѣдь это можетъ даже оскорбить его.

— Ты увлекаешься, Александръ. Ни о какихъ подозрѣніяхъ или оскорбленіяхъ въ этомъ случаѣ не можетъ быть рѣчи. Но недоразумѣнія... мнѣ кажется, всегда возможны. Мой братъ, какъ и каждый человѣкъ, не застрахованъ отъ увлеченій, отъ ошибокъ... Онъ могъ совсѣмъ потерять голову.

— Ну, этого-то пока не замѣтно.

— Но самъ же ты говоришь, что въ хозяйствѣ вездѣ замѣтны серьезныя упущенія?.. Какъ хочешь, а эти порубки, эти мужицкія жалобы... наконецъ, этотъ Іонычъ...

— О, не говори мнѣ, Валентина, про этого стараго дурака. Я его ненавижу!.. Я не могу равнодушно смотрѣть на эту глупую, нахальную рожу. Онъ молчитъ, молчитъ упорно, злонамѣренно... но на лицѣ его какъ будто написано, что онъ могъ бы что-то сказать, и даже что-то очень важное.

— Не нападай такъ на Іоныча, Александръ! Онъ глупъ, но онъ тебѣ преданъ... И мнѣ кажется... онъ могъ бы помочь тебѣ выйти изъ этого лабиринта.

— Что?!—воскликнулъ, порывисто срываясь со стула, Александръ Владиміровичъ.—Поставить на одну доску Аранчѣева и этого халуя! Валентина, да ты съ ума сошла! Да если такъ, лучше бросить все это... лучше уѣхать опять за границу. О, Боже, до чего я дожилъ! Изъ-за глупостей, пустяковъ, изъ-за копѣечныхъ разсчетовъ—и такъ-то мучиться!.. И видѣть кругомъ эти глупыя, насмѣшливыя рожи, этого дурака Іоныча!.. О, Господи, да что же это наконецъ такое?..

Александръ Владиміровичъ ушелъ въ свой кабинетъ въ состояніи крайняго раздраженія, огорченія, разслабленія. Онъ былъ жалокъ, въ полномъ смыслѣ слова.

X.

Лакей доложилъ о пріѣздѣ доктора Лопенко.

Стóило только взглянуть на коренастую, приземистую фигуру доктора Лопенко, на его круглую голову, украшенную щетинистыми рыжеватыми волосами, на его простоватое лицо и толстыя губы, прикрытыя длиннѣйшими усами,—и тотчасъ же уничтожа-

лись всякія сомнѣнія въ малороссійскомъ происхожденіи этой типичной фигуры. Лопенко, дѣйствительно, былъ родомъ изъ мѣстныхъ мелкихъ дворянъ,—потомковъ запорожскихъ казаковъ,—и самъ называлъ себя, безъ всякихъ стѣсненій, хохломъ. Хотя въ характерѣ доктора не было почти ничего общаго съ характеромъ его предковъ, онъ никогда не обижался, если ему замѣчали, что по наружности своей онъ могъ бы служить вполнѣ подходящей виньеткой къ любому изъ украинскихъ разсказовъ Гоголя. Семенъ Тихоновичъ Лопенко учился въ одномъ изъ южныхъ университетовъ, кончилъ курсъ на медицинскомъ факультетѣ, служилъ нѣкоторое время военнымъ докторомъ, вышелъ въ отставку, и вотъ уже лѣтъ десять, какъ жилъ старымъ холостякомъ, скромно и тихо, въ своемъ маленькомъ хуторѣ, недалеко отъ Благодатнаго. Въ настоящее время, доктору было уже лѣтъ за сорокъ. Онъ занимался хозяйствомъ, лѣчилъ даромъ больныхъ мужиковъ и имѣлъ небольшую денежную практику въ кругу сосѣднихъ помѣщиковъ. Медицинскія познанія Семена Тихоновича были не слишкомъ обширны, но онъ лѣчилъ очень удачно и всегда умѣлъ ладить съ обществомъ, благодаря чему вся интеллигентная и денежная мѣстная публика очень охотно обращалась къ медицинской помощи отставнаго военнаго доктора.

Золотиловъ былъ давно знакомъ съ докторомъ Лопенко, простая, непритязательная натура котораго пришлась ему какъ нельзя болѣе по душѣ. Онъ сошелся съ Семеномъ Тихоновичемъ еще во времена своей холостой жизни, а послѣ женитьбы постарался сдѣлать его, что называется, своимъ человѣкомъ въ роскошной усадьбѣ Благодатное. Неуклюжая фигура и вульгарныя манеры доктора вначалѣ сильно шокировали аристократическія привычки супруги Золотилова, но когда Лопенко придумалъ какое-то особенное медицинское средство, очень облегчавшее нервныя головныя боли, которыми нерѣдко страдала Валентина Дмитріевна,—гордая барыня стала относиться гораздо снисходительнѣе къ своему домашнему доктору. Мало по малу она къ нему привыкла и стала даже, до извѣстной степени, раздѣлять симпатіи своего мужа къ этому простому, доброму человѣку.

Настоящій пріѣздъ доктора Лопенко былъ встрѣченъ хозяевами Благодатнаго съ особеннымъ удовольствіемъ; онъ являлся какъ бы нѣкоторымъ отвлеченіемъ отъ назойливой, гнетущей мысли о томъ несносномъ житейскомъ вопросѣ, который такъ рѣзко и глупо сталъ поперекъ жизни супружеской четы Золотиловыхъ. Вопросъ этотъ пока нисколько не подвигался въ своемъ разрѣшеніи и заставлялъ все думать и думать,—занятіе, которое

Александръ Владиміровичъ ненавидѣлъ едва ли не болѣе всего на свѣтѣ... Войдя въ роскошную гостинную Золотиловыхъ, Семенъ Тихоновичъ поздравилъ хозяевъ съ благополучнымъ возвращеніемъ изъ далекаго путешествія; замѣтилъ, что на его докторскій взглядъ въ состояніи ихъ здоровья послѣдовало несомнѣнное улучшеніе; разспрашивалъ, какъ отдохнули они послѣ дороги, и какъ вообще чувствуютъ себя, вернувшись въ родные края, гдѣ ихъ ожидало такъ много пріятныхъ сюрпризовъ, въ видѣ, напримѣръ, ближайшей желѣзной дороги и общаго оживленія промышленной жизни. Подобный разговоръ неизбѣжно коснулся самаго выдающагося проявленія мѣстнаго прогресса—той феноменальной шахты, которая происхожденіемъ своимъ обязана была Чарышеву. Александръ Владиміровичъ замѣтно увлекался грандіознымъ предпріятіемъ московскаго капиталиста и восторгался практическими талантами организатора этого предпріятія.

— Вы знаете Сергѣя Сергѣевича?—спросилъ онъ Семена Тихоновича.

— Какъ не знать, знаю,—отвѣчалъ докторъ Лопенко,—хотя и не имѣю чести быть лично знакомымъ.

— Хорошій, дѣльный человѣкъ!—съ убѣжденіемъ произнесъ Золотиловъ.

— Да,—возразилъ докторъ, — дѣла господинъ Чарышевъ ведетъ большія, а что толку?.. Нѣтъ-съ, Александръ Владиміровичъ, это все не то-съ!.. Такъ дѣла не дѣлаютъ!..

— Старая пѣсня, Семенъ Тихоновичъ! Хорошо разсуждать: «не то, да не такъ». А попробовали бы мы съ вами затѣять такое дѣло...

— Куда намъ! Особенно мнѣ. Я человѣкъ маленькій, и могу на такія дѣла только издали любоваться. А все таки скажу, что и я изъ моей берлоги кое-что вижу и кое-что понимаю...

— Да что же вы можете видѣть? Вѣдь вы сами говорите, что даже незнакомы съ Сергѣемъ Сергѣевичемъ?

— Съ господиномъ Чарышевымъ я незнакомъ, это вѣрно-съ. Зато я слишкомъ даже знакомъ съ однимъ изъ его ближайшихъ сотрудниковъ... тоже замѣчательная, въ своемъ родѣ, личность.

— Кто же эта замѣчательная личность?

— Нѣкто господинъ Кулабуховъ. Терентій Гавриловичъ Кулабуховъ.

— А кто онъ такой?

— Да простой плотникъ. Года три тому назадъ, онъ пришелъ сюда откуда-то изъ Рязанской или Калужской губерніи, съ однимъ топоромъ въ рукахъ — искать работы... А теперь госпо-

динъ Кулабуховъ въ первыхъ подрядчикахъ состоитъ у господина Чарышева. Онъ у насъ въ Межигорьѣ такой домина выстроилъ, что всѣмъ на диво!

— Это доказываетъ только, что вашъ Кулабуховъ дѣльный человѣкъ.

— Что и говорить: дѣльный! Дѣла дѣлать Терентій Гавриловичъ умѣетъ...

Докторъ Лопенко скрутилъ толстѣйшую папиросу и закурилъ ее, ласково поглядывая своими круглыми сѣрыми глазками на Александра Владиміровича и на Валентину Дмитріевну.

— Дѣла дѣлать эти господа умѣютъ,—заговорилъ онъ послѣ небольшой паузы. — Да какія дѣла? Бываютъ дѣла настоящія, а бываютъ и такія, что наплевать да бросить... Да вотъ я лучше всего, разскажу вамъ одинъ новенькій анекдотецъ...

Семенъ Тихоновичъ начиналъ волноваться, и все ожесточеннѣе пыхтѣлъ своей папиросой. Онъ продолжалъ:

— Пріѣзжаетъ недавно на рудникъ Чарышева какой-то тамъ агентъ или ревизоръ. И вздумалось этому ревизору провѣрить штабель съ лѣснымъ матеріаломъ, только что принятымъ отъ Кулабухова. Ну-съ, какъ ни прикинетъ нашъ агентъ—все не выходитъ у него того, что должно выходить: гдѣ полагается пять вершковъ — тамъ оказывается два; гдѣ значится тысяча досокъ — налицо только сто... Ну, понятно, конфузъ!.. Агентъ принялъ дѣло въ сурьезъ. Господинъ Чарышевъ всполошился; всполошился и Кулабуховъ... Какъ распорядился съ этимъ казусомъ главный воротила—сказать навѣрное не могу, но Кулабуховъ придумалъ преинтересную штуку. На другой же день является онъ къ ревизору и разсказываетъ сказки: такъ, молъ, и такъ, говоритъ, слышалъ я, желаете вы, господинъ агентъ, купить для вашего хозяина караковыхъ лошадей,—такъ вотъ я, говоритъ, могу порекомендовать очень хорошенькую парочку.— Покажи, покажи!—говоритъ агентъ... Вышли на дворъ, посмотрѣли: лошади — кому не нужно, дастъ три тысячи за каждую... Цѣна? — спрашиваетъ агентъ... Полтораста рублей, — отвѣчалъ Кулабуховъ... Да-съ, и даже глазомъ не сморгнулъ!.. И повели караковыхъ въ Москву... А лошади—одно слово: цѣны нѣтъ!.. Да вы, Александръ Владиміровичъ, вѣроятно, ихъ помните: вѣдь эти караковыя были съ вашего завода...

— Какъ?—изумился Золотиловъ.—Неужели же это тѣ караковыя, которыхъ я велѣлъ выѣздить для Валентины? Да зачѣмъ же онѣ попали къ вашему Кулабухову?

— Ну, ужь этого, батюшка Александръ Владиміровичъ, я не

могу знать. Объ этомъ вы спросите того, кто заправлялъ здѣсь вашимъ хозяйствомъ.

Александръ Владиміровичъ молчалъ.

— Не ошибаетесь ли вы, докторъ? — недовольнымъ тономъ произнесла Валентина Дмитріевна. — Братъ едва ли бы продалъ этихъ лошадей...

— Да онъ, кажется, ихъ и не продавалъ. У нихъ, какъ я слышалъ, были какіе-то особенные разсчеты съ Кулабуховымъ...

За обѣдомъ, докторъ Лопенко разсказывалъ о разныхъ интересныхъ случаяхъ изъ своей медицинской практики. Между прочимъ, онъ описывалъ опасное положеніе больной женщины, которую навѣщалъ сегодня въ Благодатномъ, передъ пріѣздомъ къ Золотиловымъ.

Александръ Владиміровичъ, всегда считавшій своей ближайшей обязанностью оказывать помощь своимъ больнымъ крестьянамъ, спросилъ доктора, не знаетъ ли онъ, какъ зовутъ эту больную женщину.

— Знаю,—отвѣчалъ Семенъ Тихоновичъ. — У нея имя такое необыкновенное: Анѳиса; она—жена Спиридона Шестопалова.

— Шестопалова?—переспросилъ Золотиловъ, — который былъ здѣсь старостой? Знаю... Хорошій мужикъ! И жена его—славная женщина. Жаль, жаль бѣдную Анѳису... Скажите, докторъ, болѣзнь ея очень опасна?

— Да, болѣзнь очень упорная и серьезная. Конечно, при надлежащемъ уходѣ, при хорошемъ питаніи, больная могла бы еще поправиться. Но бѣда въ томъ, что живутъ они такъ бѣдно, такъ...

— Ну, мы это устроимъ, мы сейчасъ примемъ всѣ мѣры,— оживленно говорилъ Александръ Владиміровичъ.—Вы только разскажите намъ, докторъ, какъ и что̀ нужно сдѣлать...

Лопенко обстоятельно разсказалъ, какъ и что̀ именно нужно было сдѣлать для больной жены Шестопалова, какой нуженъ уходъ, какія лѣкарства и пр. Золотиловъ выслушалъ все очень внимательно, и тотчасъ же принялся дѣлать всѣ необходимыя распоряженія. Онъ послалъ верховаго въ ближайшую земскую аптеку за лѣкарствомъ; самъ наблюдалъ за приготовленіемъ назначенныхъ докторомъ компрессовъ; отдалъ буфетчику приказъ отпускать для больной чай, бульонъ и все остальное; нѣсколько разъ подтвердилъ назначенной для ухода женщинѣ, чтобы она добросовѣстно исполняла всѣ предписанія доктора, и успокоился только тогда, когда окончательно убѣдился, что всѣ распоряженія его будутъ исполнены въ точности. Онъ хлопоталъ съ такой

теплой заботливостью и искреннимъ одушевленіемъ, что оставалось только удивиться, какъ можетъ иногда перерождаться эта лѣнивая, неподвижная натура. Валентина Дмитріевна усердно помогала мужу и даже отобрала собственноручно бѣлье для больной. Всѣ дѣйствія ея имѣли, конечно, гораздо болѣе сдержанный и спокойный характеръ, но несомнѣнно выказывали признаки добраго сердца. Когда всѣ хлопоты и распоряженія, вызванныя теплымъ участіемъ къ больной женѣ Шестопалова, были окончены, и Александръ Владиміровичъ, усталый, но счастливый, сѣлъ на свое мѣсто,—докторъ Лопенко крѣпко-крѣпко пожалъ ему руку.

Послѣ довольно продолжительнаго молчанія, возобновился опять разговоръ о больной Аннисѣ, о ея безпомощныхъ дѣтяхъ, о тяжеломъ положеніи мужа.

— Семенъ Тихоновичъ,—обратился къ доктору Золотиловъ,—вы сейчасъ сказали, что Шестопаловы живутъ очень бѣдно... Меня это крайне удивляетъ. Спиридонъ всегда былъ мужикъ состоятельный.

— Да,—печально отвѣчалъ докторъ,—Шестопаловъ самъ говорилъ мнѣ объ этомъ, когда я былъ у него въ первый разъ.

— Что же такое съ нимъ случилось?

Семенъ Тихоновичъ отвѣтилъ не сразу:

— Случилась тутъ одна оказія... некрасивая оказія... Когда господинъ Аранчѣевъ задумалъ вырубить вашъ лѣсокъ, онъ поручилъ это дѣло жиду Зеймовичу. А жидъ подрядилъ для вывозки лѣса Шестопалова: мужикъ онъ былъ тогда обстоятельный, у него въ то время было восемъ паръ самыхъ исправныхъ воловъ. Ну, конечно, жидъ огородилъ себя какъ слѣдуетъ, и какъ слѣдуетъ обставилъ Спиридона: всякіе тамъ сроки, неустойки... Началъ Спиридонъ возить лѣсъ, и видитъ: не управиться ему къ сроку... Приналегъ онъ на воловъ,—и позамучилъ ихъ порядкомъ. Двѣ-три пары скоро совсѣмъ сплоховали, а тутъ еще пали два самыхъ лучшихъ вола... Спиридонъ сталъ нанимать сосѣдей, въ конецъ замучилъ своихъ воловъ, и... кончилъ тѣмъ, что срока не исполнилъ. и не получилъ ни гроша.

— Не можетъ быть! — нервно воскликнулъ Александръ Владиміровичъ.

— Къ сожалѣнію, это фактъ.

— Почему же Шестопаловъ не обратился къ самому Константину Дмитріевичу?

— Ходилъ... сто разъ ходилъ... Константинъ Дмитріевичъ отказалъ наотрѣзъ: это, говоритъ, дѣло не мое.

Наступило тяжелое молчаніе. Семенъ Тихоновичъ ходилъ по комнатѣ и съ ожесточеніемъ курилъ свою громадную папиросу.

— Эхма! — заговорилъ онъ голосомъ, въ которомъ ясно слышалось тяжелое ощущеніе.—Не думалъ я, Александръ Владиміровичъ, вести съ вами такіе разговоры... Но, видно, такъ нужно... Обижаетъ васъ господинъ Аранчѣевъ, крѣпко обижаетъ.

— Докторъ, вы забываетесь!—гордо сказала, вся вспыхнувъ, Валентина Дмитріевна.

— Простите, матушка Валентина Дмитріевна! — съ тою же болью въ голосѣ, но значительно мягче, произнесъ Семенъ Тихоновичъ.—Можетъ быть, я и забываюсь... Но не могу я молчать, когда вижу, какъ обижаютъ добраго человѣка!

— Обидчиковъ и обиженныхъ здѣсь нѣтъ! — рѣзко замѣтила Валентина Дмитріевна. — Во всемъ виноваты одни только случайныя обстоятельства!

— Какія же это такія обстоятельства, позвольте спросить?

— У брата были большія неудачи въ хозяйствѣ... Урожаи были очень плохіе...

— Да, да,—подтвердилъ Александръ Владиміровичъ.—Урожаи были плохіе... кромѣ того, былъ страшный падежъ на овецъ.

Семенъ Тихоновтчъ заволновался. Тонъ его дальнѣйшаго разговора сразу сдѣлался рѣзче.

— Ну, когда такъ!.. — порывисто говорилъ онъ. — Вы меня извините! Ужь если вы сами заставляете меня говорить, я теперь скажу... скажу, все, что только знаю. Вы говорите: плохіе урожаи? А я скажу, у насъ все время были такіе урожаи, что оставалось только Бога благодарить!.. Вы говорите: падежъ? А я говорю вамъ, что собственными глазами видѣлъ, какъ мимо моего хутора гнали вашихъ мериносовъ въ другое имѣніе... потомъ перегнали въ Кургановку, а потомъ еще куда-то... куда именно, не знаю...

— Не можетъ быть!—вскричалъ Александръ Владиміровичъ.— Это... это...

— Остановись, Александръ!—перебила мужа Валентина Дмитріевна. — Не горячись, успокойся!.. А вы, докторъ, позвольте предложить вамъ только одинъ, но очень серьезный вопросъ...

Докторъ молча наклонилъ голову. Валентина Дмитріевна продолжала:

— Хорошо ли обдумали вы то, что сейчасъ говорили?.. И вы... вы увѣрены въ томъ, что сказали?..

При послѣднихъ словахъ, голосъ ея замѣтно дрогнулъ.

— Валентина Дмитріевна! — съ искреннимъ порывомъ глубо-

аго чувства воскликнулъ Лопенко.—Да неужели же я могу быть когда нибудь подлецомъ!.. Солгать въ такомъ дѣлѣ — вѣдь это хуже всякой подлости!

— Ну, а пожаръ?.. пожаръ?..—отчаяннымъ голосомъ закричалъ Александръ Владиміровичъ, бросаясь на доктора и хватая его за плечи. Онъ былъ внѣ себя и терялъ всякое самообладаніе.

— Про пожаръ, — отвѣчалъ, пытаясь отстранить Золотилова, Семенъ Тихоновичъ, — про пожаръ я ничего не могу сказать. Я слышалъ только, что былъ здѣсь какой-то пожаръ, но самъ я уѣзжалъ тогда въ Таганрогъ... А все остальное, что я говорилъ...

— Довольно, довольно!—застоналъ Александръ Владиміровичъ, выпуская доктора и начиная метаться по комнатѣ.—Не мучьте меня болѣе! Я и такъ весь разбитъ, уничтоженъ!

Докторъ Лопенко уѣхалъ, а Золотиловъ велѣлъ позвать къ себѣ въ кабинетъ Іоныча. Баринъ былъ блѣденъ и не подымалъ глазъ. Старый слуга стоялъ насупившись, угрюмый, злой.

— Іонычъ,—обратился къ старику Золотиловъ,—разскажи мнѣ все, что знаешь про пожаръ... когда у васъ сгорѣлъ весь хлѣбъ.

— Пожаръ былъ, точно, — глухимъ голосомъ отвѣчалъ Іонычъ.—Съ хлѣбомъ ужь убрались. Оставался одинъ скирдъ, такъ, самый пустяшный... Вотъ онъ и погорѣлъ. Такъ, видно, нужно было: для видимости и сожгли. Оно какъ будто и взаправду былъ пожаръ...

Александръ Владиміровичъ упалъ, какъ подкошенный, въ кресло. Старикъ повалился ему въ ноги.

— Батюшка, Александръ Владиміровичъ!—завопилъ Іонычъ.—Простите меня, окаяннаго. Ограбилъ васъ злодѣй-то вашъ!.. въ конецъ ограбилъ!..

Золотиловъ вскочилъ, какъ отъ удара электрической искры. Ничего не сознавая, не понимая, бросился онъ въ будуаръ Валентины Дмитріевны. Тамъ произошла страшно-тяжелая, невозможная сцена. Александръ Владиміровичъ кричалъ и шумѣлъ, плакалъ и рыдалъ, проклиналъ себя самого, Аранчѣева, судьбу, и всѣхъ и все, что только попадалось ему на языкъ. Онъ даже бросилъ женѣ своей въ глаза тяжкій и безсмысленный упрекъ въ томъ, что она имѣетъ несчастіе быть сестрой Аранчѣева. Съ Валентиной Дмитріевной сдѣлался нервный припадокъ. Пришлось послать верховаго, чтобы вернуть съ дороги доктора Лопенко.

XI.

Александръ Владиміровичъ пришелъ къ такому заключенію, что ему необходимо ѣхать къ Аранчѣеву,—и онъ дѣйствительно поѣхалъ.

На душѣ у него какъ будто стихло. Онъ пересталъ волноваться и не пытался болѣе разрѣшить тѣ сомнѣнія и недоумѣнія, которыя такъ терзали его въ теченіе цѣлой недѣли. Да и къ чему? Вѣдь вотъ пройдетъ еще нѣсколько часовъ и *всему этому*—конецъ; стоитъ только доѣхать до Кургановки, и все разъяснится. И разъяснится, Богъ дастъ, къ полному всеобщему удовольствію. Константинъ Дмитріевичъ окажется такимъ же прекраснымъ человѣкомъ, какимъ онъ былъ всегда, и заживутъ они опять душа въ душу. Все это было преувеличено, извращено, прямо даже выдумано. Лучше не думать объ этомъ, не забивать голову понапрасну! Александръ Владиміровичъ съ наслажденіемъ ухватился за эту счастливую мысль—«перестать думать»; онъ и старался не думать, старался только испытывать пріятное ощущеніе жизни и любоваться на все окружающее. И онъ почти достигъ этой цѣли въ то время, какъ ѣхалъ въ Кургановку, комфортабельно покачиваясь на мягкихъ ресорахъ удобной коляски, быстро катившейся по гладкой пыльной дорогѣ. Но какъ бы то ни было, а предстоящее свиданіе съ Аранчѣевымъ невольно вызывало въ душѣ Золотилова какое-то безпокойное ощущеніе. Какъ ни утѣшала его мысль, что съ пріѣздомъ въ Кургановку все это должно кончится, разъясниться,—пріѣздъ этотъ какъ-то не представлялся ему въ заманчивомъ, радужномъ видѣ; хозяина не радовало приближеніе давно желаемой и ожидаемой встрѣчи съ арендаторомъ, и онъ не покрикивалъ, какъ обыкновенно, на кучера, чтобы тотъ скорѣе гналъ лошадей. И чѣмъ ближе подъѣзжалъ Золотиловъ къ Кургановкѣ, тѣмъ сильнѣе становилось въ немъ это смутное ощущеніе недовольства. Являлась какая-то боязнь предстоящаго объясненія, какое-то странное желаніе отложить это свиданіе до другаго раза. Не доѣзжая десяти верстъ до Кургановки, Александръ Владиміровичъ, завидѣвъ влѣво, верстахъ въ пяти, непомѣрно высокую шахту московскаго «милліонщика», приказалъ кучеру свернуть съ дороги и ѣхать на новый рудникъ. Зачѣмъ и почему сдѣлалъ это Золотиловъ—онъ и самъ навѣрное не зналъ; ѣхать къ Чарышеву ему было, собственно, незачѣмъ; и послѣ этого визита все равно не миновать было Кур-

тановки. Сдѣлалъ онъ это вполнѣ безсознательно, совершенно также, какъ провинившійся школьникъ зажмуриваетъ глаза и инстинктивно отклоняетъ голову отъ неумолимой руки грознаго ментора, стремящейся ухватить шалуна за ухо.

Лошади остановились у подъѣзда большаго двухъэтажнаго дома, на которомъ красовалась громадная вывѣска: «Центральное управленіе рудника». Александръ Владиміровичъ взошелъ въ просторную переднюю, въ которую выходило много дверей, съ надписями: «Канцелярія», «Бухгалтерія», «Матеріальное отдѣленіе» и т. п. Ловкій московскій артельщикъ провелъ посѣтителя на верхъ и распахнулъ передъ нимъ массивную дубовую дверь, украшенную изящной дощечкой, гласившей: «Кабинетъ главнаго директора». Сергѣй Сергѣевичъ Чарышевъ сидѣлъ въ просторномъ, богато убранномъ кабинетѣ, за массивнымъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ бумагами, книгами, газетами, и что-то писалъ. Увидѣвъ входившаго гостя, онъ оставилъ свое занятіе, любезно поздоровался съ Золотиловымъ, усадилъ его на мягкомъ турецкомъ диванѣ и принялся тараторить:

— Ну, вотъ и спасибо! спасибо, что навѣстили, Александръ Владиміровичъ. Очень, очень пріятно!.. Чаю прикажете съ дорожки? чаю, кофею, а, можетъ быть, всего лучше бѣленькаго или красненькаго?

Гость выбралъ красненькое. Хозяинъ пожалъ сначала одну пуговку электрическаго звонка, потомъ другую. Вошедшему артельщику онъ приказалъ подать лафиту, а появившемуся вслѣдъ за тѣмъ бухгалтеру отдалъ какой-то счетъ и подробно объяснилъ, какъ разнести счетъ по книгамъ.

— А вы все въ трудахъ, Сергѣй Сергѣевичъ? Все работаете?—сказалъ, чтобы сказать что нибудь, Золотиловъ.

— Нельзя-съ, нельзя не трудиться, Александръ Владиміровичъ!—отвѣчалъ, самодовольно потирая руки, Чарышевъ.—Богъ труды любитъ, да-съ. А дѣло у насъ здѣсь, слава богу, не маленькое... Вотъ мы и трудимся! И трудимся, можно сказать, въ потѣ лица, катаемъ, что называется, и въ хвостъ, и въ гриву!

Сергѣй Сергѣевичъ сталъ краснорѣчиво излагать всѣ подробности своего грандіознаго предпріятія; онъ съ математической точностью высчитывалъ, сколько милліоновъ ведеръ воды выкачалъ онъ изъ своей шахты, и сколько милліоновъ остается ему еще выкачать... Въ это время отворилась небольшая боковая дверь, и на порогѣ ея показалась плотная грузная фигура въ чуйкѣ, съ рыжей бородой и необыкновенно плутоватыми глазами.

— Сергѣй Сергѣевичъ! — произнесла нерѣшительно чуйка,

поглядывая на незнакомаго посѣтителя,—позвольте побезпокоить васъ на минутку!

— Да что тамъ такое, Терентій?—спросилъ Чарышевъ.—Говори здѣсь. У насъ съ тобой секретовъ нѣтъ.

Чуйка замялась.

— Я привезъ тамъ муку для рабочихъ...

— Ну?

— Старшій артельщикъ упирается, бракуетъ...

— Что за вздоръ! Скажи, что я велѣлъ принять... Да, постой; прикажи-ка послать ко мнѣ господина Скрутилло!

Чуйка исчезла.

— Кто это?—спросилъ Золотиловъ.

— О, это, батюшка, замѣчательный русскій самородокъ!—весело отвѣчалъ Чарышевъ.—Это своего рода геній, да-съ! Фамилія его—Кулабуховъ. Онъ у меня здѣсь первый поставщикъ, подрядчикъ,—все, что̀ хотите.

— А-а, знаю, слышалъ...

Въ это время вошелъ Скрутилло—молодой человѣкъ востролицый, черноволосый и черноглазый, неопредѣленной національности и происхожденія.

— Іосифъ Веніаминовичъ,—обратился къ нему Чарышевъ,—потрудитесь освидѣтельствовать муку, доставленную Кулабуховымъ. Да заготовьте для отсылки въ Москву протоколъ о доброкачественности муки и о неблагонадежности старшаго артельщика. Понимаете?..

Скрутилло поклонился и вышелъ. Главный директоръ рудника съ апетитомъ выпилъ стаканъ вина и обратился опять къ гостю:

— Такъ вы, милѣйшій Александръ Владиміровичъ, изволили уже слышать кое-что про моего геніальнаго сотрудника?..

— Да, мнѣ передавали одну исторію... про какую-то ревизію.

— Эхъ, Александръ Владиміровичъ, охота вамъ слушать всякій вздоръ! Ну, случилось маленькое недоразумѣніе... ошибка конторщика. А люди рады сдѣлать изъ мухи слона. Да, наконецъ, знаете... Кто хочетъ дѣло дѣлать, тотъ не долженъ забывать пословицу: съ волками жить—по волчьи выть...

И хозяинъ, и гость—оба смѣялись.

— Да, кстати про дѣла,—вспомнилъ вдругъ Чарышевъ:—ну, какъ идутъ, Александръ Владиміровичъ, ваши арендныя дѣла?

Золотиловъ поморщился.

— Пока не особенно хорошо,—неохотно отвѣчалъ онъ.—Но я не теряю надежды, что и въ моихъ дѣлахъ... люди сдѣлали

изъ мухи слона. Вся эта игра, по моему, не стоитъ свѣчей. И давно пора положить конецъ этой глупой исторіи... Для этого именно я и ѣду отъ васъ къ Константину Дмитріевичу. Въ крайнемъ случаѣ, если что нибудь и не такъ... мы разорвемъ этотъ глупый контрактъ. И мнѣ придется самому приняться опять за хозяйство...

— И прекрасно, Александръ Владиміровичъ, и чудесно! Принимайте въ руки бразды правленія. А я, на этотъ случай, порекомендую вамъ въ управляющіе такого человѣчка, такого...

Чарышевъ поцѣловалъ кончики своихъ пальцевъ.

— Да-съ, Александръ Владиміровичъ,—продолжалъ онъ восторгаться, — если вы согласитесь взять къ себѣ моего птенчика,— дѣло ваше въ шляпѣ... вы можете спокойно почивать на лаврахъ. Скрутилло будетъ для васъ настоящій кладъ. Главное, что онъ спеціалистъ на всѣ руки: онъ и агрономъ, и инженеръ, и техникъ, и все, что̀ угодно.

— Благодарю васъ, Сергѣй Сергѣевичъ!.. Но вѣдь этотъ молодой человѣкъ, кажется, служитъ у васъ?

— Нѣтъ, онъ у меня только на время: онъ состоитъ при мнѣ, такъ сказать, для особыхъ порученій. Я для того и взялъ его, чтобы вывести въ люди... У меня есть эта слабость: ужасно люблю «проводить» молодыхъ людей...

И Сергѣй Сергѣевичъ самъ первый громко расхохотался надъ своимъ каламбуромъ... Чарышевъ угостилъ Золотилова утонченнымъ, гастрономическимъ обѣдомъ, усердно потчивалъ его кларетомъ и абрикотиномъ, смѣшилъ до упаду самыми пикантными анекдотами, и на прощанье почему-то даже расцѣловалъ его въ обѣ щеки.

Подъѣзжая къ усадьбѣ Аранчѣева, Золотиловъ окончательно упалъ духомъ. Ко всѣмъ его прежнимъ непріятнымъ ощущеніямъ прибавилось еще одно новое: смутное сознаніе какой-то виновности... Въ чемъ именно чувствовалъ себя виновнымъ хозяинъ, ѣхавшій къ своему арендатору,—онъ положительно не могъ бы сказать. Но онъ чувствовалъ себя виновнымъ и въ томъ, что не могъ собственными силами разрѣшить встрѣтившихся ему недоумѣній, и въ томъ, что позволилъ себѣ сомнѣваться въ благополучномъ разрѣшеніи этихъ недоумѣній... Онъ чувствовалъ себя виновнымъ и въ томъ, что такъ долго не ѣхалъ въ Курганову, и въ томъ, что, наконецъ, ѣхалъ туда... Онъ чувствовалъ себя виновнымъ, какъ ученикъ, который не приготовилъ урока, и не знаетъ, какъ и чѣмъ объяснить свою неисправность.

Константинъ Дмитріевичъ встрѣтилъ Золотилова съ самой изысканной вѣжливостью.

— Пора,—заговорилъ онъ,—пора вамъ навѣстить меня, добрѣйшій мой Александръ Владиміровичъ! Я давно поджидаю васъ, и именно для того, чтобы сообщить вамъ окончательные результаты нашихъ денежныхъ разсчетовъ. Я подвелъ всѣ итоги, провѣрилъ всѣ данныя, и теперь могу сказать съ математической точностью, что, при заключеніи третьяго арендаго года, вы состоите мнѣ должнымъ,—Аранчѣевъ перелистовалъ какую-то толстую книгу,—6,550 рублей. Впрочемъ, мнѣ кажется, я буду въ состояніи уволить васъ на этотъ разъ отъ уплаты этой суммы наличными деньгами: я могу зачислить вашъ долгъ въ счетъ арендной платы за будущій годъ...

Александръ Владиміровичъ онѣмѣлъ; онъ хотѣлъ что-то сказать, закричать, — языкъ отказывался ему служить... На него нашелъ настоящій столбнякъ. Онъ сидѣлъ въ жалкой растерянной позѣ, съ широко раскрытыми глазами, съ застывшимъ въ нихъ выраженіемъ недоумѣнія, испуга, боли. Не замѣчая или не обращая вниманія на разстроенный видъ своего собесѣдника, Аранчѣевъ приступилъ къ подробному изложенію всѣхъ обстоятельствъ дѣла, подтверждая цифровыя данныя ссылками на соотвѣтствующіе документы. Изложеніе свое онъ заключилъ слѣдующими словами:

— Результатъ нашей трехлѣтней аренды — для обоихъ насъ болѣе чѣмъ плачевный. Но будемъ утѣшать себя сознаніемъ того, что никто изъ насъ не можетъ считать себя виновнымъ въ постигшемъ насъ несчастіи, и будемъ съ полнымъ довѣріемъ взирать на будущее!

При послѣднихъ словахъ Аранчѣева, Золотиловъ, не понявшій и даже не слыхавшій ни слова изъ прочитанной ему бухгалтерской лекціи, какъ бы пробудился отъ своего летаргическаго состоянія. Раздались жалкіе, почти умоляющіе звуки его голоса:

— Да скажите вы мнѣ, наконецъ, Константинъ Дмитріевичъ, скажите, ради самого Бога: что же, наконецъ, все это значитъ?

— То есть, что именно?

— Да вотъ все... все, что вы тогда говорили... что говорятъ другіе, что самъ я ежедневно вижу своими глазами.

— Не знаю, Александръ Владиміровичъ, что говорятъ вамъ другіе, но я въ прошлый разъ говорилъ именно то, что и слѣдовало говорить.

— Но это невозможно!

— Какой вы странный человѣкъ! Вы положительно не хотите понимать простаго человѣческаго языка. Для чего же я съ такой подробностью разсказывалъ вамъ всю исторію нашей аренды? Неужели же я долженъ начинать опять съ азовъ? Разъ вы сюда пріѣхали—вотъ вамъ книги, вотъ документы: садитесь, читайте и повѣряйте!

— Какой вздоръ! Стану я сидѣть за вашими книгами, въ которыхъ ничего не понимаю!.. Да и къ чему все это? Если дѣла наши такъ запутались... вездѣ только одни убытки... надо развязаться съ этой исторіей. И это очень легко: стоитъ только разорвать этотъ глупый контрактъ...

— Однако, вы шутникъ! Не ожидалъ я этого отъ васъ! Да изъ-за чего же я работалъ три года, не разгибая спины, не зная ни минуты покоя? Неужели же для того, чтобы въ концѣ концовъ уйти съ позоромъ съ поля битвы, признавъ себя побѣжденнымъ? И когда же? въ самый рѣшительный моментъ сраженія! Вѣдь въ эти два года, которые у насъ еще остаются, мы такихъ чудесъ натворимъ... мы все поправимъ, все вернемъ, хлопоты и убытки... И вдругъ разорвать нашъ контрактъ!... Нѣтъ, никогда, ни за что!

— Въ такомъ случаѣ, я и безъ васъ разорву эту нелѣпую бумагу!—съ сердцемъ сказалъ Золотиловъ. — Попробую хозяйничать самъ... Авось не будетъ у меня фиктивныхъ пожаровъ!

— Александръ Владиміровичъ, остановитесь! — строго перебилъ его Аранчѣевъ.—Фиктивнаго здѣсь ничего нѣтъ и быть не можетъ...

— Толкуйте!

— Совѣтую вамъ выражаться осторожнѣе! Вѣдь вы становитесь на очень скользкую почву: если вы допускаете возможность такихъ гнусныхъ предположеній... то намъ придется для разъясненія нашихъ недоразумѣній обратиться къ суду.

Слово: «судъ» произвело на Золотилова самое непріятное впечатлѣніе. Онъ сталъ горячиться.

— И отлично! — взволнованнымъ голосомъ говорилъ онъ.— Если вы предлагаете судъ, пусть насъ судъ и разсудитъ. И, я увѣренъ, законъ не позволитъ вамъ издѣваться надо мной, обижать меня, грабить...

— Тише, тише, Александръ Владиміровичъ! Не забывайте, что вы у меня въ домѣ.

— Знать ничего не хочу!—кричалъ Золотиловъ.—Судиться—такъ судиться.

— Ну, хорошо!—старался остановить расходившагося хозяина

арендаторъ.—Пусть будетъ по вашему: судиться, такъ судиться!.. Только не ошибитесь, Александръ Владиміровичъ! Процессъ нашъ будетъ большой и протянется долгіе годы. А въ теченіе всего этого времени я буду пользоваться арендой, буду полноправнымъ хозяиномъ вашего имѣнія.

— Да вы съ ума сошли?!.

— Нисколько. Повѣрьте, я лучше васъ знаю, что̀ написано въ нашемъ контрактѣ и чѣмъ вы рискуете поплатиться за попытку обратиться къ суду. Увѣряю васъ: это самое худшее, что̀ вы могли бы придумать...

— Не вѣрю! Вы просто хотите меня запугать, вы сами боитесь суда!.. Нѣтъ, мы живемъ въ благоустроенномъ государствѣ... судъ не позволитъ... вздоръ!.. не вѣрю!

— Повѣрите, да будетъ поздно!..

Эти слова были сказаны такимъ внушительнымъ тономъ, что Золотиловъ сразу какъ-то притихъ. Аранчѣевъ тоже молчалъ и точно что-то обдумывалъ. Вышла неловкая, крайне непріятная пауза.

— Впрочемъ, если вы настаиваете на своемъ, — заговорилъ Аранчѣевъ,—если вы непремѣнно желаете прекратить наши арендныя отношенія, у насъ есть средство покончить дѣло тихо и мирно. И я, изъ жалости къ вамъ, такъ и быть, соглашусь...

— Договаривайте, договаривайте...

— Заплатите мнѣ неустойку... сто тысячъ, согласно контракту.

— Ка-акъ?!. вы же меня ограбили, и вы же хотите взять съ меня еще сто тысячъ!.. Нѣтъ, Константинъ Дмитріевичъ, извините-съ! Я не позволю больше дурачить меня. Всякому мошенничеству есть предѣлъ... Для мошенниковъ существуетъ тюрьма, Сибирь!

— Довольно, господинъ Золотиловъ! — рѣзко и строго остановилъ его Аранчѣевъ.—Если вы начинаете прибѣгать опять къ такимъ глупымъ и дерзкимъ выраженіямъ, иначе говоря: настаиваете на томъ, чтобы признать васъ въ состояніи невмѣняемости, тогда не сто̀итъ съ вами и говорить... Идите, дѣлайте, что̀ хотите!.. Но предупреждаю васъ въ послѣдній разъ: если вы доведете меня до крайности, тогда... тогда я принужденъ буду воспользоваться правами, предоставленными мнѣ контрактомъ—во всей ихъ неумолимой строгости. Я, можетъ быть, попрошу васъ удалиться изъ Благодатнаго, чтобы не мѣшать въ немъ правильному теченію хозяйства. Я, можетъ быть, заставлю васъ сполна возвратить мнѣ всѣ прошлые и будущіе убытки... А стои-

мость этихъ убытковъ, въ крайнемъ случаѣ, можетъ равняться стоимости самого имѣнія...

— Да вы... вы—просто подлецъ!..

Слова эти вырвались у Золотилова какъ-то сами собою, совершенно случайно. Они явились не результатомъ невыносимаго оскорбленія или глубочайшаго негодованія; они сорвались съ языка только какъ выраженіе самаго крайняго, безпредѣльнаго изумленія.

Аранчѣевъ всталъ и выпрямился во весь ростъ... Но когда онъ сталъ говорить, лицо его было спокойно:

— Милостивый государь! Надѣюсь, вы вполнѣ понимаете, чѣмъ рискуете, употребляя такія неумѣстныя выраженія?.. Но, въ виду нашихъ родственныхъ отношеній, въ виду вашего возбужденнаго состоянія, въ виду, наконецъ, вашего общеизвѣстнаго легкомыслія —я освобождаю себя отъ крайнихъ мѣропріятій относительно вашей особы. Но, во всякомъ случаѣ, я полагаю, что, послѣ всего здѣсь случившагося, всякія дальнѣйшія объясненія между нами излишни.

И онъ указалъ Золотилову на дверь.

XII.

Въ положеніи Золотилова произошло не улучшеніе, а только нѣкоторое видоизмѣненіе. Вмѣсто вопроса: «что *все это* значитъ?» явился другой вопросъ: «что теперь дѣлать?» И этотъ новый вопросъ былъ не менѣе мучителенъ, чѣмъ прежній.

Въ первое время послѣ поѣздки въ Кургановку, Александръ Владиміровичъ, не смотря на черезчуръ даже рѣзкое окончаніе сцены въ кабинетѣ Аранчѣева, все еще убаюкивалъ себя надеждой, все еще чего-то ждалъ... Но вскорѣ произошли нѣкоторыя событія, которыя дали ясныя указанія на необходимость отказаться отъ всякихъ иллюзій относительно благополучнаго окончанія арендной исторіи. Прежде всего, до свѣдѣнія Золотилова дошло, что въ Благодатномъ приготовляются къ немедленной вырубкѣ самаго лучшаго лѣса. Это служило несомнѣннымъ признакомъ того, что арендаторъ далеко не шутилъ, когда пригрозилъ хозяину возможностью окончательнаго обезцѣненія его имѣнія. Вслѣдъ за тѣмъ, съ Золотиловымъ случилось нѣчто до того исключительное, до того невозможное, что онъ сначала никакъ не могъ даже повѣрить реальной дѣйствительности приключившагося съ нимъ казуса: у владѣльца одного изъ богатѣйшихъ имѣній Россіи оказался недостатокъ въ деньгахъ,—настолько ощутитель-

ный, что ему нечѣмъ было оплачивать своихъ текущихъ расходовъ. Положеніе оказалось въ высшей степени затруднительнымъ, можно даже сказать: безвыходнымъ. При данномъ положеніи дѣлъ, деньги могли явиться только отъ арендатора, но, вмѣсто денегъ, изъ Кургановки получено было строго-офиціальное посланіе, въ которомъ Аранчѣевъ, ссылаясь на извѣстные пункты контракта, требовалъ безотлагательной уплаты 6,550 рублей.

Оба эти вопроса, и въ особенности второй, требовали наискорѣйшаго разрѣшенія. Александръ Владиміровичъ окончательно растерялся. Онъ обращался за совѣтомъ къ каждому и ко всѣмъ: къ доктору Лопенко, къ Чарышеву, къ Валентинѣ Дмитріевнѣ, даже къ самому Іонычу... Докторъ Лопенко призналъ себя человѣкомъ вполнѣ некомпетентнымъ въ обсужденіи такихъ серьезныхъ житейскихъ вопросовъ и посовѣтовалъ Золотилову обратиться за содѣйствіемъ къ патентованнымъ спеціалистамъ казуистики—къ адвокатамъ. Чарышевъ много и долго разсуждалъ на тему столь частаго въ жизни, но тѣмъ не менѣе крайне прискорбнаго столкновенія денежныхъ интересовъ съ родственными отношеніями; но изъ словъ его нельзя было вывести ничего опредѣленнаго или утѣшительнаго. Впрочемъ, онъ отнесся очень сочувственно къ затруднительному положенію владѣльцевъ Благодатнаго и сдѣлалъ по истинѣ доброе дѣло, ссудивъ Золотилова нѣкоторой денежной суммой, съ обязательствомъ возвратить ее по окончаніи арендаго кризиса. Валентина Дмитріевна предложила единственное, что она могла сдѣлать: съѣздить къ брату и поговорить съ нимъ. Предложеніе это было принято, и супруга Золотилова поѣхала въ Кургановку.

Константинъ Дмитріевичъ встрѣтилъ сестру очень ласково и бесѣдовалъ съ ней въ самомъ родственномъ, дружескомъ тонѣ. Онъ высказалъ полное сочувствіе къ ея затрудненіямъ и огорченіямъ, и глубокое сожалѣніе по поводу того обстоятельства, что онъ является невольной причиной непріятнаго положенія любимой сестры. Но, въ концѣ концовъ, онъ самымъ категорическимъ образомъ заявилъ, что дѣло зашло уже слишкомъ далеко; послѣ всего того, что позволилъ себѣ при послѣднемъ свиданіи Александръ Владиміровичъ, онъ, арендаторъ, считаетъ себя уволеннымъ отъ всякаго обязательства относиться къ своимъ родственникамъ сколько нибудь снисходительно.

— Подлецъ!—подтвердилъ еще разъ Александръ Владиміровичъ, выслушавъ разсказъ жены о результатахъ поѣздки ея въ Кургановку.

Валентина Дмитріевна не возражала.

Итакъ, совѣтъ Лопенко: обратиться за содѣйствіемъ къ адвокатамъ—оказывался въ данномъ случаѣ наиболѣе раціональнымъ и цѣлесообразнымъ. Какъ ни ненавидѣлъ Золотиловъ всѣ эти суды, выдуманные для какихъ-то жалкихъ, испорченныхъ людишекъ; какъ ни возмущалась душа его противъ самой профессіи адвоката, представлявшейся ему олицетвореніемъ самыхъ извращенныхъ и изуродованныхъ человѣческихъ отношеній,—увы! онъ долженъ былъ идти теперь въ судъ, идти къ адвокатамъ и просить ихъ помощи и содѣйствія. Нашъ именитый баринъ глубоко возмущался: какъ! онъ, Александръ Владиміровичъ Золотиловъ, одинъ изъ настоящихъ, лучшихъ людей, одинъ изъ представителей самыхъ прямыхъ и «трезвыхъ» воззрѣній на жизнь,—и вдругъ онъ долженъ идти разсказывать свою жизнь, просить указаній относительной этой жизни—у адвокатовъ, у этихъ глашатаевъ всякихъ заблужденій, всякой клаузы и крючкотворства!.. «Судьба за что гонишь?»—вспомнилъ Золотиловъ слова Расплюева-Садовскаго, слышанныя имъ когда-то въ Москвѣ...

Александръ Владиміровичъ былъ вообще тяжелъ на подъемъ и всегда очень долго собирался въ дорогу, но на этотъ разъ обстоятельства оказались сильнѣе его привычекъ, и онъ очень скоро тронулся въ путь. Да какъ же иначе? вѣдь онъ ѣхалъ, хотя и къ людямъ наименѣе для него симпатичнымъ—къ адвокатамъ,—но ѣхалъ за тѣмъ, чтобы развязаться, наконецъ, съ несносными вопросами: «что это значитъ» и «что теперь дѣлать?». Въ уѣздномъ городѣ, куда пріѣхалъ сначала Золотиловъ, къ его услугамъ оказалось только нѣсколько захудалыхъ «частныхъ ходатаевъ» по дѣламъ. Ознакомившись съ содержаніемъ аренднаго дѣла, нѣкоторые изъ этихъ господъ откровенно сознались, что дѣло это имъ не по плечу. Другіе, соблазняясь блистательнымъ гонораромъ, съ полной готовностью брались вести грандіозный процессъ Золотилова во всѣхъ возможныхъ и даже невозможныхъ инстанціяхъ. Но во всѣхъ пріемахъ и разсужденіяхъ этихъ героевъ легкой наживы сказывалось такое очевидное малознаніе и такая вопіющая алчность, что Золотиловъ, при всей своей непрактичности, не рѣшился даже говорить съ ними серьезно о своемъ дѣлѣ. Тогда Александръ Владиміровичъ поѣхалъ въ губернскій городъ, гдѣ и не замедлилъ обратиться къ самымъ яркимъ свѣтиламъ адвокатскаго міра.

Здѣсь тонъ былъ совершенно другой. Свѣтила выслушивали Золотилова очень внимательно; внушительно качали головами; многозначительно улыбались; высказывали, какъ бы вскользь, нѣсколько общихъ, крайне неопредѣленныхъ соображеній; дѣлали

какъ бы случайныя указанія на статьи свода законовъ; цитировали какъ бы мимоходомъ рѣшенія кассаціоннаго департамента... Въ заключеніе всего, каждый изъ нихъ заявлялъ, что, прежде нежели высказать окончательное мнѣніе по данному вопросу, необходимо обстоятельно познакомиться со всѣми подробностями дѣла и прежде всего, конечно, съ подлиннымъ текстомъ контракта. Привезенный Золотиловымъ арендный договоръ приводилъ адвокатовъ въ крайнее изумленіе, недоумѣніе, смущеніе, и вообще произвелъ въ ихъ средѣ большую сенсацію, можно даже сказать—положительный фуроръ. Всѣ эти знаменитые юристы, достаточно искусившіеся во всѣхъ тонкостяхъ юридической казуистики, единогласно признавали, что этотъ интересный документъ есть своего рода образцовое, почти идеальное произведеніе. Въ этомъ рѣдкостномъ контрактѣ, теорія самаго наглаго и безнаказаннаго расхищенія чужаго имущества, въ видахъ обогащенія арендатора, была проведена съ замѣчательной послѣдовательностью и поразительной дерзостью. И теорія эта была облечена въ такія тонкія, неуловимыя, даже благоприличныя формы, что еслибы Золотиловъ и вздумалъ прочитать контрактъ, прежде чѣмъ подписать,—онъ все равно, не задумавшись, подписалъ бы его. Вполнѣ оцѣнить всѣ высокія совершенства такого замѣчательнаго произведенія юридическаго искусства могли только самые тонкіе знатоки разныхъ двусмысленныхъ выраженій, чтенія между строкъ, аналогичныхъ толкованій, юридическихъ «презумпцій» и всякихъ иныхъ замысловатыхъ хитросплетеній, изобрѣтенныхъ спеціально для наиболѣе успѣшнаго осуществленія теоріи торжества сильнаго надъ слабымъ.

Знаменитые адвокаты поняли и оцѣнили всѣ дивныя прелести артистическаго созданія Аранчѣева. Они читали и перечитывали этотъ геніальный контрактъ съ нескрываемымъ наслажденіемъ; объ авторѣ этого замѣчательнаго художественнаго произведенія отзывались съ большимъ уваженіемъ, съ искренней завистью, чередовавшейся съ напускнымъ негодованіемъ.

Результаты визитовъ Золотилова къ свѣтиламъ юридической науки и практики получились самые неопредѣленные. Нѣкоторые изъ этихъ господъ признавали дѣло его вполнѣ безнадежнымъ, подтверждая свое мнѣніе указаніемъ такого рода, что если Аранчѣевъ съумѣлъ написать такой образцовый контрактъ, то, конечно, съумѣлъ и выполнить его въ совершенствѣ, и тѣмъ предотвратилъ всякую возможность предъявленія къ нему иска о нарушеніи договора. Другіе адвокаты находили возможнымъ вести это дѣло, заявляя только, что процессъ будетъ громадный

и очень продолжительный, что онъ потребуетъ огромныхъ расходовъ, и что едва ли удастся ранѣе окончанія процесса уничтожить возможность дальнѣйшихъ злоупотребленій со стороны арендатора. Нашлись и такіе, которые, сознательно или безсознательно, отрицали въ этомъ дѣлѣ всякія трудности, и съ легкимъ сердцемъ брали на себя веденіе процесса, съ тѣмъ чтобы въ кратчайшій срокъ вернуть Золотилову все его благосостояніе, а Аранчѣева отправить по прямой дорогѣ въ Сибирь... Золотиловъ былъ окончательно сбитъ съ толку разнорѣчивыми показаніями людей, къ которымъ обратился за разъясненіемъ своего житейскаго недоразумѣнія. Онъ почувствовалъ только одно, что недоразумѣніе оказывается гораздо многозначительнѣе, чѣмъ онъ предполагалъ, и это заставляло его еще сильнѣе возмущаться противъ глупой, пошлой, возмутительной арендной исторіи. Ежедневныя сношенія съ адвокатами и томительныя совѣщанія о юридическихъ вопросахъ, возбуждавшихъ въ немъ такое непреодолимое отвращеніе, надоѣли ему и измучили до самыхъ крайнихъ предѣловъ; онъ совсѣмъ было собрался махнуть на все рукой, бросить безсмысленную возню съ адвокатами и уѣхать домой, а оттуда хотя бы опять за границу... Къ счастію, онъ во-время вспомнилъ, что ему нельзя ѣхать за границу, нельзя даже вернуться домой, не разрѣшивши вопроса: какъ отдѣлаться отъ нелѣпой бумаги, именуемой контрактомъ? Тогда Золотиловъ рѣшился: онъ выбралъ повѣреннаго, который показался ему наиболѣе знающимъ и добросовѣстнымъ, выдалъ ему довѣренность и уѣхалъ домой.

Александръ Владиміровичъ понялъ наконецъ, что̀ такое *все это значитъ*. Онъ только не зналъ еще, что̀ придется ему «теперь дѣлать»...

Недѣли черезъ три, повѣренный Золотилова пріѣхалъ въ Благодатное.

Адвокатъ, дѣйствительно, оказался человѣкомъ знающимъ и добросовѣстнымъ. Онъ основательно изучилъ всѣ подробности трехлѣтней арендаторской дѣятельности Аранчѣева, просмотрѣлъ его книги, счеты, документы, сдѣлалъ всѣ необходимыя справки и явился къ своему довѣрителю съ полнымъ и всестороннимъ пониманіемъ дѣла. Знаменитый юристъ не отрицалъ возможности судиться съ Аранчѣевымъ, и не отказывался взять на себя веденіе этого дѣла; но заявилъ, что процессъ будетъ крайне тяжелый и трудный во всѣхъ отношеніяхъ; ручаться же за благополучный исходъ его рѣшительно невозможно; притомъ, если процессъ и будетъ выигранъ,—Золотиловъ, въ концѣ концовъ, окажется въ плохихъ барышахъ: затративши нudr дѣлоомадныя

деньги, онъ получитъ въ свое полное распоряженіе имѣніе, окончательно обезцѣненное за это время его арендаторомъ; вернуть эти убытки едва ли будетъ возможно даже и въ томъ случаѣ, если судъ постановитъ рѣшеніе о взысканіи съ арендатора всѣхъ причиненныхъ имъ проторей и убытковъ, такъ какъ Аранчѣевъ, конечно, приметъ всѣ мѣры къ тому, чтобы взять съ него *было нечего*. Взвѣсивши всѣ эти обстоятельства, адвокатъ приходилъ къ заключенію, что для его кліента несравненно лучше, удобнѣе и выгоднѣе разойтись съ Аранчѣевымъ безъ суда, заплатить ему неустойку и уничтожить контрактъ. Уплативши сто тысячъ, Золотиловъ испытаетъ только временное денежное затрудненіе, зато спасетъ имѣнія отъ окончательнаго разоренія, и болѣе или менѣе обезпечитъ свое будущее благосостояніе. Александръ Владиміровичъ тотчасъ же согласился. Онъ даже и не думалъ о выборѣ того или другаго исхода изъ положенія, сдѣлавшагося для него окончательно невыносимымъ. Да онъ и не могъ уже думать: онъ могъ только радоваться, что нашлась наконецъ чужая авторитетная воля, которая сняла съ души его тяжелую обузу, и рѣшила за него этотъ несносный вопросъ: что ему теперь дѣлать?..

Въ душѣ Золотилова осталось только одно ощущеніе,—ощущеніе страшной усталости и безусловной потребности отдыха. Всѣ желанія его сводились теперь къ одному, чтобы какъ можно скорѣе развязаться совсѣмъ съ этой глупой арендной исторіей, не видаться болѣе съ Аранчѣевымъ, ничего о немъ не слыхать, не имѣть ничего общаго. И если это возможно не иначе, какъ при условіи немедленной уплаты неустойки,—о чемъ толковать? заплатить поскорѣе этому негодяю сто тысячъ, и затѣмъ всецѣло обратиться къ излюбленнымъ привычкамъ беззаботной и безпечальной жизни... Да и что такое въ сущности сто тысячъ? Такъ, пустяки... и разсуждать не стоитъ! Правда, есть и еще кое-какіе недочеты: вырубленъ лѣсъ, пропали овцы, нѣтъ хорошихъ лошадей... Да, жаль лошадей, особенно караковыхъ; но, строго говоря, и это все вздоръ! Вѣдь Благодатное—золотое дно! Одинъ удачный годъ, одинъ хорошій урожай,—и все пойдетъ опять по старому. И надо будетъ только жить и наслаждаться...

Но какъ бы то ни было, а наличныхъ денегъ для уплаты неустойки не имѣлось, и надо было ихъ такъ или иначе достать. По обсужденіи вопроса, какой способъ въ этомъ случаѣ будетъ наиболѣе цѣлесообразнымъ, рѣшено было заложить имѣнія въ земельномъ банкѣ. А такъ какъ для этого нужно было опять хлопотать, а самъ хозяинъ имѣній уже не могъ да и не хотѣлъ утруждать себя какими бы то ни было хлопотами, то найдено

было необходимымъ пригласить опять того же адвоката, который такъ удачно разрѣшилъ арендный вопросъ. Этому повѣренному поручено было совершить залогъ имѣній, получить ссуду, разсчитаться съ Аранчѣевымъ, уничтожить арендный договоръ и избавить Золотилова отъ арендатора.

Знаменитый адвокатъ самымъ акуратнымъ образомъ исполнилъ возложенныя на него порученія, взялъ очень внушительный гонораръ за труды, и вернулся къ своимъ пенатамъ, вполнѣ довольный благополучнымъ окончаніемъ интереснаго дѣла, составившаго весьма цѣнный вкладъ въ богатую лѣтопись его обширной юридической практики. Доволенъ былъ и арендаторъ. Заполучивъ изрядный кушъ въ сто тысячъ и присоединивъ эту сумму къ прежнимъ благопріобрѣтеніямъ, онъ округлилъ себѣ такой хорошенькій капиталецъ, что дальнѣйшее прозябаніе въ Кургановкѣ являлось въ настоящее время положительнымъ преступленіемъ. Недолго думая, Аранчѣевъ, оставивъ семейство въ деревнѣ, отправился въ дальнее странствованіе: сначала въ Петербургъ — поддержать тамъ всѣ прежнія связи, напомнить о себѣ въ большомъ свѣтѣ,—а оттуда прямымъ трактомъ въ Баденъ-Баденъ и Монте-Карло — поискать болѣе сильныхъ ощущеній, болѣе широкаго поприща для удовлетворенія страсти къ азартной игрѣ, подъ гостепріимнымъ кровомъ рулетки...

XIII.

Кончились всѣ недоумѣнія и затрудненія. Нѣтъ болѣе безпокойныхъ, несносныхъ вопросовъ, которые такъ долго терзали несчастнаго владѣльца Благодатнаго и совсѣмъ было выбили его изъ привычной колеи жизни. Золотиловъ опять явился полноправнымъ хозяиномъ своего имущества, времени, образа жизни. Онъ, со спокойнымъ духомъ и полнымъ сознаніемъ важности предстоящаго священнодѣйствія, садился теперь за свой роскошный обѣденный столъ, въ обществѣ жены и матери ея — добрѣйшей старушки Клеопатры Аполлоновны Аранчѣевой, которая, послѣ отъѣзда Константина Дмитріевича за границу, переселилась на жительство къ зятю. Вскорѣ, за обѣденнымъ столомъ въ Благодатномъ, стало появляться еще одно новое лицо—Іосифъ Веніаминовичъ Скрутилло, тотъ шустрый молодой человѣкъ, спеціалистъ на всѣ руки, котораго Чарышевъ, желая вывести въ люди, пристроилъ на должность управляющаго имѣніями Золотилова. Нерѣдко накрывался на столѣ и пятый приборъ — для доктора

Лопенко, который очень часто навѣщалъ своихъ добрыхъ друзей и всякій разъ несказанно радовался на ихъ безпечальное и мирное житіе...

Послѣ уплаты Аранчѣеву ста тысячъ и погашенія всѣхъ расходовъ, съ которыми сопряжено было дѣло уничтоженія арендnаго договора, въ распоряженіи Золотилова осталась еще довольно значительная денежная сумма. На эти деньги онъ прежде всего пріобрѣлъ великолѣпныхъ караковыхъ лошадей для супруги, затѣмъ купилъ восемь паръ прекрасныхъ воловъ для Спиридона Шестопалова, и наконецъ выписалъ изъ Петербурга ящикъ баснословно дорогихъ сигаръ, который и препроводилъ, какъ выраженіе своей признательности. Чарышеву, вмѣстѣ съ занятой у него въ критическій моментъ денежной суммой. Остальныя деньги пошли на пополненіе нѣкоторыхъ недочетовъ въ хозяйствѣ и на широкое осуществленіе завѣтнаго идеала безпечальной и беззаботной жизни.

Крестьяне села Благодатнаго были очень довольны прекращеніемъ неограниченнаго самовластія Аранчѣева и исчезновеніемъ съ горизонта ихъ жизни жида Зеймовича, переселившагося теперь въ городъ и развивавшаго тамъ свою дѣятельность на болѣе широкомъ поприщѣ. Крестьяне вообще повеселѣли, пріободрились и съ самымъ довольнымъ выраженіемъ лица снимали шапки передъ добрымъ помѣщикомъ. По преданіямъ стариннаго русскаго барства, Золотиловъ всегда считалъ своимъ долгомъ оказывать бывшимъ крѣпостнымъ всякую помощь и снисхожденіе. Крестьяне знали это и широко пользовались, а нерѣдко и злоупотребляли добротою своего барина. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Золотиловъ приказалъ немедленно уничтожить условія, заключенныя бывшимъ арендаторомъ съ крестьянами, и простилъ имъ всѣ числившіеся на нихъ штрафы и неустойки; но крестьяне не удовольствовались этимъ и обратились къ барину съ ходатайствомъ о дарованіи имъ, «для-ради поправки», особаго льготнаго права на пастьбу скота на барскихъ лугахъ: просьба эта не встрѣтила никакихъ возраженій, и крестьянскій скотъ получилъ разрѣшеніе свободно разгуливать по всѣмъ степямъ Благодатнаго... А когда явился къ барину Спиридонъ, мужъ Аѳеисы, и сталъ, по хохлацкой привычкѣ, хныкать, доказывая, что подаренныя ему восемь паръ валовъ далеко не покрываютъ его убытковъ,— Золотиловъ приказалъ уплатить Шестопалову сполна всю сумму, которая ему причиталась по договору съ жидомъ за вывозку лѣса...

Первый годъ самостоятельнаго хозяйства Золотилова былъ

очень удаченъ. Урожай оказался вполнѣ баснословнымъ, и цѣны на хлѣбъ стояли непомѣрно высокія. Александръ Владиміровичъ внесъ проценты въ банкъ, заплатилъ три тысячи за великолѣпный концертный рояль, отослалъ Ворту въ Парижъ двадцать тысячъ за новые туалеты для Валентины Дмитріевны, — и все таки не зналъ, куда дѣвать деньги. Тогда устроено было генеральное совѣщаніе со Скрутилло, и выработанъ грандіозный проэктъ дальнѣйшаго веденія хозяйства; составленъ былъ длинный списокъ назначенныхъ къ выпискѣ сельско-хозяйственныхъ машинъ, и рѣшено сдѣлать на слѣдующій годъ громадные посѣвы кукурузы и конскаго зуба. Вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшено было обратить особенное вниманіе на скорѣйшее изслѣдованіе минеральныхъ богатствъ Благодатнаго, на что и ассигнована особая, довольно значительная сумма. Въ теченіе этого привольнаго, блаженнаго года, Золотиловъ окончательно отдохнулъ и оправился послѣ всѣхъ тяжелыхъ треволненій, которыми сопровождалось его возвращеніе изъ заграничнаго путешествія подъ сѣнь родительскаго крова.

Но увы! ничто не вѣчно подъ луною, и ничто въ жизни не отличается такою непрочностью и скоротечностью, какъ счастье. Насколько удаченъ и даже блистателенъ былъ первый дебютъ хозяйственной дѣятельности Золотилова и Скрутилло, настолько же неудачно было ея продолженіе. Слѣдующій годъ оказался неурожайнымъ и размѣры этого неурожая были самые ужасающіе: страшная засуха уничтожила всѣ посѣвы на поляхъ Благодатнаго: кукуруза и конскій зубъ пропали совсѣмъ; пшеница и овесъ не вернули сѣмянъ. Всѣ великолѣпныя, только что выписанныя, косилки и молотилки уныло стояли въ сараѣ, въ полномъ бездѣйствіи. Александръ Владиміровичъ сразу очутился въ крайне затруднительномъ положеніи. Всѣ доходы отъ прошлогодняго урожая были прожиты сполна, безъ малѣйшаго остатка, и наличныхъ денегъ не было буквально ни гроша. Да какъ же иначе? развѣ Золотилову могло приходить въ голову, что слѣдующій годъ будетъ неурожайнымъ? Развѣ онъ обязанъ былъ разсчитывать на какія-то глупыя, случайныя неудачи? Да, наконецъ, развѣ онъ не зналъ, что деньги существуютъ для того, чтобы ихъ проживать, а никакъ не для того, чтобы беречь?.. Золотиловъ совсѣмъ растерялся: въ кассѣ абсолютная пустота, а между тѣмъ надо разсчитать рабочихъ, надо купить сѣмянъ; надо, наконецъ, жить!.. Скрутилло вспомнилъ про Кулабухова: у Терентія Гавриловича деньги есть, и онъ навѣрное не откажетъ,—конечно, подъ вексель, за хорошіе проценты...

Кулабуховъ поломался, но денегъ далъ. Правда, далъ онъ не слишкомъ много, но проценты внесли, со всѣми разсчитались, и осталось немного на текущіе расходы. Вся эта исторія очень непріятно подѣйствовала на Золотилова. Онъ упалъ духомъ и какъ-то сразу присмирѣлъ, сдѣлался еще лѣнивѣе, еще апатичнѣе; онъ пересталъ интересоваться больными крестьянами, сталъ менѣе огорчаться мигренями своей супруги...

Александръ Владиміровичъ былъ несомнѣнно добрый человѣкъ. Но онъ былъ, въ то же время, эгоистъ, и эгоистъ, крайне избалованный жизнью. Ощущенія и интересы собственной личной жизни всегда были для него на первомъ планѣ и заслоняли все остальное. Когда онъ чувствовалъ себя довольнымъ, счастливымъ, онъ не прочь былъ подѣлиться избыткомъ личнаго благодушія съ ближними; но какъ скоро его личный комфортъ болѣе или менѣе нарушался,—онъ дѣлался равнодушнымъ и нечувствительнымъ ко всѣмъ горестямъ и бѣдствіямъ окружающей жизни. Такъ случилось съ нимъ и въ настоящее время. Время это было слишкомъ памятное для нашего отечества: вся Россія съ лихорадочнымъ возбужденіемъ слѣдила тогда за роковою судьбою своихъ братьевъ и сыновей, перешедшихъ за Дунай; всѣ тяжелыя плевненскія и шипкинскія извѣстія съ страшной болью отзывались въ сердцѣ всѣхъ истинно-русскихъ людей. Вначалѣ интересовались этими извѣстіями и въ роскошной усадьбѣ Благодатнаго; Золотиловъ выписалъ массу газетъ, читалъ вслухъ описанія страданій шипкинскихъ героевъ, проливалъ слезы умиленія, вмѣстѣ съ женою и тещею; онъ даже сдѣлалъ крупное пожертвованіе въ пользу Краснаго Креста изъ прибылей перваго урожайнаго года. Но когда жестокая засуха задѣла ближайшимъ образомъ благосостояніе собственной особы Золотилова,—онъ потерялъ всякій интересъ къ извѣстіямъ съ театра войны и охладѣлъ къ невзгодамъ своего отечества.

Пасмурный и недовольный, вышелъ изъ кабинета Александръ Владиміровичъ и сѣлъ къ чайному столу, гдѣ его дожидались жена и теща.

— Александръ!—обратилась къ мужу Валентина Дмитріевна.— Мама сейчасъ дала мнѣ прочитать письмо брата: Константинъ проситъ передать тебѣ его поклонъ. Онъ пишетъ еще, что очень желалъ бы,—какъ онъ выражается,—предать забвенію всѣ эти ваши... недоразумѣнія...

— Да, онъ очень желалъ бы...—со вздохомъ повторила Клеопатра Аполлоновна.

— Мнѣ кажется, вы могли бы уволить себя отъ исполненія

такихъ порученій,—какъ-то неохотно проговорилъ Александръ Владиміровичъ.

— Почему же, другъ мой?—возразила Валентина Дмитріевна.—Вѣдь Константинъ—все таки нашъ близкій родной...

— Да, онъ нашъ близкій родной!—съ еще болѣе глубокимъ вздохомъ подтвердила Клеопатра Аполлоновна.—Вѣдь онъ мнѣ сынъ... И вы, Александръ Владиміровичъ, вы тоже мнѣ сынъ... И обоихъ васъ мнѣ очень, очень жаль...

— Благодарю за сожалѣніе,—угрюмо вымолвилъ Александръ Владиміровичъ.—Но мнѣ отъ вашихъ сожалѣній теперь не легче... Вы лучше пожалѣли бы меня тогда, какъ я подписывалъ этотъ возмутительный контрактъ.

— Зачѣмъ же ты его тогда подписалъ?—замѣтила какъ бы вскользь Валентина Дмитріевна.

— Затѣмъ, что былъ глупъ... а Константинъ Дмитріевичъ былъ черезчуръ уменъ.

— Ахъ, Александръ Владиміровичъ, зачѣмъ вы такъ говорите!—продолжала вздыхать Клеопатра Аполлоновна.

— А какъ же прикажете говорить? Я говорю то, что̀ есть. И всегда буду говорить, что сынъ вашъ меня обманулъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ...

Клеопатра Аполлоновна приложила платокъ къ глазамъ.

— Перестань, Александръ, ради бога!—недовольнымъ тономъ произнесла Валентина Дмитріевна.—Къ чему поминать старое?.. И притомъ, ты видишь, какъ это разстраиваетъ мамашу.

— А мнѣ-то развѣ легко!—сердился Александръ Владиміровичъ.—А я-то, вы думаете, не разстроенъ! Прошу покорно! Да одинъ такой прелестный годъ, какъ нынѣшній, чего стоитъ... Нечего сказать: благодатная сторонушка... А всѣ кричатъ: роскошный климатъ, баснословные урожаи!.. Вотъ вамъ и урожаи; сѣмянъ не вернули... Дожить до того, чтобы занимать деньги у разныхъ кулаковъ и кабачиковъ!.. А все благодаря кому? Благодаря Константину Дмитріевичу! Ему, ему я обязанъ... А онъ себѣ укатилъ за границу, да и жуируетъ тамъ.

— Судя по письму брата, этого не замѣтно,—возразила Валентина Дмитріевна.

— Да, да, этого незамѣтно,—поддакивала Клеопатра Аполлоновна.—Напротивъ, напротивъ! Константинъ очень, очень несчастенъ... Ахъ, какъ мнѣ его жаль!..

— Какое же такое несчастіе стряслось надъ головой вашего бѣдненькаго сыночка?—не безъ ядовитости спросилъ Александръ Владиміровичъ.

— Не знаю, какое, не знаю,—вздыхала Клеопатра Аполлоновна.—Но ему тамъ, за границей, очень трудно!.. Бѣдный Константинъ! Онъ написалъ уже въ Кургановку, чтобы скорѣе продавали хлѣбъ и высылали ему деньги.

— Недурно! А гдѣ же мои сто тысячъ?

Клеопатра Аполлоновна ничего не сказала и только продолжала утирать слезы.

— Вотъ видишь, другъ мой,—вступилась Валентина Дмитріевна,—и выходитъ, что ты только напрасно разстраиваешь мамашу. Очевидно, денегъ у Константина нѣтъ. И всѣ эти разговоры, всѣ эти сплетни—все это было слишкомъ преувеличено.

Разговоръ былъ прерванъ появленіемъ доктора Лопенко.

Докторъ былъ замѣтно не въ духѣ. Онъ молча поздоровался со всѣми и молча принялся за свой чай.

— Чтб съ вами, Семенъ Тихоновичъ? — обратилась къ нему хозяйка.—Вы точно чѣмъ-то разстроены?

— Что дѣлать, Валентина Дмитріевна!—отвѣчалъ докторъ,—иначе не могу-съ. Характеръ у меня такой несчастный...

— Понимаю: вы, вѣроятно, опять разстроены послѣдними извѣстіями съ театра войны?

— Да-съ, Валентина Дмитріевна, разстроенъ, и не могу не быть разстроенъ. Война — вѣдь это ужасное слово. А такая война, какъ настоящая...

— Война, какъ война,—вставилъ Золотиловъ.

— Нѣтъ, извините, Александръ Владиміровичъ!—горячо возразилъ Лопенко.—Война эта—далеко не обыкновенная, нѣтъ-съ. Во-первыхъ, эта война святая: тамъ люди умираютъ за святое дѣло... А, во-вторыхъ, эта война геройская: нашъ русскій солдатъ въ этой войнѣ вполнѣ доказалъ, что онъ настоящій герой...

— Слишкомъ сильно сказано. Нашъ мужикъ — хорошій мужикъ, но какой же онъ герой!.. смѣшно!..

— Нисколько не смѣшно-съ, а совершенно напротивъ... Вы меня извините, но такъ разсуждать—это положительно грѣхъ... Тѣ страданія, тотъ подвигъ, который такъ безропотно несетъ тамъ нашъ мужикъ, нашъ солдатъ, это—въ полномъ смыслѣ геройство! Отъ одного описанія этихъ ужасовъ—сердце обливается кровью... А эти герои — они страдаютъ молча... и умираютъ молча.

— Они страдаютъ тамъ,—замѣтилъ Александръ Владиміровичъ,—а мы страдаемъ здѣсь. Всякому свое. У насъ теперь тоже не очень-то весело. Намъ и своего горя довольно.

— Побойтесь Бога, Александръ Владиміровичъ!—съ нервной дрожью въ голосѣ произнесъ докторъ. — Да развѣ можно говорить о нашихъ грошовыхъ горестяхъ, когда тамъ тысячами гибнутъ святые мученики!.. А мы? хороши мы, нечего сказать. Въ эту страшную годину испытаній, когда всѣ страсти, вся вражда, все зло должны умолкнуть... когда всѣ души должны сливаться въ одномъ чувствѣ благоговѣнія передъ великимъ подвигомъ братской любви, который творится тамъ, на этомъ страшномъ полѣ брани... А мы... мы ни на минуту не забываемъ нашихъ мелкихъ эгоистическихъ интересовъ!.. Мы также обманываемъ другъ друга, также грабимъ, подличаемъ!

Семенъ Тихоновичъ ходилъ по комнатѣ и съ ожесточеніемъ курилъ. Всѣ оставались подъ впечатлѣніемъ его горячей рѣчи и какъ-то невольно притихли.

Первая заговорила Валентина Дмитріевна.

— Все это, докторъ, такъ,—сказала она. — Война, конечно, тяжелая вещь. Тяжела и окружающая насъ обстановка... Но, право, вы слишкомъ близко принимаете все это къ сердцу... Можно подумать, что съ вами лично случилось какое нибудь большое несчастіе.

Недобрая улыбка мелькнула на губахъ Семена Тихоновича.

— Нѣтъ-съ, Валентина Дмитріевна, — вымолвилъ онъ, — ничего такого со мной не случилось.

— Но вы такъ разстроены, какъ будто даже чѣмъ-то озлоблены?—настаивала хозяйка.

— Со мной собственно ничего не случилось,—повторилъ еще разъ докторъ.—А вотъ въ Межигорьѣ у насъ... Конечно, я тутъ непричемъ... Мое дѣло сторона... Да вотъ не могу! Хоть что хотите, не могу-съ!

— Ахъ, разскажите, мсьё Лопенко,—заинтересовалась Клеопатра Аполлоновна,—разскажите! Это, должно быть, очень интересно.

— Да ужь такъ-то интересно, матушка Клеопатра Аполлоновна, что интереснѣе и быть не можетъ.

— Разскажите, докторъ, разскажите!—приставала Клеопатра Аполлоновна.

— Разсказывать-то собственно и нечего. Все старыя погудки, только на новый ладъ... Все новые подвиги господина Кулабухова.

— Пора бы вамъ, докторъ,—брезгливо замѣтила Валентина Дмитріевна,—привыкнуть къ вашему Кулабухову и къ этимъ... его подвигамъ.

— Да вѣдь всякому человѣческому терпѣнію есть предѣлъ! —

горячо возразилъ Лопенко.—Вѣдь скоро этотъ кровопійца живьемъ съѣстъ несчастныхъ мужиковъ!

— Да что такое онъ сдѣлалъ?

— А вотъ послушайте. Годъ у насъ, какъ извѣстно, тяжелый; сѣмянъ нѣтъ, хлѣба нѣтъ, а подати съ мужиковъ требуютъ. Вотъ нашъ Терентій Гавриловичъ и выручилъ мужиковъ! далъ имъ и сѣмянъ, и хлѣба, и денегъ. А вдобавокъ всего, заподрядилъ ихъ на возку угля на рудникѣ англійской компаніи...

— Бѣдные мужики!—вздохнула Клеопатра Аполлоновна.

Семенъ Тихоновичъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Клеопатру Аполлоновну и продолжалъ:

— Самъ Кулабуховъ взялъ возку по три копѣйки съ пуда, а мужиковъ подрядилъ по копѣйкѣ съ четвертью!

— Ахъ, какіе бѣдные мужики!—вздыхала добрѣйшая старушка.

— Да вѣдь это денной грабежъ!—горячился Лопенко.—Вѣдь уголь надо возить чуть не за двадцать верстъ! Что же будетъ, въ концѣ концовъ, съ мужиками? Они останутся опять безъ хлѣба, безъ денегъ, да къ довершенію всего—безъ воловъ!.. И придется имъ идти по міру, побираться... А вотъ тогда-то Кулабуховъ и приберетъ ихъ къ рукамъ, какъ слѣдуетъ. Тогда ужь онъ закабалитъ ихъ въ сурьезъ, почище всякихъ крѣпостныхъ...

— Чѣмъ же вы такъ огорчаетесь? — вмѣшался Золотиловъ.— Вѣдь это въ порядкѣ вещей. Какъ же вы хотите, чтобы Кулабуховъ церемонился съ вашими сиволапыми мужиками, когда онъ начинаетъ и насъ къ рукамъ прибирать... Да-съ, Семенъ Тихоновичъ, имѣли и мы честь вступить въ нѣкоторыя обязательныя отношенія съ вашимъ Кулабуховымъ.

— Слышалъ, слышалъ.

— Отъ кого?

— Да отъ него самого. Помилуйте, онъ на всѣхъ перекресткахъ трубитъ, что облагодѣтельствовалъ васъ.

— Ахъ, онъ мерзавецъ! Да какъ же онъ смѣетъ!.. Такъ обращаться онъ можетъ только съ вашими мужиками.

— Почему же съ мужиками онъ можетъ такъ обращаться?

— Вотъ странный вопросъ! Я полагаю, ваши мужики и я— двѣ вещи совершенно различныя! Что такое мужикъ? И много ли мужику надо? Если у мужика есть кусокъ сала и пара воловъ,— онъ и сытъ, и богатъ. А мое положеніе совершенно другое.

— Я думаю, положеніе зависитъ прежде всего отъ средствъ.

— Такъ, такъ! современная теорія, либеральная галиматья!.. Нѣтъ-съ, господинъ докторъ, извините! положеніе прежде всего

обязываетъ... Да, наконецъ, привычки... Не могу же я, въ самомъ дѣлѣ, заказывать женѣ платья у какой нибудь московской мадамъ Анетъ изъ Парижа! Или не думаете ли вы, что я могу ѣздить когда нибудь во второмъ классѣ? Вѣдь, если такъ разсуждать, то можно дойти, наконецъ, чортъ знаетъ до чего!.. Нѣтъ, довольно-съ! Мы и такъ уже слишкомъ обижены! Довольно съ васъ и того, что я долженъ разстаться съ лафитомъ и пью воронцовское красное!..

— Но какъ же быть, Александръ Владиміровичъ, если нѣтъ средствъ?

— Такъ, такъ! продолжайте, продолжайте: снимай, молъ, вотъ этотъ сюртукъ, надѣвай посконную рубаху и иди наниматься въ работники къ тому же Терентію Гавриловичу...

— Къ чему такія крайности? Такимъ людямъ, какъ вы, вездѣ дорога открыта. Вы можете служить.

— То есть, какъ это служить? Переписывать какія-то безсмысленныя бумаги, и получать за это жалованье, которое я плачу моему повару? Покорно васъ благодарю!

— Зачѣмъ же непремѣнно такъ? Мало ли хорошихъ мѣстъ... Вотъ, напримѣръ, должность предводителя въ западномъ краѣ: и жалованье хорошее, и положеніе почетное...

— Что-о-о?! предводитель дворянства на жалованьѣ! Да вѣдь это позоръ! оскорбленіе всѣхъ традицій дворянскаго сословія!.. Нѣтъ-съ, господинъ докторъ, настоящій россійскій дворянинъ никогда не согласится нести эту почетную, представительную должность изъ-за денегъ. Онъ лучше согласится ѣсть одинъ черный хлѣбъ...

Патетическія изліянія Александра Владиміровича были прерваны долетѣвшими изъ-за сада переливчатыми звуками колокольчика, акомпанируемаго мелодическимъ звяканьемъ артистически подобранныхъ бубенчиковъ... Все общество заинтересовалось образцовымъ подборомъ малиноваго звона, и всѣ принялись высказывать различныя предположенія относительно того, кто именно могъ бы пріѣхать теперь въ Благодатное... Въ это время, въ ворота усадьбы съ шикомъ влетѣлъ какой-то фантастическій экипажъ, въ видѣ шарабана необыкновенно-замысловатой конструкціи. Красивый кучеръ, въ голубой шолковой рубашкѣ, въ бархатной безрукавкѣ и въ шляпѣ съ перомъ, круто осадилъ у подъѣзда лихую тройку пѣгихъ коней; лошади были въ сбруѣ съ наборомъ, съ подвѣсками, въ лентахъ и цвѣтахъ. Изъ шарабана выскочилъ,—вѣрнѣе сказать,—выпорхнулъ Сергѣй Сергѣевичъ Чарышевъ. Онъ былъ необыкновенно веселъ и оживленъ.

Поздоровавшись съ обществомъ и отпустивъ дамамъ подобающіе комплименты, Чарышевъ накинулся на хозяина съ громкими укоризнами:

— Ай-да Александръ Владиміровичъ! Хорошъ, хорошъ, нечего сказать! За что же это, позвольте спросить, вы изволили на насъ такъ разгнѣваться? Не удостоили насъ своимъ посѣщеніемъ?.. А мы васъ ждали, ждали.

— Гдѣ это?—спросилъ Золотиловъ.

— Какъ гдѣ? Помилуйте! Да развѣ вы забыли, какой нынче у насъ день?

— Ничего не понимаю.

— Да вѣдь нынче торжество открытія нашей желѣзной дороги! Поймите: нашей, *спеціальной нашей* дороги. Я прямо оттуда. Тамъ были всѣ, рѣшительно всѣ: и губернаторъ, и предводитель, и земцы, и углепромышленники. Недоставало только васъ, буквально одного васъ... Стыдно, Александръ Владиміровичъ, стыдно! и даже въ нѣкоторомъ родѣ обидно, да-съ!.. А торжество было на славу! Мы тамъ продѣлали все это какъ слѣдуетъ, по всѣмъ правиламъ искусства: парадный поѣздъ съ музыкой, локомотивъ въ цвѣтахъ, молебенъ, обѣдъ, шампанское, спичи—все это какъ слѣдуетъ быть...

— И хорошіе были спичи?

— Замѣчательные!—восторгался Сергѣй Сергѣевичъ. — Особенно хорошо говорилъ предводитель. Ну, и я отпустилъ маленькій экспромптикъ... Но всѣхъ болѣе насмѣшилъ насъ Шершеневичъ... Да, кстати, господа, самая свѣжая новость: Шершеневичъ продалъ имѣніе...

— Кому?

— Какой-то московской компаніи. Фамилія такая... матеріальная... ха-ха-ха! Да, вспомнилъ: Бархатовъ и Чаузовъ. Они, говорятъ, собственно и не угольники, но вздумали и на этомъ поприщѣ попробовать счастья.

— Да какой же тамъ уголь?—изумился Александръ Владиміровичъ.—Я никогда не слыхалъ, чтобы въ имѣніи Шершеневича были угольные пласты.

— Вотъ въ томъ-то вся и штука! Самъ Шершеневичъ, и тотъ никогда не подозрѣвалъ даже у себя такой благодати, а господа Бархатовъ и Чаузовъ все это разузнали, и разузнали вполнѣ досконально... Хитрые москали!.. Подослали тайкомъ инженера: тотъ все это втихомолку разнюхалъ, развѣдалъ, да и нанесъ на карту двѣнадцать пластовъ богатѣйшаго угля... А москали нигу-гу, знай себѣ имѣньице приторговываютъ: покупаемъ, молъ, такъ,

для-ради потѣхи... А какъ совершили купчую, такъ и развернули передъ Шершеневичемъ пластовую карту: на-ка, молъ, полюбуйся, голубчикъ, что ты намъ продалъ! Ха-ха-ха!..

— Дорого дали?

— Цѣну дали хорошую, по совѣсти: сто рублей за десятину. Ну, да вѣдь тамъ одного лѣсу десятинъ двѣсти.

— Для имѣнія съ углемъ—цѣна не слишкомъ высокая,—замѣтилъ Золотиловъ.—Но какъ подумаешь хорошенько, такъ позавидуешь и Шершеневичу. По теперешнимъ временамъ, я и самъ, пожалуй, не прочь бы продать Благодатное.

— Продать Благодатное!—заволновался Чарышевъ.—Продать такое имѣніе... Да развѣ это возможно? Вѣдь если у Шершеневича двѣнадцать пластовъ,—у васъ, Александръ Владиміровичъ, навѣрное сто двадцать! Вѣдь у васъ въ землѣ такіе милліоны лежатъ, такіе!..

— Ну, этихъ милліоновъ пока что-то не видно,—угрюмо возразилъ Золотиловъ.—А при теперешнихъ урожаяхъ, сколько ни хозяйничай, одни только убытки... концовъ съ концами никакъ не сведешь. Да и надоѣло мнѣ это до смерти!.. Готовъ все на свѣтѣ отдать, лишь бы развязаться съ глупѣйшей исторіей, убѣжать изъ этой проклятой трущобы.

— Не грѣшите, Александръ Владиміровичъ, не грѣшите!—ораторствовалъ Чарышевъ.—Вы начинаете роптать, а вѣдь это ужаснѣйшій грѣхъ. Вооружитесь терпѣніемъ! Повѣрьте, будутъ опять урожаи, и дѣла будутъ хорошія, и все, все... А главное—уголь. Уголь—дороже всего! Вѣдь у васъ въ Благодатномъ—не уголь, а золото. И желѣзная дорога подъ бокомъ! Слышите: свиститъ... А вы хотите бѣжать. Позаймитесь-ка угольнымъ дѣломъ, Александръ Владиміровичъ. Приналягте хорошенько на милѣйшаго Іосифа Веніаминовича!.. Что онъ у васъ, въ самомъ дѣлѣ, такъ долго копается? Теперь время копать, а не копаться!..

И Золотиловъ сталъ копать, копать и копать... Но уголь все не выкапывался; деньги же все глубже и глубже зарывались въ землю. Денегъ было и безъ того мало. Урожаи все были плохіе, а расходы—большіе. А къ довершенію всего, Валентина Дмитріевна, на концѣ шестаго года замужства, неожиданно подарила мужу наслѣдника. Роды были тяжелые: знаменитый акушеръ долженъ былъ прожить въ Благодатномъ безвыѣздно три недѣли... Пришлось продать еще одинъ хорошенькій лѣсокъ. Купилъ его Кулабуховъ: онъ ставилъ на желѣзную дорогу шпалы, и далъ хорошую цѣну на лѣсъ. Но дѣла все не поправлялись, и жить становилось труднѣе и труднѣе. Долги все росли; съ долгами росли и

проценты. А въ этой области начиналась уже такая сложная бухгалтерія, которая была вполнѣ недоступна для пониманія нашего барина. Золотиловъ вообще имѣлъ очень смутное представленіе о процентахъ; онъ не зналъ, что проценты составляютъ самую непроизводительную и разорительную статью расходовъ. Онъ не понималъ, что непропорціональное расширеніе этой сверхсмѣтной статьи окончательно подрываетъ равновѣсіе его бюджета.

XIV.

Такъ шли хозяйственныя дѣла Александра Владиміровича Золотилова въ теченіе пяти лѣтъ. Послѣ уничтоженія арендnаго контракта съ Аранчѣевымъ, одинъ только первый годъ далъ вполнѣ удовлетворительные результаты. Остальные четыре года были болѣе или менѣе неудачны. Это былъ тотъ тяжелый періодъ неурожайныхъ годовъ, отъ которыхъ такъ пострадало населеніе цѣлаго края и такъ замѣтно понизился уровень его благосостоянія. Систематическая засуха во время роста хлѣбовъ, постоянные дожди во время уборки, суслики, овражки и всѣ другіе злѣйшіе враги южнаго сельскаго хозяйства чередовались другъ съ другомъ и приводили въ отчаяніе все мѣстное народонаселеніе. Въ послѣднее лѣто прилетѣла даже саранча и уничтожила всѣ всходы какой-то рѣдкостной небывалой пшеницы, на которую Золотиловъ возлагалъ особенныя надежды.

Болѣе опытные и осторожные хозяева, — какихъ, впрочемъ, было очень немного,— старались какъ нибудь приноровиться къ тяжелымъ условіямъ окружающей обстановки, и неустанно боролись съ преслѣдовавшими ихъ невзгодами. Они уменьшали размѣры посѣвовъ, осторожно вводили пріемы болѣе интенсивной культуры, сокращали расходы, старались изыскать новые источники доходовъ въ тѣхъ отрасляхъ дѣятельности, которыя явились результатомъ открытія мѣстной желѣзной дороги; нѣкоторые очень удачно пристроились къ каменноугольной промышленности. Такіе хозяева довольно благополучно пережили тяжелый сельско-хозяйственный кризисъ южной Россіи. Золотиловъ не принадлежалъ къ числу этихъ рѣдкихъ хозяевъ. Онъ не могъ мириться съ окружающей обстановкой и не умѣлъ приноравливаться къ новымъ условіямъ измѣнившейся жизни. Преслѣдовавшія его тяжелыя невзгоды дѣйствовали на него самымъ угнетающимъ образомъ, убивали въ немъ послѣдніе остатки энергіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ раздражали его и вызывали неодолимое, безум-

ное желаніе: сразу положить конецъ невыносимому положенію, однимъ удачнымъ годомъ—вернуть все прежнее благосостояніе. Золотиловъ былъ убѣжденъ, что этотъ удачный годъ обязательно будетъ, и будетъ очень скоро, — никакъ не далѣе, какъ черезъ двадцать мѣсяцевъ... Урожай будетъ неслыханный, цѣны на хлѣбъ баснословныя... И тогда... о, Александръ Владиміровичъ давно уже зналъ, какъ и что ему тогда сдѣлать! Онъ впередъ разсчиталъ, какая громадная сумма должна выручиться отъ реализаціи баснословнаго урожая, какую часть этой суммы придется употребить на уплату неотложныхъ долговъ, и сколько еще останется, чтобы поѣхать «провѣтриться», — прожить года два или три въ Петербургѣ, а, можетъ быть, и за границей...

Въ ожиданіи баснословнаго урожая, Золотиловъ дѣлалъ безчисленное множество самыхъ непростительныхъ безразсудствъ. Онъ все увеличивалъ и увеличивалъ посѣвы, выписывалъ страшнодорогія, рѣдкія сѣмена, покупалъ какіе-то невозможные катки для разрыхленія почвы, пробовалъ заводить табачныя плантаціи, пытался даже пахать на верблюдахъ... Однимъ словомъ, онъ въ ужасающихъ размѣрахъ продѣлалъ всѣ тѣ нелѣпыя и разорительныя попытки введенія «раціональнаго хозяйства», которыми такъ богата исторія нашихъ землевладѣльцевъ въ періодъ «проѣданія выкупныхъ». И все это дѣлалось безъ всякой системы и плана, по случайному наитію мысли. Александръ Владиміровичъ бросался отъ одного дѣла къ другому, ужасно восторгался каждымъ своимъ нововведеніемъ и очень скоро къ нему охладѣвалъ. Въ результатѣ получалась самая безтолковая сумятица и безсмысленная трата денегъ. Былъ такой случай: выписалъ разъ Золотиловъ какія-то баснословно дорогія жатвенныя машины; при заказѣ данъ былъ большой задатокъ, а остальныя деньги предстояло уплатить желѣзной дорогѣ при полученіи машинъ на мѣстѣ; но въ это время посѣтилъ Благодатное какой-то инженеръ-шарлатанъ, увѣрившій Золотилова, что въ саду у него, возлѣ самаго дома, есть несомнѣнные признаки богатѣйшихъ мѣсторожденій ртути: не долго думая, Александръ Владиміровичъ приказалъ вернуть жатвенныя машины обратно, а на деньги, приготовленныя для уплаты желѣзной дорогѣ, перекопалъ весь садъ, настойчиво разыскивая миѳическія залежи ртути.

Но ртути не было... Не было пока и угля, равно какъ и баснословныхъ урожаевъ. И дѣла Золотилова шли все хуже и хуже. Къ сожалѣнію, выборъ ближайшаго сотрудника, въ лицѣ Скрутилло, ни въ какомъ случаѣ не могъ содѣйствовать улучшенію хозяйственныхъ дѣлъ. Скрутилло былъ чело-

вѣкъ ума недальняго и обладалъ самыми поверхностными, жалкими знаніями; но, какъ всѣ ограниченные и кой-чему поучившіеся люди, онъ не чуждъ былъ нелѣпыхъ претензій и глупаго самомнѣнія. А неустойчивость его нравственныхъ убѣжденій,—вѣрнѣе сказать, ихъ полное отсутствіе,—конечно, не могла служить гарантіей противъ нѣкоторыхъ поползновеній къ смѣшенію понятій о собственности. Попади такой человѣкъ въ хорошія руки, — изъ него, можетъ быть, и выработался бы порядочный управляющій средней руки; но у такого хозяина, какъ Золотиловъ, Скрутилло положительно не могъ ничему научиться. Александръ Владиміровичъ ничего не понималъ въ хозяйствѣ, и всѣ его хозяйственныя затѣи имѣли случайный, нерѣдко даже фантастическій характеръ; въ ежедневное, будничное теченіе хозяйственныхъ дѣлъ онъ обыкновенно не вмѣшивался, а если когда и вмѣшивался,—въ результатѣ получалась только самая ужасная безтолковщина, которой и безъ того было болѣе чѣмъ достаточно, благодаря неопытности и безцеремонной самоувѣренности молодаго управляющаго. Скрутилло, какъ и его хозяинъ, не любилъ и не умѣлъ трудиться, и считалъ себя болѣе способнымъ,—какъ онъ самъ выражался,—на «иниціативу», на осуществленіе великихъ хозяйственныхъ реформъ. Прикладывая эту иниціативу къ осуществленію фантастическихъ затѣй хозяина, Скрутилло иногда доводилъ дѣло до такихъ крайнихъ нелѣпостей, до такихъ идеальныхъ размѣровъ абсурда, что самъ Золотиловъ приходилъ въ глубочайшее изумленіе и безъ церемоніи называлъ своего управляющаго,—разумѣется, за глаза,—дуракомъ. Въ свою очередь, и Скрутилло былъ слишкомъ невысокаго мнѣнія о хозяинѣ и постоянно жаловался, что распоряженія Золотилова мѣшаютъ ему заниматься серьезно хозяйствомъ... Вообще, отношенія между хозяиномъ и управляющимъ были самыя неудовлетворительныя.

Такъ прошло пять лѣтъ, и къ концу этого срока положеніе владѣльца Благодатнаго стало очень критическимъ. Золотиловъ не понималъ всей тяжести своего положенія; онъ едва ли даже зналъ точную цифру своихъ долговъ; но общая сумма его долговыхъ обязательствъ представляла, во всякомъ случаѣ, очень внушительную цифру. Объ этомъ можно было судить прежде всего потому, что «расширеніе кредита» становилось для него съ каждымъ днемъ затруднительнѣе; Золотилову большихъ усилій стоило иногда достать самую незначительную денежную сумму, необходимую для покрытія неотложныхъ текущихъ расходовъ.

Кромѣ долга земельному банку, Золотиловъ до дна исчерпалъ кредитъ, который былъ открытъ ему въ мѣстномъ обществѣ

взаимнаго кредита, и нажилъ страшную массу частныхъ долговъ, — отъ самыхъ крупныхъ до самыхъ микроскопическихъ. Въ числѣ его частныхъ кредиторовъ, первенствующее положеніе занимали Кулабуховъ и Зеймовичъ. Кулабуховъ съумѣлъ очень ловко замѣнить векселя Золотилова второй закладной на Благодатное, и, чувствуя себя, обезпеченнымъ относительно капитальнаго долга, все вниманіе свое сосредоточилъ на своевременной ликвидаціи процентныхъ разсчетовъ. Зеймовичу, появившемуся на сценѣ въ болѣе позднее время, волей-неволей пришлось избрать своей спеціальностью вексельныя операціи: взявъ съ своего кліента обязательство не выдавать векселей никому помимо его, сынъ «угнетеннаго племени» слѣдилъ за тѣмъ, чтобы сумма вексельныхъ долговъ Золотилова, вмѣстѣ съ долгами его по закладнымъ, не превышала общей стоимости его имѣній. Пока цифра эта не была превышена, Зеймовичъ охотно давалъ деньги подъ новые векселя и не отказывался приписывать проценты къ капитальному долгу, не забывая, конечно, вмѣсто пятнадцати процентовъ, сдѣлать новый разсчетъ уже изъ тридцати. Но когда онъ пришелъ къ убѣжденію, что кредитоспособность Золотилова исчерпана почти до дна, а систематическіе неурожаи даютъ плохую надежду на поправленіе его обстоятельствъ, онъ сдѣлался до-нельзя строгъ и придирчивъ, и вытягивалъ изъ злосчастнаго должника всякими неправдами все, что только было возможно. Онъ, какъ піявка, присосался къ своей жертвѣ и грозилъ высосать изъ нея всѣ послѣдніе соки.

Эти два главныхъ кредитора, или два опекуна, — какъ называлъ ихъ самъ Золотиловъ,—были его вѣчными, жестокими мучителями. Процентовъ наличными деньгами онъ, конечно, никогда не платилъ ни Кулабухову, ни Зеймовичу: за проценты они забирали у него жалкіе остатки урожая, излишія принадлежности инвентаря, десятину-другую лѣса,—словомъ, все, что только попадалось имъ подъ руку. Но отъ этого было, понятно, не легче. Всякое же новое увеличеніе капитальнаго долга достигалось каждый разъ долгимъ, скорбнымъ путемъ умаливаній и упрашиваній съ одной стороны, упорнымъ ломаніемъ и возмутительнымъ издѣвательствомъ—съ другой... А, между тѣмъ, Золотилову приходилось обращаться къ этимъ же ненавистнымъ опекунамъ во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, которые встрѣчались въ его жизни почти ежедневно.

Кулабуховъ и Зеймовичъ представляли въ жизни Золотилова страшную, грозную силу; они наполнили собою все его существованіе, проникли во всѣ сокровенные тайники его мыслей и ощу-

щеній. Понятно, что за этими грозными фигурами всесильных кредиторовъ стушевывались всѣ остальные, второстепенные благодѣтели, ссужавшіе иногда Золотилова болѣе или менѣе скромными денежными суммами. Подобныхъ долговъ и должниковъ было безчисленное множество, но они являлись уже въ видѣ маленькихъ, хотя по временамъ и надоѣдливыхъ, мошекъ. Это былъ, такъ сказать, текущій счетъ мелкихъ денежныхъ позаимствованій, счетъ, который находился въ вѣчномъ движеніи, постоянно открывался и закрывался, хотя и обладалъ несомнѣннымъ стремленіемъ къ постепенному расширенію. Счетъ этотъ отличался чрезвычайнымъ разнообразіемъ и даже неправдоподобіемъ фигурировавшихъ въ немъ цифръ: здѣсь попадались суммы въ пять и десять рублей, за которыми Золотиловъ посылалъ иногда къ мѣстному священнику или къ волостному старшинѣ...

Само собой разумѣется, такое по истинѣ плачевное положеніе дѣлъ Золотилова не могло не отразиться на его обстановкѣ и на всѣхъ подробностяхъ домашняго обихода. Житейскій комфортъ богатыхъ аристократовъ значительно сократился, и въ ихъ привычкахъ замѣчался несомнѣнный упадокъ. Штатъ прислуги подвергся очень существеннымъ сокращеніямъ; вмѣсто великолѣпныхъ караковыхъ, запрягали скромную тройку гнѣдыхъ; платья отъ Ворта выписывались значительно рѣже... Бывали даже дни, когда и воронцовское красное не появлялось на столѣ Золотиловыхъ; вмѣсто вина, Александръ Владиміровичъ пилъ теперь водку и вознаграждалъ себя за это лишеніе тѣмъ, что приказывалъ ставить къ своему прибору рюмку величины непомѣрной...

Александръ Владиміровичъ сильно упалъ духомъ и глубоко возмущался такимъ черезчуръ ощутительнымъ извращеніемъ его привычекъ къ «безпечальной и беззаботной жизни». Онъ сдѣлался раздражительнымъ, нервнымъ, часто хныкалъ и жаловался на судьбу. Его постоянное нытье производило удручающее впечатлѣніе на всѣхъ окружающихъ, и увеличивало ихъ угнетенное, угрюмое расположеніе духа. Это ноющее настроеніе Золотилова докторъ Лопенко называлъ «кислымъ»,—именно: кислое состояніе—лучшаго названія нельзя было и придумать...

— Проклятая сторона!—ворчалъ Золотиловъ.—Ну, жизнь! Да здѣсь съ ума можно сойти!..

— Уѣдемъ, другъ мой!—говорила Валентина Дмитріевна.

— Куда?.. въ батраки къ Кулабухову?—сердился Александръ Владиміровичъ.

— Бѣдныя дѣти!—вздыхала Клеопатра Аполлоновна.

Пятилѣтній періодъ жизни Золотилова, сопровождавшійся такими прискорбными для него послѣдствіями, ознаменовался многими весьма ощутительными перемѣнами въ положеніи всей данной мѣстности и большинства ея обывателей. Новая желѣзная дорога, дѣйствительно, содѣйствовала оживленію края и дала сильный толчокъ широкой эксплуатаціи его естественныхъ богатствъ. Но большинство мѣстныхъ землевладѣльцевъ,—привыкшихъ къ патріархальнымъ пріемамъ исключительно сельскаго хозяйства, до того времени вполнѣ обезпечивавшаго ихъ праздную и лѣнивую жизнь,—оказалось нисколько неподготовленнымъ къ новымъ формамъ хозяйственной дѣятельности, имѣвшимъ уже характеръ промышленныхъ, комерческихъ предпріятій. Участіе ихъ въ новой дѣятельной жизни бо̀льшею частію ограничивалось тѣмъ, что они сдавали въ аренду имѣнія или право выработки каменнаго угля, довольствуясь при этомъ полученіемъ скромной арендной или попудной платы и предоставляя всѣ остальные барыши болѣе ловкимъ и предпріимчивымъ дѣятелямъ. Если же нѣкоторые изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ и пробовали иногда принимать непосредственное участіе въ новой промышленной дѣятельности,—всѣ подобныя попытки ихъ были, по большей части, неудачны: онѣ служили обыкновенно повтореніемъ, съ небольшими варіантами, поучительной исторіи хозяйственныхъ подвиговъ Золотилова.

На смѣну старымъ отжившимъ элементамъ мѣстной жизни явились новыя, свѣжія силы, въ видѣ сторонніхъ, пришлыхъ дѣятелей. Составъ этихъ новыхъ дѣятелей былъ крайне разнообразенъ. Въ числѣ ихъ были и солидные промышленники, и комерсанты изъ Москвы, Петербурга и другихъ городовъ Россіи; были и болѣе мелкіе предприниматели средней руки, изъ купцовъ и изъ другихъ сословій, являвшіеся въ видѣ арендаторовъ, подрядчиковъ, поставщиковъ; была и цѣлая масса простыхъ россійскихъ мужиковъ, нахлынувшихъ сюда въ качествѣ плотниковъ, каменщиковъ, маляровъ и даже простыхъ чернорабочихъ. Все это пришлое народонаселеніе очень скоро пристраивалось къ дѣлу, освоивалось съ мѣстными условіями жизни, наживалось и обогащалось, изумляя туземныхъ обывателей своей практической сноровкой и ловкостью.

Наиболѣе крупными представителями новыхъ, пришлыхъ дѣятелей были: недавно появившаяся фирма Бархатова и Чаузова и тотъ знаменитый московскій капиталистъ, грандіозное предпріятіе котораго было обязано своимъ происхожденіемъ Чарышеву. Чарышевъ несомнѣнно былъ однимъ изъ первыхъ «піонеровъ» въ

дѣлѣ промышленнаго просвѣщенія края, хотя первый дебютъ его каменноугольной дѣятельности не отличался особенной продолжительностью. Вскорѣ послѣ знаменитаго открытія новой желѣзной дороги, на предсѣдательскомъ креслѣ роскошнаго кабинета главнаго директора милліоннаго рудника появилось новое лицо. Сергѣй Сергѣевичъ, убѣдившись, что процессъ систематическаго превращенія золота въ воду можетъ оказаться для него, въ концѣ концовъ, рискованнымъ, великодушно уступилъ это пріятное занятіе новому управляющему; вмѣстѣ съ обязанностью изобрѣтать наилучшіе способы толченія воды, онъ предоставилъ своему преемнику безспорное право явиться отвѣтственнымъ лицомъ передъ хозяиномъ, которому, рано или поздно, могло надоѣсть такое безцеремонное и непроизводительное употребленіе его капиталовъ. А самъ кругленькій человѣчекъ, вполнѣ счастливый и довольный, поѣхалъ искать по свѣту новаго, болѣе широкаго, если не болѣе производительнаго поприща для своей дѣятельности. Но никто не воспользовался въ такой мѣрѣ всѣми благами новой промышленной жизни, какъ разные кулаки и жиды,—эти два типа самой интенсивной и въ то же время самой хищнической эксплуататорской дѣятельности. Жиды и кулаки глубоко проникали во всѣ отрасли мѣстной жизни и крѣпко затягивали въ свою паутину всѣхъ богатыхъ и бѣдныхъ помѣщиковъ и мужиковъ, купцовъ и рабочихъ. Въ сѣти ихъ попадали и нѣкоторые изъ новыхъ пришлыхъ дѣятелей, не отличавшіеся особенной устойчивостью и осторожностью. А о коренныхъ жителяхъ края и говорить нечего: всѣ эти безпечные помѣщики и лѣнивые хохлы буквально стонали и изнывали подъ жестокимъ игомъ всесильной власти страшныхъ пауковъ—жида и кулака.

Выдающееся мѣсто въ ряду этихъ хищниковъ принадлежало Кулабухову и Зеймовичу. Терентій Гавриловичъ Кулабухóвъ ходилъ уже не въ синей чуйкѣ, а въ «спинжакахъ» и широчайшихъ сюртукахъ. Въ просторномъ домѣ его въ Межигорьѣ появились вѣнскіе стулья и громадныя зеркала. Для воспитанія дѣтей приглашена ученая «мамзель». А въ кабинетѣ незнакомаго съ азбукой калужскаго плотника стоялъ письменный столъ и желѣзный несгараемый шкафъ, туго набитый кредитными и всякими другими документами... Зато, все двухтысячное населеніе Межигорья,—къ величайшему огорченію доктора Лопенко, хуторъ котораго былъ въ одной верстѣ отъ резиденціи ненавистнаго ему кулака,—находилось въ полнѣйшей, почти крѣпостной зависимости отъ Кулабухова. Но Межигорье служило ареной исключительно только для мелочныхъ подвиговъ Терентія Гавриловича; оно только

давало ему возможность безъ всякихъ затратъ вести свое полевое хозяйство и засыпать свои закрома безплатнымъ крестьянскимъ зерномъ. Главная же дѣятельность ловкаго, хотя и безграмотнаго, комерсанта была направлена на обороты съ лѣсами, которые онъ истреблялъ самымъ безпощаднымъ образомъ. Покупая лѣсныя рощи на срубъ у мѣстныхъ землевладѣльцевъ и продавая лѣсные матеріалы на желѣзную дорогу и на всѣ окрестные рудники, Кулабуховъ получалъ отъ этихъ операцій громадные барыши, и имѣлъ широкую возможность крѣпко держать въ своихъ рукахъ всѣхъ, кому надо было продать или купить лѣсъ, и у кого ощущался недостатокъ въ наличныхъ деньгахъ.

Зеймовичъ былъ уже не тотъ худой, тщедушный жидъ, какимъ онъ былъ въ тѣ времена, какъ начиналъ свою карьеру въ чинѣ кабачика села Благодатнаго. Зеймовичъ былъ теперь «общеизвѣстный, общеуважаемый комерсантъ» (по аттестаціи жидовскихъ газетныхъ листковъ), котораго всѣ величали не иначе, какъ Соломономъ Наумовичемъ. Онъ жилъ въ уѣздномъ городѣ, въ собственномъ домѣ, и хотя продолжалъ еще придерживаться преданій и обычаевъ своего культа, но не отказывался уже принимать по субботамъ срочные платежи и при этомъ выпивать бутылку-другую хорошаго вина,—разумѣется, на счетъ кліента. Соломонъ Наумовичъ имѣлъ большой оптовый складъ вина и спирта и обширную хлѣбную торговлю. Но главныя занятія его состояли въ ростовщичествѣ и въ угольныхъ операціяхъ. Каменный уголь былъ положительно слабостью предпріимчиваго еврея. Онъ покупалъ и продавалъ этотъ товаръ ежедневно и ежечасно, оптомъ и въ розницу, въ какихъ угодно комбинаціяхъ: онъ покупалъ весь наличный уголь, вывезенный на станцію желѣзной дороги или сложенный возлѣ шахты; покупалъ все количество угля, которое будетъ вынуто изъ шахты до полнаго ея истощенія, или всю годичную выработку извѣстнаго рудника. Какіе страшные барыши наживалъ при подобныхъ операціяхъ Зеймовичъ,—объ этомъ едва ли даже зналъ онъ самъ. Во всякомъ случаѣ, общіе результаты комерческихъ и, преимущественно, каменноугольныхъ гешефтовъ ловкаго аферіста были, въ полномъ смыслѣ слова, чудовищные. Широкія вексельныя операціи, въ связи съ покупками будущаго угля, всецѣло отдавали въ руки Зеймовича большинство мѣстныхъ помѣщиковъ и шахтовладѣльцевъ... Не прошло и пяти лѣтъ, какъ худой, тщедушный кабачикъ села Благодатнаго превратился въ страшную, могущественную силу, передъ которой буквально трепетало все населеніе двухъ смежныхъ уѣздовъ.

Къ концу столь знаменательнаго пятилѣтняго періода мѣстной жизни, вернулся въ Кургановку и Константинъ Дмитріевичъ Аранчѣевъ. Заграничная рулетка оказалась далеко не похожею на тотъ скромный, семейный банкъ, который такъ любилъ, бывало, въ старину именитый арендаторъ Золотилова: рулетка не повезла Аранчѣеву. Она очень скоро поглотила всѣ его арендныя сбереженія и, сверхъ того, потребовала экстренныхъ, усиленныхъ присылокъ изъ Россіи. Между тѣмъ, кургановское хозяйство, благодаря отсутствію хозяина и цѣлой серіи неурожайныхъ годовъ, находилось въ крайне неудовлетворительномъ видѣ; доходность имѣнія настолько сократилась, что дальнѣйшія высылки денегъ за границу сдѣлались невозможными... Глава фамиліи Аранчѣевыхъ долженъ былъ вернуться въ Россію, въ свою родимую Кургановку. Здѣсь онъ нашелъ дѣла въ такомъ плачевномъ положеніи, что для немедленнаго улучшенія ихъ потребовались особыя, экстраординарныя средства. И вотъ убѣжденному, ожесточенному противнику всякой и, преимущественно, земской нивеллировки пришлось таки въ концѣ концовъ прибѣгнуть къ той вопіющей аферѣ, о которой онъ съ такимъ омерзеніемъ говорилъ еще на обѣдѣ у Золотилова въ Петербургѣ: Константинъ Дмитріевичъ протянулъ руку за земскимъ, мужицкимъ «пирогомъ»... И доблестное земство вполнѣ оцѣнило достойнаго представителя дворянскихъ традицій и сочло своимъ священнымъ долгомъ поддержать — нравственно и матеріально—проигравшагося червоннаго валета: единогласнымъ выборомъ на должность участковаго мироваго судьи. И вотъ человѣкъ, ограбившій своихъ ближайшихъ родственниковъ, азартный игрокъ, не брезгавшій даже шуллерскими пріемами, является замѣстителемъ высокой должности выборнаго судьи, призваннаго по совѣсти вязать и рѣшить заблужденія неразумныхъ, слабыхъ людей, обязаннаго воспитывать общественную нравственность на началахъ справедливости, мира, разумнаго сознанія долга!.. И вотъ завѣдомый негодяй, безспорно достойный скамьи подсудимыхъ, вполнѣ заслуживший право быть членомъ общества каторжниковъ, является полноправнымъ, авторитетнымъ, общеуважаемымъ членомъ живущаго въ своихъ усадьбахъ и родовыхъ имѣніяхъ «лучшаго» общества! Вся мѣстная аристократія спѣшитъ возобновить и поддержать тѣснѣйшія сношенія съ именитымъ владѣльцемъ Кургановки. А выдающіяся способности новаго мироваго судьи даютъ ему возможность занять первенствующее положеніе въ ареопагѣ избранниковъ, возсѣдающихъ на курульскихъ креслахъ мироваго съѣзда, который, въ полномъ

составѣ, благоговѣетъ передъ высокими талантами, обширными познаніями и замѣчательнымъ краснорѣчіемъ Аранчѣева.

И все это сдѣлалось такъ просто и естественно, что, повидимому, проще и естественнѣе — ничего на свѣтѣ и быть не могло...

Возобновились и сношенія Константина Дмитріевича съ семьей Золотиловыхъ. Александръ Владиміровичъ былъ человѣкъ совсѣмъ не злопамятный, а жена и теща его горой стояли за «несчастнаго» арендатора.

Кончилось дѣло тѣмъ, что Александръ Владиміровичъ Золотиловъ первый поѣхалъ съ визитомъ къ Константину Дмитріевичу Аранчѣеву. «Скандалъ» оконченъ; приличія соблюдены...

XV.

День былъ осенній, ясный, теплый. Въ богатѣйшемъ, хотя и нѣсколько запущенномъ саду Благодатнаго роскошно цвѣли георгины, астры и другіе поздніе цвѣты. Хлѣбъ съ полей давно былъ свезенъ, и съ гумна доносилось немолчное жужжаніе барабана паровой молотилки.

На просторной террасѣ, выходившей въ садъ, сидѣли Золотиловъ, Клеопатра Аполлоновна и докторъ Лопенко. Разговоръ шелъ о самомъ животрепещущемъ вопросѣ дня — о молотьбѣ хлѣба и ея ожидаемыхъ результатахъ. Александръ Владиміровичъ только что вернулся съ гумна, гдѣ молотили хлѣбъ, и громко разсказывалъ о своихъ впечатлѣніяхъ.

— Нѣтъ, это, наконецъ, невозможно!—сердито ораторствовалъ онъ.—Представьте себѣ, какъ изволилъ отличиться милѣйшій Іосифъ Веніаминовичъ: онъ распорядился всѣхъ запасныхъ воловъ отправить въ поле! Пашня, изволите ли видѣть, засохла, такъ вмѣсто трехъ паръ надо запрягать въ плугъ по четыре!.. А тутъ молотьба: нечѣмъ къ машинѣ снопы подвозить. Вотъ и выходитъ задержка... Даромъ платимъ за машину, даромъ платимъ поденнымъ, а ихъ вѣдь тамъ болѣе ста человѣкъ. Да и уголь безъ толку жжемъ!

— А уголь у васъ свой?—спросилъ докторъ.

— Къ сожалѣнію, да.

— Какъ такъ, къ сожалѣнію? Я, напротивъ, хотѣлъ поздравить васъ съ побѣдой: я еще на прошлой недѣлѣ слышалъ, что у васъ началась выемка угля.

— Началась, началась. Какъ же-съ: теперь и мы имѣемъ

честь принадлежать къ почтенному сословію углепромышленниковъ... Да ужь и уголь, я вамъ доложу: не уголь, а вопіющая мерзость! Я только удивляюсь, какъ это Скрутилло ухитряется топить такимъ углемъ машину.

— Однако, это очень странно... вѣдь у васъ непремѣнно должны быть хорошіе пласты.

— Да, вотъ попробуйте-ка, достаньте эти пласты. Это легко сказать!.. Мы, вонъ, съ Іосифомъ Веніаминовичемъ копали-копали, да и докопались. Э, да что тутъ... и говорить тошно! Если посчитать хорошенько, во что обошелся мнѣ этотъ проклятый уголь,—въ ужасъ можно прійти! Каждый пудъ навѣрное стоитъ не меньше двадцати тысячъ.

— Ну, вѣдь это только пока, въ началѣ; когда дѣло разовьется, всѣ расходы ваши окупятся.

— И теперь, и тогда—всегда будетъ одно и то же... Да развѣ въ этомъ проклятомъ болотѣ можно хозяйничать. Вѣдь это чистая Сибирь!.. О, Господи, какъ все это мнѣ надоѣло! Хоть бы нашелся какой нибудь дуракъ, купилъ бы мое несчастное Благодатное! Вѣдь есть же счастливые люди: вонъ Шершеневичъ продалъ имѣніе—и знать себѣ ничего не хочетъ... А то вонъ какой-то болванъ выигралъ 1-го сентября двѣсти тысячъ!..

Въ это время, на террасу взошелъ Скрутилло.

— Александръ Владиміровичъ,—обратился онъ къ Золотилову,—на приводѣ лопнулъ ремень: машина стала.

— Такъ чего же вы ко мнѣ лѣзете?—разсердился Александръ Владиміровичъ.—Возьмите запасный...

— Запасный ремень взяли на шахту.

— Для чего же вы это сдѣлали? Развѣ вы не знаете, чего стоитъ теперь каждый часъ на молотьбѣ! Вѣдь вы мнѣ этихъ убытковъ не заплатите!.. Чего же вы стоите? Посылайте скорѣе за ремнемъ.

— Тогда остановится работа на шахтѣ и придется посылать за углемъ на сосѣдній рудникъ... машина все равно будетъ стоять.

— Это... это... чортъ знаетъ что такое! Да что же вы раньше-то объ этомъ не подумали? Вѣдь это, наконецъ, изъ рукъ вонъ!..

— Да я-то тутъ причемъ же? Вѣдь вы сами приказали ни подъ какимъ видомъ не останавливать работы на шахтѣ! Вы сказали, что не позволите купить ни одного пуда угля, благо есть теперь свой!..

— Никогда я этого не говорилъ... Это вы все напутали... Это, наконецъ, невозможно! Вотъ наказаніе-то божіе!.. Ну, что стоите? Идите, сдѣлайте тамъ какъ нибудь!

— Да что же я могу теперь сдѣлать? Надо посылать за ремнемъ.

— А я почемъ знаю, что̀ тутъ нужно сдѣлать! Да и не мое это дѣло!.. Ну, ступайте, устройте тамъ какъ нибудь!.. Ну, пошлите, распорядитесь. Не стоять же, въ самомъ дѣлѣ, машинѣ!..

Скрутилло, пожимая плечами, ушелъ. Александръ Владиміровичъ былъ сильно взволнованъ.

— Ну, вотъ и полюбуйтесь!—шумѣлъ онъ.—Вотъ тутъ и хозяйничайте, какъ знаете! Да еще съ этакимъ осломъ управляющимъ!..

— Да что же за охота вамъ съ нимъ мучиться? — спросилъ докторъ.

— Я тоже удивляюсь, Александръ, твоему терпѣнію,—замѣтила Валентина Дмитріевна:—ты каждый день такъ сердишься на Скрутилло, такъ разстраиваешь себя. Мнѣ кажется, его давно слѣдовало бы перемѣнить.

— Э, матушка, всѣмъ имъ цѣна одна!—продолжалъ горячиться Александръ Владиміровичъ.—Этотъ, по крайней мѣрѣ, приличный молодой человѣкъ; и притомъ, кажется, не воруетъ. А то попадешь на такого артиста, что всѣхъ насъ продастъ за копѣйку.

— Полноте, Александръ Владиміровичъ, — возразилъ Лопенко:—развѣ нельзя найти хорошаго, честнаго человѣка?

— Намъ тутъ никакіе честные люди не помогутъ... Нѣтъ, Семенъ Тихоновичъ, тутъ будь хоть семи пядей во лбу, разговоръ будетъ одинъ... Надо просто бѣжать отсюда, бѣжать безъ оглядки, куда глаза глядятъ...

Въ дверяхъ, выходившихъ на террасу изъ залы, появился Іонычъ.

— Что тебѣ?—спросилъ его Александръ Владиміровичъ.

— Тамъ... Кулабуховъ пріѣхалъ,—доложилъ Іонычъ.

— Опять! — брезгливо произнесла Валентина Дмитріевна.— Что̀ означаютъ такіе частые визиты господина Кулабухова?

— Ахъ, Боже мой!—заволновалась Клеопатра Аполлоновна.— Неужели вы опять примете его, Александръ Владиміровичъ?.. Только, ради бога, не здѣсь! Я ужасно боюсь его страшной бороды. И притомъ онъ говоритъ такъ громко, такъ сердито.

— А какъ же я смѣю не принять такую важную персону? Вѣдь это, ни много, ни мало, нашъ опекунъ... Поди, Іонычъ, проводи его въ кабинетъ; скажи, что сейчасъ приду...

— Удачный день!—продолжалъ возмущаться Александръ Владиміровичъ.—Нечего сказать! Тамъ—машина стала, тутъ—эта пріятная визитація... Пойдемте, Семенъ Тихоновичъ, побесѣдуемте

съ Терентіемъ Гавриловичемъ! Вдвоемъ веселѣе будетъ. Да и медицина ваша будетъ штука нелишняя... въ случаѣ, звѣрь этотъ станетъ черезчуръ больно кусаться...

Кулабуховъ сидѣлъ въ кабинетѣ и, съ видомъ знатока, бралъ въ руки и разсматривалъ различныя бездѣлушки, лежавшія на столѣ Золотилова.

— Здравствуйте, почтеннѣйшій Терентій Гавриловичъ!—обратился къ нему Александръ Владиміровичъ.—Что скажете намъ хорошенькаго?

— Здравствуйте, батюшка Александръ Владиміровичъ!—сказалъ въ свою очередь, не вставая съ мѣста, Кулабуховъ.—Здравствуйте, Семенъ Тихоновичъ, сосѣдушка дорогой! Все ли вы, батюшка Александръ Владиміровичъ, въ добромъ здоровьицѣ?

— Благодарю. Какъ вы?

— Живемъ помаленьку, пока Богъ грѣхамъ терпитъ. Живемъ да хлѣбъ жуемъ, а, бываетъ, и водочку пьемъ...

— А нашимъ братомъ закусываете?

— Шутить изволите, батюшка Александръ Владиміровичъ, Гдѣ ужь намъ супротивъ вашей милости!..

— Толкуйте. Знаемъ мы васъ!.. Ну, сказывайте, зачѣмъ припожаловали?

— Такъ, дѣльцо маленькое есть....

— Ну?

— Да вотъ, изволите видѣть, хлѣбушекъ вы скоро обмолотите, а мнѣ съ васъ, сами изволите знать, денежки получать время подходитъ.

— Какія такія денежки? Закладной срокъ далеко, а проценты вы подождете.

— Зачѣмъ же такъ-съ? Я вовсе не согласенъ... Вѣдь у меня на этотъ случай документикъ есть.

— Откуда? Какой тамъ еще документикъ?

— А вы изволите припомнить, какъ въ прошломъ году вышла у насъ маленькая, значитъ, неакуратность въ срокахъ,—мы тогда все это привели въ порядокъ, и проценты эти самые вписали въ документикъ. И документику этому теперича подходитъ срокъ.

— Подходитъ или не подходитъ—хлѣбъ я вамъ все равно не отдамъ. У меня еще въ банкъ проценты не внесены.

— Никакъ невозможно-съ, Александръ Владиміровичъ.

— Да что вы, въ самомъ дѣлѣ! — вступился Семенъ Тихоновичъ.—Вѣдь это, Терентій Гавриловичъ, не по сосѣдски! За что вы такъ притѣсняете Александра Владиміровича?

— Никакого притѣсненія тутъ нѣтъ, — невозмутимо продол-

жалъ Кулабуховъ.—А потому собственно, что деньги намъ самимъ очень нужны. Да и порядокъ этотъ самый того требуетъ.

— Какой тутъ порядокъ, помилуйте!—волновался Александръ Владиміровичъ.—Ему изволь отдать хлѣбъ, а тамъ имѣніе съ колоточка... тукъ-тукъ-тукъ!..

— Это какъ вамъ будетъ угодно-съ. Только, сами изволите знать, документикъ—дѣло большое и огорченія тутъ будутъ большія: пріѣдетъ этотъ самый приставъ, всякія тамъ описи, продажи...

— Да вы съ ума сошли...

— Послушайте, Терентій Гавриловичъ!—перебилъ Золотилова докторъ.—Вы, наконецъ, начинаете говорить что-то совсѣмъ несообразное... Да и къ чему все это? Крайности вамъ никакой нѣтъ. Вы всегда можете подождать.

— Насчетъ нашихъ дѣловъ,—отвѣчалъ Кулабуховъ,—вы это разсужденіе, батюшка Семенъ Тихоновичъ, оставьте. Про свои дѣла мы сами довольно хорошо понимаемъ... А впрочемъ,—Кулабуховъ взялся за шапку,—какъ вамъ будетъ угодно-съ... Наше вамъ почтеніе-съ...

— Постойте, постойте!—остановилъ его Александръ Владиміровичъ.—Дайте подумать... Да нѣтъ, я не знаю, что́ тутъ и думать... Вѣдь это,—богъ знаетъ что такое!.. Терентій Гавриловичъ, скажите по совѣсти: неужели вы это серьезно?.. вѣдь вы хорошо понимаете, что я не могу отдать вамъ весь мой хлѣбъ.

— Въ такомъ разѣ пожалуйте денежки. Мы и отъ этого не откажемся. Не хотите отдать хлѣбушекъ,—пожалуйте денежки... Хе-хе-хе!—и Кулабуховъ потрепалъ Золотилова по плечу.—Что? Знать, денежекъ-то нѣтъ? То-то!.. На пшеничкѣ-то мы, видно, скорѣе сойдемся... Вы только распоряженьице сдѣлайте, чтобы тамъ отпустили. А ужь насчетъ цѣны и всего тамъ прочаго—мы на дѣлѣ тогда сговоримся...

— Сговоришься съ вами—какъ разъ!—мрачно сказалъ Александръ Владиміровичъ.—Злодѣй вы, Терентій Гавриловичъ, прямо злодѣй! Вы меня рѣжете... Ну, да ужь такъ и быть: присылайте подводы; сколько нибудь прикажу отпустить... ну, тамъ половину что ль... тогда посмотримъ. Только ужь вы документикъ-то этотъ, того... запрячьте покуда подальше.

— Да ужь будьте спокойны-съ. Все будетъ въ исправности, какъ слѣдуетъ быть... Такъ я, значитъ, буду въ полной надеждѣ?.. До пріятнѣйшаго свиданія-съ!

Кулабуховъ уѣхалъ. Золотиловъ и Лопенко вернулись на террасу.

— Ну что, другъ мой?—спросила мужа Валентина Дмитріевна.

— Да то, другъ мой,—отвѣчалъ Александръ Владиміровичъ:— нашъ Терентій Гавриловичъ совсѣмъ изъ ума выжилъ...

— Бѣдный Александръ Владиміровичъ! — завздыхала Клеопатра Аполлоновна.—Я такъ и знала, что этотъ ужасный человѣкъ разстроитъ васъ... Онъ очень злой человѣкъ и всегда всѣхъ насъ такъ огорчаетъ...

— Огорчаетъ, огорчаетъ!—передразнилъ тещу Золотиловъ.— Не въ огорченіи дѣло, а... Ну, да ужь дождутся у меня когда нибудь эти подлецы!.. Вотъ выиграю я 1-го января двѣсти тысячъ,— Александръ Владиміровичъ поднялъ къ верху угрожающій кулакъ,—тогда всѣхъ этихъ опекуновъ къ чорту!..

На боковой дорожкѣ сада, соединявшей террасу съ выходящей на дворъ калиткой, показался Зеймовичъ. Золотиловъ ахнулъ и даже присѣлъ отъ изумленія.

— Вотъ такъ сюрпризъ!—воскликнулъ онъ, моментально перемѣнивъ тонъ. — Только-что отдѣлался отъ одного опекуна,— другой къ твоимъ услугамъ! Не угодно ли: самъ папаша ползетъ.

— Папаша, папаша!—кричалъ онъ жиду.—Иди назадъ, вернись! Денегъ нѣтъ, и водки нѣтъ, и я на тебя сердитъ.

— Зачѣмъ сердиться!—мягко произнесъ Зеймовичъ, выговаривая слова со всѣми характерными отличіями жидовскаго акцента.—Зачѣмъ сердиться! Хорошіе хозяева не сердятся, и гостю всегда рады.

— Ну-ну, ладно!—перебилъ его хозяинъ.—Пускай будетъ по вашему... Милости просимъ, гость дорогой!

— Здравствуйте вамъ, Александръ Владиміровичъ! Здравствуйте, барыни хорошія! Здравствуйте, господинъ докторъ!— раскланивался на всѣ стороны Зеймовичъ.

Мужчины пожали Зеймовичу руку, а барыни слегка кивнули ему головой. При этомъ, на лицѣ Клеопатры Аполлоновны ясно отразилось чувство непреодолимаго отвращенія и крайняго омерзенія. Хитрый еврей какъ будто ни на что не обращалъ вниманія, но все отлично видѣлъ и замѣчалъ.

— Ну, здравствуйте, Соломонъ Наумовичъ! — сказалъ Александръ Владиміровичъ.—Разсказывайте, что новаго? зачѣмъ пожаловали?.. Только предупреждаю, что денегъ у меня нѣтъ...

— Зачѣмъ намъ деньги?—разсуждалъ Зеймовичъ, подымая къ верху растопыренныя ладони.—Мы и безъ денегъ люди хорошіе. И напрасно мамаша такъ сердито смотритъ на насъ.

Клеопатра Аполлоновна стремительно сорвалась съ мѣста и ушла въ домъ.

— Вотъ и разсердилась мамаша, — невозмутимо продолжалъ

безцеремонный еврей.—А за что разсердилась? Я говорю дѣло. Я всегда дѣло говорю. А за дѣло сердиться не слѣдуетъ. Я вамъ добра желаю. Вотъ и опять скажу: зачѣмъ барыни такія дорогія платья дома носятъ? Эти платья большихъ денегъ стоютъ; а денегъ у насъ нѣтъ...

— Вы забываетесь, господинъ Зеймовичъ!—рѣзко сказала, вся вспыхнувъ, Валентина Дмитріевна. — Какое вамъ дѣло до моего туалета?

— Какое дѣло? Тутъ дѣло самое простое: у васъ денегъ нѣтъ; за деньгами вы придете ко мнѣ, а я денегъ не дамъ. Я люблю давать деньги на дѣло, а не на тряпки. Когда у меня не было денегъ, жена всегда ходила въ ситцевомъ платьѣ.

— Нѣтъ, это, наконецъ, превышаетъ всякое терпѣніе!.. Александръ, надѣюсь, ты этого такъ не оставишь? — внушительно произнесла оскорбленная барыня и гордо удалилась во внутреннія апартаменты.

Зеймовичъ оставался невозмутимъ.

— Ну, вотъ,—продолжалъ онъ свою неторопливую, размѣренную рѣчь,—вотъ и другая барыня разсердилась... Теперь чередъ за докторомъ: пускай и онъ посердится.

— Я не сержусь... я только изумляюсь,—промолвилъ Лопенко.

— Нѣтъ, Соломонъ Наумовичъ, — заговорилъ Золотиловъ, — вѣдь это въ самомъ дѣлѣ ужь черезчуръ! Вы, чортъ знаетъ, что себѣ позволяете! Сейчасъ вы обидѣли жену, а намедни, когда я посылалъ въ городъ, вы даже не отпустили мнѣ водки.

— И не отпущу,—спокойно отвѣчалъ Зеймовичъ. — Зачѣмъ вамъ водка? Безъ водки можно жить. Опять, еслибы вы прислали деньги, я тогда отпустилъ бы. А зачѣмъ я буду отпускать водку безъ денегъ?

— Извольте радоваться! — возмущался Александръ Владиміровичъ. — Да вѣдь елси такъ разсуждать, дѣло можетъ кончиться тѣмъ, что вы заставите меня умереть съ голоду.

— Зачѣмъ умирать!—распѣвалъ жидъ.—Хорошій человѣкъ съ голоду никогда не умретъ. Если вы для меня хороши,—и я для васъ хорошъ.

— Я-то для васъ хорошъ... черезчуръ даже хорошъ! Вы всегда дѣлаете изъ меня дурака.

— Зачѣмъ такъ говорить! Я дѣлаю, что̀ нужно. А вы не такъ: вы часто дѣлаете то, чего совсѣмъ не нужно.

— Напримѣръ?

— А, напримѣръ, зачѣмъ вы дали Кулабухову векселъ?

— А что же мнѣ было дѣлать, когда онъ приставъ ко мнѣ

съ ножемъ къ горлу? Вы думаете, мнѣ это пріятно? Вѣдь Кулабуховъ этимъ проклятымъ векселемъ всю душу изъ меня вытянетъ. Онъ былъ уже сегодня...

— Знаю. А потому и я пріѣхалъ. Кулабуховъ пріѣзжалъ за хлѣбомъ: онъ думаетъ, у васъ есть. А хлѣбъ-то не вашъ, а мой.

— Вотъ это прекрасно! А кто же заплатитъ за меня проценты въ банкъ?

— Не знаю. Да и зачѣмъ мнѣ знать? Хлѣбъ мой, и я его возьму. И больше ничего.

— Соломонъ Наумовичъ! Вы меня этимъ хлѣбомъ зарѣжете!.. Возьмите лучше уголь.

— Какой же уголь? уголь вашъ совсѣмъ плохой; да его пока и нѣтъ. Когда будетъ—возьмемъ; уголь отъ насъ не уйдетъ. А теперь мы возьмемъ хлѣбъ.

— Ни за что!—вспыхнулъ Александръ Владиміровичъ.—Отдать послѣдній хлѣбъ, — это, значитъ, самому наложить на себя руки!.. Тогда ужь все равно!.. не одинъ, такъ другой. Все равно пропадать!..

Зеймовичъ молчалъ и что-то соображалъ. Притихъ и Золотиловъ; въ немъ замѣтно происходила какая-то борьба.

— Соломонъ Наумовичъ! — заговорилъ онъ глухимъ, подавленнымъ голосомъ. — Побойтесь Бога, не губите меня. Умоляю васъ, не губите!

— Не могу,—промолвилъ Зеймовичъ.

Александръ Владиміровичъ вскочилъ, какъ ужаленный, и набросился на жида съ кулаками. На немъ лица не было.

— А, жидъ проклятый! — завопилъ онъ. — Грабитель, кровопійца! Тебѣ мало того, что ты разорилъ меня, ограбилъ; ты хочешь еще издѣваться. Ты хочешь кровь мою по каплѣ пить!..

Александръ Владиміровичъ разразился истерическимъ, нервнымъ плачемъ. Докторъ бросился за водой. Еврей сидѣлъ невозмутимо. Когда нервный припадокъ прошелъ, и Золотиловъ, въ полномъ изнеможеніи, опустился на стулъ, положивъ голову на руки,—Зеймовичъ сталъ говорить:

— Нехорошо. Нехорошо браниться. Даромъ браниться нельзя. Вотъ я хотѣлъ... я думалъ сдѣлать для васъ, а теперь...

— А теперь?—повторилъ за нимъ Золотиловъ.

— Можно и теперь. Только дороже будетъ стоить.

— Берите, сколько хотите! Ну, пятьдесятъ, ну,—сто процентовъ... только заплатите за меня въ банкъ. Не погубите меня.

Вѣдь деньги ваши не пропадутъ! Будутъ же у насъ урожаи. И уголь у насъ будетъ.

— Все будетъ, — тянулъ свою ноту Зеймовичъ.—Только денегъ не будетъ... Ну, такъ и быть: сдѣлаемъ для васъ въ послѣдній разъ,—заплатимъ въ банкъ. И проценты возьмемъ, все какъ слѣдуетъ быть. А за комисію возьмемъ рояль. Рояль хорошій, а Сарочка моя давно такой себѣ желаетъ. Идетъ? Ну, ладно. Теперь присылайте за водкой: теперь мы отпустимъ. Какъ заскучаете очень безъ музыки,—возьмите рюмочку и выпейте. Оно и хорошо.

— Берите все!.. — съ глухимъ отчаяніемъ вымолвилъ Александръ Владиміровичъ.—Дѣлайте, что́ хотите!.. Только не дайте мнѣ умереть съ голоду!..

Зеймовичъ уѣхалъ.

Вечеромъ, въ Благодатное пріѣхалъ самый неожиданный гость—Сергѣй Сергѣевичъ Чарышевъ.

О знаменитомъ директорѣ многоводнаго рудника давно не было никакихъ извѣстій. Когда онъ, года три тому назадъ, исчезъ съ горизонта мѣстной жизни, прошли слухи, что онъ окончательно разстался съ многомилліоннымъ московскимъ тузомъ и будто бы уѣхалъ за границу. Этимъ свѣдѣнія о предпріимчивомъ «піонерѣ каменноугольной промышленности» ограничились, и дальнѣйшій слѣдъ его былъ потерянъ. Теперь оказалось, что Чарышевъ дѣйствительно объѣхалъ опять всю Европу, побывалъ зачѣмъ-то на Уралѣ и Кавказѣ, жилъ послѣ того долго въ Москвѣ, и теперь вернулся на постоянное жительство въ тѣ края, которые онъ не такъ давно осчастливилъ первыми опытами своей промышленно-цивилизаторской дѣятельности. Онъ являлся теперь организаторомъ новаго грандіознаго предпріятія, отъ лица какой-то богатѣйшей англо-американской компаніи. Предпріятіе это состояло въ устройствѣ безчисленнаго множества содовыхъ, химическихъ и всякихъ другихъ заводовъ, предназначавшихся для эксплуатаціи минеральныхъ богатствъ, которыми природа такъ щедро надѣлила этотъ, несомнѣнно имѣвшій блестящую будущность, край. Сергѣй Сергѣевичъ былъ все такой же милый, веселый, остроумный собесѣдникъ, какъ и прежде. Онъ также краснорѣчиво разсказывалъ о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ изъ послѣднихъ путешествій, о феноменальномъ богатствѣ и колоссальныхъ предпріятіяхъ его новыхъ принципаловъ, о позднѣйшихъ, весьма поучительныхъ похожденіяхъ своихъ въ кругу московскихъ комерсантовъ. Между прочимъ, онъ съ неподдѣльнымъ юморомъ описалъ подробности прощальнаго сви-

данія своего съ многомилліоннымъ московскимъ тузомъ, для вразумленія котораго Чарышевъ продѣлалъ маленькую ариѳметическую выкладку: онъ высчиталъ, что въ шахтѣ его надо выкачать триста билліоновъ ведеръ воды, и тогда откроется для выработки пятьсотъ трилліоновъ пудовъ каменнаго угля. Но какъ ни издѣвался Чарышевъ надъ косностью и невѣжествомъ допотопныхъ капиталистовъ, сиднемъ сидящихъ на золотыхъ мѣшкахъ своихъ,—въ общемъ выводѣ онъ отзывался о москвичахъ очень одобрительно.

— Какъ ни говорите, господа, — ораторствовалъ онъ, — но москвичи, или, какъ ихъ здѣсь называютъ, москали—люди хорошіе. Съ ними можно еще дѣла дѣлать. Въ Москвѣ денегъ много, и тамъ знаютъ, какъ обращаться съ деньгами...

— Если это дѣйствительно такъ,—замѣтилъ Золотиловъ,—то фирма Бархатова и Чаузова составляетъ въ нѣкоторомъ родѣ исключеніе...

— Не говорите, Александръ Владиміровичъ! фирма Бархатова и Чаузова—фирма первоклассная. Это люди очень капитальные. Они не спеціалисты въ угольномъ дѣлѣ, но и это дѣло у нихъ пойдетъ, непремѣнно пойдетъ.

— Либо пойдетъ, либо нѣтъ. А пока—рудникъ ихъ спитъ. О немъ ничего и не слышно. Сидитъ тамъ какой-то плохенькій прикащикъ, и что̀ тамъ творится—одному Богу извѣстно.

— На это были причины. Москвичи выжидали время. И время это теперь наступило,—я знаю это изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ. Посмотрите, какъ закипитъ теперь это дѣло! Пройдетъ годъ-другой, — рудникъ Бархатова и Чаузова прогремитъ на всю Россію. Новый управляющій уже назначенъ. И вообще...

Вообще Чарышевъ остался вѣренъ себѣ во всемъ. Онъ и говорилъ теперь совершенно также, какъ прежде: неутомимо, многорѣчиво, краснорѣчиво. Его оживленная болтовня доставила истинное наслажденіе его слушателямъ, и время летѣло для нихъ незамѣтно. Когда Сергѣй Сергѣевичъ началъ прощаться, всѣ были очень удивлены и огорчены тѣмъ, что вечеръ прошелъ черезчуръ скоро... Золотиловъ вышелъ провожать Чарышева на крыльцо. Ночь была теплая, тихая. Іонычъ держалъ въ рукахъ свѣчку.

— Ну, что, Александръ Владиміровичъ,—спросилъ, садясь въ коляску, Сергѣй Сергѣевичъ,—какъ ваши дѣлишки? Поправляются понемножку?

— Поправляются изъ кулька въ рогожку.

— А уголь какъ? достали?

— Достали... Да, видно, правду говоритъ пословица: глупому сыну не въ помощь богатство...

Іонычъ затушилъ свѣчку и продолжалъ стоять въ раздумьѣ на крыльцѣ.

— Вотъ самъ сказалъ,—ворчалъ старикъ:—не въ помощь богатство... такому сыну... И впрямь, какой же онъ сынъ, когда жида пархатаго папашей величаетъ!.. О-охъ, Господи помилуй!.. Грѣхи, грѣхи!.. Грѣхи родителей!..

«Грѣхи родителей»—была любимая поговорка Іоныча.

Е. С—видовъ *).

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

---

*) Въ предъидущей книгѣ, въ имени автора произошла опечатка: вмѣсто буквы *Е* было напечатано: *С*. *Ред.*

ИЗЪ СТАРЫХЪ ПѢСЕНЪ.

I.

Милый другъ, не грусти и судьбу не кляни,
Но минувшія горечь и сладость
Добрымъ словомъ равно ты въ душѣ помяни;
Безконечны одни лишь тяжелые дни,
Но всегда кратковременна радость.
Мимолётною гостьей бываетъ она,
Исчезающей, словно видѣнье,
Оставляя въ душѣ впечатлѣніе сна.
Но зато, какъ вся жизнь хороша и полна,
И отрадна въ такія мгновенья!

II.

Какъ поздней осенью, холодной и туманной,
Подъ мѣрный шумъ дождя, вечернею порой,
Мы грезимъ иногда весной благоуханной,
Волшебно-юною, далекою весной,
И кажется, что вновь нашептываетъ сказки
Завѣтныя свои проснувшійся ручей,
И снова шумъ листвы исполненъ тайной ласки,
И вновь чаруютъ взоръ сіяющія краски,
Гармонія цвѣтовъ и звуковъ, и лучей,—
Такъ въ памяти моей, мгновенно оживая,
Встаютъ счастливые пережитые дни,
И съ ними кажется свѣтлѣе ночь глухая:
Я радуюся имъ, какъ путникъ, что̀, блуждая,
Увидѣлъ вдалекѣ привѣтные огни...

О. Чюмина.

ДОЛОЙ ОРУЖІЕ!

Романъ-хроника Берты фонъ-Зуттнеръ.

XII.

„Милостивая государыня!

„Другъ или, пожалуй, недругъ—все равно—но человѣкъ ающій, который не хочетъ назвать себя, увѣдомляетъ васъ, о вы обмануты, обмануты самымъ предательскимъ образомъ. шъ святоша-супругъ и пріятельница, прикидывающаяся винностью, поднимаютъ на смѣхъ вашу добросердечную дорчивость, бѣдная, ослѣпленная женщина. У меня есть свои ичины сорвать маску съ нихъ обоихъ. Не изъ доброжелаьства къ вамъ дѣйствую я, отлично понимая, что мои раблаченія скорѣе огорчатъ, чѣмъ обрадуютъ васъ. Но вѣдь я зсе и не принадлежу къ числу вашихъ доброжелателей. жетъ быть, я—отвергнутый поклонникъ, замысливший месть... ло тутъ не въ поводѣ, а важенъ самый фактъ. Если же вы требуете доказательствъ, я готовъ ихъ представить. Безъ хъ вы не повѣрите анонимному письму. Прилагаемая заска нечаянно потеряна графинею Гр***“.

Это странное посланіе оказалось, въ одно прекрасное утро, пачкѣ писемъ и газетъ, положенныхъ на столъ, гдѣ мы съ идрихомъ собирались завтракать. Мужъ сидѣлъ противъ ня, распечатывая конверты, адресованные на его имя, пока читала и десять разъ перечитывала письмо отъ „неизвѣстго“. Приложенная къ нему записка была заклеена въ осомъ конвертѣ; на меня напала нерѣшительность: вскрыть) или нѣтъ? Я подняла глаза на Фридриха. Онъ углубился чтеніе утренней газеты, но, вѣрно, почувствовалъ мой взглядъ, гому что обернулся ко мнѣ и ласково спросилъ:

ИЗЪ СТАРЫХЪ ПѢСЕНЪ.

I.

Милый другъ, не грусти и судьбу не кляни,
Но минувшія горечь и сладость
Добрымъ словомъ равно ты въ душѣ помяни;
Безконечны одни лишь тяжелые дни,
Но всегда кратковременна радость.
Мимолётною гостьей бываетъ она,
Исчезающей, словно видѣнье,
Оставляя въ душѣ впечатлѣніе сна.
Но зато, какъ вся жизнь хороша и полна,
И отрадна въ такія мгновенья!

II.

Какъ поздней осенью, холодной и туманной,
Подъ мѣрный шумъ дождя, вечернею порой,
Мы грезимъ иногда весной благоуханной,
Волшебно-юною, далекою весной,
И кажется, что вновь нашептываетъ сказки
Завѣтныя свои проснувшійся ручей,
И снова шумъ листвы исполненъ тайной ласки,
И вновь чаруютъ взоръ сіяющія краски,
Гармонія цвѣтовъ и звуковъ, и лучей,—
Такъ въ памяти моей, мгновенно оживая,
Встаютъ счастливые пережитые дни,
И съ ними кажется свѣтлѣе ночь глухая:
Я радуюся имъ, какъ путникъ, что, блуждая,
Увидѣлъ вдалекѣ привѣтные огни...

О. Чюмина.

ДОЛОЙ ОРУЖІЕ!

Романъ-хроника Берты фонъ-Зуттнеръ.

XII.

„Милостивая государыня!

„Другъ или, пожалуй, нѣдругъ—все равно—но человѣкъ знающій, который не хочетъ назвать себя, увѣдомляетъ васъ, что вы обмануты, обмануты самымъ предательскимъ образомъ. Вашъ святоша-супругъ и пріятельница, прикидывающаяся невинностью, поднимаютъ на смѣхъ вашу добросердечную довѣрчивость, бѣдная, ослѣпленная женщина. У меня есть свои причины сорвать маску съ нихъ обоихъ. Не изъ доброжелательства къ вамъ дѣйствую я, отлично понимая, что мои разоблаченія скорѣе огорчатъ, чѣмъ обрадуютъ васъ. Но вѣдь я вовсе и не принадлежу къ числу вашихъ доброжелателей. Можетъ быть, я—отвергнутый поклонникъ, замысливший месть... Дѣло тутъ не въ поводѣ, а важенъ самый фактъ. Если же вы потребуете доказательствъ, я готовъ ихъ представить. Безъ нихъ вы не повѣрите анонимному письму. Прилагаемая записка нечаянно потеряна графинею Гр***“.

Это странное посланіе оказалось, въ одно прекрасное утро, въ пачкѣ писемъ и газетъ, положенныхъ на столъ, гдѣ мы съ Фридрихомъ собирались завтракать. Мужъ сидѣлъ противъ меня, распечатывая конверты, адресованные на его имя, пока я читала и десять разъ перечитывала письмо отъ „неизвѣстнаго“. Приложенная къ нему записка была заклеена въ особомъ конвертѣ; на меня напала нерѣшительность: вскрыть его или нѣтъ? Я подняла глаза на Фридриха. Онъ углубился въ чтеніе утренней газеты, но, вѣрно, почувствовалъ мой взглядъ, потому что обернулся ко мнѣ и ласково спросилъ:

— Ну, что тамъ такое, Марта? Почему ты смотришь на меня такъ пристально?

— Я хотѣла бы знать: любишь ли ты меня по прежнему?

— Нѣтъ, я давно къ тебѣ охладѣлъ,—пошутилъ онъ.— Впрочемъ, я никогда и не любилъ тебя особенно сильно.

— Этого я не думаю.

— Однако, что съ тобой? Ты поблѣднѣла! Дурныя вѣсти?..

Я колебалась. Показать ему письмо или нѣтъ? Не лучше ли прежде прочесть самой записку, служившую уликой? Она все еще лежала нераспечатанной у меня на колѣняхъ. Безсвязныя мысли осаждали мою голову. Мой Фридрихъ, жизнь моя, мой другъ, мой мужъ, мой повѣренный, любовь моя... неужели ты для меня потерянъ? Но можетъ ли это быть, онъ... измѣнилъ! Нѣтъ, вздоръ: минутный угаръ, вспышка чувственности, это еще не измѣна... Неужели въ моемъ сердцѣ не найдется настолько снисхожденія, чтобы простить почти невольную вину, забыть ее и никогда объ ней не вспоминать, какъ будто ничего не случилось?... Но самый фактъ обмана, лицемѣріе? Да наконецъ онъ, пожалуй, дѣйствительно охладѣлъ ко мнѣ, и хорошенькая, плѣнительная Лори ему милѣе, чѣмъ я?

— Говори же, Марта! Что ты молчишь?.. Покажи мнѣ письмо, такъ напугавшее тебя.—Онъ протянулъ за нимъ руку.

— На вотъ, возьми.

Я передала ему листокъ, оставивъ у себя нераспечатанную записку.

Фридрихъ пробѣжалъ глазами анонимное посланіе, вскрикнулъ отъ гнѣва, съ проклятіемъ смялъ письмо и вскочилъ со стула.

— Какая низость! А гдѣ же улика?

— Вотъ она; я не хотѣла распечатывать приложенной записки. Скажи одно слово, Фридрихъ, и она сейчасъ полетитъ въ огонь. Я *не хочу* никакихъ уликъ противъ тебя!

— О, ты, моя единственная!..—Онъ былъ уже возлѣ и страстно прижималъ меня къ себѣ.—Сокровище мое! Взгляни мнѣ въ глаза—неужели ты можешь сомнѣваться въ моей безграничной любви! Довольно ли тебѣ одного моего слова?

— Да,—сказала я и швырнула конвертикъ въ каминъ.

Но онъ не попалъ на тлѣвшіе уголья, а остался лежать у рѣшетки. Подскочившій Фридрихъ торопливо схватилъ его.

— Нѣтъ, нѣтъ, этого не надо уничтожать: мнѣ очень любопытно... вотъ мы посмотримъ вмѣстѣ. Я рѣшительно не помню, чтобы мнѣ приходилось писать твоей подругѣ что нибудь мало-мальски намекавшее на любовную интригу между нами... которой никогда не было.

— Но ты нравишься ей, Фридрихъ... Тебѣ стоитъ подать ей малѣйшій поводъ..,

— Ты думаешь?.. Поди сюда, разсмотримъ этотъ документъ... Дѣйствительно: мой почеркъ! Ахъ, вотъ что! Это тѣ самыя двѣ строки, которыя ты продиктовала мнѣ нѣсколько недѣль тому назадъ, когда у тебя была порѣзана правая рука:

„Дорогая Лори!

„Приходи къ намъ. Я съ нетерпѣніемъ жду тебя въ 5 часовъ вечера.

Марта (все еще калѣка)“.

— Найдшій записку, очевидно, не понялъ значенія скобокъ... Это не больше, какъ забавное недоразумѣніе. Слава богу, что такая „подавляющая“ улика не сгорѣла; теперь моя невиновность доказана. Или ты все еще продолжаешь насъ подозрѣвать?

— Съ той минуты какъ ты взглянулъ мнѣ въ глаза, всѣ мои подозрѣнія разсѣялись... Знаешь, Фридрихъ, я была бы ужасно убита твоей измѣной, но простила бы тебя... Лори кокетка и прехорошенькая... Скажи, она не дѣлала тебѣ авансовъ? Ты качаешь головой... Впрочемъ, тебѣ и нельзя поступить иначе. Въ данномъ случаѣ, ты имѣешь полное право, ты почти обязанъ даже солгать мнѣ. Мужчинѣ не слѣдуетъ выдавать женщину, все равно, принялъ ли онъ, или отвергъ ея благосклонность.

— Такъ ты простила бы мнѣ увлеченіе? Значитъ, ты не ревнива?

— Нѣтъ, ревнива, Фридрихъ, страшно ревнива... Когда я представлю себѣ, что ты у ногъ другой женщины и пьешь блаженство съ ея устъ, а ко мнѣ охладѣлъ... утратилъ всякое пылкое чувство, мнѣ кажется, что я не въ силахъ этого перенести! Впрочемъ, я не боюсь, чтобъ ты меня разлюбилъ,

твое сердце не охладѣетъ ко мнѣ ни при какихъ обстоятельствахъ, это я отлично сознаю... наши души слишкомъ срослись между собою, но...

— Понимаю. Однако ты не имѣешь повода воображать, чтобы я относился къ тебѣ, какъ мужъ послѣ серебряной свадьбы. Для этого мы женились еще слишкомъ молодыми. Пока во мнѣ не угасъ страстный пылъ, не смотря на мой сорокалѣтній возрастъ, этотъ огонь будетъ горѣть для тебя. Для твоего Фридриха, ты—единственная женщина въ мірѣ. И еслибъ даже я подвергся искушенію, то твердо-намѣренъ преодолѣть его. Счастье, заключающееся въ сознаніи, что ты свято сохранилъ клятву вѣрности, гордое спокойствіе совѣсти, съ которымъ можешь сказать себѣ, что тѣсный союзъ любви ни въ какомъ отношеніи не оскверненъ тобою,—всѣмъ этимъ я слишкомъ дорожу, для того чтобы принести такое благо въ жертву преходящей вспышкѣ страсти. Кромѣ того, ты сдѣлала изъ меня безусловно счастливаго человѣка, милая Марта, и потому я стою выше всего, что̀ называется угаромъ любви, увлеченіемъ, удовольствіемъ. Они не соблазняютъ меня, какъ не могутъ соблазнить обладателя золотыхъ слитковъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ.

Какую отраду вливали мнѣ въ душу его слова! Я положительно была готова благодарить автора безъименнаго посланія за то, что онъ доставилъ мнѣ эти сладкія минуты. Каждое слово нашего разговора было занесено мною въ дневникъ. Еще и теперь я могу прочитать эту замѣтку отъ 1-го апрѣля 1865 года. Но какъ далеко, какъ далеко то блаженное время!

Фридрихъ, напротивъ, былъ страшно разсерженъ случившимся. Онъ клялся разыскать клеветника и раздѣлаться съ нимъ, какъ слѣдуетъ. Однако эта курьезная тайна была обнаружена мною въ тотъ же день. Но тотъ, кто затѣялъ глупую штуку, едва ли предвидѣлъ, что она приведетъ насъ обоихъ, т. е. меня и Фридриха, къ еще болѣе тѣсному сближенію. Послѣ полудня, я отправилась къ моей подругѣ, Лори, съ цѣлью показать ей письмо и такимъ образомъ предупредить эту вѣтряницу, что у нея есть недоброжелатели, которые напрасно на нее клевещутъ. Я думала, что мы обѣ посмѣемся надъ авторомъ письма, попавшимъ въ такой просакъ.

Но Лори хохотала больше, чѣмъ я отъ нея ожидала.

— Такъ, значитъ, ты перепугалась!

— Да, смертельно перепугалась, а все же хотѣла сжечь приложенную обличительную записку непрочитанной.

— Тогда вся шутка пропала бы даромъ...

— Какая шутка?

— Да вѣдь ты увѣрила бы себя потомъ, что я тебя и въ самомъ дѣлѣ обманываю. Позволь кстати покаяться тебѣ, что однажды, въ минуту шалости—это было послѣ обѣда у твоего отца, гдѣ я выпила слишкомъ много шампанскаго — мнѣ пришла въ голову глупая идея признаться твоему мужу... однимъ словомъ, я, такъ сказать, приподнесла ему на подносѣ свое сердце...

— Ну, что же онъ?

— Онъ во-время остановилъ меня, говоря, что любитъ тебя больше всего на свѣтѣ и твердо намѣренъ оставаться вѣрнымъ тебѣ до гроба. Вотъ, чтобы ты могла оцѣнить, какъ слѣдуетъ, такую феноменальную супружескую вѣрность, я и продѣлала всю эту штуку.

— Да какую штуку? о чемъ ты толкуешь?

— Но вѣдь анонимное письмо съ приложеніемъ послано мною...

— Тобою?.. Рѣшительно ничего не понимаю!

— Да развѣ ты не перевернула страницы въ приложенной запискѣ?.. Вотъ смотри: тутъ моя подпись и число— *первое апрѣля*.

XIII.

Ближе, все ближе! Я испытала на себѣ, что способность сближенія любящихъ сердецъ безгранична, какъ напримѣръ, дѣлимость. При видѣ крошечной частицы какого нибудь вещества, кажется, что ужь нельзя представить себя ничего менѣе, а—смотришь—она дѣлится на двое; такъ и двое сердецъ: повидимому, они до того слились въ одно, что болѣе тѣсное сближеніе между ними немыслимо, но нѣтъ: какой нибудь толчекъ извнѣ, и еще плотнѣе, еще ближе сплетаются другъ съ другомъ, проникаютъ другъ въ друга сердечные атомы.

Такое дѣйствіе произвели на насъ довольно глупая шутка Лори для перваго апрѣля и еще другое обстоятельство, случившееся вскорѣ послѣ того. Я заболѣла сильной нервной горячкой и пролежала въ постели шесть недѣль. Это тяжелое время, однако, оставило по себѣ много счастливыхъ воспоминаній и еще сильнѣе повліяло на вышеупомянутый процессъ прогрессивнаго сліянія двухъ близкихъ сердецъ. Привязался ли ко мнѣ Фридрихъ еще сильнѣе изъ страха потерять меня, или его любовь стала еще понятнѣе мнѣ, когда онъ ухаживалъ за мной въ продолженіе болѣзни, но только съ тѣхъ поръ я сознавала, что меня любятъ еще больше, еще сильнѣе прежняго.

Перспектива умереть, конечно, представлялась мнѣ ужасной. Во-первыхъ, я жалѣла жизни, въ которой было столько прекраснаго, такъ много счастья, а потомъ мнѣ было бы слишкомъ тяжело покинуть Фридриха, съ которымъ я охотно дожила бы до старости, и Рудольфа, котораго мнѣ хотѣлось воспитать хорошимъ человѣкомъ. Но и по отношенію къ мужу мысль о смерти пугала меня; я понимала, какъ нельзя лучше, какое горе причинитъ ему потеря любимой жены... Нѣтъ, нѣтъ, люди счастливые и любимые дорогими имъ существами не могутъ не бояться смерти и пренебрегать жизнью. Когда страшный недугъ держалъ меня въ своей власти, ежеминутно угрожая мнѣ гибелью, я мысленно сравнивала себя съ солдатами на полѣ сраженія, подъ градомъ пуль, и ясно представляла себѣ чувства этихъ людей, если они любятъ жизнь и знаютъ, что ихъ смерть приведетъ въ отчаяніе близкихъ.

— У солдата есть только одно преимущество передъ больнымъ горячкой — сознаніе исполненнаго долга, — замѣтилъ мужъ, когда я высказала ему свою мысль.—Но я согласенъ съ тобою: относиться къ смерти равнодушно и даже радоваться ей—что̀ намъ постоянно предписываютъ—не въ состояніи ни одинъ счастливый человѣкъ. Такъ могли умирать только воины прежняго времени, которые подвергались всевозможнымъ лишеніямъ и которымъ было нечего терять внѣ войны, или же тѣ, кто лишь цѣною своей жизни могъ избавить себя и своихъ братьевъ отъ позора и неволи.

Когда опасность миновала, какъ наслаждалась я своимъ выздоровленіемъ, возвратомъ силъ! То былъ праздникъ для

насъ обоихъ. Это напоминало наше счастье, когда мы свидѣлись послѣ шлезвигъ-гольштинской войны, однако въ иномъ родѣ. Тамъ радость наступила внезапно, а здѣсь понемногу, да къ тому же съ тѣхъ поръ мы стали еще ближе другъ къ другу, и это сближеніе шло все впередъ.

Отецъ ежедневно навѣщалъ меня во время болѣзни и очень безпокоился обо мнѣ, однако я знала, что онъ не особенно принялъ бы къ сердцу мою смерть. Младшихъ сестеръ, Розу и Лили, онъ любилъ больше меня, но дороже всѣхъ былъ ему Отто. Я же, послѣ своихъ двухъ браковъ, сдѣлалась отрѣзаннымъ ломтемъ отъ семьи, да, кромѣ того, мое второе замужство и, пожалуй, рѣзкое различіе въ образѣ мыслей создали между нами нѣкоторое отчужденіе. Когда я совершенно поправилась—это случилось въ половинѣ іюня—отецъ собрался въ Грумицъ и сильно настаивалъ, чтобы я поѣхала туда вмѣстѣ съ нимъ, захвативъ съ собою и Рудольфа. Но Фридрихъ не могъ оставить Вѣны по своимъ служебнымъ обязанностямъ, а потому я предпочла поселиться на лѣто по близости города и наняла себѣ дачу въ Гитцингѣ, куда мужъ могъ пріѣзжать ежедневно.

Мои сестры—по обыкновенію, подъ надзоромъ тети Мари—отправились въ Маріенбадъ. Въ послѣднемъ письмѣ изъ Праги Лили писала мнѣ, между прочимъ:

„Должна тебѣ сознаться, что кузенъ Конрадъ становится мнѣ вовсе непротивнымъ. Во время нѣсколькихъ котильоновъ, я была не прочь отвѣтить ему: „да“, еслибы онъ поставилъ мнѣ соотвѣтствующій вопросъ. Но кузенъ не съумѣлъ уловить благопріятнаго момента. Передъ самымъ же нашимъ отъѣздомъ, онъ хотя и возобновилъ свое предложеніе, но тутъ на меня нашелъ капризъ еще разъ отказать ему. Я ужь такъ привыкла издѣваться надъ бѣдняжной Конрадомъ, что едва онъ только успѣетъ вымолвить свою стереотипную фразу: „А что, Лили, не согласишься ли ты выйти за меня замужъ?“ какъ мой языкъ самъ по себѣ, помимо моей воли, сейчасъ и сболтнетъ: „Ни за что на свѣтѣ“. Впрочемъ, на этотъ разъ я прибавила: „можешь спросить меня объ этомъ еще разъ черезъ полгода“. Я намѣрена испытать свое сердце въ продолженіе лѣта. Если я стану скучать о Конрадѣ, если меня во снѣ и наяву будетъ преслѣдовать мысль о немъ—какъ это дѣлается

со мною теперь—наконецъ, если ни на водахъ, ни позже, во время охотничьяго сезона, ни одинъ мужчина не произведетъ на меня впечатлѣнія, то я уступлю настояніямъ упрямаго кузена".

Вмѣстѣ съ тѣмъ, тетя Мари писала мнѣ (у меня случайно сохранилось только это ея письмо):

„Милое дитя мое! Ну, ужь помучилась я за эту зиму! Хоть бы Роза и Лили поскорѣе сдѣлали хорошія партіи. Жениховъ-то у нихъ, положимъ, много — вѣроятно, тебѣ извѣстно, что каждая изъ твоихъ сестеръ въ теченіе карнавальнаго сезона отказала, по крайней мѣрѣ, троимъ претендентамъ, не считая нашего неунывающаго Конрада. Теперь вотъ опять начнется для меня новое мученье въ Маріенбадѣ. Я съ такимъ удовольствіемъ поѣхала бы въ Грумицъ, а между тѣмъ мнѣ предстоитъ продолжать свою неблагодарную и утомительную роль дуэньи двухъ молоденькихъ дѣвушекъ, у которыхъ на умѣ одни выѣзды и веселье. Твое выздоровленіе доставило мнѣ большую радость. Теперь, когда ты внѣ опасности, я могу сказать, что мы ужасно боялись за тебя. Твой мужъ писалъ намъ все время такія отчаянныя письма: ему казалось каждую минуту, что ты сейчасъ умрешь. Но, слава богу, это не было назначено тебѣ судьбою. Заказанныя мною за твое здоровье девять обѣденъ въ монастырѣ урсулинокъ, вѣроятно, способствовали твоему спасенію. Да сохранитъ тебя Господь для твоего Руди. Кланяйся отъ меня милому мальчику и скажи, чтобъ онъ хорошенько учился. Посылаю ему одновременно съ этимъ письмомъ двѣ книги: „Благочестивое дитя и его ангелъ-хранитель"—прелестная исторія—и „Отечественные герои"—собраніе военныхъ разсказовъ для мальчиковъ. Надо развивать въ немъ патріотизмъ какъ можно раньше. Твоему брату Отто не было еще и пяти лѣтъ, какъ я уже разсказывала ему про Александра Македонскаго, Цезаря и другихъ великихъ завоевателей, зато онъ теперь только и бредитъ военными подвигами, и изъ него вышелъ такой молодецъ-юноша.

„Я узнала, что ты хочешь провести лѣто вблизи Вѣны, вмѣсто того чтобы поѣхать въ Грумицъ. Вотъ ужь это напрасно. Воздухъ въ Грумицѣ былъ бы тебѣ гораздо полезнѣе, чѣмъ въ пыльномъ Гитцингѣ, да и бѣдный папа станетъ

скучать въ одиночествѣ. Вѣроятно, тебѣ не хочется оставить мужа, но, по моему, и обязанностями къ отцу не слѣдовало бы пренебрегать. Тиллингъ также могъ бы отъ времени до времени пріѣзжать къ вамъ на денекъ. Повѣрь моей житейской опытности: супругамъ не слѣдуетъ вѣчно торчать другъ у друга на глазахъ. Я замѣтила, что тѣ браки счастливѣе, гдѣ мужъ и жена предоставляютъ одинъ другому извѣстную свободу. Ну, до свиданія однако! Береги свое здоровье, чтобъ у тебя опять не сдѣлался рецидивъ болѣзни, и обдумай хорошенько мой совѣтъ: не ѣзди лучше въ Гитцингъ. Да хранитъ небо тебя и твоего Руди — это всегдашняя горячая молитва къ Богу твоей любящей тети Мари".

„P. S. У твоего мужа вѣдь есть родные въ Пруссіи (къ счастью, онъ не такой задира, какъ его соотечественники); пусть бы онъ освѣдомился, что̀ толкуютъ теперь въ Берлинѣ насчетъ положенія политическихъ дѣлъ, которое, какъ поговариваютъ, очень сомнительно".

XIV.

Только благодаря этому письму тети Мари, я вспомнила о существованіи „политическихъ дѣлъ", о которыхъ, признаться, и не помышляла послѣ того, какъ былъ заключенъ миръ. До и послѣ моей болѣзни, я, по обыкновенію, много читала газетъ и еженедѣльныхъ журналовъ, обозрѣній и книгъ, но передовыя статьи въ листкахъ пропускались мною безъ вниманія. Вообще, когда меня не пугалъ вопросъ: „быть или не быть войнѣ?" я не находила никакого интереса въ этомъ переливаньѣ изъ пустаго въ порожнее, оставаясь совершенно равнодушной къ внѣшней и внутренней политикѣ. Только теперь я опомнилась и принялась наверстывать потерянное, чтобы узнать, что̀ у насъ творится.

— Скажи, пожалуйста, мой не особенно задорный прусакъ, — обратилась я къ Фридриху — что такое подразумѣваетъ тетя Мари подъ этимъ выраженіемъ: „сомнительно?" Развѣ теперь опять возникли какія нибудь „политическія дѣла?"

— Къ несчастью, они, какъ погода, вѣчно были, есть и будутъ, причемъ въ нихъ, какъ и въ погодѣ, всегда обнару-

живается большое непостоянство, предательская измѣнчивость...

— Ну, такъ разскажи же мнѣ. Неужели все еще идутъ толки о герцогствахъ на берегахъ Эльбы? Развѣ съ ними не порѣшили окончательно?

— Болѣе чѣмъ когда нибудь толкуютъ о нихъ, и это дѣло нисколько не порѣшено. Шлезвигъ-гольштинцы имѣютъ большую охоту совершенно избавиться отъ прусаковъ, — отъ „забіякъ“, какъ прозвали ихъ теперь. „Лучше принадлежать Даніи, чѣмъ Пруссіи“,—повторяютъ они данный имъ срединными государствами лозунгъ. И знаешь ли, какъ передѣлана на новый ладъ пѣсня о странѣ, „опоясанной моремъ?“

Шлезвигъ и Гольштинія, родные отъ вѣка,
Выживаютъ отъ себя прусаковъ.

— Ну, а что же Аугустенбургъ? Вѣдь они его наконецъ получили? О, не говори мнѣ, Фридрихъ, что они его не получили... Вѣдь изъ-за этого единственнаго законнаго наслѣдника престола, котораго такъ домогались заполучить на свой тронъ бѣдныя, угнетенныя датчанами, герцогства, и возгорѣлась несчастная война, едва не стоившая мнѣ твоей жизни. *Твоей* жизни, подумай только! Оставь же мнѣ, по крайней мѣрѣ, утѣшеніе, что необходимый для европейскаго равновѣсія Аугустенбургъ утвержденъ наконецъ въ своихъ правахъ и царствуетъ надъ нераздѣльными герцогствами. На этомъ словѣ: „нераздѣльныя“ я также сильно настаиваю: это старинное историческое право, обезпеченное за Шлезвигомъ и Гольштиніей нѣсколько вѣковъ назадъ, да и происхожденіе его мнѣ было еще такъ трудно прослѣдить.

— Плохо приходится твоимъ историческимъ притязаніямъ, моя бѣдная Марта,—разсмѣялся Фридрихъ, — объ Аугустенбургѣ ничего не слышно, не считая его напоминаній о самомъ себѣ въ издаваемыхъ имъ протестахъ и манифестахъ.

Съ тѣхъ поръ я опять стала слѣдить за „политическими осложненіями“ и узнала слѣдующее: не смотря на подписанный протоколъ, при заключеніи вѣнскаго мира, собственно ничего еще не было утверждено и признано. Шлезвигъ-гольштинскій вопросъ перешелъ всевозможныя фазы, но колебался болѣе, чѣмъ когда либо. Аугустенбургъ и Ольденбургъ поспѣшили заявить свои права на собраніи союза, послѣ

отказа Глюксбурга отъ своей кандидатуры. Провинція Лауэнбургъ настойчиво добивалась своего присоединенія къ Пруссіи. Никому не было извѣстно, какъ распорядятся союзники съ завоеванными ими провинціями. Каждая же изъ этихъ державъ подозрѣвала другую въ стремленіи къ захвату.

— Чего, наконецъ, хочетъ эта Пруссія?—съ неудовольствіемъ твердятъ и Австрія, и срединныя государства, и герцогства. Наполеонъ III совѣтуетъ Пруссіи присвоить себѣ герцогства до сѣвернаго Шлезвига включительно, гдѣ говорятъ уже на датскомъ языкѣ. Однако Пруссія пока не думаетъ объ этомъ. Между тѣмъ, 22-го февраля 1865 года, ея притязанія формулируются окончательно слѣдующимъ образомъ: прусскія войска остаются въ завоеванныхъ земляхъ; послѣднія обязаны предоставить въ распоряженіе Пруссіи всѣ свои военныя силы на сушѣ и на морѣ, за исключеніемъ нѣкотораго контингента, обязаннаго служить германскому союзу. Гавань Киля должна быть занята прусаками. Почта и телеграфы переходятъ также въ ихъ руки, и оба герцогства должны присоединиться къ таможенному союзу. Эти требованія—ужь не знаю, почему — сердятъ нашего министра Менсдорфа-Понилли. А еще того больше, ужь окончательно не знаю почему... вѣроятно, изъ зависти,—этого главнаго рычага въ устройствѣ дѣлъ „внѣшней политики“,—сердятся на прусаковъ срединныя государства. Они настойчиво домогаются, какъ можно скорѣе, безотлагательно посадить Аугустенбурга на герцогскій тронъ, утвердить его во всѣхъ правахъ. Но тутъ вмѣшивается въ дѣло Австрія и говоритъ, совершенно игнорируя Аугустенбурга: „занять кильскую гавань я позволяю, но противъ рекрутированья солдатъ и матросовъ возстаю“.

Дальше въ лѣсъ, больше дровъ. Пруссія заявляетъ, что она въ своихъ требованіяхъ имѣетъ въ виду лишь интересы германскаго союза, а ничуть не стремится къ присвоенію герцогствъ. Подъ условіемъ исполненія этихъ требованій, Аугустенбургъ можетъ хоть сейчасъ вступить на шлезвигъ-гольштинскій тронъ; если же эти необходимыя и разумныя притязанія не будутъ удовлетворены, тогда—повышая голосъ—Пруссія, пожалуй, будетъ вынуждена потребовать и бо́льшаго. Противъ ея угрожающаго голоса немедленно поднимается концертъ другихъ насмѣшливыхъ, злыхъ, науськиваю-

щихъ голосовъ. Въ срединныхъ государствахъ и въ Австріи общественное мнѣніе все сильнѣе возстаетъ противъ прусаковъ, и въ особенности противъ Бисмарка. 27-го іюня, срединныя государства рѣшаются, наконецъ, обратиться къ великимъ державамъ за разъясненіями, однако (вѣдь всякія разъясненія вовсе не въ ходу въ дипломатической сферѣ, гдѣ, напротивъ, все должно оставаться „шито да крыто“) великія державы предпочитаютъ переговариваться лишь между собою. Король Вильгельмъ ѣдетъ въ Гаштейнъ; императоръ Францъ-Іосифъ въ Ишль. Графъ Бломе летаетъ отъ одного къ другому, причемъ по нѣкоторымъ пунктамъ происходятъ соглашенія: оккупація должна быть на половину прусской, на половину австрійской. Лауэнбургъ — по его собственному желанію— присоединяется къ Пруссіи. За эту территоріальную уступку Австрія получаетъ два съ половиной милліона талеровъ вознагражденія. Послѣднее обстоятельство положительно не въ состояніи возбудить во мнѣ патріотической радости. Что толку тридцатишести-милліонному населенію Австріи въ этой ничтожной суммѣ, еслибъ даже австрійцы и подѣлили ее между собою? Можетъ ли она замѣнить мнѣ хотя бы тѣ сотни тысячъ гульденовъ, которыя я потеряла при крахѣ банка „Шмита съ сыновьями“ вслѣдствіе войны? А ужь о тѣхъ, кто понесъ болѣе чувствительныя потери въ лицѣ своихъ близкихъ, и говорить нечего... Но что меня радуетъ, такъ это договоръ, подписанный 14-го августа въ Гаштейнѣ. „Договоръ“,—это слово звучитъ такъ пріятно, обѣщая упроченіе мира. Только позднѣе я убѣдилась, что международные договоры большею частью заключаются для того, чтобы, посредствомъ ихъ нарушенія, когда представится благопріятный случай, вызвать то, что носитъ названіе: „casus belli“. Тутъ стоитъ только, чтобы одно государство обвинило другое въ „неуваженіи“ къ трактату, и сію же минуту, подъ видомъ лицемѣрной защиты признанныхъ правъ, мечи выхватываются изъ ноженъ.

Мнѣ, однако, этотъ гаштейнскій договоръ принесъ успокоеніе. Раздоръ какъ будто улегся. Генералъ Габленцъ— славившійся красотой и кружившій всѣ женскія головы,— былъ назначенъ намѣстникомъ въ Гольштинію; Мантейфель въ Шлезвигъ.

Но отъ моего излюбленнаго, полученнаго въ 1640 году удостовѣренія, что обѣ страны вѣчно останутся „нераздѣльными“, мнѣ пришлось таки совсѣмъ отказаться. Да и любезному моему Аугустенбургу, интересамъ котораго я заставила себя сочувствовать только съ великимъ трудомъ, сильно не везло. Когда этотъ принцъ однажды вздумалъ явиться въ Шлезвигъ-Гольштинію и принять радостныя манифестаціи своихъ вѣрноподданныхъ, Мантейфель заявилъ ему, что если онъ въ другой разъ покажется туда безъ разрѣшенія, то его немедленно арестуютъ. Ну, кто не увидитъ въ этомъ остроумной шутки музы Кліо, тотъ не смыслитъ ни бельмеса въ юмористическихъ „Fliegende Blätter“ самой исторіи!

XV.

Не смотря на гаштейнскій трактатъ, дѣла не налаживались. Испуганная письмомъ тети Мари и послѣдовавшими затѣмъ объясненіями, я опять регулярно прочитывала передовыя статьи о политикѣ и всюду разузнавала о господствующихъ мнѣніяхъ. Такимъ образомъ, мнѣ было нетрудно слѣдить за всѣми фазами неунимавшагося спора. Что онъ можетъ привести къ войнѣ, этого я не опасалась. Такіе процессуальные вопросы вѣдь слѣдуетъ рѣшать путемъ разбирательства, тщательнаго разсмотрѣнія правъ и притязаній каждаго, и на основаніи этого ставить справедливый приговоръ. Происходящія теперь собранія министровъ, сеймы союза, переговоры между государственными людьми и дружественными монархами, конечно, устранятъ недоразумѣнія по этому, въ сущности, неважному вопросу—говорила я себѣ и скорѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ тревогой, слѣдила за ходомъ дѣла, различныя перипетіи котораго старательно записывались мною въ красныхъ тетрадкахъ.

1-го октября 1865 года, на франкфуртскомъ собраніи депутатовъ, приняты слѣдующія постановленія: 1) Самостоятельность шлезвигъ-гольштинскаго народа остается въ прежней силѣ. Гаштейнскій договоръ отвергается націей, какъ правонарушеніе. 2) Всѣ народные представители должны отказывать въ уплатѣ податей и отбываніи повинностей государ-

ствамъ, которыя держутся практиковавшейся до сихъ поръ политики насилія. 15-го октября, прусскій королевскій синдикъ отвергаетъ права принца Аугустенбурга на герцогскій тронъ, такъ какъ покойный отецъ послѣдняго отказался за себя и своихъ потомковъ отъ всякихъ притязаній этого рода, за вознагражденіе въ полтора милліона талеровъ. По вѣнскому мирному договору, герцогства отошли къ Германіи, слѣдовательно, Аугустенбургу рѣшительно нечего теперь домогаться.

„Наглость, дерзость“! отзывается остальная Германія о рѣчахъ, которыя ведутся въ Берлинѣ, и „прусская задирчивость“ входитъ въ пословицу. „Надо ея остерегаться“. Эти слова возводятъ повсюду въ догматъ. „Король Вильгельмъ корчитъ изъ себя нѣмецкаго Виктора-Эммануила“. „Австрія втайнѣ питаетъ намѣреніе отвоевать обратно Силезію“. „Пруссія заигрываетъ съ Франціей“. „Австрія заигрываетъ съ Франціей“... et patati et patatà, какъ говорятъ французы... У насъ по нѣмецки это называется „тричтрачъ“ и, къ несчастью, практикуется между кабинетами великихъ державъ съ неменьшимъ усердіемъ, чѣмъ между провинціальными кумушками за чашкой кофе.

На зиму вся наша семья опять съѣхалась въ Вѣну. Сестры отлично повеселились на богемскихъ водахъ, но ни одна изъ нихъ пока еще не была помолвлена. Акціи Конрада стояли великолѣпно. Во время охотничьяго сезона, онъ также пріѣзжалъ въ Грумицъ, и хотя при этомъ удобномъ случаѣ рѣшительное слово все таки не было произнесено, однако и онъ, и Лили, повидимому, освоились съ мыслью, что они въ скоромъ времени соединятся узами брака. Что же касается меня, то, не смотря на убѣдительныя просьбы отца, я отказалась погостить у него даже и осенью. Фридриху не дали отпуска, а разставаться съ нимъ было для меня такою мукой, что мнѣ не хотѣлось подвергаться ей безъ крайней необходимости. Кромѣ того, я имѣла еще другую причину отказываться отъ продолжительныхъ визитовъ въ Грумицъ: мнѣ было очень не по душѣ, что дѣдушка старался развивать въ Рудольфѣ воинственный духъ. Охота къ военной службѣ, къ которой я вовсе не предназначала своего сына, ужь и безъ того сказывалась въ ребенкѣ. Вѣроятно, это было у него въ крови. Потомокъ длиннаго ряда воиновъ естественно долженъ родиться съ воин-

ственными задатками. Въ сочиненіяхъ по естественнымъ наукамъ, въ которыя я вникала теперь съ бо̀льшимъ усердіемъ, чѣмъ когда либо, часто говорилось о могущественной силѣ наслѣдственности, о такъ называемыхъ „врожденныхъ наклонностяхъ“, представляющихъ ничто иное, какъ стремленіе слѣдовать привычкамъ, усвоеннымъ предками.

Къ рожденью мальчика дѣдушка опять подарилъ ему саблю.

— Но вѣдь ты знаешь, папа,—съ досадой замѣтила я,—что Рудольфъ не будетъ солдатомъ; поэтому серьезно прошу тебя...

— Такъ ты хочешь сдѣлать изъ него матушкина сынка? По всѣмъ вѣроятіямъ, это тебѣ не удастся. Хорошая солдатская кровь всегда скажется... Когда нашъ малый выростетъ, онъ самъ избереть себѣ карьеру, а лучше той, отъ которой ты его хочешь устранить, не найти нигдѣ.

— Марта боится подвергать своего единственнаго сына опасностямъ войны,—замѣтила тетя Мари, присутствовавшая при нашемъ разговорѣ.—Она забываетъ, что кому назначено умереть, того постигнетъ смерть и въ постели, какъ на войнѣ.

— Значитъ, если на войнѣ погибло сто тысячъ человѣкъ, то они перемерли бы въ такой же срокъ и въ мирное время?

Но тетю Мари было трудно сбить съ толку.

— Значитъ, этимъ ста тысячамъ такъ ужь было на роду написано погибнуть отъ войны.

— А еслибъ люди были настолько разсудительны, чтобы совсѣмъ не воевать?—спросила я.

— Ну, это невозможно!—воскликнулъ отецъ, и мы опять заспорили съ нимъ о предметѣ, часто вызывавшемъ насъ обоихъ на противорѣчіе.

Однако наши диспуты обыкновенно кончались ничѣмъ. Одна сторона постоянно приводила все тѣ же доказательства, другая ихъ опровергала. Ни къ чему иному не приложима въ такой степени басня о гидрѣ, какъ къ чудовищу, называемому „устоявшимся мнѣніемъ“, ходячей моралью. Едва отрубишь ему одну голову, опровергнувъ одинъ изъ его аргументовъ, и готовишься отрубить другую, какъ первая снова отростаетъ.

У моего отца было нѣсколько излюбленныхъ доводовъ въ пользу войны, не поддававшихся никакому опроверженію: 1) Войны установлены самимъ Богомъ-Господомъ воинствъ,—что̀

мы видимъ изъ священнаго писанія. 2) Онѣ всегда были, значитъ, всегда и будутъ. 3) Человѣчество достигло бы чрезмѣрнаго размноженія безъ этого періодическаго децимированія. 4) Продолжительный миръ разслабляетъ людей, дѣлаетъ ихъ малодушными и, какъ стоячая вода порождаетъ гніеніе, такъ онъ порождаетъ порчу нравовъ. 5) Войны—лучшее средство для развитія въ людяхъ самопожертвованія, геройства, вообще для закаливанія характера. 6) Люди вѣчно будутъ ссориться; полное согласіе во всемъ немыслимо; различные интересы непремѣнно будутъ сталкиваться между собою: значитъ, вѣчный миръ — нелѣпость. Ни одинъ изъ этихъ тезисовъ, а въ особенности ни одно изъ выводимыхъ отсюда заключеній не выдерживаютъ критики, если серьезно за нихъ приняться; но каждый служитъ оплотомъ для защитника войны, стѣной, за которой онъ укрывается, когда не въ силахъ отстоять своихъ прочихъ аргументовъ. А пока рушится новое укрѣпленіе, онъ успѣваетъ опять воздвигнуть старыя.

Напримѣръ, если сторонникъ человѣческой бойни загнанъ въ уголъ и не можетъ болѣе поддержать своего доказательства подъ № 4, а долженъ согласиться, что мирное время несравненно болѣе, чѣмъ война, способствуетъ нравственному возвышенію человѣчества, развитію общественнаго благосостоянія и культуры, то онъ говоритъ:

— Ну да, все это такъ, война несомнѣнно есть зло, но зло неизбѣжное.—И сейчасъ ссылка на №№ 1 и 2.

Когда же вы докажете, что ее можно избѣгнуть путемъ союза между государствами, третейскаго суда и т. п., вамъ отвѣтятъ:

— Конечно, можно, но этого дѣлать не надо, потому что: (слѣдуетъ ссылка на № 5).

Тутъ сторонникъ мира разбиваетъ и эту отговорку, доказывая, что война, напротивъ, деморализуетъ людей, что отъ нея они становятся грубыми, утрачиваютъ гуманность.

— И съ этимъ можно, пожалуй, согласиться, однако же... № 3-й.

Между тѣмъ, послѣдній аргументъ, приводимый панегиристами войны, представляетъ самую лицемѣрную натяжку. Скорѣе ужь имъ могутъ воспользоваться тѣ, кто ненавидитъ войну, но хочетъ подыскать какое нибудь основаніе такому

страшному явленію, какой нибудь, такъ сказать, извинительный моментъ, обусловленный самой природой; но кто любитъ въ душѣ войну и хлопочетъ о ея поддержкѣ, тотъ навѣрно не имѣетъ въ виду благоденствія будущихъ поколѣній. Насильственное децимированіе современнаго человѣчества посредствомъ убійства, искусственно вызванныхъ повальныхъ болѣзней, обѣдненія, конечно, направлено не къ тому, чтобы избавить потомство отъ различныхъ невзгодъ; еслибы потребовалось человѣческое вмѣшательство, чтобъ положить предѣлъ чрезмѣрному росту населенія ради общаго блага, то для этого нашлись бы иныя, болѣе разумныя средства, чѣмъ веденіе войны. Значитъ, этотъ выводъ не болѣе какъ увертка, однако же къ ней прибѣгаютъ съ успѣхомъ, потому что она обладаетъ свойствомъ ставить противника втупикъ. Этотъ аргументъ отзывается ученостью и какъ будто даже проникнутъ высшимъ человѣколюбіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, нужно же намъ позаботиться, чтобъ нашимъ милымъ потомкамъ, имѣющимъ родиться тысячу лѣтъ спустя, не стало бы до такой степени тѣсно на земномъ шарѣ, чтобъ они не могли шевельнуть локтемъ! Этотъ № 3 сбиваетъ съ толку многихъ защитниковъ мира. Въ подобныхъ вопросахъ, относящихся къ области естественныхъ наукъ и политической экономіи, смыслитъ не всякій; немногимъ извѣстно, что равновѣсіе между смертностью и дѣторожденіемъ возстановляется само собою, что природа создаетъ губительныя условія для жизни человѣческихъ существъ не съ цѣлью помѣшать ихъ чрезмѣрному размноженію, а совсѣмъ наоборотъ: она увеличиваетъ плодородіе тѣхъ, кто подвергается бо̀льшимъ опасностямъ. Такъ, послѣ войны, число рожденій возрастаетъ и потеря вознаграждается, тогда какъ продолжительный миръ и благоденствіе приводятъ къ противоположнымъ результатамъ; слѣдовательно, чрезмѣрный ростъ населенія—это призрачное пугало—въ сущности вовсе не угрожаетъ человѣчеству. Однако, въ подобныхъ вещахъ мы еще не отдаемъ себѣ яснаго отчета, а только инстинктивно чувствуемъ что-то неладное въ знаменитомъ доводѣ № 3; по крайней мѣрѣ, въ немъ замѣтно просвѣчиваетъ лицемѣріе. Въ опроверженіе его обыкновенно приводится извѣстная пословица: „Раньше насъ приняты мѣры къ тому, чтобъ деревья не

вростали въ небо", да вѣдь и не это имѣютъ въ виду стоящіе у кормила правленія...

— Вы, пожалуй, правы, однако же...—И опять на сцену выступаетъ № 1.

Такимъ образомъ, споръ идетъ до безконечности, ни дать, ни взять, какъ пресловутая сказка „про бѣлаго бычка". Человѣкъ съ воинственными наклонностями твердо стоитъ на своемъ: его разсужденія постоянно вертятся въ заколдованномъ кругу, и сколько вы ни гоняйтесь за нимъ, никогда его не поймаете.—Война ужаснѣйшее зло, но она должна быть.—Допустимъ, что ей не надо быть, но она великое благо. Этотъ недостатокъ послѣдовательности обнаруживаютъ всѣ, кто по *замалчиваемымъ причинамъ* или даже безъ причины—просто инстиктивно—защищаетъ какое нибудь дѣло и съ этой цѣлью пускаетъ въ ходъ всѣ слышанныя имъ фразы и общія мѣста, на какія принято ссылаться въ данномъ случаѣ. Что приводимые аргументы исходятъ изъ различнѣйшихъ точекъ зрѣнія, что они не только не подтверждаютъ другъ друга, но иногда стоятъ въ явномъ противорѣчіи, это нимало не смущаетъ спорящаго. Онъ опирается на тѣ или другіе выводы не потому, чтобы дошелъ до нихъ путемъ собственнаго размышленія или же личнаго опыта, — нѣтъ, онъ подтверждаетъ свои предвзятыя мнѣнія, безъ разбора кидаясь на выводы, сдѣланные другими.

Въ ту эпоху, когда мнѣ часто приходилось спорить съ отцомъ на тему о войнѣ и мирѣ, я еще невполнѣ ясно сознавала то, что̀ высказываю теперь; только позднѣе у меня выработалась привычка слѣдить за коварными ухищреніями человѣческаго ума въ своей собственной головѣ и у другихъ. Помню только, что безплодная полемика утомляла меня и приводила въ уныніе. Теперь мнѣ понятно, что моя усталость обусловливалась бѣганьемъ въ заколдованномъ кругу, къ чему принуждалъ меня отецъ. Наши диспуты кончались обыкновенно тѣмъ, что онъ пожималъ плечами съ видомъ состраданія и говорилъ: „Ты этого не понимаешь". И его слова, какъ относившіяся къ области военнаго дѣла, конечно, должны были звучать крайне убѣдительно въ устахъ заслуженнаго генерала, возражавшаго молодой, неопытной женщинѣ.

XVI.

Вотъ наступила и новогодняя ночь... Опять мы сидѣли всей семьей за пуншемъ и торжественнымъ ужиномъ въ домѣ моего отца, когда пробилъ первый часъ этого роковаго года. И какой веселый выдался тогда у насъ праздникъ! Вмѣстѣ съ сильвестровымъ вечеромъ праздновалась и помолвка сестры Лили съ кузеномъ Конрадомъ. Едва часовая стрѣлка остановилась на двѣнадцати и на улицѣ раздалось нѣсколько выстрѣловъ въ знакъ торжественнаго момента, какъ мой неунывающій кузенъ обнялъ сидѣвшую съ нимъ рядомъ дѣвушку, къ немалому изумленію присутствующихъ, поцѣловалъ ее въ губы и спросилъ:

— Ну, что жъ, согласна ты, наконецъ, выйти за меня въ 66-мъ году?

— Согласна,—отвѣчала она:—я люблю тебя, Конрадъ.

Тутъ пошло чоканье бокаловъ, поздравленія, объятія...

— Да здравствуютъ женихъ съ невѣстой!—За здоровье Конрада и Лили! — Господь да благословитъ союзъ вашъ, дѣти мои!

— Поздравляю отъ души, кузенъ.—Будь счастлива, сестра,—и т. д., и т. д. Всѣ мы были растроганы и вмѣстѣ съ тѣмъ рады, хотя къ этому чувству, пожалуй, у нѣкоторыхъ изъ насъ примѣшивалось что-то въ родѣ зависти. Какъ смерть—самое печальное, самое достойное сожалѣнія событіе, такъ любовь, освященная для жизнетворнаго брачнаго союза,—самое свѣтлое и завидное чувство. Я, конечно, не могла завидовать младшей сестрѣ, потому что уже достигла дѣйствительнаго и прочнаго обладанія тѣмъ счастьемъ, которое предстояло ей только впереди. Но моя радость по случаю ея помолвки слегка омрачалась сомнѣніемъ: „такое полное супружеское счастье, какимъ подарилъ меня Фридрихъ, едва ли выпадетъ на долю бѣдняжкѣ Лили“,—думалось мнѣ... „Положимъ, Конрадъ прелестный человѣкъ, но... другаго Фридриха не сыщешь“!

Отецъ положилъ конецъ поздравленіямъ, позвонивъ о стаканъ своимъ кольцомъ съ печатью на мизинцѣ, и поднялся, собираясь произнести рѣчь.

— Мои милые дѣти и друзья,—заговорилъ онъ приблизительно въ такихъ выраженіяхъ,—начало шестьдесятъ шестаго года выдалось для насъ особенно благополучнымъ. При самомъ его наступленіи, исполнилось мое завѣтное желаніе, такъ какъ я давно мечталъ назвать Конрада своимъ зятемъ. Будемъ надѣяться, что въ этотъ счастливый годъ и наша Роза очутится подъ дамскимъ чепчикомъ, а къ Мартѣ съ Тиллингомъ прилетитъ съ подаркомъ аистъ... Вамъ, докторъ Брессеръ, желаю многочисленныхъ паціентовъ, что впрочемъ не вяжется съ многократными пожеланіями добраго здоровья, которыми мы только что такъ усердно обмѣнивались... Тебѣ, дорогая Мари, позволь пожелать—разумѣется, на томъ условіи, если такъ „предопредѣлено“, потому что я знаю и почитаю твой фатализмъ:—или главный выигрышъ по билету внутренняго займа, или полную индульгенцію твоихъ грѣховъ, или, вообще, чего ты сама себѣ желаешь... Тебѣ, мой Отто, приличнѣе всего пожелать самыхъ лучшихъ отмѣтокъ на выпускныхъ экзаменахъ, а также всевозможныхъ солдатскихъ добродѣтелей и познаній, чтобы со временемъ ты сдѣлался украшеніемъ арміи и гордостью своего престарѣлаго отца... И себѣ — старику—долженъ же я пожелать чего нибудь пріятнаго, а такъ какъ старикъ ставитъ выше всего благоденствіе и славу родимой Австріи, то дай Богъ, чтобъ наступающій годъ принесъ нашему отечеству крупныя выгоды, чтобы австрійцы отвоевали себѣ обратно Ломбардію, а не то, пожалуй, и Силезію... Нельзя знать, что готовится намъ въ близкомъ будущемъ, и весьма вѣроятно, что эта, отнятая у великой Маріи-Терезіи, страна опять перейдетъ къ намъ отъ дерзкихъ прусаковъ...

Мнѣ помнится, что заключеніе застольной рѣчи, произнесенной моимъ отцемъ, вызвало натянутость въ нашемъ кружкѣ. Никто изъ насъ не стремился къ обладанію Ломбардіей и Силезіей, никого онѣ особенно не соблазняли, а мысль о новой войнѣ и связанныхъ съ нею общественныхъ бѣдствіяхъ и личныхъ страданіяхъ не гармонировала съ кроткою радостью, наполнившей наши сердца въ этотъ часъ, освященный новымъ союзомъ любви. Я даже отважилась на возраженіе:

— Нѣтъ, милый отецъ, не говори такимъ образомъ:

вспомни, что вѣдь и итальянцы, и прусаки празднуютъ теперь наступленіе новаго года... Не надо желать имъ несчастья. Пусть лучше наступившій 66-й годъ и послѣдующіе года сдѣлаютъ людей добрѣе, *согласнѣе* и счастливѣе.

Отецъ пожалъ плечами.

— Ахъ, ты, мечтательница, — замѣтилъ онъ съ сожалѣніемъ.

— Вовсе нѣтъ,—вступился за меня Фридрихъ.—Выраженное Мартой желаніе основано не на безплодныхъ мечтахъ, потому что за его осуществленіе ручаются намъ выводы науки. Люди постепенно становятся добрѣе, согласнѣе и счастливѣе, начиная съ незапамятныхъ временъ и до нынѣшняго дня, но это происходитъ до того медленно, что въ такой короткій срокъ, какъ одинъ годъ, нельзя замѣтить никакой перемѣны къ лучшему.

— Но, если вы такъ твердо вѣрите въ вѣчный прогрессъ человѣчества,—перебилъ отецъ,—откуда же тогда ваши частыя жалобы на реакцію, на возвращеніе къ варварству?..

— А вотъ откуда, — отвѣчалъ Фридрихъ.—Онъ вынулъ изъ кармана карандашъ и начертилъ спираль на клочкѣ бумаги...—Ходъ цивилизаціи подобенъ этой фигурѣ... Развѣ эта линія, не смотря на изгибы назадъ, не подвигается неуклонно впередъ? Начинающійся годъ, конечно, можетъ представлять собою одинъ изъ такихъ изгибовъ, въ особенности если у насъ—чему есть много данныхъ—опять будетъ война, а военное время, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ моральномъ отношеніи, всегда значительно отодвигаетъ культуру назадъ.

— Солдату не слѣдовало бы говорить такимъ образомъ, любезный Тиллингъ.

— Я обсуждаю общественный вопросъ, дорогой тесть, и мой взглядъ на дѣло можетъ быть вѣренъ или ошибоченъ, но причемъ же тутъ „солдатская“ точка зрѣнія? Правда для всѣхъ только одна... Если какая нибудь вещь выкрашена въ красный цвѣтъ, неужели мы должны называть ее изъ принципа голубой, если носимъ голубой мундиръ, или черной, если на насъ черная ряса?

— Черная... что?—нѣсколько запальчиво произнесъ мой отецъ.

У него было привычка во время непріятнаго спора прикидываться немножко тугимъ на ухо. Повторять цѣлую рѣчь на такіе „что“, разумѣется, очень скучно и оппонентъ обыкновенно предпочитаетъ отказаться отъ возраженій.

Въ ту же ночь, послѣ нашего возвращенія домой, я принялась выпытывать мужа.

— Что такое говорилъ ты давеча отцу?.. По твоему, мы опять будемъ драться въ этомъ году? Такъ знай, что я не отпущу тебя больше ни въ какой походъ, ни за что не отпущу!

— Что толку въ твоихъ страстныхъ возраженіяхъ, дорогая Марта? Развѣ они приведутъ къ чему нибудь? Ты сама возьмешь ихъ назадъ, въ виду непреодолимыхъ обстоятельствъ. Чѣмъ вѣроятнѣе перспектива войны, тѣмъ невозможнѣе для меня хлопотать теперь объ отставкѣ. Сейчасъ послѣ окончанія шлезвигъ-гольштинской кампаніи это было бы еще кстати...

— Ахъ, эти несчастные „Шмитъ съ сыновьями!“...

— Теперь же, когда надвигаются новыя тучи...

— Такъ ты въ самомъ дѣлѣ полагаешь, что...

— Полагаю, что тучи разсѣются... Не станутъ же двѣ великихъ державы рвать одна другую въ куски изъ-за какого-то маленькаго клочка земли на сѣверѣ! Но, разъ на политическомъ горизонтѣ собирается военная гроза, мой выходъ въ отставку можетъ быть истолкованъ трусостью. Теперь ты понимаешь?

Такимъ доводамъ я должна была покориться, но твердо уцѣпилась за надежду на то, что „облака еще разсѣются“. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила я съ тѣхъ поръ за развитіемъ политическихъ событій и за ходившими въ то время слухами о войнѣ; вникала въ разговоры, прочитывала газеты. „Вооружаться, вооружаться!“ стало теперь лозунгомъ. Пруссія вооружается втихомолку. Австрія вооружается втихомолку. Прусаки утверждаютъ, будто бы мы вооружаемся, но это не правда, они сами вооружаются. Тѣ отрицаютъ: нѣтъ, не правда; это австрійцы вооружаются. Если же они вооружаются, намъ нужно дѣлать то же. Если мы разоружимся, кто знаетъ, послѣдуютъ ли они нашему примѣру? Такъ, слово: „вооруженіе“ со всевозможными варіантами повторялось во-

кругъ меня на разные лады. „Но зачѣмъ это бряцанье оружіемъ, когда ни у кого нѣтъ на умѣ нападать на сосѣда?“ спросила я однажды, и отецъ отвѣчалъ мнѣ старинной пословицей: Si vis pacem, para bellum, т. е. мы вооружаемся только изъ предосторожности.—Ну, а другіе какъ же?—Съ намѣреніемъ напасть на насъ.—Но вѣдь и они увѣряютъ, что только готовятся къ оборонѣ противъ нашего нападенія?—Это все одно притворство коварнаго врага.—А вотъ они тоже обвиняютъ насъ въ коварствѣ.—Это для нихъ только предлогъ, чтобы вооружаться.

Опять таки заколдованный кругъ, змѣя, кусающая себя за хвостъ... Такая метода устрашенія годится лишь на то, чтобъ импонировать врагу, желающему войны, но когда двѣ державы одинаково стремятся къ миру, имѣютъ въ виду одинаковыя цѣли, имъ нечего придерживаться этой системы. Но тутъ выходитъ, что каждая изъ нихъ увѣрена въ полной неискренности другой. И это убѣжденіе становится непоколебимымъ именно въ томъ случаѣ, когда одна сторона скрываетъ подъ маской миролюбія враждебныя стремленія, въ которыхъ обвиняетъ другую. Не одни авгуры, но и дипломаты могутъ улыбаться про себя, угадывая, что̀ кроется въ душѣ каждаго за декорумомъ публичныхъ церемоній и рѣчей... Итакъ, обоюдныя приготовленія къ войнѣ—подъ видомъ стараній быть только „наготовѣ“ про всякій случай—продолжались въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ года. 12 марта, мой отецъ вбѣжалъ къ намъ въ гостинную, сіяя отъ радости.

— Ура!—воскликнулъ онъ.—Добрыя вѣсти...

— Разоруженіе?—съ живостью спросила я.

— Вотъ еще выдумала! Напротивъ: вчера происходилъ большой военный совѣтъ... Наши дѣла поставлены блистательно: мы располагаемъ громадными военными силами, и онѣ находятся въ полной готовности... Пускай теперь попляшетъ забіяка-прусакъ. Австрія въ любую минуту можетъ выставить 800,000 войска. Бенедекъ, отличнѣйшій изъ нашихъ стратеговъ, назначенъ главнокомандующимъ съ неограниченными полномочіями... Говорю тебѣ между нами, дитя: Силезія наша; стоитъ намъ только захотѣть...

— О, Боже мой, Боже,—простонала я,—неужели опять постигнетъ насъ этотъ бичъ? Можно ли быть настолько без-

совѣстнымъ, чтобы изъ пустаго честолюбія, изъ жадности къ территоріальнымъ пріобрѣтеніямъ...

— Успокойся, мы не настолько честолюбивы, не настолько жадны до новыхъ завоеваній, какъ тебѣ кажется. Мы хотимъ—(т. е. не я хочу: по моему, непремѣнно слѣдовало бы какъ можно скорѣе отвоевать Силезію), — правительство хочетъ сохраненія мира, и оно уже не разъ заявляло объ этомъ. Между тѣмъ, неслыханный составъ нашей дѣйствующей арміи, что̀ обнаружилось вчера изъ донесеній императору на военномъ совѣтѣ, долженъ внушить респектъ остальнымъ державамъ... Пруссіи первой придется прикусить языкъ и перестать зазнаваться передъ Европой... У насъ, славу богу, есть еще о чемъ поговорить и въ шлезвигъ-гольштинскомъ вопросѣ; мы никогда не потерпимъ, чтобы другое крупное государство черезчуръ распространило свою власть и взяло перевѣсъ надъ нами въ германскомъ союзѣ. Тутъ затрогивается уже наша честь, нашъ престижъ, а тамъ—чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ—дѣло коснется и самаго существованія Австріи. Вѣдь вотъ ты этого совсѣмъ не понимаешь! Главная суть въ борьбѣ за гегемонію, за преобладаніе, крошечный Шлезвигъ играетъ тутъ послѣднюю роль—онъ служитъ лишь однимъ предлогомъ и при иныхъ обстоятельствахъ намъ можно было бы на него просто наплевать, но теперь нашъ великолѣпный военный совѣтъ ясно доказалъ, *кому* предстоитъ занять первенствующее мѣсто, *кто* имѣетъ силу предписывать условія сосѣдямъ: потомки ли мелкаго бранденбургскаго курфюрста, или тѣ, кто происходитъ отъ длиннаго ряда римско-германскихъ императоровъ! Я считаю миръ обезпеченнымъ. Но если другіе будутъ продолжать нагло заноситься передъ нами и сдѣлаютъ войну неизбѣжной, то побѣда несомнѣнно останется за нами и новый походъ принесетъ намъ неисчислимыя выгоды. Для насъ такая развязка желательна во всѣхъ отношеніяхъ и было бы хорошо...

— Ну да, конечно, ты желаешь этого, отецъ, а съ тобою и весь военный совѣтъ! Мнѣ, по крайней мѣрѣ, пріятно, когда люди высказываются откровенно... Ужь такъ гораздо лучше, чѣмъ лицемѣрно увѣрять народъ и сторонниковъ мира, будто бы всякія ваши мѣропріятія по заготовкѣ оружія и

усиленію арміи предпринимаются съ миролюбивыми цѣлями, якобы близкими вашему сердцу. Если ужь вы показываете зубы, сжимаете кулаки, то не шепчите при этомъ нѣжныхъ словъ; если вы дрожите отъ нетерпѣнія обнажить мечъ, не дѣлайте вида, будто бы ваша рука изъ одной предосторожности берется за рукоятку оружія.

Я продолжала еще говорить въ такомъ же духѣ дрожащимъ голосомъ и съ возрастающимъ волненіемъ. Сбитый съ толку отецъ не возражалъ мнѣ ничего. Наконецъ, я не выдержала и разразилась слезами.

XVII.

Наступило время колебанія между страхомъ и надеждою. Сегодня толковали: „миръ обезпеченъ“, завтра: „война неизбѣжна“! Большинство держалось послѣдняго мнѣнія, не потому, чтобы обстоятельства указывали на необходимость кровавой развязки, а на томъ основаніи, что если ужь разъ произнесено слово: „война“, то какъ бы долго ни затягивались дипломатическія преніи, какъ бы долго ни колебался вопросъ то въ одну, то въ другую сторону, дѣло все таки кончится войной—это давно показалъ намъ опытъ. Маленькое, незамѣтное яичко, заключающее въ себѣ „casus belli“, высиживается крайне тщательно до тѣхъ поръ, пока изъ него не вылупится чудовище.

Ежедневно заносила я въ красныя тетрадки послѣдовательныя фазы разроставшейся распри и знала тогда, да не забыла и до настоящаго времени, *какъ* подготовлялась и *какъ* разразилась роковая „война 66-го года“. Безъ этихъ замѣтокъ въ моемъ дневникѣ, конечно, я находилась бы въ такомъ же невѣдѣніи объ этомъ отрывкѣ исторіи, въ какомъ обрѣтается большинство людей, посреди разыгрывающихся передъ ними историческихъ событій. Обыкновенно большинству населенія неизвѣстно, почему и какъ наступаетъ война; сначала ее нѣкоторое время ждутъ, а потомъ она приходитъ—вотъ вамъ и все. А ужь когда она пришла, тогда тѣмъ болѣе никто не спрашиваетъ о мелкихъ интересахъ и разногласіяхъ, которыя ее вызвали; тутъ каждый занятъ крупными событі-

ями, совершающимися въ военное время. Но вотъ война миновала; тогда большинство людей помнитъ только пережитые имъ ужасы, тревоги, опасенія, понесенныя потери или же полученныя выгоды, тріумфы, но о политическихъ причинахъ, вызвавшихъ кампанію, больше не вспоминаютъ. Въ историческихъ сочиненіяхъ и очеркахъ, появляющихся послѣ каждаго похода подъ заглавіями въ родѣ слѣдующаго: „Война такого-то года съ исторической и стратегической точки зрѣнія", перечисляются всѣ мотивы международной распри и всѣ перипетіи похода; кого это интересуетъ, тотъ можетъ почерпнуть здѣсь нужныя свѣдѣнія; въ *памяти* же народа недавнее происшествіе перестаетъ жить. Точно также, черезъ какихъ нибудь два-три года, изглаживаются и чувства ненависти и досады, и народный энтузіазмъ, и жажда побѣды надъ врагомъ, съ которыми населеніе привѣтствуетъ начало войны, изъ-за чего наступающую кампанію громко величаютъ „популярною".

24 го марта, Пруссія издаетъ циркуляръ, въ которомъ жалуется на грозныя мѣропріятія Австріи относительно вооруженія.—Почему—видите ли—мы не разоруживаемся, если не хотимъ угрожать?—Но какъ же намъ разоружиться, судите сами: 28 марта, со стороны прусаковъ слѣдуетъ приказъ по арміи, что крѣпости въ Силезіи и два армейскихъ корпуса должны быть приведены въ полнѣйшую готовность... Вотъ тебѣ и разъ! 31 марта—слава богу!—Австрія объявляетъ, что всѣ слухи о ея вооруженіи втихомолку—несправедливы; она вовсе не думаетъ нападать на Пруссію, а потому требуетъ, чтобы Пруссія прекратила свои приготовленія къ войнѣ. Пруссія отвѣчаетъ: мнѣ и на мысль не приходило нападать на Австрію, но она стала до того увеличивать свои военныя силы, что я принуждена, въ свою очередь, держаться наготовѣ къ нападенію. Послѣ того, обѣ державы затягиваютъ на два голоса безконечную пѣсню:

Я вооружаюсь ради обороны;
Ты вооружаешься съ цѣлью нападенья.
Мнѣ нельзя иначе: глядя на тебя,
Я вооружаюсь лишь изъ опасенья.
Такъ вооружаемся обѣ мы съ тобою,
И вооружаемся больше все и больше (bis).

Газетный оркестръ усердно акомпанируетъ этому дуэту. Авторамъ передовыхъ статей—раздолье: они плаваютъ въ блаженствѣ, погружаясь въ неисчерпаемое море такъ называемой „политики предположеній“. Мелкая пресса раздуваетъ страсти, науськиваетъ, хвастается, клевещетъ. Въ печати появляются историческія сочиненія о семилѣтней войнѣ съ явнымъ намѣреніемъ разжечь старинную вражду.

Тѣмъ временемъ, державы продолжаютъ обмѣниваться нотами. 7-го апрѣля, Австрія еще разъ офиціально опровергаетъ слухи о своемъ вооруженіи, однако же дѣлаетъ намекъ на словесное заявленіе Бисмарка въ бесѣдѣ съ Кайроли, насчетъ того, что „гаштейнскимъ договоромъ можно и пренебречь“.—Значитъ, судьбы народовъ должны зависѣть отъ того, что̀ скажутъ подъ вліяніемъ минутнаго каприза двое дипломатовъ о томъ или другомъ трактатѣ? И что за толкъ, вообще, во всѣхъ этихъ договорахъ, если соблюденіе ихъ зависитъ лишь отъ доброй воли контрагентовъ, а не гарантируется никакою высшею властью третейскаго суда?

На австрійскую ноту Пруссія, отъ 15 апрѣля, отвѣчаетъ, что взводимое на нее обвиненіе несправедливо; впрочемъ она стоитъ на томъ, что Австрія вооружилась на границахъ и это обстоятельство оправдываетъ ея собственное вооруженіе. Если Австрія дѣйствительно не думаетъ о нападеніи, то пусть разоружится первая.

Вѣнскій кабинетъ отвѣчаетъ: мы согласны разоружиться 25-го числа текущаго мѣсяца, если Пруссія обѣщаетъ на другой же день послѣдовать нашему примѣру. Пруссія изъявляетъ готовность. Наконецъ-то я вздохнула свободно! Значитъ, не смотря на всѣ угрожающіе признаки, миръ не будетъ нарушенъ. И я поспѣшила занести въ свой дневникъ этотъ поворотъ къ лучшему.

Напрасно поторопилась! Возникаютъ новыя затрудненія. Австрія говоритъ, что ей можно разоружиться только на сѣверныхъ границахъ; на югѣ же этого нельзя, потому что оттуда ей грозитъ Италія. Пруссія въ отвѣтъ: если Австрія не согласна на *полное* разоруженіе, то и мы желаемъ оставаться вооруженными. Тутъ поднимаетъ голосъ Италія: ей нимало не приходило на умъ нападать на Австрію, но послѣ ея теперешняго заявленія она сама будетъ вооружаться. Теперь

ужь хорошенькая пѣсенка о необходимости обороны распѣвается на три голоса. Я опять позволяю немного убаюкать себя этой мелодіей. Вѣдь, послѣ такихъ громкихъ и неоднократныхъ заявленій, никто не посмѣетъ напасть на сосѣда, а если не будетъ ни съ чьей стороны попытки къ нападенію, откуда же взяться войнѣ? Принципъ, въ силу котораго однѣ оборонительныя войны считаются справедливыми, успѣлъ настолько привиться къ обществу, что ни одно правительство не рискнетъ напасть на сосѣднее государство, а если другъ противъ друга стоятъ одни *защитники*, то какъ бы ни были они грозно вооружены, какъ бы твердо ни рѣшались дойти до ножей, все же имъ нельзя фактически нарушить мира.

Какое заблужденіе! Какъ будто, кромѣ прямаго наступленія, нѣтъ иныхъ средствъ открыть враждебныя дѣйствія! Тутъ могутъ послужить благовиднымъ предлогомъ интересы какой нибудь незначительной землицы, ея нарушенныя права, предъявленныя къ ней несправедливыя требованія, на защиту которыхъ можно выступить съ вооруженной силой; или опять очень удобно вытащить на свѣтъ божій старинные договоры, чтобы, придравшись къ ихъ нарушенію, обнажить оружіе. Въ крайнемъ случаѣ, остается еще одинъ якорь спасенія, за который всегда легко ухватиться; этотъ якорь—пресловутое „европейское равновѣсіе“. Если одна или другая держава слишкомъ расширяетъ свое могущество, вы сейчасъ же можете энергически воспротивиться ея посягательствамъ и двинуть свои войска противъ этого непріятеля „въ видахъ охраненія европейскаго равновѣсія“. Менѣе явно, но съ бо́льшимъ ожесточеніемъ дѣйствуетъ долго раздуваемая ненависть, которая, въ концѣ концовъ, также страстно и неудержимо стремится къ кровопролитію, какъ неудовлетворенная любовь къ живительнымъ объятіямъ.

Къ веснѣ настаетъ бурный періодъ, когда событія быстро смѣняются одно другимъ. Австрія до того рѣшительно заступается за Аугустенбурга, что Пруссія немедленно усматриваетъ въ этомъ нарушеніе гаштейнскаго договора и явновраждебныя намѣренія со стороны дружественной державы. Вслѣдъ за тѣмъ оба государства спѣшатъ вооружиться какъ можно надежнѣе, и Саксонія также беретъ съ нихъ примѣръ. Со всѣхъ концовъ бьютъ тревогу. „Война въ виду, война въ

виду!“ трубятъ газеты и то же самое слышится во всѣхъ разговорахъ. Я чувствую себя такъ, какъ будто нахожусь на кораблѣ въ открытомъ морѣ и жду съ минуты на минуту грозной бури...

Самымъ ненавистнымъ человѣкомъ въ Европѣ и мишенью для всевозможныхъ нападокъ является теперь Бисмаркъ. 7-го мая происходитъ покушеніе на его жизнь. Имѣлъ ли въ виду Блиндъ—злоумышленникъ—отвратить своимъ поступкомъ надвигавшуюся бурю? И удалось ли бы ему достичь этой цѣли, еслибъ онъ убилъ берлинскаго дипломата?

Я получаю изъ Пруссіи отъ тети Корнеліи письма, изъ которыхъ видно, что тамъ народъ менѣе всего желаетъ войны. У насъ господствуетъ всеобщій энтузіазмъ, и перспектива борьбы съ прусаками возбуждаетъ воинственное одушевленіе, а „милліонъ отборнаго войска“, стоящаго наготовѣ, волнуетъ патріотической гордостью сердца австрійскихъ гражданъ, а въ Пруссіи обнаруживается внутренній разладъ. Бисмаркъ и въ своемъ отечествѣ подвергается не меньшимъ нападкамъ и клеветамъ, чѣмъ въ Австріи. Ходятъ слухи, будто бы ландверъ отказывается участвовать въ „братоубійственной“ войнѣ; толкуютъ также, что императрица Августа бросилась къ ногамъ своего супруга, умоляя его сохранить миръ. О, съ какою радостью упала бы я рядомъ съ нею на колѣни и увлекла за собою всѣхъ, всѣхъ своихъ сестеръ, заставивъ ихъ молить о томъ же. Вотъ къ чему слѣдовало бы стремиться всѣмъ женщинамъ: „Миръ, миръ! Долой оружіе!“ Что, еслибъ наша красавица—императрица также бросилась къ ногамъ своего супруга и со слезами, поднявъ руки, молила его о разоруженіи? Но кто знаетъ? Можетъ быть, она и дѣлала это; пожалуй, самъ императоръ искренно желалъ поддержанія мира, однако давленіе со стороны его совѣтниковъ, ораторовъ, писакъ и крикуновъ сдѣлало свое дѣло. И не мудрено: для единичной личности—даже на высотѣ царскаго трона—слишкомъ трудно сопротивляться такой неодолимой силѣ.

XVIII.

1-го іюня, Пруссія заявляетъ на союзномъ сеймѣ, что она немедленно приступитъ къ разоруженію, если Австрія съ

Саксоніей подадутъ въ томъ примѣръ. На это изъ Вѣны тотчасъ отвѣтили, что Пруссія уже давно намѣревается напасть на Австрію въ союзѣ съ Италіей, и потому Австрія готова предоставить на полное усмотрѣніе германскаго союза дѣла съ эльбскими герцогствами. Оеновременно съ тѣмъ, она намѣрена созвать въ Гольштиніи всесословное собраніе.

Противъ такого заявленія Пруссія протестуетъ, такъ какъ оно противорѣчитъ гаштейнскому договору. Этимъ, по ея словамъ, Австрія возвращается къ вѣнскому трактату, которымъ былъ установленъ общій кондоминатъ; слѣдовательно, Пруссія также имѣетъ право занять Гольштинію, какъ она не противится со своей стороны занятію австрійцами Шлезвига. Прусаки безотлагательно отправляются въ Гольштинію. Габленцъ отступаетъ, не прибѣгая къ оружію, но не безъ протеста.

Передъ тѣмъ, Бисмаркъ выразился въ циркулярѣ: „Отъ Вѣны мы не встрѣчали никакой предупредительности. Напротивъ, до слуха короля дошли изъ достовѣрнаго источника такія выраженія государственныхъ людей Австріи и совѣтниковъ императора („тричтрачъ“), которыя явно доказываютъ, что министры, во что бы то ни стало, желаютъ войны (значитъ, *желаютъ* народоубійства: какое тяжкое обвиненіе!) частью въ разсчетѣ на побѣду, частью имѣя въ виду уладить внутреннія затрудненія и поправить собственные разстроенные финансы съ помощью прусской контрибуціи (государственная мудрость?)“.

Отъ 9-го іюня, Пруссія заявляетъ союзному сейму, что онъ не имѣетъ права рѣшить одинъ шлезвигъ-гольштинскій вопросъ. Предлагается новый планъ реформы союза, причемъ изъ него исключаются Нидерланды съ Австріей. Тутъ пресса впадаетъ уже въ воинственный тонъ и,—какъ предписываетъ патріотическій обычай, — пророчитъ несомнѣнную побѣду. Вѣрноподданный, призывающій своего государя къ войнѣ, не смѣетъ допускать возможности пораженія. Передовыя статьи расписываютъ предстоящее вступленіе Бенедека въ Берлинъ, а затѣмъ грабежъ прусской столицы кроатами. Нѣкоторые совѣтуютъ даже прямо таки сравнять ее съ землею. „Грабежъ“, „сравниванье съ землею“, „прыжки черезъ мечи“—все это хотя и не соотвѣтствуетъ болѣе нашимъ современнымъ

понятіямъ о народномъ правѣ, но слишкомъ крѣпко засѣло у людей въ головахъ послѣ школьныхъ уроковъ древней исторіи. О подобныхъ вещахъ такъ часто говорилось въ описаніяхъ битвъ, выучиваемыхъ школьниками наизустъ, и такъ часто писалось въ ученическихъ сочиненіяхъ на заданную тему, что едва засядешь за составленіе газетной статьи о войнѣ, какъ такія слова сами собой льются съ пера. Презрѣнія къ врагу нельзя выразить въ достаточно ѣдкой формѣ; такъ, вѣнскія газеты принялись величать прусскихъ солдатъ „портными подмастерьями“. Генералъ-адьютантъ графъ Грюнне хвастался „прогнать прусаковъ мокрыми швабрами“. Вѣдь подобные пріемы—какъ хотите—способствуютъ „популярности“ войны. Все это укрѣпляетъ народное самосознаніе.

11-го іюня, Австрія предлагаетъ союзу принять мѣры противъ прусскаго самоуправства въ Гольштиніи и мобилизировать все союзное войско. 14-го іюня, предложеніе это подвергнуто голосованію и принято девятью голосами противъ шести. О, эти три голоса! Какой оглушительный жалобный вой, полный раздирающей муки, отозвался бы на нихъ, какъ эхо! Свершилось. Посланники отозваны. 16-го іюня, германскій союзъ приглашаетъ Австрію съ Баваріей подать помощь ганноверцамъ и саксонцамъ, которые подверглись уже нападенію со стороны прусаковъ. 18-го, выходитъ прусскій манифестъ о войнѣ; одновременно съ нимъ манифестъ австрійскаго императора къ народу и прокламація Бенедека ко ввѣреннымъ ему войскамъ. 22-го, принцъ Фридрихъ-Карлъ издаетъ приказъ по арміи и тѣмъ открываетъ войну. Я старательно переписала въ свой дневникъ эти четыре документа; вотъ они. Король Вильгельмъ говоритъ: „Австрія не хочетъ забыть, что ея государи нѣкогда повелѣвали цѣлой Германіей, и не хочетъ признать въ юномъ прусскомъ народѣ своего союзника, а видитъ въ немъ соперника. Пруссіи, говоритъ она, нужно препятствовать во всѣхъ ея стремленіяхъ, такъ какъ что̀ приноситъ пользу ей, то служитъ ко вреду Австріи. Злополучная вѣковая зависть вспыхнула теперь съ новой силой: Пруссію надо унизить, уничтожить, опозорить. Договоры съ нею не значатъ ничего. Куда ни взглянешь въ Германіи, всюду мы окружены врагами и ихъ военный кличъ—униженіе Пруссіи. До послѣдняго момента я изыскивалъ и оставлялъ открытыми пути къ мирному

соглашенію, но Австрія его не захотѣла". Императоръ Францъ-Іосифъ отвѣчаетъ на это: „Послѣднія событія неоспоримо доказываютъ, что Пруссія явно ставитъ силу на мѣсто права. Такимъ образомъ, злополучнѣйшая война—нѣмцевъ противъ нѣмцевъ—сдѣлалась неизбѣжной! Отвѣтственность за всѣ бѣдствія, которыя она навлечетъ на отдѣльныхъ лицъ, на семьи, провинціи и государства, я слагаю на тѣхъ, кто ее вызвалъ. Пускай они отвѣчаютъ за все передъ судомъ исторіи и престоломъ вѣчнаго, всемогущаго Бога".

И непремѣнно „другому" приписывается желаніе войны! Непремѣнно „другаго" упрекаютъ въ томъ, что онъ ставитъ силу на мѣсто права! Прекрасно; но зачѣмъ существуетъ возможность нарушенія народныхъ правъ? „Злополучная" война, потому что „нѣмецъ идетъ противъ нѣмца". Совершенно вѣрно: это уже нѣсколько высшая точка зрѣнія, которая ставитъ болѣе широкое понятіе: „Германія" надъ понятіями: „Пруссія" и „Австрія", но еще только одинъ шагъ впередъ и мы дошли бы до высшаго обобщенія и при его свѣтѣ увидали, что *всякая* война людей противъ людей,—именно одной цивилизованной націи противъ другой,—будетъ „братоубійственной" и что, вмѣсто выгодъ, отъ нея можно ожидать только массы бѣдствій. Что толку въ этомъ взваливаніи на противника отвѣтственности передъ „судомъ исторіи"? Исторія, какъ она писалась до сихъ поръ, сама кадила успѣху. Тотъ, кто окажется побѣдителемъ, возводится въ герои и клика историіографовъ падаетъ передъ нимъ въ прахъ, величая его исполнителемъ „культурной миссіи". Ну, а болѣе строгая отвѣтственность передъ „престоломъ Всевышняго?" Да развѣ самого Всевышняго не называютъ руководителемъ сраженій? Развѣ при началѣ и при исходѣ каждой войны не совершается Его неисповѣдимая воля? Противорѣчіе на противорѣчіи! Да какъ же и не наталкиваться на нихъ на каждомъ шагу тамъ, гдѣ истина прикрывается фразами, гдѣ два несовмѣстимыхъ, взаимно исключающихъ другъ друга понятія, каковы: война и справедливость, ненависть къ чужой націи и человѣколюбіе, должны быть одинаково почитаемы, одинаково священны?

Между тѣмъ Бенедекъ говоритъ: „Мы стоимъ противъ военной силы, состоящей изъ двухъ половинъ: линейнаго войска и ландвера. Въ первомъ находятся исключительно мо-

лодые люди, не привычные ни къ трудностямъ похода, ни къ лишеніямъ, и не участвовавшіе ни въ одной значительной кампаніи. Второй состоитъ изъ элементовъ ненадежныхъ, недовольныхъ существующимъ у нихъ порядкомъ; эти люди гораздо охотнѣе ниспровергли бы свое теперешнее правительство, чѣмъ пошли воевать противъ насъ. Кромѣ того, у врага, послѣ продолжительнаго періода мира, нѣтъ ни единаго генерала, который имѣлъ бы случай пріобрѣсти достаточную опытность въ военномъ дѣлѣ. Ветераны Минчіо и Палестро, я полагаю, что вы поставите себѣ въ особую честь, сражаясь подъ предводительствомъ вашихъ старыхъ, испытанныхъ полководцевъ, не дать противнику ни малѣйшаго перевѣса надъ собою! Непріятель хвастается давно своими скорострѣльными ружьями, но я полагаю, ребята, что они принесутъ ему мало пользы. Вѣроятно, мы не дадимъ ему времени сдѣлать выстрѣлъ, какъ обрушимся на него и станемъ молодецки работать штыками и прикладами. Когда же намъ удастся съ божіею помощью одолѣть врага, то мы бросимся преслѣдовать его по пятамъ, а потомъ вы отдохнете во вражеской землѣ и натѣшитесь тамъ вволю всѣмъ, чѣмъ имѣетъ полное право воспользоваться побѣдоносное войско".

Принцъ Фридрихъ-Карлъ, наконецъ, провозглашаетъ: „Солдаты! Коварная нарушительница союза—Австрія, безъ всякаго объявленія войны, съ нѣкоторыхъ поръ не уважаетъ прусскихъ границъ въ верхней Силезіи. Я точно также могъ бы безъ объявленія войны перейти богемскую границу. Однако я этого не сдѣлалъ. Сегодня мною заявлено о началѣ военныхъ дѣйствій и сегодня же мы вступаемъ въ непріятельскую страну, чтобы пощадить свою собственную. Да благословитъ Господь наши начинанія. (Неужели это тотъ же самый Господь, съ помощью котораго Бенедекъ обѣщалъ отбить непріятеля штыками и прикладами?..) Предадимъ же себя во власть Того, Кто направляетъ и сердца людей, и судьбы народовъ, и отъ Кого зависитъ исходъ сраженій. Какъ сказано въ священномъ писаніи: „пусть сердца ваши бьются надеждой на Бога, а руки колотятъ врага". Въ этой войнѣ—какъ вамъ извѣстно—дѣло идетъ о священнѣйшемъ благѣ Пруссіи и о дальнѣйшемъ существованіи нашего дорогаго отечества. Врагъ открыто поклялся раздробить его и унизить. Неужели ваши и мои предки

тѣхъ поръ мнѣ хотѣлось бы придумать такое словечко, въ которомъ излилась бы вся моя любовь, чтобы написать тебѣ его, такъ какъ вѣдь оно можетъ быть послѣднимъ. Я не придумалъ ничего, кромѣ этого: „Марта!“ Но ты знаешь, что значитъ это для меня“.

Конрадъ Альтгаузъ также отправлялся въ походъ. Одушевленный воинственнымъ пыломъ и достаточной дозой ненависти къ прусакамъ, онъ охотно шелъ на войну; однако разлука съ невѣстой была ему тяжела. Только за два дня передъ тѣмъ было получено имъ разрѣшеніе жениться.

— О, Лили, Лили,—съ горечью говорилъ онъ, прощаясь съ невѣстой, — зачѣмъ ты такъ долго не рѣшалась за меня выйти? Кто знаетъ, вернусь ли я!

Бѣдняжка сестра и сама горько раскаивалась. Только теперь проснулась въ ней страшная любовь къ тому, кого она такъ долго отвергала. Когда онъ уѣхалъ, Лили, рыдая, бросилась мнѣ въ объятія.

— О, зачѣмъ я давно не сказала: „да!“ Теперь я была бы его женой...

— И тѣмъ болѣе чувствовала бы разлуку, моя дорогая!

Она покачала головой. Мнѣ было понятно, о чемъ она думала; пожалуй, я даже яснѣе понимала ея чувства, чѣмъ сама Лили: больно разставаться съ любимымъ человѣкомъ, не успѣвъ удовлетворить своей пылкой любви, которой, пожалуй, навсегда суждено остаться неудовлетворенной. Когда только что собираешься поднести къ губамъ кубокъ наслажденій и вдругъ враждебная рука вырываетъ его,—можетъ быть, съ тѣмъ чтобы разбить въ дребезги, не давъ тебѣ сдѣлать изъ него ни глотка, — это, дѣйствительно, должно быть вдвое мучительнѣе.

Отецъ мой, сестры и тетя Мари переѣхали въ Грумицъ. Я охотно уступила на этотъ разъ настояніямъ родныхъ и присоединилась къ нимъ вмѣстѣ со своимъ сыномъ. Пока Фридрихъ оставался въ отлучкѣ, домашній очагъ казался мнѣ потухшимъ и я жестоко тосковала въ одиночествѣ. Странное дѣло: я считала себя какъ будто уже овдовѣвшей, точно извѣстіе о началѣ войны было въ то же время извѣстіемъ о смерти Фридриха. Иногда, среди моей мрачной печали, у меня мелькала свѣтлая мысль: „Но вѣдь онъ живъ и можетъ еще вер-

нуться", однако тутъ же являлись ужасныя представленія: вотъ онъ корчится въ невыносимыхъ мукахъ... изнемогаетъ отъ боли въ какой нибудь канавѣ... Тяжелыя повозки переѣзжаютъ по его раздробленнымъ членамъ... мошки и муравьи облѣпили зіяющія раны... люди, занятые очисткой поля битвы, принимаютъ его за мертваго и свозятъ живаго, вмѣстѣ съ мертвецами, въ общую могилу; здѣсь въ сырой землѣ онъ приходитъ въ себя и вдругъ...

Я громко вскрикивала отъ ужаса: до того ясно представлялась мнѣ эта картина.

— Что съ тобой опять, Марта? — накидывался на меня отецъ. — Ты, право, скоро сойдешь съ ума, если станешь такъ задумываться и вскрикивать. Ты навѣрно сама возбуждаешь свое воображеніе и тебѣ начинаютъ мерещиться, богъ вѣсть, какія глупости. Это, просто, грѣшно...

Дѣйствительно, я часто высказывала свои опасенія, что страшно возмущало отца.

— Да, это грѣшно,—продолжалъ онъ,—и неприлично, и нелѣпо. Подобные случаи, которые представляетъ тебѣ твоя болѣзненная фантазія, положимъ, хоть и бываютъ, но очень рѣдко. Развѣ изъ тысячи одинъ пострадаетъ такимъ образомъ, да и то изъ простыхъ рядовыхъ; но чтобы штабъ-офицеръ, какъ твой мужъ, былъ брошенъ раненый на произволъ судьбы, да это немыслимо! Вообще не надо думать о разныхъ ужасахъ. Это преступно и равносильно осквернению святыни, если мы, забывая величіе войны въ ея общемъ значеніи, останавливаемся на жалкихъ подробностяхъ... О нихъ не слѣдуетъ думать.

— Да, да, не думать о нихъ,—отвѣчала я,—это обыкновенный, освященный вѣками, человѣческій обычай относительно всякаго человѣческаго бѣдствія... „Не думать". На это прекрасное правило и опирается всякое варварство.

Нашъ домашній врачъ, докторъ Брессеръ, не пріѣхалъ на этотъ разъ въ Грумицъ. Онъ добровольно присоединился къ отряду санитаровъ и отправился на театръ войны. Мнѣ также пришло въ голову: а что, еслибъ я поѣхала туда же сестрой милосердія?.. Да, еслибъ мнѣ было возможно оставаться вблизи Фридриха, быть постоянно у него подъ рукою на случай его болѣзни,—тогда я не колебалась бы; но ухаживать за

чужими... Нѣтъ, на это у меня не хватало ни силъ, ни самоотверженія. Видѣть передъ собою смерть, слышать хрипѣнье умирающихъ, желать помочь сотнѣ людей, молящихъ о помощи, и не быть въ состояніи облегчить ихъ участь, мучиться самой, исполнять всякія отвратительныя работы, лежащія на обязанности сестры милосердія, терзаться за другихъ, не будучи въ состояніи помочь Фридриху, и притомъ уменьшая шансы свидѣться съ нимъ, потому что уходъ за ранеными сопряженъ съ многочисленными опасностями для собственной жизни... нѣтъ, я не могла этого сдѣлать и отложила свое намѣреніе. Къ тому же отецъ внушалъ мнѣ, что частныя лица, какъ я, вѣроятно, не будутъ допущены въ полевые лазареты, что уходъ за ранеными возлагается тамъ на солдатъ санитарнаго отряда, или — самое бо̀льшее — на монахинь, патентованныхъ сестеръ милосердія.

— Щиплите корпій,—говорилъ онъ,—доставляйте перевязочный матерьялъ патріотическимъ обществамъ поданія помощи на войнѣ, вотъ единственное, что̀ вы можете сдѣлать для раненыхъ. Мнѣ будетъ очень пріятно, если мои дочери станутъ усердно заниматься этимъ, и на это я даю вамъ свое благословеніе.

Дѣйствительно, я и мои сестры ежедневно цѣлыми часами готовили перевязочный матерьялъ, причемъ Роза и Лили сидѣли за своей работой съ растроганными и сіяющими лицами. Когда тонкія ниточки обращались подъ нашими пальцами въ мягкія груды корпія, когда полоски полотна были акуратно свернуты въ бинты, обѣ дѣвушки воображали, будто бы онѣ также ходятъ за больными: имъ казалось, что онѣ утоляютъ жгучія боли, унимаютъ кровь, льющуюся изъ ранъ, слышатъ вздохи облегченія и встрѣчаютъ благодарные взгляды страдальцевъ. Картина, носившаяся въ ихъ воображеніи, была почти пріятна. Завидна доля солдата, который спасся живымъ изъ ада битвы и лежитъ раненый на мягкой, чистой постели! За нимъ ухаживаютъ, его балуютъ до самаго выздоровленія; большей частью онъ лежитъ въ полубезсознательномъ состояніи, убаюканный сладкой истомой, а потомъ снова возвращается къ пріятному сознанію, что его жизнь спасена, что онъ вернется къ своимъ и, много-много лѣтъ

спустя, будетъ разсказывать, какъ онъ съ честью былъ раненъ въ битвѣ подъ X.

Нашъ отецъ поддерживалъ ихъ въ этомъ наивномъ мнѣніи.

— Молодцы мои дѣвочки! Сегодня опять много наработали... снова доставили большое облегченіе многимъ изъ нашихъ храбрыхъ воиновъ. Вѣдь какъ пріятно положить такой комочекъ корпія на открытую рану! Я самъ испыталъ это на себѣ. Въ то время, когда мнѣ прострѣлили ногу при Палестро...—и пошелъ, и пошелъ...

Я только вздыхала, не говоря ни слова. Мнѣ были извѣстны иныя исторіи о раненыхъ, чѣмъ тѣ, о которыхъ любилъ распространяться мой отецъ, и эти исторіи имѣли также мало общаго съ обычными анекдотами ветерановъ, какъ жалкая жизнь настоящихъ пастуховъ съ пасторальными ландшафтиками Ваттò.

Красный крестъ... Я знала, что это учрежденіе было вызвано къ жизни глубокимъ состраданіемъ народной массы, которое съумѣлъ возбудить смѣлый голосъ одного филантропа. Въ свое время я слѣдила за переговорами по этому предмету въ Женевѣ и читала брошюру Дюнана, давшаго толчекъ великому дѣлу. Вся эта брошюра была однимъ раздирающимъ крикомъ жалости! Благородный женевскій патрицій поспѣшилъ на поле битвы подъ Сольферино, чтобы помочь несчастнымъ жертвамъ по мѣрѣ силъ, и то, что̀ увидѣлъ тамъ, онъ повѣдалъ міру. Безчисленное множество раненыхъ оставалось безъ помощи по пяти, по шести дней... Всѣхъ ихъ хотѣлось ему спасти, но что̀ могъ сдѣлать онъ своими единичными усиліями, что̀ могла сдѣлать горсть людей въ виду этого массоваго бѣдствія? Онъ видѣлъ такихъ, которымъ можно было спасти жизнь глоткомъ воды, кусочкомъ хлѣба; видѣлъ, какъ погребали на скорую руку еще дышавшихъ... Тутъ онъ высказалъ то, что̀ было давно признано всѣми, но лишь теперь нашло отголосокъ: что средства, доставляемыя военнымъ министерствомъ для спасенія раненыхъ и ухода за ними, слишкомъ ничтожны и не достигаютъ цѣли. И вотъ тогда-то возникъ „Красный Крестъ“.

Австрія въ то время не примкнула къ женевской конвенціи. Почему?.. А почему все новое, какъ бы ни было оно благотворно и просто, встрѣчаетъ препятствія? Чего стоитъ

ужь одна человѣческая лѣнь и неподвижность!.. „Идея прекрасна сама по себѣ, но неисполнима“, — толковали тогда. Мой отецъ также часто повторялъ мнѣнія нѣкоторыхъ делегатовъ, высказанныя на конференціи 1863 года: „это неисполнимо, а если и исполнимо, то во многихъ отношеніяхъ неудобно. Военное управленіе не допуститъ вмѣшательства въ свои дѣла частныхъ лицъ на полѣ битвы. На войнѣ тактическія цѣли должны стоять впереди человѣколюбія, и, наконецъ, эта дѣятельность частныхъ лицъ открываетъ широкое поле для шпіонства. А расходы? Война и безъ того стоитъ дорого! Добровольные санитары потребуютъ новыхъ издержекъ на свое содержаніе, и даже въ томъ случаѣ, если они будутъ пріобрѣтать провіантъ на собственный счетъ, то создадутъ въ странѣ, занятой войсками, опасную конкуренцію, набивая цѣны на припасы, необходимые для продовольствія войска“.

О, высокая административная мудрость! Какъ все это сухо, учено, дѣловито, и какъ... неизмѣримо глупо.

II.

Первое столкновеніе съ врагомъ нашихъ войскъ, двинутыхъ въ Богемію, произошло подъ Либенау, 25 іюня. Это извѣстіе принесъ мнѣ отецъ со своей обычной торжествующей миной.

— Великолѣпное начало!—возопилъ онъ.—Небо на нашей сторонѣ, это ясно. Ужь одно то, что этимъ шальнымъ прусакамъ пришлось столкнуться на первомъ же шагу съ людьми нашей знаменитой „желѣзной“ бригады, имѣетъ громадное значеніе. Вѣдь ты помнишь бригаду Пошахера, такъ храбро защищавшую Кёнигсбергъ въ Силезіи? Она имъ задастъ трезвону! (Позднѣйшія извѣстія съ театра войны доказали однако, что послѣ пятичасовой битвы эта бригада, находившаяся въ авангардѣ Кламъ-Галласа, была принуждена отступить къ Подолу. Былъ ли при этомъ Фридрихъ, я не знала; также и о томъ, что въ эту ночь укрѣпленный наскоро Подолъ былъ аттакованъ генераломъ Горномъ и сраженіе продолжалось при свѣтѣ луны,—стало мнѣ извѣстно гораздо позже). Но еще великолѣпнѣе, чѣмъ на сѣверѣ, ознаменовалось это на-

чало нашихъ военныхъ дѣйствій на югѣ!—продолжалъ отецъ.—Подъ Кустоццей, дѣти мои, одержана блистательнѣйшая побѣда, какую только можно себѣ представить... Я всегда говорилъ: Ломбардія должна перейти къ намъ!.. Ну, что жъ, вы рады? Теперь я считаю исходъ войны дѣломъ рѣшеннымъ. Ужъ если мы побили итальянцевъ съ ихъ дисциплинированнымъ отличнымъ войскомъ, то справиться съ „портняжными подмастерьями“ намъ будетъ нипочемъ. Вѣдь этотъ ландверъ—просто, какой-то жалкій сбродъ, и надо обладать дурацкой заносчивостью прусаковъ, чтобы выставить *такое войско* противъ настоящихъ армій. Эти люди, взятые прямо изъ мастерской, изъ конторъ, оторванные отъ кабинетныхъ занятій, незнакомы съ трудностями похода и не въ состояніи выдержать того, къ чему привыченъ закаленный въ бою солдатъ. Вотъ посмотрите эту корреспонденцію въ вѣнской газетѣ отъ 24 іюня. Отличныя извѣстія:

„Въ прусской Силезіи открылась чума рогатаго скота и, какъ слышно, крайне злокачественная...“

— Чума рогатаго скота... злокачественная... Нечего сказать, отличныя извѣстія!—сказала я, покачивая головой.—Прекрасныя вещи, которымъ слѣдуетъ радоваться въ военное время... Хорошо, что на границѣ стоятъ черно-желтые шлагбаумы,—по крайней мѣрѣ, они заграждаютъ къ намъ путь заразѣ.

Но отецъ не слушалъ и продолжалъ читать радостныя новости.

„Между прусскими войсками въ Нейссе свирѣпствуетъ лихорадка. Нездоровая болотистая почва, плохая пища и дурныя помѣщенія въ окрестныхъ деревняхъ, гдѣ скучена масса войска, должны были неминуемо вызвать такія послѣдствія. О продовольствіи прусскихъ солдатъ австріецъ не имѣетъ никакого понятія. Привилегированные классы воображаютъ, что „простой народъ“ способенъ перенести все на свѣтѣ. Поэтому у нихъ полагается ежедневный паекъ всего по шести лотовъ свинины на человѣка, замѣтьте—не привыкшаго ни къ форсированнымъ маршамъ, ни къ другимъ трудностямъ похода. Далеко такому воякѣ до закаленнаго солдата!“

— Вообще газеты наполнены утѣшительными извѣстіями.

Особенно интересны отчеты о славной битвѣ подъ Кустоццой. Тебѣ слѣдовало бы сохранять газетные нумера, милая Марта.

И я сохраняла ихъ. Этого правила недурно бы держаться постоянно и, когда наступаетъ новое столкновеніе между народами, прочитывать не свѣжія газеты, а тѣ, которыя издавались въ предшествующую войну. Тогда легко убѣдиться, насколько оправдались хвастливыя пророчества и много ли вышло толку изъ громкихъ фразъ, много ли правды заключалось въ различныхъ сообщеніяхъ и отчетахъ. Право, это крайне поучительно.

„Съ сѣвернаго театра войны.

„Изъ главной квартиры сѣверной арміи отъ 25 іюня сообщалось слѣдующее о планѣ похода (!) прусаковъ: „По новѣйшимъ извѣстіямъ, прусская армія перенесла свою главную квартиру въ восточную Силезію. (Слѣдуетъ—въ обыкновенномъ стилѣ военной тактики — пространное изложеніе проэктированныхъ непріятелемъ движеній, поименованіе позицій, которыя онъ намѣренъ взять; очевидно, „спеціальному корреспонденту“ все это извѣстно точнѣе, чѣмъ даже Мольтке и Роону). Судя по всему, прусаки намѣрены помѣшать нашей арміи двинуться на Берлинъ, что̀ имъ едва ли удастся, благодаря мѣропріятіямъ нашихъ стратеговъ. (Мѣропріятія эти также хорошо знакомы „автору газетной статьи,“ какъ Бенедеку). Можно вполнѣ разсчитывать на благопріятныя извѣстія изъ сѣверной арміи, которыя хотя приходятъ не такъ скоро, какъ это желательно нетерпѣливо ожидающему ихъ народу, но зато обѣщаютъ быть тѣмъ важнѣе и богаче содержаніемъ“.

„... Интересный случай, имѣвшій мѣсто при прохожденіи черезъ Мюнхенъ австрійскихъ войскъ итальянской національности, передаетъ „Новая Франкфурская Газета“. Въ числѣ ихъ находились также линейные батальоны. Ихъ, какъ и прочія войска, проѣзжавшія черезъ баварскую столицу, угощали въ саду одного ресторана по близости вокзала желѣзной дороги. Каждый могъ убѣдиться, что эти венеціанцы съ радостной готовностью идутъ воевать; громкимъ ликованіемъ выражали они свое нетерпѣніе сразиться съ врагами Австріи. (Пожалуй, также „каждый“ могъ понять, что пьяные солдаты легко воодушевляются, чѣмъ угодно, при всякомъ удобномъ

случаѣ). Въ Вюрцбургѣ вокзалъ былъ переполненъ людьми одного австрійскаго полка линейной инфантеріи. Насколько можно судить, всѣ эти батальоны состояли изъ венеціанцевъ. Встрѣтивъ одинаковый съ другими радушный пріемъ (т. е. получивъ одинаковое угощеніе въ видѣ спиртныхъ напитковъ), солдаты громко и горячо выражали свой энтузіазмъ и отважную рѣшимость сразиться съ нарушителями мира (каждая изъ воюющихъ сторонъ считаетъ „нарушительницей мира“ непремѣнно „другую“). Радостныя молодецкія „evviva!“ гремѣли безъ конца. (Неужели слонявшійся по вокзалу въ умиленіи отъ солдатскаго крика этотъ „господинъ Каждый“ не зналъ, что нѣтъ ничего заразительнѣе восторженныхъ виватовъ, что тысяча рычащихъ разомъ голосовъ вовсе не служитъ выраженіемъ тысячи одинаковыхъ мнѣній, что подобныя вещи просто обусловливаются естественной склонностью человѣка къ подражанію?)“

Въ Бёмишъ-Трюбау, фельдцейхмейстеръ фонъ-Бенедекъ сообщилъ сѣверной арміи три бюллетеня о побѣдѣ южной арміи и присоединилъ къ нимъ такое воззваніе:

„Отъ имени сѣверной арміи мною послана главнокомандующему южной арміей слѣдующая телеграма: „Фельдцейхмейстеръ Бенедекъ и съ нимъ вся сѣверная армія шлютъ искреннѣйшія поздравленія съ новой блистательной побѣдой подъ Кустоццею славному августѣйшему главнокомандующему южной арміей. Итакъ, начало нашего похода на югѣ ознаменовалось славной побѣдой австрійскаго оружія. Незабвенный день Кустоццы запишется на почетномъ щитѣ императорскаго войска и будетъ сіять тамъ вовѣки“. Солдаты сѣверной арміи! Конечно, вы примете съ восторгомъ это извѣстіе и съ удвоеннымъ воодушевленіемъ выступите на бой съ непріятелемъ, чтобы и съ нашей стороны въ скоромъ времени были записаны на томъ же щитѣ названія славныхъ сраженій, чтобы и съ сѣвера долетѣла до нашего монарха вѣсть о побѣдѣ, которой такъ жаждутъ ваши сердца, полныя воинственнаго жара, и которой достигнетъ ваша храбрость и ваша преданность, когда вы броситесь въ битву съ кличемъ: „Да здравствуетъ императоръ!“

Бенедекъ“.

На вышеприведенную телеграмму полученъ въ Бёмишъ-Трюбау по телеграфу слѣдующій отвѣтъ изъ Вероны:

„Южная армія со своимъ главнокомандующимъ отъ души благодаритъ своего бывшаго любимаго полководца и его армію. Мы убѣждены, что и намъ скоро придется поздравлять васъ со славной побѣдой".

— Убѣждены, убѣждены!.. вотъ какъ...

— Ну что, дѣти, развѣ у васъ не прыгаетъ сердце отъ восторга при чтеніи подобныхъ извѣстій?!—воскликнулъ мой отецъ.—Развѣ высокія патріотическія чувства въ виду такихъ тріумфовъ не отодвигаютъ у васъ на задній планъ вашихъ личныхъ интересовъ, причемъ вы забываете: ты, Марта, что твой Фридрихъ, а ты, Лили, что твой Конрадъ подвергаются нѣкоторымъ опасностямъ? И повѣрьте мнѣ, что они оба благополучно избѣгнутъ этихъ опасностей, да наконецъ, еслибы они и погибли на войнѣ заодно съ лучшими сынами отчизны, то это послужило бы только къ ихъ чести и славѣ. Нѣтъ ни единаго солдата, который не сложилъ бы съ радостью свою голову, восклицая: „За отчизну!"

— Ну, когда солдатъ, послѣ проигранной битвы, остается на полѣ съ раздробленными членами и пролежитъ, забытый всѣми, четыре-пять дней къ ряду, томясь жаждой, голодомъ, испытывая нечеловѣческія муки, разлагаясь заживо и притомъ сознавая, что его смерть не принесетъ никакой пользы отечеству, а для его близкихъ будетъ тяжелымъ ударомъ,— едва ли онъ умретъ съ удовольствіемъ!

— Ты грѣшишь, Марта... Твои рѣзкія сужденія просто неприличны въ устахъ женщины.

— Еще бы! Правдивое слово, голая дѣйствительность грѣховны, безстыдны... Только фраза, освященная тысячекратнымъ повтореніемъ, „прилична"... Но увѣряю тебя, отецъ, что эта противоестественная „радостная готовность умереть", приписываемая всѣмъ мужчинамъ, хотя и представляется геройствомъ тому, кто ее проповѣдуетъ, но для моего слуха звучитъ, какъ *словесное убійство*.

III.

Впослѣдствіи между бумагами Фридриха я нашла письмо, посланное мною ему въ тѣ дни на театръ войны. Въ немъ ясно отразились чувства, волновавшія меня въ то время.

„Грумицъ, 28 іюня 1866 г.

„Дорогой мой! Я не живу... Представь себѣ, еслибъ въ сосѣдней комнатѣ люди совѣщались о томъ, слѣдуетъ ли меня казнить завтрашній день, или нѣтъ, а я за дверями ожидала бы рѣшенія своей участи. Таково и мое настоящее положеніе. Въ моемъ томительномъ ожиданіи, я, конечно, дышу, но развѣ можно назвать это жизнью? Сосѣдняя комната, гдѣ рѣшается для меня роковой вопросъ, это Богемія... Но нѣтъ, возлюбленный, нарисованная мною картина слишкомъ блѣдна. Еслибъ тутъ дѣло шло лишь обо мнѣ, я не боялась бы такъ сильно. Нѣтъ, я дрожу за жизнь гораздо болѣе дорогую, чѣмъ моя собственная. Кромѣ того, меня терзаетъ страхъ чего-то худшаго для тебя, чѣмъ сама смерть: смертельныхъ мукъ, которыя грозятъ каждому изъ васъ... О, еслибъ все это поскорѣе миновало! Я молю судьбу, чтобъ наши войска одерживали побѣду за побѣдой, не ради самихъ побѣдъ, а ради ускоренія конца.

„Попадетъ ли въ твои руки это письмо? Гдѣ и когда? Получишь ли ты его послѣ жаркой битвы въ лагерѣ или, пожалуй, въ лазаретѣ?.. Но, во всякомъ случаѣ, тебя обрадуетъ вѣсточка отъ твоей Марты. Хотя я не могу писать тебѣ ничего веселаго—что же, кромѣ печали, въ состояніи испытывать я въ то время, когда солнце, въ интересахъ отечества, завѣшено чернымъ гробовымъ покровомъ, готовымъ опуститься на сыновъ родной земли?—но все же эти строчки принесутъ тебѣ отраду, Фридрихъ, потому что ты любишь меня,—я знаю, какъ сильно любишь,—и слово, написанное мною, радуетъ и волнуетъ тебя, какъ нѣжное прикосновеніе моей руки. Я вѣчно съ тобою, помни это; каждая моя мысль, каждый вздохъ принадлежитъ тебѣ днемъ и ночью... Здѣсь, въ кругу родныхъ, я двигаюсь, дѣйствую и говорю механически: мое сокровеннѣйшее „я“ принадлежитъ одному тебѣ, не покидаетъ тебя

ни на минуту... Только Рудольфъ напоминаетъ мнѣ, что въ мірѣ есть еще нѣчто, что̀ не называется: „ты“. Добрый мальчикъ! еслибъ ты зналъ, какъ онъ о тебѣ разспрашиваетъ и безпокоится! Наединѣ мы не говоримъ ни о чемъ, кромѣ какъ о нашемъ „папа“. Чуткій ребенокъ понимаетъ, что этотъ предметъ ближе всего моему сердцу, и, какъ ни малъ мой Руди, ты знаешь хорошо, что онъ замѣняетъ друга своей матери. Я уже начинаю съ нимъ толковать, какъ со взрослымъ, и онъ благодаренъ мнѣ за это. Съ своей стороны, я благодарна ему за любовь къ тебѣ. Это такая рѣдкость, чтобы пасынки или падчерицы любили отчима или мачиху, но правда, что ты всегда относился къ нему, какъ настоящій отецъ, и не могъ бы нѣжнѣе и лучше обращаться съ роднымъ сыномъ, ты мой нѣжный и добрый! Да, всеобъемлющая, мягкая, кроткая доброта составляетъ основу твоего характера. По словамъ поэта— помнишь?—какъ небесный сводъ состоитъ изъ одного цѣльнаго гигантскаго сафира, такъ и величіе характера благороднаго человѣка составляется изъ одной добродѣтели—добросердечія. Другими словами, я люблю тебя, Фридрихъ! Это неизмѣнный припѣвъ ко всему, что̀ я думаю о тебѣ и твоихъ свойствахъ. Ахъ, моя любовь полна такого довѣрія, такой увѣренности! Я *покоюсь* въ тебѣ, Фридрихъ, и мнѣ такъ хорошо, такъ отрадно... но, разумѣется, тогда, когда ты возлѣ меня. Теперь, когда судьба снова разлучила насъ, о моемъ покоѣ не можетъ быть и рѣчи. Ахъ, еслибъ гроза поскорѣе пролетѣла, еслибъ вы были уже въ Берлинѣ, чтобъ продиктовать королю Вильгельму условія мира! Мой отецъ твердо убѣжденъ, что таковъ будетъ конецъ кампаніи, и, судя по всему, что̀ слышишь и читаешь, этого надо ожидать.—„Какъ только, съ божіей помощью, мы одолѣемъ супостата,—говорилось въ воззваніи Бенедека, —то пустимся преслѣдовать его по пятамъ и вы отдохнете во вражеской землѣ и насладитесь въ ней всѣмъ, что̀...“ и т. д. Но въ чемъ же будутъ заключаться эти наслажденія? Вѣдь въ наше время ни одинъ полководецъ не рѣшится заявить во всеуслышаніе и безъ всякихъ обиняковъ: „Вамъ будетъ позволено грабить, жечь, убивать, позорить женщинъ“, какъ это говорилось въ средніе вѣка съ цѣлью подстрекнуть воинственный пылъ дикихъ полчищъ; теперь вой-

скамъ можно пообѣщать въ видѣ награды, въ лучшемъ случаѣ, развѣ безплатное потребленіе гороховой колбасы въ непріятельской странѣ, но это вышло бы немного слабо и потому въ воззваніи прибѣгли къ цвѣтистымъ, но уклончивымъ выраженіямъ: „вы насладитесь...“ и т. д. Подъ этимъ каждый пусть подразумѣваетъ, что̀ ему угодно. Принципъ награды, находимой во „вражеской землѣ“, крѣпко засѣлъ въ нашемъ мозгу и остается по прежнему родственнымъ солдатскому духу... А каково-то будетъ на душѣ *у тебя* въ этой „вражеской землѣ“, откуда вышли твои родители, гдѣ живутъ твои друзья и двоюродные братья? Доставитъ ли тебѣ „наслажденіе“ сравнять съ землею прелестную виллу тети Корнеліи? „Вражеская земля“—самое это понятіе перешло къ намъ еще изъ отдаленныхъ временъ, когда война была явно тѣмъ, что̀ представляетъ ея raison d'être: разбойничьимъ набѣгомъ ради грабежа, когда непріятельская страна манила воина соблазнами добычи...

„Вотъ я бесѣдую съ тобой, какъ въ тѣ прекрасные часы, когда ты былъ возлѣ меня, когда мы, послѣ чтенія какой нибудь новой книги, философствовали насчетъ противорѣчій современнаго строя жизни и сама бесѣда была до того задушевна, мы такъ отлично понимали и дополняли одинъ другаго! Вблизи меня рѣшительно нѣтъ никого, съ кѣмъ я могла бы говорить о такихъ вещахъ. Докторъ Брессеръ былъ еще единственнымъ человѣкомъ, съ которымъ можно осуждать войну, но онъ тоже уѣхалъ и какъ разъ на театръ этой проклятой войны, только съ тѣмъ, чтобы исцѣлять раны, а не наносить ихъ. Вотъ также анахронизмъ: „гуманность“ на войнѣ—внутреннее противорѣчіе. Или одно, или другое—только человѣколюбіе и война—несовмѣстимы между собою. Искренняя, пламенная ненависть къ врагу, соединенная съ совершеннымъ презрѣніемъ къ человѣческой жизни,—вотъ жизненный нервъ войны. Но мы живемъ въ переходное время. Старыя установленія и новыя идеи дѣйствуютъ съ одинаковой силой. И вотъ люди, не совсѣмъ отрѣшившіеся отъ стараго и не умѣющіе вполнѣ усвоить новое, стараются сплавить одно съ другимъ, изъ чего и происходитъ эта лживая, непослѣдовательная толчея борьбы съ противорѣчіями, гдѣ мы отдаемся всему только на половину. Такое

состояніе невыносимо для душъ, жадно ищущихъ истины, прямоты и цѣлостности...

„Ахъ, зачѣмъ я пишу все это? Едва ли ты расположенъ теперь—какъ въ часы нашихъ мирныхъ бесѣдъ—разсуждать объ отвлеченныхъ предметахъ; вокругъ тебя бушуетъ неумолимая дѣйствительность, съ которой приходится считаться. Насколько было бы лучше, еслибы ты сохранилъ наивныя воззрѣнія прежнихъ временъ, когда походная жизнь была солдату отрадой и наслажденіемъ! А еще лучше было бы, еслибъ я могла, какъ другія жены, писать тебѣ письма, наполненныя пожеланіями успѣха на твоемъ поприщѣ, еслибъ я съ увѣренностью предрекала побѣды нашему оружію и старалась воспламенить твое мужество... Вѣдь въ дѣвушкахъ также воспитываютъ патріотизмъ, для того чтобы онѣ, когда придетъ время, напоминали мужчинамъ: „ступайте на войну умирать за отечество — это прекраснѣйшая смерть“. Или: „возвращайтесь домой побѣдителями, тогда мы наградимъ васъ своею любовью, а до тѣхъ поръ станемъ за васъ молиться. Господь битвъ, покровительствующій нашему воинству, услышитъ наши молитвы. Днемъ и ночью возносится наша мольба къ небесамъ и, конечно, мы вымолимъ ихъ благоволеніе: вы возвратитесь, увѣнчанные славой! Мы даже не боимся за васъ, стараясь быть равными вамъ по отвагѣ... Нѣтъ, нѣтъ, матери вашихъ дѣтей не должны быть малодушными, если желаютъ воспитать новое поколѣніе героевъ. И если намъ придется потерять самое дорогое въ жизни, никакая жертва для государя и отечества не покажется для насъ слишкомъ большою!“

„Вотъ это было бы письмо, достойное жены солдата, не правда ли? Но не того ты ожидаешь отъ своей Марты, солидарной съ тобой въ воззрѣніяхъ, въ твоемъ негодованіи противъ обветшалаго, слѣпаго человѣческаго безумія... О, какъ горько, какъ мучительно ненавижу я его! Я не въ силахъ даже высказать всей глубины этой ненависти.

„Когда я себѣ представляю два непріятельскихъ войска, состоящихъ изъ единичныхъ, разумныхъ и большею частью добрыхъ и кроткихъ человѣческихъ личностей, которыя по командѣ бросаются другъ на друга для взаимнаго истребленія, опустошая притомъ и несчастную страну, гдѣ они швыряютъ,

при своей убійственной игрѣ,—точно игральными картами,—„взятыми“ деревнями... какъ только я представлю себѣ это, мнѣ хочется вскрикнуть: „остановитесь! перестаньте!!“ Изъ ста тысячъ, девяносто, взятые въ отдѣльности, навѣрно остановились бы съ охотою, но, взятые въ массѣ, люди рвутся въ бой и неистовствуютъ, какъ звѣри. Довольно, однако. Вѣроятно, тебѣ будетъ пріятнѣе узнать что нибудь о своихъ домашнихъ. Такъ слушай же: мы всѣ здоровы. Отецъ постоянно волнуется ходомъ настоящихъ событій и жадно слѣдитъ за всѣмъ происходящимъ на войнѣ. Побѣда подъ Кустоццей привела его въ неизъяснимый восторгъ. Онъ говоритъ о ней съ такою гордостью, точно самъ одержалъ ее. Во всякомъ случаѣ, по его мнѣнію, слава этого дня до того блистательна, что она осѣняетъ и его, какъ австрійца и генерала, а потому онъ безконечно счастливъ. Лори, мужъ которой, какъ тебѣ извѣстно, находится въ южной арміи, также прислала мнѣ восторженное письмо по поводу Кустоццы.—Помнишь, Фридрихъ, какъ я однажды приревновала тебя на четверть часа къ добрѣйшей Лори? И какъ потомъ этотъ припадокъ ревности еще больше укрѣпилъ мою любовь и довѣріе?—О, еслибъ ты обманулъ меня тогда или хоть разъ обидѣлъ чѣмъ нибудь... я легче переносила бы теперь твое отсутствіе, но когда *такой* мужъ находится подъ градомъ пуль!.. Однако буду продолжать свои новости: Лори писала мнѣ, что желала бы провести остатокъ своего соломеннаго вдовства у насъ въ Грумицѣ, вмѣстѣ со своей малюткой Беатрисой. Разумѣется, я не могла отвѣчать ей отказомъ, хотя, говоря по правдѣ, всякое общество мнѣ теперь въ тягость. Я хочу оставаться совершенно одна съ моей тоской по тебѣ, которой никто не можетъ измѣрить... На будущей недѣлѣ, у Отто начнутся каникулы. Онъ горько жалуется въ каждомъ письмѣ, что война началась *до*, а не послѣ его производства въ офицеры, и молитъ судьбу, чтобы миръ не „разразился“ раньше его выхода изъ военной академіи. Пожалуй, онъ и не употреблялъ слова: „разразиться“, но оно вполнѣ соотвѣтствуетъ его понятію о мирѣ, который представляется нашему юношѣ, въ данномъ случаѣ, настоящей бѣдой. Ну, конечно, вѣдь ихъ воспитываютъ въ этомъ духѣ. Пока существуетъ война, нужно воспитывать воинственное поколѣніе, а пока существуетъ воинственное поколѣніе, должна

быть война... Ахъ, неужели не найдется выхода изъ этого заколдованнаго круга? Нѣтъ, благодареніе Господу! Любовь къ войнѣ, не смотря на всю школьную дресировку, постепенно ослабѣваетъ, и помнишь, какъ доказываетъ въ своей книгѣ Генри Томасъ Бокль этотъ отрадный фактъ? Впрочемъ, я не нуждаюсь ни въ какихъ печатныхъ доказательствахъ; стоитъ мнѣ заглянуть въ твое благородное сердце, Фридрихъ, чтобы убѣдиться въ этомъ... Опять таки возвращаюсь къ своимъ новостямъ: отъ нашихъ родственниковъ и знакомыхъ, имѣющихъ помѣстья въ Богеміи, мы постоянно получаемъ письма, наполненныя горькими жалобами; проходящія войска, хотя бы даже они шли къ побѣдѣ, опустошаютъ страну, высасываютъ изъ нея соки, а что̀ еще будетъ, если непріятель двинется впередъ и битвы станутъ разыгрываться въ той мѣстности, гдѣ стоятъ ихъ замки, лежатъ усадьбы? Всѣ тамошніе помѣщики готовы къ побѣгу, вещи у нихъ запакованы, драгоцѣнности зарыты въ землю. Нечего и думать о веселыхъ поѣздкахъ на богемскія воды, о мирной жизни въ своихъ имѣніяхъ, о блестящихъ охотахъ въ осеннюю пору, а что̀ еще хуже всего: нечего разсчитывать на полученіе обычныхъ доходовъ съ арендованныхъ земель и промысловъ. Засѣянныя поля будутъ вытоптаны, фабрики, если не сожжены, то во всякомъ случаѣ остановлены за неимѣніемъ рабочихъ рукъ. „Настоящее горе, — пишутъ они, — жить на пограничной землѣ, а другая бѣда, что Бенедекъ такъ долго медлилъ перейти къ наступленію для начала войны съ прусаками. Пожалуй, можно было бы назвать несчастіемъ и то, что вся политическая перебранка не была улажена третейскимъ судомъ и что кровопролитная кутерьма завязалась на богемской или силезской почвѣ (вѣдь и въ Силезіи, если вѣрить словамъ путешественниковъ, тоже живутъ люди, есть обработанныя поля и жилища), но такой исходъ никому не приходитъ въ голову.

„Мой маленькій Рудольфъ сидитъ у моихъ ногъ, пока я пишу тебѣ. Онъ посылаетъ тебѣ поцѣлуй и поклонъ нашему четвероногому другу Пукслю. Мы оба скучаемъ безъ нашего веселаго, добраго пинчера, но, съ другой стороны, было бы жаль заставить его разстаться съ тобою, а тебѣ онъ служитъ развлеченіемъ и составляетъ компанію. Поклонись ему отъ

насъ обоихъ; я пожимаю ему честную лапу; Руди цѣлуетъ его въ милую черную мордочку.

„А теперь пока прощай, мой ненаглядный, жизнь моя!“

IV.

— Это не слыхано!.. Одно пораженіе за другимъ! Сначала взята штурмомъ забаррикадированная Кламъ-Галласомъ деревня Подолъ—непріятель напалъ на нее среди ночи, при свѣтѣ мѣсяца, и сжегъ дотла, — а послѣ Подола завоеванъ Гичинъ... Игольчатыя ружья, проклятыя игольчатыя ружья, косили нашихъ цѣлыми рядами! Оба громадныхъ непріятельскихъ корпуса,—одинъ подъ предводительствомъ кронпринца, а другой—принца Фридриха-Карла,—соединились и двинулись на Мюнхенгрецъ.

Таковы были ужасныя извѣстія съ театра войны, которыя мой отецъ сообщалъ намъ съ глубокимъ отчаяніемъ, равносильнымъ, по своей горячности, съ его восторгомъ по поводу побѣды подъ Кустоцдей. Однако его увѣренность въ успѣхѣ оставалась непоколебимой.

— Пускай пожалуютъ они къ намъ, всѣ, всѣ, въ нашу Богемію, и мы уложимъ ихъ тамъ до единаго человѣка... Тутъ для нихъ не будетъ ни выхода, ни отступленія; мы окружимъ ихъ, охватимъ кольцомъ... да, наконецъ, и озлобленное населеніе страны начнетъ справляться съ погаными прусаками... Это вовсе не такъ легко, какъ думаютъ, воевать въ непріятельской землѣ, потому что тутъ имѣешь противъ себя не только войско, но и мирныхъ жителей... Изъ домовъ въ Траутенау жители обливали прусаковъ кипящей водою и масломъ...

У меня вырвался глухой стонъ отвращенія.

— Чего ты хочешь?—сказалъ мой отецъ, пожимая плечами,—это, разумѣется, жестоко, но ужь на то война.

— Такъ не утверждай, по крайней мѣрѣ, будто бы она облагораживаетъ людей! Сознайся, что она, напротивъ, дѣлаетъ ихъ безчеловѣчными, обращаетъ въ тигровъ, въ дьяволовъ... Кипящее масло! Какой ужасъ!

— Позволительная самозащита и справедливая месть,

дорогая Марта. Неужели ты полагаешь, что игольчатыя ружья прусаковъ приносятъ нашимъ одно удовольствіе?.. Какъ беззащитному убойному скоту, приходится австрійскимъ храбрецамъ погибать отъ этого ужаснаго оружія. Но мы слишкомъ многочисленны, слишкомъ дисциплинированы, слишкомъ воинственны, чтобы не справиться съ „портняжными подмастерьями“. Сначала, правда, нами были сдѣланы двѣ ошибки. Съ этимъ я согласенъ. Бенедеку слѣдовало немедленно перейти прусскую границу... Меня беретъ сомнѣніе, удаченъ ли былъ выборъ этого полководца?.. Пожалуй, было бы лучше послать въ Богемію эрцгерцога Альбрехта, а Бенедеку передать южную армію... Однако, не надо отчаиваться раньше времени; вѣдь до сихъ поръ собственно происходили только подготовительныя битвы, которыя раздуваются прусаками въ великія побѣды;—рѣшительныя сраженія предстоятъ только теперь. Въ настоящее время, мы стягиваемъ войска подъ Кёниггрецемъ; вотъ гдѣ, заручившись военными силами свыше ста тысячъ человѣкъ, мы будемъ ожидать врага... вотъ гдѣ грянетъ наша сѣверная Кустоцца!

Тамъ будетъ сражаться и Фридрихъ. Въ послѣднемъ его коротенькомъ письмецѣ, полученномъ въ то утро, говорилось: „мы отправляемся въ Кёниггрецъ“.

До сихъ поръ я акуратно получала извѣстія. Хотя въ своемъ первомъ письмѣ мужъ и подготовлялъ меня къ тому что будетъ писать рѣдко, но онъ пользовался малѣйшей возможностью увѣдомлять меня о себѣ. Карандашемъ, въ сѣдлѣ, въ палаткѣ исписывалъ Фридрихъ торопливымъ, мнѣ одной понятнымъ почеркомъ цѣлыя страницы, вырванныя изъ его записной книжки. Нѣкоторыя изъ нихъ онъ находилъ случай переслать по назначенію, другія дошли до меня только впослѣдствіи, по окончаніи похода.

Вся эта переписка сберегается мною до настоящей минуты. Письма Фридриха не похожи ни на отчеты о военныхъ дѣйствіяхъ, изложенные тщательнымъ слогомъ газетными корреспондентами для ихъ редакцій или военными писателями для своихъ издателей, ни на эскизы сраженій, щеголяющіе спеціальными стратегическими указаніями, или картины битвъ, описанныя съ риторическимъ жаромъ, гдѣ разскащикъ старается выказать собственную неустрашимость, геройство и

патріотическій пылъ. Я отлично сознаю, что описанія моего мужа не подходятъ ни къ одной изъ этихъ категорій военныхъ извѣстій и повѣствованій, но что они такое, я сама затрудняюсь опредѣлить. Вотъ на выдержку нѣкоторыя изъ нихъ:

На бивакъ.

„Безъ палатокъ... Теплая, великолѣпная лѣтняя ночь... Надъ нашими головами небо, громадное, равнодушное, усыпанное сверкающими звѣздами... Солдаты спятъ прямо на землѣ, измученные долгими, утомительными переходами. Только для насъ, штабъ-офицеровъ, разбиты двѣ палатки. Въ моей поставлено три походныхъ кровати. Оба товарища уже заснули. Я сижу у стола, на которомъ стоятъ пустые стаканы изъ подъ грога и горитъ свѣча. При ея слабомъ мерцающемъ свѣтѣ (входъ въ палатку открытъ и туда врывается потокъ воздуха) я пишу тебѣ, моя дорогая жена. На свою постель я положилъ Пукcля... вотъ умаялся-то, бѣдный малый! Я почти раскаиваюсь, что взялъ его съ собою. Объ немъ можно сказать то, что наши упорно повторяютъ о прусскомъ ландверѣ: „что онъ непривыченъ къ тягостямъ и лишеніямъ походной жизни“. Въ данную минуту, мой четвероногій пріятель съ наслажденіемъ храпитъ и навѣрное видитъ во снѣ своего друга и покровителя, графа Рудольфа Доцки. А я вижу тебя, Марта... Хотя и бодрствую, но передо мной, точно сновидѣніе, встаетъ твой милый образъ въ полутемномъ углу палатки; мнѣ почти ясно представляется твоя фигура, сидящая на одномъ изъ нашихъ складныхъ походныхъ стульевъ... И какъ мнѣ хочется подойти туда и склонить голову къ тебѣ на колѣни. Но я боюсь двинуться, зная, что тогда видѣніе исчезнетъ... Я вышелъ на минуту на свѣжій воздухъ. Звѣзды горятъ равнодушнѣе прежняго. Въ отдаленіи, тамъ и сямъ мелькаютъ человѣческія тѣни; это отсталые. Много, много осталось ихъ на дорогѣ; къ ночи они дотащились сюда, привлеченные сторожевыми огнями, но далеко не всѣ; нѣкоторые еще лежатъ гдѣ нибудь по канавамъ и въ высокихъ хлѣбахъ. Но и то сказать, вѣдь какая была сегодня страшная жара, когда мы шли форсированнымъ маршемъ! Солнце пекло, точно собираясь вскипятить у насъ мозгъ въ головѣ; а солдату приходится вдобавокъ тащить на спинѣ тяжелый ранецъ

да ружье, которое натерло до крови усталыя плечи... Между тѣмъ никто не ропталъ. Двое рядовыхъ упали и не могли подняться. Еще двое или трое получили солнечный ударъ и умерли тутъ же на мѣстѣ. Ихъ трупы положили въ лазаретный фургонъ. Эта лунная и звѣздная іюньская ночь лишена однако здѣсь своего очарованія. Не слышно ни пѣнья соловья, ни треска кузнечиковъ; въ воздухѣ нѣтъ благоуханія розъ и жасминовъ. Ласкающіе звуки заглушены скрипомъ колесъ, ржаньемъ коней, людскими голосами и гуломъ шаговъ ночнаго патруля, а нѣжные ароматы цвѣтовъ—подавлены запахомъ прѣлой сѣдельной кожи и другими казарменными испареніями. Но это все еще ничего, пока не слышно карканья пирующихъ вороновъ, запаха пороховаго дыма, крови и гніенія. Это еще у насъ впереди—ad majorem patriae gloriam. Замѣчательно, какъ слѣпы люди! По поводу костровъ, зажигавшихся когда-то къ „вящшей славѣ Господа Бога“, они разражаются проклятіями слѣпому, жестокому, безсмысленному фанатизму, но усѣянныя трупами поля сраженій въ настоящее время приводятъ ихъ въ экстазъ. Комнаты пытокъ—остатки мрачныхъ среднихъ вѣковъ—внушаютъ имъ ужасъ, а, между тѣмъ, арсеналами своими они гордятся... Однако свѣча догорѣла, фигура въ полутемномъ углу разсѣялась, какъ дымъ; я собираюсь лечь спать возлѣ нашего милаго Пуксля“.

. . . . . .

„На возвышенности, въ группѣ генераловъ и старшихъ офицеровъ, съ подзорной трубою, приставленной къ глазу: вотъ ситуація, наиболѣе располагающая къ эстетическимъ впечатлѣніямъ на войнѣ! Это хорошо извѣстно господамъ батальнымъ живописцамъ и газетнымъ иллюстраторамъ: полководцы, обозрѣвающіе вооруженнымъ глазомъ окрестность съ какого нибудь возвышеннаго пункта, изображаются ими также охотно и часто, какъ и предводители во главѣ своихъ войскъ на конѣ предпочтительно бѣлой масти. Конь скачетъ во всю прыть или взвивается на дыбы, а герой, повернувъ голову къ скачущимъ за нимъ всадникамъ, указываетъ величественнымъ жестомъ руки на клубы пороховаго дыма на заднемъ планѣ, очевидно взывая: „за мною, дѣти!“

„Съ возвышеннаго холма, дѣйствительно, развертывается поэтическое зрѣлище. Картина величава и достаточно удалена

отъ зрителя, чтобы дѣйствовать, какъ произведеніе кисти художника; все ужасное и отвратительное сглаживается въ ней разстояніемъ. Ни текущая кровь, ни предсмертное хрипѣнье не оскорбляютъ вашего глаза и слуха: передъ вами одни эффекты линій и красокъ, стройныя колонны войскъ, извивающіяся по дорогѣ, необозримая лента марширующей пѣхоты, кавалерійскихъ отрядовъ и батарей; за ними зарядный паркъ на телѣгахъ, захваченныхъ у крестьянъ, и на вьючныхъ лошадяхъ, а еще дальше—обозъ. Но картина будетъ еще живописнѣе, когда посреди ландшафта, разстилающагося передъ вами съ высоты, вы наблюдаете не одно спокойное движеніе войскъ, а жаркую битву съ непріятелемъ. Какъ эффектно тогда сверкаютъ въ воздухѣ сабли и штыки, вѣютъ знамена; мундиры всѣхъ цвѣтовъ мелькаютъ передъ вами, пѣшіе и конные отряды кидаются другъ на друга; они то отхлынутъ, то прихлынутъ, точно грозные морскіе валы во время бури; а надо всѣмъ этимъ клубы пороховаго дыма, сгущающіеся мѣстами въ непроницаемую туманную пелену; но вотъ она разсѣялась, и вы снова ясно видите передъ собою сражающіяся группы... Акомпанементомъ къ этому грандіозному зрѣлищу служитъ грохотъ пушекъ, повторяемый горнымъ эхомъ, и при каждомъ залпѣ въ воздухѣ какъ будто проносится глухимъ, тяжкимъ рокотомъ слово: смерть... смерть... смерть!.. Да, какъ тутъ не вдохновиться для восторженныхъ диѳирамбовъ войнѣ въ сладкозвучныхъ стихахъ? Но и для составленія прозаическихъ описаній, появляющихся въ печати послѣ похода, позиція на холмѣ представляется весьма выгодной. Наблюдая оттуда за ходомъ битвы, можно, во всякомъ случаѣ, съ нѣкоторой достовѣрностью разсказывать впослѣдствіи: „дивизія X. сталкивается при N. съ непріятелемъ, оттѣсняетъ его назадъ, достигаетъ ядра арміи; сильные непріятельскіе отряды показываются на лѣвомъ флангѣ корпуса и т. д., и т. д.“ Но кто не смотритъ съ холма черезъ зрительную трубу, а самъ участвуетъ въ „дѣлѣ“, тотъ никогда, никогда не можетъ сообщить достовѣрныхъ свѣдѣній о ходѣ сраженія. Онъ видитъ, переживаетъ и чувствуетъ лишь происходящее въ непосредственной близости, а что̀ передаетъ потомъ, какъ очевидецъ, все это не болѣе какъ фантазіи, для наглядnаго изображенія которыхъ разскащикъ пользуется старыми клише.

„Ну, что, Тиллингъ,—замѣтилъ мнѣ сегодня одинъ изъ генераловъ, стоявшій рядомъ со мною на возвышенности, господствовавшей надъ окрестностью,—не правда ли, какое внушительное, величавое зрѣлище? Великолѣпное вѣдь у насъ войско, а? Но о чемъ это вы такъ задумались?“ О чемъ я думалъ? Этого я не могъ бы откровенно высказать начальнику и потому отвѣтилъ ему самымъ почтительнѣйшимъ образомъ—неправду. Почтительность и правда вообще имѣютъ мало общаго между собою. Послѣдняя черезчуръ горда: она презрительно отворачивается ото всего рабскаго“.

. . . . . .

„Деревня взята нашими... нѣтъ, вотъ опять ею завладѣлъ непріятель... а вотъ она снова въ нашихъ рукахъ... снова перешла къ непріятелю; впрочемъ, это ужь больше не деревня, а груда дымящихся развалинъ.

„Жители (вѣдь на самомъ-то дѣлѣ она принадлежала имъ) покинули ее заблаговременно и бѣжали. Да и хорошо сдѣлали, потому что битва въ обитаемомъ мѣстѣ нѣчто ужасное: пули враговъ и своихъ попадаютъ въ дома, убивая женщинъ и дѣтей. Одна семья по неволѣ осталась въ мѣстечкѣ, которое мы взяли вчера, отдали непріятелю, отняли у него обратно и опять отдали: это были старики—мужъ съ женою и ихъ замужняя дочь, мучившаяся родами. Мужъ ея служитъ у насъ въ полку. Онъ сказалъ мнѣ, когда мы приближались къ деревнѣ: „вонъ тамъ, г-нъ подполковникъ, въ домикѣ съ красной крышей живетъ моя жена со стариками-родителями... Они, бѣдные, не могли бѣжать... Жена съ часу на часъ ожидаетъ родовъ, а тесть съ тещею отъ старости еле таскаютъ ноги... Ради самого Бога, г-нъ подполковникъ, командируйте меня туда!“ Бѣдный малый! Онъ какъ разъ поспѣлъ во-время, чтобы принять послѣдній вздохъ родильницы и новорожденнаго ребенка: у самой кровати разорвалась бомба... Что сталось со стариками, мнѣ неизвѣстно. Вѣроятно, они были заживо погребены подъ развалинами; по крайней мѣрѣ, ихъ домъ загорѣлся однимъ изъ пѣрвыхъ. Битва на открытомъ полѣ уже достаточно ужасна, но посреди человѣческихъ жилищъ это бѣдствіе въ десять разъ хуже. Обрушивающіяся балки, потоки пламени, удушливый дымъ, взбѣсившаяся отъ испуга домашняя скотина... Каждая стѣна обращается въ

крѣпость или баррикаду, каждое окно въ бойницу... Я видѣлъ тамъ брустверъ, наскоро набросанный изъ труповъ. Защитники деревни подобрали всѣхъ убитыхъ, лежавшихъ по близости, и наложили ихъ рядами, чтобы стрѣлять изъ-за этого прикрытія по нападающимъ. Этой стѣны я никогда не забуду: одинъ изъ сложенныхъ въ кучу покойниковъ оказался живымъ—онъ шевелилъ руками...

„Остаться въ живыхъ“—хуже этого ничего не можетъ быть на войнѣ, если человѣкъ раненъ и искалѣченъ. Тогда несчастный подвергается невыразимымъ, безконечнымъ мученіямъ, которыя вдобавокъ разнообразятся на тысячу ладовъ. Еслибы провидѣніе посылало на поля битвъ ангела милосердія, съ тѣмъ чтобы онъ гасилъ послѣднюю искру жизни въ этихъ обреченныхъ на смерть, но еще продолжающихъ мучиться жертвахъ,—будь они люди или животныя—ему было бы много работы“.

. . . . . .

„Сегодня у насъ произошло небольшое кавалерійское дѣло на открытомъ полѣ. Прусскій драгунскій полкъ неожиданно выскочилъ изъ засады, выстроился въ линію и, подтянувъ поводья, сабли надъ головой, помчался короткимъ галопомъ прямо на насъ. Мы не выжидали нападенія, но сами бросились на встрѣчу непріятелю. Не было произведено ни единаго выстрѣла. Когда между нами оставалось какихъ нибудь нѣсколько шаговъ разстоянія, съ обѣихъ сторонъ грянуло оглушительное ура (кричанье опьяняетъ, это извѣстно дикимъ индійцамъ и зулусамъ еще лучше, чѣмъ намъ). И вотъ мы кинулись другъ на друга, лошади наши столкнулись грудь съ грудью, колѣни всадниковъ соприкасались, сабли взвились къ верху и опустились на головы противниковъ. Вскорѣ наступила такая свалка, что невозможно было употреблять оружія; люди схватились грудь съ грудью, причемъ испуганныя лошади, храпя, рвались, куда попало, взвивались на дыбы, поддавали задними ногами. Я также одинъ разъ былъ сброшенъ съ сѣдла и чья-то лошадь едва не размозжила мнѣ копытомъ високъ“.

. . . . . .

„Опять дневной переходъ, и снова одна или двѣ стычки съ непріятелемъ. Меня постигло горе и я до сихъ поръ не

могу забыть одной печальной картины. Ужь, кажется, мнѣ слѣдовало бы присмотрѣться ко всему и не быть такимъ впечатлительнымъ, но я ничего не могу съ собой подѣлать и тяжелое воспоминаніе неотступно преслѣдуетъ меня... Пуксль, нашъ бѣдный, веселый, добрый пинчеръ—ахъ, зачѣмъ я не оставилъ дома эту милую собаку при ея маленькомъ господинѣ, Рудольфѣ! Она по обыкновенію бѣжала за нами; вдругъ я слышу жалобный визгъ. Осколкомъ гранаты Пуклю оторвало переднія лапки. Онъ не можетъ больше слѣдовать за мной и остается на мѣстѣ, покинутый всѣми, но „еще живой“; проходитъ двадцать четыре, двадцать восемь часовъ, онъ еще живъ. „Баринъ, милый баринъ“, жалобно визжитъ онъ во слѣдъ, „не бросай своего бѣдняжку Пуксля!“ И его маленькое сердце разрывается отъ горя... Что мнѣ больнѣе всего, такъ это мысль, что вѣрное животное, умирая, конечно, обвиняло меня въ жестокости. Пуксль видѣлъ, какъ я обернулся, услыхавъ его мольбу о помощи, но не подумалъ его поднять, а равнодушно ускакалъ дальше. Вѣдь онъ не понималъ, что нельзя скомандовать: „стой!“ полку, летящему въ аттаку. Если мы оставляли на дорогѣ падающихъ товарищей, то тѣмъ болѣе не могли остановиться изъ-за раненной собачки... Но Пуклю недоступно понятіе о высшемъ долгѣ, которому повинуется его господинъ, и онъ отнесся съ горькимъ изумленіемъ къ моему поступку.

„Неужели среди „великихъ событій“ и страшныхъ всеобщихъ бѣдствій настоящаго тяжелаго времени, можно огорчаться подобными глупостями?—скажутъ многіе, пожимая плечами, но ты поймешь меня, Марта, я знаю это, и сама поплачешь о нашемъ бѣдномъ Пуклѣ“.

. . . . . .

„Что тамъ такое дѣлается?.. Выстраиваютъ экзекуціонный взводъ. Вотъ тебѣ разъ! Значитъ, поймали шпіона. Да одного ли?.. Нѣтъ, на этотъ разъ цѣлыхъ семнадцать! Вотъ ужь ихъ ведутъ... Въ четыре ряда, по четыре человѣка въ каждомъ, повѣсивъ головы, подвигаются приговоренные, въ срединѣ сомкнутаго каре солдатъ. За ними ѣдетъ телѣга; на ней распростертый трупъ, а на трупѣ, привязанный къ нему веревками, сидитъ двѣнадцатилѣтній мальчикъ, тоже приговоренный.

„Я не могу выносить зрѣлища казни и потому удаляюсь. Но выстрѣлы все таки долетѣли до моего слуха... Изъ-за стѣны поднимается облако дыма; всѣ убиты, не исключая и мальчугана“...

. . . . . .

„Наконецъ-то удобная ночевка въ маленькомъ городкѣ. Бѣдное разоренное гнѣздо!.. Запасы, которыхъ хватило бы жителямъ на цѣлый мѣсяцъ, всѣ отобраны реквизиціей. „Реквизиція“... хорошо еще, что подобныя вещи обозначаются благозвучными санкціонированными словами.

„Но я все таки радовался покойной постели и вкусному ужину. Вдобавокъ потомъ... нѣтъ, лучше разскажу все по порядку.

„Я уже собирался лечь, какъ вдругъ приходитъ мой деньщикъ съ докладомъ: рядовой изъ нашего полка настоятельно желаетъ меня видѣть; онъ принесъ мнѣ что-то съ собою. „Пускай войдетъ“. Солдата ввели въ комнату...

„Прежде чѣмъ отпустить его, я щедро наградилъ этого добраго человѣка, крѣпко пожалъ ему обѣ руки и обѣщалъ позаботиться о его женѣ и дѣтяхъ, если съ нимъ что нибудь случится. То, что̀ принесъ мнѣ этотъ славный малый, ужасно обрадовало меня, и, главное, избавило отъ гнетущей тоски, отъ которой я изнывалъ цѣлыхъ тридцать шесть часовъ:— принесенный солдатомъ предметъ былъ мой несравненный Пуксль! Да, хотя и раненный—на полѣ чести,—но живой и безконечно счастливый тѣмъ, что находится опять у своего господина. Мой восторженный пріемъ, конечно, доказалъ ему, какъ несправедливо обвинялъ онъ меня въ безсердечіи... Еслибъ ты могла видѣть, дорогая Марта, трогательную сцену нашего свиданія! Прежде всего, бѣднягѣ дали воды. Онъ съ жадностью набросился на нее, но десять разъ отрывался отъ чашки, чтобы привѣтствовать меня радостнымъ лаемъ. Потомъ я перевязалъ ему оторванныя лапки, угостилъ вкуснымъ ужиномъ изъ мяса и сыру, а затѣмъ уложилъ съ собою въ постель. Мы оба отлично спали. Поутру, когда я проснулся, Пуксль еще разъ съ благодарностью лизнулъ мнѣ руку, вытянулъ свои маленькіе члены, глубоко вздохнулъ и пересталъ существовать. Бѣдный Пуксль—такъ-то лучше!“..

. . . . . .

„Ахъ, чего я насмотрѣлся сегодня! Стоитъ мнѣ закрыть глаза, какъ все видѣнное встаетъ передо мною съ поразительною ясностью. „Все только печальныя и страшныя картины!“ скажешь ты. Почему же другіе возвращаются съ войны съ такими освѣжающими, пріятными впечатлѣніями? Да, эти другіе отворачиваются отъ печальнаго и ужаснаго, да, кромѣ того, умалчиваютъ о немъ. Въ своихъ описаніяхъ и разсказахъ они не даютъ себѣ труда изобразить пережитое, какъ оно было, но стараются подражать вычитанному изъ книгъ, пригоняютъ свои повѣствованія къ извѣстному шаблону, а изъ собственныхъ ощущеній описываютъ только тѣ, которыя приличны герою. Если имъ приходится коснуться сценъ кровопролитія, гдѣ столько ужаснаго и потрясающаго, въ ихъ тонѣ не должно обнаруживаться ни волненія, ни ужаса. Напротивъ, чѣмъ страшнѣе зрѣлище, тѣмъ равнодушнѣе объ немъ толкуютъ; чѣмъ оно *отвратительнѣе*, тѣмъ развязнѣе его описываютъ. Порицать, негодовать, возмущаться! Ничуть не бывало. Иногда развѣ кое-какой намекъ на сантиментальное сожалѣніе, два-три вздоха растроганной души.—А потомъ, опять голову вверхъ, „сердце къ Богу, а кулакъ на врага“. Ура и трара!

„Вотъ на выдержку двѣ картины, запечатлѣвшіяся въ моей памяти.

„Крутыя скалистыя возвышенности; словно кошки, карабкаются по нимъ егеря; эту позицію требуется „взять“; непріятель палитъ сверху. Я могу видѣть лишь фигуры лѣзущихъ къ верху людей; нѣкоторые изъ нихъ, сраженные вражеской пулей, торопливо протягиваютъ руки впередъ, роняютъ ружье, опрокидываются навзничъ черезъ голову и летятъ внизъ съ крутаго обрыва, съ одного скалистаго уступа на другой, раздробляя себѣ члены...

„Вотъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, наискосокъ позади меня, скачетъ всадникъ; вдругъ возлѣ него лопается граната. Испуганная лошадь, кинувшись въ сторону, натыкается на крупъ моего коня, потомъ стрѣлой несется мимо. Солдатъ еще сидитъ въ сѣдлѣ, но осколкомъ гранаты ему разорвало животъ и вырвало всѣ внутренности. Верхняя часть тѣла соединяется у него съ нижней только позвоночнымъ столбомъ, все же остальное, отъ реберъ до бедръ,—одна сплошная кровавая ды-

ра... Немного дальше раненый валится съ сѣдла, но одна нога запуталась у него въ стремени и скачущая лошадь тащитъ его за собою по каменистой почвѣ"...

. . . . . .

„По затопленному дождями, крутому подъему въ гору тащится отрядъ артиллеріи. Лафеты съ орудіями увязли въ грязи по самую ступицу колесъ. Лишь съ величайшимъ усиліемъ, обливаясь потомъ и подстрекаемыя безчеловѣчными ударами, лошади трогаются съ мѣста. Но одна изъ нихъ, смертельно измученная, не можетъ сдѣлать ни шагу больше. Жестокіе побои не приводятъ ни къ чему; она тянется изъ послѣднихъ силъ, но не можетъ, окончательно не можетъ. Неужели солдатъ, хлещущій несчастное животное по головѣ, не понимаетъ того? Будь этотъ грубый негодяй ломовымъ извощикомъ, каждый полицейскій, да и я самъ, арестовали бы его. Но этотъ канониръ, которому было приказано начальствомъ везти пушку, дѣйствовалъ только по долгу службы. Однако бѣдная лошадь не могла этого знать; доброе благородное животное, подвергавшееся незаслуженному истязанію и выбивавшееся изъ послѣднихъ силъ, должно быть, горько жаловалось на непонятливость человѣка. Вѣдь и животныя тоже думаютъ, хотя ихъ мысли не формулируются словами и даже не переходятъ въ опредѣленныя понятія, оставаясь въ области ощущеній, которыя тѣмъ острѣе, что они не встрѣчаютъ себѣ исхода. Животное не имѣетъ другаго способа выразить ихъ, кромѣ крика боли. И несчастная лошадь дѣйствительно взвыла, когда наконецъ свалилась съ ногъ, чтобы немедленно издохнуть; ея протяжный жалобный вой до сихъ поръ отдается у меня въ ушахъ; онъ преслѣдовалъ меня въ ту ночь даже во снѣ. Это былъ отвратительный сонъ... Мнѣ казалось, будто бы я—но какъ это высказать? сны до того безсмысленны, что ихъ трудно передать языкомъ, приспособленнымъ къ разумному мышленію—мнѣ приснилось, будто бы я сдѣлался воплощеннымъ сознаніемъ одной изъ такихъ замученныхъ артиллерійскихъ лошадей, нѣтъ, впрочемъ, не одной, но цѣлыхъ 100,000,—я быстро сосчиталъ во снѣ сумму лошадей, гибнувшихъ въ походѣ,—и тогда эта лошадиная пытка увеличилась въ моей душѣ во сто тысячъ кратъ: „Люди—такъ разсуждала лошадь—знаютъ, почему ихъ жизнь

подвергается опасности, имъ извѣстно, куда они идутъ и зачѣмъ. А мы, несчастныя, не знаемъ ничего; вокругъ насъ только одинъ мракъ и ужасъ. Люди идутъ съ друзьями противъ врага, а мы окружены со всѣхъ сторонъ одними врагами... Наши собственные хозяева, къ которымъ мы такъ привязаны, которымъ служимъ, не жалѣя силъ, колотятъ насъ до полусмерти, а потомъ бросаютъ безъ помощи на дорогѣ... А какія мученія намъ приходится выносить наравнѣ съ побоями: — во-первыхъ, страхъ, отъ котораго холодный потъ льется у насъ по всему тѣлу, а во-вторыхъ, жажду, потому что мы также страдаемъ лихорадкой. О, эта жгучая невыносимая жажда, которая томитъ насъ, облитыхъ кровью, искалѣченныхъ, замученныхъ сто тысячъ лошадей"!.. Тутъ я проснулся и первымъ дѣломъ схватилъ со стола бутылку съ водою, потому что самъ изнемогалъ отъ жгучей лихорадочной жажды".

. . . . . .

„Снова уличный бой—въ городкѣ Зааръ; къ крикамъ сражающихся и пушечнымъ выстрѣламъ присоединяется трескъ балокъ и грохотъ падающихъ стѣнъ. Граната, ударившаяся въ домъ, пробиваетъ въ немъ громадную брешь; на головы солдатъ сыплется цѣлый градъ камней; многіе ранены. Черезъ мою собственную голову летитъ вырванная оконная рама. Печныя трубы обрушиваются, известка обращается въ облако удушливой пыли, которая ѣстъ глаза. Сраженіе подвигается изъ улицы въ улицу;—какъ звонко ударяютъ лошадиныя копыта о каменную мостовую!—вотъ, наконецъ, и базарная площадь. Посрединѣ ея стоитъ высокая каменная колонна со статуей Богородицы. Матерь Божія держитъ Младенца на одной рукѣ, а другую простираетъ для благословенія. Здѣсь ужъ идетъ рукопашная схватка. Нѣсколько человѣкъ окружили меня съ саблями наголо; я рублю направо и налѣво... Убилъ ли я одного, или нѣсколькихъ, право, не помню: въ такія минуты дѣйствуешь почти безсознательно. Однако, два эпизода твердо запечатлѣлись у меня въ памяти, какъ будто фотографированные въ ней, и я боюсь, что до конца жизни не забуду рыночную площадь въ городѣ Зааръ:

„Прусскій драгунъ, сильный, какъ Голіаѳъ, хватаетъ одного изъ нашихъ офицеровъ (красиваго, тщедушнаго поручика, скружившаго, вѣроятно, не одну дѣвическую головку), сры-

ваетъ его съ сѣдла и раскраиваетъ ему черепъ у подножія статуи Мадонны; кроткая Богоматерь неподвижно смотритъ на это злодѣйство. Другой изъ непріятельскихъ драгунъ, тоже богатырь, бросается на моего сосѣда и съ такою силой опрокидываетъ его навзничъ въ сѣдлѣ, что переламываетъ ему спинной хребетъ; я самъ слышалъ, какъ хруснули кости.

„А Божія Матерь по прежнему стоитъ себѣ неподвижно, простирая къ народу благословляющую десницу...“

V.

„Сегодня опять вооруженному глазу штабъ-офицеровъ открывались съ возвышенности довольно разнообразные виды. Между прочимъ, обрушился мостъ, когда черезъ него проѣзжала вереница фургоновъ. Были ли въ нихъ раненые, этого я не разсмотрѣлъ, а видѣлъ только, что все: фургоны, лошади, люди, обрушилось въ волны рѣки у противоположнаго берега, гдѣ глубокое, быстрое теченіе, и исчезло подъ водою. Это была „славная штучка“, такъ какъ поѣздъ принадлежалъ „чернымъ“. Вѣдь война все кажется мнѣ шахматной партіей и я представляю себѣ австрійцевъ въ видѣ бѣлыхъ фигуръ. Мостъ обрушился не случайно; зная, что противнику предстоитъ переправа, „бѣлые“ подпилили устои моста—ловкій маневръ!

„Другой видъ, который мы созерцали съ холма, представлялъ, напротивъ, неудачный ходъ бѣлыхъ: они дали большаго маху. Нашъ полкъ, подъ командой Кёвенгюлера, направили въ болото, откуда онъ не могъ выбраться, пока не былъ истребленъ чуть не до единаго человѣка. Раненые падали въ трясину... Утонуть въ ней, захлебнуться жидкой грязью, которая набивается и въ носъ, и въ ротъ, и въ глаза, не давая даже крикнуть, должно быть, ужасно!.. Ну да, конечно, это былъ промахъ того, кто командовалъ людьми, но вѣдь ошибаться свойственно человѣку; да и то сказать—потеря не велика. Она приблизительно равняется отданной пѣшкѣ; слѣдующій геніальный ходъ туромъ или королевой, и промахъ опять поправленъ. Положимъ, болотная тина набилась въ ротъ и глаза павшимъ воинамъ, но это все дѣло побочное — порицанія заслуживаетъ здѣсь тактическая ошибка. Ее нужно загладить

слѣдующей счастливой комбинаціей и попавшіе въ просакъ вожди будутъ еще имѣть случаи заслужить ордена и повышенія. Вотъ еще недавно нашъ восемнадцатый егерскій батальонъ, во время ночнаго сраженія, палилъ по нашему же австрійскому полку имени короля прусскаго и только на утренней зарѣ замѣтилъ свою ошибку; потомъ, часть полка Гіулая завели въ прудъ; но все это мелкія оплошности, какихъ не избѣжать въ разгарѣ игры и самому лучшему игроку".

. . . . . .

„Теперь ужь это дѣло рѣшеное; если я вернусь изъ похода, то выхожу въ отставку. На все, что́ удерживало меня до сихъ поръ отъ этого шага, слѣдуетъ махнуть рукой; если какое нибудь дѣло претитъ до такой степени, какъ мнѣ съ этихъ поръ претитъ война, то служить ему становится непростительнымъ лицемѣріемъ. Какъ тебѣ извѣстно, я и прежде ходилъ воевать съ отвращеніемъ, строго осуждая человѣческую бойню; но только теперь это чувство возросло до того, моя ненависть къ войнѣ такъ сильно обострилась, что всѣ поводы, заставлявшіе меня раньше оставаться на избранномъ поприщѣ, потеряли въ моихъ глазахъ всякій вѣсъ. Взгляды на вещи, привитые воспитаніемъ; наклонности, отчасти унаслѣдованныя отъ предковъ, еще недавно говорили во мнѣ въ пользу призванія солдата, но теперь все это умолкло въ виду недавно пережитыхъ ужасовъ и видѣнныхъ мерзостей... Не знаю, повліяли ли на меня прочитанныя вмѣстѣ съ тобою книги, изъ которыхъ я узналъ, что мое презрѣніе къ войнѣ не представляетъ ничего исключительнаго, но раздѣляется лучшими современными умами; или въ результатѣ нашихъ бесѣдъ вышло то, что, высказывая громко свои взгляды и встрѣчая въ тебѣ сочувствіе къ нимъ, я сильнѣе утвердился въ своихъ мнѣніяхъ; короче, мое прежнее глухое, полуподавленное недовольство обратилось въ ясное убѣжденіе и, благодаря этому, для меня теперь стало невозможнымъ долѣе служить богу войны. Такая перемѣна происходитъ со многими людьми въ дѣлахъ вѣры; сперва человѣкъ сомнѣвается, становится равнодушнымъ къ своей религіи, но все таки можетъ съ извѣстной дозой благоговѣнія присутствовать при обрядахъ своего культа. Но когда всякій мистицизмъ утратитъ для него свое таинственное обаяніе, когда онъ сознаетъ, что

церемонія, на которой онъ присутствуетъ, основана на глупости, да притомъ жестокой глупости, какъ напримѣръ, кровавыя жертвоприношенія, тогда онъ не захочетъ больше преклонять колѣнъ рядомъ съ другими молельщиками и продолжать обманывать себя и міръ, переступая порогъ храма, переставшаго быть для него святыней. То же самое произошло и со мною относительно жестокаго служенія Марсу. То возвышенное, таинственное, возбуждающее благоговѣйный трепетъ, что̀ обыкновенно испытываютъ люди при появленіи этого божества и что̀ въ прежнее время туманило и мой разсудокъ, разсѣялось теперь безъ слѣда.

„Литургія этого культа—манифестъ, объявляющій войну, и ритуалистическія геройскія фразы не представляются мнѣ больше боговдохновеннымъ, святымъ писаніемъ; могучій звукъ органа въ видѣ канонады, кадильный ѳиміамъ пороховаго дыма не могутъ болѣе приводить меня въ экстазъ; безъ всякой вѣры и благоговѣнія присутствую я при страшныхъ обрядахъ и не могу видѣть въ нихъ ничего больше, кромѣ пытки жертвъ, не могу ничего слышать, кромѣ ихъ жалобныхъ предсмертныхъ стоновъ. Вотъ почему эти листки, наполненные моими военными воспоминаніями, не содержатъ въ себѣ ничего инаго, кромѣ горечи и душевной боли, которыя возбуждаютъ во мнѣ встрѣчаемыя на каждомъ шагу картины“.

VI.

Грянулъ бой подъ Кёниггрецомъ и снова былъ проигранъ нами. На этотъ разъ ужь, кажется, рѣшительное пораженіе... Мой отецъ сообщилъ намъ о немъ такимъ тономъ, какъ будто возвѣщалъ свѣтопреставленіе.

И ни письма, ни депеши отъ Фридриха! Что онъ раненъ? убитъ? Конрадъ прислалъ вѣсточку своей невѣстѣ: онъ остался невредимъ. Списки убитыхъ и раненыхъ еще не были опубликованы; носились слухи, что подъ Кёниггрецомъ легло до сорока тысячъ. Между тѣмъ, въ послѣднемъ коротенькомъ письмѣ, полученномъ мною, говорилось: „сегодня мы выступаемъ въ Кёниггрецъ“.

На третій день, опять никакихъ вѣстей. Я плачу и плачу

цѣлыми часами. Именно потому, что мое горе несовсѣмъ безнадежно, я могу еще плакать. Еслибъ я знала, что для меня все кончено, мое отчаяніе не нашло бы себѣ исхода въ слезахъ. Отецъ также повѣсилъ голову, а Отто, мой братъ, сгораетъ жаждой мести. Носятся слухи, будто бы въ Вѣнѣ формируютъ корпусъ добровольцевъ: и ему хочется вступить въ ихъ ряды. Потомъ говорятъ, будто бы главнокомандующій Бенедекъ смѣненъ и на мѣсто его на сѣверъ посылаютъ побѣдоноснаго эрцгерцога Альбрехта; тогда, можетъ быть, еще удастся поднять духъ арміи и отбить дерзкаго непріятеля, который теперь собирается уничтожить насъ въ конецъ и готовъ идти на Вѣну... Страхъ, бѣшенство, горе волнуютъ всѣ сердца; въ словѣ: „прусаки“ концентрируется рѣшительно все, что̀ есть самаго ненавистнаго. Но моя единственная мысль только о Фридрихѣ, а между тѣмъ никакого, никакого извѣстія!

Черезъ нѣсколько дней, пришло письмо отъ доктора Брессера. Онъ работалъ въ окрестностяхъ поля битвы, стараясь оказать посильную помощь пострадавшимъ. По его словамъ, здѣсь творилось нѣчто ужасное, нѣчто такое, чего не въ силахъ представить себѣ самое пылкое воображеніе. Онъ присоединился къ одному саксонскому врачу, доктору Брауеру, командированному своимъ правительствомъ для представленія отчета о тамошнемъ положеніи дѣлъ. Черезъ два дня, ожидали прибытія одной саксонской дамы, г-жи Симонъ,—новой миссъ Найтингель,—которая съ самаго начала войны работала въ дрезденскихъ госпиталяхъ и выхлопотала разрѣшеніе отправиться въ Богемію, чтобы оказать помощь въ полевыхъ лазаретахъ на самомъ театрѣ войны. Докторъ Брауеръ съ докторомъ Брессеромъ собирались прибыть въ назначенный день въ семь часовъ вечера въ Кёнигингофъ, послѣднюю станцію передъ Кёниггрецомъ, до которой доходило еще желѣзнодорожное сообщеніе. Здѣсь они хотѣли выждать пріѣзда мужественной сестры милосердія. Брессеръ просилъ насъ, если можно, выслать ему на эту станцію перевязочныхъ матеріаловъ и тому подобныхъ вещей, чтобъ получить ихъ тутъ безъ проволочекъ. Едва прочитавъ его письмо, я рѣшилась безотлагательно дѣйствовать и вызвалась отправить сама нашу посылку. Пожалуй, въ одномъ изъ госпиталей, которые собира-

лась посѣтить госпожа Симонъ, лежалъ мой Фридрихъ... Я присоединюсь къ ней, чтобы найти дорогаго больнаго, ухаживать за нимъ, спасти его. Эта мысль овладѣла мной съ такой неодолимой силой, что я приписала ее магнетическому дѣйствію страстнаго желанія со стороны мужа увидаться со мною.

Не сказавъ никому изъ родныхъ о своемъ намѣреніи— потому что они стали бы меня отговаривать—я выѣхала изъ Грумица, два часа спустя послѣ полученія письма. Свою поѣздку въ Вѣну я мотивировала желаніемъ купить самой всѣ вещи, нужныя для Брессера, и немедленно отправить ихъ по желѣзной дорогѣ. Изъ Вѣны я намѣревалась написать отцу всего нѣсколько словъ: „Отправилась на театръ войны". Конечно, меня осаждали сомнѣнія: мнѣ приходила въ голову моя неспособность и неопытность въ уходѣ за больными, отвращеніе къ ранамъ, къ крови и смерти, но я старалась отогнать эти мысли: что я дѣлала, то было нужно дѣлать. Взглядъ моего мужа, умоляющій и властный, былъ устремленъ на меня; со своего страдальческаго ложа Фридрихъ протягивалъ мнѣ руки, и я могла только мысленно повторять: „Спѣшу, спѣшу къ тебѣ".

Нашу столицу я нашла въ страшномъ волненіи и переполохѣ. Куда ни взглянешь, вездѣ разстроенныя лица. Съ моимъ экипажемъ встрѣчались другіе экипажи и фуры, наполненные ранеными. Всякій разъ я напряженно всматривалась, нѣтъ ли между ними Фридриха. Но нѣтъ, его тоскливый призывъ, отъ котораго содрогались всѣ фибры моего организма, доносился до меня издали—изъ Богеміи. Еслибъ его доставили въ Вѣну, то насъ своевременно увѣдомили бы о томъ. Я приказала везти себя въ гостинницу, съѣздила оттуда за покупками, отослала въ Грумицъ письмо, переодѣлась въ самое простое и прочное дорожное платье, и наконецъ поѣхала на вокзалъ сѣверной желѣзной дороги. Я хотѣла отправиться со слѣдующимъ поѣздомъ, чтобы не опоздать къ мѣсту своего назначенія. То была единственная опредѣленная идея, руководившая всѣми моими дѣйствіями. На вокзалѣ господствовало большое оживленіе, хотя это слово плохо гармонировало съ видомъ неподвижныхъ, распростертыхъ человѣческихъ фигуръ, которыя попадались тамъ на глаза на каждомъ шагу. Платформа, залы, подъѣздъ, все было переполнено еле жи-

выми и умирающими; многіе изъ нихъ находились при послѣднемъ издыханіи. Вокругъ нихъ хлопотала масса народу: лазаретные служители, военные санитары, сестры милосердія, врачи; кромѣ того, мужчины и женщины всѣхъ слоевъ общества являлись сюда освѣдомиться, не привезенъ ли съ послѣднимъ транспортомъ кто нибудь изъ ихъ близкихъ; другіе пріѣзжали одѣлять раненыхъ подарками—виномъ, сигарами и т. п. Желѣзнодорожный персоналъ служащихъ высшаго и низшаго разряда старался сдерживать страшный напоръ публики. Меня также хотѣли было воротить назадъ:

— Что вамъ надо?.. дайте дорогу!.. Здѣсь не позволяютъ раздавать ѣду и питье... обратитесь въ комитетъ... тамъ принимаютъ всякія пожертвованія.

— Нѣтъ, нѣтъ,—возразила я,—мнѣ надо ѣхать. Когда отходитъ слѣдующій поѣздъ?

На этотъ вопросъ я долго не могла добиться положительнаго отвѣта. Большинство поѣздовъ отправленія было отмѣнено,—сказали мнѣ наконецъ,—такъ какъ линія занята транспортами раненыхъ, прибывающими одинъ за другимъ. Вообще же, сегодня не будетъ больше отправлено ни одного пассажирскаго поѣзда. Пойдетъ только одинъ съ резервными войсками, да еще другой, находящійся въ исключительномъ распоряженіи патріотическаго общества поданія помощи на войнѣ; на этомъ послѣднемъ отправляется множество врачей, сестеръ милосердія, да еще вдобавокъ грузъ матеріаловъ и медикаментовъ въ окрестности Кёниггреца.

— Значитъ, и мнѣ можно поѣхать вмѣстѣ съ ними?

— Ни въ какомъ случаѣ.

Все яснѣе и жалобнѣе доносился до меня голосъ Фридриха, молившій о помощи, а я не могла поспѣшить къ нему: тутъ, право, можно помѣшаться съ отчаянія!

Вдругъ у однихъ дверей, выходившихъ на платформу, я вижу барона С., вице-президента патріотическаго общества, того самаго, съ которымъ я познакомилась еще во время войны 59 года. Я бросилась къ нему.

— Ради бога, баронъ С., помогите мнѣ! Вы узнаете меня?

— Какъ же! Баронесса Тиллингъ, дочь генерала, графа Альтгауза, не такъ ли?.. Чѣмъ могу я вамъ служить?

— Вы отправляете поѣздъ въ Богемію... дайте мнѣ на

немъ мѣстечко; мой умирающій мужъ требуетъ меня къ себѣ... Если у васъ есть сердце,—а ваша дѣятельность доказываетъ, насколько оно прекрасно и благородно,—не отвергните моей просьбы!

Хотя тутъ встрѣтилось много препятствій и дѣло уладилось не очень скоро, но въ концѣ концовъ мое желаніе было уважено. Баронъ С. позвалъ одного изъ врачей, командированныхъ патріотическимъ обществомъ, и поручилъ меня его заботливости во время пути.

До отъѣзда оставался еще часъ.

Мнѣ вздумалось пройти въ залу для пассажировъ, но оказалось, что на вокзалѣ каждый удобный уголъ обращенъ въ лазаретъ. Куда ни взглянешь, вездѣ скорченныя, лежащія фигуры съ блѣдными лицами, съ перевязанной головой или конечностями. У меня морозъ подиралъ по кожѣ при взглядѣ на нихъ, и я отворачивалась. Небольшой запасъ энергіи, которымъ я обладала, слѣдовало сохранить для предстоящаго пути и его конечной цѣли. Я не смѣла расточать здѣсь своихъ силъ, своей жалости, своей охоты взяться за тяжелый, непривычный трудъ ухаживанья за ранеными; все это нужно было сохранить для того, кто призывалъ меня къ себѣ. Я чувствовала, что иначе меня не хватитъ на подвигъ.

Однако, тутъ некуда было уйти отъ ужасныхъ потрясающихъ зрѣлищъ. Я вышла было на платформу и какъ разъ наткнулась на самое худшее: прибылъ длиннѣйшій поѣздъ; всѣ вагоны были переполнены ранеными, которыхъ стали выносить оттуда. Кто былъ раненъ сравнительно легко, выходилъ самъ изъ вагона и кое-какъ тащился на вокзалъ; большинство же прибывшихъ или не могли идти безъ посторонней помощи, или ихъ приходилось переносить на рукахъ. Всѣ имѣвшіяся въ запасѣ носилки были тотчасъ заняты, остальныхъ паціентовъ клали пока на полъ. Я присѣла на какой-то ящикъ и у моихъ ногъ положили одного несчастнаго, у котораго ежеминутно вырывалось изъ горла страшное хрипѣніе и бульканье. Я наклонилась къ нему, желая сказать слово участія страдальцу, но тотчасъ съ ужасомъ откинулась назадъ и закрыла лицо руками. У этого раненаго не осталось даже человѣческаго облика: нижняя челюсть была отстрѣлена, одинъ глазъ вытекалъ вонъ... отъ него несло невыносимымъ

зловоніемъ разлагавшейся крови и нечистотъ... Моимъ первымъ побужденіемъ было вскочить и убѣжать безъ оглядки, но силы меня оставили и голова моя безпомощно откинулась на стѣну, у которой я сидѣла. „Малодушная, слабая женщина!“ съ горечью подумала я. „Чего ты ищешь въ этомъ мѣстѣ ужаса, гдѣ ты ничѣмъ не можешь помочь и гдѣ вокругъ тебя однѣ отталкивающія, отвратительныя картины!..“ Только мысль о Фридрихѣ помогла мнѣ снова оправиться. Да, ради него, еслибъ даже онъ находился въ такомъ состояніи, какъ этотъ изувѣченный живой трупъ у моихъ ногъ, я могла бы перенести, что угодно... Я даже обняла бы его и поцѣловала, и всякая гадливость, весь страхъ поглотило бы во мнѣ одно чувство любви. „Фридрихъ, мой Фридрихъ, я спѣшу къ тебѣ!“ твердила я вполголоса, выражая этими словами единственную мысль, овладѣвшую мною съ момента полученія письма отъ Брессера и не покидавшую меня болѣе.

Но тутъ въ моемъ мозгу мелькнуло вдругъ ужасное предположеніе: а вдругъ этотъ изуродованный умирающій и есть самъ Фридрихъ?! Я собрала всю свою твердость, чтобъ еще разъ всмотрѣться въ несчастнаго: нѣтъ, это не былъ мой мужъ.

VII.

Но вотъ прошелъ и томительный часъ ожиданія. Хрипѣвшаго больнаго унесли прочь. „Положите его вонъ туда, на скамью!“—донесся до меня голосъ полковаго врача,—„этого нельзя ужь и перевезти въ госпиталь: онъ на три четверти покойникъ“. А, между тѣмъ, этотъ „покойникъ на три четверти“ очевидно услыхалъ и понялъ сказанное, потому что съ отчаяніемъ всплеснулъ руками и поднялъ ихъ къ небу.

Наконецъ меня усадили въ вагонъ, въ обществѣ двоихъ врачей и четырехъ сестеръ милосердія. Воздухъ былъ удушливо зноенъ; въ нашемъ купэ пахло больницей и ризницей—карболкой и ладаномъ. Мнѣ было дурно; я прислонилась въ уголъ и закрыла глаза.

Поѣздъ тронулся. Въ этотъ моментъ, каждый отъѣзжающій непремѣнно вспоминаетъ о цѣли своего путешествія. До сихъ поръ мнѣ довольно часто случалось ѣздить по сѣверной же-

лѣзной дорогѣ, но тогда меня ждалъ впереди пріѣздъ въ какой нибудь переполненный гостями замокъ или улыбалась пріятная перспектива повеселиться на водахъ; по той же дорогѣ мы отправились съ Фридрихомъ изъ Вѣны сейчасъ послѣ вѣнца—счастливое воспоминаніе! Тогда меня ожидалъ блестящій и задушевный пріемъ въ столицѣ „Пруссіи“ (не странно ли, что это слово звучало теперь совсѣмъ иначе для моего слуха?) Ну, а сегодня, куда я отправляюсь? На поле битвы и въ близь лежащіе лазареты—въ царство смерти и страданія. У меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ.

— Сударыня,—обратился ко мнѣ одинъ изъ врачей,—мнѣ кажется, вы сами бо́льны... Вы такъ блѣдны и какъ будто страдаете.

Я подняла на него глаза. Говорившій былъ симпатичный господинъ, еще очень юный. Вѣроятно, онъ только вступалъ на медицинское поприще. Какъ благородно, съ его стороны, съ первыхъ же шаговъ посвятить себя такой почтенной дѣятельности, сопряженной съ такими опасностями и трудами! Я чувствовала благодарность къ этимъ людямъ, сидѣвшимъ со мной въ вагонѣ, за ихъ человѣколюбіе. Самоотверженныя, въ буквальномъ значеніи слова сердобольныя сестры милосердія также внушали мнѣ почтеніе. Но что̀ въ сущности могъ сдѣлать каждый изъ нихъ? При всемъ самоотверженіи, онъ приносилъ только на какой нибудь лотъ облегченіе страдальцамъ, гдѣ человѣческое бѣдствіе могло быть измѣрено развѣ тысячами центнеровъ; а эти мужественныя монахини, вѣроятно, питали такую же всепобѣждающую любовь къ человѣчеству, какую я чувствовала только къ моему мужу. Какъ я недавно почувствовала, что еслибъ страшно изуродованный и возбуждавшій отвращеніе солдатъ, который хрипѣлъ у моихъ ногъ, оказался моимъ Фридрихомъ, то всякая гадливость и страхъ исчезли бы во мнѣ; такъ и эти женщины чувствовали ко всякому изъ своихъ ближнихъ такое состраданіе, что оно побѣждало въ нихъ всѣ другія чувства; но это достигалось силою возвышенной любви къ ихъ избранному жениху, Христу. Однако и эти благородныя души могли сдѣлать сравнительно очень немного! Что̀ значитъ одинъ лотъ любви тамъ, гдѣ свирѣпствовали тысячи центнеровъ ненависти!..

— Нѣтъ, докторъ, — отвѣчала я на участливый вопросъ молодаго врача,—я вовсе не больна, а только утомилась.

— Вашъ супругъ, по словамъ барона С., былъ раненъ подъ Кёниггрецомъ, и вы ѣдете туда, чтобъ ухаживать за нимъ, — вмѣшался штабный врачъ въ нашъ разговоръ.— Извѣстно ли вамъ, въ какомъ изъ окрестныхъ мѣстечекъ онъ лежитъ?

Этого я не знала.

— Мнѣ придется остановиться въ Кёнигингофѣ,—отвѣчала я,—тамъ ожидаетъ меня нашъ хорошій знакомый, докторъ Брессеръ.

— Ахъ, я его знаю... Мы вмѣстѣ съ нимъ обыскивали поле сраженія три дня тому назадъ.

— Обыскивали поле сраженія? — повторила я, содрогаясь:—разскажите, пожалуйста...

— Да, докторъ, непремѣнно разскажите,—повторила за мной одна изъ монахинь,—вѣдь, пожалуй, и намъ по своей должности придется когда нибудь принимать участіе въ такихъ поискахъ.

И полковой врачъ принялся разсказывать. Конечно, я не могу передать въ подробности его рѣчей, тѣмъ болѣе, что его разсказъ не былъ вполнѣ послѣдователенъ; онъ часто прерывалъ его, уклонялся въ сторону, а иногда и совсѣмъ отказывался продолжать это описаніе, такъ что только настойчивые вопросы любознательныхъ сестеръ милосердія заставляли его продолжать. И все таки эти отрывочные разсказы вызываютъ въ моей памяти законченный рядъ картинъ, которыя такъ сильно запечатлѣлись въ моемъ мозгу, что я не могла ихъ позабыть до сихъ поръ. При иныхъ обстоятельствахъ, я не съ такою жадностью прислушивалась бы къ словамъ доктора и не могла бы такъ ясно ихъ запомнить—вѣдь мы такъ легко забываемъ слышанное и прочитанное,—но при моемъ тогдашнемъ настроеніи, благодаря повышенной воспріимчивости нервовъ, картины, которыя мнѣ описывали, производили на меня впечатлѣніе пережитаго. Мучительная забота о Фридрихѣ, овладѣвшая мною до потери обыкновенной разсудительности, довела меня почти до галлюцинацій; по крайней мѣрѣ, во всѣхъ ужасныхъ сценахъ въ разсказѣ доктора я представляла себѣ Фридриха дѣйствующимъ лицомъ

онѣ потрясали меня до глубины души, какъ будто я была евидицей всего этого. Потомъ я занесла весь этотъ матеалъ въ мою красную тетрадку и теперь привожу оттуда нтателю нѣкоторыя страницы, написанныя какъ будто отъ мени самого разсказчика.

. . . . . .

„Походный лазаретъ раскинули за гребнемъ холма, котоый служилъ намъ защитой. Вдали продолжается битва. Земля рожитъ и дрожитъ; раскаленный воздухъ; облака дыма поднимаются къ небу, пушки грохочутъ... Нужно снарядить нѣколько патрулей на мѣсто битвы, чтобы подобрать тяжело раненыхъ и перенести сюда. Такое дѣло требуетъ много ужества. Санитары должны идти подъ градъ жужжащихъ уль, видя вокругъ себя всѣ ужасы битвы, подвергаясь всѣмъ пасностямъ, но не имѣя права принять участіе въ бою, заыться въ чаду жаркой схватки. Это ли не истинное геройство? А между тѣмъ обязанность санитара—съ военной точки рѣнія—не считается почтенной; ловкій, находчивый, красиый юноша не пойдетъ служить въ санитарный отрядъ, поому что ни одинъ изъ служащихъ тамъ не считается интеснымъ кавалеромъ въ женскомъ обществѣ. Какой же, наримѣръ, фельдшеръ, хотя онъ и называется теперь полкомъ врачемъ, можетъ равняться съ кавалерійскимъ поручиомъ?..

„Вотъ санитарный капралъ направляетъ своихъ людей къ акому пункту, по которому непріятельская батарея открыла онь; они идутъ въ густомъ облакѣ пороховаго дыма, пыль земля залѣпляютъ имъ глаза, когда пуля ударится у ихъ огъ. Пройдя нѣсколько шаговъ, они уже встрѣчаютъ раненыхъ—съ легкими ранами; они плетутся въ одиночку или арами, поддерживая другъ друга, къ временному лазарету. другъ одинъ изъ нихъ падаетъ. Но не рана тому причина, просто изнеможеніе. „Мы два дня ничего не ѣли, шли форированнымъ маршемъ двѣнадцать часовъ... Пришли на биакъ... а черезъ два часа—хлопъ!—тревога, и началось сраеніе“. Патруль идетъ дальше. Эти раненые сами найдутъ дорогу и прихватятъ съ собой ослабѣвшаго товарища. Помощь олжна быть оказана другимъ, которые еще больше въ ней уждаются.

„На усыпанномъ камнями скатѣ холма лежитъ какой-то кровавый клубокъ. Это человѣкъ двѣнадцать раненыхъ солдатъ. Санитарный унтеръ-офицеръ останавливается и дѣлаетъ кой-кому изъ нихъ перевязку. Однако, взять ихъ съ собой нельзя; надо подобрать тѣхъ, кто упалъ на самомъ полѣ битвы, а этихъ, можетъ быть, удастся прихватить на обратномъ пути. И патруль идетъ дальше, все ближе къ мѣсту боя. Теперь раненые попадаются ему на встрѣчу толпами; одни еле тащутся сами, другіе тащутъ вдобавокъ товарищей. Хорошо еще, что они въ силахъ идти. Имъ даютъ напиться изъ походныхъ фляжекъ, накладываютъ бинты на раны, изъ которыхъ льетъ ручьями кровь, и указываютъ дорогу къ походному лазарету. Опять идутъ дальше, мимо убитыхъ—мѣстами трупы навалены цѣлыми грудами... при взглядѣ на многихъ мертвецовъ, видишь слѣды ужаснѣйшей агоніи: неестественно выпученные глаза, ногти, вонзившіеся въ землю, стоящіе дыбомъ волосы на головѣ, судорожно раскрытыя губы, откуда виднѣются два ряда крѣпко стиснутыхъ зубовъ; кто лежитъ скорчившись, кто вытянулъ ноги и окоченѣлъ. Вотъ и узкая лощина; здѣсь люди навалены, какъ попало. Мертвецы и раненые лежатъ въ повалку. Послѣдніе привѣтствуютъ санитарный патруль, какъ своихъ ангеловъ-избавителей, и молятъ о помощи, и жалобно кричатъ. Прерывающимся голосомъ, съ плачемъ, стономъ, визгомъ, умоляютъ они о спасеніи, выпрашиваютъ глотокъ воды... но увы, запасы почти всѣ истощились, да и что можетъ сдѣлать для такой массы страдальцевъ жалкая горсть людей? Каждому слѣдовало бы имѣть для этого сотню рукъ... зато и каждый дѣлаетъ, что́ можетъ. Вдругъ раздается протяжный сигналъ, которымъ призываютъ санитаровъ. Люди останавливаются, прекращая подачу помощи. „Не покидайте насъ, не покидайте насъ“, молятъ несчастные; между тѣмъ опять и опять звучитъ условный призывъ горниста, который легко различитъ даже въ общемъ хаосѣ звуковъ. Вотъ прискакалъ адьютантъ: „Вы санитары?“—„Точно такъ!“—отвѣчаетъ капралъ.—„За мной!“

„Очевидно, раненъ какой нибудь генералъ... нечего дѣлать, надо повиноваться, оставивъ другихъ на произволъ судьбы. „Не падайте духомъ, потерпите, товарищи; мы скоро придемъ за вами“. Но тѣ, кто говоритъ это, и тѣ, которые слу-

шаютъ, знаютъ, что подобныя вещи говорятся только въ утѣшеніе. Солдаты снова идутъ дальше, почти бѣгутъ за адъютантомъ, который скачетъ впередъ, указывая дорогу. Тутъ ужь нельзя остановиться, хотя бы справа и слѣва раздавались крики о помощи и раздирающіе стоны. Тутъ, если кого нибудь изъ самихъ санитаровъ уложитъ пуля, остальные безъ оглядки бѣгутъ впередъ... мимо, мимо корчащихся отъ страшной боли раненыхъ, растоптанныхъ лошадиными копытами, раздавленныхъ проѣхавшими пушками; эти искалѣченныя, изуродованныя человѣческія существа, завидѣвъ спасительный патруль, собираютъ послѣднія силы и стараются приподняться, но мимо, мимо"...

VIII.

Подобныя описанія продолжаются въ красныхъ тетрадкахъ на множествѣ страницъ. Разсказы полковаго врача о работѣ санитарнаго патруля на полѣ битвы содержатъ въ себѣ много подобныхъ и еще болѣе ужасныхъ подробностей. Такъ напримѣръ, тутъ описываются моменты, когда, во время ухода за ранеными, на нихъ сыплются пули, падаютъ гранаты, нанося новыя раны, или когда случайности битвы переносятъ бой на самый перевязочный пунктъ, къ походнымъ лазаретамъ,—причемъ весь санитарный персоналъ, съ врачами и больными, попадаетъ въ середину сумятицы между сражающимися или между бѣгущими или преслѣдующими войсками;—потомъ, когда испуганныя лошади безъ всадниковъ мечутся по полю туда и сюда и опрокидываютъ носилки, куда только что положили тяжело раненаго, который теперь убился до смерти, сброшенный на землю... А вотъ еще одна картина, самая ужасная изо всѣхъ: сотню раненыхъ пріютили на какой нибудь опустѣлой мызѣ, ихъ перевязали, накормили. Бѣдняки такъ рады своему спасенію, такъ благодарны. Вдругъ сюда залетаетъ непріятельская граната и зажигаетъ строеніе... Одна минута, и лазаретъ объятъ пламенемъ; поднимается крикъ, дикій, отчаянный вой, заглушающій все остальное, и этихъ жалобныхъ голосовъ людей, обреченныхъ на смерть, не забыть во всю жизнь тому, кто ихъ однажды слышалъ... Я почувствовала,

что тоже никогда не забуду этого крика, хотя не слышала его своими ушами; но во время разсказа полковаго врача мнѣ опять померещилось, будто бы Фридрихъ съ отчаяніемъ зоветъ меня изъ пылающаго мѣста пытки...

— Вамъ дурно, сударыня,—воскликнулъ разсказчикъ,—я слишкомъ понадѣялся на ваши нервы.

Но съ меня еще было мало всего этого.

Я увѣряла, что моя нервная слабость происходитъ отъ жары, безсонной ночи, и настойчиво выспрашивала дальше. Мнѣ казалось, что я недостаточно слышала, что изъ этихъ обрисованныхъ передъ мною адскихъ круговъ остаются еще неописанными самые послѣдніе, гдѣ адскія муки достигали своего апогея. А если одинъ разъ человѣка охватитъ жажда слушать какіе нибудь ужасы, онъ не успокоится, пока не утолитъ ея, добиваясь услышать что нибудь еще ужаснѣе. И въ самомъ дѣлѣ, существуютъ вещи еще болѣе отвратительныя, потрясающія, чѣмъ тѣ, которыя встрѣчаются во время самой битвы; я говорю о томъ, что̀ бываетъ послѣ нея. Вотъ замолкли и грохотъ пушекъ, и трубные сигналы, и барабанный бой; надъ мѣстомъ боя слышны только тихіе болѣзненные стоны и предсмертное хрипѣніе. Истоптанная земля покрыта жидкой грязью краснаго оттѣнка, а мѣстами стоятъ цѣлыя лужи крови. Все, что̀ было посѣяно на полѣ, погибло, только тамъ и тутъ уцѣлѣлъ клочокъ земли, покрытый колосьями; еще недавно кипѣвшія жизнью деревни обращены въ развалины и груды мусора. Деревья въ лѣсу обуглены или порублены, заборы разрушены картечью... И это поле битвы усѣяно тысячами мертвыхъ и умирающихъ—умирающихъ безъ помощи! По окраинамъ дорогъ и на лугахъ, не увидишь цвѣтовъ, привлекающихъ взоръ, но зато здѣсь повсюду валяются сабли, штыки, ранцы, плащи, опрокинутыя телѣги зарядnаго парка, взлетѣвшіе на воздухъ пороховые ящики, подбитыя орудія на сломанныхъ лафетахъ... Возлѣ пушекъ съ почернѣвшимъ отъ копоти жерломъ, земля больше всего залита кровью, тутъ больше всего труповъ, и они страшнѣе изуродованы; нѣкоторые изъ раненыхъ еще дышатъ, но они буквально разстрѣляны пулями. Тутъ же мертвыя и полумертвыя лошади; онѣ стараются выпрямиться на уцѣлѣвшихъ ногахъ и опять падаютъ, снова дѣлаютъ отчаянныя попытки встать, и

снова валятся, а потомъ вытягиваютъ шею, поднимаютъ голову и испускаютъ ужасный предсмертный крикъ... Узкая лощина совершенно завалена тѣлами, затоптанными въ грязь. Несчастные, вѣроятно, дотащились сюда, думая спастись, но по нимъ проѣхала батарея, и они были раздавлены колесами и лошадиными копытами... Многіе изъ нихъ еще дышатъ, члены ихъ представляютъ одну кровавую мягкую массу, но они „все таки живы".

А между тѣмъ бываетъ еще и хуже, какъ напримѣръ, появленіе гнуснѣйшей накипи человѣчества, ведущаго войну, именно мародеровъ; эти гіены поля битвы, гады, точащіе мертвецовъ, осторожно ползутъ на мѣсто боя подъ прикрытіемъ ночнаго мрака, склоняются надъ убитыми и умирающими и срываютъ съ нихъ одежду. Это дѣлается безъ всякаго милосердія. Сапоги стаскиваютъ съ окровавленныхъ ногъ, кольца съ раненой руки; если же они снимаются туго, то палецъ безъ церемоніи отрѣзываютъ; иногда жертва вздумаетъ защищаться, тогда ее бьютъ или выкалываютъ ей глаза, чтобы не быть узнаннымъ потомъ...

Я громко вскрикнула. При послѣднихъ словахъ доктора, разсказанная имъ сцена представилась передъ мною, какъ живая; а глаза, въ которые вонзался ножъ безчеловѣчнаго мародера, показались мнѣ голубыми, кроткими, дорогими глазами моего Фридриха...

— Простите, сударыня, но вы сами хотѣли...

— Да, да, я хочу слышать обо всемъ. Скажите, это бываетъ ночью—такія сцены послѣ битвы разыгрываются при свѣтѣ звѣздъ?

— И при свѣтѣ факеловъ. Высылаемые побѣдителемъ для обыска поля битвы, патрули запасаются факелами и фонарями, а на мѣстахъ, гдѣ разбиты походные госпитали, вывѣшиваютъ красный фонарь на высокомъ шестѣ.

— Ну, а на слѣдующее утро, какой видъ представляетъ мѣсто боя?

— Пожалуй, еще болѣе ужасный. Контрастъ между радостнымъ блескомъ солнца и страшной человѣческой работой, которую оно освѣщаетъ, дѣйствуетъ еще болѣе удручающимъ образомъ. Ночью эта картина имѣетъ въ себѣ что-то призрачно-фантастическое, а днемъ, безъ всякихъ прикрасъ и смяг-

ченій, это—просто отталкивающее, отчаянное зрѣлище. Только теперь ясно видишь многочисленность повсюду валяющихся труповъ: по дорогамъ, между полями, въ канавахъ, подъ развалинами стѣнъ, вездѣ на каждомъ шагу мертвецы. Ограбленные мародерами, нѣкоторые раздѣты донага. Точно также и раненые. Послѣдніе, не смотря на ночной обходъ санитарнаго отряда, встрѣчаются все еще въ большомъ количествѣ. На нихъ страшно взглянуть: блѣдные, изможденные, съ зеленоватыми или пожелтѣвшими лицами, съ неподвижно остановившимся тупымъ взглядомъ; другіе же корчатся въ невыносимыхъ страданіяхъ, умоляя каждаго, кто къ нимъ подходитъ, прикончить ихъ. Стая вороновъ опускается на вершины деревьевъ и громкимъ карканьемъ созываетъ товарищей на лакомый пиръ... Голодные псы изъ деревень сбѣгаются туда же и лижутъ кровь изъ ранъ. Мародеры изподтишка на скорую руку продолжаютъ свою работу... потомъ настаетъ общее погребеніе...

— Кто же хоронитъ мертвыхъ? санитарный корпусъ?

— Какъ можно, да развѣ его хватитъ на такую работу! Имъ съ одними ранеными достаточно дѣла.

— Значитъ, на погребеніе отряжаютъ войска?

— Нѣтъ, просто берутъ первыхъ попавшихся поселянъ или добровольно сбѣгающихся сюда праздныхъ людей: бродягъ, любопытныхъ, а также состоящихъ при обозѣ, которые помогаютъ маркитантамъ или состоятъ сторожами при кладяхъ. Военное начальство сгоняетъ ихъ сюда рыть могилы большихъ размѣровъ, т. е., я хочу сказать, широкія, длинныя, потому что ихъ обыкновенно не роютъ глубоко. На это не хватило бы времени. И вотъ въ эти ямы кидаютъ тѣла, какъ попало. Или дѣлаютъ еще такъ: на кучу труповъ накидаютъ фута два земли, это походитъ на курганъ. Но вотъ, дня два спустя, польетъ дождь и размоетъ землю надъ гніющихи трупави, но что за важность? Проворные, веселые могильщики не заглядываютъ такъ далеко. Работа у нихъ кипитъ, спорится, въ этомъ надо отдать имъ справедливость. Они роютъ землю, насвистывая пѣсенки, отпуская шуточки, а гіены пляшутъ хороводомъ вокругъ открытой могилы. Если въ нѣкоторыхъ тѣлахъ, которыя швыряютъ въ яму или засыпаютъ землей, еще теплится жизнь—что за бѣда! Такіе случаи не-

избѣжны; столбнякъ—обычное явленіе вслѣдствіе ранъ. Нѣкоторые, спасенные чудомъ отъ ужасной участи быть погребенными заживо, разсказываютъ объ этомъ. Но сколько такихъ, которымъ не пришлось ничего больше разсказать. Если на васъ насыплютъ два фута земли, поневолѣ придется держать языкъ за зубами подъ такою печатью молчанья...

О, мой Фридрихъ, мой Фридрихъ!—хотѣлось мнѣ простонать въ невыразимой мукѣ.

— Да, вотъ картина слѣдующаго утра,—заключилъ полковой врачъ.—Ну, что жъ, разсказать вамъ теперь, что̀ бываетъ въ слѣдующій вечеръ? Тогда...

— Это я и сама вамъ разскажу, докторъ,—перебила я.— Въ столицѣ одного изъ воюющихъ государствъ, получено по телеграфу извѣстіе о славной побѣдѣ. Поутру во всѣхъ храмахъ—во время танца гіенъ вокругъ общихъ могилъ,—служатъ торжественные молебны, а вечеромъ мать или жена одного изъ заживо погребенныхъ ставитъ пару зажженныхъ свѣчъ на подоконникъ, потому что въ городѣ зажжена иллюминація.

— Да, сударыня, эта комедія разыгрывается дома. Между тѣмъ, на полѣ битвы ещѐ и при второмъ восходѣ солнца трагедія не разыграна до конца. Кромѣ жертвъ, отправленныхъ въ госпитали и зарытыхъ въ землю, остаются еще *неотысканные*. Въ густомъ кустарникѣ, въ высокихъ хлѣбахъ или между лѣснымъ валежникомъ, эти люди ускользнули отъ взгляда санитаровъ и могильщиковъ. И вотъ для нихъ наступаетъ мучительная агонія, продолжающаяся иногда по нѣскольку сутокъ: подъ палящимъ полуденнымъ зноемъ, во мракѣ ночи, лежа на камняхъ и терновникѣ, въ зловонной атмосферѣ гніющихъ поблизости труповъ и собственныхъ разлагающихся ранъ, они становятся добычей пирующихъ коршуновъ, которые съ жадностью клюютъ еще трепещущую добычу.

IX.

Что это было за путешествіе! Полковой врачъ давно пересталъ разсказывать, но картины, нарисованныя имъ, продолжали представляться у меня передъ глазами. Желая разсѣяться отъ тяжелыхъ мыслей, я выглянула въ окно, но и

тутъ на каждомъ шагу встрѣчались слѣды военнаго времени, со всѣми его бѣдствіями. Хотя эта страна и не подверглась опустошенію со стороны непріятеля, не дымились въ окрестностяхъ разоренныя деревни и врагъ не успѣлъ еще похозяйничать ни въ поляхъ, ни въ лѣсахъ, но тутъ свирѣпствовало, пожалуй, еще худшее зло: паническій страхъ передъ этимъ врагомъ. „Прусаки идутъ, прусаки идутъ“, повторялось со всѣхъ сторонъ на разные лады, и если эти полныя боязни слова не доносились до насъ, то дѣйствіе ихъ можно было ясно видѣть изъ оконъ вагона. По большимъ дорогамъ и проселкамъ тянулись крестьянскіе обозы, нагруженные постелями, домашнимъ скарбомъ и провизіей, люди бѣжали во внутрь страны, подальше отъ границъ, покидая свои жилища. Сборы ихъ въ дорогу, очевидно, происходили съ большою поспѣшностью. На одномъ и томъ же возу можно было видѣть поросятъ, спеленатаго младенца и пару мѣшковъ съ картофелемъ; рядомъ съ возомъ шагали мужъ, жена и старшія дѣти: мнѣ хорошо удалось разсмотрѣть одну такую семью переселенцевъ. Куда отправлялись эти бѣдняки? Едва ли они и сами знали это, только бы поскорѣе прочь, подальше отъ „прусаковъ“; такъ люди спасаются отъ пожара или наводненія.

Часто мимо насъ съ оглушительнымъ дребезжаніемъ и стукомъ проносился поѣздъ; опять и опять раненые: мертвенно-блѣдныя лица, забинтованныя головы, руки на перевязи. На мѣстахъ остановокъ можно было насладиться этимъ зрѣлищемъ во всѣхъ его варіантахъ досыта. Платформы большихъ станцій и полустанковъ, гдѣ обыкновенно кишитъ толпа путешественниковъ или просто гуляющей публики, были теперь покрыты лежащими или сидящими фигурами больныхъ; это паціенты изъ окрестныхъ полевыхъ и частныхъ лазаретовъ, ожидающіе поѣзда, который можетъ захватить съ собою новый транспортъ раненыхъ. Такъ имъ приходится лежать цѣлые часы, и кто знаетъ, сколько разъ приходилось имъ перемѣщаться съ мѣста на мѣсто? Съ поля битвы на перевязочный пунктъ, оттуда во временный госпиталь, потомъ въ передвижной полевой лазаретъ, наконецъ, въ ближайшее мѣстечко, оттуда на желѣзную дорогу; по желѣзной дорогѣ, новый переѣздъ до Вѣны; въ Вѣнѣ—съ вокзала въ больницу, а тамъ, послѣ столькихъ страданій, пожалуй, и обратно въ полкъ,

если не на кладбище... Мнѣ было такъ жаль, такъ страшно жаль этихъ мучениковъ! я такъ охотно подошла бы къ каждому изъ нихъ со словомъ утѣшенія, но докторъ не допускалъ этого. Если мы выходили изъ вагона, онъ бралъ меня подъ руку и отводилъ въ бюро начальника станціи, а потомъ приносилъ мнѣ сюда вина или другаго питья.

Сестры милосердія и тутъ принимались за работу. Онѣ поили и кормили больныхъ, если подъ рукою находилась провизія, но по большей части станціонные буфеты оказывались пустыми, всѣ запасы оказывались уничтоженными! Эти тяжелыя картины на станціяхъ, въ особенности перворазрядныхъ, производили на меня странное впечатлѣніе; въ нихъ было столько необычнаго, что онѣ казались мнѣ какимъ-то лихорадочнымъ бредомъ. Эта суетливая бѣготня, безтолковая сутолока, готовыя къ выступленію войска, бѣглецы, санитары съ носилками, кучки окровавленныхъ, стонущихъ солдатъ, отчаянно рыдающія женщины... Крикъ, рѣзкая военная команда, повсюду страшная давка, нигдѣ свободнаго прохода, нагроможденный кипами багажъ, военные припасы, пушки, немного въ сторонѣ лошади и ревущій рогатый скотъ, а посреди всего этого шума безпрестанные телеграфные звонки, мелькающіе мимо поѣзда изъ Вѣны, биткомъ набитые солдатами. Это отправляются резервы для пополненія убыли въ дѣйствующей арміи. Нижніе чины помѣщались въ вагонахъ третьяго и четвертаго класса — мало того, въ товарныхъ и въ вагонахъ для перевозки скота, не лучше убойной скотины; да въ сущности вѣдь развѣ лучшая участь ожидала ихъ! Развѣ ихъ также не везли на убой, не тащили насильно на большой политическій рынокъ, гдѣ ловко плутуютъ въ торговлѣ пушечнымъ мясомъ? Вотъ они проѣзжаютъ мимо. Дикій ревъ— неужели это была военная пѣсня?—доносится съ ихъ поѣзда, заглушая скрипящій стукъ колесъ; одна минута, и вереница вагоновъ исчезла изъ глазъ. Съ быстротою вѣтра мчитъ локомотивъ часть своего груза на встрѣчу вѣрной смерти... да, *вѣрной смерти*... Если каждый изъ нихъ, взятый въ отдѣльности, не можетъ навѣрно сказать самъ себѣ, что онъ будетъ убитъ, то извѣстный процентъ изъ общаго числа долженъ погибнуть и непремѣнно погибнетъ. Войска, выступающія въ походъ, когда они тянутся по большой дорогѣ, пѣшія или на

коняхъ, пожалуй, сохраняютъ еще въ себѣ часть античной поэзіи, но когда современный рельсовый путь, символъ культуры, сближающій различныя народности, служитъ вспомогательнымъ средствомъ разнузданному варварству, это является отвратительной безсмыслицей. И какимъ диссонансомъ звучитъ при этомъ телеграфный звонокъ... Это торжество человѣческаго ума, который нашелъ способъ съ быстротою молніи передавать человѣческую мысль изъ одной страны въ другую, всѣ эти новѣйшія изобрѣтенія, предназначенныя для того, чтобъ расширить сношенія между народами, облегчать жизнь, украшать ее и обогащать,—и вдругъ ими злоупотребляютъ ради обветшалаго принципа, который стремится разъединить націи и уничтожить эту жизнь. Взгляните на наши желѣзныя дороги, на наши телеграфы; „мы—цивилизованные народы“, хвастаемся мы передъ дикарями, и употребляемъ то и другое на увеличеніе во сто кратъ нашей собственной дикости...

Я не могла отдѣлаться отъ этихъ мучительныхъ мыслей, ожидая на станціяхъ дальнѣйшаго движенія нашего поѣзда, и это только сильнѣе растравляло мою душевную рану. Я почти завидовала тѣмъ, которые въ своемъ наивномъ горѣ ломали руки и плакали; вмѣсто того чтобъ кипѣть гнѣвомъ и возмущаться противъ всей этой жестокой комедіи, въ простотѣ души они никого не винили и даже не роптали на „Господа воинствъ“, хотя и вѣрили тому, будто бы это онъ послалъ страшную невзгоду, разразившуюся надъ ихъ головами.

X.

Въ Кёнигингофъ я пріѣхала поздно вечеромъ. Мои спутники сошли на предшествовавшей станціи; я осталась одна въ тоскѣ и страхѣ. Ну, что, если доктору Брессеру что нибудь помѣшало пріѣхать? какъ тогда мнѣ быть? Послѣ длиннаго пути, я чувствовала себя, какъ изломанной, а видѣнныя мною тяжелыя сцены и страшные разсказы полковаго врача сильно потрясли мнѣ нервы. Еслибъ не желаніе свидѣться съ Фридрихомъ, я, кажется, была бы готова умереть. И въ самомъ дѣлѣ, какъ хорошо было бы лечь, заснуть и никогда больше не просыпаться въ этомъ мірѣ, гдѣ господствуютъ жестокость

и безуміе!... Только одного я бы не желала: остаться въ живыхъ, зная, что Фридрихъ убитъ!

Поѣздъ остановился. Съ трудомъ волоча ноги и вся дрожа, вышла я изъ вагона и вынесла свой ручной багажъ. Со мной былъ маленькій чемоданчикъ съ перемѣной бѣлья для меня, съ запасомъ корпіи и бинтовъ для раненаго; и, кромѣ этого чемоданчика, дорожный несессеръ. Послѣднюю вещь я захватила по привычкѣ, воображая, что мнѣ ни въ какомъ случаѣ не обойтись безъ серебряныхъ коробочекъ и баночекъ, душистаго мыла и туалетной воды, безъ щеточекъ и гребенокъ. Опрятность—это добродѣтель тѣла, представляющая то же самое, что̀ честность для души, это вторая натура образованнаго человѣка, и вотъ теперь мнѣ пришлось узнать на опытѣ, что въ такія времена приходится отказаться и отъ нея. Ну что жъ, это, по крайней мѣрѣ, послѣдовательно: война есть отрицаніе культуры,—значитъ, она враждебна всему, что̀ создано культурой; она есть возвращеніе къ варварству и естественно влечетъ за собою всѣ признаки одичанія, между прочимъ, и грязь, ненавистную каждому облагороженному существу.

Ящикъ съ матеріалами для госпиталей, приготовленный мною въ Вѣнѣ для доктора Брессера, былъ сданъ въ багажъ съ другими посылками комитета поданія помощи. Кто знаетъ, когда и гдѣ онъ будетъ выданъ нашему врачу? Со мной не было ничего, кромѣ чемоданчика, несессера и денежной сумки, повѣшенной черезъ плечо, куда я положила нѣсколько ассигнацій по сту гульденовъ. Колеблющимися шагами перешла я черезъ рельсы и поднялась на платформу; тутъ, не смотря на поздній часъ, была такая же суета, какъ и на другихъ станціяхъ, и опять то же зрѣлище—раненые, раненые.

Нѣтъ, не та же картина, гораздо хуже: Кёнигингофъ былъ буквально переполненъ пострадавшими; въ цѣломъ мѣстечкѣ не осталось свободнаго угла и больныхъ везли возами на желѣзную дорогу; станція была запружена ими; кое-какъ перевязанные, они лежали вездѣ, на землѣ, на камняхъ... Ночь была темная, безлунная; платформа освѣщалась двумя или тремя фонарями на столбахъ. Измученная до послѣдней степени, я страшно хотѣла спать, выбрала свободное мѣстечко

на скамейкѣ и присѣла, положивъ багажъ у своихъ ногъ. У меня даже не хватало мужества оглядѣться кругомъ и поискать глазами между суетившимся народомъ доктора Брессера; я была почти убѣждена, что не найду его. Вѣдь было десять шансовъ противъ одного, что его задержали дѣла или онъ не прибудетъ въ назначенное время: нашъ поѣздъ, конечно, значительно опоздалъ противъ расписанія. Порядокъ,—вотъ еще культурное понятіе, съ которымъ приходилось распроститься. Мое предпріятіе казалось мнѣ теперь безумнымъ. Этотъ воображаемый зовъ Фридриха—прежде я никогда не вѣрила такимъ таинственнымъ, сверхъестественнымъ явленіямъ—былъ ни на чемъ не основанной галлюцинаціей; кто знаетъ, пожалуй, мой мужъ теперь на пути домой или умеръ, зачѣмъ же мнѣ искать его здѣсь? Теперь я услыхала, какъ меня зоветъ другой голосъ, другія объятія протягивались мнѣ навстрѣчу; я вспомнила своего сынишку Рудольфа; какъ онъ долженъ скучать безъ меня. Вѣроятно, бѣдный мальчикъ искалъ цѣлый день свою маму и долго не могъ заснуть, потому что она не пришла поцѣловать его на ночь... Но куда я здѣсь обращусь, если не найду Брессера? а надежда его найти вдругъ показалась мнѣ такой неосуществимой, какъ возможность получить главный выигрышъ въ лотереѣ на сто тысячъ билетовъ. Къ счастью, со мной были деньги, и въ такомъ количествѣ, которое вполнѣ могло вывести меня изъ затрудненій. Я машинально ощупала то мѣсто, гдѣ висѣла сумочка. Боже великій! ремень оборванъ, сумочки нѣтъ!.. какая непріятность! И все таки я не жаловалась на судьбу, на эту жестокую случайность, потому что въ тѣ времена, когда видишь вокругъ себя столько бѣдствій, стыдишься жаловаться на мелкія неудачи и отодвигаешь на задній планъ личные интересы. Да и что̀ значили такіе пустяки, если мнѣ угрожала такая ужасная перспектива, какъ возможность потерять Фридриха. Я стала всматриваться въ окружающихъ; нѣтъ, доктора Брессера между ними не было. Что же начать? къ кому обратиться? Я остановила одного проходившаго мимо:

— Гдѣ мнѣ найти начальника станціи?

— Вы хотите сказать: старшаго врача здѣшняго лазарета; вонъ онъ стоитъ, это штабный врачъ С.

Хоть я добивалась не того, но, пожалуй, этотъ докторъ сообщитъ мнѣ какія нибудь свѣдѣнія о Брессерѣ. Я пошла по указанному направленію. Штабный врачъ разговаривалъ съ какимъ-то господиномъ, стоявшимъ противъ него.

— Вотъ несчастье,—говорилъ онъ,—здѣсь и въ Турнау учреждены депо для всѣхъ госпиталей сѣвернаго театра войны. Пожертвованія стекаются массами—бѣлье, жизненные припасы, перевязочный матеріалъ, всего сколько хочешь; но какъ къ нему подступиться? Какъ разгружать, какъ сортировать, какъ посылать дальше? Намъ недостаетъ рукъ; тутъ нужна цѣлая сотня расторопныхъ чиновниковъ...

Я ужь хотѣла заговорить со штабнымъ врачемъ, какъ вдругъ вижу: къ нему торопливо идетъ какой-то господинъ, въ которомъ я къ величайшей радости узнаю доктора Брессера. Не помня себя, я бросилась на шею старинному другу дома.

— Вы, вы, баронесса Тиллингъ, что вы здѣсь дѣлаете?

— Я пріѣхала помочь, помочь... Нѣтъ ли Фридриха въ одномъ изъ вашихъ госпиталей?

— Я его не видалъ.

Я не знала, радоваться ли мнѣ такому отвѣту или печалиться. Его не было тамъ... значитъ, онъ убитъ или невредимъ... Впрочемъ, Брессеръ и не могъ осмотрѣть всѣхъ раненыхъ въ окрестностяхъ; мнѣ надо самой обыскать всѣ лазареты.

— Ну, а г-жа Симонъ?—допытывалась я дальше.

— Уже нѣсколько часовъ, какъ она здѣсь... великолѣпная женщина! рѣшительная, предусмотрительняя... теперь подъ ея надзоромъ происходитъ переноска здѣшнихъ раненыхъ въ незанятые желѣзнодорожные вагоны. Она узнала, что въ ближайшемъ мѣстечкѣ Гороневосъ бѣдствіе достигло ужаснѣйшихъ размѣровъ. Она хочетъ туда ѣхать, и я вмѣстѣ съ нею.

— И я вмѣстѣ съ вами, докторъ Брессеръ, возьмите меня съ собой...

— Что вы, баронесса Марта, гдѣ вамъ, такой изнѣженной, приняться за нашу грубую, тяжелую работу?

— А что же мнѣ дѣлать здѣсь?—перебила я.—Послушайте, если вы мнѣ другъ, помогите мнѣ исполнить задуманное... я все буду дѣлать, нести всякую службу... Представьте меня

г-жѣ Симонъ, какъ добровольную сестру милосердія, и возьмите съ собой изъ жалости ко мнѣ.

— Ну, хорошо, будь по вашему. Вы храбрая женщина. Идемте же.

XI.

Когда докторъ Брессеръ подвелъ меня къ г-жѣ Симонъ и представилъ ей, какъ добровольную помощницу, она кивнула головой, но тотчасъ отвернулась, продолжая отдавать приказанія. Ея лица мнѣ не удалось разсмотрѣть при плохомъ освѣщеніи. Пять минутъ спустя, мы поѣхали въ Гороневосъ. Ломовая телѣга, на которой только что оттуда привезли раненыхъ, служила намъ экипажемъ. Мы сидѣли на соломѣ, пропитанной кровью; солдатъ, помѣстившійся рядомъ съ кучеромъ, держалъ фонарь, бросавшій неровный свѣтъ на дорогу; мною овладѣлъ тяжелый сонъ, и въ самомъ дѣлѣ меня все болѣе и болѣе одолѣвала мысль, что я сплю и не могу отдѣлаться отъ непріятнаго кошмара. Единственно, что напоминало мнѣ дѣйствительность и успокоивало меня, было присутствіе доктора Брессера. Я держала его за руку и опиралась на его плечо.

— Обопритесь не меня хорошенько, баронесса Марта, бѣдное дитя,—кротко произнесъ онъ.

Я устроилась, какъ могла, но, Боже мой, какая пытка была это путешествіе! Когда привыкъ всю жизнь ѣздить на мягкихъ пружинныхъ подушкахъ въ ресорныхъ экипажахъ и спать на эластичныхъ тюфякахъ, какъ тяжело—да еще вдобавокъ послѣ утомительнаго путешествія—ѣхать въ тряской телѣгѣ, на подстилкѣ изъ соломы, пропитанной кровью; а вѣдь я была не ранена; каково же должно быть тѣмъ, которыхъ мчатъ на такихъ телѣгахъ по убійственной дорогѣ, съ раздробленными членами, съ торчащими осколками костей. Вѣки у меня опускались, какъ свинцовыя... Я чувствовала болѣзненную сонливость, но неудобство положенія, при которомъ болѣли всѣ члены, и разбитость нервовъ не давали мнѣ заснуть, однако тѣмъ сильнѣе мучила меня неодолимая потребность сна. Мысли и образы, перепутываясь точно въ лихо-

радочномъ бреду, кружились у меня въ головѣ; страшныя сцены, разсказанныя полковымъ врачемъ, мерещились передъ глазами, въ ушахъ отдавались слова разсказчика, я видѣла передъ собой: и разудалыхъ могильщиковъ, и крадущихся во мракѣ ночи мародеровъ, слышала отчаянные крики жертвъ изъ лазарета, охваченнаго пламенемъ, и тутъ же точно кто повторялъ мнѣ въ самое ухо отдѣльныя слова: „вороны, лавочка маркитантовъ, санитарный патруль", но и это назойливое подсказываніе со стороны не мѣшало мнѣ слушать тихій разговоръ моихъ спутниковъ... „Часть разбитой арміи бѣжала въ Кёнигрецъ,—разсказывалъ докторъ Брессеръ,—но крѣпость была заперта и съ укрѣпленій начали стрѣлять по бѣглецамъ, именно по саксонцамъ, которыхъ въ сумерки приняли за прусаковъ. Нѣсколько сотенъ бросилось во рвы, окружавшіе крѣпость, и потонуло... Добѣжавъ до Эльбы, бѣглецы были принуждены остановиться и тутъ наступила невообразимая сумятица. Мосты до того загромоздили лошадьми и пушками... тысячи попадали въ воду и утонули, между прочимъ, и раненые.

— Въ Гороневосѣ, должно быть, теперь ужасно,—замѣтила г-жа Симонъ:—деревни и замокъ покинуты жителями, жилища разрушены и въ этихъ развалинахъ ютятся безпомощные раненые: какъ они будутъ рады, когда мы пріѣдемъ! Только у насъ не хватитъ, не хватитъ всего.

— Да и наша врачебная помощь окажется ничтожной,—прибавилъ докторъ Брессеръ,—вотъ, еслибъ насъ было человѣкъ сто, а тутъ: гдѣ набрать инструментовъ и лѣкарствъ, да и много ли въ нихъ толку? Тамъ столько скучено народу, что скоро начнутся эпидеміи. Первымъ дѣломъ нужно удалить какъ можно больше раненыхъ, но они большею частью до того слабы, что трудно рѣшиться тронуть ихъ съ мѣста... перевозить ихъ,—значитъ, обречь на вѣрную смерть, оставить тамъ—разовьется горячка... да, тяжелая альтернатива!.. То, что довелось мнѣ увидать за эти дни послѣ сраженія подъ Кёнигрецомъ, превосходитъ всякое описаніе, и предупреждаю васъ, готовьтесь къ самому худшему, г-жа Симонъ.

— О, за мною многолѣтняя опытность, и я не трушу. Чѣмъ страшнѣе бѣдствіе, тѣмъ тверже становится у меня сила воли.

— Знаю, о васъ далеко идетъ слава, а я, напротивъ, если вижу вокругъ себя слишкомъ много страданія и не могу помочь, у меня сейчасъ опускаются руки и замираетъ сердце. Слышать, какъ сотни, да какое сотни! цѣлыя тысячи несчастныхъ взываютъ къ вамъ о помощи и не быть въ состояніи имъ помочь, это ужасно. Во всѣхъ наскоро поставленныхъ передвижныхъ лазаретахъ вокругъ поля битвы, не хватаетъ съѣстныхъ припасовъ, а главное: воды. Большинство колодцевъ испорчено жителями... на цѣлую милю разстоянія не достанешь нигдѣ куска хлѣба... каждое зданіе, у котораго уцѣлѣла крыша: церкви, мызы, замки, хижины полны больными, всякая телѣжонка захвачена для перевоза раненыхъ... дороги по всѣмъ направленіямъ кишатъ этими адскими повозками, потому что страданія тѣхъ, кого перевозятъ на этихъ трясучкахъ, должны быть адскими. Несчастные лежатъ на соломѣ, какъ попало,—офицеры, унтеръ-офицеры, солдаты, перепачканные пылью, кровью, грязью до неузнаваемости; тѣло ихъ покрыто ранами, для которыхъ нѣтъ больше человѣческой помощи; стоны и крики этихъ страдальцевъ не имѣютъ въ себѣ ничего человѣческаго, а между тѣмъ, если они еще въ силахъ кричать, ихъ положеніе не самое отчаянное...

— И, вѣроятно, много раненыхъ умираетъ дорогой?

— Конечно. А другіе умираютъ по прибытіи на мѣсто; другой разъ и оглянуться не успѣешь, какъ больной бросится на первую попавшуюся связку соломы и испуститъ духъ. Только не всѣ умираютъ тихо; другіе, въ отчаянной борьбѣ со смертью, бросаются, ревутъ, бѣснуются, посылаютъ кому-то проклятія, отъ которыхъ волосы становятся дыбомъ... Вѣроятно, нѣкій мистеръ Твиннигъ изъ Лондона слышалъ подобныя проклятія, потому что на женевской конференціи онъ сдѣлалъ слѣдующее предложеніе: если состояніе раненаго не подаетъ ни малѣйшей надежды на выздоровленіе, не лучше ли было бы въ этомъ случаѣ, послѣ напутствія священника, дать ему время собраться съ мыслями, а потомъ положить конецъ его агоніи какимъ нибудь наименѣе мучительнымъ способомъ? По крайней мѣрѣ, тогда онъ не умретъ въ бреду горячки и, пожалуй, съ богохульствомъ на языкѣ.

— Вотъ ужъ это не по христіански!—воскликнула г-жа Симонъ.

— Что? сократить агонію несчастнаго?

— Нѣтъ, но мнѣніе, что богохульство, вызванное невыносимыми пытками, можетъ повредить душѣ страдальца... Богъ христіанъ не можетъ быть такъ несправедливъ и навѣрно милостиво принимаетъ каждаго павшаго воина.

— Рай Магомета также обѣщанъ каждому турку, который убьетъ христіанина,—возразилъ Брессеръ.—Повѣрьте мнѣ, почтеннѣйшая г-жа Симонъ, всѣ тѣ божества, которыхъ выставляютъ руководителями войны, и чье заступничество вмѣстѣ съ благословеніемъ сулятъ священники и полководцы бойцамъ, какъ награду за убійство ближнихъ, одинаково глухи какъ къ богохульствамъ, такъ и къ молитвамъ. Взгляните туда, на небо: вонъ та звѣзда первой величины съ красноватымъ свѣтомъ—она видима нами на горизонтѣ только черезъ каждые два года и про нее можно сказать, что она свѣтитъ, а не сіяетъ, это планета Марса, посвященная богу войны; въ древнія времена его такъ сильно почитали и боялись, что онъ имѣлъ гораздо больше храмовъ, чѣмъ богиня любви. Еще при Марафонскомъ сраженіи и въ Ѳермопильскомъ ущельѣ эта звѣзда съ кровавымъ отблескомъ свѣтила надъ головами сражающихся и къ ней неслись проклятія павшихъ. Они обвиняли ее въ своемъ несчастіи, а она безпечно и мирно—какъ тогда, такъ и теперь—ходила вокругъ солнца. Враждебныя созвѣздія? да вѣдь ихъ нѣтъ. У человѣка нѣтъ другаго врага, кромѣ человѣка, но онъ достаточно страшенъ.—Впрочемъ, у него нѣтъ и лучшаго друга,—прибавилъ Брессеръ послѣ короткой паузы,—чему прекраснымъ примѣромъ служите вы сами, женщина высокой души. Вы...

— О, докторъ,—перебила г-жа Симонъ,—взгляните туда: зарево на горизонтѣ... вѣроятно, опять горитъ деревня!..

Я открыла глаза и смотрѣла на кровавый отблескъ на небѣ.

— Нѣтъ,—сказалъ нашъ спутникъ,—это восходящій мѣсяцъ.

Я старалась принять болѣе удобное положеніе и немного выпрямилась. Съ этой минуты я старалась не закрывать глазъ; это полусонное состояніе,—когда сознаешь, что не спишь, и воображеніе рисуетъ передъ тобою ужасныя картины,—было черезчуръ мучительно... ужь лучше принять участіе въ разговорѣ, чтобы вырваться изъ заколдованнаго круга тяжелыхъ мыслей.

Однако докторъ и г-жа Симонъ молчали, обернувшись въ ту сторону, гдѣ всходилъ мѣсяцъ. Немного погодя, мои вѣки опять невольно опустились. На этотъ разъ это былъ настоящій сонъ; въ то короткое мгновеніе, когда я чувствовала, что засыпаю, что окружающій міръ переставалъ для меня существовать, я испытала такое блаженство небытія, что еслибъ меня охватывалъ даже настоящій могильный сонъ, я охотно отдалась бы ему.

Не знаю, сколько времени я провела въ этомъ отрицательно блаженномъ, безсознательномъ состояніи, но вдругъ проснулась. Меня разбудилъ не шумъ, не толчокъ, а невыносимое зловоніе зараженнаго воздуха.

— Что это такое?—спросили мы почти всѣ разомъ.

Наша телѣга завернула за уголъ и тутъ мы поняли, въ чемъ было дѣло. Ярко освященная луною, поднималась бѣлая стѣна, вѣроятно, ограда кладбища; во всякомъ случаѣ, она служила прикрытіемъ для сражающихся, потому что у ея подножія валялись груды мертвыхъ тѣлъ... запахъ гніенія, поднимавшійся отъ нихъ, пробудилъ меня ото сна. Проѣзжая мимо, мы спугнули громадную стаю вороновъ; черныя птицы съ карканьемъ поднялись на воздухъ, полетали немного, выдѣляясь черной сѣтью на свѣтломъ фонѣ неба, и опять опустились наземь продолжать лакомый пиръ...

— Фридрихъ, мой Фридрихъ!

— Успокойтесь, баронесса Марта,—успокоивалъ меня докторъ Брессеръ,—вашъ мужъ не могъ быть здѣсь.

Солдатъ, сидѣвшій за кучера, погналъ лошадей, чтобъ поскорѣе миновать область зловонныхъ испареній; телѣга застучала и заковыляла, точно мы спасались отъ погони. Мнѣ вообразилось, что мы переѣзжаемъ по трупу, и меня затрясло отъ ужаса. Обѣими руками ухватилась я за руку Брессера, но все таки повернула голову назадъ, чтобы еще разъ взглянуть на ту стѣну, и вдругъ...—былъ ли это обманчивый свѣтъ мѣсяца, или движеніе птицъ, возвратившихся на свою добычу?—но мнѣ померещилось, будто бы вся толпа мертвецовъ зашевелилась, что они протягиваютъ къ намъ руки, какъ будто собираются бѣжать за нами въ догонку.

Я хотѣла вскрикнуть, но ни одинъ звукъ не выходилъ изъ моего спазматически сжатаго горла.

XII.

Телѣга опять повернула за уголъ.

— Вотъ мы и пріѣхали въ Гороневосъ,—сказалъ докторъ; приказывая кучеру остановиться.

— Куда мы дѣнемъ эту даму?—сказала г-жа Симонъ,—она скорѣе будетъ намъ помѣхой, чѣмъ помощницей.

Но я поспѣшила заявить, собравъ всѣ свои силы:

— Нѣтъ, нѣтъ, теперь мнѣ лучше... я стану помогать вамъ, какъ умѣю.

Мы находились въ центрѣ мѣстечка, передъ воротами замка.

— Прежде надо посмотрѣть, что можно сдѣлать,—сказалъ докторъ.—Замокъ, покинутый своими владѣльцами, вѣроятно, переполненъ ранеными отъ погреба до чердака.

Мы слѣзли со своихъ роспусковъ. Я едва держалась на ногахъ, но напрягала послѣднія силы, чтобъ не дать этого замѣтить.

— Впередъ!—скомандовала г-жа Симонъ,—взяли ли мы весь свой багажъ? Я привезла съ собою кое-что для подкрѣпленія больныхъ.

— И въ моемъ чемоданѣ есть подкрѣпляющія средства и перевязочный матеріалъ,—сказала я.

— А у меня въ саквояжѣ инструменты и лѣкарства,—прибавилъ Брессеръ; потомъ онъ отдалъ приказаніе сопровождавшимъ насъ солдатамъ: двое изъ нихъ должны были оставаться при лошадяхъ, а остальные слѣдовать за нами.

Мы вошли подъ ворота замка. Глухіе, жалобные стоны со всѣхъ сторонъ... вокругъ насъ темнота.

— Огня, прежде всего зажгите огня!—крикнула г-жа Симонъ.

Къ несчастью, мы набрали съ собой всякой всячины: шоколада, мяснаго экстракта, сигаръ, полотняныхъ бинтовъ, но о свѣчѣ никто не подумалъ. Никакой возможности разсѣять мракъ, окружавшій насъ и раненыхъ! Въ карманѣ у доктора нашлась коробочка спичекъ, и это помогло намъ на нѣсколько секундъ осмотрѣться вокругъ, среди ужасовъ въ этомъ пріютѣ страданія. Нога скользнула по полу, липкому отъ крови, когда

мы хотѣли двинуться дальше. Что дѣлать? Къ сотнѣ людей, доведенныхъ до отчаянія, которые стонали и тяжко вздыхали, присоединилось еще трое, страдавшихъ едва ли меньше. Что же, наконецъ, предпринять?

— Пойду, обыщу домъ священника, — сказала г-жа Симонъ, — а не то и на деревнѣ найдется, пожалуй, кто нибудь изъ добрыхъ людей. Пойдемте, докторъ, посвѣтите мнѣ вашими спичками до выхода, а вы, г-жа Марта, побудьте здѣсь.

Здѣсь, одна, въ темнотѣ, среди этихъ стонущихъ, плачущихъ людей и удушливой вони! Вотъ положеніе! Меня пробирала дрожь до мозга костей, но я не хотѣла противорѣчить и отвѣчала:

— Хорошо, я останусь и подожду, пока вы придете со свѣчей.

— Нѣтъ, — воскликнулъ Брессеръ, схвативъ меня подъ руку, — идемте вмѣстѣ, вамъ нельзя оставаться въ этомъ чистилищѣ, гдѣ, можетъ быть, есть горячечные больные, наклонные къ припадкамъ бѣшенства.

Я была очень благодарна другу за такую заботливость и крѣпко ухватилась за его руку; еслибъ меня оставили тутъ одну, можетъ быть, мой разсудокъ не выдержалъ бы этой пытки: вѣдь я была малодушнымъ, безпомощнымъ существомъ, непривычнымъ къ страданіямъ и ужасамъ, среди которыхъ очутилась по доброй волѣ... Зачѣмъ я не осталась дома! Ну, а что, если я найду Фридриха? Кто знаетъ, пожалуй, онъ лежитъ въ этомъ замкѣ, который мы покидаемъ? И я нѣсколько разъ позвала его по имени, но не дождалась отвѣта, котораго желала и боялась: — „я здѣсь, Марта!“ Никто не откликнулся на мой зовъ. Мы снова вышли на улицу; телѣга стояла на прежнемъ мѣстѣ. Докторъ Брессеръ заставилъ меня сѣсть въ нее.

— Мы съ г-жей Симонъ сходимъ въ деревню, — сказалъ онъ, — а вы оставайтесь здѣсь.

Я охотно повиновалась, потому что едва стояла на ногахъ. Докторъ подсадилъ меня, устроилъ сидѣнье изъ соломы. Двое солдатъ осталось у телѣги, остальныхъ взяла съ собою г-жа Симонъ.

Черезъ полчаса, вся компанія вернулась обратно и притомъ съ пустыми руками. Домъ священника разоренъ, какъ и все прочее, и совершенно пустъ; вся деревня обращена въ

развалины; свѣчи нигдѣ не нашлось, и намъ ничего не оставалось болѣе, какъ ожидать наступленія утра. Сколько несчастныхъ, обрадованныхъ нашимъ приходомъ и нуждавшихся въ немедленной помощи, перемретъ, пожалуй, въ эту ночь! И какъ мучительно тянулись эти страшные часы! хотя до солнечнаго восхода оставалось недолго, но какимъ безконечнымъ казалось это время, отмѣчавшееся не ударами часоваго маятника, а безсильными криками страдальцевъ, молившихъ о помощи. Наконецъ забрезжило утро; теперь можно было приступить къ работѣ. Г-жа Симонъ и докторъ Брессеръ опять пошли въ деревню поискать спрятавшихся жителей; ихъ поиски увѣнчались успѣхомъ. Изъ подъ развалинъ выползло двое-трое крестьянъ, которые сначала смотрѣли на незнакомыхъ людей изподлобья, съ явнымъ недовѣріемъ. Но когда докторъ Брессеръ заговорилъ съ ними на родномъ языкѣ и они услыхали кроткій голосъ г-жи Симонъ, то понемногу согласились оказать имъ содѣйствіе. Прежде всего, нужно было уговорить другихъ спрятавшихся жителей выйти изъ ихъ убѣжищъ и приняться за работу: похоронить мертвецовъ, валявшихся на каждомъ шагу, очистить колодцы, чтобъ изъ нихъ можно было черпать воду для живыхъ, собрать разбросанные по дорогамъ походные котелки, опорожнить ранцы убитыхъ, чтобъ воспользоваться находившимся въ нихъ бѣльемъ для раненыхъ. Тутъ какъ разъ явился прусскій штабъ-докторъ съ людьми и медицинскими средствами, такъ что можно было съ нѣкоторыми шансами на успѣхъ приступить къ поданію помощи. Наконецъ, и для меня настала минута, когда мнѣ, можетъ быть, удастся найти того, чей таинственный призывъ заставилъ меня предпринять это несчастное путешествіе. Ужь одна мысль о свиданіи съ нимъ отчасти воскресила во мнѣ жизненную энергію.

Г-жа Симонъ, въ сопровожденіи прусскаго штабнаго врача, первымъ дѣломъ отправилась въ замокъ, гдѣ лежало больше всего раненыхъ; докторъ Брессеръ взялся обыскать другія мѣста въ деревнѣ. Я предпочла присоединиться къ нему, такъ какъ онъ уже успѣлъ наскоро обойти замокъ и убѣдился, что Фридриха тамъ не было. Едва мы сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ услыхали громкіе жалобные крики; они выходили изъ отворенныхъ дверей маленькой деревенской церкви. Мы

вошли туда. Болѣе ста человѣкъ, тяжело раненыхъ и искалѣченныхъ, лежало на жосткомъ каменномъ полу. Съ лихорадочно горѣвшими, блуждающими глазами валялись они тутъ, какъ попало, стонали и кричали, прося воды. Еще на порогѣ я почувствовала себя дурно, но однако пошла по рядамъ больныхъ, отыскивая Фридриха... Его тамъ не было.

Брессеръ со своими людьми принялся ухаживать за несчастными; я облокотилась на боковой алтарь и, дрожа отъ страха, оглядывалась кругомъ.

Какое ужасное зрѣлище въ храмѣ Бога вѣчной любви, гдѣ иконы и статуи святыхъ чудотворцевъ смотрѣли изъ своихъ нишъ и со стѣнъ, набожно сложивъ руки и поднявъ къ верху головы въ золотомъ сіяніи!

— О, Матерь Божія, Пресвятая Дѣва... каплю воды, умилосердись! — услыхала я хриплый голосъ умирающаго солдата.

Вѣроятно, онъ уже нѣсколько дней напрасно повторялъ эту мольбу передъ ярко раскрашеннымъ нѣмымъ изображеніемъ. — О, несчастные люди, пока вы сами не научитесь повиноваться завѣту любви, вложенной вамъ въ сердца Господомъ Богомъ, до тѣхъ поръ будутъ напрасны ваши моленія; пока вы не уничтожите жестокости въ отношеніяхъ къ своимъ ближнимъ, вамъ нечего надѣяться на небесное милосердіе...

XIII.

Боже мой, что пришлось мнѣ еще увидать и вынести въ тотъ же день!

Не разсказывать объ этомъ, конечно, было бы всего проще и пріятнѣе; мы закрываемъ глаза и отворачиваемъ голову, когда передъ нами происходитъ что нибудь потрясающее, да и самая наша память имѣетъ способность уклоняться отъ тяжелыхъ впечатлѣній. Если нельзя помочь—а что можемъ мы измѣнить въ невозвратномъ прошломъ?—зачѣмъ мучить себя и другихъ, роясь въ ужасныхъ воспоминаніяхъ? Зачѣмъ,—это я скажу потомъ, но теперь говорю: я *должна* высказать все до конца. Мало того, я не только хочу вспомнить видѣнное мною,—потому что невольно про-

смотрѣла многое,—но прибавлю сюда еще свидѣтельства двухъ очевидцевъ ужасныхъ сценъ въ окрестностяхъ Кёниггреца: г-жи Симонъ, доктора Брауера и начальника саксонскаго полеваго госпиталя, доктора Наундорфа, причемъ сошлюсь на его книгу, полную потрясающихъ подробностей о томъ же предметѣ и озаглавленную: „Подъ краснымъ крестомъ".

Можно сказать, что какъ Гороневосъ, такъ и другія близъ лежащія мѣстечки обратились въ настоящія отдѣленія ада: такъ было въ Свети, въ Градекѣ и Проблусѣ. Въ Пардубицѣ, когда его заняли первые прусскіе отряды, „болѣе тысячи тяжело раненыхъ, оперированныхъ и ампутированныхъ, лежало по всѣмъ угламъ; кто при послѣднемъ издыханіи, кто уже мертвый; трупы между отходящими и такими, которые молили себѣ конца. Многіе были въ однихъ рубашкахъ, такъ что нельзя было различить, къ какой національности они принадлежали. Всѣ, въ комъ оставались еще признаки жизни, съ крикомъ просили воды, хлѣба, корчились въ невыносимыхъ мукахъ и молили о смерти, какъ о величайшей милости".

„Росницъ... — пишетъ докторъ Брауеръ въ своихъ письмахъ,—этого мѣста я не забуду до моего послѣдняго часа; я прибылъ сюда на шестой день послѣ кровопролитнаго сраженія, командированный орденомъ іоаннитовъ, и нашелъ здѣсь страшнѣйшее бѣдствіе, какое можно только себѣ представить; тутъ я встрѣтилъ нашего Р. и 650 раненыхъ, разсованныхъ по жалкимъ хлѣвамъ и конюшнямъ безо всякаго ухода, посреди мертвыхъ и полумертвыхъ; нѣкоторые больные лежали по нѣсколько дней въ своихъ собственныхъ изверженияхъ. Здѣсь у меня самого стало до того тяжко на душѣ, что, распорядившись сдѣлать могильную насыпь надъ убитымъ полковникомъ фонъ Ф., я былъ охваченъ невыносимой тоской и горько проплакалъ цѣлый часъ; какъ я ни старался ободрить себя, но не могъ совладать со своими чувствами. Хотя мнѣ, въ качествѣ врача, приходилось видѣть всякія болѣзни и страданія и я привыкъ относиться къ нимъ хладнокровно, но здѣсь у меня изъ глазъ полились неудержимыя слезы. Тутъ же—въ Росницѣ, на второй день послѣ нашего прибытія, когда я окончательно убѣдился, что нашихъ

силъ не хватитъ помочь всѣмъ страдальцамъ, то потерялъ всякую энергію и бросилъ перевязывать раненыхъ...“

„...Въ какомъ состояніи были эти 600 человѣкъ, (на этотъ разъ я привожу слова доктора Наундорфа) невозможно съ достовѣрностью описать. Зіяющія, неперевязанныя раны были покрыты комарами, которые высасавали изъ нихъ кровь; несчастные раненые озирались вокругъ лихорадочно блестѣвшими глазами, отыскивая, не поможетъ ли имъ кто, умоляя облегчить ихъ, дать имъ воды, хлѣба! У большинства изъ нихъ, шинель, рубашка, мясо и кровь представляли одно отвратительное смѣшеніе; въ ранахъ заводились черви и точили ихъ. Отвратительная вонь наполняла каждое помѣщеніе. Всѣ эти солдаты лежали на голой землѣ; только немногимъ удалось захватить охапку соломы, на которой они могли протянуть свои жалкіе изуродованные члены. Нѣкоторые, лежавшіе на глинистой размокшей почвѣ, почти тонули въ этомъ мѣсивѣ, не имѣя силъ оттуда выбраться; другіе валялись въ лужѣ отвратительной грязи, которую не въ состояніи описать никакое перо“.

„.. Въ Масловеди,—такъ разсказываетъ г-жа Симонъ,—въ мѣстечкѣ, гдѣ насчитывалось домовъ пятьдесятъ, лежало, восемь дней спустя послѣ битвы, семьсотъ раненыхъ. Не столько ихъ жалобные крики, сколько отчаянная безпомощность вопіяли къ небу. Въ одномъ сараѣ было скучено шестьдесятъ человѣкъ. Всѣ они были тяжело ранены, а за недостаткомъ ухода и пищи пришли въ безнадежное состояніе; почти у всѣхъ открылась гангрена. Раздробленные члены представляли только гніющіе куски мяса, лица—только покрытую грязью, запекшуюся кровяную массу, въ которой безформенное черное отверстіе было ртомъ, откуда вырывались ужасные звуки; члены отгнивали и отваливались отъ этихъ жалкихъ тѣлъ, живые лежали между разлагающимися трупами, по которымъ кишили черви. Эти шестьдесятъ человѣкъ, какъ и бо̀льшая часть остальныхъ, уже цѣлую недѣлю валялись на одномъ и томъ же мѣстѣ; ихъ раны оставались или вовсе безъ перевязокъ, или же были перевязаны на скорую руку; со дня битвы они лежали такимъ образомъ, не будучи въ состояніи двинуться съ мѣста, полуголодные и даже не имѣя въ достаточномъ количествѣ воды. Подстилка подъ ними гнила,

пропитавшись кровью и изверженіями, и въ такомъ видѣ они провели восемь дней—живые трупы, по вздрагивающимъ членамъ которыхъ отравленная кровь обращалась лѣниво и вяло, готовая совсѣмъ остановиться. Они пока еще не могли умереть, но какъ имъ можно было надѣяться снова ожить? Чему тутъ болѣе удивляться,—заключаетъ г-жа Симонъ свой отчетъ,—безконечной ли живучести природы человѣка, который можетъ столько вынести и еще дышать, или равнодушію другихъ къ такому бѣдствію"?

По моему, всего удивительнѣе здѣсь то, что мыслящія существа могутъ приводить своихъ ближнихъ въ такое положеніе, что очевидцы подобныхъ вещей не падутъ на колѣни, давая торжественную клятву воевать противъ войны; что если эти люди—правители народовъ, то они не отбросятъ отъ себя мечъ, а если они не обладаютъ могуществомъ, то не посвятятъ съ тѣхъ поръ всѣхъ своихъ силъ—въ живомъ словѣ и на бумагѣ, въ мышленіи, преподаваніи и во всѣхъ дѣйствіяхъ,—одной цѣли: „долой оружіе!"

. . . . . .

Г-жа Симонъ,—ее прозвали „лазаретной матерью",—была героиня. По цѣлымъ недѣлямъ проводила она въ описанныхъ здѣсь мѣстахъ, неся на себѣ самые тягостные труды, подвергаясь страшнымъ опасностямъ; сотни людей были спасены ею. День и ночь работала она, хлопотала, распоряжалась, то исполняя должность сидѣлки, причемъ не брезгала самыми отвратительными работами, то отправляя транспорты раненыхъ, то отыскивая съѣстные припасы; эта женщина не щадила своихъ силъ. Устроивши все въ одномъ мѣстѣ, она спѣшила въ другое; изъ Дрездена г-жа Симонъ выписала массу лазаретныхъ матеріаловъ и всякихъ нужныхъ вещей, послѣ чего, не смотря на всевозможныя препятствія, разослала ихъ по тѣмъ пунктамъ, гдѣ въ нихъ нуждались; она сдѣлалась агентомъ патріотическихъ обществъ для Богеміи и заняла здѣсь такое же точно положеніе, какъ Флоренса Найтингель въ Крыму.

А я?.. Совершенно разбитая, подавленная горемъ и отвращеніемъ, я не съумѣла ни къ чему приложить рукъ; еще въ церкви, на мѣстѣ нашей первой остановки, у меня подкосились ноги и я въ изнеможеніи упала на ступени алтаря Богородицы, такъ что докторъ Брессеръ едва уговорилъ меня

встать. Оттуда я кое-какъ поплелась, рядомъ съ нимъ, немного дальше и мы пришли въ амбаръ, представлявшій такую же картину, какая была описана г-жею Симонъ.

Въ церкви, по крайней мѣрѣ, было настолько просторно, что раненые лежали рядомъ; здѣсь же они были просто свалены въ кучу, другъ на друга, рѣшительно, какъ попало; въ церковь заглянули хоть какіе нибудь добрые люди — можетъ быть, проходившій мимо корпусъ санитаровъ, который оказалъ больнымъ посильную помощь;—но здѣсь лежали совершенно забытые—какая-то копошащаяся, стонущая масса полусгнившихъ человѣческихъ останковъ... При взглядѣ на нихъ, отвращеніе и ужасъ сдавили мнѣ горло и въ то же время сердце у меня разрывалось отъ жалости. Это было уже сверхъ моихъ силъ. Я сказала себѣ, что наступаетъ мой послѣдній часъ. Дикій вопль вырвался изъ моей наболѣвшей груди, а вслѣдъ за нимъ наступило безпамятство.

XIV.

Опомнилась я уже въ вагонѣ желѣзной дороги. Противъ меня сидѣлъ докторъ Брессеръ. Увидѣвъ, что я открыла глаза и съ удивленіемъ озираюсь вокругъ, онъ взялъ меня за руку и сказалъ:

— Успокойтесь, фрау Марта, вы дѣйствительно въ купэ втораго класса: это не сонъ. Здѣсь съ вами нѣсколько легко раненыхъ офицеровъ и вашъ другъ Брессеръ; всѣ мы ѣдемъ въ Вѣну.

Это была правда. Докторъ привезъ транспортъ раненыхъ изъ Гороневоса въ Кёнигингофъ, оттуда ему поручили сопровождать другой транспортъ въ Вѣну. Онъ взялъ съ собою меня—въ безчувственномъ состояніи—и теперь везъ домой. Меня нашли совершенно безполезной тамъ, гдѣ нужна была энергическая расторопность и выносливость; я служила бы только помѣхой и лишнимъ бременемъ тамъ, гдѣ требовался великій подвигъ самоотверженія. Г-жа Симонъ была очень рада отъ меня избавиться, да и я сама по неволѣ созналась, что она совершенно права. А что же Фридрихъ? Мнѣ такъ и не удалось его найти. Конечно, слава богу, что этого не

случилось; значитъ, еще не вся надежда потеряна. Но еслибъ я нашла его въ числѣ тѣхъ несчастныхъ, искалѣченныхъ, гнившихъ заживо, то навѣрно лишилась бы разсудка. Пожалуй, дома я найду отъ него письмо. Эта надежда—нѣтъ, не надежда—это слишкомъ много, но ужь одна мысль о такой возможности пролила бальзамъ въ мою больную душу. Да, я чувствовала, что моя душа вся изранена и изъязвлена. Колоссальное бѣдствіе, видѣнное мною, до того надорвало мнѣ сердце, что я не надѣялась больше оправиться совсѣмъ отъ этого тяжелаго испытанія. Если даже я опять увижу своего Фридриха, если мнѣ предстоитъ еще долгая свѣтлая будущность любви и счастья, развѣ я когда нибудь могу забыть о томъ, какая масса моихъ ближнихъ обречена на жесточайшія мученія? Обречена до тѣхъ поръ, пока люди не придутъ къ сознанію, что такое бѣдствіе, какъ война, не есть роковая необходимость, но прямо—преступленіе.

Я спала почти всю дорогу. Докторъ Брессеръ далъ мнѣ слабый пріемъ наркотическаго лѣкарства, чтобы продолжительный и крѣпкій сонъ нѣсколько успокоилъ мои нервы, разстроенные ужасными сценами въ Гороневосѣ. Когда мы прибыли на вѣнскій вокзалъ, отецъ мой былъ уже тамъ, чтобы встрѣтить меня и отвезти домой. Докторъ Брессеръ со своей обычной предусмотрительностью телеграфировалъ ему въ Грумицъ. Самъ онъ не могъ проводить меня туда, такъ какъ на его обязанности лежала доставка раненыхъ въ военный госпиталь, а затѣмъ онъ намѣревался немедленно вернуться въ Богемію. Отецъ молча обнялъ меня, да и я не могла выговорить ни слова. Потомъ онъ обратился къ доктору Брессеру.

— Какъ мнѣ благодарить васъ? Еслибъ вы не взяли эту маленькую сумасбродку подъ свое покровительство...

Но докторъ, вмѣсто отвѣта, наскоро пожалъ намъ руки.

— Простите, я долженъ спѣшить. Желаю вамъ благополучно добраться до дому. Молодую баронессу надо поберечь, ваше превосходительство... она сильно потрясена... Не браните ее, не разспрашивайте, а поскорѣе—въ постель. Вода изъ померанцевыхъ цвѣтовъ... спокойствіе... Прощайте!

И онъ убѣжалъ.

Отецъ взялъ меня подъ руку и вывелъ изъ толкотни на подъѣздъ. У крыльца стоялъ длинный рядъ лазаретныхъ фур-

гоновъ. Намъ пришлось пройтись немного пѣшкомъ до мѣста, гдѣ ожидалъ насъ собственный экипажъ.

У меня все время вертѣлся на языкѣ вопросъ: „Нѣтъ ли извѣстій о Фридрихѣ?“ но не хватало мужества высказать его. Наконецъ, когда мы отъѣхали уже довольно далеко, а отецъ все молчалъ, я рѣшилась спросить объ этомъ.

— До вчерашняго вечера пока ничего,—отвѣчалъ папа,— но, можетъ быть, мы найдемъ письмо отъ твоего мужа по пріѣздѣ. Вѣдь я еще вчера, тотчасъ по полученіи телеграммы, выѣхалъ изъ Грумица въ городъ. Ужь и задала же ты намъ страху, дурочка! Шутка ли: поскакать на театръ войны, навстрѣчу непріятелю! Вѣдь эти люди—настоящіе дикари... Побѣды, выигранныя фуксомъ, вскружили имъ головы... а главное: вѣдь этотъ ландверъ—не дисциплинированное войско; отъ такихъ людей можно ожидать всего худшаго, а ты—женщина—вздумала вдругъ сунуться къ нимъ! Да понимаешь ли ты... но, впрочемъ, докторъ не велѣлъ тебя бранить...

— Здоровъ ли мой Рудольфъ?

— Мальчишка реветъ и плачетъ по тебѣ, ищетъ тебя по всему дому и не хочетъ вѣрить, что мама уѣхала, не простившись съ нимъ. А объ остальныхъ ты и не спросишь? О Розѣ, Лили, Отто, тетѣ Мари? Право, ты какая-то безчувственная...

— Здоровы ли они всѣ? Писалъ ли Конрадъ?

— Всѣ здоровы. Отъ Конрада пришло вчера письмо—съ нимъ все благополучно. Лили въ восторгѣ. Вотъ увидишь, что и о Тиллингѣ мы скоро получимъ благопріятныя извѣстія. Къ сожалѣнію, въ политическомъ отношеніи нельзя ожидать ничего хорошаго. Ты вѣдь слышала о великомъ горѣ?..

— Какомъ?.. Это время я и не видала ничего, кромѣ великаго горя...

— Я говорю о Венеціи—нашей прекрасной Венеціи, которую мы отдали, почтительнѣйше приподнесли интригану Луи-Наполеону. И это послѣ такихъ блестящихъ побѣдъ, какъ подъ Кустоццей!.. Вмѣсто того, чтобъ возвратить Ломбардію, мы отдали еще Венецію! Конечно, благодаря этому, мы избавились отъ врага у себя на югѣ, перетянули на свою сторону Наполеона и можемъ отомстить сторицей за Садову, вышвырнуть пруссаковъ изъ нашихъ предѣловъ, преслѣдовать его и за-

хватить въ свои руки Силезію. Бенедекъ сдѣлалъ большой промахъ, но теперь главнокомандующимъ назначенъ славный полководецъ южной арміи... Ты ничего не отвѣчаешь? Ну, ладно, тогда я—опять таки по предписанію доктора Брессера—оставлю тебя въ покоѣ.

Послѣ двухчасовой ѣзды, мы прибыли въ Грумицъ.

Когда наша карета въѣхала во дворъ замка, младшія сестры бросились мнѣ навстрѣчу.

— Марта, Марта,—закричали онѣ въ одинъ голосъ,—онъ здѣсь.

И опять у самой дверцы экипажа:

— Вѣдь онъ здѣсь, Марта!

— Кто?

— Фридрихъ, твой мужъ.

XV.

Да, онъ былъ въ Грумицѣ. Только вчера поздно вечеромъ Фридриха привезли съ транспортомъ раненыхъ изъ Богеміи въ Вѣну, а оттуда въ Грумицъ. Онъ былъ раненъ пулей въ ногу; эта рана помѣшала ему остаться въ рядахъ и потребовала немедленнаго лѣченія, но не представляла никакой опасности.

Однако и радость не легко перенести. Слова сестеръ, сказанныя безо всякаго приготовленія: „Фридрихъ здѣсь“, подѣйствовали на меня также сильно, какъ и ужасы предшествовавшаго дня: я лишилась чувствъ.

Меня перенесли на рукахъ изъ кареты въ замокъ и уложили въ постель. Тутъ я провела нѣсколько часовъ—было ли это слѣдствіемъ принятаго мною наркотическаго лѣкарства, или потрясенія отъ неожиданной радости?—то въ крѣпкомъ снѣ, то въ бреду. Когда же ко мнѣ вернулось сознаніе и я увидала себя лежащей на собственной постели, мнѣ показалось, будто бы я очнулась отъ тяжелаго кошмара и вовсе не выѣзжала изъ Грумица. Письмо Брессера, мое рѣшеніе уѣхать въ Богемію, ужасы театра войны, обратный путь, вѣсть о возвращеніи Фридриха, все это какъ будто мнѣ приснилось...

Я подняла глаза; въ ногахъ кровати стояла моя камеръюнгфера.

— Готова ли ванна? я хочу встать,—были мои первыя слова.

Тутъ изъ угла комнаты бросилась ко мнѣ тетя Мари:

— Ахъ, Марта, бѣдняжка моя, наконецъ-то ты пришла въ себя! Слава богу! Да, да, вставай и возьми ванну, это освѣжитъ тебя... Послѣ дорожной пыли, нужно всегда...

— Какая дорожная пыль? что ты хочешь сказать?..

— Вставай скорѣе!.. Нэтти, приготовьте все нужное. Фридрихъ умираетъ отъ нетерпѣнія увидать тебя.

— Фридрихъ, мой Фридрихъ!!!

Какъ часто, въ эти послѣдніе дни, я съ такой болью повторяла его имя, но теперь это былъ крикъ радости. Только тутъ мнѣ все стало понятно; это не былъ сонъ: я уѣзжала, вернулась домой и сейчасъ увижу Фридриха.

Четверть часа спустя, я вошла къ нему одна. Я просила, чтобы никто не входилъ со мною. При нашемъ свиданіи не слѣдовало быть третьему лицу.

— Фридрихъ!—Марта!—Я бросилась къ кушеткѣ, на которой онъ лежалъ, и зарыдала на его груди.

. . . . . .

Вотъ уже во второй разъ горячо любимый мужъ вернулся ко мнѣ послѣ всѣхъ опасностей войны. О, какое блаженство имѣть его опять возлѣ себя! Какимъ чудомъ посчастливилось мнѣ, именно мнѣ, благополучно спастись отъ колоссальнаго крушенія, въ которомъ погибло столько людей, и достичь спокойной, счастливой пристани?! Благо тѣмъ, которые могутъ при подобныхъ обстоятельствахъ радостно поднять свои взоры къ небу съ горячей благодарностью къ вершителю человѣческихъ судебъ. Эта благодарность облегчаетъ ихъ; высказанная въ смиреніи сердца, она кажется имъ смиренной и они не подозрѣваютъ, сколько въ ней самомнѣнія и гордости. Между тѣмъ, эти люди наивно вѣрятъ, что они вполнѣ расквитались за великое счастіе, выпавшее имъ на долю, которое они считаютъ милостью и благоволеніемъ. Но я не была въ состояніи сдѣлать того же; вспоминая видѣнныхъ мною несчастныхъ, осушавшихъ до дна чашу страданій, думая о ихъ не менѣе несчастныхъ матеряхъ и женахъ, которымъ та же

самая судьба, благосклонная ко мнѣ, нанесла такой тяжелый ударъ, я не могла смотрѣть на мое личное благополучіе, какъ на особую милость неба, какъ бы заслуженную мною и за которую я имѣла право благодарить; нѣтъ, это было бы слишкомъ большою самонадѣянностью. Мнѣ вспомнился вдругъ одинъ ничтожный случай: недавно наша экономка, г-жа Вальтеръ, выметала шкафъ, гдѣ завелись мураши, лакомые до сахарныхъ крошекъ—такую же очистку производила и судьба на поляхъ битвъ въ Богеміи, сметая съ лица земли людей, какъ ненужный соръ.—Несчастныя, хлопотливыя насѣкомыя подъ рукою г-жи Вальтеръ были почти всѣ раздавлены, умерщвлены и выброшены; уцѣлѣли только нѣкоторыя. Неужели со стороны этихъ оставшихся было бы разумно и умѣстно выразить за это экономкѣ сердечную благодарность?.. Нѣтъ, какъ ни велика была радость свиданія, она не могла совершенно изгладить въ моемъ сердцѣ мучительной боли за пострадавшихъ. Да я и не хотѣла этого. Оказать имъ помощь я была не въ состояніи; перевязывать раны, ухаживать за недужными, обмывать, кормить ихъ, какъ дѣлали это монахини, сестры милосердія, какъ дѣлала храбрая г-жа Симонъ, я не могла, на это у меня не хватило ни мужества, ни энергіи, ни физической выносливости; но я глубоко сочувствовала несчастнымъ, сожалѣла ихъ, страдала душой вмѣстѣ съ ними и не должна была заглушать этого чувства эгоистической радостью о своемъ собственномъ благополучіи, не должна была *забывать*.

Однако, если я не чувствовала расположенія ни къ ликованію, ни къ горячимъ изліяніямъ благодарности, но *любить* возвращеннаго мнѣ судьбою обожаемаго человѣка, цѣнить его еще во сто разъ болѣе, на это я имѣла полное право.

— О, Фридрихъ, Фридрихъ! — шептали мои губы среди ласкъ и рыданій,—вотъ ты опять со мною.

— А ты хотѣла отыскать меня и ухаживать за своимъ мужемъ? Это было большимъ геройствомъ съ твоей стороны, Марта, но также и большою глупостью.

— Да, это было глупо, я вижу сама; твой призывъ издали былъ пустою игрой воображенія, нелѣпымъ суевѣріемъ, потому что ты и не думалъ звать меня. Но чтобъ въ моемъ поступкѣ было геройство, это не правда; я оказалась мало-

душной трусихой въ виду страшнаго людскаго бѣдствія, открывшагося передо мной; только за тобой могла бы я ухаживать, еслибъ ты оказался въ числѣ тѣхъ несчастныхъ. Я видѣла такіе ужасы, которые не въ силахъ забыть во всю жизнь. О, нашъ прекрасный міръ, какъ можно его такъ портить, Фридрихъ?! Міръ, въ которомъ два существа могутъ любить другъ друга, какъ мы съ тобой, въ которомъ можетъ пылать такое пламенное счастье, какъ наше, слитое воедино, бытіе? Какъ можетъ тотъ же самый міръ быть настолько неразумнымъ, чтобъ добровольно раздувать пламя ненависти, влекущей за собою смерть и неисчерпаемую массу страданій?

— Да и я, Марта, видѣлъ нѣчто ужасное, нѣчто такое, чего никогда мнѣ не забыть. Представь себѣ, на меня бросился съ поднятой саблей—Готфридъ фонъ-Тессовъ...

— Сынъ тети Корнеліи?

— Онъ самый. Однако юноша узналъ меня и вò-время опустилъ оружіе.

— Въ сущности, онъ нарушилъ свой долгъ, не такъ ли? Вѣдь онъ не имѣлъ права щадить супостата своего короля и отечества подъ тѣмъ ничтожнымъ предлогомъ, что этотъ супостатъ—его другъ и родственникъ...

— Несчастный мальчикъ! какъ только онъ опустилъ руку, свиснула сабля надъ его головой... Сражавшійся рядомъ со мною молодой офицеръ вздумалъ защитить своего подполковника и...—Фридрихъ умолкъ, закрывъ лицо обѣими руками.

— Неужели убилъ?—спросила я, содрогаясь.

Мой мужъ кивнулъ головой.

— Мама, мама!—послышался крикъ въ сосѣдней комнатѣ, и дверь съ шумомъ распахнулась.

Къ намъ вбѣжала моя сестра Лили съ Рудольфомъ на рукахъ.

— Простите, что я помѣшала вамъ,—сказала она,—но мой племянникъ такъ рвался къ своей мамѣ.

Я бросилась къ ребенку и страстно прижала его къ груди.

Ахъ, несчастная, несчастная тетя Корнелія!

XVI.

Въ тотъ же день прибылъ въ нашъ замокъ выписанный по телеграфу изъ Вѣны хирургъ и принялся за лѣченіе Фридриха. Шесть недѣль полнаго покоя, и его нога совершенно поправится.

Между нами было твердо рѣшено, что мой мужъ оставитъ военную службу. Конечно, онъ могъ подать въ отставку только по окончаніи войны. Впрочемъ, кампанію надо было считать почти оконченною. Отказъ отъ Венеціи устранилъ конфликтъ съ Италіей; кромѣ того, Австрія пріобрѣла благосклонность Наполеона и теперь была въ состояніи заключить съ сѣвернымъ побѣдителямъ миръ на довольно сносныхъ условіяхъ. Нашъ императоръ страстно желалъ положить конецъ несчастному походу, не желая подвергнуть свою столицу непріятельской осадѣ. Прусскія побѣды въ остальной Германіи, какъ напримѣръ, вступленіе прусскихъ войскъ во Франкфуртъ на Майнѣ 16 іюля, окружали противника австрійцевъ извѣстнымъ ореоломъ, который, какъ и всякій успѣхъ, производилъ обаятельное дѣйствіе и въ нашемъ отечествѣ, гдѣ явилась нѣкоторая увѣренность, что Пруссія исполнила историческую миссію, выигравъ столько битвъ. Слова: „перемиріе“ и „миръ“ были такимъ образомъ произнесены, и теперь можно было смѣло надѣяться на осуществленіе того и другаго, какъ въ тѣ времена, когда заговорятъ о войнѣ, можно съ достовѣрностью разсчитывать, что она непремѣнно вспыхнетъ. Даже мой отецъ соглашался съ тѣмъ, что при теперешнихъ обстоятельствахъ благоразумнѣе всего прекратить военныя дѣйствія; армія была обезсилена, превосходство игольчатыхъ ружей несомнѣнно доказано, а вторженіе непріятельскихъ войскъ во внутрь страны, бомбардированіе Вѣны и возможное разореніе Грумица представляли настолько непріятную перспективу, что не особенно улыбались даже моему воинственному батюшкѣ. Его увѣренность въ непобѣдимости австрійцевъ поколебалась недавними событіями, да и кромѣ того, человѣкъ склоненъ предполагать, что бѣда не приходитъ одна: какъ за удачей слѣдуетъ цѣлый рядъ удачъ, такъ и несчастіе влечетъ за

собой цѣлую вереницу другихъ. Поэтому лучше сидѣть смирно, когда найдетъ черная полоса — наступитъ же когда нибудь время отплаты и отмщенія... Месть и опять таки месть? Въ каждой войнѣ непремѣнно долженъ быть побѣжденный, который будетъ искать удовлетворенія въ слѣдующей войнѣ, а слѣдующая война создастъ опять новаго побѣжденнаго, который затаитъ въ сердцѣ пламень мести новой войны; когда же этому настанетъ конецъ? Какъ можно достичь справедливости, какъ будетъ изглажена давнишняя неправда, если мы будемъ искать средства къ примиренію въ новой неправдѣ? Никакому разумному человѣку не придетъ въ голову выводить чернильныя пятна чернилами, масляныя — масломъ: только кровь непремѣнно должна смываться кровью!..

Общее настроеніе въ Грумицѣ было печальное. Въ деревнѣ господствовала паника: „прусаки идутъ, прусаки идутъ!“ повторялось и здѣсь на разные лады, не смотря на слухи о близкомъ заключеніи мира, и люди укладывали и зарывали въ землю свои драгоцѣнности. Въ нашемъ замкѣ, тетя Мари и г-жа Вальтеръ также позаботились перенести фамильное серебро въ укромное мѣсто. Лили горевала о Конрадѣ, отъ котораго уже нѣсколько дней не получалось никакихъ извѣстій. Мой отецъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ въ своей патріотической гордости, а мы съ Фридрихомъ, не смотря на свое тихое счастіе, по прежнему чувствовали себя въ угнетенномъ состояніи, послѣ пережитыхъ и видѣнныхъ бѣдствій. И эта горькая тоска со всѣхъ сторонъ получала новую пищу. Въ газетныхъ отчетахъ, въ письмахъ отъ родственниковъ и знакомыхъ, высказывались одни только жалобы и горе. Между прочимъ, пришло письмо отъ тети Корнеліи; она еще не знала о своемъ несчастіи и въ такихъ трогательныхъ выраженіяхъ говорила о своихъ опасеніяхъ за единственнаго, горячо любимаго сына, что мы съ Фридрихомъ горько заплакали, читая эти строки. Даже, когда вся наша семья сходилась за вечернимъ чаемъ, никто не поднималъ веселой, шутливой болтовни, не затѣвалъ музыки, пѣнья, карточной игры, чтенія вслухъ интересныхъ книгъ; все, что говорилось и читалось нами, имѣло какое нибудь отношеніе къ войнѣ, поднимало вопросы о кровавыхъ катастрофахъ и смерти. Мы читали однѣ газеты, гдѣ слова: „кампанія“, „война“ повторялись на каждой строкѣ,

а разговоры наши были направлены или на похожденія Фридриха въ Богеміи, или на тяжелыя воспоминанія моей поѣздки на театръ войны. Хотя родные сильно осуждали меня за эту выходку, но слушали съ напряженнымъ вниманіемъ мои разсказы. Роза восхищалась геройствомъ г-жи Симонъ и поклялась присоединиться къ саксонской самаритянкѣ въ случаѣ, если война затянется; конечно, мой отецъ сильно возставалъ противъ этого: „за исключеніемъ сестеръ милосердія и маркитантокъ, ни одной женщинѣ не слѣдуетъ соваться на войну... Вотъ вамъ примѣръ на лицо: наша Марта. Она доказала свою полнѣйшую неспособность принести тамъ хоть какую нибудь пользу. Это былъ непростительный поступокъ съ твоей стороны, безразсудное дитя, и твоему мужу слѣдовало бы наказать тебя хорошенько".

Фридрихъ нѣжно погладилъ меня по рукѣ:—Да, это была глупость,—сказалъ онъ,—но Мартой руководило благородное побужденіе.—Когда же я принималась описывать безъ всякихъ прикрасъ потрясающія сцены, видѣнныя мною или моими спутниками, тетя Мари и отецъ постоянно спѣшили перебить меня: „Ну, какъ можно разсказывать о такихъ гадостяхъ?" Или: „какъ тебѣ не стыдно, ты женщина, благовоспитанная дама, и вдругъ повторяешь такія отвратительныя слова"? Но негодованіе моихъ стариковъ достигло апогея, когда я, въ одинъ вечеръ, заговорила о солдатахъ, изуродованныхъ на всю жизнь, и сожалѣла объ участи этихъ людей, которые, во имя мужской храбрости, мужской твердости характера и мужской чести, идутъ на войну, чтобы вернуться оттуда не мужчинами, а калѣками.

— Марта!—простонала чопорная тетя Мари,—при дѣвушкахъ!!!—и въ ея тонѣ звучало чувство оскорбленной нравственности.

Тутъ я вышла изъ терпѣнія.

— Оставь лучше свою щепетильность и жеманную благовоспитанность! Люди допускаютъ всякіе ужасы, но говорить о нихъ не дозволяется. О крови и грязи благовоспитанныя женщины не должны ничего слышать и даже подозрѣвать, а вотъ заниматься вышивкой лентъ для боевыхъ знаменъ, осѣняющихъ человѣческую рѣзню, это ихъ дѣло; дѣвушкамъ неприлично знать о томъ, что ихъ женихи могутъ

сдѣлаться неспособными къ брачному союзу; но этимъ нѣжнымъ созданіямъ вмѣняютъ въ обязанность раздувать въ будущихъ мужьяхъ воинственный пылъ, обѣщая въ награду имъ свою любовь. Смерть и людская бойня, по вашему, не представляютъ ничего безнравственнаго, но всякій намекъ на то, въ чемъ заключается источникъ дальнѣйшаго развитія жизни, заставляетъ васъ краснѣть и отворачиваться; это жестокосердая мораль, жестокосердая и трусливая! А наша привычка отворачиваться въ сторону, чтобы не видѣть ужасовъ и грязи, только больше укореняетъ зло, отъ котораго происходитъ такъ много несчастій и несправедливостей. У кого хватитъ мужества взглянуть туда, гдѣ томятся ближніе въ мукахъ и лишеніяхъ, а потомъ серьезно обдумать и взвѣсить все видѣнное...

— Не горячись понапрасну, — перебила тетя Мари,— сколько бы мы ни смотрѣли и ни думали, зла не искоренишь на землѣ; земля—долина плача и всегда ею останется.

— Нѣтъ, не останется,—возразила я, оставивъ за собою послѣднее слово въ нашемъ спорѣ.

XVII.

— Опасность, что миръ будетъ заключенъ, подвигается къ намъ все ближе,—говорилъ однажды мой братъ Отто.

Мы сидѣли всѣ за столомъ, а Фридрихъ лежалъ рядомъ на кушеткѣ; кѣмъ-то изъ насъ только что было прочитано въ газетахъ извѣстіе, что Бенедетти прибылъ въ Богемію, вѣроятно, съ предложеніями условій мира.

Мой маленькій братъ Отто—я все еще считала Отто маленькимъ, хотя онъ уже давно былъ взрослымъ,—ничего такъ не боялся, какъ скораго окончанія войны, что отняло бы у него возможность выгнать супостата изъ предѣловъ Австріи. Между тѣмъ, изъ вѣнско-нейштатской академіи было получено извѣстіе, что въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій, при слѣдующемъ пополненіи полковъ, назначенномъ на 18 августа, будутъ приниматься въ дѣйствующую армію воспитанники не только послѣдняго, но и предпослѣдняго класса. Такая перспектива приводила въ восторгъ нашего героя; прямо изъ ака-

деміи на войну, какое блаженство! Такъ радуется пансіонерка первому выѣзду въ свѣтъ, первому балу. Ее научили танцамъ, а воспитанника нейштатской школы стрѣльбѣ и фехтованью; она стремится блеснуть своимъ искусствомъ при яркомъ вечернемъ освѣщеніи, въ воздушномъ нарядѣ, подъ звуки оркестра, а онъ не менѣе ея мечтаетъ о красивомъ мундирѣ и грандіозномъ котильонѣ при грохотѣ канонады.

Отецъ, конечно, восхищался воинственнымъ пыломъ своего любимца.

— Будь спокоенъ, мой храбрый юноша, — отвѣчалъ онъ на жалобы Отто по поводу приближающагося мира и ласково потрепалъ его по плечу, — передъ тобою еще долгая будущность. Если теперешній походъ кончится, то черезъ нѣсколько лѣтъ мы опять будемъ драться.

Я ничего не сказала. Послѣ моей жаркой стычки съ тетей Мари, я, по совѣту Фридриха, рѣшилась избѣгать безполезныхъ споровъ о войнѣ; они только раздражали нашихъ антагонистовъ, не приводя ни къ чему; а съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣла своими глазами слѣды этого ужаснаго бича — войны—моя ненависть и презрѣніе къ ней до того обострились, что всякое восхваленіе ея оскорбляло меня, какъ личная обида. Съ Фридрихомъ мы были солидарны въ нашихъ мнѣніяхъ, и онъ скоро выйдетъ въ отставку; моего сына Рудольфа я также ни за что не отдамъ въ военное училище, гдѣ все воспитаніе направлено,—да и *должно* быть направлено,— къ тому, чтобы возбуждать въ юношахъ жажду военныхъ подвиговъ. Однажды я разспросила брата о взглядахъ на войну, которые прививаются воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній. Изъ его отвѣтовъ выяснилось приблизительно слѣдующее: война есть неизбѣжное зло (значитъ, все таки зло — уступка духу времени), но притомъ она является сильнѣйшимъ стимуломъ самыхъ высокихъ человѣческихъ добродѣтелей: мужества, самоотверженія, самопожертвованія, а также источникомъ величайшей славы и, въ заключеніе, важнѣйшимъ факторомъ развитія культуры. Великіе завоеватели, основавшіе такъ называемыя „міровыя государства“, Александры Македонскіе, Цезари, Наполеоны, выставляются благороднѣйшими образцами человѣческаго величія, достойными поклоненія; результаты и выгоды войны тщательно подчеркиваются,

между тѣмъ какъ неизбѣжные при ней ущербы, огрубѣніе нравовъ, обѣдненіе, моральное и физическое вырожденіе воспитатели юношества совершенно обходятъ молчаніемъ. Но, конечно, въ томъ же самомъ духѣ шло и мое дѣвическое воспитаніе, отчего въ моей наивной душѣ выросло благоговѣніе къ военнымъ лаврамъ, одушевлявшее меня въ годы юности. Вѣдь я сама горевала, что мнѣ нельзя, какъ мальчикамъ, пожинать впослѣдствіи этихъ лавровъ; могла ли же я теперь сердиться на юношу, котораго подобная перспектива наполняла радостью и нетерпѣніемъ?

Вотъ почему я ни слова не отвѣтила Отто на его жалобы, спокойно принявшись опять за свою газету; въ ней, по обыкновенію, всѣ столбцы были заняты извѣстіями съ театра войны.

— Вотъ интересная корреспонденція одного врача, находившагося при нашихъ войскахъ во время отступленія. Не прочесть ли вамъ вслухъ?—спросила я.

— Во время отступленія? — воскликнулъ Отто. — Признаться, я не хотѣлъ бы слышать объ немъ. Вотъ еслибъ это былъ разсказъ о бѣгствѣ врага, котораго мы преслѣдовали...

— Мнѣ удивительно,—замѣтилъ Фридрихъ,—что нашелся человѣкъ, пишущій о своемъ участіи въ бѣгствѣ; о такихъ военныхъ эпизодахъ участники обыкновенно умалчиваютъ.

— Правильное отступленіе не есть бѣгство,—возразилъ мой отецъ,—вотъ и мы однажды въ 49 году... подъ командой Радецкаго...—Эта исторія давно набила мнѣ оскомину и, не желая ея повторенія, я поспѣшала сказать:

— Настоящая корреспонденція была послана въ медицинскій еженедѣльный журналъ и не предназначалась для военныхъ сферъ. Вотъ послушайте.

И не дожидаясь болѣе позволенія, я прочитала отрывокъ изъ письма врача:

„...Въ четыре часа, наши войска начали отступленіе; что касается насъ, врачей, то мы были еще по горло заняты перевозкой раненыхъ—число ихъ простиралось до нѣсколькихъ сотъ, — вдругъ на насъ наскочила кавалерія и помчалась мимо, черезъ холмы и поля, одновременно съ ней артиллерія, а за нею обозъ: все это спѣшило по направленію къ

Кёниггрецу. Многіе кавалеристы падали съ лошадей и обращались буквально въ кровавую массу подъ копытами другихъ, мчавшихся за ними. Фуры опрокидывались и давили тѣснившихся между ними пѣхотинцевъ. Нашъ перевязочный пунктъ не выдержалъ этого натиска и былъ также опрокинутъ. Намъ закричали: „спасайтесь“. Среди этого крика, слышался еще грохотъ пушекъ и осколки гранатъ падали въ густыя массы бѣглецовъ. Такимъ образомъ, мы были подхвачены волною общаго движенія и побѣжали, сами не зная куда. Я заранѣе прощался съ жизнью, вспоминалъ старуху-мать, горячо любимую невѣсту. Вдругъ видимъ: передъ нами вода; вправо насыпь желѣзной дороги, влѣво ущелье, загроможденное тяжелыми реквизиціонными телѣгами и лазаретными фурами, гдѣ были раненые, а сзади насъ нагоняетъ кавалерія. Мы перешли рѣчку въ бродъ. Тутъ пришелъ приказъ обрѣзать постромки у лошадей и спасать ихъ, а телѣги бросить. Какъ, и лазаретныя фуры, гдѣ были раненые? Да, и ихъ также. Мы, пѣшіе, потеряли голову и вошли по колѣно въ воду, въ страхѣ, что насъ сейчасъ собьютъ съ ногъ и утопятъ. Наконецъ, мы добрались до желѣзнодорожной станціи, которая оказалась забаррикадированной со всѣхъ сторонъ. Многіе пробились черезъ баррикаду, другіе перепрыгнули черезъ нее; я сдѣлалъ тоже, не отставая отъ бѣгущихъ пѣхотинцевъ, которыхъ было нѣсколько тысячъ. Наконецъ, мы добѣжали до рѣки, перебрались черезъ нее въ бродъ, потомъ прыгали черезъ заборы, забрели по шею опять въ другую рѣку, взбирались на крутизны, прыгали черезъ упавшія деревья и къ часу ночи добрались до небольшаго лѣса, гдѣ попадали на землю въ полномъ изнеможеніи отъ усталости и лихорадки.

„Въ три часа утра, мы снова двинулись въ путь, мокрые до нитки и продрогшіе. Впрочемъ, многіе изъ насъ должны были остаться на мѣстѣ, вслѣдствіе полнаго упадка силъ; этимъ отсталымъ грозила неминуемая смерть. Наше дальнѣйшее странствіе было ужасно: всѣ деревни пусты—ни живой души, ни съѣстныхъ припасовъ, ни даже воды для питья; воздухъ зараженъ міазмами отъ гніющихъ труповъ. Вытоптанныя хлѣбныя поля усыпаны мертвецами — черные, какъ уголь, трупы, мертвые глаза, выступающіе изъ орбитъ...“

— Довольно, довольно!—закричали сестры.

— Цензурѣ не слѣдовало пропускать подобныхъ вещей,— замѣтилъ мой отецъ.—Этакъ у всякаго пройдетъ охота поступать въ солдаты...

— А въ особенности пропадетъ, пожалуй, и охота къ войнѣ, что было бы ужасно жаль, — проворчала я вполголоса.

— Вообще, — продолжалъ папа, — было бы приличнѣе умалчивать о такихъ эпизодахъ бѣгства, потому что участіе въ подобныхъ всеобщихъ „sauve qui peut“, право, никому не дѣлаетъ чести. Негодяя, которому пришло въ голову крикнуть первому: „спасайтесь“, и тѣмъ подать сигналъ къ тревогѣ, слѣдовало бы тотчасъ пристрѣлить. Стоитъ одному трусу крикнуть, и тысяча храбрецовъ деморализуется и по неволѣ принуждена бѣжать съ другими.

— То же бываетъ и въ томъ случаѣ, — отвѣчалъ Фридрихъ,—когда одинъ храбрецъ крикнетъ: „впередъ“; тысяча трусовъ невольно кидается за нимъ, дѣйствительно охваченная минутной отвагой. Вообще, трудно рѣзко разграничить людей на храбрыхъ и малодушныхъ, скорѣе у каждаго изъ насъ могутъ быть свои минуты подъема храбрости и упадка духа. Но въ толпѣ каждая человѣческая особь вдобавокъ зависитъ отъ настроенія своихъ товарищей. Мы—существа стадныя и подчиняемся стаднымъ инстинктамъ. Гдѣ подпрыгнетъ одна овца, всѣ другія дѣлаютъ то же самое, вслѣдъ за нею; гдѣ загремитъ одно „ура“, остальные спѣшатъ подхватить его, и гдѣ одинъ броситъ свое ружье въ хлѣба, чтобы пуститься бѣжать, товарищи кидаются опрометью за нимъ. Въ первомъ случаѣ, громко выхваляютъ „храброе“ войско, во второмъ—о его поведеніи умалчиваютъ, а между тѣмъ это одни и тѣ же люди. Да, тѣ же самые люди являются храбрецами или трусами, смотря по массовому воздѣйствію на нихъ. Отвагу и боязливость слѣдуетъ считать не укоренившимися свойствами, а скорѣе душевными состояніями, какъ веселость и печаль. Въ моемъ первомъ походѣ, мнѣ самому пришлось попасть въ сумятицу такого дикаго бѣгства. Въ офиціальныхъ донесеніяхъ генеральнаго штаба эта штука хотя и была названа „правильнымъ отступленіемъ“, на самомъ же дѣлѣ мы постыдно бѣжали безъ оглядки. Люди бѣсновались, рвались, неистовствали въ невообразимой сума-

тохѣ; оружіе, ранцы, шинели, кивера, все бросалось по дорогѣ; словъ команды невозможно было разслышать, да они и не производили больше никакого дѣйствія; хрипя, надрываясь отъ крику, подгоняемые отчаяніемъ, солдаты бѣжали, очертя голову, не думая о сохраненіи строя, только бы спастись отъ настигавшаго ихъ непріятеля... Между множествомъ жестокихъ фазъ войны, самая жестокая та, когда оба противника обращаются изъ бойцовъ въ преслѣдователя и преслѣдуемаго — въ охотника и дичь. Тутъ охотникъ остервеняется, охваченный жаждой убійства, а дичью овладѣваетъ безуміе смертельнаго ужаса. Гонимые, подстрекаемые страхомъ, бѣглецы приходятъ въ неистовство, граничащее съ бредомъ; всѣ привитыя воспитаніемъ чувства, одушевляющія человѣка, когда онъ бросается въ битву: любовь къ отечеству, честолюбіе, жажда подвиговъ, не существуютъ для него болѣе, когда онъ ударится въ бѣгство. Имъ руководитъ только разнузданный до крайнихъ предѣловъ животный инстинктъ, именно самый сильный въ каждомъ живомъ существѣ — инстинктъ самосохраненія. По мѣрѣ приближенія опасности, его сила достигаетъ высочайшаго напряженія, ужаснѣйшаго болѣзненнаго пароксизма. Кто не испыталъ этого, но кому знакомы экстазы любовныхъ наслажденій, тотъ можетъ составить себѣ понятіе о паникѣ бѣгства съ ея безумной яростью. Что составляетъ для возбужденнаго до крайности половаго инстинкта моментъ сладострастья, тоже для инстинкта самосохраненія — въ одинаковой степени, только на противоположномъ концѣ скалы—моментъ, когда выбившаяся изъ послѣднихъ силъ несчастная дичь испускаетъ духъ подъ зубами остервенѣлой стаи собакъ.

— Опомнитесь, Тиллингъ, — съ упрекомъ перебила тетя Мари,—въ присутствіи дѣвушекъ!—такія слова, какъ сладо...

— И въ присутствіи юноши,—прибавилъ мой отецъ съ неменьшимъ упрекомъ.—Вѣдь онъ будущій солдатъ, и вдругъ толковать ему о страхѣ смерти...

Фридрихъ пожалъ плечами.

— Я посовѣтовалъ бы,—сказалъ онъ,—прежде всего вычеркнуть изъ лексикона слово: „природа“.

(*Продолженіе будетъ*).

ПО СѢВЕРНОМУ КАВКАЗУ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ).

III.

Въ Донифарсѣ.

Типъ ауловъ кавказскихъ горцевъ достаточно извѣстенъ, а потому я не буду подробно останавливаться на немъ. Скажу только, что при посѣщеніи ихъ, больше всего бросается въ глаза многоэтажность горскихъ саклей. Однако этажи эти далеко не всегда распола̀гаются прямо одинъ надъ другимъ, а вполнѣ своеобразно и безпорядочно. Строясь на покатости, сакля почти всегда задней стѣной упирается въ гору; эта же стѣна, выступая на плоскую крышу, служитъ фасадомъ слѣдующему этажу, который пріютился уже совсѣмъ неровно на болѣе высшей точкѣ пригорка, и имѣетъ, такимъ образомъ, единственный выходъ на плоскую крышу нижней части сакли; надъ второй частью ея, тоже на пригоркѣ, можетъ быть еще третья, имѣющая выходъ только на крышу втораго отдѣленія, и т. д. И вотъ, распредѣляясь правильно, отдѣльныя сакли могутъ образовать нѣчто въ родѣ громадныхъ ступеней на гору. Но, къ сожалѣнію, правильно онѣ располагаются очень рѣдко, не смотря даже на то, что встрѣчаются сакли въ семь и болѣе этажей. Иногда второе отдѣленіе только одной частью своею опирается на первое и вновь развѣтвляется въ сторону еще на нѣсколько отдѣленій, которыя располагаются несимметрично, имѣютъ разную высоту и разные размѣры. Въ общемъ, получается безпорядочная груда каменныхъ ящиковъ, наставленныхъ одинъ на другой не всѣмъ своимъ основаніемъ, а частью его или углами.

При въѣздѣ въ Донифарсъ, общее вниманіе привлекаетъ огром-

ная полуразрушенная башня, сложенная, какъ и всѣ горскія постройки, изъ довольно большихъ каменныхъ плитъ, укрѣпленныхъ одна на другой глиной или же просто положенныхъ другъ на дружку. Эта башня, заключающая въ себѣ цѣлый лабиринтъ отдѣленій, въ которыхъ легко заблудиться, принадлежала нѣкогда представителямъ «благороднаго» рода, давно уже переселившагося въ Турцію.

Впрочемъ, и теперь еще въ Донифарсѣ насчитываютъ цѣлый десятокъ дворовъ, обитаемыхъ потомками привилегированныхъ сословій, да, кромѣ того, 58 дворовъ лицъ непривилегированныхъ; всего же 68 дымовъ, въ которыхъ числится 830 душъ обоего пола. Донифарсъ представляетъ центръ общества того же названія. Всѣ подобныя общества и приходы горной Дигоріи образуютъ нѣчто въ родѣ нашихъ волостей и состоятъ обыкновенно изъ нѣсколькихъ поселенныхъ мѣстъ. Такъ, въ донифарскомъ приходѣ 3 селенія, въ махческомъ — 11, въ стыръ-дигорскомъ — 9 и въ галіатскомъ—4. Всѣ эти населенныя мѣста очень незначительны по своимъ размѣрамъ: большее изъ нихъ, сел. Галіатъ имѣетъ 96 дымовъ, а въ нѣкоторыхъ, число ихъ едва достигаетъ 5—9 дымовъ. Всего четыре горныхъ прихода состоятъ изъ 27 населенныхъ мѣстъ съ 929 дымами и 8,891 душами населенія обоего пола. Плоскостную же Дигорію составляютъ, какъ мы уже говорили, два селенія: Ново-Христіанское и Ново-Магометанское, съ нѣсколькими, приписанными къ нимъ, мелкими поселками и хуторами. Нѣсколько въ сторонѣ находится ново-урухскій приходъ съ четырьмя селеніями и занимаетъ предгоріе между плоскостной частью и собственно горной. Въ этомъ приходѣ числится 228 дымовъ съ 1,290 душами населенія. Плоскостныя общества имѣютъ пять населенныхъ мѣстъ съ 1,178 дымами и 7,428 душами обоего пола. Такимъ образомъ, всю Дигорію составляютъ семь обществъ въ 36 селеній, поселковъ и хуторовъ, заключающихъ въ себѣ всего 2,335 дымовъ и 17,609 душъ населенія [1]).

Вся эта масса дигорцевъ располагаетъ совершенно ничтожнымъ земельнымъ богатствомъ въ горахъ и очень небольшими надѣлами на плоскости. Обиліемъ скота край тоже не можетъ похвалиться: крупнаго рогатаго скота во всѣхъ четырехъ приходахъ насчитываютъ нѣсколько менѣе семи тысячъ головъ, лошадей до 900, а ишаковъ (ословъ), овецъ и козъ около 38½ тысячъ. Та-

[1]) Цифровый матеріалъ заимствованъ нами изъ составленныхъ въ томъ же году г. Евг. Максимовымъ: „Статист. табл. насел. мѣстъ Терской обл.“, т. II, вып. IV.

кимъ образомъ, только число рогатаго скота можно было бы признать значительнымъ; но, имѣя въ виду, что рабочій скотъ здѣсь исключительно рогатый и что на одну плуговую упряжку на плоскости требуется не менѣе 2—3 паръ быковъ, нельзя не видѣть, что дигорцамъ все таки почти вдвое недостаетъ требуемаго количества рабочаго скота. По имѣющимся у меня свѣдѣніямъ оказывается также, что 157 домохозяевъ, т. е. 17% общаго числа ихъ, совсѣмъ не имѣютъ лошадей, а 193 домохозяина, т. е. до 20%, не имѣютъ и мелкаго скота. Муловъ встрѣчается сравнительно немного. Средняя стоимость ишака достигаетъ 20 р., лошади—50 р., а мула 80 и даже 100 руб.

Около сельскаго правленія, въ которомъ остановились мы, какъ въ лучшемъ углу Донифарса, быстро сошлось поглядѣть на нежданыхъ гостей почти все мужское населеніе аула. Не могу сказать, чтобы толпа этихъ людей, громко галдящая, въ своихъ воинственныхъ папахахъ и черкескахъ съ патронами, съ аршинными кинжалами, а иногда и съ кремневыми пистолетами,—толпа, бросающая далеко не дружелюбные взгляды на русскаго чиновника,—могла представлять собою пріятное и успокоительное зрѣлище. Для русскаго человѣка, привыкшаго видѣть въ родной деревнѣ совсѣмъ иныхъ людей, часто спѣшащихъ перебросить съ пріѣзжимъ нѣсколькими словами, горскій аулъ не представляетъ такого же пріятнаго и успокоительнаго уголка, въ которомъ надѣешься вполнѣ безопасно отдохнуть и подкрѣпиться. Только впослѣдствіи пріучаешься оставаться совершенно спокойнымъ среди этой недружелюбной и вооруженной толпы, а сначала невольно поглядываешь искоса на эти кинжалы и пистолеты въ рукахъ несдержанныхъ дикарей.

Оружіе въ рукахъ туземца—опасная игрушка. Тамъ, гдѣ два русскихъ человѣка ограничатся тѣмъ, что вцѣпятся другъ другу въ бороды, а третій разниметъ ихъ, среди туземцевъ Сѣвернаго Кавказа окажутся двое съ распоротыми животами, а третій—съ простр ленной грудью. Всякое столкновеніе изъ-за самыхъ ничтожныхъ причинъ кончается обнаженіемъ кинжаловъ и кровопролитіемъ, — и только потому, что кинжалъ у поссорившихся тутъ же за поясомъ. Возьмите длинные списки происшествій, печатающихся въ «Терскихъ Вѣдомостяхъ», и вы убѣдитесь, что цѣлые потоки крови проливаются совсѣмъ не изъ-за какой либо особой кровожадности туземцевъ, а просто потому, что есть оружіе, которымъ можно сдѣлать кровопусканіе. Нельзя сомнѣваться, что во многихъ случаяхъ, не будь кинжаловъ въ рукахъ у туземцевъ, дѣло ограничилось бы или выбитымъ зубомъ, или даже

просто перебранкой. Вотъ нѣсколько примѣровъ такихъ происшествій: 1) «Мая 28 дня, жители Христіанскаго сел., Владикавказскаго округа, дигорцы Габа Авзураговъ и Бодзай Габаевъ, въ происшедшей между ними неизвѣстно изъ-за чего дракѣ, нанесли другъ другу кинжальныя раны» (см. «Тер. Вѣд.» № 89 за 1890 г.). 2) «18 мая, между жителями сел. Верхній Науръ, Уматъ-Гиреемъ Шабазаровымъ и Абубакаромъ Абулкадыровымъ, изъ-за неуплаты послѣднему двоюроднымъ братомъ перваго долгу 1 р., произошла ссора, а затѣмъ и драка, во время которой они нанесли другъ другу опасныя кинжальныя раны въ разныя части тѣла». 3) «20 мая, между жителями селенія Месхеты, Ахматомъ Шабазовымъ и Стеханомъ Тухміевымъ, изъ-за собранныхъ ими во время половодья рѣки дровъ, произошла ссора, во время которой они нанесли другъ другу тяжкія кинжальныя раны въ разныя части тѣла». 4) «Въ ночь на 24 мая, въ Карасу-хуторѣ, житель сел. Аксая, Эльдорханъ Эмювовъ, во время картежной игры съ односельцемъ своимъ Юнусомъ Мамакаевымъ, поссорился съ нимъ, а затѣмъ, вышедши изъ дома во дворъ, нанесъ ему, Мамакаеву, смертельную кинжальную рану въ правый бокъ» (№ 90). 5) «2 сентября, изъ-за порчи жителемъ сел. Мартинъ-Кале, Исраилемъ Тукаевымъ, принадлежащей Дудѣ Хаджіеву тыквы, произошла между ними драка, въ каковой Хаджіевъ нанесъ Тукаеву три кинжальныхъ раны» (№ 96) и т. д.

Такихъ примѣровъ можно было бы насчитать очень много. Только въ теченіе одного іюля мѣсяца 1890 г., когда, вслѣдствіе отвлеченія жителей полевыми работами, совершается наименьшее количество преступленій, число ихъ въ Терской области достигло, по свѣдѣніямъ той же офиціальной газеты (№ 92), сорока случаевъ съ кровавой развязкой, и изъ нихъ было 28 насильственныхъ смертей. И это, замѣтьте, въ области, гдѣ населенія числится, по крайней мѣрѣ, въ четыре раза меньше, чѣмъ, напримѣръ, въ Курской губерніи. Знакомясь съ самымъ характеромъ преступленій, нельзя не видѣть, что они совершаются изъ-за самыхъ ничтожныхъ поводовъ: изъ-за испорченной тыквы, которой цѣна 3 к., за неотдачу родственникомъ 1 р. долга, изъ-за карточной игры, изъ-за дровъ, а то и просто безъ видимой причины. Что ссора и брань приводятъ дикихъ людей къ дракѣ,—это вполнѣ понятно и безъ воспитательныхъ мѣръ неустранимо, но что драки эти всегда заканчиваются убійствомъ или ранами—это дѣло поправимое, если невполнѣ, то въ значительной степени. Къ такому именно результату могло бы привести разоруженіе туземцевъ. Въ обыкновенное, такъ сказать, мирное время, дѣло это нелегкое, хотя

вполнѣ возможное. Наиболѣе удобный случай для разоруженія представлялся въ 1878 г., во время возстанія въ Чечнѣ Алибека. При замиреніи края, обезоруженіе жителей могло бы совершиться безъ особаго труда. Подобный же случай былъ пропущенъ въ 1886 г., когда чеченцы волновались по поводу переписи населенія. Но и въ обыкновенное время такая мѣра можетъ быть проведена постепенно, черезъ обезоруженіе сначала тѣхъ селеній, въ которыхъ наичаще встрѣчаются кровавыя преступленія, а затѣмъ и остальныхъ. Нельзя, разумѣется, надѣяться, что пораненія и убійства совсѣмъ прекратятся отъ такой мѣры,—для этого, какъ мы уже говорили, нужны мѣры болѣе воспитательнаго характера,—но, съ другой стороны, едва ли можно сомнѣваться, что уменьшеніе поводовъ къ воспламененію горючаго матеріала уменьшитъ и самое пламя кровавыхъ распрей въ населеніи. Замѣчательно, что туземное населеніе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, само сознаётъ возможность, а часто и желательность обезоруженія, причемъ въ непринятіи этой мѣры темная народная масса не прочь видѣть или слабость русскихъ властей, или нежеланіе ихъ разстаться съ тѣмъ привилегированнымъ положеніемъ и исключительными правами, которыя имѣютъ они, какъ власти такого же исключительнаго края, съ такимъ же исключительно неспокойнымъ населеніемъ.

Впрочемъ, нужно замѣтить, что громадное большинство кровавыхъ случаевъ, происходящихъ здѣсь, совершается по преимуществу въ средѣ туземцевъ и почти не выходитъ изъ нея. Покушенія же на жизнь лицъ, принадлежащихъ къ числу русскихъ властей, относительно рѣдки. За два послѣдніе года, намъ приходилось слышать только объ одномъ случаѣ убійства акцизнаго чиновника. Поэтому-то большинство русскихъ людей скоро свыкается съ этой вооруженной толпой, сопровождающей ихъ по ауламъ. Впослѣдствіи и я, ближе ознакомившись съ осетинами, уже не обращалъ тревожныхъ взглядовъ ни на дикія лица толпы, ни на аршинные кинжалы.

Въ сопровожденіи такой же толпы пошли мы посмотрѣть на вполнѣ самобытную школу, возникшую недавно въ Донифарсѣ. По приглашенію нѣкоторыхъ родителей, одинъ изъ учениковъ двухкласснаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ с. Христіанскомъ, по окончаніи въ немъ курса, прибылъ въ Донифарсъ и занялся здѣсь обученіемъ грамотѣ дѣтей-осетинъ. Ему отвели пустующую саклю, очень просторную, но, къ сожалѣнію, слишкомъ темную. Вдоль трехъ стѣнъ установлены въ ней скамьи, а передъ ними—длинные узкіе столы съ горизонтальными досками. За ними примостилось 18 мальчугановъ, изъ которыхъ многіе по-

ражаютъ красотой своихъ оживленныхъ личиковъ. За каждаго мальчика родители платятъ учителю по 1 руб. въ мѣсяцъ,—цѣна баснословно высокая для такого бѣднаго населенія, какъ горные дигорцы, почти совсѣмъ лишенные земли. Но стремленіе къ образованію и къ русской грамотѣ такъ велико, что даже эта плата не останавливаетъ дигорцевъ. Впрочемъ, значительная часть ихъ, вслѣдствіе крайней бѣдности, все таки лишена возможности обучать своихъ дѣтей. А между тѣмъ, здѣсь бы именно нужно было учить и учить. Въ дикомъ краю, подчиненномъ цивилизованному государству, съ особенной силой должна была бы проявляться культурная миссія его, тѣмъ болѣе важная и незатруднительная, что самъ осетинскій народъ идетъ на встрѣчу русской культурѣ и ищетъ ея. Дѣти донифарской школы, ни слова не знавшія раньше по русски, не смотря на то, что обучаются только три мѣсяца, довольно сносно разбираютъ уже «Родное Слово» Ушинскаго ч. 1-ю и, какъ я убѣдился, понимаютъ и толково объясняютъ прочитанное. Собравшись въ кругъ, мальчуганы довольно правильно пропѣли въ унисонъ, подъ руководствомъ своего учителя, дѣтскую пѣсенку: «Жилъ былъ у бабушки сѣренькій козликъ». Странно было слышать въ этомъ дикомъ горномъ гнѣздѣ русскую пѣсенку, исполняемую этимъ совсѣмъ чуждымъ намъ народцемъ, коверкающимъ трудныя русскія слова. Мы уже ушли далеко отъ школы, а отрывки пѣсни все еще долетали до насъ: у бабуски... кожликъ... и т. д.

Проходя по аулу, видишь между отдѣльными саклями и группами ихъ небольшіе участки тщательно обработанной земли, засѣянной въ большинствѣ случаевъ ячменемъ и рѣже картофелемъ. Другіе хлѣба здѣсь не вызрѣваютъ, да и картофель стали разводить только въ самое послѣднее время. Участки, величиной приблизительно въ $^1/_8$ десятины, расположены по страшнымъ крутизнамъ и буграмъ. О размѣрахъ ихъ въ населеніи ходитъ очень характерный анекдотъ. Одинъ осетинъ—разсказывали мнѣ—вышелъ съ утра обработывать свой участокъ. Цѣлый день работалъ онъ и, уставъ къ вечеру, легъ отдохнуть, разостлавъ подъ собой бурку. Проснувшись поутру, онъ снова хотѣлъ приняться за работу, но, къ удивленію своему, не могъ найти принадлежащаго ему участка земли. Долго бродилъ онъ, разыскивая землю, и, наконецъ, въ отчаяніи, рѣшивъ возвратиться въ аулъ, поднялъ съ земли разостланную раньше для отдыха бурку. Тутъ только узналъ онъ причину, по которой не могъ разыскать своего участка: онъ весь находился подъ его буркой! «Таковы-то,—добродушно острятъ надъ собой дигорцы,—наши земельныя богатства»! И дѣйстви-

тельно, въ Донифарсѣ, удобной для обработки земли имѣется всего около 100 десятинъ, такъ что на дворъ приходится менѣе полудесятины: на душу мужскаго пола 0,27, а на «ѣдока»—менѣе 0,15 десятины! Чтобы дать понятіе объ этомъ поразительномъ малоземельѣ, упомянемъ еще о Махческѣ, гдѣ на душу мужскаго пола приходится по 0,42 дес., а на ѣдока по 0,23 дес. Въ другихъ горныхъ обществахъ, земельныя владѣнія дигорцевъ не выяснены, но въ общемъ они едва ли больше донифарскихъ и махческихъ, а, судя по цѣнамъ на землю, даже меньше. При этомъ необходимо помнить, что и это ничтожное количество земли даетъ урожаи только послѣ приложенія къ ней, можно сказать, колоссальнаго труда. Чтобы сдѣлать безплодную скалу способной приносить хлѣбное зерно, дигорецъ вынужденъ наносить туда почву. И вотъ, маленькими коробочками носитъ дигорецъ навозъ на свой участокъ. Въ первое время послѣ занятія участка, онъ переносилъ туда цѣлую массу такихъ коробокъ, но теперь навозу требуется уже значительно меньше. На участокъ, дающій въ хорошій годъ мѣръ 50 ячменя, нужно отнести приблизительно 100 коробокъ навоза по 2 пуда въ каждой. Удобривъ землю, хозяинъ тщательно обрабатываетъ ее и три года сряду сѣетъ ячмень, а затѣмъ опять долженъ удобрить. Этотъ колоссальный трудъ вознаграждается сравнительно хорошими урожаями, но тѣмъ не менѣе, за незначительностью посѣвовъ, хлѣба бываетъ недостаточно для прокормленія и населеніе должно волей-неволей прибѣгать къ арендѣ земель на плоскости.

Жители Донифарса арендуютъ землю у владѣльцевъ Тугановыхъ. Арендная плата достигаетъ подъ кукурузу до 7 руб. за хозяйственную десятину. И это—замѣтьте—тамъ, гдѣ три четверти земли лежитъ необработанной, вслѣдствіе недостатка рабочихъ рукъ и обилія земель въ краѣ. Часть урожая, идущая на прокормленіе населенія, свозится съ арендуемыхъ земель за десятки верстъ въ аулы на ишакахъ, которыхъ навьючиваютъ мѣшками (изъ кожи животныхъ), наполненными зерномъ.

Придя въ сельское правленіе, я долженъ былъ заняться дѣлами, ради которыхъ предпринялъ поѣздку по горнымъ трущобамъ Сѣвернаго Кавказа. Здѣсь кстати сказать, что нѣкоторые осетины вообще, а дигорцы въ частности, успѣли уже соблазниться легкостью и доступностью кляузы и не прочь, при посредствѣ ложныхъ доносовъ, обдѣлывать свои личныя дѣлишки. Эта черта замѣчается не только русскими, но и болѣе просвѣщенными осетинами. Взаимныя неудовольствія очень часто влекутъ за собой взаимныя же и кляузы, причемъ кляузникъ разсчитываетъ на то,

что за разборомъ дѣла никто не поѣдетъ въ такія трущобы, и самое дѣло будетъ рѣшено по его кляузѣ, приправленной значительной долей лести по адресу милостиваго начальства. Кляузники видимо имѣютъ основаніе надѣяться именно на такой эффектъ, а потому не особенно бываютъ довольны, когда ихъ жалобы разбираетъ на мѣстѣ непосредственно само начальство, которое они намѣревались такъ легко провести и обмануть.

Пока я распутывалъ свои дѣла,—закипѣлъ самоварчикъ, единственный во всемъ аулѣ, предусмотрительно припасенный сельскимъ писаремъ. Старшина селенія считалъ себя нашимъ хозяиномъ и уже распорядился насчетъ барашковъ къ ужину, пару которыхъ и пронесли мимо нашихъ оконъ. Вечеромъ, когда уже совсѣмъ стемнѣло, ужинъ былъ готовъ. Опять появился такой же, какъ и въ с. Магометанскомъ, низенькій круглый столикъ-блюдо, уложенный свѣжеиспеченнымъ чурекомъ, изломаннымъ на куски. На нихъ лежали кусочки вареной баранины и шашлыкъ. Посрединѣ тоже стояла мисочка съ кефиромъ и черемшой, и была насыпана кучкой черная крупная соль. Хозяинъ угощаетъ темнымъ, вкуснымъ и дѣйствительно прохлаждающимъ горскимъ пивомъ. Я убѣдительно прошу его пить самого. Осетинскій этикетъ не позволяетъ ему этого, и онъ сначала обращается къ намъ съ рѣчью, а затѣмъ отпиваетъ немного пива. Сказалъ онъ эту рѣчь по осетински, краснорѣчиво и съ воодушевленіемъ. Соломонъ Алексѣевичъ переводитъ ее мнѣ. «Пусть Богъ будетъ между нами,—такъ приблизительно говоритъ онъ,—дай Богъ, чтобы наши гости всѣмъ были довольны; чтобы мы угодили имъ; дай Богъ, чтобы они часто и всегда заѣзжали къ намъ, чтобы все и вездѣ было хорошо для нихъ, чтобы всякое желаніе ихъ исполнялось, чтобы нашимъ пріемомъ мы не вызвали и тѣни неудовольствія въ нихъ. Пью за васъ и ваше здоровье!» Всѣ присутствовавшіе приподнимаютъ шапки и говорятъ какое-то краткое привѣтствіе. На любезность и добрыя пожеланія мы отвѣчаемъ тѣмъ же. Пока я и Соломонъ Алексѣевичъ закусывали, всѣ, не исключая и любезнаго хозяина, стояли въ сторонѣ, и на приглашенія наши ужинать вмѣстѣ, отвѣчали отказомъ,—такъ требуютъ правила осетинской вѣжливости. Тогда Соломонъ Алексѣевичъ, тоже согласно съ этими правилами, бралъ въ руки куски баранины и передавалъ ихъ хозяину, Карасе и нѣкоторымъ другимъ изъ присутствовавшихъ, и они, пожелавъ намъ изобилія во всемъ, съѣдали свои куски. Хозяинъ такимъ образомъ былъ привлеченъ къ нашему ужину. Въ концѣ этой трапезы, самому почетному гостю, по обычаю, подаютъ голову того животнаго, которое было приготовлено для него, и онъ долженъ,

хотя бы и немного, отпробовать мозгу изъ головы. Продѣлавъ это, я передалъ ее Габуди. Хозяинъ опять въ очень отборныхъ выраженіяхъ извинялся за скудость угощенія, а мы благодарили его. Теперь настала очередь ужинать остальнымъ присутствующимъ. Они отодвинули столикъ къ двери, расположились кругомъ него и скоро окончили двухъ изготовленныхъ барашковъ.

Ночной сонъ освѣжилъ и подкрѣпилъ насъ. На утро мы могли снова любоваться окружающей насъ природой. Здѣсь, какъ и раньше, она была также величественна и грандіозна, но печать особой мрачности и непривѣтливости сказывалась сильнѣе. Широкіе холмы едва прикрыты низкорослой травой, а веселаго яркозеленаго лѣса совсѣмъ не видно на горизонтѣ. Темныя и безплодныя скалистыя обнаженія свидѣтельствуютъ о чрезвычайной бѣдности земельныхъ угодій, пригодныхъ для сельско-хозяйственной культуры. На югѣ ясно обрисовалась цѣпь снѣжныхъ и скалистыхъ великановъ, замыкающихъ долину Уруха и его притоковъ. Одна изъ такихъ скалистыхъ вершинъ, по мѣстному: Уаза (на картѣ я не нашелъ такого названія) считается жителями самой высокой послѣ Эльбруса и Казбека. На нее, говорили мнѣ, рѣдко кто можетъ взойти. Только одинъ англичанинъ и одинъ дигорецъ поднимались на самую вершину; она оказалась свободной отъ снѣга, хотя ниже залегали громадные ледники. На вершинѣ же нашли они мельничный жерновъ и крестъ. Вдоль ущелья, которое значительно шире здѣсь и представляетъ собой громадную балку, можно видѣть нѣсколько покинутыхъ, одиноко стоящихъ башенъ, жители которыхъ ушли въ Турцію. Отсюда же видна и башня селенія Махческъ.

Передъ отъѣздомъ изъ Донифарса, намъ пришлось посѣтить жилую саклю. Сначала мы прошли черезъ помѣщеніе для рогатаго скота, затѣмъ черезъ конюшню, и только потомъ уже—въ стоящую нѣсколько выше жилую часть зданія. Она составляетъ просторную, обширную и довольно пустую комнату. Посрединѣ, на цѣпи спускается котелъ, подъ которымъ находится очагъ, съ постоянно поддерживаемымъ въ немъ огнемъ. Дымъ поднимается здѣсь же и застилаетъ высокій потолокъ помѣщенія. Всѣ стѣны закоптѣли и черны, какъ уголь. Мебели почти никакой. Я успѣлъ замѣтить только кровать да деревянную скамью,—обѣ грубой топорной работы. Вдоль одной изъ стѣнъ былъ выложенъ изъ камня пристѣнокъ въ видѣ карниза или порога, замѣнявшій, вѣроятно, диванъ. Въ верху прибита полка для посуды. Часть всего помѣщенія отдѣлена невысокими стѣнками и образуетъ, такимъ образомъ, родъ закрома для ячменя. Мой спутникъ Габуди приходился родственни-

комъ (кажется, двоюроднымъ внукомъ) хозяйкѣ этой сакли. Она подошла къ нему, обняла за плечи и, прижавшись головой къ его груди, простояла такъ нѣсколько минутъ.

Часовъ въ 10 утра двинулись мы въ дальнѣйшій путь по направленію къ Махческу. Старшина поѣхалъ проводить насъ. Какъ требуетъ осетинскій этикетъ, онъ ѣхалъ съ лѣвой стороны почетнаго гостя или вообще старшаго лица. По дорогѣ мы осмотрѣли нѣсколько мельницъ, очень напоминающихъ нехитрыя дѣтскія сооруженія. Вся текучая вода Донифарса состоитъ изъ небольшаго ручейка, падающаго съ уступа на уступъ небольшими водопадами. Въ такихъ мѣстахъ, вода направляется по деревянному желобку и падаетъ на крохотное колесо. Вверху послѣдняго находятся два камня, сбоку ихъ пріемникъ, а сверху ковшъ. Все это миньятюрно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и грубо. Производительность такихъ мельницъ едва доходитъ до перемола 2-хъ мѣръ ячменя въ сутки.

Выѣхавъ за аулъ, мы уговорили старшину возвратиться въ правленье, гдѣ его ждали дѣла, а сами продолжали путь къ Галіату и Махческу.

IV.

Изъ исторіи дигорцевъ и ихъ творчества.

Отъ Донифарса до Махческа всего 12—15 верстъ. Но что это за дорога! Первый спускъ еще кое-какъ можно сдѣлать, но зато второй, не смотря на то, что разработанная дорога его имѣетъ 3—4 аршина въ ширину, крутъ до невозможности. Мы всѣ принуждены были встать съ лошадей, хотя Карасе, видимо, сдѣлалъ это только изъ вѣжливости. Но и пѣшему не легко: ноги подгибаются, а головокруженіе доводитъ до тошноты. Почти цѣлый часъ тащились мы этимъ спускомъ, пока, наконецъ, усталые и разбитые, добрели ко дну долины, по которому катитъ свои воды бурный Урухъ. Нѣсколько ниже по теченію онъ принимаетъ въ себя Валлокомъ-донъ. Въ образуемомъ, такимъ образомъ, углу находится ровная поляна Мацута, на которую и вступаемъ мы, переправившись черезъ Урухъ по мосту. Карасе увѣряетъ насъ, что названіе Мацута обозначаетъ «междумостіе», т. е. пространство между двумя мостами. Мѣсто это считается у дигорцевъ священнымъ и служитъ сборнымъ пунктомъ для жителей всѣхъ дигорскихъ обществъ. Въ старину здѣсь же производился и судъ. Долина эта считается, вмѣстѣ съ тѣмъ, почетнѣйшимъ кладбищемъ для туземцевъ. Когда, лѣтъ 70 тому назадъ, въ Дигоріи свирѣпствовала

чума, несчастныхъ жертвъ ея хоронили въ этомъ же мѣстѣ. Склепы представляютъ собой низкіе каменные ящики, въ которые и кладутъ покойниковъ, прямо на землю, не вырывая никакого углубленія. Заглядывая въ узенькое окошечко такого ящика, можно видѣть на землѣ бренные останки покойника: кости его и тонкую, какъ папиросная бумага, пелену отъ одежды. По стѣнкамъ склепа устроены широкія полки, на которыхъ видны такіе же останки. Когда заполнятся всѣ полки, истлѣвшія части покойниковъ снимаются съ нихъ въ углы склепа, а полки очищаются, такимъ образомъ, для новыхъ труповъ.

Здѣсь же, вдоль долины Мацуты, можно видѣть груды относительно мелкаго камня, въ родѣ обыкновеннаго щебня, расположенныхъ довольно правильно и, приблизительно, на одномъ и томъ же разстояніи одна отъ другой. Дигорцы говорятъ, снисходительно улыбаясь, что это ихъ народный герой Сѳсланъ - богатырь шелъ по этимъ мѣстамъ съ гигантскимъ камнемъ на плечахъ. Отъ сотрясенія во время ходьбы, части этого камня осыпались, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ступалъ онъ, образовались видимыя и теперь кучи щебня.

Мы дѣлаемъ привалъ на берегу Уруха, возвышающемся саженей на 8-мь надъ уровнемъ воды въ рѣкѣ. Карасе разсказываетъ намъ съ веселымъ смѣхомъ, какъ одинъ дигорецъ, во время послѣдней сходки въ этой долинѣ, держалъ пари на лошадь, въ томъ, что бросится съ моста въ Урухъ. Головорѣзъ этотъ выигралъ пари, спрыгнувъ въ рѣку, и благополучно вынырнулъ изъ бурныхъ водъ ея.

Пока мы отдыхаемъ въ сборномъ мѣстѣ дигорскихъ обществъ, будетъ умѣстно сказать нѣсколько словъ объ исторіи края. По господствующему нынѣ мнѣнію, осетины признаются одной изъ иранскихъ вѣтвей индо-европейскихъ народовъ, въ доказательство чего извѣстные профессора и изслѣдователи: Миллеръ и М. М. Ковалевскій, приводятъ немало данныхъ. Появленіе этой народности въ Европѣ, подъ названіемъ аланъ, на значительномъ пространствѣ между Чернымъ и Каспійскимъ моремъ до самаго Дона и Крыма, относятъ приблизительно за десять вѣковъ до Рождества Христова. Осетинъ,—или, какъ въ древности ихъ называли, оссовъ и яссовъ,—многіе считаютъ прямыми потомками аланъ, этого нѣкогда грознаго и великаго племени. Вся исторія послѣдняго представляется рядомъ безпрерывныхъ войнъ и набѣговъ, совершаемыхъ не столько въ силу необходимости и самозащиты, сколько изъ склонности къ разбою кочеваго народа. Аланы же являются чаще другихъ и въ качествѣ наемныхъ войскъ Грузіи и Византіи. Съ появленіемъ на Кавказѣ арабовъ, объ аланахъ (осетинахъ) въ

теченіе двухъ - трехъ столѣтій совсѣмъ нѣтъ историческихъ указаній. Имѣя постоянныя сношенія съ грузинами и греками и служа въ однихъ войскахъ съ ними, осетины, вѣроятно, въ это же время позаимствовали у нихъ и христіанство, которое усвоили, впрочемъ, вполнѣ поверхностно и, такъ сказать, съ одной внѣшней стороны. Въ X вѣкѣ, во время феодальныхъ смутъ, христіанство было оставлено ими: осетинскіе священники подверглись изгнанію, а храмы—разрушенію. Сношеніямъ же съ Греціей обязаны осетины и другимъ своимъ позаимствованіемъ—феодализмомъ, развившимся въ совершенно демократическомъ народѣ, только подъ вліяніемъ болѣе могущественныхъ сосѣднихъ народовъ. Сначала феодализмъ проникъ въ южную Осетію, гдѣ феодалами явились тѣ же грузины, а затѣмъ онъ медленно распространился и по сѣверной Осетіи, причемъ въ средѣ феодаловъ здѣсь встрѣчались уже и чисто осетинскія фамиліи. Въ XI вѣкѣ, одинъ изъ наиболѣе возвысившихся феодаловъ сталъ именоваться царемъ. Однако возвышеніе Осетіи на степень царства не прекратило ни вражды народа къ чуждымъ ему по духу, а часто и по національности, феодаламъ, ни взаимной распри между послѣдними. Поэтому-то, когда, въ XIII вѣкѣ, Осетія попала подъ власть великой орды Чингисъ-Хана и когда, благодаря этому, вліяніе Грузіи пошатнулось, въ народѣ съ особенной силой вспыхнула ненависть къ представителямъ грузинъ въ краѣ—феодаламъ. Началась ожесточенная борьба, длившаяся многіе десятки лѣтъ, то затихая, то снова вспыхивая съ удвоенной силой. Одно время, народъ взялъ перевѣсъ и феодалы были изгнаны; но впослѣдствіи южная Осетія снова подчинилась имъ, а въ сѣверной они остались только въ очень немногихъ мѣстахъ, да и то лишь изъ осетинскихъ фамилій. Это продолжительное междоусобіе сопровождалось страшными опустошеніями, кровопролитіями и всеобщимъ разореніемъ. Часть населенія переселилась къ побережью Азовскаго и Чернаго моря, а многолюдный осетинскій край запустѣлъ и обезлюдѣлъ.

Къ этому же времени относится появленіе кабардинцевъ въ сосѣдствѣ съ Дигоріей. Первое время, отношенія между ними и осетинами были сносныя, но впослѣдствіи они испортились, главнымъ образомъ, вслѣдствіе чисто экономическихъ причинъ. Кабардинцамъ нужны были для своего скота предгорныя сочныя пастбища, а дигорцы нуждались въ плоскостныхъ мѣстахъ, пригодныхъ для земледѣльческой культуры. Первые стремились къ горамъ, послѣдніе имѣли обратное движеніе. Началась новая борьба, затянувшаяся на цѣлыя столѣтія. Обезсиленные прежнимъ междоусобіемъ, осетины не могли устоять подъ напоромъ свѣжихъ ка-

хотя бы и немного, отпробовать мозгу изъ головы. Продѣлавъ это, я передалъ ее Габуди. Хозяинъ опять въ очень отборныхъ выраженіяхъ извинялся за скудость угощенія, а мы благодарили его. Теперь настала очередь ужинать остальнымъ присутствующимъ. Они отодвинули столикъ къ двери, расположились кругомъ него и скоро окончили двухъ изготовленныхъ барашковъ.

Ночной сонъ освѣжилъ и подкрѣпилъ насъ. На утро мы могли снова любоваться окружающей насъ природой. Здѣсь, какъ и раньше, она была также величественна и грандіозна, но печать особой мрачности и непривѣтливости сказывалась сильнѣе. Широкіе холмы едва прикрыты низкорослой травой, а веселаго яркозеленаго лѣса совсѣмъ не видно на горизонтѣ. Темныя и безплодныя скалистыя обнаженія свидѣтельствуютъ о чрезвычайной бѣдности земельныхъ угодій, пригодныхъ для сельско-хозяйственной культуры. На югѣ ясно обрисовалась цѣпь снѣжныхъ и скалистыхъ великановъ, замыкающихъ долину Уруха и его притоковъ. Одна изъ такихъ скалистыхъ вершинъ, по мѣстному: Уаза (на картѣ я не нашелъ такого названія) считается жителями самой высокой послѣ Эльбруса и Казбека. На нее, говорили мнѣ, рѣдко кто можетъ взойти. Только одинъ англичанинъ и одинъ дигорецъ поднимались на самую вершину; она оказалась свободной отъ снѣга, хотя ниже залегали громадные ледники. На вершинѣ же нашли они мельничный жерновъ и крестъ. Вдоль ущелья, которое значительно шире здѣсь и представляетъ собой громадную балку, можно видѣть нѣсколько покинутыхъ, одиноко стоящихъ башень, жители которыхъ ушли въ Турцію. Отсюда же видна и башня селенія Махческъ.

Передъ отъѣздомъ изъ Донифарса, намъ пришлось посѣтить жилую саклю. Сначала мы прошли черезъ помѣщеніе для рогатаго скота, затѣмъ черезъ конюшню, и только потомъ уже—въ стоящую нѣсколько выше жилую часть зданія. Она составляетъ просторную, обширную и довольно пустую комнату. Посрединѣ, на цѣпи спускается котелъ, подъ которымъ находится очагъ, съ постоянно поддерживаемымъ въ немъ огнемъ. Дымъ поднимается здѣсь же и застилаетъ высокій потолокъ помѣщенія. Всѣ стѣны закоптѣли и черны, какъ уголь. Мебели почти никакой. Я успѣлъ замѣтить только кровать да деревянную скамью,—обѣ грубой топорной работы. Вдоль одной изъ стѣнъ былъ выложенъ изъ камня пристѣнокъ въ видѣ карниза или порога, замѣнявшій, вѣроятно, диванъ. Въ верху прибита полка для посуды. Часть всего помѣщенія отдѣлена невысокими стѣнками и образуетъ, такимъ образомъ, родъ закрома для ячменя. Мой спутникъ Габуди приходился родственни-

комъ (кажется, двоюроднымъ внукомъ) хозяйкѣ этой сакли. Она подошла къ нему, обняла за плечи и, прижавшись головой къ его груди, простояла такъ нѣсколько минутъ.

Часовъ въ 10 утра двинулись мы въ дальнѣйшій путь по направленію къ Махческу. Старшина поѣхалъ проводить насъ. Какъ требуетъ осетинскій этикетъ, онъ ѣхалъ съ лѣвой стороны почетнаго гостя или вообще старшаго лица. По дорогѣ мы осмотрѣли нѣсколько мельницъ, очень напоминающихъ нехитрыя дѣтскія сооруженія. Вся текучая вода Донифарса состоитъ изъ небольшаго ручейка, падающаго съ уступа на уступъ небольшими водопадами. Въ такихъ мѣстахъ, вода направляется по деревянному желобку и падаетъ на крохотное колесо. Вверху послѣдняго находятся два камня, сбоку ихъ пріемникъ, а сверху ковшъ. Все это миньятюрно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и грубо. Производительность такихъ мельницъ едва доходитъ до перемола 2-хъ мѣръ ячменя въ сутки.

Выѣхавъ за аулъ, мы уговорили старшину возвратиться въ правленье, гдѣ его ждали дѣла, а сами продолжали путь къ Галіату и Махческу.

IV.

Изъ исторіи дигорцевъ и ихъ творчества.

Отъ Донифарса до Махческа всего 12—15 верстъ. Но что это за дорога! Первый спускъ еще кое-какъ можно сдѣлать, но зато второй, не смотря на то, что разработанная дорога его имѣетъ 3—4 аршина въ ширину, крутъ до невозможности. Мы всѣ принуждены были встать съ лошадей, хотя Карасе, видимо, сдѣлалъ это только изъ вѣжливости. Но и пѣшему не легко: ноги подгибаются, а головокруженіе доводитъ до тошноты. Почти цѣлый часъ тащились мы этимъ спускомъ, пока, наконецъ, усталые и разбитые, добрели ко дну долины, по которому катитъ свои воды бурный Урухъ. Нѣсколько ниже по теченію онъ принимаетъ въ себя Валлокомъ-донъ. Въ образуемомъ, такимъ образомъ, углу находится ровная поляна Мацута, на которую и вступаемъ мы, переправившись черезъ Урухъ по мосту. Карасе увѣряетъ насъ, что названіе Мацута обозначаетъ «междумостіе», т. е. пространство между двумя мостами. Мѣсто это считается у дигорцевъ священнымъ и служитъ сборнымъ пунктомъ для жителей всѣхъ дигорскихъ обществъ. Въ старину здѣсь же производился и судъ. Долина эта считается, вмѣстѣ съ тѣмъ, почетнѣйшимъ кладбищемъ для туземцевъ. Когда, лѣтъ 70 тому назадъ, въ Дигоріи свирѣпствовала

чума, несчастныхъ жертвъ ея хоронили въ этомъ же мѣстѣ. Склепы представляютъ собой низкіе каменные ящики, въ которые и кладутъ покойниковъ, прямо на землю, не вырывая никакого углубленія. Заглядывая въ узенькое окошечко такого ящика, можно видѣть на землѣ бренные останки покойника: кости его и тонкую, какъ папиросная бумага, пелену отъ одежды. По стѣнкамъ склепа устроены широкія полки, на которыхъ видны такіе же останки. Когда заполнятся всѣ полки, истлѣвшія части покойниковъ снимаются съ нихъ въ углы склепа, а полки очищаются, такимъ образомъ, для новыхъ труповъ.

Здѣсь же, вдоль долины Мацуты, можно видѣть грулы относительно мелкаго камня, въ родѣ обыкновеннаго щебня, расположенныхъ довольно правильно и, приблизительно, на одномъ и томъ же разстояніи одна отъ другой. Дигорцы говорятъ, снисходительно улыбаясь, что это ихъ народный герой Сосланъ - богатырь шелъ по этимъ мѣстамъ съ гигантскимъ камнемъ на плечахъ. Отъ сотрясенія во время ходьбы, части этого камня осыпались, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ступалъ онъ, образовались видимыя и теперь кучи щебня.

Мы дѣлаемъ привалъ на берегу Уруха, возвышающемся саженей на 8-мь надъ уровнемъ воды въ рѣкѣ. Карасе разсказываетъ намъ съ веселымъ смѣхомъ, какъ одинъ дигорецъ, во время послѣдней сходки въ этой долинѣ, держалъ пари на лошадь, въ томъ, что бросится съ моста въ Урухъ. Головорѣзъ этотъ выигралъ пари, спрыгнувъ въ рѣку, и благополучно вынырнулъ изъ бурныхъ водъ ея.

Пока мы отдыхаемъ въ сборномъ мѣстѣ дигорскихъ обществъ, будетъ умѣстно сказать нѣсколько словъ объ исторіи края. По господствующему нынѣ мнѣнію, осетины признаются одной изъ иранскихъ вѣтвей индо-европейскихъ народовъ, въ доказательство чего извѣстные профессора и изслѣдователи: Миллеръ и М. М. Ковалевскій, приводятъ немало данныхъ. Появленіе этой народности въ Европѣ, подъ названіемъ аланъ, на значительномъ пространствѣ между Чернымъ и Каспійскимъ моремъ до самаго Дона и Крыма, относятъ приблизительно за десять вѣковъ до Рождества Христова. Осетинъ,—или, какъ въ древности ихъ называли, оссовъ и яссовъ,—многіе считаютъ прямыми потомками аланъ, этого нѣкогда грознаго и великаго племени. Вся исторія послѣдняго представляется рядомъ безпрерывныхъ войнъ и набѣговъ, совершаемыхъ не столько въ силу необходимости и самозащиты, сколько изъ склонности къ разбою кочеваго народа. Аланы же являются чаще другихъ и въ качествѣ наемныхъ войскъ Грузіи и Византіи. Съ появленіемъ на Кавказѣ арабовъ, объ аланахъ (осетинахъ) въ

теченіе двухъ - трехъ столѣтій совсѣмъ нѣтъ историческихъ указаній. Имѣя постоянныя сношенія съ грузинами и греками и служа въ однихъ войскахъ съ ними, осетины, вѣроятно, въ это же время позаимствовали у нихъ и христіанство, которое усвоили, впрочемъ, вполнѣ поверхностно и, такъ сказать, съ одной внѣшней стороны. Въ X вѣкѣ, во время феодальныхъ смутъ, христіанство было оставлено ими: осетинскіе священники подверглись изгнанію, а храмы—разрушенію. Сношеніямъ же съ Греціей обязаны осетины и другимъ своимъ позаимствованіемъ—феодализмомъ, развившимся въ совершенно демократическомъ народѣ, только подъ вліяніемъ болѣе могущественныхъ сосѣднихъ народовъ. Сначала феодализмъ проникъ въ южную Осетію, гдѣ феодалами явились тѣ же грузины, а затѣмъ онъ медленно распространился и по сѣверной Осетіи, причемъ въ средѣ феодаловъ здѣсь встрѣчались уже и чисто осетинскія фамиліи. Въ XI вѣкѣ, одинъ изъ наиболѣе возвысившихся феодаловъ сталъ именоваться царемъ. Однако возвышеніе Осетіи на степень царства не прекратило ни вражды народа къ чуждымъ ему по духу, а часто и по національности, феодаламъ, ни взаимной распри между послѣдними. Поэтому-то, когда, въ XIII вѣкѣ, Осетія попала подъ власть великой орды Чингисъ-Хана и когда, благодаря этому, вліяніе Грузіи пошатнулось, въ народѣ съ особенной силой вспыхнула ненависть къ представителямъ грузинъ въ краѣ—феодаламъ. Началась ожесточенная борьба, длившаяся многіе десятки лѣтъ, то затихая, то снова вспыхивая съ удвоенной силой. Одно время, народъ взялъ перевѣсъ и феодалы были изгнаны; но впослѣдствіи южная Осетія снова подчинилась имъ, а въ сѣверной они остались только въ очень немногихъ мѣстахъ, да и то лишь изъ осетинскихъ фамилій. Это продолжительное междоусобіе сопровождалось страшными опустошеніями, кровопролитіями и всеобщимъ разореніемъ. Часть населенія переселилась къ побережью Азовскаго и Чернаго моря, а многолюдный осетинскій край запустѣлъ и обезлюдѣлъ.

Къ этому же времени относится появленіе кабардинцевъ въ сосѣдствѣ съ Дигоріей. Первое время, отношенія между ними и осетинами были сносныя, но впослѣдствіи они испортились, главнымъ образомъ, вслѣдствіе чисто экономическихъ причинъ. Кабардинцамъ нужны были для своего скота предгорныя сочныя пастбища, а дигорцы нуждались въ плоскостныхъ мѣстахъ, пригодныхъ для земледѣльческой культуры. Первые стремились къ горамъ, послѣдніе имѣли обратное движеніе. Началась новая борьба, затянувшаяся на цѣлыя столѣтія. Обезсиленные прежнимъ междоусобіемъ, осетины не могли устоять подъ напоромъ свѣжихъ ка-

бардинскихъ силъ и волей-неволей должны были уступить. Первою потеряла свою свободу Дигорія, какъ ближайшая къ Кабардѣ часть Осетіи.

Потерявъ большинство своихъ плоскостныхъ земель, дигорцы вынуждены были арендовать ихъ у новыхъ владѣльцевъ — становясь, такимъ образомъ, въ экономическую зависимость отъ кабардинцевъ. Эта экономическая зависимость привела и къ политической подчиненности. Плоскостная Дигорія скоро вошла въ составъ владѣній удѣльныхъ кабардинскихъ князей Кайтухина рода, а горная Дигорія составила земли такихъ же князей рода Бекъ-Мурзы. Въ этой политической подчиненности немалую роль сыграли и тѣ вліятельные, богатые дигорскіе роды, въ которыхъ жили традиціи феодализма и привилегированное положеніе которыхъ какъ бы узаконялось съ присоединеніемъ къ аристократической Кабардѣ. Они не задумались промѣнять вольность своего народа ради призрачныхъ выгодъ сословности. Подъ вліяніемъ кабардинскаго господства, въ Дигоріи образовались слѣдующія сословныя группы: бадиляты, саргасаты и гагуаты, адамихаты (или вез-донъ), хуміаки и кассаки, и, наконецъ, хехесы. Первыя три группы считались людьми привилегированными, адамихаты находились, главнымъ образомъ, въ экономической зависимости отъ благородныхъ сословій, хуміаки — собственно крѣпостные, а кассаки—холопы. Эти два послѣднія сословія были освобождены уже русскимъ правительствомъ. Подъ именемъ хехесовъ извѣстны выходцы изъ другихъ осетинскихъ обществъ и преимущественно — алагирцы (по имени Алагирскаго ущелья). Изъ благородныхъ сословій, въ донифарскомъ обществѣ обитали только гагуаты; саргасаты же встрѣчались въ стыръ-дигорскомъ обществѣ, а баделяты—по теченію Солгуты-дона и по правому берегу Уруха до аула Задалеска. По принятому между привилегированными сословію обыкновенію, дѣти ихъ воспитывались въ Кабардѣ, а потому знаніе кабардинскаго языка считается существенной принадлежностью благородныхъ дигорцевъ. Въ числѣ привилегій ихъ долго сохранялось право брать за похищенный у нихъ предметъ въ шесть-десять разъ дороже дѣйствительной его стоимости. Съ окончательнымъ замиреньемъ края, русскимъ правительствомъ до нѣкоторой степени поддерживались сословныя притязанія привилегированныхъ родовъ. Такъ, послѣдніе получали нѣкоторыя права по службѣ, могли поступать въ нальчикское горское училище, основанное исключительно для дѣтей благородныхъ сословій, а нѣкоторыя фамиліи изъ нихъ, взамѣнъ потери правъ надъ сословіемъ адамихатовъ и др., получили въ собственность весьма зна-

чительныя земельныя богатства. Земли, пожалованныя на этихъ основаніяхъ Тугановымъ и Кубатіевымъ, и простирающіяся до нѣсколькихъ тысячъ десятинъ, до сихъ поръ держатъ простыхъ дигорцевъ въ экономической зависимости отъ этихъ «благородныхъ фамилій».

Адамихаты, подобно крѣпостнымъ, составлявшимъ имущество привилегированныхъ сословій, поступали въ раздѣлъ между наслѣдниками и обязаны были передъ ними тѣми же повинностями, какія несли для родителей ихъ. Такъ, убивая для себя домашнее животное, они обязаны были часть его, равно какъ и часть продуктовъ охоты, отдавать своимъ господамъ. Имъ же поставляли они къ главнымъ праздникамъ араку, давали по быку при выдачѣ замужъ дочери, при семейныхъ празднествахъ и т. п.

Адамихаты, поддерживаемые сочувствіемъ остальной массы непривилегированнаго населенія, никогда не забывали, что бадиляты, саргасаты и гагуаты не имѣютъ никакихъ заслугъ передъ общимъ отечествомъ, и что они лишь изъ-за личныхъ выгодъ своихъ всегда тянули къ Кабардѣ. Въ виду этого, у простаго народа постоянно поддерживалось озлобленіе и неудовольствіе на привилегированные роды, за которыми, по ихъ мнѣнію, никакъ нельзя было признать именно «благородства». Озлобленіе это, время отъ времени, принимаетъ острый характеръ и продолжаетъ проявляться до самаго послѣдняго времени. Политичные дигорцы, боясь возбужденія страстей, въ присутствіи посторонняго гостя избѣгаютъ поднимать сословный вопросъ и благоразумно отмалчиваются, когда съ ними заговариваютъ о немъ.

Феодалы и «благородные роды» жили въ неприступныхъ башняхъ, разсѣянныхъ по всей горной Дигоріи. Гнѣздо-башня одного такого рода до сихъ поръ напоминаетъ въ Донифарсѣ объ его минувшемъ могуществѣ.

Такимъ образомъ, прижатые къ горнымъ великанамъ болѣе сильной народностью, стѣсненные до величайшихъ предѣловъ въ экономическомъ отношеніи, обезсиленные постоянной кровавой борьбой, горные осетины постепенно дичали, грубѣли, замыкались въ самихъ себя, но, тѣмъ не менѣе, не потеряли своей постоянной любви къ свободѣ, не утратили вѣры въ самихъ себя, скромно сохранивъ притомъ сознаніе своего достоинства и свое мѣсто среди другихъ народовъ. Въ отношеніи этого именно взгляда на свои силы, у дигорцевъ сохранилась характерная сказка, содержаніе которой не могу не привести здѣсь же.

Былъ нѣкогда въ Осетіи одинъ Домбай (богатырь),—говорятъ осетины.—Силы онъ былъ непомѣрной. Могучѣе его, какъ гово-

рили, не было никого. Однажды, близь того аула, гдѣ жилъ Домбай, околѣлъ какой-то громаднѣйшій буйволъ. Время было лѣтнее и трупъ буйвола быстро сталъ разлагаться. Смрадъ былъ слышенъ за нѣсколько верстъ. Бѣдный народъ не зналъ, что̀ дѣлать, и въ отчаяніи обратился къ Домбаю, чтобы тотъ какъ нибудь избавилъ отъ бѣды. Домбай пошелъ къ трупу буйвола, взялъ его за хвостъ и бросилъ съ такой силой, что никто даже не видѣлъ, гдѣ онъ упалъ. Это еще болѣе возвысило Домбая въ глазахъ народа. О немъ говорили всѣ и вездѣ: мужчины на нахасахъ (сходкахъ, собраніяхъ), дѣти за играми и всѣ другіе. Но болѣе всего говорила о силѣ Домбая жена самого Домбая, баба капризная и гордая. Разъ какъ-то сидѣла она съ своими товарками и по обыкновенію стала хвалить мужа своего. — «Да будетъ тебѣ носиться съ своимъ мужемъ, — прервала вдругъ жену Домбая одна вѣдьма, которой надоѣло, наконецъ, хвастовство ея,—на свѣтѣ есть много людей сильнѣе твоего мужа». Жена Домбая сильно обидѣлась этимъ и сейчасъ же пошла жаловаться своему мужу. Домбай выслушалъ ее и сказалъ: «не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока не найду того, кто сильнѣе меня. Поэтому иду сейчасъ же искать себѣ супротивника». Сказавъ это, Домбай тотчасъ же снарядился, распрощался съ друзьями и пошелъ.

Долго ли, коротко ли онъ такъ шелъ, неизвѣстно. Но вотъ въ одинъ прекрасный день увидѣлъ онъ какого-то великана. Великанъ ловилъ рыбу удой, которая была величиной съ дерево. Когда Домбай увидѣлъ этого великана, духъ замеръ въ немъ, и онъ хотѣлъ было незамѣтно скрыться. Но великанъ уже замѣтилъ его и закричалъ: «Эй, горная пташка, откуда тебя Богъ несетъ?»— «Иду искать себѣ супротивника», — сказалъ Домбай, подходя къ великану.—«Слышишь, пташка,—засмѣялся великанъ,—я бы съ удовольствіемъ помѣрился съ тобой силою, но не могу безъ позволенія старшихъ своихъ братьевъ сдѣлать это. Иди вверхъ по рѣкѣ и скажи о твоемъ дѣлѣ братьямъ моимъ».

Пошелъ Домбай, проклиная внутренно и жену свою, и вѣдьму, по милости которыхъ онъ попалъ въ такую бѣду. Скоро, дѣйствительно, показался великанъ. Только этотъ былъ вдвое больше прежняго. Это оказался средній братъ, пославшій его къ старшему брату, который былъ вдвое больше прежняго. Домбай и ему объяснилъ цѣль своего прихода.—«Ай, ай, пташечка, — захохоталъ великанъ,—мы боимся бороться съ тобой, иди спроси нашу мать, какъ она посовѣтуетъ». Вздохнулъ бѣдный Домбай и пошелъ къ матери великановъ. Скоро онъ увидѣлъ среди степи женщину, вдвое больше старшаго великана. Женщина сидѣла и шила. Одинъ

клыкъ ея касался неба, другой уходилъ подъ землю; одна грудь лежала на землѣ спереди, другая была закинута черезъ плечо назадъ. Когда Домбай увидѣлъ ее, то совсѣмъ струсилъ. Одумавшись, онъ потихоньку подкрался къ той груди ея, которая была откинута назадъ, схватилъ ее и сталъ сосать [1]). Когда мать великановъ оглянулась, онъ тогда закричалъ: «ой, мамо, спаси меня»! —«Ну, сынъ мой, твое счастіе, что ты это сдѣлалъ, а то не сдобровать бы тебѣ. Разскажи теперь, какъ ты попалъ въ наши края». Домбай во всемъ чистосердечно признался.—«Ну, глупъ же ты, какъ я погляжу — усмѣхнулась великанша: — куда тебѣ съ твоей силенкой искать супротивниковъ. Знаешь, сынъ мой, вѣдь мои сыновья тебя на ужинъ берегли; мы изъ человѣческаго мяса дѣлаемъ шашлыки. И тебѣ бы не миновать вертела, но ты ухитрился. Дѣлать нечего, теперь я спасу тебя». Сказавъ это, великанша накрыла Домбая своимъ наперстkомъ.

Къ вечеру пришли братья-великаны. — «Ну, что — обратился къ великаншѣ старшій сынъ,—гдѣ та горная пташка, которую мы направили къ тебѣ? Дай-ка его сюда, мы справимъ изъ него шашлычекъ». — «Оставьте его къ завтраку,—сказала мать, — теперь на ужинъ и рыбы будетъ довольно. Я его подъ наперстокъ посадила,—не убѣжитъ ни за что». Братья согласились и, поужинавъ рыбой, легли. Когда они заснули, великанша выпустила Домбая изъ подъ наперстка.—«Ну, сынъ мой,—сказала она Домбаю,—бѣги, какъ понесутъ тебя ноги, и постарайся къ утру быть за нашей границей, иначе, если еще попадешься въ руки сыновей моихъ, то я едва ли спасу тебя».

Домбай поблагодарилъ великаншу и пустился бѣжать.

Всю ночь бѣжалъ Домбай, изрѣдка останавливаясь, чтобы прислушаться — нѣтъ ли погони. Но ея не было. Только къ утру, когда солнце показалось на востокѣ, Домбай заслышалъ за собой погоню. Не смотря на всѣ усилія его, погоня съ каждой минутой приближалась. Отчаяніе уже стало охватывать Домбая. Вдругъ онъ видитъ: какой-то одноглазый старикъ-великанъ взбирается на гору. Послѣднія силы напрягъ Домбай и скоро догналъ стараго великана.—«Ой, отецъ, спаси меня», закричалъ Домбай. Великану жалко стало Домбая, онъ взялъ его и положилъ въ дупло своего испорченнаго зуба. Тѣмъ временемъ, прибѣжали братья-великаны и стали требовать выдачи Домбая. Старикъ долго не обращалъ на нихъ вниманія, но когда они стали надоѣдать ему, онъ вырвалъ изъ бороды своей волосъ и перевязалъ имъ трехъ братьевъ. По-

[1]) Этимъ дѣйствіемъ узаконяется у осетинъ усыновленіе.

томъ онъ вытащилъ изъ зуба Домбая и сталъ разспрашивать его, какъ онъ попалъ сюда. Домбай все до мельчайшихъ подробностей разсказалъ ему. Старикъ расхохотался. «Ступай, сынъ мой, домой... Теперь ты видѣлъ, кто сильнѣе всѣхъ». Домбай ушелъ было, но скоро вернулся назадъ, нагналъ старика и спросилъ его—кто былъ тотъ, что̀ выбилъ ему глазъ? — «О, чтобъ Богъ тебя не послушалъ, — отвѣчалъ ему старикъ, — старыя раны мои ты растравилъ. Но дѣлать нечего, садись тамъ, и я разскажу тебѣ, какъ я потерялъ свой глазъ».

«Было насъ 12 братьевъ. Мы были молоды, кровь играла въ насъ, и вотъ, всѣ двѣнадцать, мы вздумали искать, какъ и ты, съ кѣмъ бы помѣриться силой. Приготовили мы для этого своихъ боевыхъ коней, такъ что они, вмѣсто зерна, ѣли одни гвозди, и отправились въ путь. Ночь застала насъ въ горахъ. Было дождливое время и мы заѣхали въ одну пещеру ночевать. Утромъ, когда мы проснулись, то, къ величайшему своему удивленію, увидѣли, что мы не въ пещерѣ, а въ черепѣ человѣческомъ. Вдругъ прибѣжала какая-то громадная черная собака, схватила черепъ зубами и понесла насъ. Вблизи какихъ-то хоро̀мъ, она положила черепъ на землю и хотѣла его глодать. Въ это время, изъ хоромъ вышла дѣвушка-великанша и, увидѣвъ кость, вскричала: «эта проклятая собака ужасно надоѣла: собираетъ, гдѣ попало, кости и тащитъ ихъ сюда». Съ этими словами она подошла къ черепу и ударила его ногой... Что̀ было потомъ, я не помню, Когда я очнулся, то увидѣлъ, что всѣ мои братья мертвы, черепъ былъ изломанъ, а я лишился глаза... Ну, иди теперь, — закончилъ одноглазый старикъ-великанъ, — и будь доволенъ, что въ твоихъ краяхъ ты сильнѣе всѣхъ. А на свѣтѣ сильныхъ много».

Домбай пошелъ тогда домой, и съ тѣхъ поръ никогда не хвастался своею силой.

Въ этой сказкѣ какъ нельзя лучше отражается воззрѣніе народа на свои силы. Онъ не отрицаетъ своего значенія и своей мощи, но онъ знаетъ, что есть народы неизмѣримо сильнѣе его, а потому, не теряя своего достоинства, онъ не хвалится своей силой и не одобряетъ такого хвастовства въ другихъ. Онъ сознаётъ, согласно русской пословицѣ: «кто высоко летаетъ, тотъ низко садится», и разсказываетъ по этому поводу другую, художественную въ своей простотѣ, сказку о томъ: «Какъ мышь женилась». Вотъ эта сказка:

Была нѣкогда Мышь. Пришло ей какъ-то въ голову жениться. Она была очень горда и славолюбива, и потому всѣ дѣвушки-мыши казались недостойными ея. Она искала себѣ въ жены дочь такого отца, сильнѣе котораго не было бы въ мірѣ. Вслѣдствіе этого,

она отправилась къ Мѣсяцу, про котораго говорили, что сильнѣе его нѣтъ никого на свѣтѣ.—«Мѣсяцъ,—сказала она ему,—я ищу себѣ въ жены дочь сильнѣйшаго въ мірѣ, а про тебя у насъ на землѣ говорятъ, что сильнѣе тебя нѣтъ, и мнѣ хотѣлось бы породниться съ тобой»—«Да,—отвѣчалъ ей Мѣсяцъ,—силенъ я, слова нѣтъ, и нѣтъ такого мѣста, такого закоулка на землѣ, куда бы не проникалъ мой свѣтъ, когда я по ночамъ хожу по небу; но всходитъ къ утру Солнце, и свѣтъ мой начинаетъ постепенно тускнѣть и, наконецъ, совсѣмъ пропадаетъ. Къ вечеру только, когда Солнце зайдетъ и свѣтъ его перестанетъ свѣтить на землю, ко мнѣ опять возвращаются мои силы, опять я обливаю своимъ свѣтомъ обширную землю. Нѣтъ, Мышь, Солнце будетъ посильнѣе меня: иди къ нему».

Пошла Мышь къ Солнцу. — «Солнце, — обратилась она къ нему — ищу я себѣ въ жены дочь сильнѣйшаго въ мірѣ, а про тебя ходятъ слухи, что ты именно и будешь такимъ. Не отдашь ли свою дочь за меня»? — «Правда, сильно и могущественно я,— отвѣчало Солнце, — и когда всхожу по утрамъ, мракъ ночей разсѣивается безслѣдно; звѣзды и самъ Мѣсяцъ не смѣютъ свѣтить при мнѣ на землю; меркнетъ ихъ свѣтъ передъ моимъ свѣтомъ и не бываетъ ихъ видно въ то время съ земли. Но есть что-то посильнѣе меня, которое застилаетъ мой свѣтъ, закрываетъ меня отъ земли — это Туча. Иди, поэтому, къ ней». Къ Тучѣ пошла Мышь и обратилась съ своимъ предложеніемъ. Подумала Туча и сказала: «вѣрно говоритъ солнце, силенъ его свѣтъ, и звѣзды, и Мѣсяцъ меркнутъ передъ нимъ, но не можетъ оно свѣтить на землю, когда я большимъ ковромъ обложу небо, и не бываетъ его видно тогда. Но не могу и я устоять противъ Вѣтра. Когда онъ подуетъ, разгуляется, то разрываетъ меня на клочки и разбрасываетъ по необозримому небу. Я слабѣю тогда и уничтожаюсь совершенно. Нѣтъ, Вѣтеръ сильнѣе меня»! Пошла Мышь къ Вѣтру. Но и Вѣтеръ не призналъ себя сильнѣйшимъ. «Правда,— говоритъ онъ,—силенъ я и однимъ дуновеніемъ уничтожаю Тучу; но вотъ, напримѣръ, когда человѣкъ пашетъ въ полѣ на быкахъ, то, хотя тамъ будетъ только пара быковъ, я не могу имъ ничего сдѣлать: мѣрно, тихо идутъ они по полямъ, будто и не чувствуютъ меня. Они будутъ посильнѣе меня». Обратилась Мышь къ быкамъ. Быки ей сказали: «сильны мы, слова нѣтъ; но и насъ иногда осиливаетъ Плугъ, когда вдругъ зацѣпится за что нибудь въ землѣ. Даже когда хозяинъ припрягаетъ къ намъ еще пары четыре, то и тогда мы не можемъ ничего подѣлать. Плугъ сильнѣе насъ». Пошла Мышь къ Плугу. Плугъ ей сказалъ: «силенъ я, правда, и когда много пашутъ, я рѣжу сырую землю безъ всякаго затруд-

нія. Но есть одинъ Корень, который часто, когда я нахожу на него, останавливаетъ меня и я не могу его разрѣзать. Иди, поэтому, Мышь, къ нему; онъ много сильнѣе меня».

Пришлось Мыши обратиться къ Корню. «Да, силенъ я,—отвѣчалъ ей Корень, — и не можетъ Плугъ, иной разъ, меня перерѣзать; но вотъ мышь, даже самая маленькая, очень легко перегрызаетъ меня. Такъ что мыши будутъ посильнѣе меня». «Ага!— воскликнула тогда Мышь, — такъ, значитъ, сильнѣе насъ, мышей, нѣтъ»! И женилась она на простой мыши.

Вы видите отсюда, что осетинъ не заносится высоко въ своемъ самомнѣніи и остроумно подсмѣивается надъ такой заносчивостью. Онъ знаетъ цѣну себѣ, но видитъ преимущества другихъ. Поэтому онъ охотно перенимаетъ то, что хорошо у другихъ народовъ; онъ ищетъ образованія, отдаетъ послѣдніе гроши на обученіе своихъ дѣтей русской грамотѣ и самъ идетъ навстрѣчу русской культурѣ. Это отсутствіе у осетинъ національной исключительности и видимая склонность и способность къ прогрессу дѣлаютъ изъ нихъ наиболѣе симпатичное племя изъ среды кавказскихъ горцевъ. Ихъ младенческое воззрѣніе на природу, стремленье одухотворить каждое мѣсто, каждый бездушный камень, указываетъ также и на богатый внутренній міръ. Осетинъ разскажетъ вамъ массу народныхъ преданій, легендъ и другихъ произведеній народнаго творчества. Вотъ здѣсь онъ укажетъ слѣды Сослана-богатыря, тамъ — результаты справедливаго гнѣва св. Георгія, а въ другомъ мѣстѣ укажетъ на три камня-гиганта и объяснитъ, что это разгнѣванный Богъ обратилъ злыхъ братьевъ въ камни и т. д.

Проѣхавъ Мацуту, мы снова перебираемся на другой берегъ рѣки, для чего намъ приходится перейти самый ужасный изъ видѣнныхъ мною мостовъ. Представьте себѣ два довольно тонкихъ бревна, перекинутыхъ съ берега на берегъ на высотѣ нѣсколькихъ сажень надъ водой. На эти бревна уложенъ обыкновенный плетень, прикрытый слегка навозомъ. Одно изъ этихъ бревенъ треснуло посрединѣ и готово обломиться окончательно, поэтому надъ нимъ по плетню положена другая, еще болѣе тонкая жердь, кое-какъ связанная съ нижней, надломленной. Въ такомъ видѣ мостъ настолько опасенъ, что даже наши ко всему привычныя лошади упираются и нейдутъ вмѣстѣ со всадникомъ. Приходится сойти съ нихъ и по одиночкѣ перегонять черезъ этотъ мостъ. Мы тоже переходимъ по одиночкѣ, и весь мостъ дрожитъ и гнется подъ нашей тяжестью. Полная возможность несчастій здѣсь признается даже Карасе, всегда легкомысленно относящимся къ опасностямъ.

Послѣ относительно небольшаго спуска, снова перебираемся

уже по болѣе прочному мосту, на лѣвый берегъ рѣки и въѣзжаемъ въ аулъ Махческъ. Онъ—такого же типа, какъ и другіе. На краю его помѣстилась бѣдненькая церковь. Это обыкновенный деревянный домъ, крытый тесомъ, въ одномъ углу котораго укрѣпленъ небольшой крестъ, а въ другомъ поставлена вышка для небольшаго же колокола. Вся постройка груба, незатѣйлива и чрезвычайно бѣдна. Нѣсколько лѣвѣе возвышается громадная полуразрушенная башня. Она необитаема.

Отъ Махческа мы спускаемся къ самому берегу рѣки и ѣдемъ вдоль его верстъ пять, перебираясь съ одной стороны ея на другую. Затѣмъ снова начинается зигзагообразный подъемъ, такой же крутой и утомительный, какъ и остальные. Часа черезъ полтора послѣ выѣзда изъ Махческа, мы добрались, наконецъ, до аула Галіаты. Здѣсь церковь такой же архитектуры, какъ и въ Махческѣ, но богаче и опрятнѣе. Она смазана глиной и выбѣлена, крыта желѣзомъ, увѣнчана небольшимъ куполомъ, а передъ ней, стѣна въ стѣну, поставлена досчатая, выкрашенная коричневой краской, невысокая колокольня. Прямо передъ Галіатомъ возвышается высокій и широкій конусъ съ округленной вершиной. На самой верхней площадкѣ его находится центральный въ галіатскомъ приходѣ аулъ—Комунты, въ которомъ живетъ старшина прихода и помѣщается сельское правленіе. Туда и направляемся мы на ночлегъ. Тридцать минутъ продолжается самый крутой изъ бывшихъ до сихъ поръ подъемовъ. Мы карабкаемся чуть не на отвѣсную скалу по узенькой, аршина въ 2—3, дорожкѣ. Отъ безпрерывнаго подъема все вверхъ и вверхъ, начинаетъ кружиться голова, ломитъ поясницу; общая усталость такъ велика, что я едва держусь на сѣдлѣ. Еще послѣднее усиліе,—и мы въ Комунтахъ, въ сельскомъ правленіи. Старшины нѣтъ дома, но здѣсь мы гости Карасе, имѣющаго въ аулѣ свое хозяйство. Добрая кружка прекраснаго, холоднаго горскаго пива поддерживаетъ наши силы и мы съ истиннымъ наслажденіемъ растягиваемся на разостланныхъ буркахъ, передъ порогомъ сельскаго правленія.

V.

Черты изъ хозяйственно-экономической жизни горскаго населенія.

Въ Комунтахъ мнѣ пришлось прожить два дня и я успѣлъ познакомиться за это время съ нѣкоторыми интересными сторонами хозяйственно-экономической жизни населенія.

Въ Дигоріи можно встрѣтить самыя разнообразныя формы землевладѣнія. Пастбища и лѣса состоятъ въ общинномъ пользованіи нѣсколькихъ обществъ и считаются собственностью ихъ всѣхъ. Горныя пастбища, выгоны, а изрѣдка и покосные луга находятся, въ большинствѣ случаевъ, въ общинномъ пользованіи домохозяевъ одного аула и составляютъ его нераздѣльную собственность. Отдѣльные роды тоже имѣютъ свою родовую собственность, состоящую изъ самыхъ разнообразныхъ сельско-хозяйственныхъ угодій и въ томъ числѣ изъ пахотныхъ участковъ. Наконецъ, отдѣльныя семьи имѣютъ свою частную собственность, которою и пользуются исключительно по личному усмотрѣнію главы семейства. Но частную собственность отдѣльныхъ семей составляютъ только пахотныя земли и луга; пастбищами же, выгонами и лѣсомъ эти семьи пользуются на общинныхъ началахъ вмѣстѣ съ другими членами общества. Очень часто встрѣчаются такія семьи, которыя совсѣмъ не имѣютъ собственныхъ пахотныхъ и покосныхъ участковъ, а потому пользуются только одними общинными угодьями. Такія семьи въ большинствѣ случаевъ арендуютъ землю у другихъ собственниковъ своего же общества.

Условія аренды (хаццонъ—аренда) довольно тяжелы для нанимателя. Безземельные арендуютъ участки обыкновенно у лицъ, удалившихся на плоскость и въ горахъ уже не живущихъ, поэтому они занимаютъ и постройки собственниковъ, но безплатно. Съ арендуемыхъ же культурныхъ земель уплачиваютъ съ каждаго бакцала (120 сноповъ) одинъ баранъ, равняющійся тремъ мѣрамъ зерна. Такъ какъ бакцалъ только въ урожайные годы даетъ 6 мѣръ ячменя, то баранъ, въ большинствѣ случаевъ, составляетъ больше половины урожая. За собственникомъ всегда остается право удалить арендатора, но только съ соблюденіемъ извѣстныхъ условій. Такъ, съ участковъ, отдаленныхъ отъ усадьбы, арендатору можно отказать по снятіи перваго урожая, но съ ближайшихъ пахотныхъ участковъ можно удалить арендатора только по снятіи имъ трехъ урожаевъ отъ послѣдняго удобренія, положеннаго на этотъ участокъ.

Арендаторы постоянно стремятся пріобрѣсти въ собственность арендуемыя ими земли. Но, благодаря, съ одной стороны, установившемуся въ населеніи взгляду, по которому проживать наслѣдіе отцовъ предосудительно, а съ другой—благодаря страшной дороговизнѣ земель, процессъ перехода ихъ совершается очень медленно и покупки происходятъ чаще всего только на часть земли. Въ галіатскомъ обществѣ, гдѣ жители стѣснены землею меньше, чѣмъ, напримѣръ, въ Стыръ-Дигорѣ, казенная десятина ближайшей къ

усадебной осѣдлости пахотной земли, при покупкѣ, обходится отъ 1,200 до 1,870 руб. Удаленныя отъ усадьбы земли (афцаггаронъхуша) стоютъ гораздо дешевле, отъ 350 до 400 руб. за казенную десятину, незаливные луга (удаленные отъ усадьбы)—250—300 руб., а заливные—500—700 руб. Впрочемъ земля никогда не продается десятинами, а всегда тѣми участками, которыми располагаютъ владѣльцы. Участки же эти почти всегда не велики: 120, 140, 240 и 290 кв. саж. и—сравнительно рѣже—участки свыше $^1/_4$—$^1/_3$ казенной десятины. Въ Стыръ-Дигорѣ участки значительно меньше, а цѣны въ 2—3 раза больше. Единицей мѣры служитъ собственно бонцау, т. е. такой участокъ пахотной земли, который можно вспахать въ день одной парой воловъ, запряженной въ горную соху. Нормальный бонцау называется тоги-бонцау, т. е. такой участокъ, который по обычному праву дается въ вознагражденіе за кровь убитаго родственника. Онъ имѣетъ въ длину и въ ширину 8 веревокъ, въ которыхъ четыре ивазна (т. е. разстояніе между крайними точками горизонтально разставленныхъ рукъ). Считая такое разстояніе равнымъ $2^1/_2$ аршинамъ, получаемъ веревку равную 10 арш., а 8 веревокъ—80 арш., или около 27 сажень; весь же тоги-бонцау занимаетъ площадь въ 728 кв. саж. Хозяйственный же бонцау имѣетъ, какъ мы уже видѣли, довольно неопредѣленную величину и обыкновенно меньше тоги-бонцау.

Размѣры земельныхъ угодій дигорскихъ обществъ показываютъ уже, что отдѣльныя семьи считаютъ свои земли не десятками бонцау. Правда, есть нѣсколько семействъ, напримѣръ, Цопаковыхъ, которыя обладаютъ 20—40 бонцау, но масса едва располагаетъ 3—6, въ общей сложности едва достигающихъ половины одной казенной десятины. Такіе незначительные кусочки земли требуютъ постояннаго и неусыпнаго надзора за собой и почти вся дигорская семья цѣлый день возится и копается на этомъ участкѣ, а въ концѣ концовъ все таки не обезпечиваетъ себѣ хлѣба на весь годъ.

Кромѣ земледѣлія, второе мѣсто въ хозяйственной дѣятельности занимаетъ, по размѣрамъ, овцеводство. Овцы часто ввѣряются наемному пастуху (ласдзарокъ), которому въ вознагражденіе за пятилѣтнюю пастьбу выдѣляется нѣсколько десятковъ овецъ, отмѣчаемыхъ на ушахъ особой помѣтой. Молочные продукты со всего стада поступаютъ въ пользу хозяина, а шерсть только съ овецъ, не мѣченныхъ пастухомъ; съ помѣченныхъ же шерсть дѣлится пополамъ между хозяиномъ и пастухомъ. На пятый годъ пастухъ обязанъ помочь хозяину въ заготовленіи сѣна, а по истеченіи пятилѣтняго срока всѣ мѣченныя овцы и ихъ приплодъ дѣлятся

между хозяиномъ и пастухомъ поровну. Часто, особенно когда въ семьѣ мало рабочихъ рукъ, овцы сдаются въ аренду, условія которой очень сходны съ условіями найма пастуха. Аренда тоже берется на 5 лѣтъ. Молочные продукты цѣликомъ получаетъ арендаторъ, а шерсть дѣлится пополамъ между нимъ и собственникомъ. Арендаторъ получаетъ право рѣзать овецъ на собственныя надобности, но обязанъ шкурки ихъ, а также павшихъ овецъ,—какъ доказательство того, что онѣ не проданы, — отдать собственнику. Черезъ 5 лѣтъ, все стадо дѣлится поровну; черезъ 3 же года арендаторъ получаетъ $^1/_3$ стада. Рѣже встрѣчается другой видъ аренды, когда арендаторъ беретъ овецъ на 3 года и обязывается по окончаніи срока возвратить собственнику, вмѣсто каждыхъ двухъ взятыхъ у него овецъ—три. Продуктами же овцеводства, въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ, пользуется одинъ арендаторъ безъ всякаго участія собственника.

Не смотря на сильное стѣсненіе въ землѣ, дигорскому овцеводству въ близкомъ будущемъ можетъ предстоять широкое развитіе, особенно если дигорцамъ будутъ отведены земельные надѣлы на плоскости, куда бы они могли перегонять свои стада на зиму. Дигорскія пастбища—однѣ изъ лучшихъ въ Осетіи, а потому изъ осетинскихъ сыровъ—дигорскій особенно выдается по своимъ качествамъ, а въ лучшемъ изготовленіи напоминаетъ швейцарскій. Приготовленіе сыра можетъ имѣть въ горной Дигоріи широкую будущность. То же можно сказать и о дигорскомъ пивѣ. Мнѣ пришлось отвѣдать много сортовъ его, изготовляемыхъ нѣсколькими хозяевами, и о нѣкоторыхъ сортахъ я могу утверждать, что они имѣютъ полное право на широкое распространеніе. Вкусомъ лучшіе сорта дигорскаго пива напоминаютъ англійскій портеръ и, при незначительномъ улучшеніи техники производства, легко могутъ получить распространеніе.

Говоря далѣе о возможномъ экономическомъ будущемъ горной Дигоріи, нельзя не отмѣтить показанія мѣстныхъ жителей, которые единогласно утверждаютъ, что на земляхъ ихъ обильно встрѣчаются многіе цѣнные минералы. Намъ говорили о присутствіи здѣсь серебро-свинцовыхъ рудъ и даже золота. Очень желательно, чтобы эти показанія были тщательно провѣрены, а горныя богатства края подверглись бы обстоятельному изученію.

Не могу не упомянуть еще о лѣсахъ. Нѣкогда Дигорія была сплошь покрыта ими. Теперь же лѣсовъ осталось относительно немного. Мнѣ кажется, что на искусственное разведеніе лѣса здѣсь необходимо обратить вниманіе, тѣмъ болѣе, что съ устройствомъ

на Кавказѣ горно-культурныхъ лѣсничествъ къ этому представляется полная возможность.

Вообще, объ этомъ забытомъ Богомъ и людьми краѣ, брошенномъ въ неприступныя, непривѣтливыя горы, слѣдовало бы позаботиться серьезнѣе. Населеніе его охотно идетъ навстрѣчу русской культурѣ; само, безъ правительственнаго почина, ищетъ обученія русскому языку и грамотѣ; само создало и намѣтило такія отрасли экономической производительности, которыя могутъ имѣть широкую будущность, а потому нашей обязанностью является протянуть ему руку помощи и дать возможность выйти изъ того тяжелаго положенія, въ которое оно поставлено. Для этого требуются только два условія — земля на плоскости и школа въ горахъ, — осуществленія которыхъ нельзя не пожелать въ самомъ близкомъ будущемъ.

Сельское правленіе, въ которомъ помѣстились мы, находится въ 5—6 саженяхъ отъ крутаго обрыва-спуска, стоя на краю котораго, можно любоваться грандіозной картиной горной цѣпи, протянувшейся на югъ отъ Комунтъ. Внизу ясно видны два другихъ аула галіатскаго прихода—Дунда и Хунсаръ. Долина занимаетъ не болѣе половины квадратной версты, но склоны, образующіе ее, довольно отлоги и на нихъ расположены участки пахотныхъ земель, засѣянныхъ по обыкновенію ячменемъ. Впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ подъ Галіатомъ намъ удалось видѣть участокъ земли, засѣянный яровой пшеницей, довольно жалкой и низкорослой. Горы съ широкими конусами, точно осетинскія шляпы, столпились съ правой и лѣвой стороны долины и выглядываютъ одна изъ-за другой своими вершинами. Густое облако, на одной высотѣ съ нами, растянулось длинной полосой съ правой стороны и образовало точно дымную ленту гигантскаго паровоза. Изъ-за нея виднѣются то укутанные лѣсной зеленью склоны другихъ великановъ, то голыя каменныя обнаженія ихъ. Но вотъ скинули съ себя пелену сѣрыхъ тучъ и вершины, замыкающія съ юга всю долину. Здѣсь одинъ изъ кавказскихъ снѣжныхъ гигантовъ — Адай-хохъ—представляетъ какъ бы узелъ пресѣченія главнаго кавказскаго хребта съ боковыми. Адай-хохъ отбрасываетъ отъ себя два громадныхъ ледника: восточный Цейскій и западный Скатиномскій, а также множество мелкихъ. Вѣчные снѣга наполнили всѣ углубленія, всѣ трещины горныхъ гигантовъ, а надъ ними и рядомъ съ ними торчатъ голыя скалы. Ближайшій ледникъ, какъ говорятъ дигорцы, спускается всего въ 4—5 верстахъ отъ Комунтъ.

Пока мы любуемся съ Габуди горной картиной, насъ по обыкновенію окружаютъ жители аула, пришедшіе посмотрѣть рѣдкихъ

гостей. Нѣкоторые изъ нихъ вооружены длинными палками съ навинченными на нихъ, въ видѣ наконечника, старыми штыками отъ солдатскихъ ружей. Наконечники другихъ палокъ представляютъ простую заостренную желѣзную наковку. Я выбираю типичную горскую кизиловую палку съ такимъ именно желѣзнымъ наконечникомъ, съ симетрично-расположенными на ней бородавками, образовавшимися отъ надрѣзовъ, сдѣланныхъ на деревѣ еще во время его роста, съ набалдашникомъ вверху, а на четверть ниже—съ несрѣзаннымъ сучкомъ для пальца. Палка только на четверть аршина ниже человѣка и можетъ служить хорошимъ подспорьемъ въ путешествіи по горамъ пѣшкомъ. Дигорцы употребляютъ ее въ иныхъ случаяхъ и для прицѣла. Втыкая острымъ концомъ въ землю, охотникъ кладетъ ружье на сучокъ, что̀ возлѣ набалдашника, и прицѣливается, если ему позволяетъ время и положеніе звѣря. Я покупаю эту палку за одинъ рубль. Охотятся дигорцы на медвѣдя, тура, козу и другихъ обитателей горныхъ и лѣсныхъ трущобъ.

Въ Комунтахъ обстоятельства заставили меня заглянуть и въ одну изъ мѣстныхъ лавокъ. Ихъ всего двѣ. Одна изъ нихъ помѣщается въ крошечномъ сарайчикѣ и состоитъ изъ небольшаго шкафа, въ которомъ на полкахъ лежитъ нѣсколько пачекъ папиросъ, десятка три-четыре коробочекъ сѣрныхъ спичекъ, нѣсколько ленточекъ, побрякушекъ, нѣсколько осьмушекъ чаю и... только. Вотъ и вся лавка. Въ такомъ же видѣ представляется и остальная торговля этого дикаго горнаго уголка.

Комунты былъ послѣдній дигорскій аулъ, въ которомъ я долженъ былъ побывать. Отсюда мнѣ нужно было перебраться въ другое ущелье, почти параллельное дигорскому—въ алагирское, идущее по р. Ардону и относительно благоустроенное. Для этого мнѣ нужно было перевалить черезъ кряжъ, отдѣляющій эти два ущелья и называющійся, по имени высшей точки своей, кіокъ-хоху-кіокскимъ переваломъ. Габуди съ Александромъ должны были остаться въ Комунтахъ, а я и Карасе двинулись въ путь. Версты двѣ мы поднимались по довольно сносной и относительно разработанной дорогѣ, переходящей затѣмъ въ тропу. Но и тропа большею частью удобна: она идетъ по широкой серединѣ горы, довольно полога и настолько просторна, что избавляетъ отъ необходимости смотрѣть въ бездну. Лишь мѣстами тропинка тѣснится сбоку горы и тогда она довольно опасна. Достигши вершины, мы оглядываемся назадъ. Облака значительно ниже насъ бѣлѣютъ за Комунтами, который кажется какой-то игрушечной пойстройкой на вершинѣ конуса, окруженнаго громадами съ блестящими снѣгами.

Начался спускъ, и мы, отъѣхавши съ версту, останавливаемся на привалъ. Влѣво торчитъ зубчатая вершина Кіокъ-хоха, а направо уже видны колоссальныя стѣны Ардонской тѣснины, изъ-за которыхъ возвышается Казбекъ. Около нашего привала, небольшое озеро въ 50—60 кв. саж., довольно глубокое, заросшее осокообразной травой. Оно,—какъ говоритъ Карасе,—никогда не высыхаетъ. Подкрѣпившись на привалѣ завтракомъ, мы отправляемся. Спускъ тянется то по-надъ мелкимъ лѣскомъ, то у голыхъ склоновъ. Это одинъ изъ труднѣйшихъ и непріятнѣйшихъ спусковъ. Кажется, что лошадь становится въ перпендикулярное положеніе къ дорогѣ, а всадникъ—въ горизонтальное. Я вынужденъ былъ слѣзть съ лошади и передать ее Карасе. Онъ часто рысью съѣзжалъ съ горы, а я едва въ силахъ сходить. Не будь у меня купленной въ Комунтахъ палки, я, кажется, и не сошелъ бы съ этого спуска. Мѣстами дорога усѣяна мелкимъ щебнемъ, который скользитъ и скатывается, когда наступаешь на него, вслѣдствіе чего я долженъ употреблять чрезвычайныя усилія, чтобы и самому не поскользнуться и не упасть. Черезъ каждыя десять минутъ, я выбиваюсь изъ силъ и долженъ по четверти часа отдыхать, чтобы опять пуститься въ путь. Полтора часа продолжается эта невозможная дорога черезъ кіокскій перевалъ, и я, совершенно разбитый и истощенный, дохожу наконецъ до русла какого-то горнаго потока, впадающаго въ Ардонъ. Водораздѣлъ перейденъ, и черезъ часъ съ четвертью ѣзды мы пріѣзжаемъ въ поселокъ Садокскаго серебро-свинцоваго рудника.

Какъ мила и хороша показалось мнѣ чистенькая комнатка съ европейской обстановкой, въ которой нашелъ я пріютъ; съ какимъ удовольствіемъ вымылся я и переодѣлся,—этого невозможно и разсказать.

М. Слобожанинъ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

Я давно закалился въ житейской борьбѣ,—
И слугою, и другомъ я буду тебѣ...
Черезъ острые камни и рвы на пути,
Не поранивши ногъ, никому не пройти;
Но я ноги твои отъ уколовъ спасу:
Черезъ камни и рвы на рукахъ пронесу.
Если выпадетъ знойный, томительный день,
Для тебя отыщу я прохладную тѣнь.
Ночь на землю сойдетъ—я шатеръ разобью,
И заснешь ты подъ нѣжную пѣсню мою.
О, не бойся, дитя, что порою отъ бурь
Покрывается тучами неба лазурь:
Только радости свѣтлыя дамъ я тебѣ,—
И возьму всѣ невзгоды, всѣ скорби себѣ!

А. Кругловъ.

БЕЗПОКОЙНАЯ ДѢВУШКА.

Разсказъ автора **«Молли Баунъ»**.

Переводъ съ англійскаго.

I.

Легкій вѣтерокъ.

„Откуда эта музыка—съ земли
или съ небесъ?"

Послѣдняя нѣжная нота пѣвца замерла въ воздухѣ; легкій, благовоспитанный взрывъ рукоплесканій послѣдовалъ за ней, а затѣмъ чувство благосостоянія распространилось по фэшёнебельной толпѣ слушателей,—сознаніе, что въ продолженіе пяти минутъ они могутъ слышать свои собственные голоса, обращенные въ изящныхъ діатрибахъ ко взаимнымъ друзьямъ. Сезонъ былъ уже такъ близокъ къ концу, что многіе смотрѣли на этотъ музыкальный вечеръ у леди Свансдоунъ, какъ на послѣдній въ городѣ, и мечтали бѣжать въ деревню,—бѣжать отъ тумановъ, дыма и надоѣвшихъ знакомыхъ къ спокойной и свѣжей тишинѣ сельской жизни. На вечерѣ господствовала страшная толкотня и почти невыносимая жара; въ воздухѣ носился запахъ цвѣтовъ, умиравшихъ въ вазахъ и тяжело дѣйствовавшихъ на нервы; но все прошлое, настоящее и будущее, въ артистическомъ смыслѣ, присутствовало здѣсь; слѣдовательно, не быть на этомъ вечерѣ было равносильно несчастію.

Желанныя пять минутъ уже приходили къ концу, и когда леди Свансдоунъ направилась въ одинъ изъ угловъ залы, гдѣ собрался кружокъ молодыхъ людей, всѣ взоры направились

за нею въ спокойномъ ожиданіи, кружокъ раздвинулся и пропустилъ ее къ молодой дѣвушкѣ, составлявшей его центръ.

— Ваша очередь, милая. Вѣдь вы сыграете, не правда ли? Всѣ такъ ожидаютъ этого, такъ надѣются на васъ. Пойдемте—пойдемте же.

Она проговорила все это слегка нервно, какъ бы опасаясь капризнаго отказа въ послѣднюю минуту; но молодая дѣвушка отвѣтила ей спокойной улыбкой и, отстранивъ отъ себя окружавшую ее золотую молодежь, выступила впередъ—со скрипкой въ рукѣ. Совершенно спокойно, почти машинально, направилась она къ приготовленному ей мѣсту, на которое падалъ свѣтъ многочисленныхъ свѣчей и взгляды всѣхъ зрителей. А между тѣмъ, спокойствіе это было только наружное и сердце ея страшно билось въ то время, какъ она медленно поднимала смычокъ. Она была такое маленькое, тоненькое созданье! Одѣтая въ платье изъ палеваго индійскаго шолка, мягко облегавшаго ея стройную фигуру, вырѣзанное у ворота, какъ у дѣтей, она совсѣмъ глядѣла ребенкомъ. Короткіе рукава съ буфами на плечахъ обнажали ея бѣлыя руки. Онѣ были лишены всякихъ украшеній, на нихъ не было ни одного браслета, ни одного кольца. Дѣйствительно, всякія украшенія были бы лишними на этихъ красивыхъ, точно выточенныхъ рукахъ.

Слегка наклонившись впередъ свойственнымъ ей движеніемъ, напоминавшимъ грацію крылатыхъ существъ, она наконецъ установилась спокойно, выдвинувъ немного впередъ маленькую ножку, обутую въ палевый атласный башмачокъ. Ея темные, блестящіе глаза сіяли, нѣжный румянецъ горѣлъ на лицѣ, вьющіеся волосы слегка падали на бѣлый лобъ. Они были коротко острижены, эти прекрасные волосы, роскошными массами покрывавшіе ея головку, и носили такой темно-каштановый цвѣтъ, который, по счастью, не переходилъ въ рыжеватый оттѣнокъ. Все лицо ея, не лишенное легкаго выраженія своенравія, дышало оживленіемъ и страстью. Слегка заостренный подбородокъ уже самъ по себѣ выражалъ многое. Въ немъ видны были рѣшимость и своеволіе, но въ общемъ онъ очень шелъ къ ея задорному личику и придавалъ пикантность его красотѣ. Съ блестящими глазами и коротко остриженными каштановыми локонами, этотъ прелест-

— Ба! Какая глупость; мать-природа должна постыдиться самой себя, — сказалъ Барбауръ, тряхнувъ своей львиной головой.—Я могъ бы составить состояніе этой дѣвушки, а она уже обладаетъ имъ безъ моей помощи. Это ни съ чѣмъ несравнимая несправедливость.

— Вы никогда не можете отрѣшиться отъ сцены,—шутливо сказалъ сэръ Джонъ Амори.—Вы не хотите дать бѣднымъ богачамъ насладиться прелестями жизни. Пожалуйста, постарайтесь снизойти на минуту до насъ и согласитесь, что талантъ можетъ быть полезенъ и частному лицу, еслибы даже ему и не было необходимости зарабатывать посредствомъ него свой хлѣбъ.

— Я снизошелъ, — любезно отвѣчалъ Барбауръ,—но не могу не подумать, что такой геніальный талантъ, какъ у нея, былъ бы неизмѣримо полезнѣе какому нибудь бѣдняку, не имѣющему ни копѣйки.—Въ словахъ его звучала искренняя нотка, хотя онъ и произнесъ ихъ шутливо. Когда-то великолѣпный актеръ, оставившій сцену вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, онъ былъ теперь директоромъ одного изъ самыхъ популярныхъ театровъ въ городѣ, авторитетомъ среди артистовъ, знакомства съ которымъ добивался весь фэшёнебельный Лондонъ. Онъ былъ человѣкъ очень добрый, съ сердцемъ.

Сэръ Джонъ, молодой человѣкъ лѣтъ тридцати или немного болѣе, разсмѣялся.

— Вы видимо сердитесь на миссъ Ферфаксъ за обладаніе божественной искрой,—сказалъ онъ.—Не говорите ей этого, она не проститъ вамъ. Кровь Ферфаксовъ славится своей горячностью, а она, говорятъ, получила хорошую долю ея въ наслѣдство при рожденіи.

— Я вовсе не сержусь на нее,—отвѣчалъ Барбауръ,—я только говорю себѣ: „вотъ удобный случай для кого бы то ни было“. А онъ поглощенъ дѣвочкой, которая въ немъ совсѣмъ не нуждается,—богатой дѣвочкой, еще надѣленной красотой, сверхъ всего.

— Конечно, въ вашемъ смыслѣ, это несправедливо.

— Это чудовищно! Паганини въ юбкѣ, и все даромъ.

— Несовсѣмъ такъ. Миссъ Ферфаксъ находитъ главное наслажденіе жизни въ своемъ талантѣ. Геній, мой милый другъ! И посредствомъ него она смягчаетъ злобу своего ужас-

торомъ у тебя не можетъ быть соперниковъ въ нынѣшнемъ поколѣніи. Даже я...

— Ахъ! — безцеремонно прервала она, и легкая тѣнь омрачила ея личико.—Неужели ты считаешь меня такой дурочкой? Хвала тому, кто достоинъ хвалы. Это справедливо. Но не отъ тебя! Благодарю! Развѣ я тебя не знаю?

— Да, ты бы должна была знать меня,—отвѣчалъ онъ кротко.

— Я и знаю тебя. И знаю, что ты съ презрѣніемъ смотришь на женщину, которая рѣшается предстать предъ обществомъ, какъ бы мало оно ни было, и даетъ публично восхищаться собой. Подъ словомъ „собой“—прибавила она быстро—я подразумѣваю ея талантъ. Ну, скажи правду, хоть на этотъ разъ, признайся, что ты считаешь меня дерзкой, лишенной стыдливости, тщеславной и т. д. въ этомъ родѣ?

— Тебѣ, повидимому, такъ хочется, чтобъ я признался во всемъ этомъ, что я едва рѣшаюсь отказать тебѣ,—отвѣчалъ онъ холодно.—Но какъ ты желаешь также, чтобъ я хоть разъ въ жизни сказалъ правду, то я чувствую себя обязаннымъ сказать, что ты ошибаешься. Я до сихъ поръ не считалъ тебя тщеславной, лишенной стыдливости или дерзкой.

— Такъ говорятъ твои уста, но твои глаза говорятъ совсѣмъ другое,—возразила она, капризно, но очаровательно пожавъ плечикомъ, обращеннымъ къ нему.

— Глазъ мой соблазняетъ меня въ такомъ случаѣ—не прикажешь ли мнѣ вырвать его? — спросилъ Дальримпль, смотря на нее слегка насмѣшливымъ взглядомъ.—Зачѣмъ мнѣ говорить одно, а думать другое. Будь благоразумнѣе, моя маленькая кузина. Развѣ я ужь такъ боюсь тебя, что принужденъ лгать передъ тобой?

— Я устала,—сказала „маленькая кузина“, смотря черезъ его плечо съ выраженіемъ желанія убѣжать поскорѣе,—я хотѣла бы уѣхать домой, если дѣдушка... А! Дикки... ты!

Она внезапно просіяла и, переложивъ смычокъ въ маленькую ручку, уже уставшую держать скрипку, подала три свободныхъ пальчика вновь вошедшему юношѣ средняго роста, некрасивой, но пріятной наружности.

— Ты заживо похоронила себя; геній удалился въ тѣнь. Мнѣ поручили откопать тебя,—заявилъ онъ, озаривъ все свое

лицо восторженной улыбкой.—Леди Свансдоунъ сказала, что ты здѣсь, но, такъ какъ Дальримпль съ тобой, она...—Онъ остановился, пораженный ледянымъ взглядомъ стройной дѣвушки, стоявшей передъ нимъ.

— Продолжай, прошу тебя,—сказала она угрожающимъ голосомъ. — Почему леди Свансдоунъ вообразила себѣ, что если Ноэль со мной, я...—На этотъ разъ она остановилась и съ пылающими щеками гнѣвно обратилась къ Дальримплю, не зная, какъ продолжать.

— Это глупыя шутки! Я никогда ихъ не понималъ. Брось это,—отвѣчалъ онъ быстро и серьезно, но съ той подавленной шутливостью въ голосѣ и выраженіи лица, которая всегда приводила ее въ бѣшенство.

— Это не шутка, это дерзость,—сказала она твердо. Она повернулась къ м-ру Дикки Сильвестру—брату своего лучшаго друга—и взяла его руку.

— Я бы хотѣла выпить немного шампанскаго и найти дѣдушку,—сказала она, увлекая его къ дверямъ, за которыми волновалась толпа.

— Ужь одного дѣдушки будетъ довольно: онъ отличное подкрѣпляющее средство, — замѣтилъ Дальримпль спокойно, въ то время какъ она повернулась къ нему спиной. Она услыхала его замѣчаніе и, не въ силахъ отказаться отъ новой борьбы, снова обернулась къ нему.

— Это подкрѣпленіе необходимо мнѣ,—быстро возразила она,—послѣ пяти минутъ, проведенныхъ съ тобой.

— О! пойдемъ, пожалуйста. Я никогда не видалъ дѣвушки, которая умѣла бы ссориться, какъ ты,—сказалъ м-ръ Сильвестръ, слегка увлекая ее за собой.

— Но вѣдь это только, когда я съ Ноэлемъ!—объявила она, капризно тряхнувъ своей очаровательной головкой и позволяя, наконецъ, увлечь себя въ слѣдующую комнату.

Дальримпль, снова оставшись наединѣ, на этотъ разъ горько улыбнулся.

II.

М-ръ Барбауръ недоволенъ.

„О, кто легкомысленно скажетъ, что
слава не болѣе, какъ звукъ пустой?“

Когда хорошенькая героиня вечера въ послѣдній разъ провела смычкомъ по скрипкѣ и быстро удалилась въ другую комнату подъ прикрытіемъ заслуженныхъ рукоплесканій, высокій, плотно сложенный мужчина, внимательно и безмолвно слушавшій ея игру, внезапно обратился къ своему сосѣду.

— Она артистка по профессіи?—спросилъ онъ съ легкимъ смущеніемъ.

—Боже мой, нѣтъ!—смѣясь, отвѣчалъ сэръ Джонъ Амори.—Впрочемъ, вашъ вопросъ не особенно удивляетъ меня. Она хорошо играетъ, не правда ли?

— Играетъ? Это поразительно! Такъ она не артистка по профессіи?—повторилъ онъ успокоившимся голосомъ. *Такая* артистка по профессіи, а онъ бы этого не зналъ! Нѣтъ, свѣтъ еще не пришелъ къ концу!

— Она только любительница. Развѣ вы прежде не слыхали ея? Ваше невѣжество, милый Барбауръ, поразительно. Не знать ея—значитъ самому быть неизвѣстнымъ. Такъ гдѣ же вы были, что не видали ея здѣсь или въ другихъ домахъ въ продолженіе сезона?

— Я ненавижу давку, и очень рѣдко бываю тамъ, гдѣ она есть, — отвѣчалъ Барбауръ, защищаясь. — И я думаю, такой давки не бываетъ нигдѣ, кромѣ самыхъ строго приличныхъ салоновъ. Кто она? Трудно повѣрить, что она такое незначительное созданье, какъ любительница.

— Пустое значеніе этого слова, конечно, только насмѣшка для нея, но она не можетъ избѣжать этого... Она—леди Элеонора Ферфаксъ, внучка стараго лорда Карбайна и наслѣдница его громаднаго состоянія.

— Богатая наслѣдница и артистка,—вздохнулъ Барбауръ.

— Понимаю, что вы хотите сказать. Да, она очень значительная особа сама по себѣ, если даже исключить ея чудный талантъ.

— Ба! Какая глупость; мать-природа должна постыдиться самой себя, — сказалъ Барбауръ, тряхнувъ своей львиной головой.—Я могъ бы составить состояніе этой дѣвушки, а она уже обладаетъ имъ безъ моей помощи. Это ни съ чѣмъ несравнимая несправедливость.

— Вы никогда не можете отрѣшиться отъ сцены,—шутливо сказалъ сэръ Джонъ Амори.—Вы не хотите дать бѣднымъ богачамъ насладиться прелестями жизни. Пожалуйста, постарайтесь снизойти на минуту до насъ и согласитесь, что талантъ можетъ быть полезенъ и частному лицу, еслибы даже ему и не было необходимости зарабатывать посредствомъ него свой хлѣбъ.

— Я снизошелъ, — любезно отвѣчалъ Барбауръ,—но не могу не подумать, что такой геніальный талантъ, какъ у нея, былъ бы неизмѣримо полезнѣе какому нибудь бѣдняку, не имѣющему ни копѣйки.—Въ словахъ его звучала искренняя нотка, хотя онъ и произнесъ ихъ шутливо. Когда-то великолѣпный актеръ, оставившій сцену вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, онъ былъ теперь директоромъ одного изъ самыхъ популярныхъ театровъ въ городѣ, авторитетомъ среди артистовъ, знакомства съ которымъ добивался весь фэшёнебельный Лондонъ. Онъ былъ человѣкъ очень добрый, съ сердцемъ.

Сэръ Джонъ, молодой человѣкъ лѣтъ тридцати или немного болѣе, разсмѣялся.

— Вы видимо сердитесь на миссъ Ферфаксъ за обладаніе божественной искрой,—сказалъ онъ.—Не говорите ей этого, она не проститъ вамъ. Кровь Ферфаксовъ славится своей горячностью, а она, говорятъ, получила хорошую долю ея въ наслѣдство при рожденіи.

— Я вовсе не сержусь на нее,—отвѣчалъ Барбауръ,—я только говорю себѣ: „вотъ удобный случай для кого бы то ни было“. А онъ поглощенъ дѣвочкой, которая въ немъ совсѣмъ не нуждается,—богатой дѣвочкой, еще надѣленной красотой, сверхъ всего.

— Конечно, въ вашемъ смыслѣ, это несправедливо.

— Это чудовищно! Паганини въ юбкѣ, и все даромъ.

— Несовсѣмъ такъ. Миссъ Ферфаксъ находитъ главное наслажденіе жизни въ своемъ талантѣ. Геній, мой милый другъ! И посредствомъ него она смягчаетъ злобу своего ужас-

наго, дикаго дѣда. Его припадки гнѣва обратились въ пословицу, и только она и ея скрипка могутъ иногда заставить его успокоиться.

— Мы, кажется, рѣшились обратить ее въ мальчика,— разсмѣялся Барбауръ.—Сначала я возвелъ ее въ Паганини, а теперь вы хотите представить ее Давидомъ, играющимъ передъ Сауломъ. Странная мысль! Я думаю, что изъ нея можно что нибудь сдѣлать,—прибавилъ онъ въ раздумьѣ.

— О, оставьте, прошу васъ, — сказалъ Амори съ умоляющимъ жестомъ,—забудьте на минуту вашу возлюбленную сцену.

— Хорошо, хорошо,—отвѣчалъ Барбауръ, никогда не терявшій хорошаго расположенія духа. „Смѣйся и толстѣй", сказалъ одинъ веселый древній мудрецъ, и это мудрое изреченіе вполнѣ оправдывалось въ лицѣ полнаго весельчака, фигура котораго, даже во времена Самсона, могла бы назваться необычайной. — Но все же, — продолжалъ онъ,—вы должны признаться, что ея внѣшность подходитъ къ мужской. Ея маленькая стриженая головка съ своими густыми кудрями отлично могла бы принадлежать мальчику. Право, это досадно—сказалъ онъ, поглаживая свою бороду: — красота и геній за разъ помѣстились подъ такой маленькой крышей.

— Но очень хорошо покрытой! — замѣтилъ Амори.— Ея кузина, миссъ Сильвестръ—вы вѣрно знаете ее?—очень ее любитъ.—Повидимому, по мнѣнію сэра Джона, расположеніе миссъ Сильвестръ служило доказательствомъ всякихъ добродѣтелей.

— Миссъ Сильвестръ—ея кузина? Ого! такъ у нея есть и двоюродный братъ,—внезапно припомнилъ Барбауръ.—Полковникъ Дальримпль—онъ служитъ въ лейбъ-гвардіи.

— Вы знаете его?

— Даже очень хорошо. Вѣдь онъ помолвленъ съ ней?

— Этого никто не знаетъ навѣрное. Во всякомъ случаѣ, это еще не рѣшено. Но въ свѣтѣ говорятъ объ этомъ. Старикъ, лордъ Карбайнъ, вполнѣ за этотъ бракъ, и такъ какъ онъ человѣкъ очень деспотичный,—а она вполнѣ зависитъ отъ него,—вѣроятно, дѣло тѣмъ и кончится.

— Ну, нѣтъ, если она воспротивится,—сказалъ Барбауръ,

передъ глазами котораго носилось маленькое непокорное личико, только что заставлявшее безмолвствовать всю эту залу.

— Мнѣ кажется, что они не особенно любятъ другъ друга,—сказалъ Амори, пожимая плечами.—Она въ особенности. Но, вы знаете, „маленькое отвращеніе“ всегда считается хорошимъ признакомъ въ началѣ матримоніальной карьеры, и она, думаю, уступитъ наконецъ, какъ всякая женщина въ такомъ случаѣ.

— А онѣ уступаютъ?—спросилъ Барбауръ шутливо.—О, великій мудрецъ! гдѣ вы черпали эти глубокія познанія?

— Не у васъ, во всякомъ случаѣ,—разсмѣялся сэръ Джонъ, видимо съ любовью смотрѣвшій на Барбаура.—Вы вѣрите во все и каждаго. Она—прелестное маленькое созданье, это правда, но какъ капризна! Уже одно то, что дѣдъ ея желаетъ, чтобъ она вышла за своего двоюроднаго брата, заставитъ ее идти противъ него. Она вся предана славѣ, тріумфамъ и скрипкѣ.

— Это интересно. Я бы хотѣлъ не терять ея изъ виду, прослѣдить ея жизнь до конца,—сказалъ Барбауръ.

— Законъ не воспрещаетъ такого мягкаго надзора,—отвѣчалъ Амори.—Не теряйте ея изъ виду во всякомъ случаѣ, если это нравится вамъ.

— Въ случаѣ ссоры съ дѣдомъ, она будетъ предоставлена своимъ собственнымъ средствамъ?

— Совершенно вѣрно. Она не получитъ ни одного пенни, если этого не пожелаетъ старикъ.

— Итакъ, у нея, вѣроятно, произойдетъ антрактъ?—медленно произнесъ Барбауръ.

— О, нѣтъ!—увѣренно отвѣчалъ Амори.—Какъ вы всегда сценично выражаетесь! Бѣдность—такая тяжелая вещь, что дѣвушка навѣрное сдѣлаетъ все, чтобъ избѣжать ея.

— Вы не берете въ разсчетъ ея подбородка и ея скрипки,—мягко замѣтилъ Барбауръ.—Говорю вамъ, что это будетъ интересно. Я сочту за честь быть представленнымъ ей.

— Чтобы не потерять ея изъ виду въ случаѣ возможныхъ событій въ будущемъ? — шутливо замѣтилъ Амори.—Свѣтъ правъ: вы великій человѣкъ! „Разъ упустивъ удобный случай,—говоритъ книга нравственныхъ прописей, — уже не вернешь его“. Вы не теряете времени. Вы вѣрите, что эта изящная юная скрипачка вскорѣ будетъ въ вашихъ рукахъ.

— Надѣюсь, нѣтъ,—серьезно сказалъ Барбауръ.—Но, если я когда нибудь буду въ состояніи протянуть ей руку помощи, мнѣ будетъ пріятно сдѣлать это. Изо всего, что вы мнѣ сказали, я вижу, что ссора ея съ дѣдомъ очень возможна.

— Вѣчный драматическій инстинктъ! вы неизлѣчимы,— сказалъ Амори, качая головой.

— Что же,—отвѣчалъ Барбауръ,—мнѣ дѣйствительно кажется, что она непокорна, если только я не полный невѣжда въ знаніи людей. И я многимъ помогъ составить себѣ состояніе или—вернуться въ семью, смотря по обстоятельствамъ.

— Знаю, знаю,—сказалъ Амори, которому были не безъизвѣстны многіе случаи, гдѣ Барбауръ невольно игралъ роль ангела.

— Вы представите меня? — сказалъ послѣдній, прерывая воспоминанія Амори.

— Съ удовольствіемъ. Она съ ума сходитъ по „профессіи", какъ вы выражаетесь,—значитъ, вы можете быть увѣрены въ хорошемъ пріемѣ. Идемте сюда; я видѣлъ сейчасъ, что она прошла съ Дикки Сильвестромъ въ столовую.

III.

Буря.

— Нѣтъ, дѣдушка, я не хочу!

— А я говорю тебѣ, что это будетъ!

— Ты говоришь мнѣ новость,—отвѣчала миссъ Ферфаксъ со слегка презрительной улыбкой.

— Сядь, Элеонора, я желаю покончить съ этимъ дѣломъ разъ навсегда. Твой двоюродный братъ не только согласенъ уступить моему желанію и жениться на тебѣ, но онъ страстно любитъ тебя.

— Вотъ какъ!—быстро воскликнула миссъ Ферфаксъ.

— Пожалуйста, безъ этихъ восклицаній!—закричалъ лордъ Карбайнъ, уже выведенный изъ себя и выказывая всѣ признаки начинающагося припадка бѣшенства.—Неужели ты думаешь, что такая глупая дѣвчонка, какъ ты, можетъ разстроить мои планы? Говорю тебѣ, что я всѣмъ сердцемъ же-

пѣливо возразила ея подруга.—Ты знаешь, что онъ гораздо красивѣе половины всѣхъ мужчинъ, которыхъ мы встрѣчаемъ.

— Я ненавижу выраженіе его глазъ. Такое насмѣшливое и мрачное. Я увѣрена, что онъ желалъ бы всѣхъ подчинить своей волѣ.

— Мнѣ это нравится въ мужчинѣ.

— Да? — возразила Элеонора, пожимая плечами.—Мнѣ кажется, тебѣ все въ немъ нравится. Право, Мери,—продолжала она, садясь на столъ возлѣ миссъ Сильвестръ и со страстной надеждой заглядывая ей въ глаза,—я вижу средство выйти изъ этого затрудненія. Вѣдь ты не можешь желать ничего лучшаго, какъ такое совершенство, — не правда ли? Отчего тебѣ самой не выйти за Ноэля!

Миссъ Сильвестръ разсмѣялась.

— Во-первыхъ, потому что онъ не дѣлалъ мнѣ предложенія; во-вторыхъ, потому что...

— Другой сдѣлалъ его тебѣ!—воскликнула Нелли.

Миссъ Сильвестръ слегка покраснѣла и утвердительно кивнула головой.

— Не Чарли Лайонсъ?

— Нѣтъ.

— Такъ сэръ Джонъ Амори?

— Да.

— Ну, я рада; т. е., если тебѣ ужь такъ хочется сдѣлать глупость и выйти замужъ,—со вздохомъ замѣтила Нелли.—Я думаю, что ты любишь его, но ты уже никогда не будешь опять *моей* Мери. Все бѣжитъ отъ меня, — прибавила она печально,—даже и ты.

Она обняла миссъ Сильвестръ за шею, теребя ея гладко причесанные локоны, и, запустивъ два пальчика за ея ослѣпительно бѣлый воротникъ, изрѣдка трясла за него, причемъ сильно страдалъ безукоризненный туалетъ ея кузины. Но миссъ Сильвестръ переносила все это, какъ овечка.

— Никакіе Джоны Амори на свѣтѣ не могутъ разлучить меня съ тобой,—сказала она нѣжно, разглаживая короткія кудри молодой дѣвушки.

— Но въ концѣ концовъ ты не особенно лестнаго мнѣнія о твоемъ Джонѣ,—внезапно расхохоталась Нелли.—Тебѣ нравится мужъ, который можетъ всѣхъ подчинить своей волѣ,

молчанія.—Она останется при мнѣ,—прибавила она, указывая на свою скрипку.

— Такъ бери ее и уходи; я покончилъ съ тобой. Посмотримъ, что сдѣлаетъ для тебя этотъ кусокъ дерева,—сказалъ онъ, дрожа отъ гнѣва и огорченія.—Посмотримъ, дастъ ли онъ тебѣ столько, чтобы вознаградить за замокъ Карбайнъ и всѣ принадлежащія къ нему земли.

— Ты, право, слишкомъ вульгарно выражаешься, дѣдушка,—отвѣчала она, взявъ скрипку и направляясь къ дверямъ.—Въ твоемъ родѣ, вѣроятно, былъ когда нибудь богатый буржуа. Ты думаешь, что деньги составляютъ все, а я такъ не думаю. Ты грозилъ мнѣ, ты сказалъ, что лишишь меня наслѣдства—ты не скажешь этого два раза.

— Не думаю, чтобы мнѣ пришлось это сдѣлать,—сказалъ онъ ласково.—Ты подумаешь и перестанешь говорить глупости.

— Я, конечно, не выду за Ноэля, если ты намекаешь на это.

— Но почему же нѣтъ? Что ты можешь сказать противъ него? Онъ молодъ, красивъ, богатъ...

— Не скажу ничего. Онъ, быть можетъ, и безпорочнъ, мнѣ все равно. Фактъ тотъ, что я не хочу выходить ни за кого. Я,—она остановилась и продолжала трагическимъ тономъ,—я уже замужемъ!

— Что?—воскликнулъ старикъ.

— Да, замужемъ за ней, за моей скрипкой, — отвѣчала она, смѣясь противъ воли, и съ невыразимой граціей прижимаясь своей прелестной разгорѣвшейся щечкой къ прекрасному инструменту, который прижимала къ своему сердцу.

— Оставь эти глупости,—сказалъ лордъ Карбайнъ.—Ступай. Ты слышала мое рѣшенье. Подумай о немъ, совѣтую тебѣ.

— Меня не легко испугать, — отвѣчала она тихимъ и страннымъ голосомъ. Дѣйствительно, въ эту минуту ей казалось даже пріятнымъ остаться одной на свѣтѣ со своей скрипкой. Она поможетъ ей составить себѣ состояніе. Этотъ странный человѣкъ, м-ръ Барбауръ, намекалъ ей на чудные виды въ будущемъ, во время того вечера, наканунѣ ея отъѣзда изъ города, двѣ недѣли тому назадъ. Свѣжесть мягкаго

деревенскаго воздуха не утолила желанія, возбужденнаго его словами. О! быть свободной! Правда, она будетъ бѣдна, но передъ ней богатство и смутная надежда, что со временемъ дуновеніе славы коснется и ея головки. Спастись отъ насильственнаго брака,—и, главное, отъ брака съ Ноэлемъ! Съ человѣкомъ, который смѣялся надъ ея желаніемъ избрать публичную карьеру и говорилъ, что она не создана для нея. Ну, она покажетъ ему!

Всѣ эти мысли проносились въ ея непокорной душѣ въ то время, какъ она стояла тутъ, безсознательно теребя розы въ красивой этрусской вазѣ, стоявшей рядомъ съ нею, между тѣмъ какъ ея дѣдъ продолжалъ бушевать и произносилъ слова, въ которыхъ будетъ раскаиваться завтра.

— Главное,—кричалъ онъ,—я считаю Ноэля единственнымъ человѣкомъ на свѣтѣ, который можетъ быть мужемъ такого настойчиваго ребенка, какъ ты. У него характеръ и разумъ за двоихъ. Онъ хорошо будетъ держать тебя въ рукахъ и сдерживать твои глупыя бредни.

— Онъ никогда не будетъ сдерживать меня,—сказала она слегка дрожащимъ голосомъ и, не прибавивъ ни слова, высоко поднявъ свою хорошенькую, гордую головку, направилась къ дверямъ. Тамъ она остановилась и повернула къ нему блѣдное, но рѣшительное личико. „Ты сказалъ свое послѣднее слово, дѣдушка,—сказала она,—а я сказала свое!“

IV.

Мери Сильвестръ умоляетъ напрасно.

Проходя черезъ залу, чтобъ уйти въ свою комнату никѣмъ не замѣченной, она вдругъ услышала за собой нѣжный голосъ.

— Что такое, Нелли? Ты такъ спѣшишь, и какой у тебя сердитый видъ! Иди сюда и разскажи мнѣ все,—сказала кузина, взявъ ее за руку и увлекая за собой въ маленькую гостинную.—Все та же старая исторія, я думаю. Лордъ Карбайнъ хочетъ, чтобы ты вышла за Ноэля, а ты...

— Замолчи!—рѣзко отвѣчала миссъ Ферфаксъ. Она не-

II.

М-ръ Барбауръ недоволенъ.

„О, кто легкомысленно скажетъ, что
слава не болѣе, какъ звукъ пустой?!“

Когда хорошенькая героиня вечера въ послѣдній разъ провела смычкомъ по скрипкѣ и быстро удалилась въ другую комнату подъ прикрытіемъ заслуженныхъ рукоплесканій, высокій, плотно сложенный мужчина, внимательно и безмолвно слушавшій ея игру, внезапно обратился къ своему сосѣду.

— Она артистка по профессіи?—спросилъ онъ съ легкимъ смущеніемъ.

—Боже мой, нѣтъ!—смѣясь, отвѣчалъ сэръ Джонъ Амори.— Впрочемъ, вашъ вопросъ не особенно удивляетъ меня. Она хорошо играетъ, не правда ли?

— Играетъ? Это поразительно! Такъ она не артистка по профессіи?—повторилъ онъ успокоившимся голосомъ. *Такая* артистка по профессіи, а онъ бы этого не зналъ! Нѣтъ, свѣтъ еще не пришелъ къ концу!

— Она только любительница. Развѣ вы прежде не слыхали ея? Ваше невѣжество, милый Барбауръ, поразительно. Не знать ея—значитъ самому быть неизвѣстнымъ. Такъ гдѣ же вы были, что не видали ея здѣсь или въ другихъ домахъ въ продолженіе сезона?

— Я ненавижу давку, и очень рѣдко бываю тамъ, гдѣ она есть, — отвѣчалъ Барбауръ, защищаясь. — И я думаю, такой давки не бываетъ нигдѣ, кромѣ самыхъ строго приличныхъ салоновъ. Кто она? Трудно повѣрить, что она такое незначительное созданье, какъ любительница.

— Пустое значеніе этого слова, конечно, только насмѣшка для нея, но она не можетъ избѣжать этого... Она—леди Элеонора Ферфаксъ, внучка стараго лорда Карбайна и наслѣдница его громаднаго состоянія.

— Богатая наслѣдница и артистка,—вздохнулъ Барбауръ.

— Понимаю, что вы хотите сказать. Да, она очень значительная особа сама по себѣ, если даже исключить ея чудный талантъ.

— Ба! Какая глупость; мать-природа должна постыдиться самой себя, — сказалъ Барбауръ, тряхнувъ своей львиной головой.—Я могъ бы составить состояніе этой дѣвушки, а она уже обладаетъ имъ безъ моей помощи. Это ни съ чѣмъ несравнимая несправедливость.

— Вы никогда не можете отрѣшиться отъ сцены,—шутливо сказалъ сэръ Джонъ Амори.—Вы не хотите дать бѣднымъ богачамъ насладиться прелестями жизни. Пожалуйста, постарайтесь снизойти на минуту до насъ и согласитесь, что талантъ можетъ быть полезенъ и частному лицу, еслибы даже ему и не было необходимости зарабатывать посредствомъ него свой хлѣбъ.

— Я снизошелъ, — любезно отвѣчалъ Барбауръ,—но не могу не подумать, что такой геніальный талантъ, какъ у нея, былъ бы неизмѣримо полезнѣе какому нибудь бѣдняку, не имѣющему ни копѣйки.—Въ словахъ его звучала искренняя нотка, хотя онъ и произнесъ ихъ шутливо. Когда-то великолѣпный актеръ, оставившій сцену вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, онъ былъ теперь директоромъ одного изъ самыхъ популярныхъ театровъ въ городѣ, авторитетомъ среди артистовъ, знакомства съ которымъ добивался весь фэшёнебельный Лондонъ. Онъ былъ человѣкъ очень добрый, съ сердцемъ.

Сэръ Джонъ, молодой человѣкъ лѣтъ тридцати или немного болѣе, разсмѣялся.

— Вы видимо сердитесь на миссъ Ферфаксъ за обладаніе божественной искрой,—сказалъ онъ.—Не говорите ей этого, она не проститъ вамъ. Кровь Ферфаксовъ славится своей горячностью, а она, говорятъ, получила хорошую долю ея въ наслѣдство при рожденіи.

— Я вовсе не сержусь на нее,—отвѣчалъ Барбауръ,—я только говорю себѣ: „вотъ удобный случай для кого бы то ни было“. А онъ поглощенъ дѣвочкой, которая въ немъ совсѣмъ не нуждается,—богатой дѣвочкой, еще надѣленной красотой, сверхъ всего.

— Конечно, въ вашемъ смыслѣ, это несправедливо.

— Это чудовищно! Паганини въ юбкѣ, и все даромъ.

— Несовсѣмъ такъ. Миссъ Ферфаксъ находитъ главное наслажденіе жизни въ своемъ талантѣ. Геній, мой милый другъ! И посредствомъ него она смягчаетъ злобу своего ужас-

наго, дикаго дѣда. Его припадки гнѣва обратились въ пословицу, и только она и ея скрипка могутъ иногда заставить его успокоиться.

— Мы, кажется, рѣшились обратить ее въ мальчика,— разсмѣялся Барбауръ.—Сначала я возвелъ ее въ Паганини, а теперь вы хотите представить ее Давидомъ, играющимъ передъ Сауломъ. Странная мысль! Я думаю, что изъ нея можно что нибудь сдѣлать,—прибавилъ онъ въ раздумьѣ.

— О, оставьте, прошу васъ, — сказалъ Амори съ умоляющимъ жестомъ,—забудьте на минуту вашу возлюбленную сцену.

— Хорошо, хорошо,—отвѣчалъ Барбауръ, никогда не терявшій хорошаго расположенія духа. „Смѣйся и толстѣй", сказалъ одинъ веселый древній мудрецъ, и это мудрое изреченіе вполнѣ оправдывалось въ лицѣ полнаго весельчака, фигура котораго, даже во времена Самсона, могла бы назваться необычайной. — Но все же, — продолжалъ онъ,—вы должны признаться, что ея внѣшность подходитъ къ мужской. Ея маленькая стриженая головка съ своими густыми кудрями отлично могла бы принадлежать мальчику. Право, это досадно—сказалъ онъ, поглаживая свою бороду: — красота и геній за разъ помѣстились подъ такой маленькой крышей.

— Но очень хорошо покрытой! — замѣтилъ Амори.— Ея кузина, миссъ Сильвестръ—вы вѣрно знаете ее?—очень ее любитъ.—Повидимому, по мнѣнію сэра Джона, расположеніе миссъ Сильвестръ служило доказательствомъ всякихъ добродѣтелей.

— Миссъ Сильвестръ—ея кузина? Ого! такъ у нея есть и двоюродный братъ,—внезапно припомнилъ Барбауръ.—Полковникъ Дальримпль—онъ служитъ въ лейбъ-гвардіи.

— Вы знаете его?

— Даже очень хорошо. Вѣдь онъ помолвленъ съ ней?

— Этого никто не знаетъ навѣрное. Во всякомъ случаѣ, это еще не рѣшено. Но въ свѣтѣ говорятъ объ этомъ. Старикъ, лордъ Карбайнъ, вполнѣ за этотъ бракъ, и такъ какъ онъ человѣкъ очень деспотичный,—а она вполнѣ зависитъ отъ него,—вѣроятно, дѣло тѣмъ и кончится.

— Ну, нѣтъ, если она воспротивится,—сказалъ Барбауръ,

рой обмѣнялись многими непріятными словами и изъ которой онъ, какъ всегда, вышелъ совсѣмъ не побѣдителемъ.

— Ты увидишь, мой милый другъ, — сказалъ Дикки,— Мери и я будемъ играть противъ тебя и Нелли, и ты у насъ запищишь, какъ воробей.

— О, нѣтъ! — быстро возразила Нелли. — Ты со мной играй, Дикки... право, — прибавила она заискивающимъ тономъ,—я вовсе не такъ плоха.

— Я отказываюсь разбирать твои нравственныя достоинства, — строго отвѣчалъ м-ръ Сильвестръ. — Если ты даже такъ черна, какъ тебя малюютъ, я не желаю выказывать твоихъ недостатковъ. Но, что касается игры въ теннисъ, ты оставляешь желать многаго, между тѣмъ какъ Дальримпль— ничего... Понимаешь?

— Я думаю, что ты могъ бы попробовать со мной этотъ разъ, — прошептала она съ намѣреніемъ быть услышанной только имъ.

— Твое предпочтеніе къ моему обществу,—возразилъ м-ръ Сильвестръ громко и весело, — необыкновенно лестно для меня. Но такъ какъ я хочу выиграть эту игру, мое милое дитя, позволь сказать, что мы съ тобой противъ Мери и Дальримпля не будемъ имѣть ни малѣйшихъ шансовъ заслужить лавровый вѣнокъ.

— Если ты не хочешь играть со мной, Элеонора, отчего ты не скажешь сразу, — холодно сказалъ Дальримпль. Это былъ высокій, красивый, молодой офицеръ съ темными глазами, темными волосами и такими же усами. Нельзя было сомнѣваться, что горячая кровь Карбайновъ текла и въ его жилахъ, въ то время какъ онъ стоялъ теперь, смотря на стройную, маленькую дѣвушку, презрительно поглядывавшую на него черезъ плечо, изъ подъ полуопущенныхъ рѣсницъ.

— Это несовсѣмъ такъ,—медленно произнесла она.—Мнѣ просто больше хочется играть съ Дикки. Онъ никогда не бываетъ грубъ со мной, когда я не попадаю въ цѣль.

— Такъ ты хочешь сказать, что я бываю грубъ?

Между тѣмъ, Мери Сильвестръ и ея братъ отошли,—послѣдній, чтобы протянуть сѣть, а первая, чтобы не слыхать ихъ ссоры.

— Въ этомъ случаѣ не болѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ.

— Надѣюсь, нѣтъ,—серьезно сказалъ Барбауръ.—Но, если я когда нибудь буду въ состояніи протянуть ей руку помощи, мнѣ будетъ пріятно сдѣлать это. Изо всего, что вы мнѣ сказали, я вижу, что ссора ея съ дѣдомъ очень возможна.

— Вѣчный драматическій инстинктъ! вы неизлѣчимы,— сказалъ Амори, качая головой.

— Что же,—отвѣчалъ Барбауръ,—мнѣ дѣйствительно кажется, что она непокорна, если только я не полный невѣжда въ знаніи людей. И я многимъ помогъ составить себѣ состояніе или—вернуться въ семью, смотря по обстоятельствамъ.

— Знаю, знаю,—сказалъ Амори, которому были не безъизвѣстны многіе случаи, гдѣ Барбауръ невольно игралъ роль ангела.

— Вы представите меня? — сказалъ послѣдній, прерывая воспоминанія Амори.

— Съ удовольствіемъ. Она съ ума сходитъ по „профессіи", какъ вы выражаетесь,—значитъ, вы можете быть увѣрены въ хорошемъ пріемѣ. Идемте сюда; я видѣлъ сейчасъ, что она прошла съ Дикки Сильвестромъ въ столовую.

III.

Буря.

— Нѣтъ, дѣдушка, я не хочу!

— А я говорю тебѣ, что это будетъ!

— Ты говоришь мнѣ новость,—отвѣчала миссъ Ферфаксъ со слегка презрительной улыбкой.

— Сядь, Элеонора, я желаю покончить съ этимъ дѣломъ разъ навсегда. Твой двоюродный братъ не только согласенъ уступить моему желанію и жениться на тебѣ, но онъ страстно любитъ тебя.

— Вотъ какъ!—быстро воскликнула миссъ Ферфаксъ.

— Пожалуйста, безъ этихъ восклицаній!—закричалъ лордъ Карбайнъ, уже выведенный изъ себя и выказывая всѣ признаки начинающагося припадка бѣшенства.—Неужели ты думаешь, что такая глупая дѣвчонка, какъ ты, можетъ разстроить мои планы? Говорю тебѣ, что я всѣмъ сердцемъ же-

ію этого брака; я проживу не долго и на свѣтѣ нѣтъ ни ши, чтобы принять тебя, когда я умру! Слѣдовательно,— ъ сильно ударилъ костылемъ въ полъ,—ты должна выйти мужъ еще при моей жизни, чтобъ я могъ быть увѣренъ въ оемъ счастьѣ, прежде чѣмъ тѣло мое будетъ предано землѣ.

Безконечная ласка, любовь и грусть заключались въ ихъ словахъ, но, къ несчастію, запальчивость, съ которой ъ произнесъ ихъ, скрыла все это отъ нея.

— Я сама могу позаботиться о себѣ, — отвѣчала она рачно, двигая маленькой ножкой по темному узору персид-каго ковра.

— Вотъ этого-то ты и не можешь съ твоимъ адск... гм! и! Я никогда не видалъ дѣвушки, которая бы такъ умѣла ыводить меня изъ себя. Ты не можешь заботиться о себѣ. вое единственное желаніе—бросить цивилизованную жизнь попытать счастья на сценѣ.

— О, нѣтъ, не на сценѣ,—возразила она.

— Сцена, концертная зала—это все равно. Ты вообра-аешь обладать геніемъ, оттого что можешь сыграть двѣ— и порядочныя пьесы на твоей скрипкѣ; но я говорю тебѣ...

— Ну, такъ если ты презираешь мою скрипку,—сказала на, схвативъ этого возлюбленнаго своего друга и готовясь далиться,—тебѣ, значитъ, нѣчего слушать ее сегодня, мнѣ езачѣмъ было и приходить сюда! И какой же ты притвор-икъ, дѣдушка, — обратилась она къ нему со сверкающими лазами,—ты такъ часто говорилъ мнѣ, что моя игра достав-яетъ тебѣ удовольствіе.

— Доставлять удовольствіе старику—одно, а нравиться бразованной публикѣ—совсѣмъ другое. Куда же ты идешь, леонора. Садись, говорю я тебѣ. Ты совсѣмъ не поняла ня относительно предложенія Ноэля.

— Боже мой! Что же тутъ понимать!—воскликнула она, топ-въ ногой. — Ты хочешь, чтобъ я вышла за него, а я не очу. Все это видно, какъ на ладони. Это все пустяки и по-ѣда на моей сторонѣ. Я никогда не выду за него.

— Такъ я лишу тебя наслѣдства,—закричалъ дѣдъ, стуча остылемъ объ полъ. — Ты понимаешь это, надѣюсь. Ни одного пенни, ни одного пенни!

— Мнѣ все равно,—сказала она послѣ продолжительнаго

молчанія.—Она останется при мнѣ,—прибавила она, указывая на свою скрипку.

— Такъ бери ее и уходи; я покончилъ съ тобой. Посмотримъ, что сдѣлаетъ для тебя этотъ кусокъ дерева,—сказалъ онъ, дрожа отъ гнѣва и огорченія.—Посмотримъ, дастъ ли онъ тебѣ столько, чтобы вознаградить за замокъ Карбайнъ и всѣ принадлежащія къ нему земли.

— Ты, право, слишкомъ вульгарно выражаешься, дѣдушка,—отвѣчала она, взявъ скрипку и направляясь къ дверямъ.—Въ твоемъ родѣ, вѣроятно, былъ когда нибудь богатый буржуа. Ты думаешь, что деньги составляютъ все, а я такъ не думаю. Ты грозилъ мнѣ, ты сказалъ, что лишишь меня наслѣдства—ты не скажешь этого два раза.

— Не думаю, чтобы мнѣ пришлось это сдѣлать,—сказалъ онъ ласково.—Ты подумаешь и перестанешь говорить глупости.

— Я, конечно, не выду за Ноэля, если ты намекаешь на это.

— Но почему же нѣтъ? Что ты можешь сказать противъ него? Онъ молодъ, красивъ, богатъ...

— Не скажу ничего. Онъ, быть можетъ, и безпороченъ, мнѣ все равно. Фактъ тотъ, что я не хочу выходить ни за кого. Я,—она остановилась и продолжала трагическимъ тономъ,—я уже замужемъ!

— Что?—воскликнулъ старикъ.

— Да, замужемъ за ней, за моей скрипкой, — отвѣчала она, смѣясь противъ воли, и съ невыразимой граціей прижимаясь своей прелестной разгорѣвшейся щечкой къ прекрасному инструменту, который прижимала къ своему сердцу.

— Оставь эти глупости,—сказалъ лордъ Карбайнъ.—Ступай. Ты слышала мое рѣшенье. Подумай о немъ, свѣтую тебѣ.

— Меня не легко испугать, — отвѣчала она тихимъ и страннымъ голосомъ. Дѣйствительно, въ эту минуту ей казалось даже пріятнымъ остаться одной на свѣтѣ со своей скрипкой. Она поможетъ ей составить себѣ состояніе. Этотъ странный человѣкъ, м-ръ Барбауръ, намекалъ ей на чудные виды въ будущемъ, во время того вечера, наканунѣ ея отъѣзда изъ города, двѣ недѣли тому назадъ. Свѣжесть мягкаго

пѣливо возразила ея подруга.—Ты знаешь, что онъ гораздо красивѣе половины всѣхъ мужчинъ, которыхъ мы встрѣчаемъ.

— Я ненавижу выраженіе его глазъ. Такое насмѣшливое и мрачное. Я увѣрена, что онъ желалъ бы всѣхъ подчинить своей волѣ.

— Мнѣ это нравится въ мужчинѣ.

— Да? — возразила Элеонора, пожимая плечами.—Мнѣ кажется, тебѣ все въ немъ нравится. Право, Мери,—продолжала она, садясь на столъ возлѣ миссъ Сильвестръ и со страстной надеждой заглядывая ей въ глаза,—я вижу средство выйти изъ этого затрудненія. Вѣдь ты не можешь желать ничего лучшаго, какъ такое совершенство, — не правда ли? Отчего тебѣ самой не выйти за Ноэля!

Миссъ Сильвестръ разсмѣялась.

— Во-первыхъ, потому что онъ не дѣлалъ мнѣ предложенія; во-вторыхъ, потому что...

— Другой сдѣлалъ его тебѣ!—воскликнула Нелли.

Миссъ Сильвестръ слегка покраснѣла и утвердительно кивнула головой.

— Не Чарли Лайонсъ?

— Нѣтъ.

— Такъ сэръ Джонъ Амори?

— Да.

— Ну, я рада; т. е., если тебѣ ужь такъ хочется сдѣлать глупость и выйти замужъ,—со вздохомъ замѣтила Нелли.—Я думаю, что ты любишь его, но ты уже никогда не будешь опять *моей* Мери. Все бѣжитъ отъ меня, — прибавила она печально,—даже и ты.

Она обняла миссъ Сильвестръ за шею, теребя ея гладко причесанные локоны, и, запустивъ два пальчика за ея ослѣпительно бѣлый воротникъ, изрѣдка трясла за него, причемъ сильно страдалъ безукоризненный туалетъ ея кузины. Но миссъ Сильвестръ переносила все это, какъ овечка.

— Никакіе Джоны Амори на свѣтѣ не могутъ разлучить меня съ тобой,—сказала она нѣжно, разглаживая короткія кудри молодой дѣвушки.

— Но въ концѣ концовъ ты не особенно лестнаго мнѣнія о твоемъ Джонѣ,—внезапно расхохоталась Нелли.—Тебѣ нравится мужъ, который можетъ всѣхъ подчинить своей волѣ,

терпѣливо высвободилась изъ рукъ своей подруги и бросилась на низенькое кресло.—Это было худшее изъ нашихъ столкновеній,—прибавила она съ дѣланнымъ смѣхомъ.—Онъ хочетъ лишить меня наслѣдства, если я не выду за Ноэля; слѣдовательно—я лишена его.

— О, нѣтъ!—быстро возразила Мери Сильвестръ.—Это была высокая, изящная дѣвушка лѣтъ двадцати четырехъ, съ правильными чертами лица и спокойнымъ, серьезнымъ выраженіемъ. Она не потрудилась бы сдѣлаться врагомъ, но навѣрное съумѣла бы быть другомъ. Что она была вполнѣ свѣтской женщиной, это могъ бы замѣтить самый поверхностный наблюдатель. Она глядѣла теперь смущенной, смотря на страстно-взволнованное личико своей маленькой подруги.—До этого никогда не дойдетъ,—прибавила она.

— Но увѣряю тебя: дѣдушка во что бы то ни стало желаетъ этой свадьбы, а я во что бы то ни стало желаю противнаго. Онъ не уступитъ, не уступлю и я.

— Но почему же нѣтъ, моя дорогая?—кротко сказала Мери.—Что ты можешь сказать противъ полковника Дальримпля? Онъ богатъ...

— Я ненавижу деньги! Деньги мнѣ надоѣли. Мнѣ такъ часто говорятъ о нихъ, что я чувствую наконецъ, что мнѣ безъ нихъ будетъ гораздо лучше.

— Онъ молодъ и...

— Молодъ!..

— Конечно, совсѣмъ молодъ! Ему только тридцать лѣтъ.

— Что жъ изъ этого, если онъ глядитъ сорокалѣтнимъ, а серьезенъ и мраченъ, какъ пятидесятилѣтній старикъ. Знаешь, Мери, по моему, онъ достаточно старъ, чтобы быть своимъ собственнымъ отцомъ. Я не хочу выходить за мертвую голову.

— За что онъ бранилъ тебя въ послѣднее время?—спросила миссъ Сильвестръ, улыбаясь.

— Все равно. Когда же онъ не читаетъ мнѣ наставленій за что нибудь?

— Такъ вернемся къ его совершенствамъ. Ты не можешь, по крайней мѣрѣ, отрицать, что онъ красивъ.

— Не могу? Я считаю его положительно безобразнымъ.

— Ты рѣшительно хочешь быть слѣпой,—немного нетер-

пѣливо возразила ея подруга.—Ты знаешь, что онъ гораздо красивѣе половины всѣхъ мужчинъ, которыхъ мы встрѣчаемъ.

— Я ненавижу выраженіе его глазъ. Такое насмѣшливое и мрачное. Я увѣрена, что онъ желалъ бы всѣхъ подчинить своей волѣ.

— Мнѣ это нравится въ мужчинѣ.

— Да? — возразила Элеонора, пожимая плечами.—Мнѣ кажется, тебѣ все въ немъ нравится. Право, Мери,—продолжала она, садясь на столъ возлѣ миссъ Сильвестръ и со страстной надеждой заглядывая ей въ глаза,—я вижу средство выйти изъ этого затрудненія. Вѣдь ты не можешь желать ничего лучшаго, какъ такое совершенство, — не правда ли? Отчего тебѣ самой не выйти за Ноэля!

Миссъ Сильвестръ разсмѣялась.

— Во-перзыхъ, потому что онъ не дѣлалъ мнѣ предложенія; во-вторыхъ, потому что...

— Другой сдѣлалъ его тебѣ!—воскликнула Нелли.

Миссъ Сильвестръ слегка покраснѣла и утвердительно кивнула головой.

— Не Чарли Лайонсъ?

— Нѣтъ.

— Такъ сэръ Джонъ Амори?

— Да.

— Ну, я рада; т. е., если тебѣ ужь такъ хочется сдѣлать глупость и выйти замужъ,—со вздохомъ замѣтила Нелли.—Я думаю, что ты любишь его, но ты уже никогда не будешь опять *моей* Мери. Все бѣжитъ отъ меня, — прибавила она печально,—даже и ты.

Она обняла миссъ Сильвестръ за шею, теребя ея гладко причесанные локоны, и, запустивъ два пальчика за ея ослѣпительно бѣлый воротникъ, изрѣдка трясла за него, причемъ сильно страдалъ безукоризненный туалетъ ея кузины. Но миссъ Сильвестръ переносила все это, какъ овечка.

— Никакіе Джоны Амори на свѣтѣ не могутъ разлучить меня съ тобой,—сказала она нѣжно, разглаживая короткія кудри молодой дѣвушки.

— Но въ концѣ концовъ ты не особенно лестнаго мнѣнія о твоемъ Джонѣ,—внезапно расхохоталась Нелли.—Тебѣ нравится мужъ, который можетъ всѣхъ подчинить своей волѣ,

Джонъ же не подчинитъ себѣ и мухи. Мужъ, по твоему, долженъ быть богатъ; Джонъ не особенно богатъ, не такъ ли? Мужъ долженъ быть красивъ—но какъ же? Вѣдь Джонъ некрасивъ, не правда ли?

— Нѣтъ, — смѣясь, призналась Мери Сильвестръ. — А между тѣмъ,—прибавила она съ горячимъ румянцемъ на щекахъ,—знаешь, Нелли, бываютъ минуты, когда онъ кажется мнѣ красавцемъ.

Эти слова такъ восхитили ея подругу, что она, забывъ свои печали и новое рѣшеніе, возникавшее въ ея умѣ, залилась звонкимъ смѣхомъ.

— О! что̀ значитъ быть влюбленной! Да сохранитъ меня небо отъ такой глупости. Но я скажу тебѣ одно, Мери: по моему, онъ въ десять разъ красивѣе Ноэля со всей его хваленой красотой. Дай мнѣ любящаго мужа, а не чудовище.

— Дорогая Нелли! Ноэль—нѣжнѣйшій человѣкъ въ мірѣ!

— Такъ думаетъ свѣтъ. Я одна знаю его. Еслибъ я вышла за него, я знаю, что первымъ его дѣломъ было бы запретить мнѣ играть на скрипкѣ, исключая какъ въ моей комнатѣ или для него одного,—прибавила она съ легкой гримаской.— Жаль, что ты не видала его глазъ на вечерѣ у леди Свансдоунъ, когда всѣ рукоплескали мнѣ. Они буквально горѣли. Нѣтъ, его убѣжденія достойны временъ обскурантизма. Женщина должна знать свое мѣсто. Жена—достояніе своего мужа и не должна никогда, никогда привлекать къ себѣ восхищеніе толпы.

— Ты описываешь его страннымъ консерваторомъ, онъ...

— Ты произнесла настоящее слово, котораго я искала. Онъ вполнѣ консерваторъ. Зачѣмъ онъ сердится за то, что Богъ далъ мнѣ талантъ, которымъ другіе мужчины могутъ восхищаться, а онъ не можетъ?

— Можетъ быть, онъ ревнуетъ къ остальнымъ мужчинамъ.

— Скажи ему это,—сказала миссъ Ферфаксъ съ лукавой усмѣшкой.—Ты увидишь, какъ это ему понравится. Мужчина, который гордится своей твердой волей и вдругъ дѣлается добычей такого вульгарнаго чувства!

— А, можетъ быть, это и вѣрно, Нелли,—отвѣчала Мери съ легкимъ смущеніемъ.—Но отвѣть мнѣ на одинъ вопросъ,

хочешь? и не сердись за него. Лордъ Дартфордъ?.. онъ не нравится тебѣ?

— Сколько разъ говорить тебѣ, что мнѣ не нравится никто, кромѣ моей скрипки? — Но внимательное ухо миссъ Сильвестръ уловило какъ бы легкое признаніе въ короткомъ смѣхѣ, сопровождавшемъ этотъ отвѣтъ, не смотря на его кажущуюся безпечность.

— Я рада этому, — серьезно сказала она, глядя на прелестное, подвижное личико своей подруги. — Онъ былъ бы послѣднимъ—самымъ послѣднимъ человѣкомъ, котораго близкіе люди могли бы выбрать тебѣ въ мужья.

— Даже тѣ, которые близки мнѣ, не будутъ выбирать для меня мужа,—весело сказала миссъ Ферфаксъ. — Платье, ленту, даже шляпу, если хочешь, но не спутника моей жизни. Я оставляю за собой выборъ этого безпокойнаго и, дѣйствительно, невѣроятнаго субъекта.

— Ну, такъ не выбирай Дартфорда,—серьезно замѣтила миссъ Сильвестръ.

— Развѣ ты думаешь, что Ноэль настолько выше его? Я не думаю этого. По крайней мѣрѣ, лордъ Дартфордъ любитъ музыку. Какое у него тушэ! Когда онъ акомпанируетъ мнѣ, я чувствую, что нельзя желать ничего бо̀льшаго.

— Можно, Нелли, и очень многаго!

— Для такой прозаичной старухи, какъ ты—да! Ты почти также плоха, какъ Ноэль. Но для такой глупой энтузіастки, какъ я, нечего желать болѣе, говорю тебѣ—нечего. Въ тотъ вечеръ у Муръ... Какъ онъ сыгралъ эту „Rêverie“! Я готова была плакать.

— Но ты не заплакала,—холодно замѣтила Мери Сильвестръ, желая охладить ея восторгъ. Къ несчастью, ея подруга слишкомъ хорошо знала ее. Миссъ Ферфаксъ насмѣшливо смотрѣла на Мери. Ея красивыя брови приподнялись, углы губъ опустились и лукавое выраженіе освѣтило темные глаза.

— Нѣтъ, не заплакала, и это не говоритъ въ мою пользу, Мери. Ты знаешь слова Шекспира:

«Тотъ, кто не носитъ звуковъ музыки въ себѣ;
Кого не трогаетъ созвучье нѣжныхъ тоновъ.—
Способенъ на измѣну и злодѣйство».

— Но прочти это наоборотъ, и ты получишь портретъ Дартфорда. Онъ любитъ музыку, въ этомъ ты должна сознаться и, слѣдовательно, всѣ дурныя мысли и чувства далеки отъ него. Счастливый Дартфордъ!—воскликнула она съ горячимъ восхищеніемъ, всплеснувъ руками.—Я бы хотѣла, чтобы всѣ были похожи на него. Знаешь, Мери, я боюсь, что Ноэля никогда не трогаетъ „созвучье нѣжныхъ тоновъ".

«Движенія его мрачны, какъ ночь,
Его любовь темнѣе, чѣмъ Эребъ;
Не довѣряй такому человѣку».

— Замѣть это: „Его любовь темнѣе, чѣмъ Эребъ". И потомъ: „Не довѣряй такому человѣку". Мнѣ жаль бѣднаго Ноэля.

— Глупости!—разсердилась Мери.—Ты не должна такъ говорить о немъ.

Миссъ Ферфаксъ залилась смѣхомъ.

— Все таки онъ скучный человѣкъ,—прибавила она, зѣвая.—Въ немъ нѣтъ музыки. Ни одной нотки, ни малѣйшаго звука. Музыка и доброта—родныя сестры, ты знаешь.

— Ты совсѣмъ ложно понимаешь его,—горячо возразила подруга.—Ты заставляешь себя считать его настойчивымъ и строгимъ, и думаешь, что онъ не любитъ тебя и равнодушно относится къ твоему таланту; въ дѣйствительности же онъ, какъ школьникъ, безумно влюбленъ въ тебя, и ты могла бы вить веревки изъ него, еслибы хотѣла.

— Ну, а я не хочу; я вѣрю, что создана для лучшихъ цѣлей,—сказала миссъ Ферфаксъ съ шаловливой гримаской.—О! Мери, скажи искренно — вѣришь ли ты, что я обладаю талантомъ? Вѣришь ли, что, еслибъ я родилась бѣдной дѣвушкой, безъ одной собственной копѣйки, я могла бы составить себѣ состояніе посредствомъ него? Вотъ въ чемъ задача!

— Я, дѣйствительно, вѣрю въ это,—отвѣчала Мери, удивленная ея серьезностью, но, къ несчастью, не понявшая значенія ея словъ.—Но ты должна быть благодарна, дорогая, что разрѣшеніе этой задачи не требуется отъ тебя.

— Да, да, конечно,—быстро отвѣчала Нелли.—Но мнѣ бы хотѣлось попробовать.

— Поступить на сцену,—хочешь ты сказать?

— Несовсѣмъ такъ. Но играть въ концертѣ передъ настоя-

щей публикой, понимаешь? Играть въ частныхъ обществахъ— не значитъ ничего; тамъ всѣ льстятъ, говорятъ комплименты; но видѣть у своихъ ногъ весь свѣтъ, хотя на одно только маленькое, маленькое мгновенье!..

— Благодари судьбу, что этого не можетъ быть,—съ непривычной для нея рѣзкостью сказала миссъ Сильвестръ.— Такая жизнь, какую ты описываешь, скоро опротивѣла бы тебѣ. Она убила бы такое маленькое, чувствительное созданье, какъ ты. Она кажется восхитительной только издали. Но необходимость дѣйствительно работать изъ-за насущнаго хлѣба стираетъ позолоту съ такой жизни.

— Я не вѣрю этому!—запальчиво возразила Элеонора и, соскочивъ со стола, взволнованно начала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.—Жизнь, за которую ты стоишь, вяла, скучна и однообразна. Въ ней слишкомъ много мѣщанскаго комфорта—въ ней, дѣйствительно, нѣтъ ничего возвышающаго. Но въ той, другой жизни, гдѣ своимъ трудомъ покоряешь судьбу и весь міръ, заключаются самыя благородныя стремленія. О, Мери! Еслибъ я смѣла признаться тебѣ... еслибъ,— она остановилась и пристально взглянула на свою подругу,— еслибъ я могла сказать тебѣ все, что̀ заключается въ моемъ сердцѣ...

— Гдѣ вы, дѣвочки? Нелли, Мери, куда васъ занесло?.. что̀ вы здѣсь дѣлаете? вы теряете лучшее время!—воскликнулъ Дикки Сильвестръ, врываясь въ комнату и навсегда прерывая попытку миссъ Ферфаксъ къ признанію. — Дальримпль злится тамъ, что я не хочу играть съ нимъ chacun pour soi; я слишкомъ хорошо знаю его, чтобы согласиться на это, и умоляю васъ, если вы любите меня, составить намъ партію.

— Такая жара,—смѣясь, возразила его сестра.

— Знаю. Но что вы хотите? Дальримпль тоже въ горячемъ настроеніи. Онъ просто бѣснуется. Неужели вы предадите меня его гнѣву? Нелли, дорогая моя, иди спасать меня, — прибавилъ онъ, продѣвая руку подъ ея стройную ручку.

— Пойдемъ, Мери,—сказала она тономъ самоотверженія, но въ дѣйствительности благодарная Дикки за то, что онъ своимъ неожиданнымъ приходомъ далъ ей возможность сохранить

свою тайну. Ты знаешь:—когда Дикки захочетъ чего нибудь, остается только сложить руки.

— Я желала бы сложить гдѣ нибудь свое тѣло,—сказала Мери, подавляя зѣвоту.—Я никогда еще такъ не уставала. Жара ужасная и играть теперь въ теннисъ, право... Ну, если я умру, Дикки, поставь мнѣ приличный памятникъ.

V.

Дикки отличается.

Все ярко сіяло, не смотря на то, что солнце уже готовилось отказаться отъ своего престола. День былъ необыкновенно тихъ, легкій шопотъ земли и моря едва нарушалъ эту тишину. Вся природа, казалось, замолкла подъ вліяніемъ сильной жары. Но, еслибъ вы напрягли слухъ и все свое вниманіе и отрѣшились отъ мысли, что всякій шумъ замеръ, вы услышали бы стрекотанье кузнечика, спрятаннаго въ травѣ у вашихъ ногъ, шуршанье маленькихъ листочковъ, вздохи легкихъ вѣтерковъ, вчера еще бѣшено проносившихся надъ полями и лѣсами, а теперь связанныхъ и скованныхъ,—однимъ словомъ, все то, что составляетъ музыку всего міра.

Далеко на западѣ, глазъ покоился на закатѣ, болѣе прелестномъ, чѣмъ созданіе мечты. Солнце умирало, но было восхитительно въ своей смерти. Его роскошное золотое сіяніе, какъ нѣжная занавѣсь, распространялось почти на половину неба. Внизу простирался океанъ, тихій и предательскій, какъ всегда, между тѣмъ какъ по зеленымъ склонамъ, спускавшимся къ нему, стадо овецъ щипало шелковистую траву, выглядывая издали грибами, разсыпанными тамъ и сямъ. М-ръ Сильвестръ въ великолѣпномъ фланелевомъ костюмѣ, размахивая волановъ, кричалъ уже издали:

— Я нашелъ ихъ; я привелъ сюда. Теперь сразимся!

— Ну, посмотримъ,—возразилъ полковникъ Дальримпль, быстро и удивленно вскочивъ съ травы, на которой лежалъ. Онъ, дѣйствительно, былъ болѣе чѣмъ удивленъ тѣмъ, что Нелли согласилась прійти и сыграть партію съ нимъ. Они сегодня утромъ играли въ совершенно другую игру, въ кото-

рой обмѣнялись многими непріятными словами и изъ которой онъ, какъ всегда, вышелъ совсѣмъ не побѣдителемъ.

— Ты увидишь, мой милый другъ, — сказалъ Дикки,— Мери и я будемъ играть противъ тебя и Нелли, и ты у насъ запищишь, какъ воробей.

— О, нѣтъ! — быстро возразила Нелли. — Ты со мной играй, Дикки... право, — прибавила она заискивающимъ тономъ,—я вовсе не такъ плоха.

— Я отказываюсь разбирать твои нравственныя достоинства, — строго отвѣчалъ м-ръ Сильвестръ. — Если ты даже такъ черна, какъ тебя малюютъ, я не желаю выказывать твоихъ недостатковъ. Но, что касается игры въ теннисъ, ты оставляешь желать многаго, между тѣмъ какъ Дальримпль— ничего... Понимаешь?

— Я думаю, что ты могъ бы попробовать со мной этотъ разъ, — прошептала она съ намѣреніемъ быть услышанной только имъ.

— Твое предпочтеніе къ моему обществу,—возразилъ м-ръ Сильвестръ громко и весело, — необыкновенно лестно для меня. Но такъ какъ я хочу выиграть эту игру, мое милое дитя, позволь сказать, что мы съ тобой противъ Мери и Дальримпля не будемъ имѣть ни малѣйшихъ шансовъ заслужить лавровый вѣнокъ.

— Если ты не хочешь играть со мной, Элеонора, отчего ты не скажешь сразу, — холодно сказалъ Дальримпль. Это былъ высокій, красивый, молодой офицеръ съ темными глазами, темными волосами и такими же усами. Нельзя было сомнѣваться, что горячая кровь Карбайновъ текла и въ его жилахъ, въ то время какъ онъ стоялъ теперь, смотря на стройную, маленькую дѣвушку, презрительно поглядывавшую на него черезъ плечо, изъ подъ полуопущенныхъ рѣсницъ.

— Это несовсѣмъ такъ,—медленно произнесла она.—Мнѣ просто больше хочется играть съ Дикки. Онъ никогда не бываетъ грубъ со мной, когда я не попадаю въ цѣль.

— Такъ ты хочешь сказать, что я бываю грубъ?

Между тѣмъ, Мери Сильвестръ и ея братъ отошли,—послѣдній, чтобы протянуть сѣть, а первая, чтобы не слыхать ихъ ссоры.

— Въ этомъ случаѣ не болѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ.

— Воображеніе—твоя слабая струна, безъ всякаго сомнѣнія.

— Это значитъ,—гнѣвно возразила она,—что я говорю неправду!

— Это значитъ только,—запальчиво возразилъ онъ,—что я никогда въ жизни не былъ грубъ съ тобой, не смотря на твое обращеніе.

— Ну, а это что же?—презрительно засмѣялась она.—Это—эссенція вѣжливости, вѣроятно?

— Слушайте, вы!—воскликнулъ м-ръ Сильвестръ съ противоположнаго конца двора.—Прекратите ваши ссоры и становитесь въ позицію. Мы, по вашей милости, скоро не въ состояніи будемъ различать сѣтку!

Это обращеніе оказало отличное дѣйствіе. Нелли и Дальримпль, послѣ короткой внутренней борьбы, оба расхохотались и машинально стали на назначенныя имъ мѣста. Игра быстро оживилась.

— А!—воскликнулъ вдругъ Дальримпль почти безсознательно, когда Нелли не попала въ хорошо направленный мячъ. Въ его тонѣ не было упрека, въ немъ слышалось только сожалѣніе къ ея неудачѣ; но она истолковала его въ дурномъ смыслѣ.

— Вотъ! Я знала, какъ это будетъ,—обратилась она къ нему со сверкающими глазами.—Вотъ почему я ненавижу играть съ тобой. Точно ты постоянно попадаешь въ мячъ!

— Увѣряю, я хотѣлъ только сказать...

— Я очень хорошо знаю, что ты хотѣлъ сказать. Тебѣ нечего объясняться, благодарю тебя. Къ тому же, если я не сильный, ужасный мужчина, такъ это не моя вина, я думаю.

— Ты, вѣрно, устала, — сказалъ Дальримпль слишкомъ кротко.

— Нѣтъ, я не устала. Я кончу эту игру ужь только для того, чтобъ отомстить тебѣ,—отвѣчала она съ такой неловкой попыткой привести въ исполненіе свою угрозу, что Дальримпль невольно улыбнулся, чѣмъ еще увеличилъ и безъ того длинный списокъ своихъ грѣховъ.

— Боже мой! Неужели вы не можете не ссориться и пяти минутъ въ день?—воскликнулъ Сильвестръ съ негодованіемъ.—Когда я влюблюсь, я постараюсь произносить свои

нѣжныя рѣчи въ коридорахъ и на лѣстницахъ. Болѣе откровеннаго поведенія, чѣмъ ваше, я не встрѣчалъ никогда въ жизни.

— Продолжай!—сказала Нелли, яростно толкнувъ Дальримпля, вслѣдствіе чего мячъ его отлетѣлъ въ самый отдаленный уголъ двора.

— Промахъ!—воскликнулъ Сильвестръ.

— Вотъ! Это хуже, чѣмъ всѣ мои ошибки,—торжествовала Нелли.—Какъ ты разозлился!—прибавила она.

Второй мячъ упалъ невѣрно и враги начали побѣждать. Дальримпль, выведенный изъ себя, игралъ прескверно. Нечего говорить, что Дикки и его сестра выиграли игру.

— Жара слишкомъ сильна для тебя, старикъ,—сказалъ Сильвестръ шутливо, но тяжеловѣсно ударивъ Дальримпля по плечу.—Ты никогда не игралъ сквернѣе. Нелли же превзошла себя. Кажется, несутъ чай сюда? Скорѣе, Томпкинъ!—ободрительно крикнулъ онъ медлительному лакею.—Вѣдь ты не игралъ въ теннисъ, не правда ли?

Томпкинъ снизошелъ на эти слова и поспѣшилъ къ нимъ съ переполненнымъ подносомъ, широко улыбаясь.

— Наливай чай, Дикки; я слишкомъ устала,—сказала Нелли, падая на мягкій коверъ, разостланный на травѣ и давая Мери мѣсто возлѣ себя. Дикки, привыкшій исполнять эту обязанность, ловко дѣйствовалъ чайникомъ, между тѣмъ какъ Дальримпль подавалъ вкусные, горячіе пирожки.

— Теперь тебѣ, Дальримпль,—сказалъ Дикки.—Чай, кларетъ, или брэнди и сода? Конечно, чай.

— Нѣтъ, другое,—смѣясь, отвѣчалъ тотъ.

— Фи, фи!—произнесъ м-ръ Сильвестръ, уже снабженный хорошимъ стаканомъ этого моднаго напитка. — Нелли, тебѣ слѣдуетъ присмотрѣть за нимъ. Никогда не выходи за человѣка, который не находитъ удовольствія въ простомъ, хотя и слегка омерзительномъ чаѣ.

— Дикки, милый, дай мнѣ еще чашку чая,—кротко сказала Мери Сильвестръ, оборачиваясь къ своему брату,—такъ что онъ одинъ могъ видѣть ея лицо,—и дѣлая ему знаки глазами и головой, которые совершенно поставили втупикъ простосердечнаго юношу.

— У тебя болитъ что нибудь?—спросилъ онъ громкимъ

шопотомъ, предназначеннымъ только для нея.—Ты глядишь ужасно! Боже мой!—воскликнулъ онъ, когда она положительно съ яростью взглянула на него.—Тебѣ хуже, да? Выпей этого,—протянулъ онъ ей свой стаканъ съ брэнди и содой.—Это отлично для...

— Дикки!—произнесла его сестра такимъ угрожающимъ тономъ, что онъ внезапно замолкъ. Она встала и, взявъ его за руку, увлекла къ палаткѣ, гдѣ былъ приготовленъ чай. Имъ надо было во что бы то ни стало уйти отъ соучастниковъ игры, которые теперь, конечно, поняли, что она дѣлала знаки Дикки, чтобъ тотъ замолчалъ. Несчастный Дикки, все еще испуганный за нее, слѣдовалъ за нею и громкимъ шопотомъ произносилъ одинъ рецептъ за другимъ, желая помочь ея страданьямъ.

Нелли также встала. Румянецъ досады покрылъ все ея лицо до самыхъ каштановыхъ кудрей.

— Ты идешь гулять? — спросилъ Дальримпль безпечно, совершенно просто смотря ей лицо. Неужели онъ ничего не слыхалъ? Миссъ Ферфаксъ пристально посмотрѣла на него, но ничего не могла прочесть на его лицѣ. Онъ выдержалъ ея взглядъ, не сморгнувъ.

— Я иду только въ садъ, чтобы нарвать розъ къ обѣду.

— Возьми лучше меня съ собой. Если ты захочешь сорвать розы Maréchal Niels, неизвѣстно, что̀ можетъ произойти. Макъ-Фарланъ способенъ на убійство, когда дѣло касается ихъ.

— Иди, если хочешь,—отвѣчала она равнодушно.

VI.

Ревность.

Онъ принялъ это нелюбезное позволеніе, и они вмѣстѣ направились къ оранжереямъ, гдѣ знаменитыя розы Макъ-Фарлана красовались во всей своей роскоши, не смотря на приближеніе осени. Слова молодой дѣвушки, что ей нужны розы для обѣда, прозвучали въ глубинѣ души Дальримпля и, послѣ твердаго рѣшенія скорѣе умереть, чѣмъ заговорить

объ этомъ, онъ внезапно обратился къ ней съ вопросомъ, котораго именно и не хотѣлъ предлагать.

— Кто обѣдаетъ у васъ сегодня?

— Максвелли, Муры, сэръ Джонъ Амори и лордъ Дартфордъ.

— Дартфордъ! Я думалъ, онъ не вернется до сентября.

— Но онъ вернулся. Онъ пріѣхалъ вчера вечеромъ. Я сказала объ этомъ дѣдушкѣ, и онъ пожелалъ, чтобъ я послала ему свою карточку.

— Если онъ пріѣхалъ только вчера вечеромъ, какъ же ты могла послать ему карточку?

— Сегодня утромъ, конечно, а въ двѣнадцать часовъ получила его согласіе. Тебѣ это кажется страннымъ?—спросила она, бросивъ шаловливый взглядъ на его омрачившееся лицо.

— Болѣе, чѣмъ страннымъ. Если онъ вернулся только вчера вечеромъ, какъ ты успѣла узнать объ этомъ?

— Очень просто. Онъ написалъ мнѣ на прошлой недѣлѣ... изъ Парижа, кажется.

— Такъ вы переписываетесь?—Онъ поблѣднѣлъ и губы его приняли странное выраженіе. — Твой дѣдъ знаетъ и объ этомъ?

— Не знаю, — сказала она равнодушно. — Кажется, не знаетъ. Ты можешь разсказать ему.

Полковникъ Дальримпль схватилъ ее за руку и повернулъ лицомъ къ себѣ.

— Разъ навсегда, — сказалъ онъ, — ты дѣвушка, я это знаю, а я мужчина; но пойми разъ навсегда, что ты не смѣешь оскорблять меня.

— Какъ ты злишься, — сказала она, освобождаясь отъ него быстрымъ движеніемъ, — и все потому, что проигралъ партію въ теннисъ.

— Еслибъ это былъ единственный проигрышъ въ моей жизни! — сказалъ онъ тихо и печально. Ему стало стыдно за свою вспыльчивость.

— Но это не понравилось тебѣ,—сказала она.—Тебѣ очень не хотѣлось играть со мной, потому что я не попадаю въ мячи. Да, я отлично поняла, что ты хотѣлъ сказать, произнося: „ну, посмотримъ“, когда Дикки сказалъ, что побьетъ тебя въ игрѣ. Тебѣ хотѣлось играть съ Мери.

— Право, мнѣ кажется, что я и не думалъ объ этомъ,— отвѣчалъ онъ съ ледяной холодностью.

— Какъ бы ты хорошо ни игралъ въ теннисъ, ты плохо разыгрываешь роль влюбленнаго,—сказала она съ легкимъ презрительнымъ смѣхомъ.—Еслибъ у тебя было чувство, ты бы подумалъ обо мнѣ. Положимъ, мнѣ это не нужно. Я предпочитаю Дикки, какъ партнера—но все же это было бы любезнѣе, чѣмъ показать всѣмъ, какъ тебѣ скучно со мной.

— Развѣ я показалъ это?

— Ну! предоставляю судить объ этомъ самому тебѣ. Конечно, я знаю, что Мери играетъ превосходно, и я вполнѣ уступаю ей; но есть извѣстная мѣра вѣжливости, которая... Я думаю, — прибавила она быстро, сконфуженная, что воспользовалась именемъ своего лучшаго друга, чтобы помучить своего двоюроднаго брата,—я думаю, что Мери—самое милое существо на свѣтѣ.

— Миссъ Сильвестръ очаровательна, съ этимъ согласенъ весь свѣтъ,—горячо сказалъ Дальримпль. Его горячность все еще была почерпнута изъ источника гнѣва, кипѣвшаго въ немъ. И онъ такъ произнесъ эти слова, что Нелли невольно обернулась къ нему. Она ожидала не такого отвѣта и онъ нѣкоторымъ образомъ—на мгновенье—непріятно поразилъ ее. Какъ и почему? она не могла бы объяснить.

— Да, весь свѣтъ,—медленно сказала она,—и ты тоже.

— Для нея это безразлично,—сказалъ Дальримпль,—но она высоко стоитъ въ моемъ мнѣніи.

— Когда она выдетъ замужъ,—продолжала Нелли, все еще пристально смотря на него,—я лишусь своего лучшаго друга.

— Я не вижу, почему,—сказалъ онъ,—но если ты лишишься ея, это, дѣйствительно, будетъ большая потеря для тебя.

— Ты очень восхищаешься ей,—замѣтила она тихо, но пылко.—Только ты и на ней не можешь жениться,—воскликнула она съ необдуманнымъ гнѣвомъ избалованнаго ребенка.—Она выходитъ за Джона Амори!

— Нелли!—рѣзко произнесъ полковникъ Дальримпль, какъ бы пораженный ея словами.—Не говори такъ со мной!—Онъ положилъ руки на ея плечи и слегка отстранилъ отъ себя.

Заглянувъ въ его глаза, она могла бы прочесть въ нихъ чувство, которое должно бы тронуть ее, но этого не произошло.—Я не желаю жениться ни на миссъ Сильвестръ, ни на комъ либо другомъ, если не...

— А! вотъ мы и согласны,—прервала она, не обращая вниманія на то, какой могъ бы быть конецъ его фразы.—Это совсѣмъ такъ, какъ чувствую я сама. Мы сходимся въ этомъ, наконецъ. Я тоже ни за кого не желаю выходить.

— Да?—переспросилъ онъ.—Ну, а я желаю; значитъ, мы не такіе близкіе товарищи, какъ ты думаешь. А между тѣмъ, мнѣ бы такъ этого хотѣлось. Потому что,—какъ я уже тысячу разъ повторялъ,—я желалъ бы быть твоимъ товарищемъ на всю жизнь.

— Не заставляй меня совершенно возненавидѣть тебя,—воскликнула она горячо, вырываясь отъ него.

Дальримпль, какъ бы онѣмѣвъ, молча пошелъ рядомъ съ ней. Ему казалось, что, какъ бы онъ ни желалъ убѣдить ее, у него не хватило бы словъ для этого. Она убила въ немъ всякую самостоятельную мысль. Страшный холодъ замѣнилъ для него жаръ лѣтняго дня, и когда онъ почти безсознательно осмотрѣлся кругомъ, то замѣтилъ, что вечеръ уже наступилъ. Теплота и сила жизни исчезли, остался одинъ пепелъ. То же совершилось и съ его жизнью. Съ страстнымъ протестомъ противъ этого мрачнаго приговора, онъ поднялъ голову и заставилъ себя снова заговорить съ своевольной красавицей, молча шедшей рядомъ съ нимъ. Онъ будетъ говорить съ ней о пустякахъ, о чемъ бы то ни было, чтобы только не дать ей возможности подумать, что она окончательно убила его.

— Жаркій день,—сказалъ онъ, употребивъ всѣ свои силы, чтобы произнесть это блестящее замѣчаніе.

— Жаркій вечеръ,—кротко поправила она.

— Тебѣ скучно въ деревнѣ, да?

— Развѣ скучно?

— Однообразіе кажется страннымъ, послѣ безконечнаго разнообразія въ Лондонѣ.

— Я боюсь, что ты здѣсь очень несчастенъ. Зачѣмъ ты остаешься? Я увѣрена, что дѣдушка извинитъ тебя, если ты желаешь вернуться подъ милую сѣнь улицы Пель-Мель.

— О, нѣтъ, блрагодаю; я думалъ только о тебѣ. Что касается меня, я люблю однообразіе—и все остальное.

— Это я—„все остальное“?—Она засмѣялась вызывающимъ смѣхомъ и, сорвавъ цвѣтокъ, поднесла его къ нему, приближая все больше и больше къ его лицу, пока не коснулась носа.—Ты сердишься,—сказала она, и подбородокъ ея слегка дрогнулъ,—сердишься на меня. Откажись отъ этого. Какую пользу это принесетъ тебѣ?

— Никакой, никакой!—съ убѣжденіемъ и внутреннимъ стономъ отвѣчалъ Дальримпль.—Я не понимаю, зачѣмъ я позволяю тебѣ такъ торжествовать надо мной. Но чему я удивляюсь, это тому, что тебѣ нравится такая дешевая побѣда. Зачѣмъ ты не оставишь меня въ покоѣ?

— Боже мой! Можно подумать, что я держу тебя за полы сюртука,—разсмѣялся избалованный ребенокъ.—Этого нѣтъ, во всякомъ случаѣ. Ты можешь идти, когда и куда хочешь.

— Этотъ человѣкъ будетъ акомпанировать тебѣ сегодня вечеромъ?—внезапно спросилъ Дальримиль.

— Какой человѣкъ?

— Ты очень хорошо знаешь какой—Дартфордъ.

— Я не очень хорошо знаю его въ дѣйствительности. Но думаю, что будетъ...

— Ты должна хорошо знать его, если находишься въ перепискѣ съ нимъ.

— Какое выраженіе! „Находишься въ перепискѣ“!

— Ты хорошо умѣешь вывернуться отъ обвиненія,—насмѣшливо сказалъ онъ.

— А кто же обвиняетъ меня?—горячо спросила она, оскорбленная его тономъ.—Ты? такъ за что же? гдѣ твое право?

— Я твой двоюродный братъ, во всякомъ случаѣ. Послѣ твоего дѣда, я—твой ближайшій родственникъ. Я не намѣренъ спокойно смотрѣть, какъ ты разыгрываешь изъ себя дуру.

— Право, Ноэль,—сказала она такъ спокойно, какъ только могла, хотя вся дрожала отъ негодованія,—позволь мнѣ сказать тебѣ, что ты иногда заходишь слишкомъ далеко. Всему есть границы. Шутка-шуткой, и я думаю, что ты хотѣлъ пошутить, назвавъ меня дурой, но и шутить надо осторожно.

— Я не шутилъ,—отвѣчалъ онъ мрачно.

Но этотъ отвѣтъ, который долженъ былъ усилить ея гнѣвъ, совсѣмъ иначе коснулся ея подвижной натуры, и она вдругъ расхохоталась.

— Ты не шутилъ, правда?—сказала она, предаваясь своей веселости.—Ну, такъ не дѣлай этого въ другой разъ, вотъ и все, а то я не спущу тебѣ опять. О! вотъ и Макъ-Фарланъ.

— Подожди, Нелли, подожди одну минуту. Я не часто прошу одолженія у тебя, но, пожалуйста, не позволяй Дартфорду акомпанировать тебѣ сегодня.

— А если я скажу: „да“, кто будетъ акомпанировать мнѣ—ты?

— Ты знаешь, что я не могу,—отвѣчалъ онъ съ упрекомъ.

— Но ты знаешь, чего ты хочешь,—сказала она презрительно.—Ты желалъ бы, чтобъ я совсѣмъ бросила музыку. Ты ненавидишь мою дорогую скрипку. Ты разбилъ бы ее на тысячу кусковъ, еслибы смѣлъ. Попробуй отказаться отъ всего этого, если можешь.

— Не могу,—медленно произнесъ онъ. И, дѣйствительно, онъ—умный и сильный мужчина—готовъ былъ излить всю свою злобу на этотъ безобидный инструментъ. Даже Дартфордъ—хотя въ послѣднее время онъ подозрительно сталъ смотрѣть на него—не казался ему такимъ опаснымъ соперникомъ на пути къ сердцу капризной дѣвушки, какъ эта скрипка, которую она такъ нѣжно любила.

— Вотъ милый мальчикъ! Продолжай! Правда—прежде всего. Ну, такъ знай, что ты не уничтожишь моей скрипки, пока я жива. А что касается лорда Дартфорда—прошу тебя не уничтожать также и его, пока я не найду кого нибудь, кто могъ бы замѣнить его. Не думаю, чтобъ у него былъ готовый ученикъ, а самъ онъ такъ несравненно акомпанируетъ, что я не могу отставить его.

— Понимаю,—сказалъ Дальримпль, смотря на нее страннымъ взглядомъ. Онъ видимо готовъ былъ сказать еще многое, но, сдѣлавъ надъ собой усиліе, замолчалъ.—Онъ нравится тебѣ?—спросилъ онъ, наконецъ, совсѣмъ спокойно.

— Почему же нѣтъ? Онъ хорошій музыкантъ; онъ понимаетъ меня.

— *Онъ* понимаетъ *тебя*!—воскликнулъ полковникъ почти свирѣпо.

— Мою игру, во всякомъ случаѣ. Уступи ему это, по крайней мѣрѣ!

— Я ничего не уступлю ему.

— Я уже говорила, что ты совсѣмъ не либераленъ; ты готовъ лишить меня моихъ друзей и моего искусства. Ты готовъ оставить мнѣ—только...

— Что?—спросилъ онъ вызывающимъ тономъ.

— Себя!—еще болѣе вызывающимъ тономъ отвѣтила она.

Онъ молча смотрѣлъ на нее, слегка удивленный ея смѣлостью и пораженный ея красотой. Боже мой! Какое дерзкое, задорное, очаровательное созданье! Сколько любви могло заключаться въ этомъ маленькомъ сердечкѣ, но только не для него.

— Признаюсь, что это было бы плохимъ вознагражденіемъ за все,—произнесъ онъ, наконецъ, кротко.—Я не стою и четвертой доли всего этого,—продолжалъ онъ съ новой силой,—но и онъ не стоитъ этого, не стоитъ и половины четвертой доли! Онъ—презрѣнный человѣкъ, которому стыдно подать дружескую руку.

— Я видѣла, что ты подавалъ ему руку въ Аскотѣ,—мягко произнесла она.

— Мужчинѣ это позволительно, но я не переношу мысли, что ты можешь смотрѣть на него даже съ простой вѣжливостью. Мнѣ трудно высказать это,—продолжалъ онъ съ отчаяннымъ усиліемъ,—но еслибы ты знала все...

— Еслибъ я знала „все“ про всѣхъ, мое знакомство было бы очень ограниченно.

— Это правда, конечно. Но Дартфордъ хуже многихъ. Между твоими собственными друзьями, — произнесъ онъ съ трудомъ, чувствуя, насколько ему легче было бы предостеречь ее, еслибъ онъ не былъ ея рабомъ и тѣлесно, и душевно,—есть люди, которые отказались принимать его.

— Какія глупости! Ты сочиняешь на него. За нимъ ухаживали больше, чѣмъ за всѣми гостями у Дарнлей-Стейна, прошлой осенью.

— А! да вѣдь барышни тамъ такъ стары, и къ тому же онъ богатъ.

— Но его богатство, повидимому, не покрываетъ его грѣховъ,—коротко разсмѣялась она.

— Оно недостаточно велико для этого. Надо имѣть состояніе Креза, чтобы покрыть его репутацію.

— Онъ очень хорошо отзывается о тебѣ, когда ему приходится говорить,—кротко сказала Нелли.

Бросивъ ему этотъ колкій комплиментъ, она быстро пошла впередъ и, отпустивъ Дальримпля холоднымъ наклоненіемъ головы, торопливо отправилась со старымъ садовникомъ-шотландцемъ въ розовую оранжерею.

VII.

Свѣжій элементъ.

Въ комнатѣ царила благоговѣйная тишина. Старикъ лордъ Карбайнъ глубоко вздыхалъ отъ удовольствія; свирѣпый съ прислугой и съ самыми дорогими для него людьми, онъ успокоивался при звукахъ музыки, и особенно при звукахъ музыки своей внучки. Она стояла теперь возлѣ рояля въ безпечной и граціозной позѣ, съ прелестнымъ румянцемъ на лицѣ, и сердце ея уносилось въ нѣжныхъ звукахъ, которые она извлекала изъ своей скрипки. Эти звуки лились то печальные, почти мрачные, то звучали страстной радостью или воинственнымъ призывомъ, и глубоко волновали души слушателей. Но для Дальримпля, цѣлый годъ изучавшаго ее, было ясно, что она только кокетничала своей скрипкой; она пользовалась ею, чтобы достигнуть цѣли, обѣщавшей ей богатую награду. Его ревность ясно указывала ему на Дартфорда, какъ на человѣка, которому было суждено дать ей эту награду.

Въ то время, какъ онъ печально размышлялъ надъ этими подозрѣніями, музыка замолкла, и миссъ Ферфаксъ, поблагодаривъ блѣднаго молодаго человѣка, очень неудовлетворительно акомпанировавшаго ей, съ облегчающимъ вздохомъ направилась къ противоположному концу комнаты, гдѣ Мери Сильвестръ сидѣла рядомъ съ худощавой молодой женщиной, одѣтой, какъ средневѣковая святая. При этомъ, ей удалось вы-

работать для общества неподражаемое выраженіе меланхолической покорности, и она томно потряхивала теперь передъ видимо скучавшей миссъ Сильвестръ своими короткими, спутанными фламандскими локонами. Дойдя до нихъ, Элеонора стала передъ святой на одно колѣно и очень непочтительно взяла ее за подбородокъ.

— Что ты еще придумала новаго, Салли?—весело спросила она.

— О, не называй меня Салли, милая, умоляю тебя,— воскликнула миссъ Моунтби-Маугръ съ отчаяннымъ вздохомъ.—Это—прекрасное древнее имя. Нѣтъ, не произноси его!..

Она, казалось, готова была упасть въ обморокъ и ощупью начала искать флаконъ съ солью, висѣвшій на серебряной цѣпочкѣ на ея поясѣ.

— Но ты говорила, что твое имя Сарра, мѣсяцъ тому назадъ!

— Мѣсяцъ тому назадъ! Какая вѣчность заключается въ мѣсяцѣ!—вздохнула миссъ Моунтби-Маугръ.—Какъ ты говоришь о времени, о дорогомъ времени! Чего нельзя сдѣлать въ тридцать одинъ день?!

— Очень многое, конечно,—сказала Элеонора, вскакивая съ пола со всей прелестной гибкостью молодости.—Ты успѣла перекреститься въ это время!

Кто-то разсмѣялся при этихъ словахъ, и, быстро обернувшись, она увидѣла возлѣ себя лорда Дартфорда. Это былъ высокій, стройный молодой человѣкъ со смуглымъ цвѣтомъ лица, густыми усами и свѣтло-сѣрыми глазами,—человѣкъ очень утонченный снаружи, но грязный въ душѣ. Онъ не былъ открыто вульгарнымъ кутилой, но втайнѣ былъ вдвое хуже такого. Зато онъ былъ отличный музыкантъ, хорошо говорилъ, всегда готовъ былъ на веселую шутку, приличную или неприличную, смотря по обществу, въ которомъ находился; но, при всемъ томъ, у него не было ни сердца, ни характера.

Что онъ безспорно былъ влюбленъ въ миссъ Ферфаксъ—это признавалось всѣмъ обществомъ. Куда ѣздила она, туда ѣхалъ и онъ, какъ только это было возможно, стараясь всюду стать на ея пути. Для самой же молодой дѣвушки, онъ не представлялъ ничего болѣе, какъ отличнаго истолкователя ея

любимыхъ композиторовъ и неоцѣненнаго союзника въ ея музыкальныхъ тріумфахъ. Но для свѣтскаго человѣка, вполнѣ blasé и привыкшаго все толковать въ свою пользу, наивное удовольствіе, которое она выказывала въ его обществѣ, служило явнымъ доказательствомъ, что она отдала ему первую любовь своего юнаго сердечка и жаждала получить отъ него увѣреніе въ томъ, что разбитые и гадкіе остатки того, что онъ называлъ своей любовью, будутъ милостиво сложены у ея ногъ и что ей стоитъ только поднять и заключить ихъ, какъ въ сокровищницу, въ свою невинную душу.

— Вы жестоки!—шепнулъ онъ, слегка увлекая ее отъ оскорбленной святой, принявшей видъ мученицы.—И не къ ней только.—Эти слова были сказаны съ яснымъ намекомъ, но миссъ Ферфаксъ не поняла его.

— Нѣтъ, и къ самой себѣ также. Что могло быть убійственнѣе того, какъ м-ръ Морганъ сыгралъ это послѣднее scherzo. Это было ужасно! А между тѣмъ я перенесла это—и не умерла; я говорю теперь съ вами!

Въ этихъ словахъ не заключалось ничего, кромѣ комплимента его акомпанерскому таланту; но Дартфордъ, который былъ сильно избалованъ извѣстнаго рода женщинами, понялъ ее совсѣмъ въ другомъ смыслѣ.

— Неужели вы думаете, что я не чувствую этого,—сказалъ онъ со значительнымъ empressement и серьезнымъ взглядомъ, оказавшимъ ему уже не одну услугу. Миссъ Ферфаксъ удивленно посмотрѣла на него, какъ бы сомнѣваясь въ значеніи его словъ, но затѣмъ, рѣшивъ, что лишь смиренная дань ея генію вызвала этотъ загадочный отвѣтъ, ласково сказала:

— Это, право, очень мило съ вашей стороны.

— Какъ? что?—переспросилъ онъ, какъ бы не разслыхавъ и невполнѣ понявъ ея слова. Если онъ показался ей загадочнымъ, она показалась ему такой вдвое.

— Вы очень добры, слишкомъ добры,—настаивала она, увѣренная, что вѣрно поняла его слова и стыдясь такой похвалы со стороны человѣка, истинно понимавшаго музыку. Въ концѣ концовъ, что же она такое? Свѣтъ еще долженъ рѣшить, дѣйствительно ли у нея геній, или только простой талантъ?

— О, да! именно,—произнесъ Дартфордъ, все еще ничего не понимая и улыбаясь своей обычной сіяющей улыбкой. „Клянусь Юпитеромъ! Мнѣ въ первый разъ говорятъ это!“— замѣтилъ онъ въ сторону.

Въ эту минуту кто-то подошелъ къ Элеонорѣ и тронулъ ее за руку; она нетерпѣливо обернулась. Дальримпль, блѣднѣе и мрачнѣе обыкновеннаго, стоялъ возлѣ нея.

— М-ссъ Максвелль такъ желаетъ слышать пѣніе лорда Дартфорда, что твой дѣдъ послалъ меня къ тебѣ, чтобы попросить его спѣть что нибудь.

Въ его глазахъ отражался серьезный упрекъ, такъ сильно граничившій съ гнѣвомъ, что вывелъ изъ себя миссъ Ферфаксъ.

— Конечно,—коротко отвѣтила она. — Онъ такъ милъ, такъ всегда любезенъ, что навѣрно не откажется исполнить эту просьбу.

Она холодно отвернулась отъ Дальримпля и съ сіяющей улыбкой обратилась къ Дартфорду.

— Вы слышали?—сказала она.—М-ссъ Максвелль будетъ несчастна, если вы не споете ей что нибудь. Идите. Освободите ее отъ страданья. Спойте для нея.

— Не для нея—для васъ,—мягко и тихо произнесъ онъ, такъ тихо, что Дальримпль не могъ разслышать его словъ, но могъ замѣтить взглядъ и видъ влюбленнаго, отъ которыхъ сжалось его сердце.

— Это комплиментъ,—мило, но безъ всякаго особеннаго чувства сказала Элеонора, и черезъ минуту хорошо обработанный голосъ Дартфорда уже звучалъ въ большой комнатѣ. Онъ выбралъ хорошенькій, маленькій любовный романсъ и вложилъ въ послѣдній куплетъ столько любви, сколько это позволяло приличіе, надѣясь, что Элеонора приметъ ее на себя.

Если сердца наши составляютъ одно,
Если любовь наша вѣрна,
Пусть свѣтъ смѣется и бранитъ,—
Намъ все равно.
Пусть люди глупы иль умны,
Пусть звѣзды умираютъ,
Мы ничего не просимъ для себя,
Кромѣ любви—одной любви!

Этотъ романсъ былъ яснымъ страстнымъ намекомъ со стороны Дартфорда, но, къ несчастью, мистриссъ Максвелль, маленькая, бѣлокурая, уже на половину утратившая свою красоту, женщина лѣтъ тридцати пяти или болѣе,—когда-то питавшая къ нему нѣжную страсть и просившая его теперь спѣть для нея,—вполнѣ приняла на себя это выраженіе любви.

— Какой божественный романсъ!—сказала она, подходя къ нему въ то время, какъ онъ вставалъ изъ-за рояля, и наклоняясь впередъ, чтобы со свойственнымъ ей движеніемъ заглянуть на него изъ подъ опущенныхъ рѣсницъ.—И какъ онъ правдивъ! О,—восторженно прибавила она,—любовь, любовь!

— Любовь, заставляющая міръ кружиться, — коротко сказалъ онъ, какъ бы заканчивая ея фразу,—это такая же глупость, какъ все, что говорятъ теперь. Деньги въ настоящее время двигаютъ свѣтъ. Онѣ—настоящая ось. Увѣряю васъ.

Что-то грубое, что-то вульгарное чувствовалось въ этомъ человѣкѣ. Отдѣлавшись, такимъ образомъ, очень невѣжливо отъ женщины, съ которой когда-то проводилъ столько часовъ, онъ перешелъ на другой конецъ комнаты, гдѣ та, которая составляла его послѣдній капризъ, ласково улыбалась старому генералу Максвеллю.

— Я говорю миссъ Ферфаксъ, что она нелюбезна съ нами сегодня вечеромъ, — сказалъ генералъ, обращась къ Дартфорду.—Мы такъ рѣдко имѣемъ счастье слышать ея дивное воспроизведеніе нашихъ любимыхъ композиторовъ, что ей не слѣдуетъ лишать насъ возможности какъ можно больше насладиться ея скрипкой, когда мы встрѣчаемся. А вы, Дартфордъ, акомпанируете ей, какъ я слышалъ. Это было бы чудесно. Позволено ли будетъ старику,—любезно обратился онъ къ Элеонорѣ, — просить о доставленіи намъ такого высокаго наслажденія сегодня?

— Вы хорошо умѣете просить, генералъ. Могу ли я отказать вамъ?—ласково сказала Нелли. — Вы расположены, лордъ Дартфордъ? Такъ пойдемте же; мы постараемся удовлетворить этого умнѣйшаго, хотя и самаго снисходительнаго

изъ судей.—Она улыбнулась генералу, который дѣйствительно тонко понималъ и больше всего на свѣтѣ любилъ музыку.

Идя черезъ всю комнату рядомъ съ лордомъ Дартфордомъ, она прошла мимо своего двоюроднаго брата и, вспомнивъ его предостереженіе, не могла удержаться отъ желанія позлить его и бросить ему нѣсколько вызывающихъ словъ.

— Мы сейчасъ доставимъ тебѣ удовольствіе, на которое стоитъ обратить вниманіе! — воскликнула она со свѣтлой улыбкой, смотря на него черезъ плечо и играя янтарнымъ ожерельемъ, окружавшимъ ея шейку. — Нѣчто, достойное воспоминанія. Не пропусти ни одной нотки. Я чувствую, что превзойду себя Лордъ Дартфордъ вдохновилъ меня!

Это были дерзкія слова и, еслибы не ребячество, которое было отличительной чертой ея характера, ихъ можно было бы назвать даже слишкомъ дерзкими. Но въ ея устахъ они были лишь словами шаловливаго ребенка. Дальримпль отвѣтилъ на ея вызывающій взглядъ твердымъ и серьезнымъ взглядомъ. Онъ стоилъ тысячи Дартфордовъ, но, къ несчастью, такъ серьезно смотрѣлъ на вещи, что потерялъ во многомъ и выказывался передъ ней съ самой невыгодной стороны. Отвѣтивъ ей взглядомъ, онъ не сказалъ ни слова болѣе.

— Вы такъ счастливы во всѣхъ отношеніяхъ, — сказалъ Дартфордъ, направляясь съ ней далѣе, что одинъ смятый розовый листокъ не можетъ очень огорчить васъ. Я хочу сказать, что этотъ вашъ двоюродный братъ и представляетъ подобный листокъ.

— Какъ?—спросила она съ невинной подозрительностью, быстро обернувшись къ нему.

— Вѣрно, нищій, да?—продолжалъ Дартфордъ, ободренный сердитымъ взглядомъ, который она бросила Дальримплю, когда онъ не отвѣтилъ на ея слова.

— Мнѣ кажется, я поняла изъ его словъ, что вы не особенно коротки съ нимъ,—отвѣчала она холодно, недовольная, сама не зная чѣмъ. „Дѣйствительно, — сказала она про себя,—Дартфордъ не имѣетъ соперниковъ, какъ акомпанёръ, но онъ бываетъ иногда назойливъ и имѣетъ скверную привычку дурно говорить про нашихъ родственниковъ“.

— Что же мы сыграемъ?—спросила она, смотря на массу нотъ, лежавшихъ возлѣ рояля.

VIII.

Дальримпль видитъ слишкомъ много и слишкомъ мало.

— Что хотите,—возразилъ онъ. Они выбрали какую-то вещь, и музыка, какую рѣдко приходится слышать въ частной жизни, зазвучала въ воздухѣ. Разговоръ умолкъ, и хотя разсерженная м-ссъ Максвелль старалась поддержать его, всѣ ея попытки остались тщетными. Всѣ удобнѣе усѣлись въ креслахъ, готовясь слушать съ радостнымъ сердцемъ.

Всѣ, исключая Дальримпля! Его сердце горѣло, какъ на огнѣ. Его честная кровь кипѣла при видѣ ея en bon camarade рядомъ съ этимъ презрѣннымъ распутникомъ. Она, конечно, не закипѣла бы, даже едва разгорѣлась бы, еслибъ этотъ распутникъ разговаривалъ съ другой дѣвушкой; но то, что онъ осмѣливался поднять глаза на Элеонору, заставляло его желать, чтобы вернулось доброе, старое время, когда убить своего согражданина не значило ничего болѣе, какъ доказать, что онъ вывелъ васъ изъ границъ терпѣнія. Дальримплю казалось, что онъ не можетъ вынести ея вида, въ то время какъ она стояла, прижавъ скрипку къ своему плечу, не смотря на то, что она была такъ прелестна, что „старики молодѣли, глядя на нее“.

Она выдвинулась немного впередъ, въ своемъ бѣломъ платьицѣ, поднявъ красивую руку. Ея гордая головка слегка откинулась назадъ и нѣжно наклонилась въ сторону любимаго инструмента. Прелестные янтари на ея груди поднимались и опускались при каждомъ ея вздохѣ, сверкая мягкимъ блескомъ. Она играла съ такой страстью, съ такимъ увлеченіемъ, что проникла въ сердца слушателей и вполнѣ выказала свой геній, вложивъ въ музыку душу, безъ которой она—лишь пустой звукъ. Ея игра была замѣчательна даже въ нашъ вѣкъ, требующій совершенства или ничего; ея товарищъ былъ достоинъ ея. Дартфордъ, дѣйствительно, игралъ не только съ силой, но и съ чувствомъ. Странная аномалія въ человѣкѣ, не знавшемъ, что̀ такое сердце. Начавъ съ Ру-

бинштейна и восхитивъ имъ всѣхъ слушателей, они перешли къ болѣе легкой музыкѣ, и наконецъ Элеонора, какъ бы побуждаемая послѣднимъ строгимъ взглядомъ Дальримпля къ ребяческой смѣлости, перешла къ тихой, обольстительной и упоительной мелодіи, полной самой страстной любви. Она выбрала ее, чтобъ уколоть Дальримпля, не подумавъ о послѣдствіяхъ и не подозрѣвая чувствъ Дартфорда къ самой себѣ. Эта была пѣснь любви на страстный португальскій мотивъ и, переданная великолѣпно, она очаровала всѣхъ присутствовавшихъ. Затѣмъ послѣдовало нѣсколько чудныхъ отрывковъ изъ произведеній Вагнера; геній Элеоноры, казалось, вселился въ Дартфорда, потому что онъ игралъ съ такой душой и такимъ brio, какъ никогда до того. И онъ, также, какъ Элеонора, вложилъ въ свою игру долю лукаваго намека, которымъ какъ бы заразился отъ нея.

Наконецъ все замолкло, прозвучала послѣдняя нотка и наступила мертвая тишина. Элеонора быстрымъ движеніемъ положила скрипку въ сторону и съ блестящими глазами и слегка разгорѣвшимся личикомъ направилась къ своимъ гостямъ. Весь ея видъ выражалъ торжество, но торжество, невполнѣ удовлетворенное. Дальримплю, все еще наблюдавшему за ней, показалось, что она презираетъ расточаемыя ей похвалы и желаетъ болѣе широкой арены. Сказавъ нѣсколько словъ и едва улыбнувшись всѣмъ желавшимъ выразить ей свое благоговѣніе, она снова обернулась къ Дартфорду, точно онъ одинъ могъ понять и оцѣнить ее. Въ дѣйствительности же она была слишкомъ большой артисткой въ душѣ, чтобы придать значеніе похваламъ постороннихъ, непосвященныхъ лицъ, и слишкомъ молода и неопытна, чтобы выказать благодарность, когда не чувствовала ея. Дартфордъ, —дѣйствительно знавшій толкъ въ музыкѣ, —не смотря на всѣ свои недостатки, одинъ имѣлъ для нея значеніе въ эту минуту. Онъ раздѣлялъ съ ней ея побѣду, былъ ея сотоварищемъ по успѣху, хотя она сама считала этотъ успѣхъ ничтожнымъ. Но все это, вмѣстѣ взятое, высоко поставило Дартфорда въ ея мнѣніи на этотъ вечеръ. Что Дартфордъ ложно понялъ ея чувства—это было неизбѣжно. Привыкши, чтобы женщины поклонялись ему, онъ принялъ сіяющіе взоры Элеоноры за

признаніе и, рѣшившись успокоиться наконецъ и предоставить ей починку своего сломаннаго бурей корабля, намѣревался сдѣлать ей сегодня вечеромъ формальное предложеніе.

Они вмѣстѣ прошли черезъ всѣ комнаты въ оранжерею. Она нетерпѣливо желала избѣгнуть всѣхъ этихъ похвалъ, которыя презирала съ нетерпимостью молодости; онъ горѣлъ нетерпѣніемъ дождаться той минуты, когда она скажетъ ему ожидаемое: „да“, долженствовавшее положить конецъ его холостой жизни, пользовавшейся несовсѣмъ хорошей славой. Прошло полчаса, показавшіеся вѣчностью Дальримплю, и цѣлымъ часомъ—м-ссъ Максвелль, тайно бѣсившейся на Дартфорда за измѣну и искавшей случая отмстить своей соперницѣ, какою считала теперь ничего не подозрѣвавшую Элеонору. Ея подозрѣніе имѣло нѣкоторое основаніе, потому что съ тѣхъ поръ какъ миссъ Ферфаксъ и лордъ Дартфордъ удалились въ оранжерею, они не возвращались болѣе въ залу. Такое нарушеніе приличій со стороны хозяйки дома заслуживало, по мнѣнію м-ссъ Максвелль, немедленнаго наказанія; поэтому она поднялась съ своего мѣста и съ гаденькою улыбкой подошла къ лорду Карбайну, чтобы проститься съ нимъ. Было еще очень рано, но она не хотѣла принять этого во вниманіе.

— Да, становится холодно, а генералъ такъ легко простуживается. Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, не безпокойте миссъ Ферфаксъ. Вы передадите ей мой поклонъ, не правда ли? Я увѣрена, что у нея есть важная причина лишать насъ своего общества вотъ уже цѣлый часъ, и я не хочу помѣшать ей, если... Нѣтъ, прошу васъ, позвольте мнѣ уѣхать и не требовать отъ нея исполненія свѣтскихъ обязанностей. Я сама обожаю людей, которые не смотрятъ на всѣ эти приличія: они такъ интересны. Никогда не предвидишь, что они сдѣлаютъ черезъ минуту. Покойной ночи...

— Одну минуту! — холодно и гордо сказалъ лордъ Карбайнъ.—Ноэль,—обратился онъ къ Дальримплю, злобно слѣдившему за улыбающимся личикомъ м-ссъ Максвелль,—скажи Элеонорѣ, чтобъ она сейчасъ же пришла проститься съ м-ссъ Максвелль. Вы извините ее, я увѣренъ въ этомъ,—обратился онъ къ ней съ любезной, но принужденной улыбкой.—Когда дѣло идетъ о музыкѣ, она забываетъ все на свѣтѣ.

— Даже приличія,—чуть не сорвалось съ дерзкаго языка м-ссъ Максвелль, но она сдержалась и, довольная тѣмъ, что обратила таки вниманіе всего общества на tête-à-tête миссъ Ферфаксъ съ человѣкомъ, пользовавшимся такой репутаціей, какъ Дартфордъ, и на забвеніе ею самаго простаго этикета,—опустилась на chaise-longue, рядомъ съ хозяиномъ дома, совершенно позабывъ о простудѣ генерала.

Дальримпль, пройдя въ маленькую оранжерею, отдѣленную отъ большой тяжелою драпировкой, и не найдя тамъ Элеоноры, приподнялъ занавѣсъ и медленно пошелъ впередъ. Большіе цвѣтущіе кустарники стояли тамъ и сямъ, а за ними скрывались мягкія кушетки. На одной изъ нихъ, въ самомъ отдаленномъ углу оранжереи, виднѣлась стройная фигура въ бѣломъ платьѣ, кружевныя оборки котораго, какъ снѣгъ, выдѣлялись на темномъ фонѣ миртовыхъ листьевъ. Это была Элеонора. Она даже не сидѣла, когда вошелъ Дальримпль: полу-приподнявшись и держась одной рукой за край кушетки, она съ видомъ внезапнаго удивленія смотрѣла на Дартфорда, склонившагося надъ ней со страстнымъ взглядомъ. Что-то—онъ никогда не могъ объяснить, что̀ именно—заставило Дальримпля остановиться при видѣ этой картины. Онъ стоялъ слишкомъ далеко, чтобы замѣтить взглядъ Дартфорда и прочесть выраженіе глазъ Элеоноры. Прошла одна секунда, но ея было достаточно, чтобы надѣлать цѣлый міръ зла. Въ то время какъ онъ смотрѣлъ на нихъ, Дартфордъ быстро наклонился, обнялъ стройный станъ Элеоноры, его голова склонилась къ ея головкѣ... Все это длилось одну секунду. Какъ бы пораженный въ самое сердце, Дальримпль быстро отвернулся, поднялъ драпировку и вышелъ обратно въ слѣдующую комнату съ бьющимся сердцемъ, блѣдный, какъ смерть. Онъ боялся но не вѣрилъ этому вполнѣ—до настоящей минуты! Конецъ наступилъ слишкомъ внезапно. Что какая бы то ни была женщина могла допустить поцѣлуй такого мужчины, какъ Дартфордъ, уже казалось ужаснымъ для него—но что̀ то допустила Элеонора, этотъ ребенокъ... великое небо! Неужли же ни въ чемъ на свѣтѣ нельзя быть увѣреннымъ? Онъ готовъ былъ поклясться въ *ея* невинности, *ея* гордости, и что̀ же оставалось ему? Она казалась ему воплощеніемъ счастливой,

своевольной, невинной молодости, а между тѣмъ вела вульгарное кокетство съ человѣкомъ, на котораго враждебно смотрѣла лучшая часть общества. Потомъ ему вдругъ пришло въ голову, что Дартфордъ, быть можетъ, сдѣлалъ ей предложеніе, и она приняла его. Какъ ни жестока была эта мысль, она показалась ему посланной небомъ послѣ перваго страшнаго удара. Сохранить вѣру въ нее было ему теперь дороже всего на свѣтѣ. Онъ глубоко вздохнулъ и, поднявъ руку ко лбу, откинувъ назадъ свои волосы. Сознаніе вполнѣ возвратилось къ нему и онъ вспомнилъ, что не можетъ вернуться въ гостинную безъ нея. Любопытство должно было быть удовлетворено тотчасъ же и всякому злословію насчетъ его кузины слѣдовало положить конецъ. Онъ отдалъ бы бо́льшую часть своего состоянія, чтобъ избѣгнуть этого испытанія, но, не колеблясь ни секунды долѣе, снова приподнялъ драпировку и, намѣренно громко ступая по мозаичному полу, направился къ тому мѣсту, гдѣ увидѣлъ ее въ первый разъ.

— Элеонора!—громко позвалъ онъ. Онъ не могъ заставить себя взглянуть на нее, иначе замѣтилъ бы ея пылающіе глаза и общій видъ негодованія, выражавшійся во всей ея фигурѣ. Она стояла, выпрямившись во весь ростъ, и казалась почти высокой для нея, между тѣмъ какъ Дартфордъ стоялъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ нея, мрачный, злой и съ выраженіемъ досады на смугломъ лицѣ.—М-ссъ Максвелль уѣзжаетъ; она желала бы проститься съ тобой, и дѣдушка прислалъ меня сюда,—сказалъ Дальримпль жалкимъ, отрывистымъ голосомъ, опустивъ глаза. Исполнивъ свое порученіе, онъ тотчасъ отвернулся, даже не взглянувъ на нее. Онъ не замѣтилъ порывистаго движенія, съ которымъ она бросилась къ нему, какъ бы надѣясь найти въ немъ покровителя—защиту отъ непріятнаго положенія. Обманутая въ этой надеждѣ, она остановилась и медленно, задумчивая и оскорбленная, послѣдовала за нимъ къ своему дѣду. Она мило извинилась передъ м-ссъ Максвелль, которая весело сказала ей нѣсколько колкостей, лукаво взглянувъ на нее изъ подъ эффектныхъ рѣсницъ, и наконецъ уѣхала, увозя съ собой своего генерала. Всѣ остальные гости вскорѣ послѣдовали ея примѣру. Лордъ Карбайнъ, побранивъ Элеонору, едва слышавшую его, отпра-

вился спать, сопровождаемый своимъ камердинеромъ, и она осталась одна въ большой опустѣвшей комнатѣ, занятая своими мыслями, далеко не пріятными. Наконецъ, она поднялась съ легкимъ вздохомъ и, рѣшившись искать забвенія во снѣ, уже направлялась къ дверямъ, какъ вдругъ голосъ позади нея заставилъ ее вздрогнуть.

— Не уходи, Элеонора, я желаю поговорить съ тобой.

(*Окончаніе будетъ*).

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Новый законъ о маргаринѣ.—Его общій смыслъ и отдѣльныя постановленія.—Разборъ новыхъ правилъ о надзорѣ за маргариновымъ производствомъ.—Маргариновые контролеры.—Уловки маргаринщиковъ.—Мѣры къ ихъ обузданію.—Кустари и ихъ недоброжелатели.—Размышленія „современнаго россіянина".—Эфирность его выводовъ. — Данныя о дѣятельности общества и правительства по развитію и поощренію кустарнаго производства.—На чемъ мы примиряемся съ авторомъ „Современной Россіи"?—Новый порядокъ примирительнаго производства.—Ожидаемыя послѣдствія.—Новыя правила относительно предупрежденія пожарныхъ несчастій и реорганизаціи страховаго дѣла.

Пресловутый «маргаринъ» сталъ недавно спеціальнымъ юридическимъ терминомъ въ нашемъ правѣ. Отнынѣ да будетъ всѣмъ извѣстно, что *маргаринъ*—это отнюдь не натуральное коровье, а просто *жировое* масло, приготовляемое по способу какого-то иностранца *Межъ-Мурье*. Невѣдѣніемъ сего никто уже у насъ болѣе отговариваться не смѣетъ, — какъ нельзя, напримѣръ, отговариваться невѣдѣніемъ того, что «залѣзать тайно въ чужой карманъ» называется *кражей*, подписать вексель чужимъ именемъ есть *подлогъ* и т. д.,—ибо 8 апрѣля текущаго года послѣдовало высочайшее утвержденіе закона, который спеціально ограничиваетъ производство и торговлю «*жировымъ масломъ, приготовляемымъ по способу Межъ-Мурье и извѣстнымъ въ продажѣ подъ названіемъ маргарина*». Такъ именно читаемъ мы въ самомъ законѣ, на который желали бы обратить особое вниманіе читателей, такъ какъ онъ, по нашимъ понятіямъ, знаменуетъ собою начало «предупрежденія и пресѣченія» фальсификаціи пищевыхъ продуктовъ вообще. Вотъ основныя его положенія. Воспрещается торговля маргариномъ въ магазинахъ и лавкахъ, торгующихъ молочными продуктами и настоящимъ коровьимъ масломъ. Бойни, отпускающія продукты на маргариновые заводы, подлежатъ надзору особыхъ чиновниковъ, получающихъ содержаніе отъ этихъ заводовъ. Для торговли маргариномъ должны быть открываемы особые склады и то-

варъ можетъ быть продаваемъ только въ особой посудѣ и ящикахъ, на которыхъ должна быть отмѣчена фирма, изготовлявшая маргаринъ, а также сдѣлана крупная надпись: «*маргаринъ, или искусственное масло*». За смѣшеніе маргарина съ настоящимъ масломъ и за торговлю подобными смѣсями можетъ быть налагаемъ арестъ не свыше мѣсяца и денежное взысканіе не свыше ста рублей. А за несоблюденіе правилъ относительно производства и торговли маргариномъ можетъ быть налагаемо денежное взысканіе не свыше ста рублей. Бѣглый обзоръ приведенныхъ правилъ показываетъ, что новый законъ стремится урегулировать разсматриваемый вопросъ всесторонне, ибо онъ касается не только способовъ продажи маргарина, но и производства его на спеціальныхъ заводахъ. Устанавливая за этими послѣдними внимательный надзоръ въ лицѣ особыхъ чиновниковъ, законъ какъ бы желаетъ застигнуть маргаринъ на мѣстѣ производства, чтобы отнять у торговцевъ всякую возможность оттовариваться незнаніемъ свойствъ продаваемаго ими продукта. Для достиженія этого, маргариновые заводы поставлены въ одинаковыя условія съ заводами, занимающимися фабрикаціей продуктовъ, подлежащихъ оплатѣ акцизомъ. Какъ на заводахъ послѣдней категоріи, учреждаются и при маргариновомъ производствѣ особые контрольные чиновники, получающіе, однако, содержаніе отъ самихъ заводовъ. Сама по себѣ, эта мѣра весьма раціональна, потому что чиновнику, живущему на самомъ заводѣ, легче услѣдить за исполненіемъ всѣхъ предписываемыхъ правилъ касательно приготовленія маргарина и выпуска его въ продажу, чѣмъ заѣзжему чиновнику. Но съ другой стороны чиновникъ, постоянно живущій на заводѣ, да еще получающій жалованье непосредственно отъ самого заводчика, станетъ если не прямо его прикащикомъ, то во всякомъ случаѣ очутится въ извѣстной зависимости отъ него. При такихъ обстоятельствахъ, вполнѣ естественно допустить со стороны контрольнаго чиновника если не прямое «попустительство», то во всякомъ случаѣ удобныя для заводчика послабленія. Мы не говоримъ уже о томъ, что даже самый добросовѣстный чиновникъ не въ состояніи находиться безотлучно на заводѣ, чтобы услѣдить за всѣми дѣйствіями заводчика, такъ что, при извѣстной сноровкѣ, послѣднему вовсе нетрудно будетъ «провести», какъ говорится, своего досмотрщика. Въ этомъ отношеніи, весьма поучительный примѣръ представляютъ собою винокуренные заводы. Извѣстно, что, не смотря на существованіе разныхъ усовершенствованныхъ контрольныхъ аппаратовъ, акцизное вѣдомство постоянно возится съ установленіемъ надлежащаго контроля на упомянутыхъ заводахъ, и тѣмъ не менѣе злоупотребленія здѣсь весьма не рѣдки. Недаромъ въ акцизномъ вѣдомствѣ принята система вознагражденія чиновниковъ за поимку неоплаченнаго акцизомъ вина. Примѣненіе этой системы къ маргариновымъ заводамъ, самою собою разумѣется, немыслимо, потому что казна въ данномъ случаѣ не имѣетъ никакого денежнаго интереса. Но потому-то и слѣдуетъ найти другой способъ контроля, чѣмъ тотъ, который устанавливается новымъ закономъ, для того чтобы надзоръ за маргариновыми заводами соотвѣтствовалъ своему на-

значенію не только на бумагѣ, но и на дѣлѣ. Отъ насъ, конечно, нельзя требовать, чтобы мы указали, какой способъ контроля можетъ быть признанъ наиболѣе цѣлесообразнымъ, такъ какъ не наше дѣло придумывать подобные способы. Но мы не сомнѣваемся, что разъ въ надлежащихъ сферахъ признаютъ, что нынѣ предположенный контроль едва ли достигнетъ своей цѣли, то за изобрѣтеніемъ надлежащаго способа контроля дѣло не станетъ. Во всякомъ случаѣ, намъ кажется, что помимо контроля, направленнаго къ предупрежденію зла, слѣдуетъ также возвысить и уголовную кару за нарушеніе новаго закона. Мѣсячный арестъ и сторублевый штрафъ—это, конечно, непріятная вещь для нарушителя закона. Но, при мягкосердечности нашей юстиціи, въ подобныхъ дѣлахъ—надобно полагать—эта *высшая* мѣра наказанія будетъ примѣняться только въ рѣдкихъ случаяхъ, такъ что по большей части маргариновые закононарушители, пожалуй, отдѣлаются незначительнымъ денежнымъ штрафомъ или краткимъ арестомъ,—а тогда можно смѣло предсказать, что новый законъ весьма мало будетъ дѣйствовать на воображеніе нашихъ маргаринщиковъ. На этомъ мы собственно и могли бы покончить разборъ новаго закона. Но, придавая ему значеніе эксперимента въ нашемъ законодательствѣ на пути урегулированія вопроса о фальсификаціи пищевыхъ продуктовъ вообще, мы позволяемъ себѣ настаивать на возможно скорѣйшемъ пополненіи пробѣловъ, имѣющихся въ новомъ законѣ, потому что отъ успѣха перваго опыта зависитъ и дальнѣйшее примѣненіе правительственныхъ мѣропріятій въ сказанномъ родѣ. Пускай наши фальсификаторы сразу убѣдятся, что съ ними шутить не станутъ, и тогда можно съ бо́льшей или меньшей увѣренностью сказать, что фальсификація пищевыхъ продуктовъ если и не прекратится вовсе, то во всякомъ случаѣ утратитъ свой интенсивный характеръ. Нужды нѣтъ, что эта фальсификація сдѣлалась какъ бы нормальнымъ явленіемъ въ нашемъ обиходѣ и что торговцы «маргариновыми» продуктами составляютъ теперь сплошную массу. Пускай только съ ними почаще заговоритъ неумолимая Ѳемида,—у нихъ тогда скоро пройдетъ склонность къ объегориванію потребителей. Да и обыватель тогда станетъ относиться къ продѣлкамъ маргаринщиковъ менѣе снисходительно. Правда, что нашъ мирный обыватель не любитъ заводить дрязгъ и тяжбъ, и за это весьма нерѣдко переноситъ обиды въ своемъ житьѣ-бытьѣ. Но въ этихъ-то видахъ и нужно, чтобы самъ законъ натолкнулъ его на мысль о необходимости отстаивать свои кровные интересы, хотя бы противъ тѣхъ, которые прямо посягаютъ на его жизнь и здоровье. Недаромъ такой знатокъ своего народа, какъ Петръ Великій, писалъ про него: «понеже нашъ народъ, яко дѣти, неученія ради, которые никогда за азбуку не примутся, *когда отъ мастера не приневолены бываютъ*, которымъ *сперва досадно кажется, но когда выучатся, потомъ благодарятъ*» [1]). Эта истина сказывается во всѣхъ проявленіяхъ нашей многосложной и полной всякихъ проблеммъ жизни. Взять бы хоть

[1]) Указъ 5 ноября 1723 г. I. П. С. Зак. № 4345.

вопросъ о поощреніи кустарной промышленности. Знакомый нашимъ читателямъ, авторъ «Современной Россіи», со свойственной ему эфирностью сужденій балетной танцовщицы, относитъ всѣ проэкты урегулированія этой отрасли народнаго труда къ числу «кабинетныхъ фантазій» петербургскихъ чиновниковъ. По его мнѣнію, на кустарную промышленность не можетъ быть оказано никакого воздѣйствія правительствомъ и его органами [1]). Это потому—изволите ли видѣть,—что кустарь,—по меткому отзыву покойнаго академика и сотрудника нашего В. П. Безобразова,—производитъ какъ можетъ и сколько можетъ, а также сбываетъ свои издѣлія сколько можетъ и какъ можетъ, не справляясь ни съ какими комерческими обстоятельствами, потому что онъ не можетъ не производить и не сбывать, каковы бы ни были окружающія его условія рынка, также какъ не можетъ, напр., не перекрестясь, сѣсть за столъ и встать изъ-за стола. Да, покойный В. П. Безобразовъ, отличавшійся громадной эрудиціей и безспорнымъ талантомъ уловить сущность экономическихъ явленій, дѣйствительно, вполнѣ вѣрно и въ высшей степени метко охарактеризовалъ въ немногихъ словахъ квинтъ-эссенцію кустарнаго промысла. Но никогда покойный академикъ не дѣлалъ отсюда того «сальтомортальнаго» вывода, какой угодно сдѣлать автору «Современной Россіи», т. е., что сущность кустарнаго производства исключаетъ якобы возможность всякаго посторонняго на него вліянія изъ другой умственной сферы, земской или правительственной, хотя бы при самой добросовѣстной и полезной цѣли, и что упомянутой сущностью кустарнаго производства объясняется тугость, съ которою оно поддается всякимъ постороннимъ дѣйствіямъ, направленнымъ къ перемѣнамъ въ ходѣ этихъ занятій. Напротивъ того, кто знакомъ со взглядами В. П. Безобразова, тотъ хорошо знаетъ, что онъ всегда относился съ большимъ сочувствіемъ ко всѣмъ мѣропріятіямъ, которыя направлены къ поощренію кустарной промышленности вообще и, въ частности, къ тѣмъ мѣрамъ, которыя принимаемы были съ цѣлью удешевить для кустарей кредитъ и распространить между ними болѣе усовершенствованные способы и орудія производства. Да и не странно ли звучитъ въ устахъ «современно-россійскаго» оракула такое двойственное сознаніе, что, съ одной стороны, очень грустно, молъ, что кустари, весьма искусные въ своемъ ремеслѣ, лишены даже элементарныхъ техническихъ познаній, а съ другой—что техническая рутина, истекающая, будто бы, изъ сущности кустарнаго производства, должна все таки оставаться его неотъемлемою принадлежностью, потому что, разъ мы станемъ на казенный или земскій счетъ распространять въ средѣ кустарей усовершенствованные техническіе процессы, то этимъ самымъ убьемъ остальное кустарное населеніе, незнакомое съ этими процессами, но занимающееся тѣмъ же производствамъ, а также—заставимъ очень быстро крупныхъ кустарей перейти въ капиталистическое производство. Но если—помилуй Богъ! — разсуждать такъ, то вѣдь не только въ

---

[1]) См. „Совр. Россія", стр. 267.

отношеніи кустарной промышленности, но и въ другихъ областяхъ народной жизни придется отказаться отъ какихъ бы то ни было мѣръ къ развитію всякой отрасли производительнаго труда. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ кустари лучше кущовъ, ремесленниковъ, художниковъ, ученыхъ и т. д. Придерживаясь теоріи автора «Современной Россіи», нельзя было бы допустить и въ отношеніи дѣятелей комерціи, искусства и науки никакихъ поощрительныхъ мѣръ, потому что, съ развитіемъ однихъ, другіе, которые не захотятъ воспользоваться названными мѣрами, безспорно должны прійти въ упадокъ. Возьмемъ, напримѣръ, вопросъ о распространеніи среди кущовъ комерческихъ знаній. Если стать на точку зрѣнія автора «Современной Россіи», то упомянутый вопросъ слѣдовало бы сдать въ архивъ на вѣковѣчныя времена, потому что, безъ сомнѣнія, съ распространеніемъ среди комерсантовъ образованности, тѣ, которые не пожелаютъ воспользоваться образовательными учрежденіями и пособіями, въ концѣ концовъ должны уступить свое мѣсто болѣе подготовленнымъ къ конкуренціи, и т. д. А между тѣмъ, никому (за исключеніемъ, развѣ, немногихъ жрецовъ тьмы и невѣжества, составляющихъ обломки крѣпостничества) и въ голову не придетъ утверждать, что слѣдуетъ вообще остановить ростъ и развитіе однихъ, потому что отъ этого могутъ пострадать другіе, которые по тѣмъ или другимъ причинамъ не склонны идти впередъ. Да, наконецъ, вѣдь и самъ авторъ «Современной Россіи» нисколько не скрываетъ, что очень грустно, что кустари нерѣдко лишены даже самыхъ элементарныхъ техническихъ познаній. А если это очень грустно, то отчего же не устранить подобнаго явленія? Нельзя, поэтому, не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ тѣмъ прогрессивнымъ стремленіямъ, которыя наше министерство государственныхъ имуществъ обнаруживаетъ въ послѣдніе годы въ отношеніи кустарной промышленности, о чемъ весьма обстоятельно трактуетъ вышедшій недавно въ свѣтъ «очеркъ» дѣятельности помянутаго министерства по развитію и улучшенію кустарной промышленности въ 1888—1890 гг.

Оказывается [1]) что до 1888 года дѣятельность министерства государственныхъ имуществъ въ отношеніи кустарной промышленности ограничивалась лишь изученіемъ кустарнаго производства, земледѣльческихъ орудій и машинъ, и нѣкоторымъ воспособленіемъ этому производству. Въ 1888 году, состоявшая при совѣтѣ торговли и мануфактуръ съ 1872 года, комисія по изслѣдованію кустарныхъ промысловъ была закрыта и завѣдываніе тѣми изъ кустарныхъ промысловъ, которые составляютъ подспорье для сельскаго населенія, возложено на министерство государственныхъ имуществъ, съ ассигнованіемъ въ его распоряженіе на нужды кустарнаго дѣла, въ теченіе трехъ лѣтъ (1888—1890), по 35,000 р. въ годъ. Ежегодные остатки отъ этой суммы обращаются на образованіе оборотнаго капитала кустарной промышленности. Ассигнованіе кредита дало возможность министерству расширить свою

[1]) Мы цитируемъ нижеслѣдующія данныя по извлеченію, сдѣланному въ „Прав. Вѣстникѣ“ за текущій годъ.

дѣятельность по кустарной промышленности. Общее руководство и направленіе мѣръ, принимаемыхъ для развитія кустарной промышленности, лежитъ на товарищѣ министра государственныхъ имуществъ, статсъ-секретарѣ В. И. Вешняковѣ.

Не признавая возможнымъ принимать на себя ни непосредственнаго руководства кустарною промышленностью, ни полнаго обезпеченія ей сбыта издѣлій, ни упорядоченія отношеній кустаря къ заказчикамъ и скупщикамъ, министерство на первое время рѣшило: ограничиться изученіемъ техники кустарныхъ производствъ и главнѣйшихъ нуждъ кустарныхъ промысловъ, выясненіемъ наиболѣе существенныхъ причинъ, задерживающихъ ихъ развитіе, а затѣмъ уже—принять соотвѣтствующія мѣры для устраненія такихъ препятствій.

Ознакомившись на мѣстѣ, путемъ командировокъ избранныхъ для этого лицъ, съ положеніемъ кустарнаго производства въ разныхъ губерніяхъ, министерство рѣшило содѣйствовать кустарной промышленности: 1) распространеніемъ и улучшеніемъ обученія ремесламъ въ сельскихъ школахъ; 2) учрежденіемъ спеціальныхъ школъ для нѣкоторыхъ видовъ кустарнаго производства; 3) устройствомъ спеціальныхъ кустарныхъ выставокъ или кустарныхъ отдѣловъ на общихъ сельско-хозяйственныхъ выставкахъ; 4) устройствомъ центральнаго кустарнаго музея при императорскомъ сельско-хозяйственномъ музеѣ министерства государственныхъ имуществъ; 5) образованіемъ кустарныхъ комитетовъ и привлеченіемъ къ дѣлу кустарной промышленности мѣстныхъ дѣятелей, и пр.

Затѣмъ, министерство занялось изученіемъ кустарной промышленности въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, причемъ на первый разъ обращено было вниманіе на кустарные промыслы, обнимающіе обработку сырыхъ произведеній, распредѣленныхъ на шесть группъ.

Ближайшее наблюденіе за состояніемъ производства каждой группы поручено особому лицу, спеціально знакомому съ дѣломъ. На этихъ основаніяхъ, въ теченіе 1889 и 1890 гг., были изслѣдованы кустарные промыслы въ двадцати одной губерніи внутренней Россіи и на Кавказѣ. *Для распространенія среди сельскаго населенія ремесленнаго образованія*, министерство госуд. имуществъ вошло въ соглашеніе съ министерствомъ народнаго просвѣщенія и изъявило готовность оказать содѣйствіе къ обученію ремесламъ въ нѣкоторыхъ сельскихъ школахъ, находящихся въ главныхъ центрахъ кустарнаго производства, принявъ на себя подготовку мастеровъ для такихъ школъ и расходы на матеріалы, необходимые при обученіи. На первое время предположено ввести обученіе ремеслэмъ въ сельскихъ школахъ рязанской, смоленской, курской и харьковской губерній. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ были открыты *спеціальныя ремесленныя школы*. Кромѣ того, министерство оказывало помощь спеціальнымъ ремесленнымъ школамъ, основаннымъ частною предпріимчивостью. Прежде всего, было обращено вниманіе на попытки землевладѣлицы сычевскаго уѣзда, смоленской губерніи, княгини М. А. Урусовой—усовершенствовать мѣстное ткачество и открыть сбытъ тканямъ мѣстнаго производства. Для развитія и поощренія полезной дѣятельности княгини Урусовой, ми-

нистръ государственныхъ имуществъ назначилъ на устройство и содержаніе въ гор. Сычевкѣ практической женской школы прядения и тканья по 1,500 руб. въ годъ, а на второй годъ существованія школы увеличилъ это пособіе до 2,000 руб. Затѣмъ, министерство рѣшило поддержать дѣло вышивнаго рукодѣлья,—руководимое болѣе 10 лѣтъ въ михайловскомъ уѣздѣ рязанской губерніи г-жею Казначеевой и занимающее свыше 300 человѣкъ въ одномъ селѣ Высокомъ,—учрежденіемъ школы, для обученія улучшеннымъ пріемамъ вышиванія и составленія узоровъ. Въ маѣ 1890 года разрѣшено г-жѣ Казначеевой устроить въ с. Подлѣсномъ, михайловскаго уѣзда, практическую женскую школу вышиванія. На расходы по устройству и обзаведенію школы министръ государственныхъ имуществъ назначилъ, на 1890 годъ, 1,000 руб. Для улучшенія тѣхъ производствъ женскаго труда, которыя находятся въ зависимости отъ моды, рисунка, разнообразія формъ и т. под., открыты при Маріинской практической школѣ кружевницъ въ С.-Петербургѣ два отдѣленія: одно—для изученія вышиванья и другое—для тканья ковровъ. Въ эти отдѣленія поступаютъ ученицы изъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ развиты вышивальный, золотошвейный, ковровый и тому подобные промыслы, для усовершенствованія въ соотвѣтственномъ рукодѣльѣ и, сверхъ того, для обученія рисованію, составленію узоровъ и т. п. По окончаніи обученія, онѣ должны возвратиться на родину, гдѣ будутъ руководить мѣстными мастерицами. На содержаніе отдѣленій разрѣшено къ ежегодному отпуску 2,500 рублей. Въ 1890 году назначено пособіе въ 240 руб. на содержаніе школы кружевницъ, устроенной въ Воткинскомъ заводѣ, вятской губерніи. Для обученія улучшеннымъ пріемамъ гончарнаго производства кустарей въ полтавской, харьковской, херсонской и черниговской губерніяхъ, предположено посылать по одному человѣку изъ губерніи на гончарный заводъ г. Фока (на рѣкѣ Ояти, въ новгородской губерніи), хорошо обставленный въ техническомъ отношеніи. Устроить школу гончарнаго дѣла, за неотысканіемъ учителя, которому можно было бы поручить обученіе, оказалось невозможнымъ. Сдѣлано сношеніе съ министерствомъ народнаго просвѣщенія объ учрежденіи класса рисованія при двухклассномъ училищѣ въ сл. Борисовкѣ, грайворонскаго уѣзда курской губерніи, гдѣ въ значительной степени развито иконописаніе.

Затѣмъ, министерство заботилось о распространеніи свѣдѣній по кустарному дѣлу путемъ печати. Для этой цѣли оно избрало газету «Сельскій Вѣстникъ», которая читается преимущественно грамотнымъ населеніемъ въ деревнѣ. Здѣсь сообщались свѣдѣнія о правительственныхъ мѣропріятіяхъ для развитія кустарной промышленности, объ устраиваемыхъ для кустарей техническихъ школахъ, выставкахъ и складахъ кустарныхъ издѣлій, о доступныхъ для кустарей способахъ техническихъ улучшеній и пр. Кромѣ того, въ названной газетѣ давались указанія и разъясненія на разные вопросы кустарей.

Равнымъ образомъ, министерство заботилось и о выставкахъ кустарныхъ издѣлій. Такъ, въ 1888 году оно устроило кустарный

отдѣлъ на *копенгагенской* художественно-промышленной международной выставкѣ, и оказало содѣйствіе бывшимъ въ томъ же году выставкамъ: въ г. *Рязани*—денежными пособіями и въ *Вологдѣ*—назначеніемъ почетныхъ премій. Въ 1889 и 1890 гг. министерство ассигновало нѣкоторыя средства на устройство кустарныхъ отдѣловъ на выставкахъ: тифлисской, смоленской, саратовской, острогожской, казанской, петербургской (рыбопромышленной), пензенской и пр. Вниманіе министерства обращено было также на устройство *музеевъ* и *складовъ* кустарныхъ издѣлій. Надобно замѣтить, что, еще раньше перехода кустарной промышленности въ вѣдѣніе министерства государственныхъ имуществъ, былъ составленъ кустарный музей существовавшею при министерствѣ финансовъ комисіею по изслѣдованію кустарнаго дѣла въ Россіи. Этотъ музей министерство государственныхъ имуществъ передало въ завѣдываніе директора императорскаго сельско-хозяйственнаго музея, д. с. с. Сольскаго, которому поручено озаботиться о мѣрахъ къ лучшему устройству *центральнаго музея кустарныхъ издѣлій* въ Соляномъ городкѣ. Для переустройства и приспособленія помѣщенія къ надобностямъ такого музея, министерство ассигновало 12,012 руб. Къ перестройкѣ приступили въ сентябрѣ 1889 года. Кромѣ того, министерство оказывало содѣйствіе къ устройству и содержанію мѣстныхъ кустарныхъ музеевъ и складовъ кустарныхъ издѣлій. Первое мѣсто между этими учрежденіями занимаетъ *вологодскій* складъ кустарныхъ издѣлій; его годовой оборотъ простирается до 10,000 р. Въ 1889 г. складу оказано заимообразное пособіе изъ оборотнаго капитала кустарной промышленности, въ размѣрѣ 3,000 руб. Вообще, министерство вполнѣ раціонально придерживается правила децентрализаціи по кустарному дѣлу. Такъ, для собранія точныхъ свѣдѣній о положеніи кустарныхъ промысловъ и для посредничества въ сношеніяхъ съ кустарями, министерство обратилось къ помощи мѣстныхъ дѣятелей, сочувствующихъ кустарной промышленности. Такіе дѣятели соединяются и образуютъ *мѣстные кустарные комитеты*. Первый по времени учрежденія, по обширной, сравнительно, дѣятельности и по приносимой кустарному дѣлу пользѣ—вологодскій комитетъ. Затѣмъ, учреждены комитеты въ городахъ: Вяткѣ, Псковѣ, Перми, Красноуфимскѣ, Оханскѣ, Чердыни, Екатеринбургѣ, Ирбитѣ, Рузѣ, Рязани; имѣется въ виду учрежденіе кустарныхъ комитетовъ въ Смоленскѣ и уѣздныхъ городахъ смоленской губерніи, въ Харьковѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ.

Таковы мѣры, принятыя министерствомъ относительно *всѣхъ* отраслей кустарной промышленности. Въ частности, министерство приняло еще нѣкоторыя мѣры въ интересахъ отдѣльныхъ группъ кустарнаго производства. Такъ, по порученію министерства, лѣтомъ 1889 года, г-жа Давыдова изучала технику ковроваго производства въ курской, полтавской и бессарабской губерніяхъ и на Кавказѣ, а лѣто 1890 года она посвятила ознакомленію съ воздѣлываніемъ льна, выдѣлкою кудели, приготовленіемъ пряжи и тканьемъ батиста во Франціи—въ селеніяхъ между Валансьеномъ и Камбрэ. Пріобрѣтенныя ею свѣдѣнія будутъ примѣняться въ

сычевской школѣ пряденія и ткачества. Для поддержанія ткачества въ сл. Борисовкѣ, грайворонскаго уѣзда, курской губерніи, предположено послать туда искуснаго ткача, умѣющаго ткать, главнымъ образомъ, скатерти. Въ былое время, борисовскія скатерти пользовались большою извѣстностью въ южныхъ губерніяхъ; нынѣ этотъ промыселъ упалъ.

Для облегченія кустарямъ - древодѣламъ возможности пріобрѣтать матеріалъ для подѣлокъ, проэктируется отпустить имъ таковой изъ казенныхъ лѣсныхъ дачъ въ долгъ, до выручки денегъ за изготовленныя издѣлія. Обращено вниманіе на улучшеніе плетенія ивовыхъ корзинъ въ козьмодемьянскомъ уѣздѣ, путемъ ознакомленія кустарей (черемисовъ) съ усовершенствованными инструментами для снятія коры и расщепа прутьевъ. Для развитія корзиночнаго производства въ курской губевніи, гдѣ въ значительной степени распространено садоводство и на корзины существуетъ значительный спросъ,—назначено въ распоряженіе попечителя кучеровской низшей сельско-хозяйственной школы, г. Арнольди, изъявившаго желаніе руководить этимъ дѣломъ, 300 руб., на приглашеніе опытнаго мастера. Крестьянинъ Давыдовъ (служащій у купца Зварыкина, близь гор. Мурома) изъявилъ готовность обучать производству гнутой мебели всякаго желающаго. Объ этомъ сообщено кустарямъ черезъ «Сельскій Вѣстникъ». Сдѣлано сношеніе съ нижегородскимъ отдѣленіемъ русскаго техническаго общества объ устройствѣ, при пособіи отъ министерства, склада цвѣтнаго дерева для кустарей села Маклакова, занимающихся столярно-мозаичнымъ дѣломъ. Для поднятія гончарнаго дѣла, кромѣ изученія техники производства, были изслѣдованы количество и качество той глины, на которую могутъ разсчитывать кустари данной мѣстности. Кромѣ того, производству металлическихъ издѣлій министерство оказало значительную матеріальную помощь черезъ предоставленіе кустарямъ казенныхъ заказовъ. Еще въ 1887 году морское министерство сдѣлало, черезъ посредство горнаго инженера Арсеньева, заказъ кустарямъ на желѣзные и мѣдные винты, напилки, долота, ножи, ножницы, и т. под. Заказъ былъ сдѣланъ на сумму 38,188 руб. и исполненъ кустарями московской, нижегородской и тульской губерній. Въ декабрѣ 1888 года отдѣлъ заготовленій морскаго министерства сдѣлалъ подобный же заказъ на потребность 1889 года. Сумма заказа простиралась до 60,138 рублей. Подобный же заказъ для надобностей морскаго вѣдомства данъ и на текущій годъ. Министерство государственныхъ имуществъ содѣйствовало выполненію этихъ заказовъ выдачею кустарямъ, авансомъ, денежныхъ средствъ и отпускомъ въ кредитъ желѣза и стали изъ склада комисіонеровъ казенныхъ горныхъ заводовъ. Для своевременнаго выполненія послѣдняго заказа морскаго вѣдомства—на 1891 годъ, министерство выдало кустарямъ, черезъ посредство горнаго инженера Арсеньева, авансъ въ 10,000 рублей, собственно для заготовленія сырыхъ матеріаловъ. Благодаря этимъ поддержкамъ, кустари получили возможность пріобрѣтать сырой матеріалъ значительными партіями и потребнаго качества, по цѣнамъ, значительно низшимъ, сравни-

тельно съ тѣми, которыя они платили желѣзо-торговцамъ, покупая желѣзо въ кредитъ и незначительными партіями. Уменьшеніе цѣны на сырой матеріалъ повліяло на увеличеніе заработка кустарей, который почти удвоился. Съ увеличеніемъ же заработка кустарей, улучшилось и качество ихъ издѣлій.

Таковы данныя, сообщенныя въ вышеупомянутомъ «очеркѣ» дѣятельности мин. гос. имущ. по развитію и поощренію кустарной промышленности. Данныя эти прямо показываютъ, что кустарное производство вовсе не есть такая область народнаго труда, которая недоступна разумному вмѣшательству со стороны общества и правительства. Напротивъ того,—какъ видно изъ упомянутаго «очерка»,—благодаря оказываемому кустарямъ содѣйствію, увеличился заработокъ самихъ кустарей и улучшилось качество ихъ издѣлій. Словомъ, достигнуты: и увеличеніе рабочей платы производителей, и возможность полученія *дешеваго* и вмѣстѣ съ тѣмъ *доброкачественнаго* продукта для потребителей, т. е. достигнуто то, чего такъ пламенно доискиваются всѣ здравомыслящіе политико-экономисты. Словъ нѣтъ, что въ вышеописанной области остается сдѣлать еще многое, но и то, что сдѣлано, при *незначительной* суммѣ денегъ, которая имѣется въ распоряженіи министерства государственныхъ имуществъ на подъемъ кустарной промышленности, представляетъ собою весьма отрадный фактъ въ нашихъ «внутреннихъ дѣлахъ». Еще болѣе утѣшительны результаты, достигнутые дѣятелями по кустарной промышленности. Но эти результаты, очевидно, слѣдуетъ приписать главнымъ образомъ сочувствію, которое встрѣчаютъ мѣры правительства по развитію и поощренію кустарнаго дѣла во всѣхъ слояхъ нашего образованнаго и даже необразованнаго общества. Напрасно, поэтому, наши легковѣсные экономисты силятся доказать, что кустарей слѣдуетъ предоставить своей собственной судьбѣ, потому что всякая посторонняя помощь имъ не только безполезна, но прямо таки вредна. Вышеприведенные факты безповоротно опровергаютъ эту теорію laissez faire, laissez passer, приспособляемую *спеціально* по отношенію къ кустарной промышленности. Ничего спеціальнаго эта форма промышленности, относительно мѣропріятій къ ея поощренію, не представляетъ. И надобно полагать, что анонимный авторъ «Современной Россіи»,—впрочемъ довольно извѣстный въ литературныхъ кружкахъ,—отрицая не только необходимость, но и всякую пользу для кустарей отъ оказываемаго имъ содѣйствія, просто «скапризничалъ», благо современнымъ баловнямъ судьбы разрѣшаются и многоразличные капризы... Лишь поэтому мы и готовы простить ему недоброжелательство и жестокосердіе по отношенію къ горемычнымъ кустарямъ. На этомъ примиреніи съ авторомъ «Современной Россіи» мы и покончимъ наши сужденія о кустарной промышленности, и обратимся къ разсмотрѣнію вновь изданнаго закона о примирительномъ производствѣ въ дѣлахъ уголовныхъ.

Надобно замѣтить, что въ уголовномъ кодексѣ существуетъ цѣлая серія уголовныхъ преступленій, за которыя преслѣдованіе можетъ быть начато лишь по жалобѣ потерпѣвшаго лица. Такъ на

примѣръ, возбужденіе уголовнаго преслѣдованія за прелюбодѣяніе зависитъ *исключительно* отъ оскорбленнаго супруга. Безъ жалобы со стороны послѣдняго, слѣдственная власть не можетъ начать преслѣдованія противъ виновнаго въ прелюбодѣяніи. Подобныя дѣла имѣютъ спеціально-техническое названіе—*уголовно-частныхъ* дѣлъ. Характерная особенность этихъ дѣлъ, помимо того, что они могутъ быть начаты исключительно по жалобѣ потерпѣвшаго отъ преступленія, заключается еще въ томъ, что они могутъ быть оканчиваемы *примиреніемъ*. Такъ напр., мужъ, возбуждающій уголовное преслѣдованіе противъ своей жены за прелюбодѣяніе, можетъ во всякой стадіи процесса, не исключая даже суда, когда фактъ прелюбодѣянія уже вполнѣ установленъ, прекратить дѣло, т. е. милостиво простить блудную жену. Но въ подобныхъ дѣлахъ обрядъ примиренія не обязателенъ. Есть, однако, и такія дѣла уголовно-частнаго характера, въ отношеніи которыхъ обрядъ примиренія обязательно долженъ предшествовать разбирательству по существу. И вотъ это-то примирительное производство подлежало, на основаніи 35 ст. уст. угол. суд., вѣдѣнію мировыхъ судей. По свойству обязанностей мировыхъ судей, дѣла, могущія быть по закону оканчиваемы примиреніемъ, вполнѣ естественно было отнести именно къ ихъ компетенціи. Но практика показала, что порядокъ примирительнаго производства, установленный вышеупомянутой 35 статьею уст. угол. суд., превратился въ простую формальность, почти никогда не достигавшую цѣли, т. е. примиренія сторонъ; а между тѣмъ эта пустая формальность только понапрасну замедляла ходъ процесса, а нерѣдко служила поводомъ къ разнымъ пререканіямъ и—что важнѣе всего—благодаря подобному промедленію, слѣды преступленія успѣвали стушевываться. Дѣло въ томъ, что пока дѣло двигалось отъ судебнаго слѣдователя къ «мировому», собственно для склоненія сторонъ къ миру, пока мировой вызывалъ къ себѣ стороны, которыя обыкновенно уклонялись отъ явки, а затѣмъ возвращалъ дѣло къ слѣдователю, слѣды преступнаго дѣянія успѣвали скрыть, такъ что въ результатѣ получалось неполное слѣдствіе и совершенно случайные приговоры. Новымъ закономъ, опубликованнымъ 21-го прошлаго мая, вышеупомянутая ст. 35 уст. угол. суд. отмѣнена и, вмѣсто прежняго порядка, установленъ новый, заключающійся въ слѣдующемъ. Примирительное производство сосредочено въ рукахъ судебнаго слѣдователя. Не приступая къ производству слѣдствія, онъ обязанъ вызвать стороны для склоненія ихъ къ миру. Если примиреніе состоится или обвинитель не явится безъ законныхъ на то причинъ, то дѣло прекращается; если же примиреніе не состоится или лицо, противъ котораго возбуждено обвиненіе, не явится безъ законныхъ причинъ, то по дѣламъ, рѣшаемымъ не иначе, какъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, слѣдователь приступаетъ къ производству слѣдствія, а по дѣламъ, рѣшаемымъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей, представляетъ жалобу въ окружный судъ, который можетъ приступить къ разсмотрѣнію дѣла безъ предварительнаго слѣдствія. Но если по дѣламъ этого рода не было произведено примирительнаго разбирательства, то судъ, до назначенія дѣла къ слушанію,

обращаетъ жалобу частнаго обвинителя къ судебному слѣдователю для склоненія сторонъ къ миру. Отнынѣ, слѣдовательно, обрядъ примиренія совершится въ стѣнахъ камеры слѣдователя, минуя странствованія отъ слѣдователя къ мировому и обратно, т. е. не повлечетъ за собою излишней потери времени. Но, кромѣ того, новый порядокъ примирительнаго разбирательства можетъ имѣть хорошія послѣдствія и по существу, т. е. можетъ повліять на успѣшное достиженіе основной цѣли закона—примиренія сторонъ. Дѣло въ томъ, что до изданія новаго закона, когда примирительное разбирательство происходило у мировыхъ судей, стороны могли имѣть своихъ представителей на судѣ, въ лицѣ повѣренныхъ. Теперь же, съ отнесеніемъ примирительнаго производства къ дѣйствіямъ предварительнаго слѣдствія, гдѣ по нашему закону представительство не допускается, стороны, если онѣ вообще пожелаютъ явиться къ примирительному обряду, должны будутъ являться къ слѣдователю лично, а не чрезъ повѣренныхъ. Это условіе можетъ повліять на болѣе успѣшный исходъ примирительнаго разбирательства, такъ какъ при личной явкѣ сторонъ примиреніе болѣе возможно, чѣмъ при явкѣ на ихъ мѣсто повѣренныхъ. Во всякомъ случаѣ, надобно признать, что новый законъ о примирительномъ производствѣ представляетъ собою одну изъ тѣхъ поправокъ въ нашемъ уголовномъ процессѣ, которыя вызваны самой жизнью.

Въ заключеніе, мы позволяемъ себѣ обратить вниманіе нашихъ читателей на новыя правила, которыя предположено издать по вопросу о предупрежденіи пожарныхъ несчастій и реорганизаціи страховаго дѣла. Этому вопросу [1]) мы посвятили, годъ тому назадъ, пространную бесѣду. Оказывается, что наше слово нашло себѣ отголосокъ въ правящихъ сферахъ. А именно, по сообщенію газетъ, особая комисія, образованная при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ для изысканія средствъ къ предупрежденію пожаровъ, остановилась на мысли о необходимости издать съ упомянутой цѣлью новыя постановленія, сущность которыхъ сводится къ слѣдующему: 1) предупредутельныя мѣры противъ пожаровъ предполагается возложить, подъ наблюденіемъ губернатора или градоначальника, на особыя противопожарныя присутствія, учреждаемыя въ городахъ изъ лицъ, непосредственно завѣдующихъ городскимъ хозяйствомъ, при участіи техниковъ по строительной части, товарища прокурора, брандмайора или брандмейстера и представителя страховаго дѣла; а въ уѣздѣ—и изъ лицъ, завѣдующихъ земскимъ хозяйствомъ, при участіи земскихъ начальниковъ. Присутствія эти должны вѣдать всѣ дѣла о предупрежденіи пожарныхъ несчастій, издавать обязательныя правила о постройкахъ, объ очисткѣ трубъ, и пр. и наблюдать за всѣмъ этимъ черезъ своихъ надсмотрщиковъ; 2) огнегасительныя команды должны существовать не только во всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, но и во всѣхъ селеніяхъ и деревняхъ. Для достиженія возможности осуществленія послѣдней мѣры, признается необходимымъ учредить, на первое

[1]) См. „Наши внутр. дѣла“, „Наблюд.“ № 8, 1890 г.

время, пожарныя станціи въ каждой волости по одной, и притомъ не иначе, какъ въ самомъ центрѣ волости; каждая пожарная станція должна быть снабжена двумя заливными трубами и всѣми необходимыми инструментами, причемъ волостные сходы будутъ обязаны выбирать изъ своей среды особыхъ пожарныхъ старостъ, на которыхъ предполагается возложить обязанность по надзору въ селеніяхъ за точнымъ исполненіемъ правилъ предосторожности; 3) во всѣхъ селеніяхъ учредить обязательные ночные караулы, а въ рабочее время и денные, и 4) вмѣнить въ обязанность земскимъ начальникамъ наблюдать, чтобы, при возобновленіи построекъ послѣ пожаровъ, а равно при новыхъ сооруженіяхъ, были соблюдены интервалы между отдѣльными постройками въ 4—8 саженъ, а расширеніе улицъ въ 8—10 саженъ. Для организаціи пожарныхъ станцій, на первыхъ порахъ, министерство внутреннихъ дѣлъ явится съ матеріальною поддержкою, а при дальнѣйшей практикѣ вышеупомянутыя правила войдутъ въ составъ новаго пожарнаго устава и сдѣлаются обязательными для всѣхъ сельскихъ обществъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Маленькія причины, ведущія къ важнымъ послѣдствіямъ.—Наслѣдникъ престола въ игорномъ домѣ.—Шулеръ, обвиненный судомъ и оправдываемый общественнымъ мнѣніемъ.—Прекращеніе осаднаго положенія въ Ирландіи.—Шаткость положенія консервативнаго министерства.—Манипурскій раджа.—Какъ продали мелинитъ?—Процессъ Тюрпена.—Проэктъ пенсіонной кассы для французскихъ рабочихъ.—Деруледъ, оскорбляющій большинство и палата, не довѣряющая министру.—Нѣмецкій законъ о пенсіяхъ и соціалисты.—Крахъ панамской компаніи.—Лессепсъ подъ судомъ.—Турецкіе разбойники.—Аудіенція самозваннаго князя у австрійскаго императора.—Чешская выставка.—Чешскій и русскій гимнъ.—Новый университетъ въ Швейцаріи.—Нѣмецкіе капиталисты, производящіе крушенія на желѣзныхъ дорогахъ.

Ласказъ, въ своемъ «Меморіалѣ святой Елены», приводитъ слѣдующія слова Наполеона: «для націй и для государей нѣтъ незначительныхъ событій; эти-то событія и управляютъ ихъ судьбою». Дѣйствительно, исторія доказываетъ намъ, какъ часто, повидимому, самыя ничтожныя происшествія измѣняли весь ходъ политики въ государствахъ и международныхъ сношеніяхъ. Извѣстенъ, выведенный Скрибомъ въ своей комедіи, анекдотъ о стаканѣ воды, опрокинутомъ на платье королевы Анны и бывшемъ причиною немилости гордаго Марльборо, паденія министерства и прекращенія войны за испанское наслѣдство. Такихъ маленькихъ слу-

чаевъ, которые повели къ важнымъ событіямъ, немало въ исторіи всѣхъ вѣковъ и народовъ. И въ жизни націй, какъ и отдѣльныхъ лицъ, нерѣдко одинъ неосторожный шагъ влечетъ за собою послѣдствія роковыя и неожиданныя. Въ лондонскомъ судѣ разбирался процессъ, рисующій нравы аристократическихъ англійскихъ кружковъ: въ игорномъ притонѣ, куда собиралась вся знать, не смотря на его сомнительную репутацію поймали шулера и взяли съ него подписку, что онъ не будетъ никогда брать въ руки картъ, если не станутъ разглашать его поведенія во время игры въ бакара, т. е. его мошенничества. Казалось, какое отношеніе имѣетъ къ политикѣ этотъ частный случай, хотя шулеромъ былъ полковникъ англійской службы? Недавно аристократъ съ болѣе громкимъ именемъ, лордъ Россъ, былъ пойманъ въ подобной же продѣлкѣ—и никто не обратилъ на это вниманія,—вѣдь англичане такіе эксцентрики! Въ дѣлѣ сэра Вильяма Гордона Кёмминга были только два непонятныя обстоятельства: какъ могъ онъ дать такую глупую расписку, точно можно было скрыть и замять скандалъ, происходившій при сотнѣ лицъ, собиравшихся у миссъ Вильсонъ, въ салонахъ которой происходила постоянная азартная игра. Еще страннѣе былъ его второй поступокъ. Досадуя, вѣроятно, на то, что о его мошенничествѣ продолжаютъ разглашать въ салонахъ, полковникъ подалъ въ судъ жалобу на пятерыхъ лицъ, обвиняя ихъ въ клеветѣ за то, что они называли его шулеромъ. Въ свидѣтели былъ приглашенъ наслѣдникъ англійскаго престола принцъ Уэльскій, прямой начальникъ полковника, разсчитывавшаго, конечно, на покровительство своего фельдмаршала. Но всѣ пятеро подсудимыхъ подтвердили на судѣ обвиненіе Кёмминга въ шулерствѣ, а принцъ Уэльскій показалъ, что хотя онъ самъ не замѣтилъ, какъ плутовалъ полковникъ, но вполнѣ вѣритъ видѣвшимъ это пятерымъ свидѣтелямъ.

Тогда на судѣ обвинитель превратился въ обвиненнаго и былъ признанъ уличеннымъ въ мошенничествѣ. Но общественное мнѣніе, по поводу этого процесса, обрушилось болѣе всего не на полковника, а на наслѣдника престола, проводящаго дни въ игорныхъ домахъ, въ сообществѣ такихъ пріятелей, какъ Кёммингъ, и такихъ дамъ, какъ миссъ Вильсонъ. Всѣ газеты, не исключая Times, и даже консервативныхъ органовъ, отозвались съ негодованіемъ о такомъ образѣ жизни будущаго короля Англіи. Самые снисходительные изъ періодическихъ листковъ напоминаютъ только, что всѣ принцы Уэльскіе, даже раньше четырехъ Георговъ, не отличались регулярнымъ поведеніемъ (о томъ, что многіе изъ нихъ кончили сумашествіемъ и раннею смертью отъ разгульной жизни—газеты не упоминаютъ). Но большинство органовъ печати находитъ поступки принца недостойными его званія и приводитъ многія изъ его прежнихъ увлеченій. Въ молодые годы, онъ часто проводилъ время въ Парижѣ, но не при дворѣ своего друга Наполеона III, а за кулисами

бульварныхъ театровъ. Но знакомство съ балетными нимфами еще на такъ предосудительно для наслѣдника престола, какъ страсть къ картамъ, которой онъ предался особенно въ послѣднее время, когда ему перешло уже за 50 лѣтъ. Она заставила его сблизиться съ разными сомнительными личностями, въ родѣ полковника Кёмминга, котораго принцъ называлъ своимъ другомъ лѣтъ двадцать. Теперь этотъ другъ жалуется вездѣ, что онъ хотѣлъ избавить принца отъ скандала, но тотъ поступилъ неблаговидно, отрекшись отъ своего партнера. Принцъ постоянно и много играетъ, думая поправить этимъ свои обстоятельства. Онъ постоянно носитъ съ собою жетоны, употребляемые при игрѣ въ бакара. По бюджету, принцъ Уэльскій получаетъ всего мильонъ франковъ содержанія, а проживаетъ больше трехъ мильоновъ. Поэтому онъ вошелъ въ неоплатные долги. Нѣтъ ни одного богатаго лорда въ Англіи, которому онъ не былъ бы долженъ. Главный кредиторъ его—еврейскій банкиръ Гиршъ, съ которымъ они вмѣстѣ держатъ очень дорого стоющую скаковую конюшню. Королева Викторія, при ея колоссальномъ богатствѣ, не даетъ сыну ни одного лишняго гроша, и всякій разъ, какъ онъ проситъ у нея субсидій, она рекомендуетъ ему обратиться въ палату общинъ. Но тамъ ни одинъ изъ самыхъ низкопоклонныхъ министровъ не смѣетъ и заикнуться объ уплатѣ долговъ принца, зная, что оппозиція тотчасъ обнаружитъ такія растраты, о которыхъ неловко сообщить публично. Парламентъ назначилъ, правда, еще мильонъ франковъ на содержаніе дѣтей принца, но этихъ денегъ, находящихся подъ строгимъ контролемъ, нельзя проиграть въ бакара или въ пари на скачкахъ. На публичныхъ митингахъ энергично порицалось поведеніе принца въ дѣлѣ Кёмминга и вообще его образъ жизни.

Адвокатъ полковника доказывалъ, что его кліентъ виноватъ столько же, какъ и принцъ, метавшій банкъ, но его остановилъ предсѣдатель суда сказавшій, что нельзя примѣшивать къ гражданскому процессу принца Уэльскаго, подлежащаго, въ качествѣ фельдмаршала арміи, военному суду. Другіе увѣряютъ даже, что Кёмминга ни въ чемъ не виноватъ, и что его обвиненія потребовала миссъ Вильсонъ, имѣющая вліяніе на принца и мстившая полковнику за то, что онъ женился не на ней. На запросъ по этому дѣлу въ парламентѣ, правительственный ораторъ заявилъ, что принцъ винится въ сдѣланной имъ ошибкѣ, состоящей въ томъ, что онъ не потребовалъ отъ Кёмминга немедленнаго сообщенія, по долгу службы, о случившемся. Стенгопъ прибавилъ, что этому дѣлу «не будетъ дано дальнѣйшаго хода». Но въ Англіи, ни по конституціи, ни по общественнымъ нравамъ, нельзя замять и замолчать никакого скандала, хотя бы онъ касался и королевской семьи, да этого, въ данномъ случаѣ, нація вовсе и не желаетъ. Очень многіе, особенно вліятельная секта методистовъ, становятся въ этомъ процессѣ на сторону Кёмминга, а не принца. Ему напоминаютъ, что въ палату, въ прежнее время, не разъ представлялись

обвинительные акты (bills of impeachment), устранявшіе отъ власти того или другаго члена царствующей династіи. Прошелъ даже слухъ, что принцъ намѣренъ отречься отъ своихъ правъ на престолъ, и что это намѣреніе будетъ обсуждаться въ фамильномъ совѣтѣ, на который, въ качествѣ ближайшихъ родственниковъ, приглашены императоръ германскій и король бельгійскій. Дѣло, конечно, не дойдетъ до такой крайности. Государственное устройство Англіи покоится на такихъ твердыхъ основаніяхъ, что можетъ терпѣть во главѣ своего представительства такихъ лицъ, какъ Георгъ III, бывшій болѣе сорока лѣтъ помѣшаннымъ, или какъ распутный Георгъ IV. Но необходимо, чтобы будущій король Англіи измѣнилъ свой образъ жизни и не давалъ поводовъ къ составленію такихъ митинговъ негодованія, какіе собираются теперь противъ него во всѣхъ концахъ Англіи.

Пустился въ либерализмъ и Салисбюри, хотя скрѣпя сердце и по необходимости. Но опасеніе потерять раньше срока власть, ускользающую изъ его рукъ, заставило его отмѣнить почти во всей Ирландіи осадное положеніе, примѣнявшееся тамъ со времени вступленія консерваторовъ въ управленіе. Дѣйствіе обыкновенныхъ законовъ возстановлено на всемъ островѣ, за исключеніемъ графства Клеръ и нѣсколькихъ участковъ въ трехъ другихъ графствахъ. Такимъ образомъ, ирландцы не подчинены уже теперь полицейской власти и правительственнымъ судьямъ, и становятся полноправными гражданами королевства. Правда, вице-король Ирландіи можетъ, безъ разрѣшенія парламента, вводить опять исключительныя мѣры вездѣ, гдѣ найдетъ это нужнымъ, но введеніе вновь въ странѣ малаго осаднаго положенія становится излишнимъ, такъ какъ ирландцы, слѣдуя совѣтамъ Гладстона, держали себя все время такъ, что доказали совершенную ненужность исключительныхъ мѣръ, какими ихъ думалъ смирить Салисбюри. Уже очень давно на островѣ не совершалось ни одного аграрнаго преступленія, не происходило никакихъ политическихъ безпорядковъ, хотя спокойствіе народа и не было признакомъ примиренія; но во всякомъ случаѣ народъ, снятіемъ съ него осаднаго положенія, обязанъ самому себѣ, а не благоволенію министерства. Ирландскіе автономисты, поддерживаемые всею націею и либералами парламента, не отказываются отъ своихъ политическихъ требованій, и отсутствіе сопротивленія доказываетъ только твердую рѣшимость народа—отнять у противниковъ автономіи острова всякій предлогъ утверждать, что автономія эта опасна для государственнаго единства. Парнель, правда, совѣтовалъ боевую политику и открытое возстаніе, и Салисбюри разсчитывалъ, для окончательнаго пригнетенія Ирландіи, на разрывъ этой крайней партіи съ гладстоніанцами, но націоналисты приняли политику стараго вождя либераловъ. При новыхъ выборахъ въ парламентъ, Салисбюри придется явиться на судъ избирателей, ничего не до-

бившись въ Ирландіи и только доказавъ, что крутыя мѣры да осадныя положенія не ведутъ ровно ни къ чему, а только укореняютъ въ народѣ вражду къ тѣмъ, кто подвергаетъ его исключительнымъ мѣрамъ. Консервативное министерство постоянно терпитъ маленькія пораженія въ палатѣ общинъ. Она потребовала представленія документовъ по дѣлу объ истребленіи въ Манипурѣ англо-индійской миссіи, такъ какъ оказалось, что англичане, приглашая къ себѣ манипурскаго раджу подъ предлогомъ совѣщаній — хотѣли захватить его и арестовать. Возмущенный такимъ вѣроломствомъ, раджа велѣлъ убить англійскаго комисара и его свиту. Защищая намѣреніе захватить раджу, министръ по индійскимъ дѣламъ объявилъ, что правительство слѣдовало только въ этомъ случаѣ «англо-саксонскимъ преданіямъ», примѣнявшимся не разъ въ Новой Зеландіи и къ королю зулусовъ Сетивайо, и къ Араби-пашѣ, и къ Зеберу-пашѣ. Это наивное сознаніе въ примѣненіи пріемовъ обмана и коварства къ современной политикѣ,—потому что такъ поступали въ эпоху англо-саксовъ,—не обезоружило однако палату, пожелавшую все таки узнать всѣ подробности этого возмутительнаго дѣла. Другое пораженіе кабинетъ Салисбюри понесъ въ поправкѣ къ фабричному закону, устанавливающей, что съ 1893 года на заводахъ не будутъ допускаемы къ работамъ дѣти моложе одиннадцатилѣтняго возраста. Министерство было противъ этой поправки, но она все таки принята палатой. Еще два-три такихъ пораженія, и министерству Салисбюри придется или отказаться отъ власти, или распустить парламентъ раньше срока—съ плохою надеждою получить большинство голосовъ въ свою пользу при новыхъ выборахъ.

Сильное впечатлѣніе произвелъ во Франціи процессъ, по поводу открытія секрета приготовленія мелинита. Еще въ концѣ мая, въ Парижѣ была захвачена у издателя Савена книга подъ заглавіемъ: «Какъ продали мелинитъ». Случаи конфискаціи книгъ тамъ рѣдки въ республикѣ, что это обстоятельство не могло пройти незамѣченнымъ. Прокурорскій надзоръ объяснилъ секвестръ книги тѣмъ, что въ ней приведены секретные военные документы и планы. Тогда же арестованъ авторъ книги, изобрѣтатель мелинита Тюрпенъ, и капитанъ Трипонэ, продавшій англійскому правительству секретъ этого открытія, выкраденный или купленный изъ военнаго министерства. Еще въ 1885 году, Тюрпенъ предложилъ Франціи найденный имъ способъ приготовленія мелинита. Онъ не изобрѣлъ это вещество, состоящее изъ пикриновой кислоты, а прiалъ ему только бо́льшую взрывчатость. Военное министерство купило секретъ изготовленія за 200,000 франковъ, для производства опытовъ и съ тѣмъ, что черезъ десять мѣсяцевъ, если въ это время не будутъ заключены другія условія, изобрѣтеніе можетъ быть продано въ другія руки. Опыты оказались невполнѣ удачны: хранѣніе состава было сопряжено съ большою опасностью, и уже въ министерствѣ инженеры изо-

брѣли особаго рода капсюли для безвреднаго храненія мелинита. Затѣмъ, видя, что правительство не входитъ съ нимъ въ дальнѣйшія сношенія, Тюрпенъ повезъ свое изобрѣтеніе въ Англію, но тамъ оказалось, что его секретъ извѣстенъ уже кабинету. Тюрпенъ, въ 1889 году, жаловался и министру, и судебнымъ властямъ, что чиновники военнаго министерства украли способъ приготовленія и, черезъ посредство Трипонэ, продали его англичанамъ. Жалобы изобрѣтателя нигдѣ не приняли, и тогда онъ издалъ свою книгу, гдѣ прямо обвинялъ въ кражѣ Трипонэ и чиновниковъ. Кромѣ этихъ лицъ, подъ судъ отдали еще двоихъ сообщниковъ, и процессъ происходилъ при закрытыхъ дверяхъ. Этимъ очень недовольна французская публика и печать, находящія, что дѣло все таки нечисто, что Тюрпена все таки обманули, узнавъ отъ него секретъ изобрѣтенія, и потомъ, сдѣлавъ въ немъ измѣненія, отказались пріобрѣсти его. Что въ продажѣ этого секрета Англіи, а, можетъ быть, и Германіи, замѣшаны лица, принадлежащія къ высшей военной администраціи—это также несомнѣнно. А между тѣмъ Тюрпенъ приговоренъ къ пятилѣтнему тюремному заключенію, штрафу въ 2,000 франковъ и къ лишенію гражданскихъ правъ на пять лѣтъ, Трипонэ—къ пятилѣтней тюрьмѣ, 3,000 франковъ штрафа и лишенію правъ на 10 лѣтъ, сообщники его: Тассенеръ—на 5 лѣтъ тюрьмы, къ лишенію правъ и къ 2,000 штрафа, и Февріэ—къ двумъ годамъ тюрьмы, 200 франковъ штрафа и пятилѣтнему лишенію правъ. Стало быть, трое послѣднихъ лицъ, обвиненныхъ Тюрпеномъ, въ чемъ нибудь виноваты, если наказаны такъ строго. А между тѣмъ, премьеръ Фрейсинэ, на запросъ въ палатѣ, заявилъ, что «слѣдствіе выяснило неосновательность большинства обвиненій, возведенныхъ Тюрпеномъ противъ Трипонэ; что приняты предохранительныя мѣры (противъ чего?), что ни одинъ офицеръ не нарушалъ своего долга (а трое обвиненныхъ?) и общественное мнѣніе можетъ быть увѣрено, что ни одна иностранная держава не обладаетъ секретомъ французскаго вооруженія». Послѣ такихъ громкихъ, но ровно ничего не доказывающихъ фразъ, министръ потребовалъ выраженія довѣрія къ кабинету, и оно было дано большинствомъ слишкомъ двухсотъ голосовъ. Стало быть, все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ: Тюрпенъ наказанъ за то, что неосновательно обвинялъ чиновниковъ, а трое другихъ обвиненныхъ наказаны неизвѣстно за что,—вѣроятно, за то, что «ни одинъ офицеръ не нарушилъ своего долга». Выходя изъ суда, неблагодарные не кричали однако: да здравствуетъ французское правосудіе!

Не смотря, однако, на полное благоволеніе палаты къ министерству, оно понимаетъ, что нельзя забавлять представителей націи въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ обсужденіемъ тарифовъ на съѣстные припасы, и министръ внутреннихъ дѣлъ Констанъ внесъ въ палату выработанный правительствомъ проэктъ пенсіонной кассы для рабочихъ. Это новый и

весьма рѣшительный шагъ на почвѣ государственнаго соціализма, за который ухватились теперь всѣ западные кабинеты, желая, чтобы всѣ полезныя мѣры соціализма исходили отъ власти, а не отъ частныхъ лицъ. Заботы объ участи «ветерановъ труда» министерство возлагаетъ одновременно на правительство и на фабрикантовъ, въ размѣрѣ, далеко превышающемъ участіе въ дѣлѣ самихъ рабочихъ. Взносы ихъ и фабрикантовъ опредѣлены въ 5 и 10 сантимовъ въ день—смотря по роду работъ; правительство же вноситъ двѣ трети общаго сбора съ тѣхъ и другихъ, что̀ составитъ до ста мильоновъ франковъ въ годъ. Взносъ фабрикантовъ безусловно обязателенъ за каждаго рабочаго; рабочіе же могутъ и не вносить ничего, объявивъ мэру о своемъ нежеланіи участвовать въ пенсіонной кассѣ. Пенсію могутъ получать, начиная съ 55-ти лѣтъ; взносы дѣлаются съ 25-ти, но могутъ вносить и раньше, и тогда, кто прослужатъ 30 лѣтъ, могутъ уже получить пенсію и, кромѣ того, ранѣе внесенную и капитализированную сумму. Рабочій можетъ пріостановить свои взносы въ кассу по болѣзни и по другимъ причинамъ, въ теченіе пяти лѣтъ, лишь бы проработалъ, хотя бы и съ перерывами, 30 лѣтъ. Онъ можетъ также застраховать себѣ, при усиленномъ взносѣ, извѣстную премію при жизни или для своихъ наслѣдниковъ. Отъ фабрикантовъ правительство требуетъ до 150 миліоновъ франковъ ежегоднаго взноса, въ видѣ налога за право пользованія трудомъ рабочихъ. Консерваторы въ палатѣ и между заводчиками довольны этими правилами, но партіи республиканская и соціальная, принявшія на себя заботы объ участи рабочихъ, видятъ въ правительственномъ проэктѣ только комедію.

Въ палатѣ, Деруледъ обратился къ Констану со словами, что министру не слѣдуетъ ограничиваться платонической манифестаціей, а онъ долженъ принять на себя обязательство—побудить и сенатъ вотировать этотъ проэктъ, «иначе мы будемъ вправѣ утверждать, что онъ просто шарлатанитъ». Это вовсе не парламентское обращеніе возбудило неудовольствіе въ большинствѣ палаты. Деруледу стали кричать: вы сами шарлатанъ! Другіе удерживали Констана отъ отвѣта, крича, что не стоитъ обращать вниманія на слова «холопа Буланжэ». Это вывело изъ себя рьянаго Деруледа. Онъ сталъ требовать, чтобы оскорбившія его лица назвали себя. Никто не отвѣчалъ; тогда онъ продолжалъ: «я презираю ваши ругательства, но не позволю оскорблять меня этому гнусному большинству. Никогда и ничьимъ холопомъ я не былъ, а служилъ только своей странѣ, которую Констанъ ведетъ къ позору». Поднялся неистовый шумъ. Стали требовать, чтобы онъ взялъ назадъ свои слова о гнусномъ большинствѣ; другіе кричали, чтобы Деруледа подвергли цензурѣ, то есть временному исключенію изъ палаты съ удержаніемъ депутатскаго жалованья. Деруледъ началъ говорить, что въ деньгахъ онъ

не нуждается и готовъ бросить ихъ въ лицо тѣмъ, кто оскорбилъ его, а хотѣлъ сказать только, что никакія соціальныя реформы немыслимы тамъ, гдѣ, для отверженія ихъ, имѣется въ запасѣ сенатъ. Исключенія Деруледа изъ палаты все таки требуютъ. Три раза президентъ, поднимаясь, предлагаетъ рѣшить этотъ вопросъ поднятіемъ рукъ и вставаньемъ, и три раза результатъ оказывается сомнительнымъ, такъ что Деруледа не подвергаютъ цензурѣ, а, напротивъ, палата, огромнымъ большинствомъ, признаетъ проэктъ неотложнымъ.

Это неожиданное нежеланіе большинства палаты подвергнуть карѣ своего сочлена доказало, что оно раздѣляетъ его сомнѣніе и видитъ въ предложеніи министра желаніе привлечь на свою сторону рабочіе классы и въ то же время похоронить подъ неодобреніемъ сената дѣло, взятое имъ на себя только для того, чтобы опередить республиканскую партію, также заигрывающую съ рабочими и обѣщающую имъ всевозможныя блага. Большинство палаты вполнѣ увѣрено, что все дѣло кончится безцѣльными преніями, и сенатъ, состоящій изъ отъѣвшихся консерваторовъ и монархистовъ, наложитъ свое veto на всякое улучшеніе въ судьбѣ рабочихъ. Деруледъ, правда, совѣтовалъ въ этомъ случаѣ поставить кабинетный вопросъ, но Констанъ, конечно, не захочетъ рискнуть своею отставкою по этому вопросу, какъ бы ни былъ онъ важенъ въ настоящее время. Значеніе его оцѣнили и нѣмцы, находящіе, что французскій проэктъ лучше нѣмецкаго уже и потому, что рейхстагъ не согласился на участіе государства въ образованіи пенсіонной кассы. Такъ какъ размѣръ пенсій колеблется между 300 и 600 франковъ, то, принимая среднее число въ 450 франковъ, выходитъ, что пенсію могутъ получить до полумильона рабочихъ. Французскій законъ гораздо щедрѣе нѣмецкаго. Въ Германіи рабочій начинаетъ пользоваться пенсіей, начиная съ 70-ти лѣтняго возраста, — во Франціи, послѣ 30-ти лѣтъ, то есть, когда ему лѣтъ 50, и онъ, еще далеко не въ преклонныхъ лѣтахъ, можетъ отдохнуть и сдѣлаться рантьеромъ. Сверхъ того, максимальный размѣръ пенсіи нѣмецкаго рабочаго едва достигаетъ средняго размѣра французской пенсіи. Императоръ Вильгельмъ, со своимъ рейхстатомъ, поскупился немножко больше, чѣмъ республика. Въ Германіи придаютъ, впрочемъ, бо̀льшее значеніе обезпеченію рабочихъ, неспособныхъ къ труду, чѣмъ пенсіонной кассѣ. О неспособныхъ во Франціи нѣтъ никакого закона, да тамъ этому и не придаютъ такой важности, потому что возрастный предѣлъ для полученія пенсіи на двадцать лѣтъ короче, нежели въ Германіи.

Не смотря, однако, на недовѣріе Деруледа, мы не думаемъ, чтобы палата могла отвергнуть проэктъ Констана и не найти средствъ принудить сенатъ къ утвержденію такого благотворнаго закона. Соціальныя мѣры, принимаемыя властями, дадутъ скорѣе полезные результаты, чѣмъ

разглагольствованія соціалистическихъ газетъ въ родѣ «Vorwärts», напечатавшаго дикую статью объ отношеніяхъ рабочихъ классовъ къ министерству. Газета говоритъ, что, прежде рѣшенія экономическихъ вопросовъ, слѣдуетъ выдвинуть на очередь вопросъ политическій и постановить, что, «въ случаѣ войны между европейскими державами, за исключеніемъ войны съ Россіей,—пролетаріатъ долженъ отказаться отъ вступленія въ ряды войскъ». Кромѣ такого патріотическаго способа защищать свое отечество, соціалисты требуютъ, чтобы всѣ державы принудили Россію рѣшать всѣ международные споры третейскимъ судомъ. Статья эта, проникнутая такою враждою къ Россіи, показалась странной даже самому редактору Либкнехту, сдѣлавшему къ ней примѣчаніе, что она вызываетъ немало возраженій съ практической и теоретической стороны. Но почему же, въ такомъ случаѣ, она напечатана? Да потому, что писалъ ее богатый жидъ Зингеръ, въ то же время одинъ изъ вождей соціалистовъ. Эта же причина, то есть не соціализмъ, а жидовство, заставляетъ кричать противъ насъ и французскія газеты въ лицѣ Вольфа, Мейера, Симона, Локруа, Дрейфюса, Валентини, Рейнаха, Лакруа и другихъ жидовъ, захватившихъ въ свои руки парижскую печать. Не относись къ намъ съ такимъ горячимъ сочувствіемъ большинство французской націи, мы встрѣчали бы и въ этой печати такія же позорныя клеветы на Россію, какъ въ нѣмецкой, австрійской, англійской и венгерской.

Излюбленною темою иностранной журналистики служитъ обвиненіе русскихъ людей въ расхищеніи государственныхъ и общественныхъ суммъ и во взяточничествѣ. Нельзя сказать, чтобы обвиненія эти были совершенно несправедливы, но какъ ни крупны кражи нашихъ Юханцевыхъ, Рыковыхъ, крахи разныхъ банковъ, въ родѣ саратовско-симбирскаго, и т. п., никогда подобныя растраты не достигали у насъ колоссальныхъ размѣровъ заграничныхъ краховъ,—вѣнскаго биржеваго кризиса, банкротства парижскихъ обществъ, какъ товарищество Бонту, учетной конторы или Панамскаго канала. О томъ, какъ неожиданно лопнуло грандіозное предпріятіе Лессепса, мы говорили еще въ прошломъ году, но только теперь, когда приступили къ ликвидаціи общества, увидали, какія страшныя потери понесли акціонеры этого общества, покупавшіе его акціи и облигаціи, и вѣрившіе генію и честности 87-ми лѣтняго ученаго, стоявшаго во главѣ этого предпріятія. Почти девятьсотъ тысячъ мелкихъ капиталистовъ вложили въ него свои трудовыя сбереженія. По первоначальнымъ смѣтамъ Лессепса, прорытіе панамскаго перешейка должно было обойтись въ мильярдъ и 50 мильоновъ франковъ, и, еще два года тому назадъ, строитель Суэзскаго канала далъ въ Ліонѣ слово собравшимся акціонерамъ, что Панамскій каналъ будетъ оконченъ въ іюлѣ 1890 года. Но еще въ мартѣ 1889 года, пришлось остановить всѣ работы, и Лессепсъ

долженъ былъ признаться, что денегъ опять не хватаетъ для самыхъ спѣшныхъ работъ. А между тѣмъ общество собрало капиталъ въ мильярдъ 330 мильоновъ франковъ. Куда же дѣвалась вся эта громадная сумма, отъ которой къ половинѣ нынѣшняго года осталось только 16 мильоновъ? Съ этимъ вопросомъ обратились къ Лессепсу акціонеры, отказавшіеся отъ всякихъ дополнительныхъ взносовъ, которые не разъ уже требовались съ нихъ. Лессепсъ заговорилъ о «непредвидѣнныхъ расходахъ» и о необходимости займа. Но взаймы денегъ никто не давалъ, и компанія обратилась за помощью къ правительству въ такомъ «патріотическомъ дѣлѣ». Но палата нашла, что это дѣло все таки не болѣе какъ частная акціонерная компанія, и не согласилась дать ей исключительныя прерогативы, въ родѣ отсрочки платежей по купонамъ и т. п. Компанія была объявлена несостоятельною, назначенъ конкурсъ и онъ открылъ такія разоблаченія, передъ которыми становишься втупикъ. Прежде всего, конкурсное управленіе доказало, что собственно на прорытіе канала издержано 780 мильоновъ, и, стало быть, всей собранной суммы было слишкомъ достаточно для продолженія и окончанія работъ. На что же истрачены остальные 500 мильоновъ? Вотъ тутъ-то конкурсъ наткнулся на такую путаницу счетовъ, на такіе образцы самыхъ наглыхъ хищеній, передъ которыми блѣднѣютъ всякія другія кражи. Такъ, учредители компаніи изъ первыхъ же денегъ взяли себѣ прежде всего «за идею» 35 мильоновъ франковъ, потомъ парижскимъ журналамъ выдано 20 мильоновъ за хвалебныя статьи предпріятію. По этимъ двумъ образцамъ можно судить, какъ щедро и нецеремонно обращалась компанія съ общественными деньгами. Фердинандъ Лессепсъ, le grand français, отданъ подъ судъ, не смотря на его лѣта и заслуги. Вмѣстѣ съ нимъ обвиняется сынъ его Шарль и другіе члены правленія. Лично на старика не падаетъ подозрѣнія, но онъ виноватъ тѣмъ, что, какъ глава предпріятія допускалъ хищенія или не зналъ объ нихъ. Судъ не поправитъ дѣла и, во всякомъ случаѣ, онъ будетъ продолжителенъ: надо посылать на мѣста, въ Колумбію, комисію для изслѣдованія производимыхъ тамъ работъ. Лессепсъ увѣряетъ, что онъ самъ потерялъ въ этомъ дѣлѣ все состояніе, но акціонерамъ отъ этого не легче. Вѣдь все таки кто нибудь нажился же и на панамскомъ крахѣ.

Если, въ виду возможнаго разоренія части акціонеровъ панамской компаніи, это общественное бѣдствіе принимаетъ характеръ политическаго событія, могущаго повліять на положеніе дѣлъ во Франціи, въ общественной жизни націй случаются событія, хотя и тяжелыя для отдѣльныхъ лицъ, но принимающія все таки комическій, опереточный оттѣнокъ. Такимъ событіемъ было нападеніе разбойниковъ на поѣздъ желѣзной дороги въ Черкескіойѣ. Между двумя главными городами Турціи, считающей себя цивилизованною державою, на разстояніи ста верстъ

отъ столицы, горсть смѣльчаковъ останавливаетъ цѣлый поѣздъ съ пассажирами, грабитъ ихъ и, выбравъ изъ нихъ пять человѣкъ, болѣе зажиточныхъ, беретъ въ плѣнъ, назначая за нихъ выкупъ въ 250,000 франковъ. И германское правительство,—такъ какъ плѣнники эти нѣмцы,—съ содѣйствіемъ турецкихъ властей, тотчасъ же выплачиваетъ эту сумму, не торгуясь, и только смѣняетъ пашу, командовавшаго въ этой мѣстности, и поручаетъ его преемнику поймать разбойниковъ, которыми командуетъ даже не турокъ, а грекъ Аѳанасъ. Мыслимо ли въ благоустроенномъ государствѣ подобное событіе, соединенное еще съ офенбаховскими эпизодами, въ родѣ захваченнаго между плѣнниками повара, который выдавалъ себя пассажирамъ за банкира и, въ качествѣ таковаго, поплатился дороже другихъ? Неужели потомки Магометовъ и Солимановъ не видятъ сами, какую жалкую роль играютъ они между властителями Европы, съ такою администраціею, входящею въ финансовыя сдѣлки съ мошенниками, и съ такими пашами, допускающими грабить курьерскіе поѣзды. Паши эти выказываютъ по временамъ свое рвеніе, но только тамъ, гдѣ это вовсе не нужно. Таково вмѣшательство не въ свое дѣло какого-то паши, командующаго батареями на Босфорѣ и остановившаго два парохода нашего добровольнаго флота, на которомъ ѣхали рабочія команды во Владивостокъ на уссурійскую желѣзную дорогу. Въ этихъ рабочихъ не въ мѣру усердный паша увидѣлъ страшную военную силу, угрозу европейскому миру, нарушеніе берлинскаго трактата, не позволяющаго входить въ проливы военнымъ судамъ. Нужно было энергичное обращеніе нашего посла къ самому султану, чтобы положить конецъ произволу расходившагося паши. А между тѣмъ, тамъ, гдѣ Турція могла бы дѣйствовать примиряющимъ образомъ,—какъ въ обузданіи незаконно хозяйничающихъ въ Болгаріи Кобурга съ его свирѣпымъ проконсуломъ Стамбуловымъ, сбирающимся, послѣ своего друга Паницы, сократить и своихъ враговъ: Каравелова, Радославова и др.,—здѣсь Турція не смѣетъ сказать ни одного слова. Но она все таки поступаетъ въ этомъ отношеніи честнѣе Австріи. Султанъ, по крайней мѣрѣ, упорно отказывается принять самозваннаго князя, добивающагося подъ разными предлогами свиданія со своимъ сюзереномъ, тогда какъ Францъ-Іосифъ открыто даетъ аудіенцію поручику своей арміи, хотя и вычеркнутому изъ ея списковъ, но являющемуся къ своему государю за совѣтомъ: чѣмъ бы еще досадить и нагадить Россіи. Зато газеты настаиваютъ на томъ, что императоръ въ теченіе десяти минутъ принималъ не принца Кобургскаго (отчего же? титулъ этотъ у него законный, прирожденный, не захваченный насиліемъ), а графа Мурани, странствующаго инкогнито; сверхъ того, его принимали въ статскомъ платьѣ,—не сказано только: во фракѣ и бѣломъ галстукѣ или въ дорожномъ пиджакѣ. Но въ какую ливрею ни одѣнь этого проходимца, какимъ именемъ ни назови его и сколько ми-

нутъ ни бесѣдуй съ нимъ—бесѣда эта все таки будетъ имѣть политическій характеръ и отзовется какою нибудь новою каверзою противъ Россіи. Не о погодѣ же или пріятностяхъ путешествія шла рѣчь у императора со своимъ подданнымъ.

Послѣ продолжительныхъ переговоровъ съ нѣмецкой партіей, первому министру Австріи удалось наконецъ составить хоть какое нибудь большинство въ имперскомъ парламентѣ. Разумѣется, что этого достигли послѣ значительныхъ уступокъ нѣмецкому элементу и послѣ обычной измѣны поляковъ славянскимъ стремленіямъ. Чехамъ осталось теперь почти одинимъ отстаивать автономныя тенденціи славянства, потому что остальныя родственныя имъ племена: хорваты, словаки, сербы, словинцы, слишкомъ малочисленны и безсильны, чтобы заявлять политическія претензіи. Но и чехи, послѣ слишкомъ сорокалѣтняго ожиданія, отказались, повидимому, отъ надежды, что Францъ-Іосифъ исполнитъ данное имъ слово: коронуется вѣнцомъ св. Вячеслава и признаетъ государственныя права за чешскимъ языкомъ. Они обратили теперь вниманіе на свое внутреннее развитіе, надѣясь посредствомъ него добиться и политической автономіи. Они открыли въ Прагѣ земледѣльческую, художественную и промышленную выставку, въ память первой подобной выставки, устроенной въ 1791 году, и нынѣшняя выставка доказываетъ, какіе громадные успѣхи сдѣлала эта даровитая славянская нація, не смотря на то, что ее не одну сотню лѣтъ давитъ и гнететъ враждебный нѣмецкій элементъ. Да и теперь, съ какими препятствіями должны были бороться чехи, чтобы устроить этотъ мирный праздникъ развитія національной жизни! Во-первыхъ, выставку не позволили назвать официально юбилейной. Это напомнило бы, что въ 1791 году выставка была устроена по случаю коронованія императора Леопольда чешскимъ королемъ. Что нужды, что всѣ австрійскіе императоры, кромѣ рьянаго германизатора Іосифа II, короновались въ Прагѣ, не исключая преемниковъ Леопольда—Франца и Фердинанда, что въ архивахъ чешскаго сейма хранится съ 1871 года рескриптъ Франца-Іосифа съ обѣщаніемъ—исполнить тотъ же обрядъ. Все это непріятныя напоминанія, какихъ не любятъ монархи. Восемь мильоновъ нѣмцевъ все таки продолжаютъ составлять большинство въ имперіи, гдѣ живетъ пятнадцать мильоновъ славянъ. Нѣмцы потребовали, чтобы выставка называлась просто «областной», какъ открытая въ губерніи австрійской имперіи, а не въ бывшемъ чешскомъ королевствѣ. Потомъ, нѣмцы отказались отъ всякаго участія въ выставкѣ и нѣмецкія газеты стали называть измѣнниками отечества фабрикантовъ, желавшихъ выставить въ Прагѣ и свои произведенія. Этого не одобрило даже и правительство, отправивъ на выставку предметы казенныхъ фабрикъ. Послѣ этого, нашлось до восьмисотъ экспонентовъ изъ нѣмцевъ, рѣшившихся пренебречь угрозами своихъ соотечественниковъ. Выставку открылъ все таки эцгерцогъ Карлъ-

Людвигъ, будущій наслѣдникъ престола, и даже произнесъ рѣчъ сначала на чешскомъ, а потомъ уже на нѣмецкомъ языкѣ, что̀ привело въ негодованіе истыхъ тевтоновъ. Выставка, которую нѣмцы называютъ ярмаркой, имѣла громадный успѣхъ: ея грандіозныя постройки занимаютъ 70 тысячъ квадратныхъ метровъ крытаго помѣщенія. Въ главной залѣ, послѣ торжественнаго открытія и національнаго гимна, сыграли на органѣ древній чешскій церковный гимнъ св. Вячеслава, и чехи хоромъ повторяли слова гимна: «Святы Вацлаве, воеводе ческе земли, не дай загинути намъ, ни будущимъ. Выжени нѣмца, иноземца, святы Вацлаве!» Зато русскій гимнъ запрещено въ Прагѣ не только пѣть, но и исполнять въ оркестрѣ—потому, будто бы, что онъ возбуждаетъ волненіе въ публикѣ. А вѣдь въ нашемъ гимнѣ ничего не говорится о нѣмцахъ, а только о русскомъ царѣ. Какая мелочность во всѣхъ подобныхъ мѣрахъ, поминутно предпринимаемыхъ Австріей противъ Россіи, и какъ не стыдно прибѣгать къ нимъ серьезнымъ политическимъ людямъ, совѣтникамъ Франца-Іосифа!

Въ Швейцаріи также, въ теченіе четырехъ дней, праздновали не промышленное, а ученое торжество—открытіе новаго университета. Было множество всякаго рода овацій, делегацій и манифестацій. Гостей наѣхало немало со всѣхъ сторонъ, особенно французскихъ студентовъ, явившихся въ большомъ числѣ и на пражскую выставку. На этомъ праздникѣ любопытнѣе всего два обстоятельства: во-первыхъ, торжествовали по случаю учрежденія университета,—котораго еще нѣтъ, и гостямъ показывали только мѣсто, на которомъ онъ будетъ года черезъ три-четыре. Наскоро сформированный университетъ помѣстили пока въ зданіи старой лозанской академіи и въ частныхъ домахъ. Во-вторыхъ, будущій университетъ обязанъ своимъ возникновеніемъ благодушію и малой сообразительности одного русскаго человѣка, вздумавшаго употребить на распространеніе просвѣщенія въ Швейцаріи свои милліоны, нажитые откупами и крѣпостническимъ вымогательствомъ. Въ Лозаннѣ и безъ того уже болѣе 300 лѣтъ была академія. Теперь, вмѣсто нея, основывается университетъ—пятый въ Швейцаріи; четыре: въ Женевѣ, Бернѣ, Цюрихѣ и Баденѣ и двѣ академіи во Фрибургѣ и Невшателѣ, а жителей въ странѣ всего три милліона. Во всѣхъ этихъ заведеніяхъ, швейцарскихъ студентовъ немного больше половины; 1,589 изъ общаго числа 2,937; между иностранцами, больше всего русскихъ (246 человѣкъ и между ними 146 женщинъ). Есть даже 17 турокъ и ни одного англичанина, хотя въ Лозаннѣ живетъ болѣе полутора тысячи англійскихъ семействъ; но они посылаютъ дѣтей, какъ и слѣдуетъ, въ свои собственные университеты: Оксфордъ и Кембриджъ. Въ сороковыхъ годахъ, поселился въ Лозаннѣ Василій Рюминъ; сынъ его Гавріилъ, умирая въ 1881 году, пожертвовалъ полтора милліона франковъ на постройку университета. Теперь сумма эта увеличилась вдвое и швейцарскія газеты, разсыпаясь въ благо-

дарностяхъ à monsieur Gabriel de Rumine, называя его патріотомъ (?) и благодѣтелемъ, нигдѣ не упоминаютъ, что университетъ будетъ строиться на русскія деньги и что его слѣдовало бы назвать рюминскимъ. Говорили множество рѣчей, пѣли пѣсни, но всего больше наливались пивомъ—во славу науки.

Страшное желѣзнодорожное несчастіе случилось въ Швейцаріи: въ пяти верстахъ отъ Базеля, среди бѣла-дня, поѣздъ обрушился въ рѣку вмѣстѣ съ мостомъ, причемъ погибло болѣе ста человѣкъ и болѣе двухсотъ получили тяжкія увѣчья; дѣло, конечно, не новое въ исторіи рельсовыхъ путей, но намъ всегда казалось, что, по крайней мѣрѣ, въ западной Европѣ, этотъ родъ международныхъ сообщеній подвергается меньшимъ случайностямъ, чѣмъ на поляковскихъ и другихъ жидовскихъ дорогахъ. Между тѣмъ, надняхъ судъ въ Пруссіи рѣшилъ дѣло бокумскаго журналиста Фусангеля, указывавшаго въ своей газетѣ на вопіющія злоупотребленія при сборѣ налоговъ съ фабрикантовъ и, болѣе всего, при изготовленіи на бокумскихъ и оснабрюкскихъ заводахъ никуда негодныхъ рельсовъ, на которые однако, въ ущербъ казны, налагались постоянно фальшивые правительственные штемпеля. Не говоря уже о томъ, что богатые фабриканты, въ родѣ Баара, обманывали казну при показаніи размѣра ихъ доходовъ, они сбывали ей такую гниль на желѣзныя дороги, что нельзя удивляться частымъ крушеніямъ, происходящимъ на этихъ дорогахъ. И это все дѣлаютъ капиталисты, славящіеся «нѣмецкой честностью» и принадлежащіе къ національ-либеральной партіи, на которую опирается правительство. Оснабрюкскому заводу прусское министерство путей сообщенія запретило, въ видѣ наказанія, поставку рельсовъ на нѣмецкія желѣзныя дороги въ теченіе трехъ лѣтъ, но рельсы бокумскаго завода съ завѣдомо поддѣльными штемпелями уложены на нашихъ дорогахъ: московско-курской, рыбинско-бологовской и московско-ярославской. Очень пріятное извѣстіе.

НОВЫЯ КНИГИ.

Итальянское искусство въ эпоху возрожденія. *А. фонъ-Фрикенъ.* Часть первая. Москва, 1891.

Авторъ этого изслѣдованія извѣстенъ въ нашей литературѣ серьезнымъ трудомъ, появившимся еще въ 1885 г.: «Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства». Четыре части этого сочиненія даютъ вѣрное и полное понятіе о возникновеніи современнаго искусства на почвѣ новаго ученія, явившагося на смѣну языческихъ вѣрованій. теперь авторъ представляетъ продолженіе своихъ изысканій въ той же

области пластическаго или, какъ его называетъ г. Фрикенъ, «фигуративнаго» искусства, развившагося на классической почвѣ Италіи. Но—какъ всякое историческое явленіе—и возрожденіе искусствъ нельзя разсматривать отдѣльно, безъ событій, предшествовавшихъ ему, находящихся съ нимъ въ тѣсной связи и опредѣляющихъ его значеніе. Поэтому, оживленіе живописи въ Италіи и созданіе идеаловъ авторъ изслѣдуетъ въ связи съ ходомъ умственнаго развитія итальянцевъ, видя въ немъ освобожденіе отъ началъ семитическаго востока, наводнявшихъ западъ въ средніе вѣка, но чуждыхъ народамъ арійскаго племени. Восточная, преимущественно семитическая культура, чуждая классической цивилизаціи, была чужда и эпохѣ возрожденія, но эпоха эта будетъ непонятною, если не подвергнуть изслѣдованію тѣ элементы, которые она отстранила, пролагая себѣ новые пути. Потому-то треть своей книги авторъ посвящаетъ обзору восточной, азіатской культуры и ея различію отъ арійской, европейской. Изслѣдованію особенностей міровоззрѣнія египтянъ, ассиріянъ, халдео-вавилонянъ, евреевъ и сиро-финикіянъ авторъ посвящаетъ немного мѣста и останавливается долѣе на культурѣ арабовъ и римлянъ. Это самая любопытная часть его книги, вполнѣ доступная для читателя неспеціалиста. Затѣмъ, уже съ меньшимъ интересомъ читается исторія образованія итальянскихъ коммунъ, ихъ стремленія къ независимости и развитія въ нихъ гражданской свободы. Но остальная и бо́льшая половина книги можетъ интересовать уже только спеціалистовъ по части живописи, гдѣ читателю съ общимъ образованіемъ еще будетъ любопытно ознакомиться съ оцѣнкою значенія такихъ художниковъ, какъ Чимабуэ, Джіотто, Орканья, Мазаччіо, Липпи, Фра-Анджелико, но всѣ эти второстепенные живописцы: Пизано, Бонинсенья, Бальдовинетти, Уччелли, Гоззоли и подобные имъ, навѣрно не привлекутъ къ себѣ даже лицъ, исключительно посвятившихъ себя изслѣдованію искусства. Кому и для чего нужно изучать этихъ малодаровитыхъ и давно всѣми позабытыхъ дорафаэлитовъ? Послѣдняя глава книги—о вліяніи Данта на искусство итальянскаго возрожденія—не выкупаетъ скуки, соединенной съ перечисленіемъ и оцѣнкою всѣхъ этихъ художниковъ. Языкъ г. Фрикена мѣстами тяжелъ и безъ нужды переполненъ иностранными терминами. Для чего пишетъ онъ вездѣ: «эллиническій» вмѣсто «эллинскій»? «Симпосіонъ» Платона неловко переводить словомъ «банкетъ». «Плаутій», вмѣсто Плавта, явился, вѣроятно, вслѣдствіе опечатки. На книгѣ выставлено: изданіе К. Т. Солдатенкова, но, кромѣ того, въ ней есть еще и посвященіе издателю, Кузьмѣ Терентьевичу Солдатенкову, «который далъ мнѣ возможность напечатать мои изслѣдованія и помогалъ мнѣ дѣломъ и совѣтомъ въ моихъ трудахъ». Дѣломъ—это такъ, но какой же совѣтъ могъ дать почтенный русскій купецъ въ изслѣдованіи эпохи возрожденія итальянскаго искусства?

Валеріанъ Свѣтловъ. **Новеллы.** Спб. 1891.

Автора этихъ разсказовъ незачѣмъ рекомендовать нашимъ читателямъ. Онъ началъ печататься въ нашемъ журналѣ и присылалъ свои произведенія изъ разныхъ мѣстностей. Не смотря на недавнее вступленіе на литературное поприще, г. Свѣтловъ имѣлъ случай ознакомиться съ Европою и заинтересовать русскую публику очерками различныхъ странъ. Вѣроятно, для того чтобы доказать разнообразіе своего дарованія, онъ соединилъ въ изданномъ нынѣ томѣ своихъ новеллъ разсказы изъ русской и чужеземной жизни. Но мы бы, во всякомъ случаѣ, предпочли, чтобы онъ не спѣшилъ выпускомъ въ свѣтъ своихъ произведеній и сдѣлалъ бы болѣе строгій выборъ изъ нихъ для отдѣльныхъ изданій. Не все, что̀ является въ текущей литературѣ, отвѣчая какой нибудь скоропреходящей «злобѣ дня», можетъ явиться въ сборникѣ, назначаемомъ не только для чтенія, но и для перечитыванья. А между тѣмъ, въ появившихся нынѣ «Новеллахъ» нѣтъ многаго, что̀ могло бы перейти въ нихъ изъ «Наблюдателя», и помѣщено то, что̀ могло бы и не перепечатываться во-второй разъ. Оба разсказа, взятые изъ жизни за границею, слабѣе очерковъ изъ русскаго быта. Одинъ изъ нихъ: «Жанна»—на-скоро набросанная картинка лѣтняго лечебнаго сезона въ Виши. Дѣвушка, служащая при водахъ, влюбляется въ русскаго туриста, изображеннаго красавцемъ, оставляетъ своего жениха и проситъ взять ее въ Россію; но туристъ отказываетъ ей въ этомъ и уѣзжаетъ. Такую исторію не стоило извлекать изъ «путевыхъ замѣтокъ» и передавать читателямъ, тѣмъ болѣе, что и наши соотечественники, появляющіеся на водахъ въ Виши, очерчены очень слабо. Еще менѣе интересна перуанская новелла: «Ангелы горы Иль». Это двѣ сестры, отправляющіяся ухаживать за прокаженными, выселенными изъ городка Трухилло на уединенную гору. Одна изъ сестеръ умираетъ, другая дѣлается монахиней, но исторія этого совершенно безполезнаго и безцѣльнаго самопожертвованія нисколько не рельефна и не привлекаетъ читателя. Гораздо болѣе отдѣланы и содержательны разсказы изъ русской жизни, и два изъ нихъ заключаютъ въ себѣ даже типически-очерченные характеры. «Тайна»—исторія отставнаго чиновника, живущаго въ провинціи и дѣлающагося ростовщикомъ, для того чтобы дать своему сыну возможность слушать лекціи въ петербургскомъ университетѣ и скопить приданое для своей дочери. Само собою разумѣется, что когда сынъ узнаетъ эту «тайну» своего отца, то не только отказывается отъ всякой денежной помощи, но и прерываетъ всѣ сношенія съ отцомъ, трудясь день и ночь, голодая и живя на чердакѣ, чтобы скопить сумму, которую отецъ истратилъ на его воспитаніе, съ помощью своей «кассы ссудъ». Молодой человѣкъ не выдерживаетъ, конечно, такой ужасной жизни и застрѣливается въ то время, когда отецъ его, одумавшись, прекращаетъ свои ростовщическіе

подвиги. Антагонизмъ между отцомъ и сыномъ изображенъ вѣрно и рельефно, и сцены между ними полны тяжелой правды, выхваченной прямо изъ жизни. Другой, и самый обширный въ сборникѣ, разсказъ носитъ названіе: «На далекомъ посту»—записки вдовца. Это исторія безхарактернаго, довольно пустаго офицера, влюбляющагося во всѣхъ хорошенькихъ дѣвушекъ. Одна жена его умираетъ отъ чахотки и онъ тотчасъ женится на другой, увезя ее въ глухую, пустынную мѣстность, гдѣ онъ служитъ начальникомъ маленькой пограничной таможни. Не видя вокругъ себя никого, кромѣ солдатъ таможенной стражи, жена отъ бездѣлья и скуки влюбляется въ полковаго писаря, распѣвающаго жестокіе романсы, и мужъ, заставъ ихъ однажды ночью на свиданіи, убиваетъ ее въ то время, когда писарь спасается бѣгствомъ. Психическіе моменты и ощущенія героя, хотя и мало интереснаго, описаны согласно съ истиной, особенно, когда, разжалованный въ солдаты, онъ выноситъ незаслуженно грубое обращеніе съ нимъ полковаго командира изъ бурбоновъ. Остальные разсказы сборника слабѣе и менѣе отдѣланы, хотя и въ нихъ много наблюдательности, правдивости и знанія свѣта. «Дочь воздуха и тѣнь Гамлета»—разсказъ, взятый изъ театральнаго міра. Воспитанница театральной школы не оканчиваетъ ученія и идетъ на содержаніе къ глупому проходимцу-жуиру. Онъ, конечно, вскорѣ же бросаетъ ее; она уѣзжаетъ въ провинцію и поступаетъ въ циркъ акробаткой, танцуя по слабо натянутой проволокѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ одномъ городѣ она встрѣчаетъ своего перваго обожателя, разорившагося и опустившагося. Онъ опять влюбляется въ нее, и она, какъ всѣ пустыя и безхарактерныя женщины—опять съ нимъ сходится. Они живутъ вмѣстѣ, переѣзжая изъ города въ городъ; она—пользуется любовью публики и носитъ прозваніе «дочери воздуха», онъ—всюду бродящій за нею, худой и испитой, получаетъ прозвище «тѣни Гамлета». Исторія ихъ, обыденная, но полная житейской правды, оканчивается тѣмъ, что, выйдя однажды больная на сцену, она падаетъ съ каната, разбивается и умираетъ, а онъ застрѣливается. «Предвзятая идея»—записки сумашедшаго, обманутаго своею женою только потому, что у него нѣтъ средствъ доставлять ей богатые наряды и великосвѣтскія увеселенія. Отыскивая эти средства, онъ приходитъ къ самой простой идеѣ—выиграть двѣсти тысячъ на билетъ внутренняго займа и начинаетъ дѣлать разсчеты, на какіе расходы долженъ онъ употребить и какія суммы. Выкладки эти доводятъ до того, что его отвозятъ въ домъ сумашедшихъ, и онъ напрасно спрашиваетъ себя: за что же его посадили? «Бабушка собралась»—коротенькій разсказъ о томъ, какъ старушка сбирается все съѣздить повидаться со своей внучкой-актрисой въ Томскъ, да такъ и умираетъ, не дождавшись ни свиданія, ни желѣзной дороги къ Сибирь, о которой, впрочемъ, въ разсказѣ нѣтъ и помину. Сборникъ оканчивается двумя

кавказскими легендами: «Старый Гудъ» и «Ночи Тамары». Въ первомъ преобладаетъ фантастическій элементъ и олицетворенъ духъ горы Гуда, влюбленный въ осетинку, которая въ свою очередь влюблена въ красиваго джигита. Горный духъ засыпаетъ однажды влюбленную пару снѣжной лавиной: ихъ отрываютъ, но черезъ нѣсколько дней, когда пылкій джигитъ, мучимый голодомъ, разрѣзавъ ногу красавицы, выпилъ ея кровь. За это осетинка, вмѣсто страстной любви, чувствуетъ отвращеніе къ своему возлюбленному, и онъ бросается въ пропасть. Въ эту сказку авторъ напрасно только вклеилъ нѣсколько стихотвореній, которыя у него выходятъ не такъ удачны, какъ проза. Другая легенда—полу-фантастична. У Тамары, охотившейся на берегу Терека, любимый ястребъ улетаетъ за рѣку и садится на утесъ противоположнаго берега. За то, чтобы ей возвратили птицу, она предлагаетъ полцарства своимъ придворнымъ, но переплыть бѣшеный Терекъ—значитъ рисковать жизнью, и на это не является охотниковъ. Тогда она предлагаетъ свою любовь—и въ пѣнящуюся рѣку бросается молодой грузинъ. Ему удается достигнуть другаго берега и вернуться съ ястребомъ, но, подавъ царицѣ птицу, онъ ослабѣваетъ и исчезаетъ въ пучинѣ. На этомъ мѣстѣ Тамара строитъ высокій замокъ и предлагаетъ заѣзжимъ путникамъ свою любовь, съ тѣмъ что на утро они должны за это заплатить жизнью: ихъ сбрасываютъ съ башни въ пропасть, предложивъ предварительно чашу съ ядомъ. Такую чашу выпиваетъ однажды и пріѣзжій грузинъ, тотъ самый, который возвратилъ царицѣ ястреба а самъ спасся, но почему-то не давалъ о себѣ знать съ того времени. Онъ умираетъ, а Тамара бросается съ башни въ Терекъ. Всѣ эти разсказы, не смотря на слабыя стороны нѣкоторыхъ изъ нихъ, доказываютъ разнообразіе дарованія г. Свѣтлова, которое несомнѣнно еще больше разовьется съ теченіемъ времени.

По внушенію библіи. Сборникъ библейскихъ стихотвореній. Составилъ *М. А. Соколовъ*. Тула. 1890.

Сборники, подобные составленному г. Соколовымъ, учителемъ тульской духовной семинаріи, не рѣдки въ нашей литературѣ; они являлись еще въ первыя времена развитія у насъ народнаго творчества, подъ названіемъ «Псалтирей», духовныхъ вертоградовъ и т. п. Библейскія легенды, облеченныя въ поэтическую форму, украшенныя роскошной фантазіей семитическаго востока, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ читались тѣмъ съ бо́льшимъ увлеченіемъ, чѣмъ ближе народы эти раздѣляли вѣрованія и убѣжденія избраннаго Богомъ племени. Въ эпоху молодости человѣчества и отдѣльныхъ лицъ, библейская поэзія производила всегда сильное впечатлѣніе, и поэты всѣхъ націй, въ числѣ первыхъ своихъ произведеній, обработывали библейскіе сюжеты. Въ исторіи русской литературы мы не знаемъ ни одного поэта, который не писалъ бы стиховъ, внушенныхъ библіею, хотя бы впослѣдствіи и измѣнилъ

вполнѣ свое міросозерцаніе. Г. Соколовъ напрасно ставитъ цѣлью своего сборника—желаніе «возбудить интересъ, особенно въ учащемся юношествѣ, къ живому (?) внимательному чтенію библіи». Ее читаютъ и будутъ читать безо всякаго подготовленія передѣлками ея преданій въ стихотворной формѣ, всегда болѣе или менѣе искажающей простоту первоначальнаго сказанія. Для составленія подобнаго сборника достаточно и той цѣли, чтобы соединить въ одну книгу все, что̀ русскіе поэты брали изъ библіи, чему они подражали и что̀ передѣлывали по своему. Такая книга будетъ всегда интересовать читателей, хотя бы въ ней было немало пропусковъ, какъ въ сборникѣ г. Соколова. Пропуски еще, впрочемъ, не бѣда; составитель книги и не брался сдѣлать ее полною хрестоматіею пьесъ, заимствованныхъ изъ одного источника. Непріятно то, что, наряду съ произведеніями дѣйствительныхъ поэтовъ, является въ подобныхъ сборникахъ множество плохихъ стихотворцевъ, примазывающихся къ великимъ образцамъ. Этимъ недостаткомъ грѣшитъ и книга г. Соколова. Наряду съ Пушкинымъ, Лермонтовымъ, Полонскимъ, Меемъ, Хомяковымъ, А. К. Толстымъ, Полежаевымъ, Фетомъ и др., являются какіе-то Фараоновы, Перелыгины, Рыскины, священники Ливанскіе, лица, у которыхъ несомнѣнное благочестіе не оправдываетъ несомнѣннаго виршеплетства. Являются и какіе-то иниціалы: И. П. А., М. А. С., точно имъ совѣстно подписать свое имя подъ плохими стихами. Особенно плохи они у г. Ливанскаго, не соблюдающаго, въ длиннѣйшемъ и скучнѣйшемъ разсказѣ о Каинѣ и Авелѣ, даже основныхъ правилъ версификаціи, но зато повѣствующаго, какъ «среди ночей тревожныхъ, безусладныхъ, родился Каинъ, и скорбящей праматери казалось ужь, что то обѣтованный мужъ». Стихи сборника расположены въ порядкѣ библейской хронологіи. Изъ ветхаго завѣта взято 77 пьесъ, изъ новаго 51; всѣхъ поэтовъ въ книгѣ до 50-ти; изъ многихъ взяты довольно обширные отрывки, но, къ сожалѣнію, во вниманіе «къ учащемуся юношеству», допущены и не менѣе обширные пропуски. Такъ, конечно, въ сборникъ не вошелъ ни одинъ отрывокъ изъ высокопоэтическаго перевода Мея «Пѣсни Пѣсней». Но если г. Соколовъ счелъ возможнымъ привести, въ ряду библейскихъ стихотвореній, «Пророка» Пушкина и Лермонтова (хотя и поставилъ наряду съ ними несовсѣмъ удачнаго «Пророка» г. Минскаго), то почему же онъ не привелъ стиховъ Хомякова и Аксакова, гдѣ, вмѣстѣ съ осужденіемъ евреевъ, обличаются и другія племена? Это было бы болѣе умѣстно, чѣмъ отрывки изъ какой-то поэмы В. Дрентельна: «Юній и Лія». Множество опечатокъ непріятно пестрятъ книгу; видно, что и въ губернскихъ городахъ корректура также плоха, какъ и въ столицахъ.

НОВОЕ ОРУЖІЕ ПРОТИВЪ ЕВРЕЙСКАГО ОБМАНА.

(**Евреи. Ихъ вѣроученіе и нравоученіе.** Изслѣдованіе *С. Я. Димитскаго.* С.-Петербургъ, 1891 г.).

Еще не такъ давно, посредствомъ разныхъ ловкихъ махинацій и коварно-веденной журнальной пропаганды, евреи чуть было не убѣдили русскую публику, что разселеніе ихъ семитическаго племени по всей Россіи (безъ ограниченія „чертою осѣдлости“) представитъ необыкновенныя выгоды для всего нашего кореннаго населенія; что культурность, либерализмъ и нравственная высота еврейскаго соціально-религіознаго кодекса заслуживаютъ зависти со стороны всѣхъ другихъ вѣроученій, и что всѣ неисповѣдующіе этихъ идей—„невѣжды“, „дикари“ и „фанатики“. Быть юдофиломъ—значило быть просвѣщеннымъ и прогрессивнымъ мыслителемъ; объявить себя антисемитомъ—значило подвергнуться „херему“, т. е. отлученію отъ либерально-жидовской литературы. Одно время „Наблюдатель“ представлялъ собой единственный образчикъ прогрессивнаго журнала, не считавшаго вожделѣній еврейства солидарными—ни съ интересами просвѣщенія и культуры, ни, тѣмъ болѣе, съ экономическими потребностями русскаго народа. Зато и возбудилъ же онъ къ себѣ почетную ненависть въ извѣстной долѣ столичной и провинціальной печати, для которой, къ сожалѣнію, не существуетъ „черты осѣдлости“, и гдѣ сонмище обрѣзанныхъ и необрѣзанныхъ жидовъ свило себѣ довольно прочное гнѣздо. Одни, болѣе наглые и откровенные жидовскіе органы (какъ напр., „Новости Дня“) привѣтствовали насъ прямою бранью, достойною „порточнаго цеха мастеровъ“; другіе, болѣе „прикровенные“ и ехидные защитники жидовства (въ родѣ, напр., просто „Новостей“) воспрещали своимъ наемнымъ писакамъ упоми-

нать самое названіе нашего журнала, разсуждая по жидовски, что если реклама помогаетъ распространенію журнала, то умолчаніе—натурально вредитъ ему. По счастію, не всѣ жидовскія правила удачно выполняются на практикѣ, и если *реклама* „Новостей“ не принесла никакой видимой пользы протежируемымъ ими журналамъ и писателямъ, то и ихъ жидовскій *херемъ* не принесъ намъ, въ теченіе десяти лѣтъ, никакихъ особыхъ злоключеній. Съ другой стороны, наше неоднократное *напоминаніе* о „Новостяхъ“ (мы не держимся еврейской заповѣди: „окò за око, зубъ за зубъ“), наша частая „реклама“ ихъ жидофильству и шантажнымъ подвигамъ—едва ли составила имъ завидную репутацію въ лучшей части нашей публики...

Теперь, кажется, дебаты по еврейскому вопросу получаютъ у насъ другой смыслъ и другую окраску. Вмѣсто шаблонныхъ, якобы „либеральныхъ“ возгласовъ съ одной стороны (о „правахъ личности“, о „свободѣ совѣсти“ и пр.) и неосмысленныхъ, бездоказательныхъ нападокъ конфессіональной нетерпимости—съ другой, вопросъ о вредѣ „еврейскаго сообщества“ ставится на принадлежащую ему этико-моральную и соціально-экономическую почву, причемъ всѣ детали этого вопроса обставляются соотвѣтствующими цитатами изъ подлинныхъ источниковъ талмудизма и фактическими данными изъ разныхъ областей практической жизни. Нашъ журналъ принесъ въ это дѣло свою значительную „каплю меду“. Солидныя изслѣдованія, напечатанныя по этому вопросу въ „Наблюдателѣ“ („Что намъ дѣлать съ еврейскимъ вопросомъ?“ проф. Ѳ. И. Леонтовича; „Еврейскія земледѣльческія колоніи на югѣ Россіи“, М. Неручева и пр.), въ связи съ цѣлою серіею подлинныхъ цитатъ изъ книгъ еврейскаго закона („Талмудъ Вавилонскій“ и „Шулханъ-Арухъ“, А. Быкова) пролили достаточно свѣта въ непредубѣжденные умы—и прикрывать еврейское хищничество и звѣрство флагомъ человѣколюбія, свободы, прогресса становилось все труднѣе и рискованнѣе. Образованнымъ людямъ, не соединеннымъ никакими „нарочитыми узами“ съ жидовскимъ кагаломъ, сдѣлалось яснымъ, что евреи пожинаютъ, въ общей антипатіи къ себѣ, только плоды ими же посѣянныхъ сѣмянъ рабства, варварства, человѣконенавистничества, квалифицированнаго клятво-

преступничества и систематической, въ догматъ возведенной, эксплуатаціи всѣхъ иновѣрцевъ; что русскіе, галичане, венгры, англичане, нѣмцы и румыны не изъ каприза же стакнулись протестовать, даже путемъ „разгромовъ“, противъ неистовствъ жидовской эксплуатаціи; что, наконецъ, еврейское вѣроученіе не есть только вѣроученіе, но сводъ очень опредѣленныхъ, даже мелочныхъ правилъ житейскаго обихода, прилагаемыхъ на практикѣ съ неумолимостью религіознаго догмата и обставленныхъ строжайшими уголовными карами за ихъ несоблюденіе. Въ свою очередь, и наши журналы, и газеты, пріютившіе въ себѣ немалое количество юдофиловъ, какъ-то застыдились и притихли... Не то, чтобы они убѣдились въ подлинности компрометирующихъ цитатъ изъ жидовскаго евангелія (эти цитаты были имъ давно извѣстны и только умышленно скрывались отъ нашей публики); но у нихъ уже очевидно не хватаетъ духа выдавать эти цитаты за проповѣдь „любви, равенства и свободы“.

На пути серьезнаго изученія еврейскаго вопроса немалую пользу принесетъ намъ и только что изданная книга покойнаго С. Я. Диминскаго, заголовокъ которой приведенъ нами выше. Авторъ книги—магистръ кіевской духовной академіи—еще на студенческой скамьѣ спеціально трудился надъ историческимъ изслѣдованіемъ новаго іудаизма и хорошо зналъ еврейскій языкъ, какъ ветхаго завѣта, такъ и талмуда. Къ этому надо присоединить, что впослѣдствіи Диминскій изучилъ всѣ мѣстные еврейскіе жаргоны, и вообще всю апокрифическую и современную литературу евреевъ. По словамъ его некрологиста, имъ былъ задуманъ цѣлый рядъ трудовъ по изученію іудаизма. Онъ предпринималъ ихъ, убѣжденный въ необходимости для русскаго общества всесторонняго изученія еврейства въ его вѣрованіяхъ, своеобразныхъ юридическиобрядовыхъ уставахъ и нравственно-соціальныхъ принципахъ, которые далеко еще не уяснены въ своей совокупности, между тѣмъ какъ печальное вліяніе ихъ чувствуется въ разныхъ сферахъ жизни, гдѣ сильна еврейская стихія. Болѣзнь глазъ заставила Диминскаго отказаться отъ учебной службы въ минской духовной семинаріи—и судьбѣ угодно было пошутить надъ молодымъ магистромъ богословія, опредѣливъ его на службу помощникомъ акцизнаго надзирателя въ одномъ изъ

уѣздовъ минской губерніи. Только послѣ 18-лѣтней службы, скромный и невзыскательный Диминскій дождался повышенія на должность акцизнаго надзирателя въ той же губерніи. Но хотя ученая карьера уже закрылась такимъ образомъ для автора „Изслѣдованія о талмудѣ“ (магистерская диссертація Диминскаго), тѣмъ не менѣе и акцизная служба въ краю, переполненномъ жидами, давала ему возможность практически расширять и пополнять свои научныя свѣдѣнія о еврействѣ. Ему удавалось слѣдить за многоразличными проявленіями кагальной организаціи, пріобрѣтать книги и рукописи на еврейскомъ языкѣ,—въ томъ числѣ публицистическіе памфлеты и особаго рода религіозно-юридическіе сборники, имѣющіе цѣлью практическое примѣненіе талмудизма къ эксплуатаціи христіанскаго общества. Онъ пріобрѣлъ навыкъ разбирать условные термины еврейско-гешефтмахерской корреспонденціи, имѣя ключъ къ нимъ въ религіозно-обрядовой практикѣ, имъ изученной. Эти свои познанія Диминскій имѣлъ случай показать передъ лицами высшей мѣстной администраціи. Однимъ изъ такихъ случаевъ было участіе его въ комисіи по еврейскому вопросу въ г. Минскѣ. Затѣмъ, какъ особенный знатокъ еврейства, онъ сталъ извѣстенъ и въ департаментѣ неокладныхъ сборовъ министерства финансовъ. Тѣ, кто ближе знакомъ былъ съ Диминскимъ, выражались, что онъ—„настоящій кладъ для администраціи по дѣламъ акцизнаго вѣдомства, касающимся евреевъ“. Вслѣдствіе этого, состоялось назначеніе Диминскаго чиновникомъ по судебнымъ дѣламъ въ кіевскомъ акцизномъ управленіи. Въ этой должности ему предстояло собственно перечитывать, переводить и объяснять еврейскія бумаги, находимыя при слѣдствіяхъ по преступленіямъ евреевъ противъ аквизныхъ правилъ (преступленія эти такъ часты именно въ сѣверозападномъ краѣ, т. е. „въ чертѣ еврейской осѣдлости“!) а также *провѣрять переводы, дѣлаемые переводчиками изъ евреевъ* и не отличающіеся особою точностью. „Работа эта—говоритъ издатель разбираемой книги—была громадна, въ существѣ своемъ ничтожна, и отнимала все время у Диминскаго. Еслибы профессора математики заставили съ утра до вечера рѣшать ариѳметическія задачи, то въ научномъ отношеніи такой трудъ представилъ бы для него не больше интереса“. Однако, благодаря добросовѣ-

стному отношенію къ своей задачѣ. Диминскому удавалось нерѣдко раскрывать крупныя злоупотребленія, которыя совершали евреи въ подрывъ казнѣ. Связки бумагъ и еврейскихъ книгъ присылались ему съ разныхъ концовъ Россіи, отъ Кишинева до Тобольска. Диминскаго назначали въ командировки въ разные города южной и западной Россіи, и по требованію суда онъ производилъ экспертизу на мѣстѣ. Этотъ тяжелый, неустанный трудъ вредно вліялъ на здоровье Диминскаго—и въ 1886 г. онъ скончался отъ разрыва сердца, не успѣвъ издать самъ своей добросовѣстной работы, о которой издатель говоритъ: „не только въ русской научной литературѣ, но и въ заграничной, не найдется такого сжатаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такого основательнаго свода свѣдѣній о нравственно-религіозныхъ представленіяхъ и основоположеніяхъ еврейства. *Книга можетъ быть справочною* для всѣхъ лицъ, кто пожелаетъ ознакомиться съ внутренней нравственно-религіозной жизнью еврейскаго народа, тѣмъ болѣе, что авторъ заранѣе предвидитъ многія возраженія, которыя могутъ быть сдѣланы ему со стороны защитниковъ іудаизма, и побѣдоносно ихъ опровергаетъ. Въ то же время, въ немъ, какъ въ истомъ ученомъ, незамѣтно озлобленности противъ еврейства: онъ только ищетъ правды, и *еслибы правда была на сторонѣ евреевъ, онъ не преминулъ бы высказаться въ ихъ пользу.* Не какіе нибудь корыстные разсчеты руководили его перомъ“...

Книга, лежащая передъ нами, составилась изъ подробной офиціальной записки, внесенной авторомъ въ минскую комисію по еврейскому вопросу, когда эта комисія, разсматривая теперешнее положеніе евреевъ среди христіанъ, коснулась въ то же время и характера разныхъ религіозныхъ и общественныхъ учрежденій еврейства. Къ своей задачѣ Диминскій отнесся чрезвычайно серьезно и, какъ истинный ученый, не ограничился поверхностнымъ изложеніемъ еврейскаго вѣроученія, но проникъ до самыхъ его корней и—путемъ искусныхъ разысканій и сопоставленій—нарисовалъ намъ цѣлостную картину талмудизма въ его отношеніяхъ къ Богу и людямъ. Читателямъ нашего журнала, уже ознакомившимся, по подлиннымъ источникамъ, съ содержаніемъ и характеромъ еврейскаго религіозно-соціальнаго кодекса, цитаты Диминскаго не скажутъ много новаго (онъ даже совсѣмъ опускаетъ ка-

питальный вопросъ о „раввинской непогрѣшимости“, о власти раввиновъ надъ самимъ Богомъ, чему мы посвятили въ „Наблюдателѣ“ особую коллекцію извлеченій изъ первоисточниковъ іудаизма); но систематическое расположеніе этихъ цитатъ, ихъ несомнѣнная подлинность и убійственная доказательность сослужатъ хорошую службу для большинства читающей публики, да и нашимъ читателямъ книга напомнитъ, въ сжатомъ видѣ, всѣ основы еврейской морали и религіознаго міросозерцанія.

Однимъ изъ главныхъ тезисовъ своей работы Диминскій выставляетъ *„совершенную противоположность религіозно-нравственныхъ основъ еврейства и христіанства*, при которой еврейство *допускаетъ всѣ виды лукавства, даже по отношенію къ Богу*, вслѣдствіе чего еврейство можетъ быть только противополагаемо христіанству, но отнюдь не можетъ быть сравниваемо съ христіанствомъ, а тѣмъ менѣе оно можетъ быть отожествляемо съ нимъ“. Этотъ тяжелый и неотразимый камень авторъ пускаетъ въ лагерь нашихъ крещеныхъ и некрещеныхъ евреевъ, которые, уповая на то, что „подъ еврейскимъ шрифтомъ можно скрыть все, что̀ угодно“, позволяютъ себѣ: *въ русскомъ текстѣ* учебниковъ и молитвъ сближать, вопреки истинѣ, эгоистическую еврейскую мораль съ христіанской, а на *своемъ малодоступномъ жаргонѣ*— снова раздѣлять ихъ непроходимою пропастью. Такимъ, не особенно приличнымъ дѣломъ занимались у насъ составители офиціально-одобренныхъ „еврейскихъ катехизисовъ“ съ русскимъ текстомъ, гг. Сегаль, Берманъ и Гурвичъ; а г. Хвольсонъ увлекся даже до того, что началъ доказывать полное тожество христіанскаго евангелія съ Шулханъ-Арухомъ! Для того чтобы опровергнуть эту умышленную подтасовку понятій, г. Диминскій приводитъ свои выдержки даже не прямо изъ талмуда,—такъ какъ значеніе этихъ выдержекъ могло бы быть ослабляемо и отрывочностью ихъ, и возможностью противопоставить имъ цитаты противоположнаго характера—но беретъ ихъ уже изъ такихъ источниковъ, достовѣрность и обязательность которыхъ не оспаривается и самими первоучителями еврейства. И вотъ, изъ внимательнаго изученія наиболѣе авторитетныхъ еврейскихъ источниковъ, г. Диминскій выводитъ цѣлый кодексъ практической морали, представляющій квинтъ-эссенцію

племеннаго эгоизма, лукавства, непомѣрной, ничѣмъ ненасытимой жажды мірскихъ благъ и отталкивающей безсердечности по отношенію ко всему нееврейскому. Въ этомъ цѣльномъ, до послѣднихъ мелочей обработанномъ, кодексѣ не найдется, дѣйствительно, ни одной черты, сближающей его съ широкими нравственными основоположеніями христіанства. Евреи недаромъ распяли Христа около двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ: они и теперь продолжаютъ распинать его въ своихъ талмудахъ, шулханъ-арухахъ, мидрашахъ и тому подобныхъ притонахъ человѣконенавистничества. Въ христіанствѣ, признающемъ *усыновленіе всего человѣчества Богомъ-Отцомъ*, не представляется никакихъ трудностей ни въ вопросѣ о томъ, какая заповѣдь самая важная („возлюби ближняго, какъ самого себя“) ни въ вопросѣ о томъ, *кто ближній*. Между тѣмъ, еврейско-талмудическая доктрина, принимаемая, какъ законъ, и нашими евреями, не требуетъ самоотверженной любви даже относительно своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, которые *одни считаются у евреевъ ближними и братьями*. Еврейская талмудическая доктрина опредѣлила съ точностью, кто имѣетъ преимущественное право на проявленіе къ себѣ любви и въ какомъ порядкѣ эта любовь должна проявляться; она твердо установила, что если единовѣрный и единоплеменный еврей провинится передъ кагаломъ дѣйствіями враждебнаго характера (а къ такимъ враждебнымъ дѣйствіямъ относится всякое разоблаченіе истиннаго смысла талмуда, всякое свидѣтельское показаніе противъ еврея, хотя бы и провинившагося въ самомъ тяжкомъ и гнусномъ преступленіи, если только его преступленіе вредитъ жизни и имуществу *однихъ христіанъ*), то онъ можетъ быть наказанъ смертью и *его убійство будетъ почитаться великимъ дѣломъ благочестія*. Затѣмъ иноплеменники и иновѣрцы *ни въ какомъ случаѣ не братья и не ближніе евреямъ*, и въ отношеніи ихъ исполненіе требованій гуманности допускается лишь для пользы самихъ евреевъ (чтобы „замазать глаза“ кому слѣдуетъ); общій же еврейскій принципъ въ разсужденіи этихъ отверженныхъ,—животныхъ по существу, носящихъ только человѣческій обликъ,—состоитъ въ томъ, чтобы вообще „не щадить ихъ“.

Безпощадность еврейскаго вѣроученія относительно всего

человѣчества, не принадлежащаго къ составу „избраннаго племени“, дѣйствительно, замѣчательна по своей неуклонной, неумолимой послѣдовательности! Еврею наперед внушается, что *имущество всѣхъ иновѣрцевъ составляетъ его личную неотъемлемую собственность*, которую онъ и долженъ *возвращать* себѣ по праву, не брезгая никакими средствами, начиная отъ простаго обмана и кончая подлогомъ, грабежемъ, убійствомъ и клятвопреступленіемъ. Пристрастное, покровительственное отношеніе еврейскихъ судей къ ихъ единоплеменникамъ, въ дѣлахъ съ иновѣрцами, возводится въ прямую обязанность ихъ судейскаго званія. Въ видахъ успѣшнѣйшаго взысканія долговъ съ неевреевъ, *разрѣшены евреямъ захваты насильственные*; еслибы еврею пришлось, по смерти кредитора-иновѣрца, выплачивать долгъ его сыну, — разрѣшается въ такихъ прискорбныхъ случаяхъ увѣрять, что долгъ выплаченъ раньше самому кредитору. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, рекомендуется, во избѣжаніе напастей на евреевъ (только во избѣжаніе напастей!) *не объявлять иновѣрцамъ, что такое правило у евреевъ существуетъ*. Еврейскіе талмудическіе учителя разрѣшили евреямъ *не платить государственныхъ податей и не исполнять государственныхъ повинностей* (къ числу этихъ повинностей относится, какъ извѣстно, и повинность воинская, столь ненавистная трусливому и лукавому племени) и *неплатежъ этотъ подводится подъ категорію долговъ, слѣдуемыхъ съ иновѣрцевъ въ пользу евреевъ* (!) при каковыхъ обстоятельствахъ еврей имѣетъ право употребить даже насиліе, для того чтобы произвести взысканіе своихъ долговъ. Еслибы еврей съ неевреемъ пришли на судъ къ иновѣрному судьѣ, — слѣдуетъ оправдать еврея или по еврейскимъ, или по нееврейскимъ законамъ (очевидно, что талмудисты гораздо раньше іезуитовъ провозгласили, что „*цѣль* — въ данномъ случаѣ оправданіе еврея — *освящаетъ средства*“) а если „обѣлить“ еврея окажется невозможнымъ ни по тѣмъ, ни по другимъ законамъ, то слѣдуетъ *взвести на нееврея какую либо напраслину*. Еслибы правительственныя власти, заподозривъ въ евреяхъ намѣреніе уйти тайно изъ страны, потребовали отъ нихъ *присяги въ томъ, что они уходить не станутъ* (слава богу, что разговоръ съ евреями пошелъ теперь въ совершенно противоположномъ смыслѣ: „ухо-

дите, сыны Іуды, куда пожелаете!“) въ такихъ случаяхъ—и во многихъ другихъ—евреямъ разрѣшено давать присягу, *произнося мысленно какое либо слово, измѣняющее смыслъ произносимой клятвы* (опять правило, позаимствованное іезуитами).

Привыкши практиковать всѣ виды обмана и плутовства по отношенію къ подавляющей массѣ человѣческихъ племенъ, еврей-талмудистъ переноситъ ту же самую ассоціацію идей и въ свои отношенія къ божеству. Въ еврейскихъ заповѣдяхъ, разработанныхъ со всею скрупулезностью еврейскими канонистами, напрасно мы будемъ искать общихъ началъ и общей руководящей нити, а въ евреяхъ такія изысканія вызываютъ даже опасенія. Сознавая тяжелое бремя этихъ заповѣдей, еврей исполняетъ ихъ въ виду обѣщанныхъ наградъ, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ пользуется всякимъ случаемъ, чтобы освободить себя отъ обязанности выполнять тѣ или другія заповѣди; даже подъ видомъ исполненія заповѣдей еврей ухитряется удовлетворять самымъ разнообразнымъ склонностямъ и инстинктамъ, и выработалъ себѣ—якобы на основаніи тѣхъ же словъ божіихъ—такія правила, по которымъ онъ остается евреемъ, совершенно переставая быть имъ. Вмѣсто того, чтобы противодѣйствовать проявленію инстинктовъ, унижающихъ человѣческое достоинство, разстраивающихъ добрыя отношенія, правильный и гуманный строй въ обществѣ,—еврейскій кодексъ освящаетъ эти инстинкты авторитетомъ религіи, выгораживаетъ для нихъ право свободнаго проявленія въ частной и общественной жизни, и предоставляетъ своимъ послѣдователямъ готовый запасъ всевозможныхъ извѣтовъ, уловокъ и ухищреній, систематически сведенныхъ къ тому, чтобы укрѣпить эти инстинкты авторитетомъ божественнаго закона и религіи. Высшимъ авторитетомъ среди евреевъ-талмудистовъ всегда будетъ тотъ раввинъ, который для каждаго отдѣльнаго случая найдетъ въ буквѣ закона соотвѣтствующее опредѣленіе, нисколько не ограничивая при этомъ чувственныхъ и эгоистическихъ стремленій своихъ соотечественниковъ, такъ какъ съ еврейской точки зрѣнія никакой проступокъ не можетъ быть противенъ божественному закону, если только въ словахъ божіихъ *можно найти такъ или иначе оправданіе для такого поступка*,—а нравственный характеръ поступка какъ будто даже не подлежитъ

оцѣнкѣ, и въ дѣлѣ оправданія не имѣетъ ровно никакого значенія. По внимательномъ изученіи еврейскихъ молитвъ и по сравненіи ихъ съ христіанскими, оказывается, что и въ дѣлѣ молитвенныхъ настроеній и обращеній къ Богу цѣлая бездна раздѣляетъ христіанъ отъ евреевъ. „При молитвенномъ обращеніи къ Богу—остроумно замѣчаетъ Диминскій—*еврей сознаётъ себя въ положеніи гражданскаго истца, обезпеченнаго копіею законнаго, правильнаго, гдѣ слѣдуетъ заявленнаго контракта*. И истецъ этотъ никогда не забываетъ своихъ правъ, и въ своихъ молитвословіяхъ *онъ только высказывается передъ Богомъ по поводу разныхъ недоразумѣній*, возникающихъ въ его головѣ, *заявляетъ о своихъ претензіяхъ*, но вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ возможнымъ нѣсколько успокоиться въ виду того, что онъ, еврей, имѣетъ дѣло съ такимъ отвѣтчикомъ, который, по своему положенію и несомнѣнному нравственному авторитету, *никогда ни въ какихъ средствахъ къ удовлетворенію своихъ контрагентовъ не затрудняется и никогда не рѣшится нарушить своихъ, скрѣпленныхъ клятвами, обѣщаній*“.

Но такъ какъ между контрагентами возможны на практикѣ всякія соглашенія, увертки, уступки и даже прямыя, но искусно оправдываемыя нарушенія буквы контракта, то сынъ избраннаго племени стремится на каждомъ шагу, просто на просто, *надуть* своего небеснаго контрагента, буде представится къ тому удобный случай. Книга г. Диминскаго полна примѣрами такого ловкаго надувательства, которыми—по его же безпристрастному свидѣтельству—„евреи восторгаются и приходятъ отъ нихъ въ сердечное умиленіе“. Наилучшимъ образцомъ наглаго объегориванія контрагента служитъ разсказъ, заимствованный изъ „Midrasch rabboth“, о томъ, къ какимъ хитростямъ прибѣгалъ Моисей, чтобы отвертѣться отъ предназначеннаго ему смертнаго часа. Ветхозавѣтный пророкъ, чтимый и христіанами—по баснословному сказанію о немъ еврейскаго апокрифа—никакъ не хотѣлъ подчиниться *божественному, десятикратно выраженному, приговору о его смерти*,—приговору, который вдобавокъ былъ подписанъ состоящимъ у престола божія „совѣтомъ“ и, вслѣдствіе этого, сдѣлался безспорнымъ юридическимъ документомъ. Съ наступленіемъ дня смерти, Моисей прибѣгалъ къ самымъ тонкимъ ухищреніямъ, чтобы обмануть и Бога, и его совѣтъ, и дѣйство-

валъ такъ не безъ успѣха; при этомъ даже солнце отказывалось повиноваться волѣ божіей и не хотѣло заходить въ роковой день, а самъ патріархъ, усѣвшись писать тринадцать экземпляровъ своей Торы (Пятикнижія), сдѣлался недоступенъ для ангела смерти, посланнаго въ особомъ всеоружіи взять его душу. Только послѣ разныхъ неудачныхъ попытокъ овладѣть душою пророка посредствомъ чрезвычайныхъ и полномочныхъ посланниковъ (Гавріила, Михаила и Самаэла) самъ Богъ *взялъ душу Моисея цѣлованіемъ въ уста* (т. е. тѣмъ же порядкомъ, какимъ Іуда Искаріотскій предалъ на распятіе Іисуса Христа). Но и тутъ Богъ гарантировалъ Моисею—опять совершенно какъ въ контрактѣ—что въ будущемъ вѣкѣ, кромѣ личнаго участія пророка въ его благахъ, Господь Богъ будетъ водить израильтянъ руками моисеевыми (стр. 47—49). Этотъ разсказъ, столь милый еврейскимъ сердцамъ, можетъ служить самымъ яркимъ подтвержденіемъ того, что талмудистъ, имѣя примѣръ въ самомъ законодателѣ своей религіи, никогда не задумается, если встрѣтится корыстная надобность, прибѣгнуть къ хитрости и лукавству даже передъ самимъ Богомъ, а послѣ этой продѣлки — такъ или иначе извернуться путемъ перетолкованія текста закона. Недаромъ же на древнемъ еврейскомъ языкѣ, для обозначенія *хитрости* съ одной стороны и *благоразумія* съ другой, употребляется одинъ и тотъ же терминъ: armaḥ. Къ такой же категоріи ухищренно-обманныхъ дѣйствій, поощряемыхъ еврейской религіозной моралью, несомнѣнно принадлежитъ разрѣшеніе евреямъ переносить въ субботніе дни разныя вещи изъ дома въ домъ, когда *между этими домами будетъ протянута веревка*, вслѣдствіе чего они будутъ считаться однимъ домомъ. Сюда же должно быть отнесено и право проходить по субботамъ, сверхъ дозволеннаго разстоянія въ 2,000 локтей, еще столько же во всѣ стороны отъ такого пункта, расположеннаго въ указанномъ пространствѣ, у котораго предусмотрительный еврей положитъ въ пятницу луковицу (любимый еврейскій фруктъ), зернышко перцу или кусокъ хлѣба,—вообще такой предметъ, которымъ можно подкрѣпиться въ силахъ или употребить въ приправу для кушанья. Слѣдуя той же системѣ увертокъ и надувательства, благочестивый еврей, если хочетъ приказать своей христіанской прислугѣ поставить въ субботу самоваръ, говоритъ перво-

начально тихо: „я нездоровъ; хорошо бы напиться чайку, а между тѣмъ, по случаю субботы, я не могу распорядиться, сказавъ такъ: *Степанъ, поставь самоваръ!*“ При этомъ, три послѣднія слова, заключающія въ себѣ приказъ, произносятся умышленно громко, такъ чтобы Степанъ ихъ слышалъ и обязанъ былъ поставить самоваръ. Такимъ образомъ, и чествованіе субботы бываетъ соблюдено, и правовѣрный талмудистъ успѣваетъ напиться чаю изъ „кошернаго“ самовара... И волки сыты, и овцы цѣлы; но еслибы овцы и не остались цѣлы, то все таки волку слѣдуетъ быть сытымъ: таковъ основной принципъ талмуда!

Мы сказали уже, что г. Диминскій, при своей огромной эрудиціи въ еврейской канонической литературѣ, никогда не цитируетъ сомнительныхъ и спорныхъ мѣстъ изъ талмуда, но пользуется лишь такими религіозными и моральными правилами, которыя санкціонированы въ Шулханъ-Арухѣ,—сборникѣ извлеченій изъ талмуда, одинаково авторитетномъ и для невѣжественнаго ростовщика, и для ученѣйшаго еврея-профессора. „Что весь Шулханъ-Арухъ не потерялъ у нашихъ евреевъ своего значенія—говоритъ г. Диминскій—въ этомъ я имѣлъ возможность убѣдиться въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ моей службы въ западномъ краѣ“. Въ то же время, авторъ еврейскаго катехизиса г. Сегаль подтверждаетъ, что этотъ сборникъ „имѣетъ у евреевъ наибольшее значеніе“; г. Хвольсонъ именуетъ его „еврейскимъ кодексомъ законовъ“, а „Восходъ“ г. Ландау присовокупляетъ, что „*всѣ ортодоксальные евреи твердо убѣждены въ полной непогрѣшимости Шулханъ-Аруха*, что они клянутся Шулханъ-Арухомъ и присягаютъ на немъ“ (стр. 29, 31 и 179). Такимъ образомъ, помимо полной и несомнѣнной точности отдѣльныхъ цитатъ, вѣрнымъ оказывается и общій отзывъ, сдѣланный Диминскимъ о характерѣ современнаго іудаизма. „Въ еврействѣ—говоритъ онъ въ заключеніе своей экспертизы по этому вѣроученію—самой существенной представляется *обязанность еврея никогда не забывать, что онъ еврей*, имѣющій право на божьи къ нему милости только потому, что онъ потомокъ Авраама, которому Богъ клялся въ непреложности своихъ обѣтованій... Затѣмъ, кромѣ вѣры въ единаго Бога (замѣтимъ отъ себя: Бога, играющаго роль пѣшки въ рукахъ непогрѣшимыхъ равви-

новъ), *въ еврейской религіи нѣтъ ни одного строго опредѣленнаго и неизмѣннаго религіознаго воззрѣнія; нѣтъ также ни одного совершенно безусловнаго и неизмѣнно обязательнаго правила*, потому что, какъ было изъяснено, все безусловное и неизмѣнно обязательное въ еврействѣ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, дѣлается условнымъ и сводится ни къ чему. Посему я позволяю себѣ сказать, что въ томъ іудаизмѣ, съ которымъ мы состоимъ въ тѣснѣйшихъ житейскихъ общеніяхъ и *отъ котораго во всей бытовой жизни такъ много зависимъ* — религіи въ строгомъ смыслѣ почти вовсе не существуетъ... Если въ представленныхъ мною основоположеніяхъ еврейской религіи выяснено, хотя бы не во всей полнотѣ, а только приблизительное опредѣленіе отношеній нашего еврея къ Богу и къ религіозно-нравственному закону, то слѣдуетъ сказать, что даже и въ такомъ случаѣ религіозно-нравственныя основы современнаго намъ іудаизма—не только не могутъ быть сравниваемы съ религіозно-нравственными основами христіанства, *но и съ религіозными основами многихъ древнихъ и современныхъ намъ народовъ, называемыхъ язычниками*“.

Правдивость и эффектъ этой характеристики такъ сильны, а „крещеные и некрещеные евреи“ такъ долго и старательно затушевывали настоящій варварскій смыслъ своего талмудическаго ученія, что Диминскій опасается даже, какъ бы его характеристика не оказалась „неожиданностью не для одного читателя“ и не вызвала нареканія „не только среди всѣхъ евреевъ (эти, пожалуй, поторопятся скупить и истребить всѣ экземпляры книги,—благо, ихъ и напечатано только 550,—чтобы не дать распространиться въ публикѣ правильнымъ понятіямъ о еврействѣ) но и среди многихъ христіанъ, исповѣдниковъ религіи мира и любви, которые не могутъ допустить даже и мысли о томъ, чтобы *лукавство по отношенію къ Богу, а вражда, ненависть, хищничество во всѣхъ видахъ по отношенію къ иновѣрцу и иноплеменнику, могли лежать въ основѣ какой либо современной религіи*, а особенно религіи, *опирающейся на ветхій завѣтъ*“. Послѣднее недоразумѣніе относительно связи современнаго талмудизма съ ветхозавѣтнымъ моисеевымъ ученіемъ тянулось особенно долго и было до крайности зловредно, такъ что бывали примѣры, что духовная

цензура воспрещала статьи, направленныя противъ еврейства, за ихъ непочтительность по отношенію къ моисееву закону. Теперешнее дозволеніе книги Диминскаго именно духовной цензурою устраняетъ изъ нашей жизни это прискорбное недоразумѣніе, распространяемое и поддерживаемое такими крещеными хвалителями еврейства, какъ напр., г. Хвольсонъ, утверждающій, что талмудизмъ, по своимъ нравственнымъ основоположеніямъ, не только не стоитъ ниже моисеева закона, но что и христіанское евангеліе имѣетъ „ближайшую аналогію“ съ древнераввинскими моральными комментаріями, извѣстными подъ именемъ „Мидрашъ“ (откуда мы почерпнули легенду о надувательствахъ Моисея). Но дѣло въ томъ, что между моисеевымъ закономъ въ его чистомъ видѣ (исповѣдуемомъ только одними караимами) и нравственною анархіею, кодифицированною въ Талмудѣ Вавилонскомъ и Шулханъ-Арухѣ (сокращенномъ и подробномъ) существуютъ только историческіе пункты сближенія, а вовсе не духовное родство и преемственность. Правда, что въ моисеевомъ законодательствѣ, равно какъ и у другихъ ветхозавѣтныхъ писателей, мы не находимъ указанія, чтобы евреи считали себя обязанными примѣнять къ иноплеменникамъ очень гуманныя вообще правила ветхозавѣтной религіи, но, тѣмъ не менѣе, у Моисея же мы находимъ: что „пришельцевъ слѣдуетъ любить, какъ самихъ себя“, что „пришельцы должны быть совершенно равноправны съ сынами израилевыми“; что „*человѣкъ, извратившій судъ пришельцу, сиротѣ, вдовѣ—проклинается*“ (а талмудъ рекомендуетъ прямо: „извращать судъ“ по отношенію къ нееврею). Вдохновенный Исаія уже прямо пророчествовалъ, что наступитъ такое время, „когда къ дому Господню потекутъ всѣ народы, чтобы ходить въ путяхъ заповѣдей божіихъ, когда *они перекуютъ мечи свои на сошники, а копья—на серпы*“, и затѣмъ не будутъ уже поднимать мечи другъ противъ друга, „*перестанутъ воевать и враждовать*“. (Исаія, II, 2—4). Все это, по словамъ пророка, должно осуществиться съ пришествіемъ Мессіи. И этотъ Мессія, дѣйствительно, пришелъ въ міръ—не затѣмъ, чтобы „разрушить“ законъ Моисея (заповѣди моисеевы и для насъ составляютъ обязательный нравственный кодексъ) но чтобы „исполнить“ его:—уничтожить перегородки, отдѣлявшія евреевъ отъ другихъ пле-

менъ, „упразднить вражду межъ людьми, *усыновивъ ихъ всѣхъ Верховному Существу*, убить на крестѣ свойственное человѣчеству сѣмя зла“. Таковъ былъ нравственный смыслъ христіанскаго ученія, помимо его догматической и конфессіональной стороны. Христосъ не перетолковывалъ моисеева закона (какъ увѣряли лживо книжники и фарисеи), но расширялъ, распространялъ его гуманный смыслъ на все человѣчество. Евреи отвѣтили ему распятіемъ—позорною казнью рабовъ—и, вмѣсто того, чтобы „возлюбить ближнихъ, какъ самихъ себя“, они перенесли на весь родъ человѣческій ту сконцентрированную звѣрскую злобу, которую возъимѣли къ мнимому „разрушителю“ своего закона. Эту звѣрскую злобу, равно противорѣчащую и моисеевымъ, и христовымъ законамъ, они и кодифицировали въ своемъ Шулханъ-Арухѣ, фактически отмѣнившемъ Пятикнижіе Моисея.

Переходя затѣмъ отъ теоретическаго изложенія основныхъ догмъ „еврейскаго вѣроученія“ къ вопросу о ихъ практической приложимости, Диминскій доказываетъ, цѣлымъ рядомъ краснорѣчивыхъ цифръ и фактовъ, что систематическая проповѣдь человѣконенавистничества, обмана и грабежа вовсе не составляетъ у евреевъ предметъ „академическаго собесѣдованія“, но примѣняется къ жизни подъ строгою карою религіозныхъ отлученій и уголовно-карательныхъ мѣръ. Представивъ такимъ образомъ—говоритъ онъ—не одно единичное правило, а цѣлую систему правилъ изъ еврейскаго вѣроученія, я позволяю себѣ думать, что *изъ практическаго осуществленія евреями этихъ правилъ могли возникать тѣ предрасположенія къ евреямъ, какія они испытывали во всей своей исторіи*, а осуществленіе евреями, въ большей или меньшей степени, представленныхъ мною правилъ *не могло остаться безъ вліянія на тѣ столкновенія, которыя въ 1881 году возникали по отношенію къ евреямъ* въ Пруссіи и Австріи, а также у насъ, на югѣ Россіи и въ Варшавѣ“. Другими словами: если евреи испили горькую чашу погромовъ и избіеній, то въ этомъ, прежде всего, виноваты они сами—ихъ алчность и наглость, ихъ безмѣрная эксплуатація народныхъ массъ.

Много и другихъ данныхъ находится въ изслѣдованіи г. Диминскаго, но воспользоваться ими—значило бы перепеча-

тать всю книгу отъ первой страницы до послѣдней. Мы отмѣтимъ только любопытный вопросъ о массовомъ принятіи христіанства евреями, — вопросъ, который уже выступилъ у насъ на сцену тотчасъ вслѣдъ за строгимъ примѣненіемъ правилъ о „еврейской осѣдлости“. По этому поводу Диминскій прямо говоритъ, что „еврейская талмудическо-раввинская доктрина *разрѣшаетъ наружное отступничество отъ еврейской вѣры*, причемъ каждый такой еврей продолжаетъ быть членомъ еврейской общины и участникомъ въ обѣтованіяхъ, данныхъ Богомъ Аврааму и его потомству, *коль скоро такіе отступники продолжаютъ нравственно быть солидарными съ еврействомъ*“. Мало того: для такихъ наружныхъ отступниковъ „гарантируется даже *сугубая награда* въ жизни будущаго вѣка“. Однимъ словомъ, талмудъ прозорливъ и изъ самаго вѣроотступничества устраиваетъ отличный гешефтъ для еврейства. Но не содрогнутся ли небеса отъ такого внезапнаго пролива еврейскихъ прозелитовъ въ лоно христіанской церкви?!

А. П.

ФОНОГРАФЪ.

(Фельетонъ «Наблюдателя»).

ПЕТЕРБУРГЪ INS GRÜNE.

(Экскурсія по дачнымъ уголкамъ).

I.

Петергофъ.

Поэтомъ нѣкогда воспѣтый
За красоту своей природы,
Привыкъ онъ жить по этикету,
Какъ въ оны дни, такъ въ наши годы.
Бываютъ дни, когда столица
Почти что вся сюда стремится,
Чтобъ посмотрѣть, какъ въ пору скачекъ
Летитъ жокей съ сѣдла, какъ мячикъ,
Иль поиграть въ «тотошкѣ» жадно...
Но, въ общемъ, здѣсь живутъ парадно;
Всѣ даже скуку, безъ различій,
Несутъ по правиламъ приличій...

II.

Павловскъ.

Павловска слава минула. Хоть Лаубе
Тамъ и старается рьяно,

Нужно тянуть ему за́ руки за́ обѣ
Нынче къ себѣ меломана;
Не потому, что далеко иль дорого,
(Смотритъ любитель на деньги ль?)
Нѣтъ, но влечетъ къ себѣ друга и ворога
Музыкой чудною Энгель...
Въ Павловскѣ дачи безспорно отличныя,
Но сумашедшія цѣны;
Тамъ обитаютъ лишь Крезы столичные
Изъ году въ годъ неизмѣнно...

III.

Лигово.

Хотя здѣсь жить довольно дешево,
Я въ этой мѣстности хорошаго
Не вижу: здѣсь то пыль, то грязь.
Въ театрѣ—мерзость запустѣнія...
Одно у дачницъ развлеченіе—.
Ждать поѣздовъ, принарядясь...

IV.

Удѣльная.

По воздуху, по тишинѣ
Здѣсь дачка каждая—обитель;
Здѣсь жить пріятно бы вполнѣ,
Но... каждый дачникъ здѣсь—«любитель».
Дѣвицы, дамы, старики—
Всѣ поголовно роли учатъ;
Здѣсь пропадете вы съ тоски,
Иль васъ спектаклями замучатъ.
Оригинальный уголокъ!
Любовью къ сценѣ все объято;
Здѣсь даже малые ребята
Не азбуку и не урокъ,—
Твердятъ Гамлета монологъ...

V.

Коломяги.

Вдали отъ шумящей столицы,
Найдя Vaterland здѣсь второй,
Всѣ Готлибы, Карлы и Фрицы
Блаженствуютъ лѣтней порой.
За пивомъ, за Wasser'омъ сѣ льдомъ
Бесѣдуютъ мирно они
И за «Petersburger Gerold'омъ»
Проводятъ спокойные дни;
То дѣлятъ Европу на картѣ,
То «вицы» плодятъ, какъ горохъ,
Орутъ Donnerwetter въ азартѣ,
Иль Kaiser'у звучное «hoch!»
Имъ такъ здѣсь живется привольно,
Что, съ нѣмцемъ сойдясь, напримѣръ,
Сказать ему хочешь невольно:
«Mein Liebchen, was willst du noch mehr?»...

VI.

Лѣсной.

Въ оны дни (гласитъ исторія)
Былъ Лѣсной купцамъ пріютъ,
А теперь (sic transit gloria!)
Здѣсь жиды одни живутъ;
И въ любое время года вамъ,
Но особенно весной,
Вѣсть въ газетахъ Кайгородовымъ
О себѣ даетъ Лѣсной...

VII.

Мурино.

Въ глуши расположено Мурино;
Томимые скукой сугубо,

Здѣсь дачники смотрятъ нахмуренно,
Туземцы здѣсь дики и грубы.
На дняхъ здѣсь заѣдена... скукою
Семья безъ остатка... Пусть это
Послужитъ заранѣ наукою
Для мнящихъ провесть здѣсь все лѣто...

VIII.

Усть-Ижора.

Близь прохладной Усть-Ижоры
Я хоть рѣдко, но бывалъ,
Воздухъ тамъ хвалилъ безъ спора,
Но дорогу проклиналъ;
Лѣтомъ тамъ стоятъ саперы,—
Нашихъ нянекъ идеалъ...

IX.

Новая Деревня.

Здѣсь Содома и Гоморры
Видъ en miniature;
Здѣсь пѣвицъ залетныхъ хоры
И всю ночь сумбуръ.
Здѣсь, въ порывѣ ликованій,
Пьетъ—и безъ стыда!—
Всѣхъ нарѣчій, состояній
И племенъ орда...
Здѣсь цыгане въ ресторанахъ
До зари орутъ;
Здѣсь въ участокъ даже пьяныхъ
Вовсе не берутъ!!..

X.

Черная рѣчка.

Здѣсь жизнь—чиновникамъ отрада,
Но вздорнымъ сплетнямъ нѣтъ границъ;

Здѣсь царство скуки, хмурыхъ лицъ;
Невольно васъ беретъ досада,
При видѣ кисленькихъ дѣвицъ
Въ аллеяхъ Строганова сада.
Свести интрижку здѣсь—бѣда!
Въ итогѣ выдетъ дѣло скверно:
За каждой дѣвой, господа,
Въ кустахъ maman слѣдитъ навѣрно...

XI.

Крестовскій садъ.

Славились здѣсь дачи
Въ оны времена,
Жизнь была богаче,
Весело-шумна.
Вамъ объ этой были
Скажетъ старцевъ рать...
Нынѣ здѣсь отъ пыли
Некуда бѣжать...

XII.

Озерки.

Нѣтъ слѣда суеты безтолковой;
Благодатный и мирный пріютъ!
Масса зелени, воздухъ здоровый
И вода—васъ невольно влекутъ.
Уголокъ, симпатичный на диво,
Для спокойныхъ людей идеалъ;
Здѣсь живется легко и счастливо,
Въ этомъ васъ увѣряетъ правдиво,
Здѣсь блаженствуя—

Старый Капралъ.

ОХОТА ВЪ ЖИЗНИ.

По волѣ капризной природы
Опять, какъ всегда во дни оны,
Дождался наши Немвроды
Желанной охоты сезона,

А въ жизни охоты примѣровъ
Замѣтите массу вездѣ вы:
Глазами стрѣлять въ кавалеровъ
Привыкли кокетливо дѣвы.

О дочкахъ своихъ неустанно
Заботясь, мамаши всѣмъ франтамъ
Ловушки, силки и капканы
Поставить умѣютъ съ талантомъ.

Левъ свѣтскій на барынь знакомыхъ
Любезностей тратитъ заряды;
Совсѣмъ незнакомъ ему промахъ,
Зане изучилъ онъ ихъ взгляды...

Въ успѣхи грядущіе вѣря,
Охотится съ рвеніемъ жаднымъ

Кокотка на рѣдкаго звѣря—
Юнца съ капиталомъ громаднымъ.

Картежникъ проводитъ упорно
Всю жизнь на «пижоновъ» въ охотѣ,
А въ нашихъ газетахъ безспорно
И «дичь» вы, и «утокъ» найдете!..

Спортсменъ.

СОДЕРЖАНІЕ № 7-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

«НАБЛЮДАТЕЛЬ».

Стран.

I. Кладъ. Романъ. (Окончаніе). Н. Ѳ. Бажина 3
II. Женскіе силуэты. Стихотворенія В. Л. Величко. . . . 55
III. Очерки средневѣковой жизни. (Оконч.) П. В. Безобразова. 58
IV. Предъ Венерой Милосской. Стихотвор. гр. П. Д. Бутурлина. 69
V. Моавъ. Разсказъ Авреліена Шолля. 70
VI. Мицкевичъ, какъ первый профессоръ славянскихъ литературъ. Н. Арепьева. 79
VII. На шахтахъ. Романъ Е. С—видова 85
VIII. Изъ старыхъ пѣсенъ. Стихотвореніе О. И. Чюминой. . . 150
IX. Долой оружіе! Романъ-хроника, Берты фонъ-Зуттнеръ. 151
X. По Сѣверному Кавказу. (Изъ путевыхъ замѣтокъ). М. Слобожанина. (Оконч.) 264
XI. Изъ дневника. Стихотвореніе А. В. Круглова 290
XII. Безпокойная дѣвушка. Разсказъ автора: «Моли Баунъ». Переводъ съ англійскаго 291

Современное обозрѣніе.

XIII. Наши внутреннія дѣла 1
XIV. Политическая хроника 13
XV. Новыя книги 26
XVI. Новое оружіе противъ еврейскаго обмана. А. П. 32
XVII. Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»). Стихотворенія: Стараго Капрала и Спортсмена. 48

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

НОВЫЯ КНИГИ

ВАЛЕРІАНА СВѢТЛОВА.

1) **КРЫМСКІЕ ОЧЕРКИ**. Около 300 страницъ. Цѣна **1** р. **25** к., на велен. бум. **1** р. **50** к. На пересылку 25 к.

2) **НОВЕЛЛЫ**. Около 500 стр. Цѣна **1** р. **50** к., на велен. бум. **1** р. **75** к. На пересылку 25 к.

Продаются въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ.

НОВЫЯ КНИГИ

А. В. КРУГЛОВА:

1) **„ГУБЕРНСКІЯ СКАЗКИ“.**

(Повѣсти изъ провинціальной жизни). Изящное изданіе, на хорошей бумагѣ. Ц. 1 р. 80 к. безъ пересылки, 2 р. съ пересылкою.

2) **„НА ИСТОРИЧЕСКОЙ РѢКѢ“.**

(Путевые негативы). Женскій Аѳонъ. — Вѣчевой городъ. Ц. 1 р. безъ пересылки, 1 р. 30 к. съ пересылкою.

Для лицъ, выписывающихъ книги прямо отъ Магдалины Ивановны Ѳедотовой (Любань, станція Ник. жел. дор.):

1-я книга—1 р. 20 к. съ пересылкою (20 к. можно марками).

2-я книга—1 р. съ пересылкою. За обѣ книги, пріобр. за разъ—2 р. съ пересылкою.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

На годъ: безъ доставки **6** р. **60** к. Съ доставкою и пересылкою по Россіи **8** руб.

Подробное объявленіе съ образцами премій высылается по требованію безплатно.

Адресъ главной конторы: Спб., Невскій, у Аничкина моста, д. № 68—40.

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ НОВАЯ КНИГА:

«ИЗЪ ИСТОРІИ НАШЕГО ЛИТЕРАТУРНАГО И ОБЩЕСТВЕННАГО РАЗВИТІЯ».

Второе, дополненное, изданіе монографій и критическихъ статей **А. П. ПЯТКОВСКАГО**, въ двухъ частяхъ (свыше *сорока* печатныхъ листовъ).

Содержаніе 1-ой части: 1) О жизни и сочиненіяхъ Д. И. Фонъ-Визина; 2) Осьмнадцатый вѣкъ въ русской исторіи; 3) Наши классики въ характеристикахъ г. Галахова; 4) О новѣйшемъ преподаваніи русской литературы и др. предметовъ; 5) Новая передѣлка карамзинской теоріи; 6) Опытъ философской разработки русской исторіи; 7) Идея гражданскаго брака въ русскомъ расколѣ; 8) Цензурный проэктъ Магницкаго; 9) Пушкинскій праздникъ въ Москвѣ.

Содержаніе 2-ой части: 1) Очерки изъ исторіи русской журналистики (отъ Петра I-го до Александра I-го, съ 1703 г. до 20-хъ годовъ текущаго столѣтія); 2) Журнальный тріумвиратъ (Сенковскій, Гречъ и Булгаринъ); 3) князь В. Ѳ. Одоевскій (литературно-біографическій очеркъ въ связи съ личными воспоминаніями); 4) О жизни и сочиненіяхъ Д. В. Веневитинова.

См. отзывы: «*Историческій Вѣстникъ*», 1889 г. № 4; «*Русская Старина*», 1889 г. № 7; «*Новое Время*», № 4634; «*Русскія Вѣдомости*», 1888 г. № 343; «*Правит. Вѣстникъ*», 1888 г. № 270; «*Всемірная Иллюстрація*» и проч.

Цѣна **2 р. 50 к.**, съ пересылкою **3 рубля**. Складъ въ главной конторѣ журнала «**НАБЛЮДАТЕЛЬ**» (Спб., Владимірская, № 6). Годовые и полугодовые подписчики журнала, желающіе получить эту книгу, добавляютъ къ подписной цѣнѣ **2 р.**

Кромѣ того, въ конторѣ журнала продаются послѣдніе экземпляры историческаго романа **Георга Эберса: СЕРАПИСЪ.** Цѣна **1 р.**, перес. за одинъ фунтъ. Романъ одобренъ ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для библіотекъ старшихъ классовъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, куда можно было бы точно адресовать книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція *не можетъ ручаться за исправную доставку журнала* и не принимаетъ на себя никакихъ хлопотъ по сношенію съ петербургскимъ почтамтомъ. 2) Если журналъ своевременно не получается подписчикомъ, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобы, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ *не позже полученія слѣдующей книги*, такъ какъ Газетная Экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. При жалобѣ должно быть приложено удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книга, дѣйствительно, не доставлена по адресу. Утраченный не по винѣ редакціи экземпляръ высылается вторично подписчику за 1 р. 50 к. 3) При перемѣнѣ адреса, необходимо присылать *старый печатный адресъ* или же его нумеръ, и при каждомъ заявленіи прилагать *пять* семикопѣечныхъ почтовыхъ марокъ за напечатаніе новаго адреса. 4) При перемѣнѣ городскаго адреса на иногородный, уплачивается *2 р.*, при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—*1 р.* Перемѣны адресовъ сообщаются исключительно въ Главную Контору редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ редакцію, благоволятъ прилагать почтовыя марки для отвѣтовъ. 6) Редакція проситъ присылать рукописи не иначе, какъ *четко* переписанными. Рукописи, признанныя неудобными къ напечатанію, хранятся не болѣе полугода и, по истеченіи этого срока,—если не будутъ вытребованы обратно,—уничтожаются. Мелкія статьи менѣе 100 листовъ писчей бумаги и стихотворенія вовсе не возвращаются. По поводу доставляемыхъ стихотвореній редакція не вступаетъ *ни въ какую переписку съ авторами*, хотя бы и были приложены марки для отвѣтовъ. Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ, должны быть приложены почтовыя марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказной бандеролью. Рукописи, доставленныя безъ опредѣленія условій гонорара, считаются безплатными или оплачиваются по усмотрѣнію редакціи. Рукописи должны быть присылаемы въ редакцію *заказными* (а не простыми) *письмами* и *бандеролями*. Рукописи, принятыя *безъ указанія срока помѣщенія*, печатаются *исключительно* по назначенію редакціи. Статьи неизвѣстныхъ редакціи авторовъ, за которыя гонораръ не былъ потребованъ *въ теченіе полугода со времени напечатанія*, признаются безплатными. 7) Контора открыта ежедневно отъ 12 до 4 час. попол., *кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней. Пріемъ въ редакціи—по четвергамъ, отъ часу до двухъ.* 8) Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются съ платою: за страницу 15 руб. и за ½ стр.—8 руб. 9) *Всякія денежныя выдачи въ Главной Конторѣ производятся только одинъ разъ въ мѣсяцъ*: **5 числа, отъ часу до 3-хъ пополудни.** Если это число приходится на праздникъ или воскресенье, то выдачи отлагаются до слѣдующаго дня. *Авансы за рукописи, хотя и принятыя, но не напечатанныя въ журналѣ, не допускаются.*

Редакторъ-Издатель А. П. Пятковскій.

ВЪ ПЕРМИ

Здѣсь царство скуки, хмурыхъ лицъ;
Невольно васъ беретъ досада,
При видѣ кисленькихъ дѣвицъ
Въ аллеяхъ Строганова сада.
Свести интрижку здѣсь—бѣда!
Въ итогѣ выдетъ дѣло скверно:
За каждой дѣвой, господа,
Въ кустахъ maman слѣдитъ навѣрно...

XI.

Крестовскій садъ.

Славились здѣсь дачи
Въ оны времена,
Жизнь была богаче,
Весело-шумна.
Вамъ объ этой были
Скажетъ старцевъ ратъ...
Нынѣ здѣсь отъ пыли
Некуда бѣжать...

XII.

Озерки.

Нѣтъ слѣда суеты безтолковой;
Благодатный и мирный пріютъ!
Масса зелени, воздухъ здоровый
И вода—васъ невольно влекутъ.
Уголокъ, симпатичный на диво,
Для спокойныхъ людей идеалъ;
Здѣсь живется легко и счастливо,
Въ этомъ васъ увѣряетъ правдиво,
Здѣсь блаженствуя—

Старый Капралъ.

ОХОТА ВЪ ЖИЗНИ.

По волѣ капризной природы
Опять, какъ всегда во дни оны,
Дождался наши Немвроды
Желанной охоты сезона,

А въ жизни охоты примѣровъ
Замѣтите массу вездѣ вы:
Глазами стрѣлять въ кавалеровъ
Привыкли кокетливо дѣвы.

О дочкахъ своихъ неустанно
Заботясь, мамаши всѣмъ франтамъ
Ловушки, силки и капканы
Поставить умѣютъ съ талантомъ.

Левъ свѣтскій на барынь знакомыхъ
Любезностей тратитъ заряды;
Совсѣмъ незнакомъ ему промахъ,
Зане изучилъ онъ ихъ взгляды...

Въ успѣхи грядущіе вѣря,
Охотится съ рвеніемъ жаднымъ